

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 12, выпуск 9, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 9, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 9, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
	Языкознание	
География авторов выпуска	Балашов	Нальчик
	Барнаул	Нижний Новгород
	Владикавказ	Пятигорск
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Иркутск	Саранск
	Казань	Харбин (Китай)
	Кемерово	Циндао (Китай)
	Краснодар	Черкесск
	Липецк	Элиста
	Мирный	Якутск
	Москва	
Авторы, имеющие ученую степень	78 %	

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 9, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Жолобов О. Ф. Контрасты квантификации лексических рядов <i>постъ</i> , <i>поцение</i> , <i>поститися</i> — <i>алкание</i> , <i>алчба</i> , <i>алкати</i> в древнерусских рукописях (на материале исторического корпуса «Манускрипт»).....	9
Захарова Л. О. Современная языковая ситуация в селе Себян-Кюёль Кобяйского района Республики Саха (Якутия).....	27
Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л., Афанасьева Е. Н. Лексическая репрезентация семиотики запаха в картине мира якутского языка	44
Курилова С. Н. Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров.....	60
Моргоева Л. Б. Явление функциональной омонимии в осетинском языке	77
Хруненкова А. В. Учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка : определение и проблема формирования словарика.....	97
Шаклеин В. М., Гуань Ци, Сунь Дамань. Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции	117

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

Гукосьянец О. Ю. Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии	142
Захаров Р. И. Лингвосемиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе	162
Терентьева Е. В., Павлова Е. Б. Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов	184

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Васильев В. Е., Сатанар М. Т. Исторические истоки кругового танца оһуохай : структура, семантика, символика	208
Корякина А. Ф. Олонхо Олекминского района XIX и XX веков : традиции и трансформации.....	228
Кураев И. Р., Трушкина А. П. Актуализация телесного аспекта как способ реконструкции соцреалистического дискурса в романе «Библиотекарь» М. Елизарова.....	245
Мельникова Л. А. Образ «падшей женщины» в романах Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» : сравнительный анализ	265

Меняев Б. В. Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения»	281

Хромов С. С., Герасимова С. В., Пищулина И. А. Моцарт А. С. Пушкина и князь Мышкин Ф. М. Достоевского : проблема двойного кодирования	300

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абазов А. Х. Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков : нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности	321

Бородина Е. В., Цеменкова С. И. Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 гг.)	339

Воробьев С. В. Екатеринбург (Свердловск) в годы нэпа : организация системы городской власти	372

Емтыль З. Я. Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века	390

Карпинец А. Ю., Пьянов А. Е. Шахтёрский город Кузбасса Прокопьевск в первой половине 1930-х годов : проблемы быта горняков и благоустройства нового города (по материалам местной периодической печати)	409

Куликов С. В. Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года	426

Недзельюк Т. Г. Пенсионное обеспечение мусульманского духовенства в азиатской части Российской империи (XIX — начало XX веков)	449

Санникова Я. М. Домашнее оленеводство в арктических районах Якутии во второй половине 1990-х годов : опыт принятия решений социально-экономических проблем отрасли	464

Сюй Жуйлинь, Колегов С. С. Турецко-российские отношения в XXI веке : проблемы развития	482

Фидарова К. К., Хаблиева Л. Ч., Калабекова С. В. Трудовая мобилизация в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны	497

Шевченко И. А., Земцов Л. И. Борьба за трезвость в России начала XX века : дискуссия вокруг слабоалкогольных напитков	517

АВТОРАМ	533

CONTENTS	539

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анна Валентиновна Хруненкова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Виктор Михайлович Шаклеин, д-р филол. наук (Москва)

Гуань Ци, аспирант (Москва)

Евдокия Николаевна Афанасьева, канд. филол. наук (Якутск)

Лариса Батразовна Моргоева, канд. филол. наук (Владикавказ)

Лиалко Олеговна Захарова, младший научный сотрудник (Якутск)

Олег Феофанович Жолобов, д-р филол. наук (Казань)

Раиса Петровна Иванова, канд. филол. наук (Мирный)

Самона Николаевна Курилова, канд. филол. наук (Якутск)

Сунь Дамань, профессор (Хуадун, Циндао, Китай)

Татьяна Леонтьевна Верхотурова, д-р филол. наук (Иркутск)

Информация для цитирования:

Жолобов О. Ф. Контрасты квантификации лексических рядов *постъ, пощение, поститися* — *алkanie, алчба, алкати* в древнерусских рукописях (на материале исторического корпуса «Манускрипт») / О. Ф. Жолобов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-9-26.

Zholobov, O. F. (2023). Contrasts of Quantification in Lexical Series ‘Post, Poschenie, Postitisya — Alkanie, Alchba, Alkati’ in Old Russian Manuscripts (Historical Corpus ‘Manuscript’). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-9-26

Контрасты квантификации лексических рядов *постъ, пощение, поститися* — *алkanie, алчба, алкати* в древнерусских рукописях (на материале исторического корпуса «Манускрипт»)

Жолобов Олег Феофанович
orcid.org/0000-0002-7178-1890
доктор филологических наук,
профессор
кафедры прикладной
и экспериментальной лингвистики
ozolobov@mail.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 20-18-00206

Contrasts of Quantification in Lexical Series ‘Post, Poschenie, Postitisya — Alkanie, Alchba, Alkati’ in Old Russian Manuscripts (Historical Corpus ‘Manuscript’)

Oleg F. Zholobov
orcid.org/0000-0002-7178-1890
Doctor of Philology, Professor,
Department of Applied and
Experimental Linguistics
ozolobov@mail.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 20-18-00206

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведен анализ распределения лексем синонимических рядов *постъ*, *поще-ние*, *поститися* и *алkanie*, *алчба*, *алкати* в древнерусской письменности. В основу исследования были положены корпусный и квантитативный подходы. Были впервые установлены контрасты квантификации указанных лексических рядов на материале исторического корпуса «Манускрипт». Рассматривались данные четырех подкорпусов — Евангелия, Апостола, Паримейника и летописей. Было установлено, что синонимические отношения лексических рядов складываются только в полноапракосном Евангелии. В служебном Четвероевангелии и краткоапракосном Евангелии употребляются только лексемы первого ряда, а лексемы второго ряда имеют значения 'голод', 'голодать'. Лексемы первого ряда сохраняются также в кирилло-мефодиевском переводе Апостола. В преславском по происхождению переводе Толстовского Апостола XIV века лексемы первого ряда последовательно заменяются лексемами второго ряда. Подкорпус Паримейника, древнейший перевод которого имеет кирилло-мефодиевское происхождение, противопоставлен текстам других подкорпусов отсутствием лексем второго ряда в значениях 'постъ', 'поститься' во всех редакциях. Повесть временных лет доказывает раннее закрепление в древнерусской традиции лексем первого ряда. Количественный контраст наблюдается в Суздальской летописи, где представлены, в отличие от других летописей, лексемы обоих рядов.

Ключевые слова:

лексический ряд; древнерусские рукописи; пост; поститься; алkanie.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents an analysis of the distribution of lexemes from synonymous series 'post', 'poschenie', 'postitisya' and 'alkanie', 'alchba', 'alkati' in Old Russian manuscripts. The study is based on a corpus-based and quantitative approach, using the historical corpus 'Manuscript'. The contrasts of quantification of the mentioned lexical series were first established in the study. The data from four sub-corpora — Gospels, Apostle, Parimeynik and chronicles were considered. It was found that synonymous relationships of lexical series are present only in the full-aprakos Gospel. In the service Four-Gospel and short-aprakos Gospel, only lexemes from the first series are used, while lexemes from the second series have meanings of 'hunger' and 'to hunger'. Lexemes from the first series are also preserved in the Cyril-Methodius translation of the Apostle. In the Preslav translation of Tolstovsky Apostle from the 14th century, lexemes from the first series are consistently replaced by lexemes from the second series. The Parimeynik sub-corpus, whose oldest translation has Cyril-Methodius origin, is contrasted with texts from other sub-corpora by the absence of lexemes from the second series in the meanings of 'fast' and 'to fast' in all editions. The Tale of Bygone Years proves the early establishment of lexemes from the first series in Old Russian tradition. A quantitative contrast is observed in the Suzdal chronicle, where, unlike other chronicles, lexemes from both series are presented.

Key words:

lexical series; Old Russian manuscripts; fast; to fast; hunger

УДК 811.161.1'04+81'373.421

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Контрасты квантификации лексических рядов *постъ, пощение, поститися* — *алкание, алчба, алкати* в древнерусских рукописях (на материале исторического корпуса «Манускрипт»)

© Жолобов О. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

Лексемы *постъ*, с одной стороны, и *алъканиѣ*, *алъчѹба*, с другой стороны, в старославянском, а затем и в древнерусском языке образуют синонимический ряд при переводе греч. ἡ νηστεία ‘пост’, лексемы *поститися* и *алъкати* образуют такой же ряд при переводе греч. νηστεῖω ‘поститься’ [SJS, t. I, s. 27—28; t. III, s. 200, 203; СДРЯ, т. I, с. 80—82; т. VII, с. 301, 312—313]¹. Ряды сформированы парами лексических дублетов, первый член которых восходит к кирилло-мефодиевскому переводу, унаследованному западно-болгарской, охридской школой книжности, а второй — к восточно-болгарскому типу перевода, введенному преславской книжной школой. Лексема *постъ* является заимствованием из древневерхненемецкого *fasto* и своим происхождением, по-видимому, связана с моравскими славянами и моравской миссией первоучителей славян (см. [Фасмер, т. III, с. 340—341]), в связи с чем К. А. Максимович относит это слово к моравизмам [Максимович, 2005, с. 141]. Лексема известна всем славянским языкам. Глагол *поститися* — деноминативное образование при существительном *постъ*. Наряду с данным существительным выступает отглагольное образование *пощение* [SJS, t. III, s. 230; СДРЯ, т. VII, с. 418—419]. Синонимический ряд расширяется за счет пары, образуемой причастием от глагола *алъкати* и прилагательным *алъчѹнъ* со значениями ‘голодный’, ‘постящийся’ [СДРЯ, т. I, с. 83]². Если лексемы *постъ*, *поститися* в старославянском являются моносемичными, то *алъканиѣ*, *алъкати*, помимо вторичных значений ‘пост’, ‘поститься’, ‘постящийся’, имели исходные значения ‘голодание’, ‘голодать’, а в древнерусской письменности с двумя значениями выступают также преславизмы *алъчѹба* ‘голод’, ‘пост’, *алъчѹнъ* ‘голодный’, ‘постящийся’. Уже в Евангелии у *алъкати*, как и в греческом, появляется переносное

1 Редуцированный в *алъкати* и др. лексемах является неорганическим и рано утрачивается.

2 В старославянском словаре существительное *алъчѹба* отмечено только в значении ‘пост’, а прилагательное *алъчѹнъ* зафиксировано только в значении ‘голодный’ (SJS I: 28–29).

значение ‘желать чего-либо’ в результате генерализации (абстрагирования) семы ‘жаждать, желать’, присутствовавшей изначально в структуре значения ‘голодать = жаждать еды, желать есть’ (см. ниже), однако это значение не отмечено в [SJS] и в [СДРЯ], вероятно, из-за его контекстуального характера. Значение ‘сильно желать, стремиться к чему-либо’ зафиксировано в «Словаре русского языка XI—XVII веков» в источнике лишь XVII века [СлРЯ, вып. 1, с. 29]. Семантической параллелью к *алзкати* в старославянском является глагол *жадати* ‘испытывать жажду, жаждать’, у которого значение ‘жаждать, желать, ожидать чего-либо’ выделяется как самостоятельное [SJS, t. I, с. 619]. Неслучайно лексемы *алзкати* и *жадати* (в древнерусском *жадати*) нередко соседствуют в тексте (см. ниже).

Лексема *алзкати*, как и другие языковые единицы, связанные с корнем *алзк-*, были представлены и в кирилло-мефодиевских переводах, но только в значениях ‘голодать’, ‘голодный’ и под. [Милтенов, 2006, с. 172].

В древнерусских источниках встречаются оба члена дублетных пар, и, таким образом, они находятся в отношениях конкуренции (см. ниже). Если лексемы *пост* и *поститься* сохранились в современном русском языке в исходном значении, то лексемы *алкать*, *алчба* в академическом словаре русского языка характеризуются как книжные устаревшие и фиксируются с измененной семантической структурой, а слово *алкание* отсутствует. Глагол отмечается в следующих значениях: 1. ‘Чувствовать голод’, 2. ‘Сильно желать чего-либо’ [Словарь, т. 1, с. 32]. Существительное *алчба* в словаре семантически уравнивается со словом *алчность*, производным от прилагательного *алчный*, с коренным образом трансформированной семантической структурой: 1. ‘Жадный к еде’ (устаревшее), переносное значение ‘страстно желающий чего-либо, стремящийся к чему-либо’, 2. ‘Жадный к наживе, приобретению, корыстный’ [Словарь, т. 1, с. 33]. Тенденция к семантической трансформации наметилась в древнерусский период.

В статье впервые рассматривается контрастное количественное распределение членов лексических рядов с названными выше лексемами в конкретных источниках. Отдельно описывается группа лексем *лакомъ*, *лакомиѣ*, *лакомьство*, восходящих к корню **olk-*, с которым этимологически связан также лексический ряд *алзкати*, *алзканиѣ*, *алъчѣба*, *алъчѣнь*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Наиболее значимыми для истории русского литературного языка были такие богослужебные тексты, как Евангелие, Апостол, Паримейник, которые были постоянно на слуху. Важны также показания летописей, в которых книжный язык обрабатывался и соединялся с народно-разговорным¹.

1 В. М. Живовым язык летописей характеризуется как «основная составляющая гибридной письменной традиции» [Живов, 2017, с. 250].

Далее используется материал машиночитаемых изданий, размещенных на портале «Манускрипт» (см. список источников): подкорпус Евангелий — Архангельское Евангелие 1092 года (далее — АЕ), Симоновское Евангелие 1270 года (СЕ), Типографское Евангелие XII века (ТЕ); подкорпус Апостола — Христинопольский Апостол XII века (ХА), Толстовский Апостол XIV века (ТА); подкорпус Паримейника — Лазаревский Паримейник XII века (ЛП), Захариинский Паримейник 1271 года (ЗП), Козминский Паримейник 1312—1313 годов (КП); подкорпус летописей — Лаврентьевская летопись 1377 года (ЛЛ), Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (ПВЛ-ЛЛ, охватывает события с 852 по 1110 годы), Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (СЛ, охватывает события с 1111 по 1304 годы), Ипатьевская летопись ок. 1425 года (ИЛ), Повесть временных лет по Ипатьевскому списку (ПВЛ-ИЛ, охватывает события с 852 по 1117 годы), Киевская летопись по Ипатьевскому списку (КЛ, охватывает события 1118—1200 годов), Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (ГВЛ, охватывает события 1201—1291 годов). В статье привлекаются также данные исторических и этимологических словарей.

В историческом корпусе «Манускрипт» интернет-издания текстов сопровождаются модулями онлайн-указателей, что позволяет эффективно использовать корпусный и количественный подходы, проводить в том числе сплошную выборку любых форм. В статье эпизодически также применяются сравнительно-исторический и лингвотекстологический методы. Корпусный подход в диахронических исследованиях стал применяться недавно (см. [Масевич и др., 2016]), что объясняется сложностью создания исторических корпусов, которые получили развитие только в последнее время.

Лексические ряды *постъ*, *поцѣнїе*, *поститисѧ* — *алѣканиѣ*, *алѣѣба*, *алѣкати* получили в научной литературе характеристику в качестве вариантов кирилло-мефодиевских и преславских переводов, а также как текстологическая примета отдельных текстов (см. [Милтенов, 2006, с. 172; Пенкова, 2008, с. 24; Славова, 1989, с. 88—89; Тасева и др., 2006, с. 416—417; Jagić, 1913, S. 382; Voss, 1996, S. 101]). В статье [Voss, 1996] были приведены количественные данные распределения лексем рассматриваемых рядов в древнеславянских списках перевода Паренесиса Ефрема Сирина. Первые опыты корпусного и количественного описания некоторых лексических рядов в связи с семантической трансформацией представлены в статьях [Жолобов и др., 2021; Жолобов и др., 2022; Жолобов, 2022]). Корпусное и количественное изучение лексических рядов *постъ*, *поцѣнїе*, *поститисѧ* — *алѣканиѣ*, *алѣѣба*, *алѣкати*, как и описание их трансформации в ряде важных источников и в диахронической перспективе в целом, ранее не предпринималось.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Подкорпус Евангелия

В названных выше списках Евангелия наблюдается следующее соотношение лексем (для *алзкати*, *алзъынъ* указываются два количественных показателя в соответствии с первичным и вторичным значениями; существительных того же корня в Евангелиях нет). Результаты количественного анализа распределения лексических вариантов приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Распределение лексем в подкорпусе Евангелия

Лексемы	ТЕ	АЕ	СЕ
постъ	7 ¹	7 ²	4 ³
поститиса	13	5	4
алзкати	4 ⁴ /0	4/0	4/11 ⁵
алзъынъ	0/0	1/0	3/0

Наиболее выразительный контраст наблюдается в употреблении глагола *алзкати* ‘поститься’: если в полноапракосном СЕ глагол с этим значением встречается десять раз, то в служебном четвероевангелии — ТЕ и в краткоапракосном АЕ такое употребление отсутствует. См.:

(1) Тъгда пристѣпи/ша къ немѣ оученици иѡѡнови глѣце по / что мзи и фарисей / *постимъса* много / а оученици твои не / *постатьса* и ѿ не имѣ / ѿ еда могутъ снѣвѣ / брачїи *постити/са* до нѣдеже съ ни/ми естъ женихъ / *придѣтъ* же дньи / *и* егда ѡнметѣ ѡ ни / хъ женихъ и тѣгда / *постатьса* [ТЕ 16.2.2-17.1.1]¹ (Матфей 9: 14—15).

vs.

Въ ѡнѣ пристопиша (так!) / къ сеѣи оученици иѡ / ѡнови глѣце по что мзи / и фарисѣи *алзѣмъ* / много а оученици твой / не *алзѣють* и ѿ не имѣ / ѿ еда могутъ снѣвѣ / чъртожъ/ника желѣти до нѣде / с ними естъ женихъ / *придоуть* же дньи / *и* егда ѡнметѣ ѡ нихъ не вѣсть / /никъ и тѣгда же *вззалз/чѣють* [СЕ 27.2.1-2].

(2) И ба/ахъ оученици иѡѡно/ви и фарисеици *постА/цѣса* и *придоша* и реѣ/ша немѣ по что оученици иѡѡнови и фарисеици *постатьса* а тво/и оученици не *постА/тѣса* и реѣ имѣ ѿ еда / могутъ снѣвѣ брачїи/и *поститиса* до нѣде/же съ ними естъ женихъ / *и* велико вѣрѣмѣ съ / собою имѣть жениха / не имѣть *постити/са* *придѣтъ* же

1 Из них 4 в указателе чтений.

2 Из них 4 в указателе чтений.

3 Из них 1 в указателе чтений.

4 Включая один контекст с переносным значением.

5 Включая словоформу *вззальчѣють*.

6 Первая цифра означает номер листа, вторая — лицевую (1) или оборотную (2) сторону листа, третья — столбец.

дѣныѣ // ѿгда ѿиметсѧ ѿ нѣхъ / женихъ и тѣгда поста/тѣа въ тѣи дѣни [ТЕ 63.1.1-2] (Марк 2: 18—20)

vs.

Въ ѿно бѣаху оучени/ци и ѿдѣнови и фари/сѣити алзѣюще / придоша и глѣша иѣ/моу почто оучени/ци и ѿдѣнови и фари/сѣити алзѣють а тво/и оученици не алзѣють / и ѿ ѿимѣ гѣз ѿгда могу/тъ / снѣбѣ брачѣнни алкати / дондеже с ними иѣсть же/найса иѣлико вѣрѣма съ со/боѣ имоу/тъ женацагоса / не могу/тъ алкати при/доу/тъ же дѣныѣ ѿгда ѿи/метсѧ ѿ нѣхъ женайсѧ / и тѣгда алзѣють въ тѣи дни [СЕ 50.1.2].

(3) еда можете снѣз/ брачѣнни дондеже же/нихъ несть съ ними створ/ити поститисѧ при/доу/тъ же дѣныѣ ѿгда ѿи/тъ / боудѣтъ ѿ нѣхъ женихъ / и тѣгда постатсѧ въ тѣи дѣни [ТЕ 105.1.1] (Лука 5: 34—35)

vs.

ѿгда/ можете снѣз брачѣнни / дондеже женайсѧ иѣсть/ съ ними створити алка/ти придоу/тъ же дѣныѣ / ѿгда ѿи/тъ боудѣтъ ѿ нѣхъ женихъ тѣгда алзѣють въ тѣи дѣни [СЕ 66.2.2].

В следующем контексте глагол алзкати приобретает переносное значение ‘(сильно) желать’:

(4) Блажени алзѣущи-и/ жажущи правѣдѣз / ѿко ти насѣтѣтѣа [ТЕ 8.1.2] (Матфей 5: 6); Блажн алзѣюще и жажуще / правѣдѣз ѿко ти насѣтѣтъ [СЕ 24.1.2].

У глагола жадати, причастная форма которого в контексте находится рядом с причастием глагола алзкати, в древнерусском словаре отмечается вторичное значение ‘жаждать, желать’ наряду с исходным ‘испытывать жажду’ [СДРЯ, т. III, с. 227].

Отмеченное выше контрастное распределение лексем и возникшее синонимическое варьирование обусловлены сложной историей Евангелия — от кирилло-мефодиевского Евангелия тетр с лекционарными указателями (см. [ТЕ]) к краткому апракосу (см. [АЕ]) со спорадическим введением преславских лексем, а затем полному апракосу (см. [СЕ]), в котором круг преславской лексики расширяется при сохранении в ряде случаев первоначального перевода (см. [Пентковский, 2019, с. 106—110]). См. отсутствие замены как в кратком, так и в полном апракосе:

(5) ѿгда же пости/тѣа не бѣѣте ѿко лицѣмѣри съ/тѣющеа просмражають бо лица / своѧ да бѣиша сѧ иѣвили члѣкмъ поста/щѣа аминъ глѣо вамъ ѿко възпри/мѣтъ мѣздоу свою ты же поста/сѧ / помажи главѣ свою и лице свое оу/мѣи да не иѣвишиа члѣкмъ поста / нъ оцѣо твоѣмъ иже естъ въ тѣинѣ [АЕ 76.2.1] (Матфей 6: 16—18),

а также:

ѿгда же поститѣа не боудѣ/те ѿко лицѣмѣри съдоующе (так!) / просмражають бо лица своѧ / да бѣиша сѧ иѣвили члѣкмъ по/стащѣа аминъ глѣо вамъ ѿко

оудалати́ть мьздоу своѡ / тѣ же поста́са помажи гла/воу своѡ и лицѣ своѡ оумъи / да не ѡвиши́са члвкъмъ поста/са нъ ѡцѡ твоѡмоу иже ѡстѣ / въ тайнѣ [СЕ 111.2.2].

В указаниях чтений, включая месяцесловные, употребляется исключительно слово *постъ*, что свидетельствует о его закреплении в лексиконе древнерусского языка. На этот процесс, безусловно, повлияло терминологизированное выражение *великъи, сватъи постъ*; см.:

(6) ѡ пантисости́а до вели/кааго поста [АЕ 24.2.1]; Нѣ по въздви́жении ици нѣ ·҃҃· поста 130.1.1; ѡ нѣ поста 138.1.1; Юца тѣ въ·ка·стѣо мѣнка фокъи пѣ/соу ·ѡ· поста 169.2.1; ѡ пентисости́а до / великааго поста [ТЕ 177.1.1]; Научатъкъ еуа́нгелиемъ ѡж / тнѣимъ и пѣлѣи стѣо поста 185.1.2; ици нѣ ·҃҃· поста 194.1.2; нѣ ·ѡ· поста 194.2.1; соу ·ѡ· ПОСТА [СЕ 111.2.2].

Слово *постъ* тесно связано со словом *молитва*; см.:

(7) родъ же съ не исходи/тъ тѣкмо мѣтвое и постъмъ [АЕ 38.1.1] (Матфей 17: 21); съ родъ не можетъ ни҃чи/мъже изити тѣкмо моли/твое и постъмъ [АЕ 82.1.1]; по/стъмъ и мѣтвми слоужащи / ноцѣ и днѣ [АЕ 157.1.1] (Лука 2: 37) и под.

В кратко- и полноапракосных текстах отмечается варьирование причастия и прилагательного со значением ‘голодающий, голодный’, а также контекстуальная связь с глаголом *жадати* и прилагательным *жадынъ*:

(8) гѣ кѣгда та видѣхомъ а́лчюца и/ накръмьихомъ [АЕ 74.2.1] (Матфей 25: 37); гѣ кѣгда та видѣхомъ а́лчюца и́ли жажюца [СЕ 124.1.1] (Матфей 25:44) и др. vs.

гѣ кѣгда / та вѣдѣхомъ а́лчю́на и напита/хомъ [АЕ 85.2.1]; гѣ кѣгда та видѣхомъ а́лчю́на и́ли жады́на [СЕ 106.2.2] и др.

3.2. Подкорпус Апостола

Яркий контраст в количественном распределении лексических рядов наблюдается также в подкорпусе Апостола наряду с расширением состава рядов. Результаты количественного анализа распределения лексем приведены далее (табл. 2).

Таблица 2

Распределение лексем в подкорпусе Апостола

Лексемы	ХА	ТА
постъ	2	0
постигиса	2	0
пощение	3	1
а́лчкати	5/0	3/3
а́лчкание	0	0/5
а́лчъ	1/0	0
а́лчю́нъ	1/0	2/0

Если [ХА] отражает древнюю редакцию Апостола, то [ТА] — пример преславского редактирования, при котором лексемы *постъ*, *поцение* и *поцитиса* последовательно заменяются на *алъкание* и *алъкати*. См.:

(9) ѿ четвъртаго часа дѣ/не до сего часа бѣхъ *постаса* [ХА 3.2.1] (Деяния 10: 30)

vs.

ѿ четвертѣ/го часа днѣ до сего ѿа бѣхъ *а/лча* [ТА 70.1.1];

(10) слоужащимъ / же имъ гѣи рече *дхъ стѣзи* ѿлоу/чите ми оубо варнавоу и саоула / на дѣло на неже призвахъ іа тѣ/гда *поцыхсеса* и помолыхсеса и/ възложыше рукы на нѣа ѿпоусти/ша іа [ХА 8.2.1] (Деяния 13: 2—3)

vs.

Служащимъ же имъ гѣи и *алю/цимъ* рече *дхъ стѣзи* ѿлу/чите / ми оубо варнаву и саоула на / дѣло на неже призвахъ іа то/гда *алкавше* и молишася / и възложивше рукы на на пу/стиша [ТА 71.2.2];

(11) моляша же са съ *постъмъ* прѣ/даста іа гѣи [ХА 16.2.1] (Деяния 14: 23)

vs.

молившася съ *алканиёмъ*/ предъстоѣ гѣи [ТА 73.1.2];

(12) да прѣ/здыноуєте въ *поцении* и // въ млтѣвѣ [ХА 159.2.1-2] (1 Коринфянам 7: 5)

vs.

да празнуєте въ *а/лкани*-и въ млтѣвѣ [ТА 13.2.1];

(13) въ трюдѣхъ въ забѣдѣни/ихъ въ *поцениихъ* въ ѹице/нии [ХА 193.1.1] (2 Коринфянам 6: 5);

vs.

въ трюдѣхъ/ въ забѣдѣниихъ въ *алкани*/ въ ѹтении [ТА 21.1.2];

(14) въ *поцениихъ*/ мѣножицею [ХА 203.2.1] (2 Коринфянам 11: 27)

vs.

въ *алкани*/и многашѣзѣ [ТА 23.2.2].

В одном случае параллельный текст со словом *алканиё* ‘пост’ в [ХА] отсутствует:

(15) сущѣ же съ/блѣзньну пловениѡ имъже и/ *алканиё* оуже минуло бѣѡ/ше [ТА 82.2.1] (Деяния 27: 9).

Евангелие и Апостол, таким образом, способствовали расширению лексических рядов и формированию конкурентного варьирования лексем.

3.3. Подкорпус Паримейника

Списки Паримейника разных редакций, в отличие от Евангелия и Апостола, единообразны и не содержат контраста в распределении рассматриваемых лексем. ЛП принадлежит к древнейшей редакции, ЗП — к Захариинской, а КП — к Козминской редакции (о редакциях см. [Пичхадзе 1991, с. 151—157]; о создании параллельного корпуса см. [Баранов и др., 2022]).

Нужно заметить, что такое единообразие не относится к другим дублетным парам лексем в Паримейнике.

Небольшие количественные отличия объясняются тем, что во всех рукописях имеются лакуны из-за утраченных листов. Паримейник представляет архаичную картину с полным преобладанием кирилло-мефодиевских лексем *постъ* и *поститиса*, а также нового отглагольного существительного *пощение*. Результаты количественного распределения лексем представлены в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Распределение лексем в подкорпусе Паримейника

Лексемы	ЛП	ЗП	КП
постъ	8	8	5
поститиса	2	2	3
пощение	2	4	1
алькати	2/0	4/0	5/0
альчнь	0	1/0	0

Мефодиевский перевод избранных ветхозаветных чтений в Паримейнике отличается от более позднего преславского перевода Ветхого Завета, который использовался, в частности, в летописи (см. ниже). Восточно-болгарские переводы толковых текстов также последовательно заменяют кирилло-мефодиевские варианты (см., например, [Илиев, 2017, с. 423]: алканіе *υποστεια* ‘пост’ в переводе толкований Ипполита Римского на книгу пророка Даниила (20: 3, 29: 2), которые переписывались затем на Руси.

3.4. Подкорпус летописей

В списках летописей наблюдается выразительный контраст в распределении членов лексических рядов. Результаты см. в таблице (табл. 4).

Таблица 4

Распределение лексем в подкорпусе летописей

Лексемы	ПВЛ-ЛЛ	ПВЛ-ИЛ	СЛ	КЛ	ГВЛ
постъ	13	21	2	5	0
поститиса	5	5	0	0	0
пощение	8	7	0	0	0
АЛЪКАТИ	0	0	0/3	0	1/0
АЛЪКАНИЕ	0	0	0/4	0	0
АЛЪУЪБА	0	1/0	0/1	0	0
АЛЪУЪ	1/0	0	0	0	0
АЛЪУЪНЪ	0	0	2/0	0	1/0

[ПВЛ-ЛЛ] и — в расширенной версии — [ПВЛ-ИЛ] выделяются относительно большим количеством лексем *постъ*, *поститиса*, *пощение*, что свидетельствует о раннем закреплении этих слов в древнерусском лексиконе¹.

Вместе с тем нужно заметить, что большое количество лексем первого ряда в Повести временных лет обусловлено в первую очередь составом летописи, включающей рассказ о становлении Киево-Печерского монастыря и его основателях, прежде всего о Феодосии Печерском. В Повести временных лет приводится и поучение Феодосия Печерского с апологией поста (и *поучиѣвъ ихъ како про/водити постное время* [ПВЛ-ЛЛ 62.1.1]). В этом фрагменте с наибольшим числом лексем *постъ*, *пощение* и *поститиса* представлен также дериват *постызни* ‘относящийся к посту, постный’; см.:

(16) и тако проводи/ти *постъ* глѣть бо сице *яко* / *бъ* далъ *и*сть *намъ* *м* *д*ни / Сию на *учищные* *д*ни се бо / *и*сть *десатина* *да*ема *ѡ* *тѣ*/ла *б*у *д*ни бо *е*сть *ѡ* года *до* / года *ѣ*и *и* *ѣ*а *ѡ* *си*хъ / *д*ни *десат*ни *д*нѣ *в*зъд/а*ти* *б*гви *десат*ну еже *е*/сть *постъ* *м* *т*ни в *на*же / *д*ни *учи*стившиса *д*ша *пр*а/з*д*ну*етъ* *свѣ*тло на всѣрн/*е* *г*не *весела*чиса *ѡ* *б*гѣ *по*/стное бо *в*ре*м*а *учи*ща*етъ* / *о*умъ *ч*лвкы *по*щные бо *и*/сперва *пр*евбражено *б*зи *а*/дамъ *пер*вое не *в*кушати / *ѡ* *д*рева *ед*ино*го* *постивъ* / бо *са* *мо*иси *д*ни *м* *сп*о/добиса *при*ати *з*аконъ на / *г*орѣ *сина*истѣ и *в*идѣвъ / *с*лаву *б*жью *постомъ* *са*мо/ила *м*ти *ро*ди *постившес*а / *ни*невгитане *г*нѣва *б*жъ/а *из*бвиша *постившес*а *д*а/нилъ *в*идѣныа *в*елика *сп*о/добиса *постивъ*са *и*лыа *а*кы / на *н*бо *в*затъ *б*зи в *пи*щу *поро*/дн*ю* *постившес*а *г* *в*т*ро*/ци *у*гасиша *си*лу *в*гн*н*ю / *постивъ*са *и* *г*ъ *м* *д*ни : ~ / *На*мъ *по*каза*а* *постное* *в*рем*ь* / *п*остомъ *а*п*л*и *и*скориша (так!) *б*г/совское *о*ученье *постомъ* / *я*виша*са* *ѡ*ци *на*ши *а*кы *свѣ*/тила в *ми*рѣ *и*же *си*аю*тъ* / и *по* *с*м*р*ти *по*каза*в*ше *т*рудъ/ *в*еликыа *и* *в*здержаные / *я*ко *се* *в*еликыи *ан*тони*и* / и *ео*удими*и* и *са*ва и *про*/чи*и* *ѡ*ци *и*хже *м*зи *п*оревну/емъ *б*ра*а* [ПВЛ-ЛЛ 62.1.2-62.2.1].

Неслучайно *постъ* и *пощение* далее упоминаются в кратком рассказе о Феодосии Печерском и в панегирике ему:

(17) а *во* *и*ны *д*ни *пр*е/бываше в *постѣ* и в *м*лтвах [ПВЛ-ЛЛ 62.2.1]; *по*щеньемъ *пр*евозв*ы*ш*ь*са [Там же, 71.1.2].

Во втором контексте допустимо видеть значение ‘аскетический образ жизни’, которое было известно по переводной литературе (греч. ὁσκησις) (см. [СДРЯ, т. VII, с. 418])².

Указание дней и недель великого поста используется для датировки событий, что подтверждает важность именно значения ‘великий пост’ в узальном закреплении лексемы *постъ*; см.:

1 В ПВЛ-ЛЛ утрачено несколько листов.

2 Об аскетизме Феодосия Печерского см. [Топоров, 1995, с. 658—667].

(18) и преда/сть дѣю своѣ мѣа февраля / въ ·ѿ· в субботу· ·ѿ· не поста [ПВЛ-ИЛ 60.2.1]; и прииде вачьсла // въ оу четвертокъ по фѣдору/вой недѣлѣ поста [Там же, 87.2.1-2]; и пойдоша въ ·ѿ· недѣлю поста 99.2.1; Взять же бѣи киевъ мѣа / марта въ·ѿ·въ вторѣ не//дѣли поста [КЛ 194.2.1-2]; положи/ша и въ монастыри въ/ сѣмь андрѣи мѣа фе/врала въ еи·днь въ пе/рвую недѣлю поста / в субботу [Там же, 195.2.2].

[ГВЛ] как наиболее светская летопись отличается отсутствием слов со значениями ‘пост’ и ‘поститься’.

Второй ряд лексем в Повести временных лет, как и в других летописях, почти полностью отсутствует, чем эти летописи контрастно противопоставлены [СЛ]. Данная летопись выделяется существенным количественным весом лексического ряда алъкати ‘поститься’, алъкание и алъчѣба ‘пост’, что чуждо другим летописям.

Почти целиком этот ряд представлен в [СЛ] в цитировании, однако не в паримейном переводе, а в восточно-болгарском переводе ветхозаветных книг. Эти чтения в летописи и в Паримейнике контрастно противопоставлены использованием двух разных лексических рядов для обозначения поста и пощения; см.:

(19) глѣть бо к ѿа ісѣіємъ прѣркъмъ / глѣ что іако алкахѣ и оузрѣ / и смѣрихѣ дѣла наша и не оу/вѣдѣ и в дѣи бо алканыхъ ва/шего вѣрѣтаете своѣ волю/ и повинныхъ своѣ томите / в пра и в сварзі алчете и бы/ете пастыѣ смѣреннаго въ/скую ми тако алчете · глѣмъ / възпѣте ко мнѣ а дѣла не/подобнаѣ дѣлаюти ни то а//лканьє азъ извѣра и в дѣнь во ны/же смѣритъ члѣкъ дѣю своѣ / аще преклониши възно своѣ и/іаригъ и поплѣ постелеши ꙗко / совою то и то не наречется алк/ньє приаѣ бѣомъ не таково бо/ алканыхъ извѣра глѣ ꙗ [СЛ 138.2.2-139.1.1] (Исаия 58: 3—5)

vs.

глѣще чѣ/то ако постихомъ/са и не видѣ сѣмѣри/хомъ дѣла наша и не / разоумѣ въ дѣи бо / поста вашего вѣрѣ/таете вола ваша и/ вса иже соутъ подѣ/ роукѣми ва/шими/ пѣхаете аще въ соу/дѣи и въ сварзі по//ститеса и бѣете пѣ/хающе сѣмѣреннаго / възскоую милости/теса ако дѣнь оуслѣ/шаноу бѣгити възпѣ/мъ гласоу вашему / не сего поста азъ извѣ/рахъ и дѣне сѣмѣри/ти члѣкоу дѣю сво/ю ни аще сѣлачѣши/ ако кроугъ възно сво/ю и вѣртище и попе/лѣ постелеши ни та/ко наречется постъ / и дѣнь приаѣтънъ вѣмъ / не таково поста азъ/ извѣрахъ глѣ ꙗ [ЛП 66.2.1-2].

Замена лексем постъ и поститеса на алъкание и алъкати в [СЛ] обусловлена не трансформационной динамикой данных рядов в древнерусском языке, а обращением к преславскому переводу ветхозаветных книг. Тем не менее автор [СЛ] последовательно следует преславской норме и использует преславскую лексему в оригинальном тексте — агиографическом повествовании об Александре Невском:

(20) живаше бѣгодно в ѿе / и в паѣо пребываѣ въ алчѣбъ [СЛ 169.1.1].

Вместе с тем лексема *постъ* в [СЛ] используется два раза: находим ее в короткой ветхозаветной цитате, воспроизводимой, вероятно, по памяти из паримейного чтения, а также в оригинальном тексте, где, как и в других случаях, частное значение ‘великий пост’ ассоциируется только с одной лексемой:

(21) тѣмже глѣ к нѣ прѣркъмъ ѡбра/титеса ко мнѣ всѣмъ срѣцѣ/мъ вашѣмъ *постомъ* и плачѣ [СЛ 133.2.1] (ср.: Тако глѣть гѣ ѡ/братитеса къ / мнѣ всѣмъ / сърдѣмъ ваши/мъ *постъмъ* / и плачѣмъ [ЛП 5.2.1], Иоиль 2: 12); в прѣпловле/ныѣ сѣа *поста* ѣда твоѣи по/клоненѣ чѣтнѣмъ крѣтѣ [Там же, 154.2.2].

3.5. *Лакомъ* и производные

В старославянских текстах — Зографском Евангелии и Синайской Псалтыри, наряду с формами *алъкати* < **olkati*, встречаются формы с метатезой плавного *лакати* (см. [SJS, t. I, s. 27]. Если форма *алъкати* вместе с дериватами является старославянизмом, то формы с метатезой представлены во всех славянских языках (см. [ЭССЯ, вып. 32, с. 58—64]. В [СДРЯ, т. IV, с. 387—388] приводится лексема *лакомъ* ‘жадный, падкий на что-либо’ (греч. ζητοφάγος) и производные *лакомые* ‘чревоугодие’, *лакомство* ‘лакомство’ и ‘чревоугодие’, *лакомствовать* ‘предаваться чревоугодию’. В древнерусской письменности, таким образом, разные производные с корнем **olk-* оказываются связанными с энантиосемией ‘голод, голодание’ vs. ‘чревоугодие, обжорство’. В [SJS, t. II, s. 104—105] у производных субстантивов при *лакомъ* ‘жадный, скупой’ (греч. λαίμαργος) фиксируется лишь значение ‘жадность, скупость’. Центральное место среди образований с корнем **olk-* занимает адъективированное страдательное причастие *лакомъ* (первоначально ‘вождеденный’ и ‘вождедеющий’), давшее в славянских языках большую группу производных, судя по материалам ЭССЯ. В ЭССЯ обращается внимание на то, что причастие восходит к атематическому глаголу **olkti*, который, что необычно, не сохранился, несмотря на распространенность и употребительность прилагательного *лакомъ* ‘жадный, скупой’. В дальнейшем эта семантика была усвоена прилагательным этимологически того же корня *алчный*, а прилагательное *лакомый* в русском языке потеряло с ним связь.

В нашем материале лексема *лакомъ* встретила в подкорпусе Паримейника; см., в частности:

(22) тѣцѣтѣу при/емлющѣу *лакомоу* [ЛП 65.2.2] (Притчи 21: 11); ни ѿ еди/ного члѣва тѣцѣтѣи/ва и *лакома* [КЛ 81.1.1].

Такая же форма представлена в южнославянском списке древнейшей редакции — Григоровичевом Паримейнике XII—XIII веков. В [SJS, t. II, s. 105] здесь предполагается ошибочное употребление вместо *лжкавъ*, однако указанное выше значение ‘жадный, падкий на что-либо’ для прилагательного *лакомъ* также вписывается в контекст.

4. Заключение = Conclusions

Лексические ряды *постъ*, *пощение*, *поститиса* и *алъkanie*, *алъчьба*, *алъ-*кати в значениях ‘пост’, ‘поститься’ образованы дублетными парами лексем, из которых первое слово было связано с кирилло-мефодиевским переводом, который сохранялся в западно-болгарской, охридской книжной традиции, а вторая лексема являлась восточно-болгарским, преславским членом пары. Вместе лексический ряд с корнем *алък-* известен и по кирилло-мефодиевским переводам, но только в значениях ‘голод’, ‘голодный’. ‘голодать’. Древнерусской письменностью в целом были усвоены оба лексических ряда, однако с разной степенью употребительности в конкретных подкорпусах и источниках. Лексические ряды состояли, таким образом, из конкурирующих членов синонимических пар. Преимущества обозначения *постъ* (а затем и связанных с ним языковых единиц) были обусловлены моносемантической слова, в то время как лексемы *алъkanie*, *алъчьба*, *алъкати* были семантически амбивалетными, а кроме того, терминологической ассоциированностью слова *постъ* с ‘великим постом’, который составлял важную часть годового круга. В современном употреблении второй ряд стилистически маркирован как архаизм, исторически являясь старославянизмом, лексема *алkanie* в нем отсутствует. Значения ‘пост’, ‘поститься’ этим рядом были полностью утрачены, а такое контекстуальное значение, представленное, в частности, в Евангелии, как ‘(сильно) желать’, получило самостоятельное развитие.

Корпусный и квантитативный методы позволили обнаружить контрастное распределение лексем рассматриваемых рядов в подкорпусах Евангелия, Апостола, Паримейника и летописей. Если в служебном Евангелии тетр и краткоапракосном Евангелии значения ‘пост’ и ‘поститься’ у слова второго ряда отсутствуют, то в полноапракосном Евангелии они представлены. Такой же контраст наблюдается в распределении членов лексических рядов между Христинопольским Апостолом XII века и Толстовским Апостолом XIV века. В подкорпусе Паримейника контраст отсутствует, но сам подкорпус противопоставляется текстам, в которых второй лексический ряд получает значения ‘пост’ и ‘поститься’. В подкорпусе Евангелия и Апостола вариативность лексем отражает принадлежность текстов к разным редакциям перевода, что имеет продолжение в переводах Паримейника и полных текстов ветхозаветных книг. Обращает на себя внимание раннее закрепление лексем *постъ*, *пощение* и *поститиса* в Повести временных лет, выразившееся в их частотности, а также контраст в распределении лексем двух рядов в Суздальской летописи, подтверждающий усвоение обоих рядов в оригинальной письменности вслед за переводной.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АЕ — *Архангельское евангелие* 1092 г. // : РГБ, М. 1666, 178 л.
2. ГВЛ — *Галицко-Волынская летопись* // ЛИ, лл. 245—303.
3. ЗП — *Захариинский паримейник* 1271 г. // РНБ, Q.п.1.13, 264 л.
4. ИЛ — *Ипатьевская летопись* ок. 1425 г. // БАН, 16.4.4, 307 л.
5. КЛ — *Киевская летопись* // ЛИ, лл. 106 об.—245.
6. КП — *Козминский паримейник* 1312—1313 г. // РГАДА, Тип. 61, лл. 1—151, ГИМ, Син. 172, лл. 198—202.
7. ЛЛ — *Лаврентьевская летопись* 1377 г. // РНБ, Ф.п.IV.2, 173 л.
8. ЛП — *Лазаревский* (Сковородский) паримейник вт. пол. XII в. // РГАДА, Тип. 50, 126 л.
9. Манускрипт — *Исторический корпус «Манускрипт»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://manuscripts.ru/> (дата обращения: 20.08.2023).
10. ПВЛ-ИЛ — *Повесть временных лет по Ипатьевскому списку* // ИЛ, лл. 3—106 об.
11. ПВЛ-ЛЛ — *Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку* // ЛЛ, лл. 1 об.—96.
12. СДРЯ — *Словарь древнерусского языка* (XI—XIV вв.). — Москва : [б. и.], 1988—2019. — Т. I—XII.
13. СЕ — *Симоновское евангелие* 1270 г. // РГБ, Рум. 105, 167 л.
14. СЛ — *Суздальская летопись* // ЛЛ, лл. 96 об.—173.
15. Словарь — *Словарь русского языка*. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. I—IV.
16. СлРЯ — *Словарь русского языка* XI—XVII вв. — Москва : [б. и.], 1975—2022. — Выпуск 1—32.
17. ТА — *Толстовский Апостол* XIV в. // РНБ, Q.п.1.5, 93 л.
18. ТЕ — *Типографское евангелие* XII в. // РГАДА, Ф. 381 (Син. Тип.), № 1, 193 л.
19. Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.
20. ХА — *Христинопольский Апостол* XII в. // Национальная библиотека Украины, ИР, ф. VIII, № 3, лл. 1—8; Библиотека Чарторийских, Краков, Польша, лл. 9—12; Львовский исторический музей, ОР, № 37, лл. 13—303.
21. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков*. — Москва : [б. и.], 1974—2021. — Выпуск 1—42.
22. SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. — Praha : Academia, 1958—1997. — Т. I—IV.

Литература

1. Баранов В. А. Параллельный корпус славянского Паримейника : состав, структура и разметка вспомогательных текстов / В. А. Баранов, М. О. Новак // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2022. — Т. 21. — № 6. — С. 6—17. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.6.1.
2. Живов В. М. История языка русской письменности / В. М. Живов. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. — Т. 1. — 816 с. — ISBN 978-5-91244-184-4.
3. Жолобов О. Ф. Лексический ряд брань — воина — рать в старославянских и восточнославянских источниках XI—XV вв. : интерпретация квантитативных формул

(на материале исторического корпуса „Манускрипт“) / О. Ф. Жолобов // *Palaeobulgarica*. — 2022. — XLVI, 4. — С. 79—99.

4. Жолобов О. Ф. Дистрибутивно-квантитативные и семантические характеристики глаголов знания в старославянской и древнерусской письменности / О. Ф. Жолобов, В. А. Баранов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. — 2021. — № 18 (1). — С. 56—76. — DOI: 10.21638/spbu09.2021.104.

5. Жолобов О. Ф. Трансформации лексического ряда *животъ* — *жизнь* — *житие* : опыт лингвостатистического описания / О. Ф. Жолобов, В. А. Баранов // *Вопросы языкознания*. — 2022. — № 2. — С. 65—101. — DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101.

6. Илиев И. И. Тълкуванието на Книга на пророк Даниил от Иполит Римски в старобългарски превод / И. И. Илиев. — София : Институт за литература при БАН, 2017. — 628 с. — ISBN 978-954-509-580-1.

7. Максимович К. А. Региональные лексические архаизмы в моравских славяно-книжных памятниках IX в. / К. А. Максимович // *Русский язык в научном освещении*. — 2005. — № 1 (9). — С. 116—162.

8. Масевич А. Ц. Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях / А. Ц. Масевич, В. П. Захаров // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. — Санкт-Петербург : Ун-т ИТМО, 2016. — С. 24—43.

9. Милтенов Я. Диалози на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция / Я. Милтенов. — София : Авалон, 2006. — 590 с. — ISBN 978-954-9704-13-6.

10. Пенкова П. Речник-индекс на Синайския евхологий / П. Пенкова. — София : Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. — 400 с. — ISBN 978-954-322-325-1.

11. Пентковский А. М. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) — XI вв. / А. М. Пентковский // *Наслеђе и стварање. Свети Ћирило. Свети Сава : 869–1219–2019*. — Београд : Институт за српски језик САНУ, 2019. — С. 73—148.

12. Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) / А. А. Пичхадзе // *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*. — Москва : Наука, 1991. — С. 147—173.

13. Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиеви старобългарски евангелски превод / Т. Славова // *Кирило-Методиевски студии*. — 1989. — № 6. — С. 15—130.

14. Тасева Л. Езикът на Берлинския сборник / Л. Тасева, М. Йовчева // *Берлински сборник*. — София ; Виена : Издателство на Австрийската Академия на науките, 2006. — С. 379—423.

15. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Первый век христианства на Руси / В. Н. Топоров. — Москва : «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 1. — 875 с. — ISBN 5-88766-022-8.

16. Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache / V. Jagić. — Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1913. — 540 S.

17. Voss Ch. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrud-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephraïms des Syers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung / Ch. Voss // *Anzeiger für slavische Philologie*. — 1996. — XXIV. — S. 95—128.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023,
одобрена после рецензирования 15.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- AE — The Archangelsky Gospel of 1092. In: *RSL*, M. 1666. 178 s. (In Russ.).
- Dictionary — *Dictionary of the Russian, I–IV*. (1985—1988). Moscow: Russian Language. (In Russ.).
- ESSYa — *Etymological dictionary of Slavic languages, 1—42*. (1974—2021). Moscow: [B. I.]. (In Russ.).
- Fasmer — Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language, I–IV*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- GVL — Galich-Volyn Chronicle. In: *LI*, 245—303. (In Russ.).
- HA — The 12th-century Apostle of Hristinopol'. In: *National Library of Ukraine*, IR, VIII, № 3, l. 1—8; Czartoryski Library, Krakow, Poland, l. 9—12; Lviv Historical Museum, OR, № 37, l. 13—303. (In Russ.).
- IL — Ipatiev Chronicle of ca. 1425. In: *BAN*, 16.4.4, 307 l. (In Russ.).
- KL — Kiev Chronicle. In: *LI*, l. 106v-245. (In Russ.).
- KP — Kozminsky parimeynik 1312—1313. In: *RGADA*, Type. 61, ll. 1—151, GIM, Sin. 172, ll. 198—202. (In Russ.).
- LL — Laurentian Chronicle 1377. In: *RNB*, F.p.IV.2, 173 l. (In Russ.).
- LP — Lazarevsky (Skovorodsky) parimeynik of the second half of the 12th century. In: *RGADA*. Type. 50. 126 s. (In Russ.).
- Manuscript — *The Historical corpus “Manuscript”*. Available at: <http://manuscripts.ru/> (accessed: 20.08.2023). (In Russ.).
- PVL-IL — Tale of Bygone Years according to the Ipatiev List. In: *Ipatiev Chronicle*, pp. 3—106 rev.
- PVL-LL — Tale of Bygone Years according to the Laurentian List. In: *Laurentian Chronicle*, pp. 1 rev.—96.
- SDRYa — *Dictionary of the Old Russian language (XI—XIV centuries), I—XII*. (1988—2019). Moscow: [B. I.]. (In Russ.).
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského, I—XII*. (1958—1997). Praha: Academia. (In Czech.).
- SL — Suzdal Chronicle. In: *LL*, ll. 96v-173. (In Russ.).
- SLRYa — *Dictionary of the Russian language of the XI—XVII centuries, 1—32*. (1975—2022). Moscow. (In Russ.).
- Simonovsky Gospel of 1270*, In: *RSL*, Rum.105, 167 s. (In Russ.).
- TA — Tolstovsky Apostle of the XIV century. In: *RNB*, Q.P.I.5, 93 s. (In Russ.).
- TE — Typographic Gospel of the XII century. In: *RGADA*. F. 381 (Syn. Type.). № 1, 193 s. (In Russ.).
- ZP — Zahariinsky parimeynik 1271. In: *RNB*. Q.P.I.13, 264 s. (In Russ.).

References

- Baranov, V. A., Novak, M. O. (2022). Parallel corpus of the Slavic Parimeynik: composition, structure and markup of auxiliary texts. *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 21 (6): 6—17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.6.1. (In Russ.).
- Iliev, I. I. (2017). *Tulkuvanieto on the Book on the prophet Daniel from Hippolitus of Rome to the Old Bulgarian prevod*. Sofia: Institute for Literature at the BAN. 628 p. ISBN 978-954-509-580-1. (In Russ.).
- Jagić, V. (1913). *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 540 S. (In Germ.).

- Maksimovich, K. A. (2005). Regional lexical archaisms in the Moravian Slavic-book monuments of the IX century. *Russian language in scientific coverage*, 1 (9): 116—162. (In Russ.).
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. (2016). Methods of corpus linguistics in historical and cultural studies. In: *Computational linguistics and computational ontologies*. St. Petersburg: ITMO University. 24—43. (In Russ.).
- Miltenov, Ya. (2006). *Dialosi on Pseudo-Caesarea in slavyanskata rkopisna tradition*. Sofia: Avalon. 590 p. ISBN 978-954-9704-13-6. (In Russ.).
- Penkova, P. (2008). *Rechnik-index to the Sinai Euchology*. Sofia: Academic Publishing house “Prof. Marine Drinov”. 400 p. ISBN 978-954-322-325-1. (In Russ.).
- Pentkovsky, A. M. (2019). Slavic translation of the Gospel and its use in worship in the IX (post-third) — XI centuries. In: *Nasleđe i stvarъe. Shine a light. Sveti Sava: 869—1219—2019*. Beograd: Institute for srpski jezik SANU. 73—148. (In Russ.).
- Pichkhadze, A. A. (1991). To the history of the Slavic parimeynik (parimeynik readings of the book of Exodus). In: *Traditions of the oldest Slavic writing and linguistic culture of the Eastern Slavs*. Moscow: Nauka. 147—173. (In Russ.).
- Slavova, T. (1989). Preslavskia editorial office on Kirilo-Metodievia starobilgarski evangelski prevod. *Kirilo-Metodievski studios*, 6: 15—130. (In Russ.).
- Taseva, L., Yovcheva, M. (2006). Ezikut na Berlinskiya collection. In: *Berlinski collection*. Sofia; Viena: Publishing House at the Austrian Academy at Naukit. 379—423. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Holiness and saints in Russian spiritual culture. The First Century of Christianity in Russia, I*. Moscow: Gnosis — School of “Languages of Russian Culture”. 875 p. ISBN 5-88766-022-8. (In Russ.).
- Voss, Ch. (1996). Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Preslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränesis Ephraims des Syrsers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung. *Anzeiger für slavische Philologie*, XXIV: 95—128. (In Germ.).
- Zhivov, V. M. (2017). *History of the language of Russian writing, I*. Moscow: Dmitry Pozharsky University. 816 p. ISBN 978-5-91244-184-4. (In Russ.).
- Zholobov, O. F., Baranov, V. A. (2021). Verbs meaning ‘know’ in Old Church Slavonic and Old Russian writing: Distributive, quantitative, and semantic properties. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 18 (1): 56—76. DOI: 10.21638/spbu09.2021.104. (In Russ.).
- Zholobov, O. F. (2022). Lexical row of bran’ — voina — rat’ in Old Church Slavonic and East Slavonic sources from 11th—15th centuries: interpretation of quantitative formulas (Based on the Material of the Historical Corpus “Manuscript”). *Palaeobulgarica*, XLVI, 4: 79—99. (In Russ.).
- Zholobov, O. F., Baranov, V. A. (2022). Transformations of the lexical row životъ — žiznъ — žitije in Slavic: A linguostatistical analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2: 65—101. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101. (In Russ.).

*The article was submitted 15.09.2023;
approved after reviewing 15.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захарова Л. О. Современная языковая ситуация в селе Себян-Кюёль Кобяйского района Республики Саха (Якутия) / Л. О. Захарова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 27—43. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-27-43.

Zakharova, L. O. (2023). Current Linguistic Situation in Village of Sebyan-Kyuyol in Kobyai District of Republic of Sakha (Yakutia). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 27-43. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-27-43. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-27-43

Современная языковая ситуация в селе Себян-Кюёль Кобяйского района Республики Саха (Якутия)

Захарова Лиалко Олеговна

orcid.org/0000-0002-4572-3195

младший научный сотрудник,

Международная научно-исследовательская лаборатория «Лингвистическая экология Арктики»
lialkozakharova@gmail.com

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

Current Linguistic Situation in Village of Sebyan-Kyuyol in Kobyai District of Republic of Sakha (Yakutia)

Lialko O. Zakharova

orcid.org/0000-0002-4572-3195

junior researcher,

International Scientific Research Laboratory “Linguistic Ecology of the Arctic”
lialkozakharova@gmail.com

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was conducted as part of the scientific project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic Regions of the Russian Federation” (grant from the Government of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2021-616)

© Захарова Л. О., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается языковая ситуация в селе Себян-Кюёль Республики Саха (Якутия), где живут ламунхинские эвены, один из коренных малочисленных народов Севера. Уделяется внимание структурным и содержательным характеристикам языковой ситуации. Данные получены с помощью включенного наблюдения и социолингвистического опроса среди 81 респондента из разных возрастных, гендерных и социальных групп эвенов. С использованием комплексного подхода, включающего лингвистические и социальные аспекты, анализируются распределение и функции эвенского, русского и якутского языков в различных сферах коммуникации. Показано, что языковая ситуация трехкомпонентна, при этом эвенский язык является доминантным, но сталкивается с некоторыми проблемами со стороны русского и якутского языков в определенных сферах, а также среди молодого поколения, которое проявляет меньший интерес к своему родному языку. Выделяются факторы, влияющие на жизнеспособность и поддержание эвенского языка. Выявляются проблемы и перспективы его развития. Установлено, что языковая ситуация в селе Себян-Кюёль относительно благополучная и стабильная, но требует постоянного внимания и поддержки со стороны государства и общества.

Ключевые слова:

языковая ситуация; эвенский язык; двуязычие; многоязычие; диалекты; этническая идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper examines the linguistic situation in the village of Sebyan-Kyuyol in the Kobayai district of the Republic of Sakha (Yakutia), where the Lamunkhin Even people, one of the indigenous minority groups of the North, reside. The focus is on the structural and substantive characteristics of the linguistic situation. Data was obtained through participant observation and sociolinguistic surveys among 81 respondents from various age, gender, and social groups of the Even community. Using a comprehensive approach that includes linguistic and social aspects, the distribution and functions of Even, Russian, and Yakut languages in different spheres of communication are analyzed. It is shown that the linguistic situation is three-component, with the Even language being dominant but facing some challenges from Russian and Yakut languages in certain spheres, as well as among the younger generation who show less interest in their native language. Factors influencing the viability and maintenance of the Even language are identified. Problems and prospects for its development are revealed. It is established that the linguistic situation in Sebyan-Kyuyol village is relatively favorable and stable, but requires constant attention and support from the government and community.

Key words:

language situation; Even language; bilingualism; multilingualism; dialects; ethnic identity.

УДК 811.512.211'272+81'26

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Современная языковая ситуация в селе Себян-Кюёль Кобяйского района Республики Саха (Якутия)

© Захарова Л. О., 2023

1. Введение = Introduction

Языковая ситуация коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в России представляет собой актуальную, сложную проблему, требующую глубокого изучения и эффективных мер по ее решению. КМНС, находящиеся в тесном контакте с другими этносами, не имеют доминирующего положения даже на своих исторических территориях [Потенциал ..., 2014, с. 16], что способствует их ассимиляции, включая языковую, со стороны этнического большинства. Это создает угрозу для сохранения их языкового наследия и идентичности. Например, языковая ситуация у некоторых этнических групп характеризуется повсеместным сдвигом к русскому языку в качестве доминирующего, в результате чего молодые поколения демонстрируют в своей речи значительные отклонения от традиционных грамматических норм своих языков, проявляющиеся в морфологических и синтаксических нарушениях [Complexity ..., 2021]. Вследствие этого анализ языковой ситуации в регионах проживания КМНС имеет решающее значение для выявления факторов и процессов, определяющих их языковую жизнеспособность.

Среди народов, проживающих в Республике Саха (Якутия), можно выделить эвенов, которые преимущественно заселяют северо-восточные районы республики [Филиппова, 2017, с. 203]. К локальным группам эвенов в Якутии относятся ламунхинские эвены, чье расселение ограничено административными границами муниципального образования Ламыньхинский национальный наслег Кобяйского района [Там же, с. 202]. Они формировались как отдельная этническая группа в процессе тесного взаимодействия с другими народами: юкагирами, эвенками и якутами [Алексеев, 2006, с. 189]. Однако эта группа отличается относительной изолированностью от других этносов, что способствует сохранению ее этнической идентичности: традиционной культуры и родного языка.

Локальные группы эвенов, в том числе ламунхинские эвены, давно привлекают внимание научного сообщества [Долгих, 1960; Гурвич, 1966;

и др.]. Однако по-прежнему недостаточно социолингвистических работ, посвященных анализу языковой ситуации в регионах проживания данной этнической группы, особенно на уровне конкретных населенных пунктов. Такой анализ имеет ключевое значение в условиях полиэтничности (как в России, так и в Якутии), поскольку способствует поиску решений и инструментов для управления языковым разнообразием и контактами в сообществах, где языки не изолированы друг от друга. В нашем исследовании впервые выполняются описание и анализ современной языковой ситуации в селе Себян-Кюёль, которое является центром Ламынхинского национального наслега и местом компактного проживания ламунхинских эвенов, с точки зрения функционирования и использования родного языка в различных сферах и ситуациях. Автор является носителем ламунхинского говора эвенского языка и родом из этого села.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании применялись традиционные методики сбора и анализа количественных и качественных данных. Основным методом был социолингвистический опрос, проведенный в форме анкетирования выборки носителей языка эвенов в районе их компактного проживания. Вторичными методами были этнографические наблюдения и анализ документов, которые включали изучение официальных документов, периодических изданий, устных повествований (рассказов, песен, анекдотов, легенд) и других источников лингвистической и культурной информации из села Себян-Кюёль.

Понятие языковой ситуации (далее — ЯС), по нашему мнению, претерпело изменения в рамках лингвистики, и в этом процессе можно выделить три этапа. Первый этап, связанный с появлением термина в зарубежной лингвистике, характеризовал ЯС как совокупность языковых средств, обеспечивающих коммуникацию в определенной области [Цыбденова, 2010, с. 219]. На втором этапе, с 1960-х годов, предпринимались попытки раскрыть содержание термина с позиции социолингвистики, применяя разные критерии и модели для классификации ЯС [Ferguson, 1971; Швейцер, 1976; Степанов, 1976; и др.]. Третий этап, относящийся к постсоветскому периоду, фокусировался на проблемах языковой политики и функциональной типологии, которая изучает язык как коммуникативный инструмент в зависимости от его социальных функций и сфер использования [Михальченко, 2003; и др.].

В основу данного исследования положена концепция языковой ситуации, разработанная А. Д. Швейцером, определившим ее как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в рамках данной политико-административной единицы и культурной области в опре-

деленный период, а также социальных установок, которых придерживаются члены соответствующих языковых и речевых сообществ [Швейцер, 1976, с. 133—134]. Следуя Б. Ж. Цыбденовой, мы анализируем четыре основные характеристики языковых образований, актуальные для изучения ЯС: 1) сфера функционирования языка, 2) его статус, 3) характер языкового взаимодействия в условиях двуязычия и многоязычия, 4) установки членов языковых и речевых коллективов [Цыбденова, 2010, с. 220]. Мы также разделяем позицию Е. В. Леоновой о том, что языковая ситуация — явление не статичное, а динамичное и что она требует не только описания лингвистических фактов, но и выявления их тенденций [Леонова, 2011, с. 27]. Слово *модель*, употребленное Швейцером, подразумевает, что языковая ситуация — это сложное и многогранное явление, которое можно рассматривать с разных точек зрения и исследовать с помощью разных методов.

Согласно классификации В. А. Виноградова, языковая ситуация на территории может быть описана с трех позиций: количественной, качественной и оценочной. **Количественная позиция** учитывает число и долю языковых образований и их носителей на территории, а также области коммуникации, где применяется каждый язык. **Качественная позиция** рассматривает лингвистические характеристики языков, такие как их родство и типология, а также степень схожести или разнородности между ними. **Оценочная позиция** характеризует престиж и статус каждого языка как с точки зрения его носителей, так и с точки зрения других участников, а также официальное положение каждого языка в отношении государства и его языковой политики [ЛЭС, 1990, с. 616—617; Леонова, 2011, с. 10].

Основным методом полевых исследований является социологический опрос, который может быть устным или письменным — фронтальным, индивидуальным или выборочным. Г. А. Дырхеева, проводившая социолингвистическое исследование бурятского языка в Бурятии, Монголии и Китае, считает, что анкетирование является наиболее достоверным, рациональным, всеобъемлющим способом сбора объективных данных [Дырхеева, 2015, с. 4].

В обработке полученных данных часто применяются такие методы анализа, как статистический, сравнительный, интерпретационный и корреляционный [Швейцером, 1976; Боргояковой, 2002]. Корреляционный метод определяет степень взаимосвязи между языковой компетенцией и отношением к языку, с одной стороны, и различными социально-демографическими факторами респондентов — с другой [Боргоякова, 2002, с. 3].

Как отмечает А. Н. Биткеева, существует проблема недостатка исследований будущих перспектив развития ЯС в разных регионах, что затрудняет эффективное планирование языковой политики. В связи с этим предлагается метод сценариев развития языковой ситуации, который пред-

ставляет собой комплексный алгоритм моделирования будущего состояния языков на основе экономических, исторических, конфликтных и религиозных факторов. Этот метод направлен на выработку оптимальных и наилучших сценариев развития ЯС и рекомендаций по их достижению или предотвращению [Биткеева, 2022].

В. Чикаипа и др. в своем исследовании показывают, что радиостанции транслируют на языках коренных народов Малави (Южная Африка) и выпускают программы, отражающие их культуру, такие как традиционные песни, практика присвоения имен и свадьбы. Авторы отмечают, что общественное радиовещание способствует сохранению местного наследия и устойчивому социальному и культурному развитию сообществ [Chikaipa, 2020]. Таким образом, существуют различные средства расширения возможностей местных сообществ и укрепления их языкового и культурного многообразия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Ламунхинские эвены встречаются в исторических источниках с 17 века, когда первопроходец Постник Иванов упомянул их как жителей реки Янги, не подчиняющихся русской власти [Долгих, 1960, с. 456]. Они также упоминаются в народных легендах саха, которые связывают их с тунгусами, вытесненными якутами из более южных районов [История ..., 1997, с. 21].

По данным В. А. Туголукова и др., эвены состояли из трех относительно изолированных групп: кочевых оленеводов, оседлых рыбаков и полукочевых скотоводов. Они были вынуждены мигрировать в малонаселенные районы Северо-Востока из-за российского присоединения, ясачной политики и конфликтов с казаками и коряками [Там же, с. 56].

В XIX веке Ламунхинский род Якутского округа насчитывал 449 человек, в том числе эвенов и ламутизированных якутов [Там же, с. 31]. Данные об их численности до 1953 года утрачены из-за отсутствия четкого различия между эвенами и эвенками. Они вели архаичный кочевой образ жизни до советизации северных территорий, а в послереволюционный период, в 1930-е годы, были подвергнуты поселению и коллективизации. Первым местом оседлого расселения стал Эндыбал, который в 1931 году был включен в состав Саккырырского национального эвенского района. Район был упразднен в 1963 году, а его территория поделена между Кобяйским и Верхоянским районами. Это привело к разделению восточной и западной групп ламунхинцев [Филиппова, 2017, с. 209].

Ламунхинские эвены — территориальная группа эвенов, населяющая отдаленный и труднодоступный Ламунхинский национальный наслег Кобяйского района Республики Саха (Якутия). Они образовались в результа-

те межэтнического взаимодействия эвенов, якутов и юкагирских племен, которые сформировали свою уникальную этническую культуру и язык [Алексеев, 2006, с. 189]. Их язык относится к западному диалекту эвенского языка с характерными особенностями в фонетике, лексике и грамматике [Кузьмина, 2008]. Основным занятием является оленеводство, хозяйство насчитывало 6540 оленей по состоянию на 1 марта 2021 года. Несмотря на исторические и географические трудности, они сохранили свою национальную самобытность и традиции.

3.1. Этнодемографическая ситуация в с. Себян-Кюёль

Среди источников и методов, которые использовались для изучения численности населения и этнического состава наслега в разные периоды, мы выделяем данные переписи Росстата [Численность постоянного населения ..., 2021], данные администрации МО «Ламыньхинский национальный эвенский наслег» [Кузьмина, 2016] и данные исследования В. В. Филипповой «Ламунхинские эвены: численность и расселение в XX—XXI веках» [Филиппова, 2017].

Первые сведения о численности и расселении ламунхинских эвенов датируются 1953 годом, когда К. А. Новикова провела лингвистическую экспедицию и зафиксировала 360 эвенов, 100 якутов и 25 русских в 18 населенных пунктах [Там же].

По данным Росстата, на 2021 год численность села Себян-Кюёль составляла 774 человека [Численность постоянного населения ..., 2021]. Однако, по сведениям администрации наслега, в нем проживало 780 человек, из которых 670 (85,9 %) были эвенами (ламутами) [Кузьмина, 2016].

Эти данные свидетельствуют о небольшом сокращении общей численности населения, поскольку в 2010 году в селе проживало 791 человек [Филиппова, 2017], но увеличении доли эвенов, в то время как другие этнические группы уезжают (табл. 1). Этнический состав следующий: эвены — 86 %, якуты — 13 %, другие — 1 % [Кузьмина, 2016].

Таблица 1

Численность постоянного населения муниципального образования «Ламыньхинский национальный эвенский наслег» за 1959—2010 годы

Год проведения переписи населения	Общая численность населения, чел.	В том числе эвенов	
		численность, чел.	численность, %
1959	749	451	60,2
1989	747	587	78,5
2002	765	648	84,7
2010	791	676	85,5

Различия в статистических данных могут быть вызваны недостаточно-стью и фрагментарностью источников, а также изменениями в националь-но-территориальном делении района [Бандерова и др., 2020, с. 63].

Большинство сельских жителей в возрасте 16 лет и старше имеют среднее профессиональное или общее образование, что свидетельствует о высоком уровне образования. Однако среди старожиллов есть и те, кто не имеет образования или получил его неполное. Доступ к высшему обра-зованию для сельских абитуриентов ограничен финансовыми трудностями и низкими результатами по Единому государственному экзамену. По данным статистики, 62,2 % населения официально работают, 28 % — на пенсии и 7,4 % — безработные.

3.2. Структура респондентов по возрастным, социальным и гендерным группам

Для изучения языковой ситуации в селе Себян-Кюёль мы провели опрос среди 81 эвена (10,5 % от всего населения села), относящихся к разным возрастным, социальным и гендерным группам. Анкета содержала вопросы о социологических и социолингвистических характеристиках ЯС, а также о ее типологических особенностях. Возрастные группы респондентов были распределены следующим образом: 86,5 % — люди в возрасте 13—17 лет, 8,6 % — в возрасте 60—70 лет и по 1,23 % — люди в возрасте 18—30 лет, 31—45 и 46—59 лет. Опрос пожилых жителей (70—80 лет и старше) не был проведен из-за состояния их здоровья.

Среди респондентов женщины составляли 62 %, а мужчины — 38 %. Женщины были представлены во всех возрастных группах, а мужчины — в основном в группе 10—20 лет, где их доля составляет 93,5 %. Такое преобладание женщин-респондентов связано с их большей коммуникативностью и интересом к исследованию. Мужчины часто отказывались от участия в опросе, ссылаясь на занятость или незнание ценной информации.

Все респонденты назвали себя эвенами, в том числе те, кто был в смешанных браках (8,6 %). Большая часть участников опроса (86,5 %) были учениками МБОУ «Себян-Кюельская национальная эвенская СОШ им. П. А. Ламутского». Среди остальных были пенсионеры (9,8 %) и работники (3,7 %). Почти все школьники (90 % из них) не соотнесли себя с группой, обозначаемой этнонимом. Только 9 респондентов (11,1 %), которым было больше 40 лет, назвали свою родовую принадлежность. Подавляющее большинство учащихся (97 % в категории) до поступления в школу проживали в поселке, а 2 (3 %) — в тайге или на озере. В свою очередь, участники опроса старшего поколения (87,5 % из них) упомянули больше географических названий (например, *Авландя*, *Бургавли*, *Дехёбул*, *Дюс эрикит*, *Кёлтир*, *Куникит*, *Лэпискэ*, *Мунни*, *Тахандя* и т. д.).

3.3. Владение ламунхинским говором эвенского языка

Респонденты до школы общались чаще всего на трех языках: эвенском, якутском и русском (33 чел., или 40,7 %). Другие анкетированные говорили только на эвенском (18, или 22,2 %) или на эвенском и якутском языках (21, или 25,9 %) (табл. 2).

Таблица 2

Доминирующий язык общения респондентов до поступления в школу

Язык общения до поступления в школу							
Общее количество респондентов, чел.	эвенский, чел. (%)	якутский, чел. (%)	русский, чел. (%)	эвенский / якутский, чел. (%)	русский / якутский, чел. (%)	русский / эвенский, чел. (%)	эвенский / якутский / русский, чел. (%)
81	18 (22,2)	5 (6,1)	0	21 (25,9)	4 (5)	0	33 (40,7)

Русский язык, несмотря на его доминирующее положение в Республике Саха (Якутия), не использовался ни одним анкетировемым в качестве единственного средства общения в детстве.

Большинство респондентов (67, или 82,7 %) (табл. 3) общаются со своими родными на эвенском, своем родном языке. Только 9,8 % использовали как эвенский, так и якутский языки, в основном из-за смешанных браков или проживания за пределами поселка. Никто из участников опроса не использовал русский в семейном обиходе. Он присутствовал во всех ответах как язык обучения в школе, но некоторые респонденты старшего возраста (60—70 лет) также сообщили, что изучали эвенский и якутский языки. Переключение кода между языками наблюдается в некоторых ситуациях, например, когда ученики не понимают новый материал или когда учителя проводят деловые собрания.

Таблица 3

Функционирование ламунхинского говора эвенского языка
в сфере семейно-бытового общения

Язык общения в семейно-бытовой сфере					
Общее количество респондентов, чел.	Только на эвенском, чел. (%)	Только на якутском, чел. (%)	Только на русском, чел. (%)	В равной мере на эвенском и якутском, чел. (%)	В равной мере на русском и якутском, чел. (%)
81	67 (82,7)	4 (5)	0	8 (9,8)	2 (2,5)

Целый комплекс вопросов анкеты направлен на исследование функционирования языка в сфере семейно-бытового общения — это информация о родителях, их годе и месте рождения, месте обучения, языке общения и обучения и т. д.

Из нашего анализа данных следует, что национальная принадлежность родителей связана с языком семьи, но не гарантирует знание или свободное использование этого языка. Респонденты, у которых один из родителей (чаще отец) — саха (7 чел. из 81), говорят дома как на эвенском, так и на якутском языках, но все равно считают эвенский своим родным.

Язык обучения в школе не всегда ведет к утрате родного языка, если он продолжает быть основным средством общения в семье и повседневной жизни. У одного из четырех респондентов был один из родителей, который учился на якутском в школе, но не потерял свою этническую идентичность и родной язык. У другого анкетированного оба родителя учились на якутском, но он также общался на эвенском с ними и считал этот язык своим родным.

Кроме того, мы попросили участников опроса оценить свое владение эвенским, якутским и русским языками и рассказать историю на каждом из них. Все респонденты (100 %) могут продуцировать высказывания в рамках этикетных речевых жанров на этих языках. Однако некоторые респонденты (17, или 20,9 %) испытывают трудности с повествованием на эвенском. Эта проблема частичной потери родного языка характерна для младшей возрастной группы (10—20 лет), в то время как респонденты старшего возраста заявили о высоком уровне своих знаний эвенского языка и культуры.

Среди молодых респондентов есть некоторый разрыв между субъективной самоидентификацией и объективными показателями: они идентифицируют себя как эвены, но слабо владеют своим родным языком. Эти результаты свидетельствуют о том, что перспективы сохранения и развития эвенского языка неясны. Возрастной фактор и уровень владения родным языком указывают на возможное усиление проблем, связанных с сохранением этнического языка ламунхинских эвенов. По этой причине необходимо работать с подрастающим поколением, начиная с дошкольного возраста, на семейном и образовательном уровнях, чтобы поддерживать естественную языковую среду.

В семьях, где один из супругов саха, якутский язык зачастую становится доминирующим в семейном и повседневном общении, особенно если жена является носителем якутского и приехала из другого района. Муж, как правило, подстраивается под языковые предпочтения жены, в то время как жена не изучает эвенский и не адаптируется к новой языковой среде. Дети из таких семей также склонны использовать якутский как основное сред-

ство общения. Это создает опасность для преемственности эвенского языка и культуры среди ламунхинских эвенов. Например, мужчина из семьи потомственных оленеводов в с. Себян-Кюёль, свободно владеющий родным эвенским, женился на женщине из Усть-Алданского района, которая говорила только по-якутски. Они и их дети в семье общаются на якутском языке. Такие случаи могут вызвать неодобрение со стороны этнического сообщества: не все эвены считают эвенами тех, кто не говорит на родном языке.

3.4. Отношение ламунхинских эвенов к родному языку

Отношение этнической группы к своему родному языку является еще одним важным фактором, влияющим на его сохранение. Положительное отношение свидетельствует о том, что люди осознают свой язык как признак этнической идентичности, уважают, признают его ценность и красоту, а также стремятся учить его и передавать следующим поколениям. Все респонденты пожилого и среднего возраста (11 чел.), проживающие в с. Себян-Кюёль, проявили высокий уровень этнического самосознания и приложили усилия для сохранения своего языка и культуры. Остальные анкетированные имели либо положительное (60 чел.), либо нейтральное (10) отношение к своему родному языку (табл. 4).

Таблица 4

Отношение ламунхинских эвенов к родному языку

Отношение респондентов к родному языку						
Общее количество респондентов	Положительно		Отрицательно		Нейтрально	
	количество, чел.	количество, %	количество, чел.	количество, %	количество, чел.	количество, %
81	71	87,7%	-	0%	10	12,3%

Однако наблюдения и интервью с учениками МБОУ «Себян-Кюельская СОШ» показали, что половина молодых ламунхинских эвенов, владеющих своим родным языком, не проявляли интереса к его сохранению и развитию. Они считали свой родной язык невостребованным и планировали в будущем уехать из родного села. Так, 35 учеников (50 % в категории) признались, что говорили на эвенском, но не уделяли особого внимания ни ему, ни своей традиционной культуре. Это тревожная тенденция, которая отражает влияние экстралингвистических факторов, таких как потребность общения на якутском и / или русском языках для межэтнической коммуникации. Другая половина учащихся используют родной язык в общении, а также соблюдают и уважают свои национальные традиции, такие как нимат, зажигание огня и поклонение духам. Старшее поколение также разделяет это мнение.

3.5. Сферы функционирования эвенского языка в с. Себян-Кюёль

Мы выделяем три группы сфер функционирования языка: 1) социальная и производственная деятельность; 2) семейное и межличностное общение [Никольский, 1976, с. 37]; 3) удовлетворение информационных и эстетических потребностей [Цыбденова, 2003, с. 15].

В интернет-мессенджере WhatsApp существует групповой чат «Себянские Вести», где местные жители обмениваются новостями на эвенском, якутском и русском языках. Таким образом, три языка служат средствами межэтнического общения. Интересно отметить, что люди со средним профессиональным или высшим образованием, как правило, в чате чаще используют русский язык — это свидетельствует о растущей коммуникативной значимости русского среди тех, кто дольше учился на этом языке.

Эвенский язык присутствует почти во всех сферах общения, но он более распространен в неформальных контекстах — *в сфере семейного и межличностного общения*. Семья является основным институтом передачи национальной культуры и этнической идентичности. Однако в смешанных браках (эвенско-якутских) общение часто происходит на якутском языке.

В сфере социальной и производственной деятельности есть некоторые ограничения для использования эвенского языка. Например, медицинское обслуживание: врач амбулаторной больницы не владеет эвенским, поэтому она общается с пациентами на русском или на якутском.

В официально-деловых ситуациях русский доминирует как язык организованного взаимодействия и деловой документации. Однако в менее формальных ситуациях участники могут переключаться на эвенский или якутский языки в зависимости от различных факторов (этнический состав участников, национальность руководителя и т. д.).

Вывески государственных организаций в селе двуязычные, на русском и эвенском. Названия коммерческих организаций даны только на русском, без перевода на эвенский или якутский языки. Якутский отсутствует в качестве языка-названия или дублирующего языка.

Русский является основным языком обучения, кроме курса эвенского языка. Однако эвенский и якутский могут использоваться в частном и менее деловом общении. Школа играет важную роль в сохранении и развитии национальной культуры, предоставляя часы на изучение родного языка и литературы, а также организуя различные мероприятия, посвященные эвенским традициям и искусству (конкурсы эвенского хорового танца «Хэдьэ», соревнования по национальным видам спорта «Метание мавута», «Прыжки через нарты» и т. д.).

В сфере удовлетворения информационных и эстетических потребностей эвенский язык используется реже, чем русский или якутский,

из-за отсутствия теле- и радиопередач на эвенском языке. Эта проблема частично решается эвенскими страницами в газете «Илкэн» и колонкой «Эвенский угол» в районной газете «Дабаан». Большая часть эвенской литературы написана представителями ламунхинской группы эвенов, такими как А. В. Кривошапкин, В. С. Кейметинов-Баргачан, П. А. Степанов-Ламутский и др.

Этническая культура эвенов-ламунхинцев проявляется и сохраняется в разнообразных формах самовыражения, среди которых фольклорный ансамбль «Мэрлэнкэ», основанный в 1975 году О. Н. Кейметиновой и возглавляемый в настоящее время З. А. Степановой, отличницей культуры и образования РС (Я). Ансамбль исполняет как традиционные эвенские песни, танец «Хэдьэ», скороговорки и народные сказки, так и песни современных самодельных авторов. В 1990 году ансамблю было присвоено звание народного.

Другой важной формой сохранения культуры является оленеводство, которое не только представляет собой традиционный вид хозяйственной деятельности локальной группы эвенов, но и способствует сохранению таких компонентов материальной и духовной культуры, как традиционная одежда, питание, транспорт, ремесла, обычаи, ритуалы, верования и фольклор [Алексеева, 2016, с. 76—77].

Итак, в селе Себян-Кюёль сложилась трехкомпонентная ЯС, в которой эвенский доминирует, а русский и якутский языки выступают в роли дополнительных. Языковая ситуация является стабильной, однако в официально-деловых ситуациях и средствах массовой информации наблюдаются языковые сдвиги из-за отсутствия теле- и радиопередач на родном языке. Частично эти проблемы компенсируются публикациями на эвенском в республиканской и местной газетах, а также художественными произведениями, созданными представителями ламунхинских эвенов.

Культура и язык эвенов также продвигаются посредством мероприятий на родном языке, таких как ежегодный месяц родного языка. Эвенский языковой коллектив не испытывает старения, так как языковая компетентность молодого поколения уступает старшему только в незначительной степени. Однако возрастные различия проявляются в отношении к родному языку. На негативные тенденции в ЯС в с. Себян-Кюёль оказывают влияние такие факторы, как смешанные браки, нарушение внутрисемейного языкового общения, отсутствие средств массовой информации на эвенском языке и миграция молодежи.

4. Заключение = Conclusions

Для изучения структурных и содержательных характеристик языковой ситуации в селе Себян-Кюёль мы применяли комплексный подход, учитывая

как лингвистические, так и социальные параметры. Мы провели включенное наблюдение и социолингвистический опрос среди 81 респондента, представляющих различные возрастные, гендерные и социальные группы эвенов.

По результатам исследования языковая ситуация в Себян-Кюёль характеризуется многокомпонентностью, с преобладанием эвенского языка и наличием дополнительных русского и якутского языков. Эвенский язык функционирует в разных коммуникативных сферах, обладая многофункциональностью и высокой демографической мощью. Однако он испытывает некоторые трудности в официальной сфере, где доминирует русский язык, и в межэтнических браках, где его вытесняет якутский. Молодое поколение эвенов также проявляет меньший интерес к своему родному языку из-за его низкой конкурентоспособности за пределами района и республики.

К положительным факторам, которые оказывают влияние на ЯС в селе, относятся компактность и мононациональность населения, доминирование этнического языка в семейном общении и традиционной хозяйственной деятельности, приверженность национальным традициям и культуре, языковая поддержка со стороны образования и администрации.

К отрицательным факторам относятся территориальная разобщенность эвенов, доминирование русского языка в официальной сфере, бивитные браки, недостаточное использование эвенского в средствах массовой информации и Интернете, а также изменение отношения к языку среди молодого поколения.

Таким образом, языковая ситуация в селе Себян-Кюёль относительно благоприятная и стабильная, но она требует постоянного внимания и поддержки как со стороны государства, так и со стороны сообщества. Эвенский язык является важной частью этнической идентичности и культуры эвенов, и его сохранение жизненно важно для их будущего развития. Без целенаправленных мер по продвижению и защите эвенского языка он может столкнуться с кризисом из-за усиливающихся процессов ассимиляции русским и якутским языками.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ЛЭС — *Лингвистический энциклопедический словарь* / главный редактор В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 685 с. — ISBN 5-85270-031-2.

2. *Численность* постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения 27.09.2021).

Литература

1. *Алексеев А. А.* Эвены Верхоянья: история и культура : (конец XIX — 80-е гг. XX в.) / А. А. Алексеев. — Санкт-Петербург : BVM, 2006. — 243 с.
2. *Бандерова В. Я.* Историко-демографическая характеристика эвенов Кобяйского района Якутии в советский период / В. Я. Бандерова, С. А. Алексеева // Гуманитарные науки в Якутии : исследования молодых ученых. — Якутск : Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2020. — С. 62—72.
3. *Биткеева А. Н.* Анализ сценариев развития языковой ситуации и языковой политики в регионах РФ / А. Н. Биткеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2022. — № 2. — С. 3—7. — DOI: 10.18101/2686-7095-2022-2-3-7.
4. *Боргоякова Т. Г.* Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. Г. Боргоякова. — Москва, 2002. — 37 с.
5. *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири / И. С. Гурвич. — Москва : Наука, 1966. — 269 с.
6. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — 622 с.
7. *Дырхеева Г. А.* Социолингвистическое исследование недоминирующего языка : к проблеме проведения мониторинга языковой ситуации в Бурятии / Г. А. Дырхеева // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2015. — Выпуск 10 (01). — С. 3—7.
8. *История и культура эвенов : историко- этнографические очерки* / В. А. Туголуков, В. А. Тураев, А. Б. Спесивовский и др. // Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — 179 с.
9. *Кузьмина Р. П.* Ламунхинский говор эвенского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.02 / Р. П. Кузьмина. — Санкт-Петербург, 2008. — 25 с.
10. *Кузьмина Р. П.* О родовой состав ламунхинских эвенов / Р. П. Кузьмина // Materials of the II International Scientific Conference «Culture, Civilization, Society : Paradigms of Research and Trends in Interaction». — 2016. — № 26. — С. 41—44.
11. *Леонова Е. В.* История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века / Е. В. Леонова // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. — Москва : Изд-во МГОУ, 2011. — № 1. — С. 23—29.
12. *Михальченко В. Ю.* Социальная лингвистика в Российской Федерации (1992—1998) / В. Ю. Михальченко. — Москва : Институт языкознания РАН, 1998. — С. 7—11.
13. *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика : теория и проблемы / Л. Б. Никольский. — Москва : Наука, 1976. — 166 с.
14. *Потенциал устойчивого развития ареалов проживания и экономическая оценка качества жизни коренных малочисленных народов Севера* / В. А. Крюков, Н. Г. Шишацкий, Е. А. Брюханова, М. В. Кобалинский, А. М. Матвеев, А. Н. Токарев. — Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2014. — 144 с. — ISBN 978-5-89665-278-6.
15. *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1976. — 141 с.
16. *Филиппова В. В.* Ламунхинские эвены : численность и расселение в XX—XXI веках / В. В. Филиппова // Научный диалог. — 2017. — № 9. — С. 202—213. — DOI: 10.24224/22271295-2017-9-202-213.

17. Цыбденова Б. Ж. К вопросу о языковой ситуации / Б. Ж. Цыбденова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 14. — С. 219—222.
18. Цыбденова Б. Ж. Особенности языковой ситуации национального региона Российской Федерации : На примере Республики Бурятия : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 22.00.04 / Б. Ж. Цыбденова. — Улан-Удэ, 2003. — 22 с.
19. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика : теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1976. — 176 с.
20. Chikaipa V. The Role of Community Radio in Promotion of Indigenous Minority Languages and Cultures in Malawi / V. Chikaipa, A. M. Gunde // Journal of Radio & Audio Media. — 2020. — Vol. 28. — № 2. — Pp. 327—343. — DOI: 10.1080/19376529.2020.1751633.
21. Complexity and Simplification in Language Shift / J. Kantarovich, L. A. Grenoble, A. Vinokurova, E. Nesterova // Frontiers in Communication. — 2021. — Vol. 6. — DOI: 10.3389/fcomm.2021.638118.
22. Ferguson C. A. Language Structure and Language use : essays by Charles A. Ferguson / C. A. Ferguson. — Stanford : Stanford University-Press, 1971. — 327 p.

Статья поступила в редакцию 30.09.2023,
одобрена после рецензирования 01.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- LES — *Linguistic encyclopedic dictionary*. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 685 p. ISBN 5-85270-031-2. (In Russ.).
- The number of permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2021*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (accessed 27.09.2021). (In Russ.).

References

- Alekseev, A. A. (2006). *The Evens of Verkhoyansk: history and culture: (late XIX — 80s of the XX century)*. St. Petersburg: VVM. 243 p. (In Russ.).
- Banderova, V. Ya., Alekseeva, S. A. (2020). Historical and demographic characteristics of the Evens of the Kobyai district of Yakutia in the Soviet period. In: *Humanities in Yakutia: studies of young scientists*. Yakutsk: Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 62—72. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. (2022). Analysis of scenarios for the development of the language situation and language policy in the regions of the Russian Federation. *Bulletin of the Buryat State University. Philology*, 2: 3—7. DOI: 10.18101/2686-7095-2022-2-3-7. (In Russ.).
- Borgoyakova, T. G. (2002). *Development of social functions of the state Turkic languages of the republics of Southern Siberia*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 37 p. (In Russ.).
- Chikaipa, V., Gunde, A. M. (2020). The Role of Community Radio in Promotion of Indigenous Minority Languages and Cultures in Malawi. *Journal of Radio & Audio Media*, 28 (2): 327—343. DOI: 10.1080/19376529.2020.1751633.
- Complexity and Simplification in Language Shift. *Frontiers in Communication*, 6. DOI: 10.3389/fcomm.2021.638118.

- Dolgikh, B. O. (1960). *Generic and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 622 p. (In Russ.).
- Dyrheeva, G. A. (2015). Sociolinguistic research of a non-dominant language: on the problem of monitoring the language situation in Buryatia. *Bulletin of the Buryat State University*, 10 (01): 3—7. (In Russ.).
- Ferguson, C. A. (1971). *Language Structure and Language use*. Stanford: Stanford University-Press. 327 p.
- Filippova, V. V. (2017). Lamunkhinsky Evens: Population and Settlement in 20th — 21st Centuries. *Nauchnyi dialog*, 9: 202—213. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-9-202-213> (In Russ.).
- Gurvich, I. S. (1966). *Ethnic history of the North-East of Siberia*. Moscow: Nauka. 269 p. (In Russ.).
- History and culture of the Evens: historical and ethnographic essays. (1997). In: *Russian Academy of Sciences, Far East. otd-nie. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East*. St. Petersburg: Nauka. 179 p. (In Russ.).
- Kuzmina, R. P. (2008). *Lamunkhinsky dialect of the Even language*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 25 p. (In Russ.).
- Kuzmina, R. P. (2016). On the generic composition of Lamunkhin Evens. *Materials of the II International Scientific Conference "Culture, Civilization, Society: Paradigms of Research and Trends in Interaction"*, 26: 41—44. (In Russ.).
- Leonova, E. V. (2011). The history of the formation of the concept of "linguistic situation" in Russian linguistics of the twentieth century. In: *Bulletin of the Moscow State University. Series: Linguistics, I*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 23—29. (In Russ.).
- Mikhailchenko, V. Yu. (1998). *Social linguistics in the Russian Federation (1992—1998)*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 7—11. (In Russ.).
- Nikolsky, L. B. (1976). *Synchronous Sociolinguistics: theory and problems*. Moscow: Nauka. 166 p. (In Russ.).
- Schweitzer, A. D. (1976). *Modern sociolinguistics: theory, problems, methods*. Moscow: Nauka. 176 p. (In Russ.).
- Stepanov, G. V. (1976). *Typology of linguistic states and situations in the countries of Romance speech*. Moscow: Nauka. 141 p. (In Russ.).
- The potential of sustainable development of habitats and economic assessment of the quality of life of indigenous peoples of the North*. (2014). Novosibirsk: IEOPP SB RAS. 144 p. ISBN 978-5-89665-278-6. (In Russ.).
- Tsybdenova, B. Zh. (2003). *Features of the linguistic situation of the national region of the Russian Federation: On the example of the Republic of Buryatia*. Author's abstract of PhD Diss. Ulan-Ude, 2003. — 22 p. (In Russ.).
- Tsybdenova, B. Zh. (2010). On the question of the language situation. *Bulletin of the Buryat State University*, 14: 219—222. (In Russ.).

*The article was submitted 30.09.2023;
approved after reviewing 01.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

Информация для цитирования:

Иванова Р. П. Лексическая репрезентация семиотики запаха в картине мира якутского языка / Р. П. Иванова, Т. Л. Верхотурова, Е. Н. Афанасьева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 44—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-44-59.

Ivanova, R. P., Verkhoturova, T. L., Afanasyeva, E. N. (2023). Lexical Representation of Olfactory Semiotics in Worldview of Yakut Language. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 44-59. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-44-59. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-44-59

Лексическая репрезентация семиотики запаха в картине мира якутского языка

Иванова Раиса Петровна^{1*}

orcid.org/0000-0002-9757-1779

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой
английской филологии,

*** корреспондирующий автор**
raissal@yandex.ru

Верхотурова Татьяна Леонтьевна²

orcid.org/0009-0002-6055-1448

доктор филологических наук, профессор
кафедры английской филологии
taverkh@mail.ru

Афанасьева Евдокия Николаевна³

orcid.org/0000-0002-4373-9441

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела якутского языка
lukow@mail.ru

¹ Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова,
Политехнический институт (филиал) в г. Мирном
(Мирный, Россия)

² Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия)

³ Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Lexical Representation of Olfactory Semiotics in Worldview of Yakut Language

Raisa P. Ivanova^{1*}

orcid.org/0000-0002-9757-1779

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology,

*** Corresponding author**
raissal@yandex.ru

Tatiana L. Verkhoturova²

orcid.org/0009-0002-6055-1448

Doctor of Philology, Professor,
Department of English Philology
taverkh@mail.ru

Evdokiya N. Afanasyeva³

orcid.org/0000-0002-4373-9441

PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Yakut Language
lukow@mail.ru

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Polytechnic Institute (branch) in Mirny
(Mirny, Russia)

² Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

³ The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian Academy
of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л., Афанасьева Е. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование дополнительных семиотических смыслов, развиваемых обонятельной перцептивной лексикой в якутском языке. Проанализированы словарные данные о лексике обонятельной перцепции, а также механизмы создания когнитивно-семиотического пространства текста средствами этой лексики на материале произведения Н. А. Лугинова «Уларый-ы кэмэ» («Время перемен»). Обоняние рассматривается авторами как когнитивно-языковая категория, представляющая в якутском языке не только физиологический аспект чувственного взаимодействия с миром, но и широкий лингвокультурологический контекст, выражающий знаковую функцию социального, бытового, эстетического и т. п. статусов. Данные переводных и толковых словарей якутского языка обрабатывались с использованием классических методов анализа словарных дефиниций и с учетом элементов дистрибуции исследуемых лексических единиц. Установлено, что перцептивная лексика обонятельного восприятия, выполняющая в системе якутского языка возможность описания запахов как знаков-индексов, в художественном дискурсе реализует дополнительную когнитивно-семиотическую функцию знаков-символов, раскрывающих внутреннее состояние человека, его социально-бытовые взаимоотношения в обществе, морально-этические ценности.

Ключевые слова:

якутский язык; перцепция; обоняние; когнитивная семиотика; художественный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the exploration of additional semiotic meanings developed by olfactory perceptual lexicon in the Yakut language. The study analyzes lexicographic data on the vocabulary of olfactory perception, as well as the mechanisms of creating a cognitive-semiotic space of a text using this lexicon based on N. A. Lugynov's work "Ulatyy keme" ("Time of Change"). Smell is considered by the authors as a cognitive-linguistic category, representing in the Yakut language not only the physiological aspect of sensory interaction with the world, but also a broad linguistic and cultural context that expresses the sign function of social, everyday, aesthetic, etc. status. The data from translating and explanatory dictionaries of the Yakut language were processed using classical methods of analyzing dictionary definitions, taking into account the elements of distribution of the studied lexical units. As a result of the study, it was established that the perceptual lexicon of olfactory perception, which allows describing smells as signs-indexes in the system of the Yakut language, implements an additional cognitive-semiotic function of signs-symbols in artistic discourse, revealing the internal state of a person, their socio-domestic relationships in society, attitude towards moral and ethical values and life.

Key words:

Yakut language; perception; olfaction; cognitive semiotics; artistic discourse.

Лексическая репрезентация семиотики запаха в картине мира якутского языка

© Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л., Афанасьева Е. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Поскольку сенсорная физиология играет важную роль в филогенезе и онтогенезе *homo sapiens*, различные аспекты семантики и функционирования перцептивной лексики, в частности лексики запаха, становились объектом лингвистических исследований на материале разных языков [Рыбалченко, 2010; Зыховская, 2013; Шабалина, 2014; Бельская, 2016; Хамитова, 2017; Шнякина, 2017; Деханова, 2020; Алиева, 2021; Сафронова, 2021 и др.]. Однако в национальном якутском языке категория запаха в её лексическом выражении никогда не изучалась. Этот факт мотивировал наш интерес к проблеме вербализации перцептивных концептов в якутском языке.

Запах, как и любой другой модус восприятия, данный в ощущениях, всегда характеризуется в физиологическом (биологическом) перцептивном аспекте. Обонятельные ощущения (ольфакторика) «относятся к дистантным ощущениям, которые отражают запахи окружающих нас предметов. Органами обоняния являются обонятельные клетки, расположенные в верхней части носовой полости. Возникают при проникновении в нос вместе с вдыхаемым воздухом некоторых газообразных веществ» [Романова, 2019, с. 5]. Иными словами, источник информации — вещество, испускающее молекулы в воздух; эти молекулы представляют собой носителей (обонятельной) информации для человека и животного; информация интерпретируется в общей системе восприятия обонятельным анализатором.

В главе «Язык и восприятие» книги [Кубрякова, 2004] Е. С. Кубрякова, касаясь вопросов языкового генезиса и восприятия, пишет о том, что знание как результат человеческого экспериенциального опыта воспроизводится в языковых категориях (феноменах). Именно в языке, следовательно, обнаруживается информация о природе и содержании знания. И само восприятие «играет исключительную роль в процессах языковой категоризации» [Верхотурова, 2008, с. 69]. Чувственное восприятие любого типа, как это признано во всех теоретических концепциях, является основой когнитивного опыта человека, сам язык — это когнитивный механизм или средство формирования мыслей, тем самым языковые средства выражения перцептивных аспектов когниции являются когнитивно-языковыми кате-

гориями. Таким образом, как когнитивно-языковая категория якутского языка обоняние представляет особую значимость не только для описания физиологии (биологии) ольфакторики, но в самом широком культурологическом отношении — для выражения иных смыслов в качестве знака социального, бытового, эстетического и т. п. статуса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В терминах семиотики запах является интерпретируемым человеком (животным) знаком, имеющим функцию указания на источник, иначе говоря, знаком-индексом. Эта индексальная функция обусловлена физиологически, следовательно, присуща запаху всегда. Но в определенных контекстах, в частности в текстах художественного дискурса, ольфакторная лексика, выражающая категорию запаха, может расширять свою семиотическую функциональность от знаков-индексов до знаков-символов. Мы рассматриваем тексты художественного дискурса как носителей когнитивно-семиотического пространства: они выражают структуры знания, опирающиеся на авторские концепции и смыслы, обладающие определенной социальной значимостью (знаковостью).

В настоящей статье впервые предлагается когнитивно-семиотическое исследование перцептивной лексики якутского языка. Мы обсудим семантическую структуру обонятельной лексики на основании данных словарных дефиниций (системных данных) и функционирование этой лексики в художественном дискурсе: опишем и проанализируем способы лексического выражения семиотических характеристик запаха в художественном тексте произведения Н. А. Лугинова «Уларыйыы кэмэ» (Время перемен) (данные дискурсивного уровня).

Изучение перцепции как семиотического феномена подразумевает исследование её знаковой природы, так как возможность познания мира обеспечивается переводом реальности в знаковую (значимую) форму выражения, прежде всего в языковую [Бразговская, 2019].

Еще в учении стоиков знак представлялся сущностью, связывающей «воспринимаемое» и «понимаемое». Воспринимаемый знак репрезентирует что-то иное, не данное чувствам, но открываемое с его помощью для мышления. Августин определял знак как вещь, которая, помимо того, что дает чувствам форму, привносит в мышление нечто новое, производя из себя нечто иное [Цит. по: Бычков, 1995, с. 484]. Спустя столетие такая же идея о наличии отношений чувственного и мысленного воспроизводится и в семиологии Ф. де Соссюра, где знак трактуется как единство чувственно воспринимаемого «означающего» и мыслимого «означаемого» [Соссюр, 2020, с. 100].

В семиотическом проекте Ч. Пирса предполагается, что значением знака может быть не только выражаемая с его помощью мысль, но и «действие или опыт», а также «качество переживания» [Пирс, 2000, с. 289]. Из концепции Ч. Пирса следует, что познание и мышление имеют семиотическую природу.

Ю. М. Лотман, выделяя понятие семиосферы, подчеркивает, что «единицей семиозиса следует считать не отдельный язык, а всё присущее данной культуре семиотическое пространство», под этим пространством и понимается семиосфера [Лотман, 2000, с. 251]. В семиотическом пространстве конкретной данной культуры определенная перцептивно-когнитивная информация оказывается более существенной, значимой, чем другие типы информации от воспринимаемых источников.

В статье исследуется когнитивно-семиотическая функция перцептивной лексики обонятельного восприятия в том выражении, в котором она проявляется в словарных дефинициях и в художественном дискурсе (в книге Н. Лугинова «Уларыйы кэмэ»), для выявления лингвокультурных особенностей репрезентации категории перцепции в якутской языковой картине мира.

Материалом исследования послужили словарные описания семантики перцептивной лексики сферы восприятия запаха и контексты, в которых употребляется эта лексика в вышеуказанном художественном произведении. Роман является продолжением книги «Хунские повести». Николай Лугинов — народный писатель Якутии, драматург и сценарист, член Союза писателей СССР с 1979 года. В настоящее время является директором Литературного музея им. П. А. Ойунского, сопредседателем правления Союза писателей России, вице-президентом Академии духовности Республики Саха. Н. Лугинов пишет исторические романы. В 2009 году по его книге «По велению Чингисхана» был снят фильм «Тайна Чингис Хаана». Излюбленной темой автора является проблема взаимоотношений общества и человека в определенный исторический отрезок времени, а также ставятся вопросы судьбы народа, сохранения его культуры и самоидентичности.

Роман «Уларыйы кэмэ» состоит из 5 рассказов и повествует о выходе из Китая У Хуане, попадающем в плен к хунну. В произведении автор раскрывает проблему человеческих отношений, надежды и отчаяния, доброты и жестокости, отваги и малодушия на примере героев. Анализ контекстного употребления языкового материала помогает обнаружить дополнительные когнитивно-семиотические смыслы в перцептивной лексике, описывающей обонятельный модус восприятия в якутском языке.

Данные переводных и толковых словарей якутского языка обрабатывались с использованием классических методов анализа словарных дефиниций и с учетом элементов дистрибуции исследуемых лексических единиц.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Обоняние в культурной картине мира народа саха

Якутская культура имеет много общего с культурой древних кочевых народов — тюрков, монголов и тунгусов. Понятие запаха, его ощущение и роль в мировосприятии кочевников упоминаются во многих работах по этнографии. Разные аспекты интерпретации мира запахов в традиции тюрко-монгольских кочевых народов Внутренней Азии изучены М. М. Содномпиловой в мифологии и ритуальной практике, в социальной коммуникации, в семейных и интимных отношениях и др. Она выделила общие признаки восприятия запаха, присущие кочевнической культуре, в том числе и якутской. Согласно мифологии, три мира, верхний, средний и нижний, имеют характерные запахи. В среднем мире людей приятные запахи связаны с домашними животными, пищей, некоторыми растениями и цветами. Неприятными выступают запахи горелого, гниющего. Запахи домашних животных, ставших для кочевников привычными, считались благоприятными и создавали ощущение комфорта, безопасности, благополучия [Содномпилова, 2020, с. 38]. В коммуникации людей с иным миром особую роль играют запахи сакральных растений, использующихся в ритуальной практике. Богородская трава, можжевельник, пихтовая кора использовались в обрядах освящения, окуливания, очищения и в лечении. Подчеркивается значимость индивидуального запаха, присущего человеку в социальной коммуникации. Вдыхание запаха близкого человека является одной из форм контактов [Там же, с. 43].

В своей статье «Особенности ольфакторной коммуникации в якутском тексте» С. Е. Ноева привлекает внимание к особой культурной значимости запаха для якутского этноса. Автор приводит целый ряд факторов, свидетельствующих об «окультуривании» запаха в картине мира якутского языка. На материале якутских текстов она выделяет несколько уровней одористической картины якутского мира: запахи природного пространства, культурно-бытового мира, физиологические запахи и запахи ирреальной сферы. Она рассматривает значение запаха в личностной идентификации, межвидовой коммуникации, разделении своего и чужого мира. Запах является одним из основных способов идентификации, закрепления статуса человека в пространстве: «На физиологическом уровне понятие запаха глубоко связано с мировосприятием человека саха», считающего себя «неотъемлемой частью природы. Запах связывает его с животным миром, где нюх имеет особое значение в метке территории, создании зоны безопасности, в поиске партнера» [Ноева, 2021, с. 54].

В терминах когнитивно-семиотического подхода к концептуализации восприятия (см. подробнее в нашей работе [Иванова и др., 2022]) сказан-

ное выше должно указывать на особую роль лексики ольфакторного восприятия в означивании природного, физиологического, культурного миров.

3.2. Лексикографические данные о запахе (системные лексические значения в якутском языке)

Как показал анализ лексикографических источников, основным номинантом категории (концепта) обоняния в якутском языке является существительное *сыт* (запах). Ниже предлагается исследование семантики этой лексемы в терминах традиционной методологии согласно мысли Е. Г. Беляевской о том, что «когнитивная лингвистика рассматривает семантику языковых явлений (языковых единиц и текстов) в качестве основного предмета лингвистического анализа, поэтому, говоря о методах лингвистического исследования в когнитивной лингвистике, мы имеем в виду **методы семантического анализа**» (выделено в оригинале) [Беляевская, 2014, с. 13].

В «Большом толковом словаре якутского языка» (далее — БТСЯЯ) *сыт* определяется как «особый знак, который человек, дикое или домашнее животное узнает через нос: кииһи (кыыл, сүөһү) муннуһан сыттаан билэр ураты бэлиэтэ» [БТСЯЯ, т. 9, с. 495]. Семиотический аспект восприятия запаха в якутском языке акцентируется уже в семантике слова в виде ключевой для дефиниции лексемы *бэлиэ* (знак). Данное существительное в сочетании с глаголом ментального действия *бил* (знать, узнать) обозначает процесс обонятельной перцепции: *сыты бил* (чувствовать запах). В этом же словаре приводится пример: *Түптэ сыта билиннэ.* (Я почувствовал, букв. узнал, запах дымокура) (здесь и далее перевод наш. — Р. И.).

В приведенном примере запах дымокура является свидетельством деятельности человека и знаком-индексом того, что поблизости находится населенный пункт *сайылык* (летник или деревня).

По данным БТСЯЯ, слово *сыт* (запах) имеет большой словообразовательный потенциал и образует следующий ряд **глаголов**:

1) глаголы со значением характеристики ольфакторного объекта:

Сыттан — муннугар саба бизэрэр ураты сыттаах буол (букв. иметь запах, который внезапно ударяет в нос), ‘стать душистым, пахучим, приобрести душок, пахнуть’ [Там же, с. 497]. Лексема употребляется для обозначения проявления ольфакторного признака и описывает познание через восприятие запаха в пассивном виде, акцентируя внимание на проявлении признака как таковом.

Сыттый — туох эмэ сыттаах буол; ханнык эмэ сыты таһаар, ‘приобретать какой-либо запах, источать какой-либо запах’; буорту буола быһыытый, куһаҕан сыттаах буол (букв. испортиться, иметь плохой запах), ‘издавать неприятный запах’ [Там же, с. 497]. Так же, как и *сыттан*,

фокусируется на свойствах объекта обонятельной перцепции и обозначает в основном негативный перцептивный опыт;

2) глаголы со значением ольфакторного действия:

Сытырбаа — туох эмэ сытын ыл уонна сытынан арааран өйдөө (букв. взять запах чего-либо, отличить его по запаху и понять), ‘обнюхивать, нюхать’ [Там же, с. 503]. Слово используется для обозначения целенаправленного перцептивного действия;

3) глаголы, обозначающие акт ольфакторной перцепции:

Сыттаа — туох эмэ сытын ыл (букв. взять какой-то запах), ‘чутья запах, чувствовать запах’ [Там же, с. 496]. Обозначает собственно акт обонятельного восприятия, носящий непроизвольный характер.

Широко представлены *прилагательные*, производные от *сыт*:

Сыттаах — сыт таһаарар, сытынан аңылыһар (букв. выделяющий запах, распространяющий запах), ‘душистый, пахучий’; аһыйа быһыытыйбыт (букв. как будто прокисший), ‘с душком’ [Там же, с. 497]. Прилагательное используется для выражения характеристики воспринимаемого объекта, как положительной, так и отрицательной.

Сытымсах — сыты ылымтыа, билимтиэ (киһи, кыыл туһунан) (букв. способный брать, узнавать запах, о человеке или животном), ‘чуткий в отношении обоняния’ [Там же, с. 502]. Лексема характеризует субъекта обонятельной перцепции и описывает человека или животное, обладающих обостренным обонянием.

Сытыган — куһаҕан, амырыын сыттаах (букв. имеющий плохой, отвратительный запах), ‘вонючий, с отвратительным запахом’; сытыйбыт сыттаах (букв. имеющий запах гнили), ‘гнилой, тухлый, смердящий, зловонный’ [Там же, с. 499]. Это слово имеет только отрицательное значение и выражает отчётливо негативный опыт ольфакторной перцепции.

Обращает на себя внимание существительное, образованное от *сыт*, омонимичное прилагательному *сытыган* — куһаҕан сыттаах туох эмэ сытыһан буорту буолбута (букв. нечто, имеющее плохой запах из-за того, что оно испортилось и сгнило), ‘гниль, тухлятина’. Лексическая единица номинирует объект обонятельной перцепции, выделяющий резкий, неприятный запах.

Парное существительное *сыт-сымар* — киһи муннугар саба биэрэр, биллэр сыты сыт (букв. внезапно отдающий в нос, узнаваемый им острый запах), ‘резкий запах’; ‘аромат, благоухание’; ‘вонь, смрад’. Употребляется как самостоятельно, так и в составе фразеологизма *сыт-сымар таһсаарай* ‘авось достанется что-либо съестное, вдруг удастся чем-либо разжиться’. В переводном онлайн-словаре [SakhaTyly.ru] приводится только его отрицательное значение: ‘резкий запах, зловоние, смрад’.

В [БТСЯЯ] зафиксированы фразеологизмы с *сыт*, обозначающие:

— **исчезновение**: *сыта да суох* ‘ничего не осталось, нет и в помине’ (букв. нет даже запаха) [БТСЯЯ, т. 9, с. 495], *сыттыын сүттэ* ‘исчезнуть, как в воду кануть’ (букв. исчез вместе с запахом) [Там же];

— **ритуальное действие**: *сыт таһаар* ‘кинуть в огонь немного конского волоса’ [Там же] (по поверью якутов, почуяв его запах, духи могли прийти на помощь);

— **физиологическое перцептивное действие в мире животных**: *сыт ыл* ‘взять след по запаху (о собаке, о животных)’ [Там же];

— **характеристику запаха**: *ыы-дьаар сыт* ‘резкий зловонный запах, зловоние’ [Там же].

Таким образом, слово *сыт* (запах) и его производные вербализуют комплексную ситуацию, включающую ряд аспектов создания чувственных образов внешних характеристик объектов и процессов окружающего мира, воздействующих на органы чувств человека. В их основе лежат ощущения в виде сложных психофизиологических процессов. Пространственно-временная, причинно-следственная смежность компонентов этих сложных явлений в реальной ситуации и акцентирование то на одном, то на другом компоненте сформировали регулярные модели метонимических сдвигов в значении анализируемых лексических единиц [Taylor, 1989; Падучева, 2000; Barcelona, 2002].

3.3. Когнитивно-семиотическая функция запаха в художественном дискурсе (на материале произведения Н. А. Лугинова «Уларыыы кэмэ»)

Как показал анализ, перцептивная лексика в тексте произведения выполняет функцию когнитивно-семиотического описания воздействия запаха на человека, объединяя его внешний и внутренний мир. Лексема *сыт* (запах) в зависимости от контекста и сочетания с соответствующими языковыми единицами может обозначать как приятные, так и неприятные запахи, репрезентация которых в произведении обрастает дополнительными смыслами. Рассмотрим несколько наиболее показательных примеров.

Главный герой романа, пленный выходец из Китая, У Хуан, женится на дочери хуннского воина и становится полноценным членом племени. Позже его принимают в ряды хуннских воинов, так он получает высокий статус. Эти преобразования описываются автором при помощи перцептивной лексики обонятельного восприятия:

(1) *Кэргэнэ аны өлгөм тумалаах аһы астыа, ол дыргыл сыта* туланы толоруо [Лугинов, 2018, с. 6] (Его жена приготовит вкусную еду, приятный запах которой заполнит всё вокруг).

Став воином, главный герой романа начинает мечтать о том, как наладится их с женой жизнь, и автор передает его радостные чувства и меч-

ты посредством словосочетания *дыргыл сьт* (приятный запах), которое выполняет в описываемом контексте функцию знака-символа рисующейся в перспективе благополучной сытой жизни. Форма будущего времени глагола-сказуемого (*толоруу* / заполнит) подтверждает необходимость символично-семиотической трактовки запаха: приятный запах в семиотическом пространстве произведения получает дополнительную к указательной функции интерпретацию — символа будущего благополучия.

Обратимся к следующему примеру, в котором лексика обоняния также реализует особый, дополнительный смысл. У Хуан, прибыв домой с поля боя, с удивлением обнаружил, что его жена странно себя ведёт: приготовила вкусный ужин и предлагает намазать его голову мазью, чтобы волосы не седели:

(2) *Сэриш кихитэ буолан ыраах ханан эрэ эргитэн, туюх эрэ бөрүкүтэ суох бэлэмнэнниллэрин уорбалаата. Аны сытыттан тойонноотоххо кихээнни бэрт мааны аһылык бэлэм* [Там же, с. 7] (Будучи человеком военным, проанализировав ситуацию, он заподозрил, что планируется что-то неладное. Судя по запаху, приготовлен роскошный ужин).

В приведенной ситуации лексика обоняния вопреки системной, заданной в словарях положительной оценке реализует противоположный смысл для субъекта восприятия и предупреждает его об опасности. Как человек военный, он интуитивно чувствует, что происходит что-то неладное, готовится какая-то интрига или западня. Как оказалось, У Хуан был прав: его жена выбрала для него молодую женщину, чтобы он родил с ней детей для продолжения рода. Между супругами происходит конфликт, так как в культуре У Хуана это недопустимо. Таким образом, перцептивная лексика, первоначально содержащая положительную оценку обонятельной перцепции, в семиотическом пространстве произведения приобретает отрицательный смысл и является знаком-индексом неприятной ситуации.

Рассмотрим такой фрагмент языкового материала, в котором обоняние коррелирует с ментальными состояниями и процессами:

(3) *У Хуан төрөөбүт туматын сытыттан туймааран мэйиитэ эргийдэ, хараба ууланна* [Там же, с. 18] (От запаха родных специй у У Хуана закружилась голова и потекли слезы).

Восприятие запахов тесно взаимосвязано с другими психофизическими процессами, такими как память, воображение и мышление. Запах специй, являясь знаком-символом родины, вызывает у главного героя чувство тоски по ней. Внутреннее эмоциональное состояние человека имеет внешнее физическое проявление, например, как в приведенной ситуации: у героя кружится голова и текут слезы не от запаха специй — реальным каузатором данных физических проявлений является тоска по родине.

(4) *Ити баар дии — **сыт** диэн! Олобу бары дэгэтин көрө, истэ, **сыт-тыы** сылдьан астымматтаахпыт* [Там же, с. 19] (Вот что значит запах! Мы не обращаем внимания на звуки и запахи жизни, не получаем от них удовольствие).

Герою романа, У Хуану, приснились родные края. Он ел свои любимые блюда, вкус и запах которых уже подзабыл. Внезапно он отчетливо почувствовал запах китайских специй. Этот запах возвращает его обратно на родину, где он жил до того, как попал в плен к хуннам. Однако, оказавшись в плену, он с удивлением обнаруживает, что ему у хуннов живется свободнее и лучше, чем в Китае с его строгими традиционными устоями. Почувствовав родной запах, он задумывается о роли запахов в жизни человека и приходит к мысли, что людям стоит всегда обращать внимание на запахи, в них кроется тайна жизни, они символизируют саму жизнь.

(5) *Манна төһө да дынг Кытай сирэ буолбатабын иһин, салгына төрөөбүт дойдутун санатар, **сыттыын-сымардыын атын** эбит* [Там же, с. 8] (Хоть здесь и не Китай, воздух напоминает его родину, даже запах другой).

В разведке У Хуан замечает, что воздух пахнет по-другому и напоминает его родину. Парное существительное *сыт-сымар* (зловоние, смрад), имеющий в лексикографических источниках отрицательную коннотацию, в тексте произведения приобретает положительный смысл и обозначает дорогой сердцу запах родины, эксплицируя, как знак-символ, чувство тоски по родине, ностальгию.

Перцептивные лексические единицы, реализующие отрицательную оценку процесса обоняния, встречаются в произведении редко и в основном в начале повести, когда У Хуану снится страшный сон. Ему кажется, что он убегает от чудовища, которое вот-вот схватит и проглотит его, он падает куда-то вниз и оказывается посреди ужасно пахнущего болота. Гнилостный запах заполняет все вокруг:

(6) *Тула өттүн хойуу **ньбай сытыган сыта тунуйар*** [Там же, с. 4] (Все вокруг наполнено густым гнилостным дурным запахом).

Неприятный запах, наполняющий пространство сна, выполняет функцию знака-символа неизбежной ситуации, безысходности и сильного глубокого страха. Во сне У Хуан впервые испытывает страх, вызванный этим зловонным гнилостным запахом:

(7) *Бу түүүлүгэр олобор аан бастаан куттанар диэн тугун биллэ. Киһи кута-сүрэ тостор кутталын. Кутталтан эт-сиин барыта салыбыраан, уос ыпсыбат буолуор диэри босхо барар эбит* [Там же] (Во сне он впервые испытал страх. Страх, захватывающий дух. От страха вся его плоть задрожала, а губы не могли сомкнуться).

Ниже приводится отрывок с фразеологической единицей *сыта да суох* (нет и в помине):

(8) *Урут итинник дириг силлэстээх санаалар сыттара да суоҕа...* [Там же, с. 19] (Раньше он даже не задумывался о таких глубоких вещах (букв. У него раньше даже запаха таких мыслей не было)).

В рассматриваемом контексте фразеологизм приобретает дополнительное значение, так как запахом здесь наделяется абстрактное понятие — *санаа* (мысль). Исходя из анализа словарных дефиниций и контекста описываемой ситуации, можно прийти к выводу, что наличие / отсутствие запаха есть знак-индекс существования / несуществования чего-либо, в том числе и таких абстрактных сущностей, как мысли.

4. Заключение = Conclusions

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, обоняние как когнитивно-языковая категория якутского языка представляет особую значимость не только для описания физиологической (биологической) хеморецепции, но и для выражения культурных и когнитивно-семиотических аспектов ольфакторики как знака социального, бытового, эстетического и т. п. статуса, что позволило нам рассмотреть её семиотические характеристики.

Во-вторых, центральная номинанта категории запаха в якутском языке слово *сыт* (запах) и его производные метонимически описывают комплексную ситуацию, включающую ряд аспектов создания чувственных образов внешних характеристик объектов и процессов окружающего мира: воздействие на органы чувств, произвольное восприятие запаха и целенаправленное перцептивное действие.

В-третьих, анализ контекстного употребления языкового материала в текстах художественного дискурса обнаруживает дополнительные когнитивно-семиотические смыслы, создаваемые перцептивной лексикой, описывающей ольфакторный модус восприятия в якутском языке.

Установлено, что лексика запаха используется для вербализации широкого спектра значений: внутреннего состояния человека (его чувств и эмоций); социально-бытовых взаимоотношений индивидов в обществе; умения человека адаптироваться к новым реалиям; отношения человека к морально-этическим ценностям, к жизни; мыслительной деятельности, интуиции.

На примере анализа языковой эмпирики продемонстрировано, что лексика со значением знаков-индексов, описывающая в системе якутского языка ольфакторную сферу, в когнитивно-семиотическом пространстве художественного дискурса может приобретать значение знаков-символов, выходящих за пределы собственно биологической перцепции.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2011. — Т. 8. — 572 с. — ISBN 978-5-02-019043-6.
2. БТССЯ — *Большой толковый словарь якутского языка* / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед. ; под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2012. — Т. 9. — 630 с. — ISBN 978-5-02-019050-4.
3. *Лугинов Н. Уларыйыы кэмэ (Бизэс сэхэнтэн туарар роман)* / Н. Лугинов // Чолбон : [литературный журнал]. — 2018. — №4. — С.4—25.
4. SakhaTyLa.ru — *Якутский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://sakhatyla.ru/translate> (дата обращения 30.11.2022-10.01.2023).

Литература

1. *Алиева В. А. Культурфилософия запаха в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот»* / В. А. Алиева // Соловьевские исследования. — 2021. — № 3 (71). — С. 182—194. — DOI: 10.17588/2076- 9210.2021.3.182-194.
2. *Бельская А. А. Обонятельный сегмент художественного мира романа И. С. Тургенева «Дым»* / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2016. — № 4 (73). — С. 113—124.
3. *Беляевская Е. Г. Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике* / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. — 2014. — Выпуск 20 (706). — С. 9—21.
4. *Брагина Р. И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций Саха / Р. И. Брагина.* — Новосибирск : Наука, 2005. — 307 с. — ISBN 5-02-032323-3.
5. *Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры* / Е. Е. Бразговская. — Москва : Юрайт, 2019. — 187 с. — ISBN 978-5-534-11201-6.
6. *Бычков В. В. Эстетика отцов церкви. Апологеты. Блаженный Августин* / В. В. Бычков. — Москва : Ладомир, 1995. — 593 с. — ISBN 5-86218-128-8.
7. *Верхотурова Т. Л. Фактор наблюдателя в языке науки : монография* / Т. Л. Верхотурова. — Иркутск : ИГЛУ, 2008. — 289 с. — ISBN 978-5-88267-272-9.
8. *Деханова О. А. Отражение ольфакторной культуры XIX века в произведениях Ф. М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание»* / О. А. Деханова // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2020. — № 3 (11). — С. 68—90. — DOI: 10.22455/2619-0311-2020-3-68-90.
9. *Зыховская Н. Л. Ольфакторные сюжеты : запах как временная смерть* / Н. Л. Зыховская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 1—2. — С. 106—109.
10. *Иванова Р. П. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции в якутском языке* / Р. П. Иванова, Т. Л. Верхотурова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2022. — № 6 (224). — С. 45—51.
11. *Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира* / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.

12. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство, 2004. — 704 с. — ISBN 5-210-01562-9.
13. Ноева С. Е. Особенности ольфакторной коммуникации в якутском тексте / С. Е. Ноева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2021. — № 12 (114). — С. 54—56. — DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.164.
14. Падучева Е. В. Пространство в облики времени и наоборот (К типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языковое пространство. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 239—245.
15. Пирс Ч. С. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков / Ч. С. Пирс. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 672 с. — ISBN 5-89329-278-2.
16. Романова М. В. Общая психология : познавательные процессы / М. В. Романова. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. — 64 с.
17. Рыбалченко Е. А. Поэтика цвета и запаха в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Е. А. Рыбалченко // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — 2010. — № 3. — С. 74—81.
18. Сафронова Е. Ю. Ольфакторная поэтика эпистолярного романа «Бедные люди» и повести «Двойник» / Е. Ю. Сафронова, А. А. Потапова // Культура и текст. — 2021. — № 4 (47). — С. 6—28. — DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-6-28.
19. Содномпилова М. М. Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии / М. М. Содномпилова // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2020. — Т. 32. — С. 37—47. — DOI: 10.26516/2227-2380.2020.32.37.
20. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр ; переводчик А. М. Сухотин ; под редакцией Р. О. Шор. — Москва : Юрайт, 2020. — 303 с. — ISBN 978-5-534-05835-2.
21. Хамитова А. З. Сакральные запахи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне» / А. З. Хамитова // Аллея науки. — 2017. — Т. 2. — № 8. — С. 260—265.
22. Шабалина Н. Н. Запахи чужбины в романе В. Набокова «Машенька» / Н. Н. Шабалина Н. О. Игнатъева // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 43. — С. 123—129.
23. Шнякина Н. Ю. Опыт моделирования событийного концепта : на материале вербализованной ситуации ольфакторной перцепции / Н. Ю. Шнякина. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 182 с. — ISBN 978-5-9765-2901-4.
24. Barcelona A. On the ubiquity and multiple level operation of metonymy / A. Barcelona // Cognitive linguistics today. — Frankfurt-Main : Peter Lang, 2002. — Pp. 197—206.
25. Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. — Oxford : Clarendon Press, 1989. — 310 p.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023,
одобрена после рецензирования 06.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

BTSSYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language*, 8. (2011). Novosibirsk: Nauka. 572 p. ISBN 978-5-02-019043-6. (In Russ.).
BTSSYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language*, 9. (2012). Novosibirsk: Nauka. 630 p. ISBN 978-5-02-019050-4. (In Russ.).

Luginov, N. (2018). A Time of Change (a novel of five stories). *Cholbon: [literary journal]*, 4: 4—25. (In Yakut.).
SakhaTyla.ru — *Yakut Dictionary*. Available at: <https://sakhatyla.ru/translate> (accessed 30.11.2022-10.01.2023). (In Yakut.).

References

- Alieva, V. A. (2021). The cultural philosophy of smell in the novel Zh.-K. Huysmans “On the Contrary”. *Solovyov studies*, 3 (71): 182—194. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.182-194. (In Russ.).
- Barcelona, A. (2002). On the ubiquity and multiple level operation of metonymy. In: *Cognitive linguistics today*. Frankfurt-Main: Peter Lang. 197—206.
- Belskaya, A. A. (2016). Olfactory segment of the artistic world of I. S. Turgenev’s novel “Smoke”. *Scientific notes of the Orel State University*, 4 (73): 113—124. (In Russ.).
- Belyaevskaya, E. G. (2014). Methods of lexical semantics analysis in cognitive linguistics. *Herald of the MGLU*, 20 (706): 9—21. (In Russ.).
- Bravina, R. I. (2005). *The concept of life and death in the culture of an ethnic group based on the traditions of Sakha*. Novosibirsk: Nauka. 307 p. ISBN 5-02-032323-3. (In Russ.).
- Brazgovskaya, E. E. (2019). *Semiotics. Languages and codes of culture*. Moscow: Yurayt. 187 p. ISBN 978-5-534-11201-6. (In Russ.).
- Bychkov, V. V. (1995). *Aesthetics of the fathers of the Church. Apologists. Blessed Augustine*. Moscow: Ladomir. 593 p. ISBN 5-86218-128-8. (In Russ.).
- Dekhanova, O. A. (2020). Reflection of the olfactory culture of the XIX century in the works of F. M. Dostoevsky. The smell of the city on the example of the novel “Crime and Punishment”. *Dostoevsky and world culture. Philological Journal*, 3 (11): 68—90. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-3-68-90. (In Russ.).
- Ivanova, R. P., Verkhoturova, T. L. (2022). Cognitive-semiotic analysis of visual perception vocabulary in the Yakut language. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 6 (224): 45—51. (In Russ.).
- Khamitova, A. Z. (2017). Sacred smells in I. S. Shmelev’s novel “The Summer of the Lord”. *Alley of Science*, 2 (8): 260—265. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2004). *Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskustvo. 704 p. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).
- Noeva, S. E. (2021). Features of olfactory communication in the Yakut text. *International Research Journal*, 12 (114): 54—56. DOI: 10.23670/IRJ.2021.114.12.164. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2000). Space in the guise of time and vice versa (To the typology of metonymic transfers). In: *Logical analysis language. Language space*. Moscow: Languages of Russian Culture. 239—245. (In Russ.).
- Pierce, Ch. S. (2000). *The Beginnings of Pragmatism. Logical foundations of the theory of signs*. Saint Petersburg: Aleteya. 672 p. ISBN 5-89329-278-2. (In Russ.).
- Romanova, M. V. (2019). *General psychology: cognitive processes*. Penza: Publishing House of PSU. 64 p. (In Russ.).

- Rybalchenko, E. A. (2010). Poetics of color and smell in M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don". *Bulletin of the M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Philological sciences*, 3: 74—81. (In Russ.).
- Safronova, E. Yu., Potapova, A. A. (2021). Olfactory poetics of the epistolary novel "Poor People" and the story "The Double". *Culture and text*, 4 (47): 6—28. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-6-28. (In Russ.).
- Saussure, F. (2020). *General Linguistics course*. Moscow: Yurayt. 303 p. ISBN 978-5-534-05835-2. (In Russ.).
- Shabalina, N. N., Ignatieva, N. O. (2014). Odors of a foreign land in V. Nabokov's novel "Mashenka". *In the world of science and art: questions of philology, art history and cultural studies*, 43: 123—129. (In Russ.).
- Shnyakina, N. Y. (2017). *The experience of modeling an event concept: on the material of a verbalized situation of olfactory perception*. Moscow: Flint: Nauka. 182 p. ISBN 978-5-9765-2901-4. (In Russ.).
- Sodnompilova, M. M. (2020). The world of smells and olfactory communication in the tradition of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia. *News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*, 32: 37—47. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.32.37. (In Russ.).
- Taylor, J. R. (1989). *Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory*, 1. Oxford: Clarendon Press. 310 p.
- Verkhoturova, T. L. (2008). *Observer factor in the language of science: monograph*. Irkutsk: IGLU. 289 p. ISBN 978-5-88267-272-9. (In Russ.).
- Zyhovskaya, N. L. (2013). Olfactory plots: smell as a temporary death. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1—2: 106—109. (In Russ.).

*The article was submitted 27.09.2023;
approved after reviewing 06.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Курилова С. Н. Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров / С. Н. Курилова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 60—76. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76.

Kurilova, S. N. (2023). Unadapted Foreign Language Insertions in Spoken Language of Tundra Yukaghir. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 60-76. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-60-76

Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров

Курилова Самона Николаевна

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Международная научно-

исследовательская лаборатория

«Лингвистическая экология Арктики»

samonakur@mail.ru

Северо-Восточный федеральный

университет им. М. К. Аммосова

(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научного проекта «Сохранение
языкового и культурного многообразия
и устойчивое развитие Арктики и
Субарктики Российской Федерации»
(грант Правительства РФ,
соглашение № 075-15-2021-616).

Unadapted Foreign Language Insertions in Spoken Language of Tundra Yukaghir

Samona N. Kurilova

orcid.org/0000-0002-0300-3771

ResearcherID: P-4695-2015

PhD in Philology,

Senior Researcher,

International Research Laboratory

“The Arctic Linguistic Ecology”

samonakur@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern

Federal University

(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the scientific project
“Preservation of linguistic
and cultural diversity and sustainable
development of the Arctic and Subarctic
Regions of the Russian Federation”
(grant of the Government
of the Russian Federation, agreement
№ 075-15-2021-616).

© Курилова С. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые рассмотрены иноязычные вкрапления в языке тундровых юкаги́ров-полилингвов Нижней Колымы Якутии, языковой репертуар которых складывается из трех- и более языков. Актуальность исследования продиктована в первую очередь неизученностью контактных явлений в юкагирском языке в целом, сокращающимся числом носителей и важностью документации этого древнего языка северо-востока Сибири. Цель исследования — выявить особенности функционирования вкраплений в современной живой речи тундровых юкаги́ров. Материалом послужили записи устной речи юкаги́ров в виде полилога, диалога и монолога, фрагменты транскриптов которых впервые вводятся в научный оборот. Анализ показал, что вкрапления в юкагирской речи реализуются якутскими и русскими вкраплениями, восходящими к различным частям речи гостевых языков. Автор приходит к выводу об актуальности якутского языка как второго после этнического в виду большей частотности в речи якутских элементов, чем русских. Установлено, что вкрапления маркируются пустыми и заполненными паузами, вокальными, лексико-семантическими и паралингвистическими хезитациями. Отмечается, что креативная функция реализуется через манеру употребления вкраплений отдельным юкаги́ром-полилингвом в своей речи.

Ключевые слова:

язык тундровых юкаги́ров; якутский язык; русский язык; вкрапление; части речи; хезитация; функции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The foreign language insertions in the language of the tundra Yukagirs-polyglots of the Lower Kolyma in Yakutia are considered for the first time. The relevance of the study is primarily dictated by the lack of research on contact phenomena in the Yukagir language as a whole, the decreasing number of speakers, and the importance of documenting this ancient language of Northeast Siberia. The goal of the study is to identify the functioning features of insertions in the modern spoken language of the tundra Yukagirs. The material consists of recordings of oral speech by Yukagirs in the form of polylogue, dialogue, and monologue, fragments of transcripts of which are introduced into scientific circulation for the first time. The analysis shows that insertions in Yukagir speech are realized through Yakut and Russian insertions, originating from various parts of speech of the guest languages. The author concludes the relevance of the Yakut language as the second language after the ethnic one, due to the higher frequency of Yakut elements in Yakut speech compared to Russian ones. It has been established that insertions are marked by empty and filled pauses, vocal, lexical-semantic, and paralinguistic hesitations. It is noted that the creative function is realized through the manner of using insertions by individual Yukagir polyglots in their speech.

Key words:

Tundra Yukaghir language; Yakut language; Russian language; inclusion; parts of speech; hesitation; functions.

Неадаптированные иноязычные вкрапления в живой речи тундровых юкагиров

© Курилова С. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Юкагиры издавна считались знатоками не только своего родного юкагирского языка, но и нескольких языков своих соседей — чукчей, эвенков, якутов и русских. Такая ситуация сложилась исторически и географически, поскольку на территории проживания юкагиров постоянно складывались зоны интенсивных этнических и языковых контактов. Первые юкагиры появляются на территории современной Якутии и смежных районов северо-востока Азии примерно в конце III тыс. до н. э. Самые ранние контакты у древних юкагиров устанавливаются с чукчами и коряками на востоке, позднее в XII веке — с ламутами, мигрировавшими с юга, и тунгусами — с запада, и более поздние отношения юкагирам пришлось налаживать с народами-пришельцами: якутами в XVI—XVII веках и русскими в XVII веке. Взаимоотношения некогда многочисленных юкагирских племен и их соседей складывались из конфликтов, совместных миграций, взаимных браков и обменных связей, что стало причиной их постепенного этнического изменения. Особенно к подобным контактам чувствителен язык.

Язык самых северных представителей юкагирского этноса — тундровых юкагиров — наиболее интересный объект исследования благодаря его хорошей сохранности в условиях длительного многоязычия, достаточно богатому языковому репертуару отдельного носителя и невероятной вариативности языка как показателя его живости и развития, несмотря на крайне небольшое число носителей (менее 40 человек).

Сегодня в языке тундровых юкагиров зарегистрировано около 900 иноязычных слов из языков вышеупомянутых народов, с которыми контактировали юкагиры. Более половины всей иноязычной лексики представлено окказиональными вкраплениями, которые еще не были предметом научных изысканий. Особый интерес составляют вкрапления, изучение которых позволит определить, системы каких языков наиболее актуальны в сознании полилингвальных юкагиров в процессе устного речепроизводства.

Цель настоящей статьи — рассмотреть вкрапления из языков репертуара юкагиров-полилингвов на уровне слов и словосочетаний в виде не-

адаптированных иноязычных лексем на речевом материале тундрового юкагирского языка. Такого рода исследование осуществляется впервые.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эмпирической основой исследования послужили пять расшифрованных и частично глоссированных записей живой речи тундровых юкагиров общей длительностью больше часа. Первый транскрипт аудиозаписи, сделанной зарубежными лингвистами С. Оде (Нидерланды) и Д. Матичем (Германия) в 2010 году в участке рядом с селом Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии, представляет собой полилог между пятью участниками-юкагирами, приходящимися друг другу родственниками (1932, 1945, 1955, 1958, 1963 годов рождения). Второй — это транскрипт диалога между двоюродными братьями 1952 и 1960 г.р.), записанного автором статьи в 2011 году. Остальные четыре транскрипта монологов юкагиров (1938, 1941, 1945, 1946 г. р.) записаны автором статьи в 2012 году в поселке Черский Нижнеколымского района Якутии. Информанты, проживающие в селах Андрюшкино и Колымское, являются северными, или тундровыми, представителями юкагирского этноса, принадлежащего к числу древнейших этносов северо-востока Сибири. Языковой репертуар тундровых юкагиров складывается из 3—5 языков: собственно юкагирский, чукотский, эвенский, якутский и русский. По нашим наблюдениям, постепенно из репертуара юкагиров выходят чукотский и эвенский. Чаще всего наблюдается переключение юкагиров на якутский, который за последние десятилетия стал вторым по актуальности языком репертуара, о чем свидетельствует количественное соотношение якутского и русского материала в корпусе живой речи юкагиров.

Особенностью живой речи юкагиров-полилингвов является постоянное переключение с одного языка репертуара на другой, однако чаще всего происходит включение в речь большого объема неассимилированных элементов, так называемых вкраплений, анализ которых в юкагирской речи и составляет цель нашего исследования. Под термином *вкрапление*, впервые введенным А. А. Леонтьевым при описании результатов сосуществования двух текстов, относительно нашего материала мы понимаем единицу, сохраняющую в составе фразы на матричном языке (далее — МЯ) формальные признаки (фонетические и грамматические) гостевого языка (далее — ГЯ) [Леонтьев, 1966, с. 60; Крысин 1968, с. 18]. Понятие вкрапления также характеризуется отсутствием или наличием эквивалентов в МЯ [Карлинский, 1990, с. 127], однозначностью и метакомментариями на МЯ [Шагалова, 1996, с. 93], коммуникативно-прагматической [Манина, 2010, с. 115; Новоженова, 2012, с. 38] и просодической маркированностью [Фомиченко, 2013, с. 189]. Кроме того, вкрапления являются отличительной чертой речи отдельно взятого билинг-

ва [Листрова-Правда, 1977, с. 119; Багана и др., 2015, с. 8]. Они используются в речи отдельного носителя в конкретной ситуации и являются одной из форм проявления лингвистической креативности [Bauer, 1983, p. 45]. На материале разных языков вкрапления и их функции рассматривались в трудах Ю. Е. Галяминой [Галямина, 2012], В. Г. Гавриловой [Гаврилова, 2014], Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус [Рожанский и др., 2023] и др.

В свете противопоставления *«отмеченного»* переключения кодов *«гладкому»*, согласно Е. М. Эпплеру, исследователи подчеркивают особую роль средств маркирования иноязычных вкраплений в речи и выполняемых ими прагматических функций, см. [Проценко, 2004, с. 126]. Различные хезитационные явления, с одной стороны, функционально значимы, а с другой — сигнализируют о затруднении при речепорождении [Яковлева, 2016, с. 63]. Вкрапления используются как атрибуты определенной речевой ситуации, указывая на место языкового контакта, цель общения, социальный статус и национальность говорящего, степень владения родным и иностранным языками, психическое и физическое состояния говорящих [Листрова-Правда, 1986, с. 24]. Достаточно широко функции вкраплений рассмотрены в канве художественного текста: передача соответствующих понятий, придание тексту аутентичности, создание колорита, оттенка комичности или иронии, экзотикация, эвфонизация, фасцинация и др. [Влахов и др., 1980, с. 263—265; Манина, 2010, с. 97].

Методология исследования предполагает антропоцентрический и функциональный подходы, методы общенаучные (описательно-аналитический и интерпретационный) и лингвистические (морфосинтаксический, прагматический, конверс-анализ).

Приводимые в рамках данной статьи в качестве примеров фрагменты живой речи тундровых юкагиров публикуются впервые. Каждому фрагменту даны глоссировка и хезитационные разметки со следующими символами:

- | — краткая пауза
- || — средняя пауза
- ||| — долгая пауза
- [ээ] — заполненная пауза
- тэ?-н — затяжка гласного
- [ма]^{FS} — ошибочный речевой шаг

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Самым распространенным видом переключения кодов в живой речи тундровых юкагиров являются вкрапления. Они представляют собой отдельные слова или группу слов из одного или двух гостевых языков и,

согласно классификации Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2020, с. 239], могут реализовываться в речи в виде собственно вкраплений, голых форм и пиджинизмов.

3.1. Вкрапления на уровне отдельного слова

3.1.1. Собственно вкрапления

Инкорпорирование лексем ГЯ в структуру высказывания МЯ без необходимости оформления матричными грамматическими показателями — самый простой способ переключения, не требующий от билингва усилий для совмещения структурных характеристик МЯ и ГЯ. В примере 1 говорящий 1963 г. р. вместо юкагирского слова *ангийэ* ‘волна’ использовал якутский эквивалент *долгун* ‘волна’ (строка 4). При реализации в речи слова *долгун* отсутствуют выраженные хезитационные явления, обычно сопровождающие мыслительные процессы при подборе нужного слова (нет пауз или когнитивных междометий). Живая и свободная от каких-либо дискурсивных маркеров речь со спонтанным введением в морфосинтаксическую рамку МЯ лексем ГЯ указывает на языковые предпочтения говорящего (частое использование данного слова), со временем доведенные до автоматизма и ставшие речевой привычкой.

Пример 1.

01 А Ту-н биэрэк-ха лъэ-й буолла. ||
PRXM-AT берег.R-LOC быть-INTR.3SG PTL.Y

02 Ту-н-нааҕар тиз-н-нааҕар илийэ. ||
PRXM-AT-ORNT VIS-AT-ORNT ветер

03 Б Мм.

INTJ

М-м.

04 А Долгун эв-лъэ тэ-н | тэ-ньи йалби-д-эҕал-ҕа, тэ-ньи миэл-гэ-рэ.
волна.Y NEG-NR PRXM-ADV озеро-GEN-берег-LOC PRXM-ADV эта.
сторона-LOC-ADV

(А: На этом берегу же есть (ветер). На этой стороне и на той стороне ветер. — Б: М-м. — В: А волны нет здесь, на этом берегу озера, на этой стороне) [МА-П-2010].

Следующий пример (2) содержит вкрапление из ГЯ, не имеющее эквивалента в МЯ. Русизм *экология* интегрируется в МЯ, занимая отведенную ему синтаксическую позицию в именительном падеже без нарушения грамматических правил юкагирского языка (строка 02). Переключение предвосхищает метатекстовый комментарий в интонационном оформлении *хуодэ моннунни* ‘как говорят’, представляющий собой по сути хезитацию. Такая компактная заполненная пауза обусловлена языковым фактором: говорящий (1946 г. р.) уже подобрал нужное слово ГЯ, для которого

нет адекватного эквивалента в МЯ, и готовит слушателя к восприятию сказанного, полагаясь на то, что слушающий в любом случае все поймет, потому что он также владеет русским, и коммуникативный эффект будет достигнут.

Пример 2.

01 Ту-н || йуодабанэ тэ'-н | та-даа-нэ-н таат |ээ| лээн шиэ-дэ курчи-ч |э|
PRXM-AT кажется PRXM-D DST-ADV-INTS-FC так PTL другой-ADV
02 ту-н | худэ мон-нун-ни | *экология*.

HES PRXM-AT как сказать-HAB-INTR.3PL экология.R

(Кажется вот и там так изменилась, э, как говорят, *экология*) [МА-2012-4].

3.1.2. Голые формы

Не менее часто в речи юкагиров встречаются *голые* формы ГЯ, представляющие собой иноязычные лексемы, не оформленные соответствующими грамматическими показателями МЯ, хотя их позиция этого требует, согласно Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2020, с. 239]. В примере 3 мы видим пример голой вставки в виде русизма *вагонка*, у которого в юкагирском языке нет эквивалента. Этот русизм неинфлектирован, но его позиция в морфосинтаксической рамке МЯ требует оформления локативом (*вагонкаба* ‘в вагонке’) (строка 02). Речь в целом динамичная, за исключением хезитационного макропериода при последующем переключении на русизм *вагонка*, в лексиконе северян означающий временное или сезонное жилье, изготовленное из тонких обшивочных досок (строка 1). Макропериод состоит из различных видов хезитаций: вокальная (ээ), лексико-семантическая (*льэгэ* ‘тот самый’), паралингвистическая (вздох), обрамленная короткой и средней паузой и снова вокальная (ээ). Это помогает говорящему (1952 г. р.) удерживать речевую инициативу, пока в его сознании в это время происходит поэтапный процесс припоминания и подбора слова. Завершает переключение уже известный нам комментарий *моннунни* ‘как говорят’.

Пример 3.

01 Тадаат ваай а-н маарха-н ээ лээгэ |^{вздох}|| ээ *вагонка* мон-нун-ни та |
HST потом снова VS-D один-GEN PRT HST вагонка.R сказать-HAB-
INTR.3PL to.R

02 мэ нэмэ-н та-н || та... | та-би ваай тадаа-нэн тиндаа мэ сабанаа-нун-
ни льиэ. |^{вздох}||

INDF что-GEN DST-AT [та]^{FS} DST DST-NR.NOM тоже там-INTS раньше AFF жить-HAB-INTR.3PL PRT

03 Тадаа-нэ сабанэ-с-ну-тэ-м?

там-INTS жить-CAUS-PL-FUT-TR.3SG

(Потом опять вот в той одной, ээ, той самой *вагонке*, как говорят-то, как вот это... это и там тоже раньше жили же. И там позволяют жить?) [МА-Д-2011].

3.1.3. Пиджинизированные вкрапления

Пиджинизмы возникают в тех случаях, когда иноязычная лексема хорошо знакома отдельному говорящему (или группе говорящих) и он (или они) часто использует такую лексему в своей речи. Гостевая лексема инкорпорируется через оформление матричной системной морфемой, чтобы адекватно вписаться в морфосинтаксическую рамку МЯ. Такие формы ПК широко не распространены, но встречаются в юкагирской речи (як. *алар-ым* ‘моя рощица’; рус. *шлюпка-лэк* ‘шлюпкой’, *интерес-ба* ‘в интересе’). В примере 4 юкагирка 1945 г. р., вспоминая детские годы, рассказывает о небольшом земляном маяке, которым ее запугивала бабушка, если она не засыпала. Такие русские вкрапления, как *экспедиция* и *маяк*, редко встречаются в языке юкагиров, но могут периодически возникать в речи одного носителя в связи с различными значимыми событиями из прошлого или настоящего. Данной информантке эти слова хорошо знакомы, они часть ее памяти о прошлом, она имеет четкое представление о них и, как следствие, перестраивает русские слова по юкагирским парадигматическим моделям, оформляя их соответствующими падежными аффиксами (строка 02 и 04). Особая хезитационная маркированность данных ГЯ-единиц в речи отсутствует, за исключением строки 02, где небольшая пауза между русизмами и фальстарт с последующим самопродолжением прерванного указывают на планирование следующего речевого фрагмента и контроль сказанного.

Пример 4.

01 Лэвэймэ-н танниги ваай || йөкэ... || нымэ-бат йөкэ-дъиз ||

лето-FC тогда тоже [йөкэ]^{FS} дом-ABL далеко-DIM

02 *экспедиция*-пул || ма... *маяк*-лэ өгэ... өгэ-тиэ-льэл-на.

экспедиция.R [ма]^{FS} *маяк*.R-ACC [өгэ]^{FS} ставить-CAUS-INFR-TR.3PL

03 Танниги ||э|| лукул-эк өгэ-тиэ-нун-наа | лу... лукул *виэ-рэнг.* |

тогда HES земля-INS ставить-CAUS-HAB-TR.3PL [лу]^{FS} земля делать-

CVB

04 Тадаа аўйааґан-дэн || мит... мэт абучиэ ах та-н *маяк*-лэк мэт-ханэ

потом вечер-ADV [мит]^{FS} 1SG.POSS бабушка все.время DST-AT
маяк.R-INS 1SG-ACC

05 икивии-нун-у-м | эл аавэ-бунь-и-л-ґа.

пугать-HAB-0-TR.3SG NEG спать-DES-0-NR-LOC

(Летом тогда тоже далеко... довольно далеко от дома *экспедиции маяк* поставили. Тогда из земли делали и ставили. Потом по вечерам моя бабушка меня этим *маяком* пугала, если не хотела спать) [MA-2012-2].

Таким образом, пиджинизмы, в отличие от собственно вкраплений и голых форм, в большей степени результат сознательного употребления говорящим в речи. В сознании говорящего уже сформировано определенное

знание о грамматической форме гостевой лексемы в МЯ, и в результате сопоставления с подобными грамматическими формами МЯ говорящий проявляет лингвокреативность, умело «декорируя» инолексемы нужными морфосинтаксическими показателями.

3.2. Вкрапления на уровне словосочетания

Переключение на уровне словосочетаний предполагает интегрирование в юкагирскую речь этих конструкций по смыслу. Иноязычные словоформы сохраняют фонетико-формальные признаки ГЯ и занимают свое место в структуре высказывания без нарушения словопорядка. В примере 5 мы видим в качестве вставки якутское словосочетание *отут мүнүүтэ* ‘тридцать минут’ (говорящий 1963 г. р., строка 2), а в примере 6 — русское словосочетание *обмен опытом* (говорящий 1941 г. р., строка 2).

Пример 5.

01 А Нэмэ-лэ | таат || гитнэр Wiэ-ну-мэ-к таат-бан-дьэ хабун чаас-хан?

что-ACC так до делать-DUR-TR-2SG так-быть-PTL сколько час-PROL

02 Б Аа, та-н. || Маа^{вздох}рх-уо-нь {отут мүнүүтэ} саҕанаа-тэ-(йэн).

INTJ DST-D один-STAT-ADV тридцать.Y минута.Y<R сидеть-FUT-INTR.1SG

(А: Что там делаешь эти несколько часов? — Б: Аа, вот. Только *тридцать минут* посижу) [МА-П-2010].

Пример 6.

01 Хадыр^{вздох} | вертолет-лэ нэмэ-лэн || ээ || монабар-нун-на || нэмэ-лэн...

PTL вертолет.R-ACC что-FC HST что.сказать-HAB-INTR.3PL что-FC

Вот вертолетом, как говорят,

02 ээ || тидэ-н | {обмен опытом} | нэмэ-лэ кэчи-л.

HST INVS-AT обмен.R опытом.R что-ACC принести-SF

(Вот вертолетом, как говорят, этот *обмен опытом* привезли) [МА-2012-1].

Если в примере 5 не наблюдаются речевые колебания, речь спонтанная, иноязычный материал не выделяется просодически, что указывает на привычку переключения на якутский (например, когда речь идет о времени), то в примере 6 вводится словосочетание специализированного характера (употребляется только в контексте темы, связанной с корализацией — ежегодным подсчетом оленей на Севере), маркированное короткими акустическими паузами, и сопровождается метатекстовым высказыванием *монабарнунна* ‘как говорят’ (букв. говорят=они). Кроме того, на наш взгляд, особым пограничным сигналом выступает указательно-местоименный атрибутив *тидэн* ‘тот самый, давешний, ранее упомянутый’, предвосхищающий переход на другой код.

Инкорпорироваться может и группа из более чем трех слов. В примере 7 группу слов *тысячэ девятьсот восемьдесят четвертый год* вводит фраза на МЯ *waawэч аруулэк монтэйэнг* ‘по-русски скажу’ (говорящий 1938 г. р., строка 03). Предшествующие поисковые фальстарты на самом деле маркируют не столько ошибочную попытку реализации речевого замысла, сколько сознательные усилия, подготавливающие введение целой группы слов на ГЯ, которые на МЯ потребовали бы еще больше речевых усилий из-за громоздкости звучания некоторых юкагирских числительных (*маархан тиисачэ вальбарумкуруол истуо маалайлаклянэ гуниль йэлэклэс-чэ сукунмольбал*).

Пример 7.

01 Таат хадьир та-н || ки-н йалбил | ту-н | Улуруо || лукул ал-ба-ба ваай лъэ-й, ||

так PTL DST-AT два-GEN озеро PRXM-AT У. земля под-ADV-LOC тоже быть-INTR.3SG

02 пурэ-дэ-ба ваай тэ-н | лъэ-й | идьиз хадьир тэ-н, ||вздох|| ээ, | мм, || на-POSS.3-LOC тоже DST-D быть-INTR.3SG сейчас PRT DST-D HES HES

03 о... йо... йи... waawэч аруу-лэк мон-тэ-йэнг, {тысячэ | девятьсот | восемьдесят четвертый год}||вздох||

[о]^{FS} [йо]^{FS} [йи]^{FS} русский.AT язык-INS сказать-FUT-INTR.1SG тысяча.R девятьсот.R восемьдесят.R четвертый.R год.R

04 ту-н мит Улуруо йалбил || ваай ал-у-н кэриэ-й.

PRXM-AT 1PL.POSS У. озеро опять под-0-PROL упасть-INTR.3SG

(Так вот, под Олёринской землей тоже есть два озера, над ней тоже сейчас есть, ээ, хм, по-русски скажу, *в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году*, это наше озеро Олёра снова вниз опустилось) [MA-2012-3].

3.3. Сечение разноязыковых вкраплений в высказывании

Особый интерес представляют высказывания, содержащие группы не взаимосвязанных грамматически вкраплений из разных гостевых языков. Преобладает определенный порядок следования таких лексем, представленных различными лексико-грамматическими разрядами слов ГЯ: переход начинается с якутского материала, за которым следует русский. Так, в примере 8 мы видим в реплике (говорящий 1958 г. р., строка 02) выражение одобрения при помощи якутской модальной частицы, выражающей уважение, и русского междометия, передающего похвалу, что представляет собой особый речевой прием-актуализатор для усиления экспрессивности. Речь ровная, за исключением небольшой паузы, разделяющей разноязыковые элементы в речи, что связано с планированием дальнейшего высказывания. Использование такого рода единиц ГЯ не

только усиливает эмоциональную нагрузку, но также способствует уточнению якутской эмосемы якутизма через русизм, поскольку якутское модальное слово *барахсан* полисемантически и может выражать различные положительные и отрицательные эмоции в зависимости от конситуации [ТСЯЯ-2, 2005, с. 204].

Пример 8.

01 А Элэнь, мэт маҕил-лиэ тади-мэн.

NEG 1SG.POSS пальто-DIM дать-TR.1SG

02 Б Оо, *барахсан*, | *молодец*!

INTJ MOD.Y INTJ.R

(А: Нет, свое пальтишко дал (ей).

Б: О, *бедный*, *молодец*!) [МА-П-2010]

Следующий пример (9) содержит цепочку из якутской (*буолумуна* ‘выражает оценку говорящим высказываемой мысли как должного, закономерного и вполне понятного следствия предшествовавшей мысли’ [ТСЯЯ-2, 2005, с. 533]) и русской частицы в сочетании с указательным местоимением (*так это*). Здесь матричным выступает юкагирский язык, определяющий грамматическую рамку высказывания. По сути, внутреннее наполнение высказывания гостевыми лексемами представляет собой вербальную хезитацию, их отсутствие не повлияло бы на достижение понимания смысла сказанного. Тем не менее введение этих разных по своему происхождению и частеречному статусу вкраплений позволяет обеспечить большую коммуникативную эффективность — дает информацию об отношении говорящего (1963 г. р.) к тому, о чем идет речь, и управляет вниманием слушающего через разбивку высказывания на МЯ вербальной хезитационной контрукцией на ГЯ.

Пример 9.

01 Кичиэ-бат *буолумуна таак эта* саҕанаа-ну-йли.

комар-ABL конечно.Y так.R это.R сидеть-IPF-INTR.1PL

(От комаров *конечно так это* сидим) [МА-П-2010].

3.4. Морфологическая соотнесенность вкраплений

Иноязычные вкрапления в юкагирской речи представлены следующими частями речи:

— местоимениями (як. *ким* ‘кто’, *ити* ‘это’, *бэйэ* ‘сам’, *хаһан эрэ* ‘когда-нибудь’, ру. *это* ‘это’);

— существительными (як. *ардах* ‘дождь’, *издэн* ‘беда’, *сэбирдэх* ‘листья’, *обуһа* ‘на быке’ и др.; рус. *диктофон*, *народ*, *филармония*, *февраль* ‘в феврале’, *речкалэ* ‘речку’ и др.);

— прилагательными (як. *бүтүн* ‘целый, весь’, *манньык* ‘такой; всякий, разный’; рус. *летний*);

- числительными на уровне словосочетаний (як. *отут мүнүүтэ* ‘тридцать минут’, рус. *тысячэ девятьсот восемьдесят четвертый год*);
- наречиями (эв. *элэ* ‘здесь’; як. *оччоҕо* ‘тогда’, *төттөрү-таары* ‘взад-вперед’, *ургүльдү* ‘безостановочно’; рус. *сразу, почти*);
- послелоговами (як. *курдук* ‘подобно, как’, *тухары* ‘в протяжении чего-либо’);
- модальными словами (як. *саатыр* ‘хотя бы, даже’);
- частицами (рус. *вот, да*).

Так, вкрапления-местоимения в юкагирской речи представлены указательными, вопросительными, неопределенными и возвратными местоимениями из якутского и реже русского языков. В качестве примера приведем смешанное трехлингвальное высказывание с юкагирским матричным языком (пример 10), в которое включается якутское неопределенное местоимение *хаһан эрэ* ‘когда-нибудь’ (*хаһан эрэ* ‘некогда в прошлом, когда-то, неизвестно когда в будущем, еще нескоро’ [БТСЯЯ-3, 2016, с. 431]) (строка 1). Темп речи говорящего 1955 г. р. спокойно-размеренный, hesitant дис-трибуция сопровождается небольшими паузами в момент, когда происходит и завершается переключение на якутский в рамках одного слова (строка 1).

Пример 10.

01 Көдэ-н || *хаһан+эрэ* || лэ-лэк шлюпка-лэк мэр ам-уо...
человек-FC когда.Y+INDF.Y PRT-INS шлюпка.R-INS AFF хорошо-
STAT

Человеку *когда-нибудь* вот на шлюпке удобно...

02 [ээ] көдэ-н элуйой-даҕа |||^{вздох}||| мэр... мэр... мэр... мэр ам-уо-тэ-й лэ-э.
INTJ человек-FC таскать-CVB [мэр мэр мэр]^{FS} AFF хорошо-STAT-FUT-
INTR.3SG PRT

(Человеку *когда-нибудь* вот на шлюпке удобно... э, удобнее же таскать (дрова) будет) [МА-Д-2011].

Обособление якутизма небольшими по длительности паузами в данном случае, по нашему мнению, отражает процесс принятия решения в выборе той или иной единицы одного из языков репертуара, а значит, речь идет об осознанном переключении на ГЯ. Говорящий, речь которого характеризуется как юкагирско-якутско-русская, не использовал лексику МЯ (*мэ ханын* ‘когда-нибудь’), а сознательно использовал гостевое местоимение, потому что ему так удобно. Произошел преднамеренный отказ от поиска нужного слова на МЯ, и был осуществлен выбор кода в пользу языка, который первый пришел на память. В то же время функция растягивания конечной гласной иноязычного вкрапления-местоимения заключается в удержании контроля и планировании остального речевого фрагмента, а именно возврат к МЯ.

Особенно часто встречаются в современной речи юкагиrow модальные слова и частицы из якутского языка. Так, в примере 11 коммуникант В 1932 г. р. вместо матричного модального слова *ахун* ‘даже; хоть, хотя бы’ употребил в речи якутское модальное слово *саатыр* ‘даже; хоть, хотя бы, по крайней мере’ [БТСЯЯ-8, 2011, с. 100—101]. При этом в данной реплике (строка 03) переключение коммуниканта В гладкое, хезитационные периоды отсутствуют, что указывает на спонтанность и, следовательно, речевую привычку. В целом коммуникативная стратегия выстроена так, чтобы через контраст звучания иноязычного и матричных слов придать максимальную выразительность высказыванию.

Пример 11.

01 А Йоллэ мэ лэ-й тэньи? | Эйуокэ.

мох AFF быть-INTR.3SG здесь близко

03 В Пой-уо-нь. Хаду-нудэ-н *саатыр* тудэл.

много-STAT-INTR.3SG какой-DIR-FC MOD 3SG-NOM

02 Б Мэ лэ-й тэньи эйуокэ лэ-й, мэ лэ-й.

AFF быть-INTR.3SG здесь близко PTL AFF быть-INTR.3SG

04 А Ээ.

INTJ

(А: Мох здесь есть? Поблизости. — Б: Есть тут недалеко, есть. — В: Много. Куда он *хоть* денется. — А: Да) [МА-П-2010].

4. Заключение = Conclusions

Наиболее частым явлением кодового переключения в юкагирском языке являются вкрапления в виде отдельных слов и сочетаний слов, как связанных, так и не связанных между собой. Вкрапления представлены главным образом якутскими и русскими лексемами, соотносимыми с различными лексико-грамматическими разрядами слов (количественное преимущество имеют существительные). В количественном отношении наблюдается преобладание якутского материала не только среди вкраплений, но и в ряду других видов переключений, что говорит об актуальности якутского языка как второго в языковом репертуаре тундровых юкагирrow. Предложения-высказывания в зависимости от содержания тех или иных иноязычных включений двух- (юкагирский как МЯ и вкрапления из ГЯ) и трехлингвальны (юкагирский как МЯ и вкрапления из ГЯ₁ и ГЯ₂).

Наш материал показал, что якутские и русские вкрапления в юкагирской речи проявляют себя как собственно вкрапления (при наличии или отсутствии эквивалента в МЯ), голые формы и пиджинизмы.

Немаркированность иноязычных вкраплений в речи указывает на языковые предпочтения отдельного носителя: инолексема ему хорошо знако-

ма и стала его речевой привычкой. При этом речь гладкая, отсутствуют хезитации, дискурсивные маркеры, метакомментарии. Демонстрируя таким образом свою языковую компетентность, юкагир-полилингв не сомневается, что будет правильно понят, поскольку его коммуникативное окружение также характеризуется как полилингвальное. Что интересно, к случаям немаркированного выбора относятся зачастую высказывания МЯ со стечением инолексем из ГЯ₁ и ГЯ₂ (смешанные высказывания), что объясняется языковым мышлением полилингва, одинаково владеющего обоими языками, но не способного осознанно разделить их в речи.

Маркированные вкрапления в юкагирской речи предваряются различного рода хезитационными явлениями или комплексами таких явлений (пустые или заполненные паузы, фальстарты), сопровождаются метатекстовыми комментариями. Хезитации маркируют осознанное переключение, когда говорящий управляет вниманием слушающего для удерживания речевой инициативы, планирования речевой программы и контроля над уже сказанным. Соответственно, относительно вкраплений мы можем выделить в речи юкагиров *экспрессивные переключения*, функция которых состоит в определенном воздействии на собеседника, выражении коммуникативных интенций и самоидентификации говорящего, усилении выразительности, а также *информационные переключения*, выполняющие предметно-тематическую, металингвистическую, а также функцию экономии речевых усилий.

Кроме того, лингвокреативность вкраплений проявляется в индивидуальном характере использования того или иного иноязычного материала юкагиром-полилингвом (языковые предпочтения и речевая привычка отдельного носителя) и в его перестраивании по моделям юкагирского языка (пиджинизмы).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой* толковый словарь якутского языка (буква С) / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 2011. — Т. 8. — 572 с. — ISBN 978-5-02-032332-2.
2. МА-2012-1 — *Материалы* автора : монолог информанта 1941 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. В г. Якутск.
3. МА-2012-2 — *Материалы* автора : монолог информанта 1945 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.
4. МА-2012-3 — *Материалы* автора : монолог информанта 1938 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.
5. МА-2012-4 — *Материалы* автора : монолог информанта 1946 г.р., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.

6. МА-Д-2012 — *Материалы* автора : диалог между информантами 1952 и 1960 гг., записанный автором статьи С. Н. Куриловой в 2012 г. в п. Черский Нижнеколымского района Якутии.

7. МА-П-2010 — *Материалы* автора : полилог между информантами 1932, 1945, 1955, 1958, 1963 гг. р., записанный проф. С. Оде (Нидерланды) и проф. Д. Матичем (Германия) в 2010 г. в с. Андрюшкино Нижнеколымского района Якутии.

8. ТСЯЯ — *Толковый словарь якутского языка (буква Б)* / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 2005. — Т. 2. — 912 с. — ISBN 5-02-032347-0.

Литература

1. Багана Ж. Отношение заимствований и иноязычных вкраплений / Ж. Багана, Я. А. Глебова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2015. — № 3. — С. 4—9. — DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9.

2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Международные отношения, 1980. — 344 с. — ISBN. 978-5-93439-323-7.

3. Гаврилова В. Г. Иноязычные вкрапления в устных высказываниях на марийском языке / В. Г. Гаврилова // Вестник Костромского государственного университета. — 2014. — №5. — С. 178—181.

4. Галямина Ю. Е. Структурные типы переключения кода в речи носителей исчезающих языков (на материале кетского и эвенского языков) / Ю. Е. Галямина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — Выпуск 1 (116). — С. 96—101.

5. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков / А. Е. Карлинский. — Алма-Ата : Гылым, 1990. — 180 с. — ISBN 5628005770.

6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1968. — 208 с.

7. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. — 1966. — № 7. — С. 60—68.

8. Листрова-Правда Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в. : на материале немецких вкраплений / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1979. — 155 с.

9. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1986. — 143 с.

10. Новоженова З. Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление : русское слово в чужом тексте / З. Л. Новоженова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филология, педагогика, психология. — 2012. — Выпуск 8. — С. 37—42.

11. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С. И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2010. — Выпуск 1. — С. 114—118.

12. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литература за последние десятилетия) / Е. А. Проценко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2004. — № 1. — С. 123—127.

13. Рожанский Ф. И. Средства маркирования переключения кодов в сойкинском ижорском / Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус // Язык как он есть : сб. ст. к 60-летию А. А. Кибрика. — Москва : Буки-Веди, 2023. — С. 65—71. — ISBN 978-5-6049527-2-6.

14. Фомиченко Л. Г. Психолингвистические основы исследования речевой экспрессии при билингвизме / Л. Г. Фомиченко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2013. — № 3 (19). — С. 189—193.

15. Чиршева Г. Н. Вкрапления в речи ребенка-билингва / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин // Филологический класс. — 2020. — Т. 25. — № 2. — С. 236—245. — DOI: 10.26170/FK20-02-21.

16. Яковлева Э. Б. Речевые хезитации : формальный и функциональный аспекты : аналитический обзор. — Москва : ИНИОН РАН, 2016. — 74 с. — ISBN 978-5-248-00803-2.

17. Bauer L. English Word-Formation / L. Bauer. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 311 p. — DOI: 10.1017/CBO9781139165846.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2023,
одобрена после рецензирования 17.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.*

Material resources

BTSIAYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language (letter C)*, 8. (2011). Novosibirsk: Nauka. 572 p. ISBN 978-5-02-032332-2. (In Russ.).

MA-2012-1 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1941, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in Yakutsk*. (In Russ.).

MA-2012-2 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1945, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-2012-3 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1938, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-2012-4 — *Materials of the author: monologue of the informant born in 1946, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-D-2012 — *Materials of the author: a dialogue between informants born in 1952 and 1960, recorded by the author of the article S. N. Kurilova in 2012 in the village of Chersky, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

MA-P-2010 — *Materials of the author: polylogue between informants born in 1932, 1945, 1955, 1958, 1963, recorded by Prof. S. Ode (Netherlands) and Prof. D. Matic (Germany) in 2010 in the village of Andryushkino, Nizhnekolymsky district of Yakutia*. (In Russ.).

TSYAYA — *Explanatory dictionary of the Yakut language (letter B)*, 2. (2005). Novosibirsk: Nauka. 912 p. ISBN 5-02-032347-0. (In Russ.).

References

Bagana, Zh., Glebova, Ya. A. (2015). The relation of borrowings and foreign language inclusions. Scientific result. *Questions of theoretical and applied linguistics*, 3: 4—9. DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-3-4-9. (In Russ.).

Bauer, L. (1983). *English Word-Formation*. Cambridge: Cambridge University Press. 311 p. DOI: 10.1017/CBO9781139165846.

- Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2020). Inclusions in the speech of a bilingual child. *Philological class*, 25 (2): 236—245. DOI: 10.26170/FK20-02-21. (In Russ.).
- Fomichenko, L. G. (2013). Psycholinguistic foundations of the study of speech expression in bilingualism. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 3 (19): 189—193. (In Russ.).
- Galyamina, Yu. E. (2012). Structural types of code switching in the speech of speakers of endangered languages (based on the material of the Ket and Evenk languages). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1 (116): 96—101. (In Russ.).
- Gavrilova, V. G. (2014). Foreign language inclusions in oral statements in the Mari language. *Bulletin of Kostroma State University*, 5: 178—181. (In Russ.).
- Karlinsky, A. E. (1990). *Fundamentals of the theory of interaction of languages*. Alma-Ata: Gylym. 180 p. ISBN 5628005770. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (1968). *Foreign words in modern Russian*. Moscow: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Leontiev, A. A. (1966). Foreign language inclusions in Russian speech. *Questions of speech culture*, 7: 60—68. (In Russ.).
- Listrova-Pravda, Yu. T. (1979). *Foreign language phenomena in Russian fiction of the XIX century on the material of German inclusions*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University. 155 p. (In Russ.).
- Listrova-Pravda, Y. T. (1986). *Selection and use of foreign language inclusions in the Russian literary speech of the XIX century*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University. 143 p. (In Russ.).
- Manina, S. I. (2010). Pragmatic functions of foreign language inclusions. *Bulletin of the Adygea State University*, 1: 114—118. (In Russ.).
- Novozhenova, Z. L. (2012). Foreign language inclusions as a discursive phenomenon: the Russian word in someone else's text. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Philology, pedagogy, psychology*, 8: 37—42. (In Russ.).
- Protsenko, E. A. (2004). The problem of code switching in foreign linguistics (a brief review of the literature over the past decades). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 123—127. (In Russ.).
- Rozhansky, F. I., Markus, E. B. (2023). Means of marking code switching in Soikinsky Izhorsky. In: *Language as it is: collection of articles on the 60th anniversary of A. A. Kibrik*. Moscow: Buki-Vedi. 65—71. ISBN 978-5-6049527-2-6. (In Russ.).
- Vlakhov, S., Florin, S. (1980). *Untranslatable in translation*. Moscow: International Relations. 344 p. ISBN. 978-5-93439-323-7. (In Russ.).
- Yakovleva, E. B. (2016). *Speech hesitations: formal and functional aspects: an analytical review*. Moscow: INION RAS. 74 p. ISBN 978-5-248-00803-2. (In Russ.).

*The article was submitted 02.10.2023;
approved after reviewing 17.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Моргоева Л. Б. Явление функциональной омонимии в осетинском языке / Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 77—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96.

Morgoeva, L. B. (2023). Phenomenon of Functional Homonymy in Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 77-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96

Явление функциональной омонимии в осетинском языке

Моргоева Лариса Батразовна
orcid.org/0000-0003-3725-754X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отдела осетинского языкознания
Lalik_m@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева —
филиал Федерального
государственного бюджетного
учреждения науки Федерального
научного центра
«Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Владикавказ, Россия)

Phenomenon of Functional Homonymy in Ossetian Language

Larisa B. Morgoeva
orcid.org/0000-0003-3725-754X
PhD of Philology,
Senior Researcher,
Department of Ossetian Linguistics
Lalik_m@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

© Моргоева Л. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается явление омонимии в осетинском языке как одна из сложных и разноаспектных проблем в осетинском языкознании и в общей лингвистической теории. Отсутствие в осетиноведении специальных работ обуславливает актуальность рассмотрения данного явления в русле функциональной омонимии. Подчеркивается, что факторами, осложняющими процесс изучения условий возникновения и функционирования омонимов в языке и речи, становятся обнаруживаемые в омонимах семантические пересечения с полисемией, грамматически разноплановая «непредсказуемость», функциональная подвижность и, как следствие, наличие различных классификаций и дефиниций. Сделан обзор наиболее известных классификаций омонимов, анализ лексикографических источников и художественных текстов. В результате определены основные критерии «распознавания» функциональных омонимов и выполнено их отграничение от лексико-грамматических омонимов в осетинском языке. Анализ показал ряд сложностей в идентификации функциональных омонимов. Автор приходит к выводу о том, что морфологическая неустойчивость и синтаксические функции слова в предложении могут изменить его семантику, а значит, перевести из одного вида омонимов в другой. При этом отмечается, что в то же время основной — этимологический — принцип разграничения омонимов может оказаться малоэффективным при рассмотрении большего числа служебных частей речи.

Ключевые слова:

осетинский язык; семантика; полисемия; омонимия; функциональные омонимы; частеречный статус.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of homonymy in the Ossetian language is considered as one of the complex and multi-aspect problems in Ossetian linguistics and in general linguistic theory. The lack of special works in Ossetian studies makes it relevant to consider this phenomenon in the context of functional homonymy. It is emphasized that the factors complicating the process of studying the conditions of emergence and functioning of homonyms in language and speech are the semantic intersections with polysemy, grammatically diverse “unpredictability”, functional variability, and as a result, the presence of various classifications and definitions within homonyms. An overview of the most well-known classifications of homonyms, analysis of lexicographical sources and literary texts has been made. As a result, the main criteria for “recognizing” functional homonyms have been identified and their differentiation from lexical-grammatical homonyms in the Ossetian language has been carried out. The analysis has shown a number of difficulties in identifying functional homonyms. The author concludes that morphological instability and the syntactic functions of a word in a sentence can change its semantics, thus transferring it from one type of homonym to another. At the same time, it is noted that the main etymological principle of distinguishing homonyms may be ineffective when considering a larger number of parts of speech.

Key words:

Ossetian language; semantics; polysemy; homonymy; functional homonyms; part-of-speech status.

Явление функциональной омонимии в осетинском языке

© Моргоева Л. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Учение о функциональных омонимах появилось в связи с необходимостью вычленения и семантического разграничения омонимов и многозначных слов. По мнению большинства ученых, проблема омонимии достаточно полно исследована на материале английского языка [Малаховский, 1990; Смирницкий, 1998; Аракин, 2011; Арнольд, 2012 и др.], а в русском языкознании наиболее значимые, основополагающие работы в этой области принадлежат В. В. Виноградову [Виноградов, 2001], Л. Н. Уфимцевой [Уфимцева, 2002], В. И. Абаеву [Абаев, 1995] и другим ученым, предлагающим различные классификации и составляющим словари омонимов [Ахманова, 1969; Колесников, 1995; Ким, 2004; Гребнева, 2022].

В настоящее время омонимия изучается и на материале кавказских языков [Бакова, 2013; Исафилов, 2015; Никатуева, 2019], чаще всего в сопоставлении с полисемией. Это изучение серьезно осложняется терминологическим разнообразием, при котором одно явление имеет несколько обозначений или одним и тем же термином обозначаются разные явления. Так, в свете последних исследований сомнительно выглядит терминологическое наименование *лексико-грамматические омонимы*, которое приобретает разную трактовку или терминологические варианты, тождественные определению функциональных омонимов. Не совсем совершенны и логически аргументированы и сами классификации, в которых, пожалуй, только понимание полных омонимов не вызывает вопросов и имеет достаточно четкую дефиницию. Так, Ю. П. Солодуб пишет: «Своеобразие омонимов лексико-грамматического типа заключается в определенной близости, явной сопоставимости их лексической семантики и вместе с тем в принадлежности их к совершенно разным частям речи. Последнее обстоятельство проявляется в том, что в составе предложения они выполняют совершенно разные синтаксические функции, почему их также называют функциональными омонимами» [Солодуб, 2003, с. 104]. Подобные терминологические неточности и противоречия, связанные с определением функциональных омонимов, встречаются в работах многих исследователей данной проблемы.

Между тем если в качестве основного отличительного признака функциональных омонимов от остальных омонимичных форм называется только отнесенность их к разным частям речи, то такой же особенностью обладают и грамматические омонимы. Кроме того, в отличие от грамматических омонимов, функциональным омонимам приписывается допустимая возможность этимологической близости, хотя написание их и звучание остаются одинаковыми [Авдина, 2013; Сидоренко, 2016; Крылова, 2020].

Достаточно серьезный научный резонанс получила концепция Ю. Н. Гребневой, изложенная в статье, а позднее представленная в предисловии к словарю [Гребнева, 2022]. Нетрадиционный подход автора к классификации омонимов многими учеными воспринимается весьма неоднозначно. Так, отмечается схожесть определений: «Функциональные омонимы и функциональные омоформы — это слова и формы слов (соответственно) разных частей речи, совпадающие, как и лексические и грамматические, по произношению и написанию, но, в отличие от грамматических омонимов и омоформ, являются этимологически родственными» [Авдина, 2013, с. 206]. Кроме того, Ю. Н. Гребнева предлагает от функциональных омоформ отделять лексические единицы, являющиеся грамматическими формами одного слова, в самостоятельную группу, связывая их происхождение с транспозиционными процессами, когда на основе этимологической близости слово из одной части речи переходит в другую [Гребнева, 2022, с. 6]. Вместе с тем границы между группами и подгруппами омонимов и омоформ в данной классификации достаточно подвижны: «Возможность использования термина “функциональные омонимы” для обозначения омонимов особого типа, отличного от грамматических омонимов, вызывает сомнения. Ведь грамматическая омонимия выявляется только в контекстах, пусть минимальных» [Ларина, 2015, с. 57]. Исходя из этого, можно заключить, что грамматическая омонимия, которая актуализируется только в условиях функционирования лексических единиц в тексте, вполне может характеризоваться как функциональная. Определенные сомнения вызывает и универсальность данной классификации с точки зрения возможности ее применения при изучении омонимов в других языках.

В традиционном понимании омоформы, омографы и омофоны признаются явлениями, близкими к омонимии, однако «строгая дифференциация языковых явлений требует отграничить собственно лексическую омонимию от омоформ, омофонов, омографов» [Розенталь, 1976, с. 240]. Сторонники этого подхода теоретически закрепляют ее состоятельность, ссылаясь на способность прилагательных изменяться по падежам. В русском языке прилагательные могут иметь одну и ту же форму в разных падежах. Именно эти случаи совпадения форм в разных падежах (скажем,

в родительном и дательном) называют функциональными омоформами. «Основанием для признания этих форм разными формами, хотя и совпадающими по звучанию, служит то, что они согласуются с существительными, выступающими в различных падежах <...> Омоформы по своей природе выходят за рамки лексики, так как принадлежат иному уровню языка и должны изучаться в разделе морфологии» [Пазова, 2010, с. 101]. Однако для осетинского языка указанные признаки не могут быть достаточным основанием для того, чтобы считать прилагательные омоформами.

В осетинском языке формальные различия между частями речи в достаточной степени размыты, поэтому окончательно определить их частеречный статус возможно только в контексте. Одно и то же слово может быть и существительным, и прилагательным, а иногда и наречием, послелогом или частицей, исходя из той синтаксической функции, которую слово выполняет в высказывании [Багаев, 1965, с. 116]. В морфологической системе осетинского языка прилагательные не изменяются по падежам, изменяется только согласуемое с ним слово (определяемое): *расуыгъд лæппу* ‘красивый мальчик’, *расуыгъд лæппуы* ‘красивого мальчика’, *расуыгъд лæппуыæн* ‘красивому мальчику’ и др. Падежные окончания у прилагательных появляются в том случае, когда они выступают в роли существительных в сочетаниях по типу изафетных конструкций (*хъæуы расуыгъд* ‘красавица села’, *хъæуы расуыгъды* ‘красавицы села’, *хъæуы расуыгъдæн* ‘красавице села’ и др.). Как видим, парадигма одного и того же слова в каждом случае в известной степени закреплена и зависит от морфологического статуса, определяемого по контексту. В условиях, когда подобные изменения носят системный характер, сложно однозначно относить их к разряду функциональных омонимов, особенно если учесть способность некоторых слов выступать еще и в качестве наречий и послелогов. С одинаковым успехом их также можно было бы отнести к омоформам. Принимая во внимание различного рода противоречия и обнаруживаемые несоответствия парадигмы словоизменения с традиционным пониманием омонимов и омоформ, мы не можем целые классы слов относить к омонимам (полным или неполным), поскольку тогда большую часть слов в осетинском языке пришлось бы признать омонимами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Функциональными омонимами принято считать слова, совпадающие по звучанию, близкие по своему происхождению и относящиеся к разным частям речи. Такие слова отличаются по своим синтаксическим функциям, морфологическим значениям и другим категориальным признакам. Это явление называют также переходом одной части речи в другую.

Определение функциональных омонимов наиболее успешно при сравнении с лексическими омонимами, при котором ярче проявляется их специфика: синтаксические функции, категориальные значения, лексическое значение, морфологические категории, морфемный состав. И основное место в этом ряду занимает синтаксическая функция, поскольку является главным условием для возникновения функциональных омонимов [Бабайцева, 2003]. Еще В. В. Виноградов писал, что «нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было бы в синтаксисе и лексике» [Виноградов, 2001, с. 34].

Итак, для более четкого определения функциональных омонимов в осетинском языке сравним признаки лексических и функциональных омонимов, которые описываются в теории общего языкознания: 1) лексические омонимы имеют общие синтаксические функции, функциональные — разные; 2) лексические омонимы имеют общие семантические категории, функциональные — разные; 3) лексические омонимы имеют принципиально разное семантическое содержание, функциональные — чаще всего обнаруживают этимологическую близость; 4) лексические омонимы чаще всего имеют одинаковые морфологические категории, у функциональных омонимов они часто оказываются различными; 5) по своему морфемному составу лексические омонимы одинаковы, а функциональные омонимы могут различаться.

Выявление дифференциальных признаков функциональных омонимов, их изучение и классификация серьезно усложняются, поскольку определение их по принципу этимологического родства влечет за собой их лексикографическую фиксацию как многозначных слов. Единственно верным в этом случае будет рассматривать функциональные омонимы исключительно в рамках контекста, на *уровне контекстной семантики*. Так, говоря о семантике слова, Г. В. Колшанский связывал появление омонимов с присущей многим словам образностью и писал: «Контекст удерживает эту образность на уровне одного денотата и маркирует ту границу, где истонченные связи между прямым и близким значениями, доведенные до разрыва, образуют уже омонимы, что и закрепляется затем историческим развитием языка» [Колшанский, 1980, с. 107].

Если функциональные омонимы в основном определяются по их этимологическому родству и могут иметь одинаковые морфемы в некоторых словообразовательных формах [Бабайцева, 2000, с. 194; Гребнева 2022], то они должны обнаруживать и семантическую близость: «Процессы возникновения новых значений слова являются универсальными, и таковы же, по-видимому, и процессы отмирания в результате распада семантического единства <...>. Что касается такого типа пути появления омонимов, как совпадение по звучанию заимствованных или вновь образованных слов со

словами, имеющимися в языке, то и в этом случае возникновение омонимов является вполне закономерным» [Сидикова, 2012, с. 221].

В осетинском языке слова морфологически неустойчивы и легко изменяют свои грамматические категории в зависимости от синтаксической роли в предложении. Переходные изменения наблюдаются между существительными и прилагательными, а также прилагательными и наречиями и перекликаются с конверсивными процессами, при которых «переход слов в иной лексико-грамматический класс без участия материально-выраженных единиц определяется (или сопровождается) приобретением иной парадигмы» [Габараев, 1977, с. 80]. Сложнее всего проводить разграничение между знаменательными и служебными частями речи, обладающими одинаковой формой, когда к морфологическому принципу разграничения частей речи необходимо подключать логико-аналитический.

В свое время такого рода изменения А. А. Шахматов назвал латинскими терминами *субстантивация*, *адъективация*, *вербализация*, *прономинализация*, *адвербиализация*, *конъюнкционализация* и др. [Шахматов, 2006, с. 36]. Позже, как известно, В. В. Виноградов эти процессы назвал «грамматической омонимией» [Виноградов, 2001], и чем активнее исследовались процессы перехода частей речи из одной в другую, тем больше разрастался терминологический аппарат (*трансформация*, *транспозиция*, *конверсия* и др.). Перечисленные процессы свойственны и осетинскому языку, однако выбор правильного термина связан с достоверным определением самого исследуемого процесса. Иными словами, если субстантивацией называется переход частей речи в разряд существительных, а адвербиализация — переход в разряд наречий, то, к примеру, определить природу переходности осетинского слова *хорз* становится весьма затруднительным: *хорз чызг* ‘хорошая девочка’ (здесь и далее перевод наш. — Л. М.) (прилагательное), *хорз зарын* ‘хорошо петь (пою)’ (наречие), *хорзы кой* ‘весть о благе’ (существительное). Подобные морфологические трансформации в осетинском языке сложно однозначно квалифицировать как функциональные омонимы, несмотря на прозрачность их этимологического родства. И в этом плане вопрос остается открытым.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Омонимия и полифункциональность частей речи

Попробуем рассмотреть типичные случаи функциональной омонимии с позиций традиционной классификации, принимая во внимание возможное этимологическое родство лексических единиц.

1. Слова с одинаковым написанием и звучанием, исходя из контекста, могут выступать в качестве существительных, прилагательных или

причастий: а) *зад* ‘солод’ — *зад* ‘выросший’, ‘родившийся’ — *зад* ‘урожайный’ [ОРС; ТСОЯ-2] (за исключением грамматического омонима *зад* ‘оставшийся’), имеют общую семантическую основу (*хаэраг баирваэзы зад хуымма* / осел добирается до урожайного поля — в значении прилагательного; *аппарын зады намыг куыройы фалгуыры* / бросать в жернова зерна солода — в значении существительного);

б) *над* — ‘избиение’ / *над* — ‘в знач. дорога’ / *над* — ‘утрамбованный’, ‘избитый’ [ОРС; БРОС] (исключением является грамматический омоним *над* ‘искупанный’ от *найын* ‘купать’): *кэухай над хуыздэр уыздэ нсаенфсирен* / для винограда лучше будет ручной отжим — в значении существительного; *Са разма надма рацудай* / Вышел к ним навстречу к дороге — существительное; *Бах над кэахваандагма рахызт* / Конь перешел на протоптанную (букв. ‘утрамбованную’) тропинку — причастие.

Здесь можно говорить о переходе слов из одной части речи в другую, который четче прослеживается при рассмотрении случаев функционирования номинации в тексте, где по семантическим признакам и синтаксической роли в предложении можно определить морфологический статус слова.

2. Некоторые слова способны выполнять разную функциональную нагрузку, при этом между ними могут возникнуть омонимичные отношения — в зависимости от позиции в предложении и способности сочетаться со словами определенной частеречной принадлежности, то есть от валентности:

а) слово *раст* с основным значением ‘прямой’: *Минаварен адам аэварстой раст*, *куырыхон аема дзырддзаеуга лагты* [Джикаев, 2009, с. 57] / В качестве сватов выбирали *правильных*, мудрых и почитаемых мужей — прилагательное; *Алы адамты мифты ис хицен фэраэзта раст аема зылын аэварынаен* [Там же, с. 114] / В мифах разных народов есть отдельные способы отличия *правды* от лжи — существительное; *Йа хуыддагта раст чи аэвдыста, уымсен-уу дзаг кэхц йа дзыхма йахи сита йахадэг* [Там же, с. 130] / К устам того, кто *правдиво* рассказывал о своих делах, наполненная чаша поднималась сама — наречие; ...*уый фехуыста Маир, хаэцег афсады уэвгайе раст* уацары цы бон бахад, уыцы бон [Кайтов, 2006, с. 27] / ...Это Маир услышал *прямо* в тот день, когда, будучи в действующей армии, попал в плен — частица; *Агкала раст* у, *мах дэр ма дыл нахи куы атигь каенам, уад...* [Ситохов, 2007, с. 35] / Агкала *прав*, если еще мы отвернемся от тебя, то... — в функции именной части глагола;

б) слово *хастаг* с основным значением ‘близкий’: *Аема Сосаби хастаг балаууыд лагма* [Хугаев, 2018, с. 145] / И Сосаби *близко* подошел к мужчине — наречие; ...*камдэр уу чызг и — дард ран ней, стай бынтон хастаг* *ран дэр ней* [Там же, с. 342] / ... где-то есть девушка — не в дале-

ком, но и не совсем в *близком* месте — прилагательное; *Нæ сыхаг хæдзары хæстæг* / Родственник соседей (букв. близкий соседского дома) — существительное.

3. От глаголов могут образовываться совпадающие по форме существительные и причастия. Различить их можно по синтаксической роли в словосочетании или предложении: *даст* ‘брить’, ‘бритье’ (от гл. *да-сын* ‘брить’) [ОРС; ТСОЯ-1] — *лæггъз даст сæр* / гладко выбритая голова (причастие) и *Дæ даст мæ зæрдæмæ нæ цæуы* / твое бритье мне не нравится (существительное); *къахт* ‘копание’, ‘вскопанный’ (от гл. *къахын* ‘копать’) [ОРС; ТСОЯ-2] — *къахт фæндаг* / перекопанная дорога (причастие) и *Ахæм къахт фæлта ухъæугæ дæр нæ кæны* / такое копание лучше не нужно (существительное); *дард* ‘ношение’, ‘поношенный’ (от гл. *дарын* ‘носить’) — *дард дзаума* / поношенная вещь (причастие) и *ахæм дард тагъддæр сафы дзаума* / такое ношение быстрее портит вещь (существительное) и др.

Фаст ‘распил’, ‘распиленный’ (от глагола *фадын* ‘пилить’) [ОРС; БРОС] — *фаст къодæхтæ* / распиленные бревна (причастие) — и *Сæ фаст цухуызон нæу* / распил их не одинаковый (существительное); *фаст* ‘причесывание’, ‘прическа’ (от глагола, *фасын* ‘причесывать’) — *фаст дзыккутæ* / причесанные волосы (причастие) и *дзыккуты фаст ыл фидауы* / прическа ей идет (существительное).

Слов, относящихся к этой группе, в осетинском языке достаточно количество, и Н. К. Багаев их называет отглагольными именами, образуемыми при помощи суффиксов **-д, -т, -ст, -ад**, которые «совпадают, за редким исключением, с основами прошедшего времени глагола, образуемыми при помощи этих же суффиксов. <...> Именные формы на **-æг, -д, -т, ст, -ад, -гæ, -инаг** часто соответствуют причастиям русского языка» [Багаев, 1965, с. 351], а Н. Я. Габараев связывает их с омонимией аффиксов, функционирующих «в сфере лишь определенной части речи» [Габараев, 1977, с. 18]. Между тем образования такого рода обнаруживают типичные признаки функциональных омонимов, а именно: принадлежность к разным частям речи, семантическую близость и этимологическое родство, а также формально-грамматическое сходство.

3.2. Трудности частеречной квалификации омонимов

Иногда при определении частеречного статуса слова требуется более широкий контекстуальный охват для полного раскрытия смыслового значения. В дополнение к этому эффективно изменение грамматических признаков слова или подбор синонима. Сложнее обстоит дело с неизменяемыми частями речи (последологи, частицы). Их приходится различать исключительно по смыслу.

Сходство существительных с послелогами установлено Н. К. Багаевым в книге «Современный осетинский язык» [Багаев, 1965, с. 400]. Послелоги в осетинском языке не совсем утратили свое исторически сложившееся лексическое значение, однако некоторая часть послелогов их обнаруживает более явно, другая — в более ослабленном виде. Происхождение одних связано с именными частями речи (чаще существительными), других — с наречиями. Отчасти это связано с тем, что собственно послелогов в осетинском всего несколько, все остальные послелоги являются отыменными производными. Скажем, слова *раз*, *фарс*, *сар*, *бын* являются существительными, изменяются по всем падежам, имеют формы множественного числа и выполняют все синтаксические функции существительных, однако в определенной грамматической форме могут выполнять функции послелога или наречия.

Обратимся к примерам: а) *Адæймаг Хуыцауы раз уыд хуымæтæг уæвæгой* [Джикаев, 2009, с. 9] / Человек *перед* Богом был простым существом — послелог; *Дæ раз дзæбаæх ныссыгъдæг кæн* / Хорошо почисти свой *перед* (переднюю часть) — существительное со значением места, пространства относительно чего-либо. *Уыдон йæ цуры лæугæ дæр не 'ркодтой, дарддæр цыдысты размæ...* [Кайтов, 2006, с. 25] / Они возле него даже не остановились, дальше шли *вперед*... — в значении наречия; *Иуахæмы æгæр атагъд кодта, йæ размæ нал касти, афтæмæй, æмæ фæкалдис* [Дзесов, 2018, с. 12] / В один момент слишком поспешил, не смотрел *перед собой* и споткнулся — существительное в значении 'пространство перед собой' и др.

Лексикализация эвфемизмов и образных сочетаний может привести к ослаблению семантической связи и стиранию признаков этимологического родства, в результате чего омонимичные варианты классифицируются по-разному:

а) *разы уæвын* 'быть рядом (с кем-то)' и *разы уæвын* 'быть согласным' (*Уæвгæ, æз афтæ нæ загъын, æмæ, разы чи у, уыдон ныртæккæ размæ рахизæнт, загъгæ* [Кайтов, 2006, с. 29] / Впрочем, я не говорю, чтоб *согласные* прямо сейчас вышли *вперед*);

б) *бынтæ* — 'корни' / *бынтæ* — 'наследство' — погибель / *бын* — 'погибель' / *бын* — послелог 'под' [ОРС; ТСОЯ-1; БРОС]. В этом ряду омонимов слово *бын* в значении 'погибель' вместе с любым другим словом этого же ряда образует пару грамматических омонимов. Остальные же между собой этимологически близки и являются функциональными омонимами: *Арс цымы бын базæронд* / Медведь состарился *под* кизилowym деревом (послелог); *Дидинагæн йæ бын бамбыд* / *корень* цветка сгнил (существительное); *Æрмæст дзы бынты фæндаг нæ уыд* [Ситохов, 2007, с. 140] / Только *понизу* дороги не было — наречие; *...йæ нымæт худы бынты кæсгæйæ загъта...* [Секинаев, 1986, с. 330] / ...сказал, глядя *из-под* полей войлочной

шляпы... — в функции послелого; *Лекъойы амардтой йе 'рвадæлтæ йæ мæгуыр бынты монцмæ* [Гадиев, 1991, с. 18] / Леко убили родственники, мечтая о его скромном наследстве — существительное; и др.;

в) *сæрты* 'голов' (род. п., мн.ч. от *сæр* 'голова') — *сæрты* 'поверху' (наречие) [ОРС]: *Сымахæн уæ сæрты сæрмæстдæр иу зиллакк йедтæмæ ницы ис.* [Айларов, 2017, с. 118] / У вас в головах, кроме одной извилины, ничего нет — существительное; *Зæрватыкк доны сæрты ныллæг тæхти* / Ласточка низко летела над водой — послелог; *Æнхæлдæн дын æмбонды сæрты ахызт.* [Айларов, 2017, с. 172] / Кажется, он у тебя перелез через ограду — послелог; и др.

г) *фарсмæ* 'к стороне' (существительное, направительный падеж — один из девяти падежей осетинского языка, имеющих определенную форму в зависимости от синтаксической функции, от *фарс* 'сторона') и *фарсмæ* 'рядом', 'возле', 'около' (наречие или послелог в зависимости от контекста) [ОРС; БРОС]: *Тимæ мæ фарсмæ цыдæр къæмдзæстыгхуызæй цыд* [Дзасохов, 2001, с. 15] / Тима возле меня какой-то виноватой была — послелог с семантическими признаками наречия; *...ацамыдта, сæ бакомкоммæ цы хæдзар уыд, уый уæллаг фарсмæ* [Там же, с. 25] / ...показал на верхнюю сторону дома, стоящего напротив — в значении существительного; *Фидар мæ фарсмæ бадт æмæ, уæзджытæ куыд цыдысты, афтæ мын сæ амыдта* [Там же, с. 45] / Фидар сидел возле меня и рассказывал о гостях по мере того, как они прибывали — послелог; *Уæ хæрд афоныл, уæ хуыссæн — сыгъдæг, уæ дохтыр — уæ фарсмæ* [Айларов, 2017, с. 170] / Ваша еда — вовремя, постель чистая, ваш доктор — рядом — в значении наречия. Примечательно, что наречия и послелоги мотивируются всеми значениями производящего имени, стремятся сохранить все семы в производной форме [Аксарина, 2022, с. 19].

3.3. Функциональная омонимия неизменяемых частей речи

Неизменяемые части речи (в том числе не имеющие собственного лексического значения) свои морфологические признаки и грамматические характеристики обнаруживают только в контексте. Часто причастные формы совпадают с союзами, частицами, междометиями и другими частями речи. По причине того, что не все слова в осетинском языке (по сравнению с русским) имеют свои формальные признаки, не сразу можно установить, к какой части речи относится то или иное слово. Именно поэтому затруднительно обозначить частеречный статус слова вне контекста, а также выявить пути перехода из одной части речи в другую на основе этимологического значения. Не всегда такие формы имеют и адекватные варианты переводов: а) *Нæ царды бæлас кæд цыфæнды ихдзагъд у, уæддæр йæ уидагтæ сты арф æмæ цардхъом* [Джикаев, 2009, с. 60] / Даже если древо

нашей жизни побито градом, корни его глубоки и жизнеспособны — союз; *Æмæ-цц горæтæ дæр зыдтой, нау кæд æрбацæудæн наулæуæнмæ,...* [Хугаев, 2018, с. 15] / В городе тоже знали, когда придет корабль на стоянку в порт... — местоименное наречие; б) *Уæдæ уал уын радзурон фосæн се 'ууæлтæ тыххæй* [Дзесов, 2018, с. 7] / Тогда я вам пока расскажу об особенностях скота — частица; *...æмæ цал уыдыстæм, уал дихы фæкодтам хъæуы хæдзæрттæ* [Там же, с. 27] / ...и сколько нас было, на столько частей и поделили дома в селе — обобщенно-количественное местоимение; в) *Худт цæй фæдыл уыд, уый нæ фехъуыста...* [Секинаев, 1986, с. 30] / Не услышал, по поводу чего был смех — вопросительное местоимение (в форме род. падежа от Цы); *Æмæ цæй зæрдæхудтытæ, цæ? Суанг йæ сывæллонь бонтæй хуыссæгуарзæг рахаста.* [Там же, с. 69] / И какие обиды, какие? Аж с детских лет был любитель поспать — вопросит-определит. местоимение; *О, цæй!.. Аццæмæнуртытæ-йедтæрув, æндæрдæчи доклад кæнынкæны!* [Там же, с. 73] / Да ладно! Иди и окучивай чеснок и подобное, кто тебя просит что-то докладывать — междометие; *Ныхъхъус у, цæй, къуылыхчæмпа, стæймын, бæгуылæгау, зонд амон!..* [Там же, с. 77] / Замолчи, ну, хромя клыча, а то меня как стоящий мужик уму учит — частица.

Частицы, некоторые формы существительных и наречий, местоимения, союзы, послелог и междометия в осетинском языке встречаются в одних и тех же формах, и в рамках нашей работы мы склонны их относить к функциональным омонимам, поскольку при предварительном рассмотрении они обнаруживают этимологическое родство. Мы не исключаем также в ряде случаев явления конверсии, при которой одна часть речи, в связи с утратой собственного лексического значения, переходит в другую или является ее производной формой. О полном переходе некоторых причастий в разряд наречий и послелогов и невозможности определить значение местоимений вне контекста писал и Н. К. Багаев, однако обстоятельного изучения эти вопросы не получили и до настоящего времени [Багаев, 1965, с. 228, 360].

3.4. Функциональные задачи омонимов в осетинском языке

При анализе существующих классификаций омонимов мы попытались выделить основные группы функциональных омонимов. Само понятие «функциональные омонимы» появилось гораздо позже и на основе понимания лексических и грамматических омонимов. Однако соответствующий термин до сих пор лингвистами понимается весьма неоднозначно: изменение частеречного статуса слова проявляется по-разному и получает разные терминологические названия. Нами были определены основные особенности, главные критерии распознавания. В. В. Бабайцева, анализируя функциональные омонимы, утверждала, что они являются разными словами, и исследовала различные подходы к их изучению [Бабайцева, 2000; Бабайцева, 2003].

Функциональные омонимы осетинского языка поддаются условному разделению на две большие группы. Одни из них образуют пары функциональных омонимов, где одно слово является исходной формой, а другое — трансформантом. Большинство функциональных омонимов в языке образуют пары и являются результатом перехода знаменательных частей речи. К другой группе относятся многочленные ряды функциональных омонимов, то есть омонимичные ряды, состоящие из нескольких лексических единиц. Между членами таких рядов этимологическую близость установить гораздо сложнее, чем между парой омонимов, поскольку эти ряды требуют более глубокого и тщательного изучения.

Для наиболее точного и достоверного определения того, какое из слов омонимичной пары и в какой период своего исторического развития преобразовалось в другую часть речи, необходимо поэтапно проследить весь путь его развития, опираясь на историю языка и языковых процессов. При отсутствии такой возможности необходимо учитывать все доступные условия, основными из которых являются определение того, которое из слов в омонимичной паре появилось первым, определение закрепленных (основных) и окказиональных значений, выявление частотности их использования. Омонимичные отношения, возникающие между служебными частями речи, в том числе их отнесенность к грамматическим или функциональным омонимам, легко поддаются определению, однако трудно установить производящую форму и семантическую мотивацию с производной: *ма* — наречие (*æз та ма дыл мæт кодтон* / а я еще переживал за тебя) / *ма* — отрицательная частица (*ма тагъд кæн* / не спеши) / *ма* — частица (*Фæлæуу-ма!* / Постой-ка!). В этом плане использование принципов рассмотренных классификаций применительно к служебным частям речи не является продуктивным и не обеспечивает достоверных результатов.

В своих исследованиях В. В. Бабайцева приходит к достаточно любопытным выводам. По утверждению автора классификации, «шкала переходности показывает, что в языке нет слов вне частей речи, а есть слова, которые сочетают признаки разных частей речи, т. е. слова, характеризующиеся синкретизмом сочетающихся свойств» [Бабайцева, 2003, с. 38]. Классификация ученого хорошо показала, что закрепленность слов за определенной частью речи достаточно хрупка. Особенно трудно такому разграничению поддаются лексические единицы осетинского языка, поскольку частеречный переход в нем сопровождается появлением большого количества спорных и противоречивых моментов. Между тем появление большого количества групп омонимов и само их существование связано с функциональными задачами языка, а омонимии, на наш взгляд, следует считать одним из ярчайших явлений осетинской речи. Однако не все

ученые согласились бы с подобным утверждением. Большинство из них появление в текстах омонимов считают речевой ошибкой, мотивируя тем, что такие словоформы создают трудности при восприятии информации. Так, приверженцы широкого понимания явления омонимии считают слова данной категории средством разрушения языковых процессов, которые нарушают семантическое ядро слова и ослабляют языковые свойства номинации [Малаховский, 1990, с. 24—27].

Исследователи, изучающие явления омонимии и полисемии при помощи сопоставления семантики слова, отмечают, что в различных текстах оно раскрывает различные семантические оттенки. Именно поэтому одну и ту же мысль можно выразить разными текстами или же несколько смыслов передать в одном и том же тексте, то есть «одному смыслу отвечает много несущих этот смысл текстов (синонимия), а одному тексту — много смыслов (омонимия)» [Мельчук, 1974, с. 31]. На данном этапе весьма затруднительно однозначно определить наиболее приемлемую для осетинского языка научную позицию, поскольку природа подобных явлений и их функциональные особенности в осетинском языке еще недостаточно изучены. Если смотреть с позиций истории на развитие осетинского языка, то можно смело утверждать, что язык сам избавляется от явлений, мешающих его развитию. Так произошло, скажем, с некоторыми категориями глагола в осетинском (перфект, плюсквамперфект) [Таказов, 1957]. Вместе с тем явление омонимии скорее получает распространение, нежели язык освобождается от омонимичных вариантов. Развивается и теория их изучения.

С другой стороны, различные виды омонимов в устной и письменной речи по-разному себя ведут — в зависимости от контекста, построения предложения, особенностей словосочетания, экстралингвистических признаков. Скажем, омофоны в письменной речи менее заметны и не создают помех для понимания смыслового содержания высказывания. В устной же речи правильному «распознаванию» семантики омонимичной формы слова служат близлежащие языковые единицы. От правильного порядка слов в предложении зависит не только правильное понимание смысла всего высказывания, но и уместность использованных слов [Кудзоева, 2023].

Случаи, когда омонимы мешают восприятию смысла, исключительны, и связаны они с анализом текстов посредством использования электронных систем. По этому поводу А. И. Головня высказывал свое мнение в специальной работе [Головня, 1990], и с его мнением трудно не согласиться: «Омонимия становится помехой коммуникации лишь при создании систем автоматического анализа текстов, реферирования, создания систем машинного перевода и других интеллектуальных систем. Но это уже совсем другой уровень коммуникации, он не закладывался как функция системы

языка с момента его появления как инфомационно-регулирующей системы» [Там же, с. 465]. Кроме того, омонимы могут создавать трудности при изучении другого языка, особенно в тех случаях, когда оба языка (родной и изучаемый) относятся к разным грамматическим системам. Но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

4. Заключение = Conclusions

Особенности устройства морфологической системы осетинского языка не позволяют отдать предпочтение какой-либо одной системе классификации функциональных омонимов. Однако, опираясь на их базовые характеристики и значимые признаки, нам удалось их отграничить от грамматических омонимов и обозначить ряд особенностей их функционирования в языке.

Исследуемый материал показал, что функциональные омонимы осетинского языка имеют двойственную природу происхождения: с одной стороны, на протяжении длительного времени семантика слов претерпевает некоторые изменения, меняется и комплекс их дифференциальных признаков; с другой стороны, четкие морфологические различия можно провести только между именами, глаголом и неизменяемыми словами, в остальных случаях принадлежность к той или иной части речи проявляется внутри контекста, который актуализирует определенные синтаксические функции. Именно эти факторы дают нам основания говорить о том, что в осетинском языке омонимия имеет функциональную природу.

Большинство функциональных омонимов в языке образуют пары, где одно слово является исходной формой, а другое — трансформантом, и являются результатом перехода знаменательных слов из одной части речи в другую. Многочленные ряды функциональных омонимов, состоящие их нескольких лексических единиц, могут сохранять этимологическую близость, но установить ее гораздо сложнее, поскольку эти ряды требуют глубокого и тщательного изучения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Айларов А. А. И я тебя люблю [на осетинском языке] / А. А. Айларов. — Владикавказ : Ир, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-7534-1547-9.

2. БРОС — Гацалова Л. Б. Большой русско-осетинский словарь : около 60 000 слов и выражений / Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева // Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абиева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 ф. — ISBN 978-5-905691-19-5.

3. *Гадиев С.* Произведения [на осетинском языке] / С. Гадиев. — Владикавказ : Ир, 1991. — 639 с. — ISBN 5-7534-0389-1.
4. *Джикаев Ш. Ф.* Древний быт и мировоззрение осетинского народа [на осетинском языке] / Ш. Ф. Джикаев. — Владикавказ : Издательство СОГУ, 2009. — 264 с. — ISBN 978-5-8336-0538-7.
5. *Дзасохов М. С.* Турий альчик [на осетинском языке] / М. С. Дзасохов. — Владикавказ : Ир, 2001. — 512 с. — ISBN 5-265-01053-X.
6. *Дзесов К. Г.* Рассказы пастушонка [на осетинском языке] / К. Г. Дзесов. — Владикавказ : Ир, 2018. — 96 с. — ISBN 5-7534-0018-3.
7. *Кайтов С.* Осетинская мелодия [на осетинском языке] / С. Кайтов. — Владикавказ : Ир, 2006. — 384 с. — ISBN 5-7534-0268-2.
8. ОРС — *Осетинско-русский словарь*. 5-е издание / под ред. Т. А. Гуриева. Сост. : Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. — Владикавказ : Алания, 2004. — 540 с.
9. *Секинаев В. Дз.* Второе имя [на осетинском языке] / В. Дз. Секинаев. — Орджоникидзе : Ир, 1986. — 425 с.
10. *Ситохов С. А.* Расцвет любви [на осетинском языке] / С. А. Ситохов. — Владикавказ : Аланыстон, 2007. — 288 с. — ISBN 5-87862-189-4.
11. ТСОЯ-1 — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 томах [на осетинском языке] / под общей редакцией Н. Я. Габараева. — Цхинвал-Владикавказ, 2000. — Т. 1. А-Æ. — 515 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.
12. ТСОЯ-2 — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 т. / Под общей редакцией Н. Я. Габараева ; Российская академия наук ; Владикавказский научный центр ; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева. — Москва : Наука, 2010. — Т. 2. Б-Къ. — 488 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.
13. *Хугаев С. З.* Колыбель Коста [на осетинском языке] / С. З. Хугаев. — Владикавказ : Ир, 2018. — 391 с.

Литература

1. *Абаев В. И.* Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание / В. И. Абаев ; Отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. — Владикавказ : Ир, 1995. — Т. 2. — 724 с.
2. *Авдина А. И.* Грамматическая омонимия как специфическое явление языка / А. И. Авдина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2013. — № 9. — С. 204—211.
3. *Аксарина Н. А.* Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии / Н. А. Аксарина, Л. В. Басова // Научный диалог. — 2022. — № 11 (5). — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25.
4. *Аракин В. Д.* Омонимы в английском языке / В. Д. Аракин // Иностранные языки в школе. — 2011. — № 4. — С. 37—47.
5. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка : учеб. Пособие / И. В. Арнольд. — 2-е изд., перераб. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-9765-1041-8.
6. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 230 с.
7. *Бакова И. М.* О разграничении числительного «один» и его омонимов в кабардино-черкесском языке / И. М. Бакова // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2013. — Выпуск 3 (70). — С. 19—26.

8. *Бабайцева В. В.* Явление переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — С. 198—211. — ISBN 5-7107-2806-3.
9. *Бабайцева В. В.* Понятие о функциональных омонимах / В. В. Бабайцева // Русская словесность. — 2003. — № 3. — С. 34—39.
10. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык. (Фонетика и морфология) / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — Ч. 1. — 489 ф.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — Москва : Рус.яз., 2001. — 720 с.
12. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке / Н. Я. Габараева. — Тбилиси : Мецниереба, 1977. — 174 с.
13. *Головня А. И.* Проблема омонимии на входе и выходе ЭВМ / А. И. Головня // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики : Тезисы докладов Всесоюзной конференции. — Тарту : Тартуский университет, 1990. — 156 с.
14. *Гребнева Ю. Н.* Словарь омонимов, омоформ и омографов русского языка / Ю. Н. Гребнева. — Москва : Мир и Образование, 2022. — 656 с. — ISBN 978-5-8112-4193-4.
15. *Исрафилов Н. Р.* О смежных явлениях омонимии агульского языка / Н. Р. Исрафилов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствведение. — 2015. — № 2 (153). — С. 43—46.
16. *Ким О. М.* Словарь грамматических омонимов русского языка : около 11000 слов. около 5000 омонимич. Рядов / О. М. Ким, И. Е. Островкина. — Москва : Аст-рель : АСТ ; Ермак, 2004. — 844 с. — ISBN 5-17-024938-1.
17. *Колесников Н. П.* Словарь омонимов русского языка / Н. П. Колесников. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. — 670 с.
18. *Колшанский Г. В.* Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. — Москва : Наука, 1980. — 154 ф.
19. *Крылова И. А.* Функциональные омонимы в толковом словаре общего типа (на материале «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г. Н. Складчиковой) / И. А. Крылова // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. — 2020. — Т. 2. — № 2. — С. 165—178. — DOI: 10.33910/2687-0215-2020-2-2-165-178.
20. *Кудзоева А. Ф.* Синтаксические трансформации при переводе на осетинский язык и проблемы пунктуации / А. Ф. Кудзоева // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 95—2. — С. 85—87. — DOI: 10.18411/trnio-03-2023-80.
21. *Ларина Е. А.* Грамматическая омонимия в аспекте проблемы сходств и различий в языке / Е. А. Ларина, Т. Д. Х. Ле // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сборник научных статей по материалам VIII международной научно-практической конференции, Иваново, 06—08 мая 2015 года / Ответственный редактор И. А. Сотова. — Иваново : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный университет», 2015. — С. 56—62.
22. *Малаховский Л. В.* Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. — Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1990. — 238 с.
23. *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей смысл-текст / И. А. Мельчук. — Москва : Наука, 1974. — 316 с.
24. *Никатуева З. Ш.* Сопоставительный анализ лексических омонимов английского и даргинского языков / З. Ш. Никатуева // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 5 (78). — С. 480—482.

25. Пазова Л. М. К вопросу о полных и неполных омонимах / Л. М. Пазова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2010. — № 1. — С. 99—103.
26. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Просвещение, 1976. — 352 с.
27. Сидикова Г. Н. Основные пути возникновения омонимов / Г. Н. Сидикова // Вестник ТГУПИ. — 2012. — № 1. — С. 218—222.
28. Сидоренко И. Я. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка (из опыта создания) / И. Я. Сидоренко, Е. Н. Сидоренко // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия : Филология. История. — 2016. — № 1. — С. 21—25.
29. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : МГУ, 1998. — 260 с.
30. Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) : Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. — 2-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 264 с. — ISBN 5-89349-334-6.
31. Таказов Х. А. Исторический опатив в современном осетинском языке / Х. А. Таказов // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — 1957. — Т. XIX. — С. 354—372.
32. Уфимцева А. А. Лексическое значение : Принцип семасиологического описания лексики / А. А. Уфимцева ; Под ред Ю. С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 240 с. — ISBN 978-5-397-01165-5.
33. Шахматов А. А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов ; Вступ. Статья В. В. Виноградова. — Москва : КомКнига, 2006. — 272 с.

Статья поступила в редакцию 24.09.2023,
одобрена после рецензирования 04.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- Aylarov, A. A. (2017). *And I love you*. Vladikavkaz: Ir. 280 p. ISBN 978-5-7534-1547-9. (In Osset.).
- BROS — Gatsalova, L. B., Parsieva, L. K. (2011). Big Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions. In: *Establishment of the Russian Academy of Sciences North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies named after V. I. Abayev VNC RAS and the Government of RSO-A*. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 f. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).
- Dzasokhov, M. S. (2001). *Turiy alchik*. Vladikavkaz: Ir. 512 p. ISBN 5-265-01053-X. (In Osset.).
- Dzevov, K. G. (2018). *Stories of a shepherd boy*. Vladikavkaz: Ir. 96 p. ISBN 5-7534-0018-3. (In Osset.).
- Dzhikaev, Sh. F. (2009). *Ancient life and worldview of the Ossetian people*. Vladikavkaz: SOGU Publishing House. 264 p. ISBN 978-5-8336-0538-7. (In Osset.).
- Gadiev, S. (1991). *Works*. Vladikavkaz: Ir. 639 p. ISBN 5-7534-0389-1. (In Osset.).
- Kaitov, S. (2006). *Ossetian melody*. Vladikavkaz: Ir. 384 p. ISBN 5-7534-0268-2. (In Osset.).
- Khugaev, S. Z. (2018). *The Cradle of the Costa*. Vladikavkaz: Ir. 391 p. (In Osset.).
- ORS — *Ossetian-Russian dictionary. 5th edition*. (2004). Vladikavkaz: Alania. 540 p. (In Russ.).

- Sekinaev, V. Dz. (1986). *The second name*. Ordzhonikidze: Ir. 425 p. (In Osset.).
- Sitokhov, S. A. (2007). *The flowering of love*. Vladikavkaz: Alanyston. 288 p. ISBN 5-87862-189-4. (In Osset.).
- TSOYA-1 — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 1.* (2000). Tskhinval-Vladikavkaz. 515 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Osset.).
- TSOYA-2 — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 2.* (2010). Moscow: Nauka. 488 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Russ.).

References

- Abae, V. I. (1995). *Selected works. General and comparative linguistics, 2*. Vladikavkaz: Ir. 724 p. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (1969). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow: Sov. Encyclopedia. 230 p. (In Russ.).
- Aksarina, N. A., Basova, L. V. (2022). Semantic Motivation of Nominative Relatives as a Problem of Modern Lexicography. *Nauchnyi dialog, 11 (5)*: 9—25. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-9-25. (In Russ.).
- Arakin, V. D. (2011). Homonyms in English. *Foreign languages at school, 4*: 37—47. (In Russ.).
- Arnold, I. V. (2012). *Lexicology of the modern English language: textbook. Manual. 2nd ed., reprint*. Moscow: FLINT: Nauka. 376 p. ISBN 978-5-9765-1041-8. (In Russ.).
- Avdina, A. I. (2013). Grammatical Bookonymy as a specific phenomenon of language. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University, 9*: 204—211. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2003). The concept of functional homonyms. *Russian Literature, 3*: 34—39. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2000). *The phenomenon of transitivity in the grammar of the Russian language*. Moscow: Bustard. 198—211. ISBN 5-7107-2806-3. (In Russ.).
- Bagaev, N. K. (1965). *Modern Ossetian language. (Phonetics and morphology), 1*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 489 f. (In Russ.).
- Bakova, I. M. (2013). On the differentiation of the numeral “one” and its homonyms in the Kabardino-Circassian language. *Bulletin of the Adygea State University, 3 (70)*: 19—26. (In Russ.).
- Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language*. Tbilisi: Metsniereba. 174 p. (In Russ.).
- Golovnya, A. I. (1990). The problem of homonymy at the input and output of a computer. In: *Actual problems of computer linguistics: Abstracts of reports of the All-Union Conference*. Tartu: University of Tartu. 156 p. (In Russ.).
- Grebneva, Yu. N. (2022). *Dictionary of homonyms, homoforms and homographs of the Russian language*. Moscow: Mir i Obrazovanie. 656 p. ISBN 978-5-8112-4193-4. (In Russ.).
- Israfilov, N. R. (2015). On related phenomena of homonymy of the Agul language. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History, 2 (153)*: 43—46. (In Russ.).
- Kim, O. M. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language: about 11,000 words. about 5000 homonyms. Rows*. Moscow: Ast-rel: AST; Ermak. 844 p. ISBN 5-17-024938-1. (In Russ.).
- Kolesnikov, N. P. (1995). *Dictionary of homonyms of the Russian language*. Rostov-on-Don: Phoenix. 670 p. (In Russ.).
- Kolshansky, G. V. (1980). *Contextual semantics*. Moscow: Nauka. 154 f. (In Russ.).

- Krylova, I. A. (2020). Functional homonyms in a general-type explanatory dictionary (based on the material of the “Dictionary of the Russian Language of the XXI century” edited by G. N. Sklyarevskaya). *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, 2 (2): 165—178. DOI: 10.33910/2687-0215-2020-2-2-165-178. (In Russ.).
- Kudzoeva, A. F. (2023). Syntactic transformations in translation into Ossetian and punctuation problems. *Trends in the development of science and education*, 95—2: 85—87. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-80. (In Russ.).
- Larina, E. A. (2015). Grammatical homonymy in the aspect of the problem of similarities and differences in language. In: *Semantics and functioning of linguistic units of different levels: collection of scientific articles based on the materials of the VIII International Scientific and practical Conference, Ivanovo, May 06—08, 2015*. Ivanovo: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Ivanovo State University”. 56—62. (In Russ.).
- Malakhovsky, L. V. (1990). *Theory of lexical and grammatical homonymy*. Leningrad: Nauka: Leningrad Branch. 238 p. (In Russ.).
- Melchuk, I. A. (1974). *Experience of the theory of linguistic models meaning—text*. Moscow: Nauka. 316 p. (In Russ.).
- Nikatieva, Z. Sh. (2019). Comparative analysis of lexical homonyms of English and Dargin languages. *The world of science, culture, education*, 5 (78): 480—482. (In Russ.).
- Pazova, L. M. (2010). On the question of complete and incomplete homonyms. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, 1: 99—103. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Dictionary-handbook of linguistic terms*. Moscow: Prosveshchenie. 352 p. (In Russ.).
- Shakhmatov, A. A. (2006). *The doctrine of the parts of speech*. Moscow: KomKniga. 272 p. (In Russ.).
- Sidikova, G. N. (2012). The main ways of the origin of homonyms. *Bulletin of the TSUPBP*, 1: 218—222. (In Russ.).
- Sidorenko, I. Ya., Sidorenko, E. N. (2016). A concise explanatory and grammatical dictionary of functional homonyms of the Russian language (from the experience of creation). *Scientific notes of the Crimean Engineering Pedagogical University. Series: Philology. History*, 1: 21—25. (In Russ.).
- Smirnitsky, A. I. (1998). *Lexicology of the English language*. Moscow: Moscow State University. 260 p. (In Russ.).
- Solodub, Yu. P. (2003). *Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect): Textbook for students of philological faculties and faculties of foreign languages*. Moscow: Flint: Nauka. 264 p. ISBN 5-89349-334-6. (In Russ.).
- Takazov, H. A. (1957). Historical optative in the modern Ossetian language. *Izvestia of the North Ossetian Research Institute*, XIX: 354—372. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (2002). *Lexical meaning: The principle of semasiological description of vocabulary*. Moscow: Editorial URSS. 240 p. ISBN 978-5-397-01165-5. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (2001). *Russian language (Grammatical teaching about the word)*. 4th ed. Moscow: Rus.yaz. 720 p. (In Russ.).

*The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 04.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Хруненкова А. В. Учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка : определение и проблема формирования словаря / А. В. Хруненкова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 97—116. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-97-116.

Khrunenkova, A. V. (2023). Thematic Dictionary of Russian Collocations for Educational Purposes: Definition and Challenges in Dictionary Compilation. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 97-116. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-97-116. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-97-116

Учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка: определение и проблема формирования словаря

Хруненкова Анна Валентиновна

orcid.org/0000-0002-0564-5671

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания
a.v.khrunenkova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Thematic Dictionary of Russian Collocations for Educational Purposes: Definition and Challenges in Dictionary Compilation

Anna V. Khrunenkova

orcid.org/0000-0002-0564-5671

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
as a Foreign Language
and its Teaching Methodology
a.v.khrunenkova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Хруненкова А. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи определяется тем, что отбор устойчивых сочетаний для обучения инофонов представляется многоступенчатым и сложным процессом. Отмечается, что до сих нет единого мнения, касающегося требований отбора единиц и объёма фразеологического минимума. Новизна исследования заключается в попытке разграничить понятия «фразеологический минимум» и «учебный словарь устойчивых сочетаний». Кроме того, задача исследования — выработать критерии отбора устойчивых сочетаний для включения их в учебный словарь. Перед автором стояла задача формирования учебного словаря, состоящего из тематических разделов, в котором название каждого раздела соответствует теме модуля программы по русскому языку как иностранному. Для достижения поставленной цели автор проводит обзор существующей научной литературы, учебных словарей и лексических минимумов. Автор анализирует учебные пособия по фразеологии и говорению для уровней B1+ — C1. Представлены результаты проведенного опроса носителей русского языка с целью уточнить понимание отобранных единиц, выполнен анализ контекстов их употребления. На заключительном этапе предлагается список устойчивых сочетаний по теме «Учеба», в который впервые включаются фразеологические неологизмы.

Ключевые слова:

учебный тематический словарь; обучение инофонов; фразеологический минимум; уровень понимания устойчивого сочетания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the article is determined by the fact that the selection of stable collocations for teaching foreign language learners is a multi-stage and complex process. It is noted that there is still no consensus regarding the requirements for selecting units and the volume of phraseological minimum. The novelty of the study lies in an attempt to distinguish between the concepts of “phraseological minimum” and “educational dictionary of stable collocations”. In addition, the research task is to develop criteria for selecting stable collocations for inclusion in an educational dictionary. The author’s task was to form an educational dictionary consisting of thematic sections, where the name of each section corresponds to the theme of the module in the program for teaching Russian as a foreign language. To achieve this goal, the author reviews existing scientific literature, educational dictionaries, and lexical minimums. The author analyzes textbooks on phraseology and speaking for levels B1+ — C1. The results of a survey conducted among native Russian speakers are presented in order to clarify the understanding of selected units, and an analysis of the contexts in which they are used is performed. In the final stage, a list of stable collocations on the topic of “Education” is proposed, which includes phraseological neologisms for the first time.

Key words:

educational thematic dictionary; teaching foreign language learners; phraseological minimum; level of understanding of stable collocations.

Учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка: определение и проблема формирования словарика

© Хрунenkova A. B., 2023

1. Введение = Introduction

Статья посвящена актуальной и еще не разрешенной на сегодняшний день проблеме формирования учебного словарика для иностранных обучающихся, владеющих русским языком в объеме B1+. Известно, что на занятиях в иностранной аудитории преподаватели часто привлекают фразеологические единицы в ходе изучения тем по говорению и в процессе чтения художественных или публицистических текстов, блогов в Интернете. Целесообразность внедрения фразеологических единиц в содержание процесса обучения русскому языку как иностранному не вызывает сомнений и объясняется, в первую очередь, их возможностью давать «многое для понимания русской культуры, мифологии, современной жизни» [Вальтер и др. 2018, с. 37.], а также их способностью отражать русский национальный менталитет и страноведческой ценностью [Костомаров и др., 1982]. К тому же введение фразеологических единиц в обучение повышает мотивацию и интерес к изучению иностранного языка и общению на нём с носителями русского языка. Правильное понимание русской речи как в устной, так и в письменной форме, коммуникация на русском языке невозможны без усвоения достаточного количества фразеологических единиц, которые входят в ядро русского языка. Таким образом, рациональный и дозированный отбор является залогом успешного обучения, в частности, русскому языку как в среде, так и вне среды его функционирования.

Следует отметить, что в проанализированной нами лингвистической и методической литературе речь идет, как правило, о подготовке собственно фразеологического минимума для иностранцев [Максяшина, 2004, Ковалевская и др., 2018 и др.], паремиологического минимума [Иванов 2015; Крикман, 1986; Мокиенко, 2011; Петрова, 2007; Пугачева, 2011 и др.], фразеологического минимума, включающего не только идиомы, но и пословицы и поговорки [Андрюшина, 2016], а также минимума, посвященного крылатым выражениям [Ломакина, 2019]. В основе формирования рассмотренных нами фразеологических минимумов русского языка (при узком

и широком понимании фразеологии) прослеживается два основных подхода отбора языкового материала: 1) по составу входящих в них единиц (идиомы; паремии; крылатые выражения; смешанный тип фразеологического минимума, включающий как идиомы, так и паремии), 2) по учебной цели создания фразеологического минимума, то есть по ориентации на адресата. В зависимости от целевой направленности можно выделить следующие виды учебных фразеологических минимумов:

1) Фразеологический минимум для национальной школы [Быстрова, 1975]. В настоящее время это единственный опубликованный фразеологический минимум русского языка. На основании этого издания был создан «Учебный фразеологический словарь», авторами которого являются Е. А. Быстрова, П. А. Окунева, Н. М. Шанский [Быстрова и др., 1984]. Фразеологический словарь содержит около 800 фразеологизмов русского языка, представляющих собой необходимый минимум для овладения русским языком как средством межнационального общения. В словаре дается толкование фразеологизма, его стилистическая и грамматическая характеристики. Иллюстративным материалом служат примеры из художественной литературы и периодической печати. В приложении приводятся семантические группы фразеологизмов, фразеологические синонимы, антонимы, паронимы и указатель всех зафиксированных в издании оборотов.

2) Паремнологический минимум Г. Л. Пермякова насчитывает 300 единиц, наиболее известных говорящему. Данные были получены автором с помощью метода опроса.

3) Лексико-фразеологические минимумы Второго и Третьего сертификационных уровней владения русским языком, разработанные в рамках системы тестирования по русскому языку. В данных минимумах, по нашему мнению, предпринята единственная попытка определить объем устойчивых сочетаний, необходимых для овладения иностранными обучающимися. Авторы лексического минимума Третьего сертификационного уровня общего владения русским языком как иностранным [Лексический минимум..., 2019] в приложение «Фразеологизмы, устойчивые словосочетания» не только включили собственно фразеологизмы, но и выделили группу «Пословицы и поговорки». Данное деление, например, отсутствует в лексическом минимуме Второго сертификационного уровня общего владения русским языком как иностранным [Лексический минимум..., 2015]. Фразеологический минимум, представленный во 2-м сертификационном уровне, насчитывает 300 единиц. В состав фразеологизмов и устойчивых сочетаний Третьего сертификационного уровня авторы включили 600 единиц, пословично-поговорочный раздел насчитывает 67 паремий, которые, по мнению авторов, «позволят иностранцам лучше понимать живую речь

носителей языка, осваивать особенности функционирования слов в речи» [Лексический минимум..., 2019, с. 6]. Следует заметить, что в словник «Пословицы и поговорки» авторы включили также две единицы с пометой «книжн.»: *Всему свое время; О вкусах не спорят*.

Бесспорно, наличие фразеологического словника, зафиксированного в лексическом минимуме, облегчает задачу преподавателю русского языка как иностранного, поскольку данный словник может служить ориентиром при отборе фразеологизмов для занятий в иностранной аудитории. При этом возникает вопрос, связанный с алгоритмом отбора данных единиц, поскольку в Предисловиях к лексическому минимуму Второго и Третьего сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным авторы не пишут о том, из каких словарей был произведен отбор включенных паремий, так как в списке словарей, участвующих в формировании данного словника, отсутствует упоминание о фразеологических словарях и словарях пословиц и поговорок русского языка. Таким образом, остается неясным, на какие критерии при составлении словника ориентировались авторы: 1) на существующие словари; 2) на учебные пособия по говорению и по фразеологии для иностранцев или 3) на личный опыт авторов лексических минимумов.

Следует отметить, что в настоящее время ведется активная работа научного поуровневого отбора фразеологических единиц, учитывающего лингвокультурологический принцип [Андрюшина, 2011, с. 648—652].

В. М. Мокиенко, с точкой зрения которого трудно не согласиться, рассуждая о возможности создания фразеологического минимума, пишет, что «в отличие от минимума лексического, определяемого в основном фактором частотности лексем, фразеологический минимум характеризуется большим количественным и качественным разбросом» [Мокиенко, 2011, с. 218—231], поэтому, по его мнению, усилия лингвистов и методистов, желающих создать универсальный фразеологический «Словарь-минимум», заранее обречены на неудачу. Свою позицию В. М. Мокиенко объясняет тем, что «отбор фразеологического минимума и создание частотных словарей требуют чрезвычайной детализации целевых, адресатных и уровневых установок обучения» [Мокиенко, 2017, с. 340]. К тому же, по мнению ученого, «при отборе и интерпретации фразеологического материала для обучения необходим учет лингводидактической триады: коммуникативный, речевой и языковой уровни» [Там же, с. 341].

В связи с вышесказанным новизна данного исследования видится в разграничении понятий «фразеологический минимум» и «учебный фразеологический словник», а также в алгоритме отбора и определении состава устойчивых сочетаний, входящих в данный словник, на материале одной из рассматриваемых тематических групп.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель нашего исследования заключается в попытке дать определение понятию «учебный тематический словник устойчивых сочетаний русского языка», выделив основные отличительные особенности словника по сравнению с фразеологическим минимумом, а также в попытке описания критериев отбора фразеологических единиц, что позволит определить специфику формирования словника.

Объектом исследования в данной статье являются устойчивые фразеологизированные сочетания, отобранные приемом сплошной выборки материала из учебных фразеологических словарей русского языка, лексических минимумов Второго и Третьего сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным, а также из учебных пособий по говорению и по фразеологии, адресатом которых являются иностранные обучающиеся, владеющие русским языком в объеме B1+.

Предмет исследования — тематическая организация словника устойчивых сочетаний русского языка для иностранных обучающихся.

Материалом исследования служат учебные фразеологические словари русского языка, лексические минимумы, учебные пособия по русскому языку и идиоматике, данные Национального корпуса русского языка, а также сведения, полученные в ходе письменного опроса носителей русского языка.

Для достижения поставленной цели используются приемы сплошной выборки материала, частотно-статистического анализа, описательный метод и опрос.

Практическое применение научных результатов связано прежде всего с созданием учебного тематического словника устойчивых сочетаний русского языка, который можно будет использовать на практических занятиях в иностранной аудитории, на семинарских и лекционных занятиях по фразеологии русского языка, а также при составлении фразеологического минимума русского языка, создании учебного фразеологического словаря, имеющего тематические разделы, что особенно актуально в практике преподавания русского языка как иностранного и в подготовке и написании научных работ по фразеологии иностранными обучающимися. К примеру, на кафедре русского языка как иностранного Санкт-Петербургского государственного университета ежегодно 30 % инофонов в качестве научной темы для написания своих курсовых, выпускных квалификационных работ и кандидатских диссертаций выбирают изучение фразеологического фонда русского языка. Наибольшая трудность для них состоит в отборе языкового материала. Поэтому создание учебного тематического словника устойчивых сочетаний русского языка позволит иностранцам, особен-

но в самом начале их научной деятельности, упростить задачу при отборе единиц для дальнейшего анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Далее обратимся к уточнению понятия «учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка», проанализируем существующие учебные словари по русской фразеологии, а также лексические минимумы Второго и Третьего уровней общего владения русским языком, обратимся к рассмотрению учебных пособий по говорению и фразеологии с целью отбора единиц для будущего словаря.

3.1. Фразеологический минимум vs. Учебный тематический словарь устойчивых сочетаний русского языка

Проанализировав работы исследователей фразеологического и паремиологического минимумов, о которых речь шла выше, мы пришли к выводу о том, что создание фразеологического / паремиологического минимума основано прежде всего на антропоцентрическом подходе, поскольку главным критерием, определяющим состав словаря, является лексикон языковой личности. Таким образом, мы полагаем, что фразеолого-паремиологический минимум представляет состав единиц в минимизированном виде, так как предполагает их отбор в соответствии с целями и задачами, общей языковой концепцией составителей. Традиционный фразеологический минимум — это алфавитный список наиболее употребительных единиц, обладающих смысловой и коммуникативной значимостью.

Главным отличием учебного словаря устойчивых сочетаний от фразеологического / паремиологического минимума является практико-ориентированный подход к отбору единиц. Во-первых, как нам кажется, в состав словаря должны входить как собственно фразеологизмы, так и паремии, а также устойчивые сравнения русского языка. Выбор единиц обусловлен тем, что данные группы фразеологических единиц обладают высоким функциональным потенциалом, поэтому, по нашим наблюдениям, наиболее частотны в речи носителей русского языка. Во-вторых, мы считаем необходимым представлять фразеологические единицы не алфавитным списком, а распределять их по тематическим группам, что кажется нам более целесообразным и оправданным в практике преподавания русского языка как иностранного.

Из всего вышесказанного можно заключить, что учебный тематический сборник устойчивых сочетаний русского языка представляет собой минимизированный по разным основаниям список фразеологических единиц. В этом случае формируется учебный словарь-минимум активного типа.

Обратимся к рассмотрению принципов формирования учебного тематического словника.

3.2. Принципы формирования учебного тематического словника устойчивых сочетаний русского языка

Предложим некоторые критерии, на которые можно опираться при формировании учебного тематического учебного словаря устойчивых сочетаний.

1. *Фактор адресата*, поскольку описываемый словник устойчивых сочетаний рассчитан на иностранных граждан, изучающих русский язык как в среде, так и вне среды его функционирования.

2. *Тематическая соотнесенность* с темами для общения в курсе практического русского языка для иностранцев.

3. *Актуальность и употребительность* данной единицы в речи носителей языка. С целью выявления актуальности фразеологических единиц необходимо провести опрос носителей русского языка, чтобы определить «зону узнавания», которая, по мнению В. М. Мокиенко, определяет условное ядро национальной фразеологии. Однако, как отмечает исследователь, и «это ядро колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка в зависимости от индивидуального восприятия слова, его образных и экспрессивных потенций и личного речевого опыта» [Мокиенко, 2010, с. 15].

4. *Коммуникативно-прагматический потенциал фразеологических единиц*, реализуемый в контексте разговорного, художественного и публицистического дискурсов.

5. *Лингвокультурологическая и страноведческая значимость*, то есть включенность в словник единиц, обладающих, по мнению Н. П. Андриюшиной, «культурно-национальным содержанием» [Андриюшина, 2017].

6. *Стилистическая принадлежность*. Применение данного критерия при отборе фразеологических единиц позволяет исключить неуместные в речи инофона языковые единицы: грубые, просторечные, грубо-просторечные, бранные, диалектные, жаргонные. Фразеологические единицы с пометой «разговорное» мы считаем возможным включать в словник устойчивых сочетаний в силу их частотности в речи носителей русского языка.

3.3. Обзор проанализированной учебной литературы

Нами был проведен анализ актуальных учебников и учебных пособий по развитию речи, учебных пособий по фразеологии русского языка для иностранных учащихся, а также лексических минимумов по русскому языку как иностранному с целью выявления устойчивых сочетаний, которые, по мнению авторов этих изданий, необходимо знать иностранным обучающимся для дальнейшего использования в речи. В качестве материала исследования привлекаются печатные и / или электронные средства обуче-

ния, изданные в период с 2010 года. Кроме того, нами были проанализированы учебные фразеологические словари русского языка.

Прежде чем приступить к отбору необходимых устойчивых сочетаний, мы обратились к «Программе по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика, Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо» [Глазунова и др. ... 2017], так как в ней представлены тематические разделы для каждого уровня обучения. На наш взгляд, тематический отбор и тематическая организация словника устойчивых сочетаний оправданы, поскольку учебные циклы образовательных программ и модули (уроки) в учебниках и учебных пособиях по разговорной речи построены по тематическому принципу. Поэтому, с нашей точки зрения, инофонам в процессе изучения русского языка легче обратиться к конкретному тематическому разделу, в котором содержится актуальный список устойчивых сочетаний, чем искать их по какой-либо теме в различных фразеологических словарях русского языка. Под *актуальными фразеологическими единицами* мы понимаем устойчивые сочетания, которые, во-первых, узнаваемы носителями русского языка, им понятно значение данных единиц без привлечения дополнительных источников информации, и они находятся в активном или пассивном запасе у русскоговорящих; во-вторых, актуальность, по нашему мнению, связана с частотностью функционирования искомых устойчивых сочетаний в художественных и публицистических текстах, а также в интернет-пространстве.

Ниже приведем список тем по говорению, представленных в «Программе по русскому языку как иностранному» [Глазунова и др. ... 2017], которые соответствуют тематическим блокам основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Мы посчитали возможным объединить похожие темы, так как большинство из них изучается на каждом из рассматриваемых уровней владения русским языком: 1) Человек (внешность, характер, поведение, одежда, уход за собой и др.); 2) Увлечения; 3) Учеба. Образование; 4) Профессия. Профессиональные качества; 5) Семья. Семейные проблемы. Конфликт отцов и детей; 6) Путешествия; 7) Спорт и здоровый образ жизни; 8) Экологические проблемы; 9) Культурная среда; 10) Социальные проблемы и т. д.

В целом нами было проанализировано более 20 учебных пособий для уровней В1+ — С1: *Уровень В1+*: 1) М. Парецкая, О. Шестак. Русская мозаика [Парецкая и др., 2017]; 2) О. В. Головкин. Вперед! [Головкин, 2020]; 3) И. Мозелова. Новый сувенир [Мозелова, 2021]; 4) И. А. Старовойтова. Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Выпуск 1. Человек [Старовойтова, 2012]; 5) И. А. Старовойтова. Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Выпуск 2. В доме [Старовойтова, 2013]; *Уровень В2*: 6) И. Мозе-

лова Новый сувенир. Часть 4 [Мозелова, 2021]; 7) И. Костина, Т. Корнилова, А. Голубева. Надежда. Выпуск 1 [Костина и др., 2020]; 8) И. Костина, Т. Корнилова, А. Голубева. Надежда. Выпуск [Костина и др., 2021]; 9) Н. В. Баско. Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем грамматику [Баско, 2021]; **Уровень В2—С1**: 10) М. Н. Макова, О. А. Ускова. В мире людей. Выпуск 1. Чтение. Говорение [Макова и др., 2018]; 11) М. Н. Макова, О. А. Ускова. В мире людей. Выпуск 2. Аудирование. Говорение [Макова и др., 2019]; 12) М. Н. Макова, О. А. Ускова. В мире людей. Выпуск 1. Письмо. Говорение [Макова и др., 2020]; 13) Е. Р. Ласкарева. Прогулки по русской лексике [Ласкарева, 2020]; 14) Е. В. Косарева, А. В. Хруненкова. Время обсуждать [Косарева и др., 2020]; 15) Е. Косарева, З. Масленникова и др. Обсудим? [Косарева и др., 2021]; 16) К. А. Рогова, И. М. Вознесенская, О. В. Хорохордина, Д. В. Колесова. Русский язык. Учебник для продвинутых. Выпуск 1 [Рогова и др., 2014]; 18) К. А. Рогова. Русский язык. Учебник для продвинутых. Выпуск 2 [Рогова, 2015]; 19) К. А. Рогова. Русский язык. Учебник для продвинутых. Выпуск 3 [Рогова, 2015]; 20) К. А. Рогова. Русский язык. Учебник для продвинутых. Выпуск 4 [Рогова, 2016]; 21) Т. П. Чепкова, Ю. Б. Мартыненко, Е. В. Степанян. Русские фразеологизмы: Узнаем и Учим [Чепкова и др., 2014].

Проанализировав вышеуказанные учебные пособия, можно утверждать, что включение того или иного фразеологизма носит, как правило, субъективный характер и, скорее всего, отражает личные предпочтения автора или авторов учебных изданий, поскольку, например, в рассмотренных учебных пособиях практически не встречаются повторяющиеся фразеологические единицы, за исключением следующих: *как из ведра*; *как снег на голову*; *ни пуха ни пера!*; *голоден как волк*; *как по маслу*; *терять голову*; *через / в час по чайной ложке*; *сидеть на чемоданах*; *два сапога пара*; *сколько лет, сколько зим!* Безусловно, все названные устойчивые сочетания являются употребительными, узнаваемыми и достаточно частотными как в разговорной речи носителей русского языка, так и в текстах публицистического и художественного стилей речи. Однако представляется, что личный опыт и интуиция авторов, участвующих в создании учебников и учебных пособий по русскому языку для иностранцев, не должны являться главным критерием отбора фразеологизмов.

Если мы обратимся к лексическим минимумам Второго и Третьего сертификационных уровней, то обнаружим, что из включенных в учебные пособия фразеологизмов в лексический минимум входят лишь некоторые из них, например: *без ума от кого? чего?*; *брать — взять себя в руки*; *говорить за глаза*; *голодный как волк*; *как две капли воды*; *как из ведра*; *как снег на голову*; *пускать — пустить пыль в глаза*; *семь пятниц на неделе*;

сколько лет, сколько зим!; два сапога — пара; делу время, потехе час; кончил дело — гуляй смело; лучше поздно, чем никогда; не имей сто рублей, а имей сто друзей и др. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при создании учебных пособий по русскому языку как иностранному авторы, как нам кажется, не обращались к списку устойчивых сочетаний, представленному в указанных лексических минимумах.

3.4. Этапы формирования учебного тематического словаря устойчивых сочетаний

Формирование учебного тематического словаря устойчивых сочетаний русского языка, с нашей точки зрения, необходимо начинать с выделения актуальных единиц. Объем устойчивых сочетаний, включенный в тематический словарь, определяется критерием узнавания данных единиц среди носителей русского языка, а также определяется критерием частотности. При этом следует помнить, что в ходе отбора устойчивых единиц для потенциального словаря мы учитываем их стилистическую принадлежность.

Рассмотрим этапы работы над составлением тематического раздела «Учёба» для учебного тематического словаря устойчивых сочетаний русского языка.

С целью определения состава тематической группы «Учёба» мы приступили в первую очередь к отбору устойчивых сочетаний из учебных фразеологических словарей: 1) Н. В. Баско Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов [Баско, 2019]; 2) Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. Учебный фразеологический словарь русского языка [Быстрова и др., 1984]; 3) В. И. Даль Пословицы русского народа [Даль, 1994]; 4) Л. А. Лебедева. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь [Лебедева, 2013]; 5) А. Н. Тихонов, Н. А. Ковалев. Учебный фразеологический словарь русского языка [Тихонов и др., 2007]; 6) В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь, [Фелицына и др., 1990]. Отметим, что выбор словаря пословиц и поговорок В. И. Даля обусловлен тем, что в настоящее время отсутствуют учебные словари пословиц и поговорок, а данный источник имеет тематические разделы, что позволяет легко найти нужную информацию.

Из вышеуказанных словарей нами отобрано 358 единиц по теме «Учёба». Далее мы исключили все единицы, относящиеся к сниженному и высокому стилю речи или устаревшие. Единицы, отобранные с точки зрения стилистической принадлежности (204 единицы), были включены в опрос, проведенный среди носителей русского языка. Цель нашего анкетирования заключалась в выявлении узнаваемых для них и употребительных устойчивых единиц. Информантами выступили русскоговорящие граждане в возрасте от 18 до 70 лет, проживающие в больших городах на территории

Российской Федерации. Гендерная принадлежность и уровень образования не учитывались. На следующем этапе данного исследования был проведен анализ функционирования и определена частотность употребления описываемых устойчивых сочетаний в художественном и публицистическом дискурсах, а также в интернет-пространстве. В состав словника были включены фразеологизмы, количество вхождений которых на сайте Национального корпуса русского языка составило не менее 3-х раз.

По окончании отбора устойчивых сочетаний из учебных словарей русского языка, проведенного посредством сплошной выборки материала, опроса носителей русского языка и оценки функционального потенциала искомым единиц, нами был составлен список устойчивых сочетаний для включения в тематический раздел «Учеба» учебного тематического словника устойчивых сочетаний русского языка. Сформированный список отвечает, на наш взгляд, рассмотренным выше критериям и может быть использован в процессе обучения на уровнях владения русским языком в объеме B1+ — C1. Его объем составил 74 единицы:

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ:

без царя в голове, бить баклуши / валять дурака / ворон считать / курить бамбук, братья за ум, взять быка за рога, визитная карточка кого? чего?, вытягивать / вытянуть счастливый билет, держать в ежовых рукавицах / держать в черном теле, держать удар, запастись (запасаться) терпением, зарыть (зарывать) талант в землю, зарубить себе на носу, голова соломой набита, иметь голову на плечах, качать права, каша в голове, ловить (схватывать) на лету, ломать голову, не покладая рук, на коленке, на одной волне, наступать на (одни и) те же грабли, ни пуха ни пера!, оставляет желать лучшего, по зубам (не по зубам), пустая голова, работать засучив рукава, с головой, светлая голова, слабое место, сложа руки, семи пядей во лбу, собаку съел в чем?, страусиная позиция, тертый калач, тянуть за уши, тянуть за язык, тянуть кота за хвост, шаг за шагом, ума палата, язык хорошо подвешен.

Пословицы и поговорки:

без труда не вытянуть и рыбку из пруда; бумага терпит, перо пишет; век живи — век учись; дело мастера боится; кто хочет много знать, тому надо мало спать; написано пером, не вырубить и топором; не красна книга письмом, красна умом; не стыдно не знать, стыдно не учиться; повторенье — мать ученья; по одежке встречают, по уму провожают; терпение и труд всё перетрут; ученье — свет, а неученье — тьма; (грамоте) учиться никогда не поздно; учиться всегда пригодиться.

Устойчивые сравнения:

(голова) как Дом Советов; (писать) как курица лапой; (выжатый) как лимон; (идти) как по маслу; (быть свежим) как огурчик; (цёлкать) как

орешки; (трудолюбивый) как пчела / как муравей; (читать) как пономарь; (работать, трудиться) как раб на галерах; (голова, память) как решето; (знать) как свои пять пальцев / как «Отче наш» / как таблицу умножения; (ходить, двигаться...) как сонная муха; (глаза красные) как у кролика.

Как видно из списка, в него вошли не только те выражения, которые связаны с процессом занятий, освоением знаний и другими компонентами обучения, например, *голова соломой набита, ломать голову, работать засучив рукава* и др., но и языковые единицы, которые характеризуют неформальные стороны учебы, такие как бессонные ночи перед экзаменом, например, *глаза красные как у кролика* (можно описать внешний вид человека, который много времени провел за компьютером, выполняя различные учебные задания), *страусиная позиция* (можно описать поведения студента, который трусливо пытается избежать решения проблемы, возникшей во время обучения) и др. Целесообразность включения данных единиц в словник устойчивых сочетаний обусловлена также тем, что большинство информантов посчитали возможным отнести их к теме «Учёба».

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Проблематика отбора учебного материала включает в себя широкий круг вопросов: 1) установление исходного корпуса фразеологических единиц с помощью приема сплошной выборки материала из учебных словарей по фразеологии и Лексических минимумов Второго и Третьего сертификационных уровней. В процессе определения ядра фразеологического словника необходимо обращать внимание на критерии отбора фразеологических единиц, главными из которых, на наш взгляд, являются, стилистическая принадлежность, узнаваемость носителями языка и частотность функционирования в современной языковой среде; 2) проведение опроса среди носителей русского языка с целью определения понимания тобранных единиц; 3) минимизация объема фразеологических единиц по конкретной тематике с учетом данных, полученных в ходе опроса носителей русского языка (в соответствии с ориентацией на адресата); 4) анализ контекстов употребления устойчивых сочетаний на сайте Национального корпуса русского языка и в интернет-источниках; 5) формирование учебного тематического словника устойчивых сочетаний, включающего собственно фразеологизмы, паремии и устойчивые сравнения, узнаваемые носителями русского языка и обладающие функциональным, коммуникативно-прагматическим и лингвокультурологическим потенциалом. Мы считаем возможным включить в данный словник фразеологизмы, которые еще не зафиксированы в словарях, но являются частотными в речи носи-

телей русского языка и на страницах печатных и электронных СМИ, например: *наступать на (одни и) и те же грабли*; *визитная карточка кого? чего?*; *курить бамбук* и др.

В качестве наглядного примера нами был предложен список устойчивых сочетаний, объединенных темой «Учеба». Так, из отобранных 204 единиц по данной теме в список вошли 74 актуальные в языковой среде единицы, 10 из которых являются фразеологическими неологизмами. Однако, по нашим наблюдениям, данные неологизмы входят в число самых узнаваемых и употребительных в речи носителей русского языка, а также наиболее частотных в СМИ, что делает целесообразным включение данных неологизмов в предполагаемый словарь.

В заключение отметим, что формируемый учебный тематический словарь устойчивых сравнений русского языка отражает понимание автора данной статьи, поэтому вопросы подготовки подобных словарей сохраняют свою актуальность в рамках иных подходов. Языковой материал, представленный в данном исследовании, может быть использован на практических занятиях по русскому языку в иностранной аудитории, в лекциях и семинарах по фразеологии, а также при создании фразеологического минимума.

Перспектива исследования видится в формировании списка устойчивых сочетаний для основных тематических разделов, соответствующих тематике учебных модулей по русскому языку. Кроме того, мы считаем целесообразным разработку словарной статьи, включающей толкование фразеологизма, культурологический и при необходимости страноведческий и этимологический комментарий, грамматические и стилистические пометы, а также примеры употребления в современной речи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Баско Н. В. Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем грамматику : учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / Н. В. Баско. — Москва : Русский язык. Курсы, 2021. — 272 с. — ISBN 9785466021950.
2. Баско Н. В. Фразеологический словарь. Наше время в зеркале фразеологизмов / Н. В. Баско. — Москва : КДУ, Университетская книга, 2019. — 140 с. — ISBN 978-5-91304-873-8.
3. Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка : Пособие для учащихся нац. Школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. — Ленинград : Просвещение, 1984. — 271 с.
4. Головкин О. В. Вперед! Пособие по русской разговорной речи для иностранных учащихся продвинутого этапа обучения (B1+). — 7 изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык. Курсы, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-88-337110-2.

5. *Даль В. И.* Пословицы русского народа / В. И. Даль. — Москва : ННН, 1994. — 616 с.
6. *Косарева Е. В.* Время обсуждать : учебное пособие по речевой практике для иностранных учащихся. — 3-е изд. / Е. В. Косарева, А. В. Хруненко. — Москва : Русский язык. Курсы, 2020. — 120 с. — ISBN 978-5-88337-446-2.
7. *Косарева Е. В.* Обсудим? : учебное пособие по речевой практике для иностранных учащихся / Е. Косарева, З. Масленникова, А. Никифорова, Е. Филатова. — Москва : Русский язык. Курсы, 2021. — 96 с. — ISBN 978-5-88-337794-4.
8. *Костина И.* Надежда / И. Костина, Т. Корнилова, А. Голубева. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2020. — Выпуск 1. — 112 с. — ISBN 978-5-907123-67-0.
9. *Костина И.* Надежда / И. Костина, Т. Корнилова, А. Голубева. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2021. — Выпуск 2. — 136 с. — ISBN 978-5-907123-67-0.
10. *Ласкарева Е. Р.* Прогоулки по русской лексике. — 7-е изд. / Е. Р. Ласкарева. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-86547-479-1.
11. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка : тематический словарь / Л. А. Лебедева. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 314 с. — ISBN 978-5-9765-1239-9.
12. *Макова М. Н.* В мире людей. Письмо. Говорение : учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 — ТРКИ-3). — 3-е изд. / М. Н. Макова, О. А. Ускова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2020. — Выпуск 1. — 288 с. — ISBN 978-5-86547-612-2.
13. *Макова М. Н.* В мире людей. Чтение. Говорение : учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран. ТРКИ-2. — 3-е изд. / М. Н. Макова, О. А. Ускова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2018. — Выпуск 1. — Часть 1. — 164 с. — ISBN 978-5-86547-941-3.
14. *Макова М. Н.* В мире людей. Выпуск 2. Аудирование. Говорение : учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 — ТРКИ-3). — 2-е изд., доп. / М. Н. Макова, О. А. Ускова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2019. — Выпуск 2. — 248 с. — ISBN 978-5-907123-45-8.
15. *Мозелова И.* Новый сувенир. Учебник. Русский язык для иностранцев. Уровень В1. — 4 изд., испр. / И. Мозелова. — Москва : Mozi House, 2021. — Часть 3. — 184 с. — ISBN 9785604193723.
16. *Мозелова И.* Новый сувенир. Учебник. Русский язык для иностранцев. Уровень В2. — 4 изд., испр. / И. Мозелова. — Москва : Mozi House, 2021. — Часть 4. — 184 с. — ISBN 9785604193723.
17. *Парецкая М.* Русская мозаика. Учебник по русскому языку как иностранному. Средний этап (В1) / М. Парецкая, О. Шестак. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-86547-914-7.
18. *Рогова К. А.* Русский язык. Учебник для продвинутых / К. А. Рогова, И. М. Вознесенская, О. В. Хорохордина, Д. В. Колесова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. — Выпуск 1. — 205 с. — ISBN 978-5-86547-713-6.
19. *Рогова К. А.* Русский язык. Учебник для продвинутых / К. А. Рогова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — Выпуск 2. — 288 с. — ISBN 978-5-86547-851-5.
20. *Рогова К. А.* Русский язык. Учебник для продвинутых / К. А. Рогова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — Выпуск 3. — 228 с. — ISBN 978-5-86547-713-6.
21. *Рогова К. А.* Русский язык. Учебник для продвинутых / К. А. Рогова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2016. — Выпуск 4. — 294 с. — ISBN 978-5-86547-713-6.

22. *Старовойтова И. А.* Русская лексика в заданиях и кроссвордах. Человек. — 2-е изд. / И. А. Старовойтова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2012. — Выпуск 1. — 80 с. — ISBN 978-5-86547-342-5.

23. *Старовойтова И. А.* Русская лексика в заданиях и кроссвордах. В доме. — 2-е изд. / И. А. Старовойтова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2013. — Выпуск 2. — 80 с. — ISBN 978-5-86547-424-1.

24. *Тихонов А. Н.* Учебный фразеологический словарь русского языка : ок. 2000 единиц / А. Н. Тихонов, Н. А. Ковалева. — Москва : АСТ : Астрель, 2007. — 520 с. — ISBN 5-17-010598-3.

25. *Фелицына В. П.* Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. — Москва : Рус. Яз., 1990. — 220 с.

26. *Чепкова Т. П.* Русские фразеологизмы : Узнаем и Учим : учеб. Пособие. — 2-е изд., стер. / Т. П. Чепкова, Ю. Б. Мартыненко, Е. В. Степанян. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. — 104 с. — ISBN 978-5-9765-1733-2.

Литература

1. *Андрюшина Н. П.* Лексические минимумы по русскому языку как иностранному : проблема отбора лексических и фразеологических единиц / Н. П. Андрюшина // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — № 3 (33). — С. 648—652.

2. *Андрюшина Н. П.* Фразеологические минимумы в описании уровней владения русским языком как иностранным / Н. П. Андрюшина // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного : достижения, проблемы и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. 19—20 мая 2016 г. — Минск : Изд. центр БГУ, 2016. — С. 14—15. — ISBN 978-985-553-352-9.

3. *Андрюшина Н. П.* Представление фразеологизмов и устойчивых словосочетаний в Лексическом минимуме Второго уровня общего владения русским языком как иностранным / Л. П. Клобукова, Н. П. Андрюшина, И. Н. Афанасьева, И. И. Яценко // Язык. Литература. Культура. Серия Актуальные проблемы изучения и преподавания. — Москва : МАКС, 2017. — Т. 13.

4. *Вальтер Х.* Русская фразеология для поляков / В. Харри, В. М. Мокиенко, Е. А. Невзорова-Кмеч, Л. А. Степанова. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. — 232 с. — ISBN 978-83-8088-775-6.

5. *Глазунова О. И.* Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С1. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо / О. И. Глазунова, Д. В. Колесова, Т. И. Попова. — Москва : Русский язык. Курсы, 2017. — 216 с. — ISBN 978-5-88-337561-2.

6. *Единый фразеологический минимум* русского языка для национальной школы / Е. А. Быстрова, Л. Н. Кротова, Э. М. Миргязова ; Науч.-исслед. ин-т содерж. и методов обучения. — Москва : Ин-т содерж. и методов обучения, 1975. — 82 с.

7. *Иванов Е. Е.* Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд / Е. Е. Иванов // Паремиология в дискурсе : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О. В. Ломакиной. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — С. 48—66. — ISBN 978-5-9710-1486-7.

8. *Ковалевская Л. В.* К вопросу о разработке фразеологических минимумов и их роли в обучении филологов русскому языку как иностранному / Л. В. Ковалевская, Т. В. Стоянова // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: Традиции и инновации : сб. материалов III Междунар. научно-метод. онлайн-конференции. — Курск : Курский государственный медицинский университет, 2018. — С. 464—470.

9. Костомаров В. Г. Отбор и семантизация фразеологизмов в учебном лингвострановедческом словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Словари и лингвострановедение. — Москва : Русский язык, 1982. — С. 98—108.

10. Крикман А. Паремиологические эксперименты Г. Л. Пермякова. Препринт. На русском языке. Редакционно-издательский совет АН ЭССР / А. Крикман. — Таллин : Академия наук ЭССР, 1986. — 58 с.

11. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под. Ред. Н. П. Андриюшиной. — 5-е изд. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — 164 с. — ISBN 978-5-86547-635-1.

12. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / под. Ред. Н. П. Андриюшиной. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2019. — 200 с. — ISBN 978-5-86547-970-3.

13. Ломакина О. В. К вопросу об определении концентра современной крылатики / О. В. Ломакина // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22—23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. — Москва : РУДН, 2019. — С. 259—265.

14. Максяшина Ю. А. Фразеологический минимум русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Максяшина. — Великий Новгород, 2004. — 14 с.

15. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. — 2010. — № 3. — С. 6—20.

16. Мокиенко В. М. Паремиологический минимум и паремиологические максимы современной русской / В. М. Мокиенко // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Отв. ред. Г. К. Венедиктов. — Москва : Индрик, 2011. — С. 218—231.

17. Мокиенко В. М. Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (проблемы методики освоения фразеологизмов / В. М. Мокиенко // Вестник РУДН. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 333—345. — DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-333-345.

18. Петрова Л. А. Паремиологический минимум в лексиконе языковой личности современных учащихся : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Л. А. Петрова. — Великий Новгород, 2007. — 26 с.

19. Пугачева Л. С. Фразеологический минимум в обучении иностранных студентов-филологов русским фразеологизмам, пословицам и поговоркам (на материале фразеосемантического поля «деятельность человека») / Л. С. Пугачева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 129. — С. 192—198.

Статья поступила в редакцию 14.10.2023,
одобрена после рецензирования 02.11.2023,
подготовлена к публикации 15.11.2023.

Material resources

Basko, N. V. (2019). *Phraseological dictionary. Our time in the mirror of phraseological units*. Moscow: KSU, University Book. 140 p. ISBN 978-5-91304-873-8. (In Russ.).

- Basko, N. V. (2021). *We discuss global problems, repeat grammar: a textbook on the Russian language for foreign students*. Moscow: Russian language. Courses. 272 p. ISBN 9785466021950. (In Russ.).
- Bystrova, E. A., Okuneva, A. P., Shansky, N. M. (1984). *Educational phraseological Dictionary of the Russian language: a manual for students of the National Academy of Sciences*. Leningrad: Prosveshchenie publ. 271 p. (In Russ.).
- Chepkova, T. P., Martynenko, Yu. B., Stepanyan, E. V. (2015). *Russian phraseological units: we learn and learn: textbook. Manual. 2nd ed., erased*. Moscow: Flint: Nauka publ. 104 p. ISBN 978-5-9765-1733-2. (In Russ.).
- Dal', V. I. (1994). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: NNN publ. 616 p. (In Russ.).
- Felitsyna, V. P., Mokienko, V. M. (1990). *Russian phraseological units: Linguostranovedicheskiy slovar*. Moscow: Rus. Yaz. 220 p. (In Russ.).
- Golovko, O. V. (2020). *Forward! Manual on Russian colloquial speech for foreign students of the advanced stage of training (B1+). 7 Ed., ISPR. and add-ons*. Moscow: Russian language. Courses. 192 p. ISBN 978-5-88-337110-2. (In Russ.).
- Kosareva, E. V., Khrunenkova, A. V. (2020). *Time to discuss: a textbook on speech practice for foreign students. 3rd ed*. Moscow: Russian language. Courses. 120 p. ISBN 978-5-88337-446-2. (In Russ.).
- Kosareva, E., Maslennikova, Z., Nikiforova, A., Filatova, E. (2021). Discuss? In: *Textbook on speech practice for foreign students*. Moscow: Russian language. Courses. 96 p. ISBN 978-5-88-337794-4. (In Russ.).
- Kostina, I., Kornilova, T., Golubeva, A. (2020). *Nadezhda, 1*. Saint Petersburg: Zlatoust. 112 p. ISBN 978-5-907123-67-0. (In Russ.).
- Kostina, I., Kornilova, T., Golubeva, A. (2020). *Nadezhda, 2*. Saint Petersburg: Zlatoust. 136 p. ISBN 978-5-907123-67-0. (In Russ.).
- Laskareva, E. R. (2020). *Walks in the Russian vocabulary. 7th Ed*. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 224 p. ISBN 978-5-86547-479-1. (In Russ.).
- Lebedeva, L. A. (2013). *Stable comparisons of the Russian language: thematic dictionary*. Moscow: Flint: Nauka publ. 314 p. ISBN 978-5-9765-1239-9. (In Russ.).
- Makova, M. N. (2020). *In the world of people. A letter. Speaking: a textbook on preparing for the Russian language exam for citizens of foreign countries (TRKI-2 — TRKI-3), 1. 3rd ed*. Saint Petersburg: Zlatoust. 288 p. ISBN 978-5-86547-612-2. (In Russ.).
- Makova, M. N., Uskov, O. A. (2019). *In the world of people, 2. Auditing. Speaking: a textbook on preparing for the Russian language exam for citizens of foreign countries (TRKI-2 — TRKI-3). 2nd ed., add*. Saint Petersburg: Zlatoust. 248 p. ISBN 978-5-907123-45-8. (In Russ.).
- Makova, M. N., Uskov, O. A. (2018). *In the world of people. Reading. Speaking: a textbook on preparing for the Russian language exam for citizens of foreign countries. TRKI-2., 1 (1). 3rd ed*. Saint Petersburg: Zlatoust. 164 p. ISBN 978-5-86547-941-3. (In Russ.).
- Moselova, I. (2021). *New souvenir. Textbook. Russian language for foreigners. Level B1., 3. 4 ed., ISPR*. Moscow: Mozi House. 184 p. ISBN 9785604193723. (In Russ.).
- Moselova, I. (2021). *New souvenir. Textbook. Russian language for foreigners. Level B2., 4. 4 ed., ISPR*. Moscow: Mozi House. 184 p. ISBN 9785604193723. (In Russ.).
- Paretskaya, M., Shestak, O. (2017). *Russian mosaic. Textbook on Russian as a foreign language. Middle stage (B1)*. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 280 p. ISBN 978-5-86547-914-7. (In Russ.).

- Rogova, K. A. (2015). *Russian language. Textbook for advanced users*, 2. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 288 p. ISBN 978-5-86547-851-5. (In Russ.).
- Rogova, K. A. (2015). *Russian language. Textbook for advanced users*, 3. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 228 p. ISBN 978-5-86547-713-6. (In Russ.).
- Rogova, K. A. (2016). *Russian language. Textbook for advanced users*, 4. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 294 p. ISBN 978-5-86547-713-6. (In Russ.).
- Rogova, K. A., Voznesenskaya, I. M., Khorokhordina, O. V., Kolesova, D. V. (2014). *Russian language. Textbook for advanced students*, 1. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 205 p. ISBN 978-5-86547-713-6. (In Russ.).
- Starovoitova, I. A. (2012). *Russian vocabulary in tasks and crosswords. A man*, 1. 2nd ed. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 80 p. ISBN 978-5-86547-342-5. (In Russ.).
- Starovoitova, I. A. (2013). *Russian vocabulary in tasks and crosswords. In the House*, 2. 2nd ed. Saint Petersburg: Zlatoust publ. 80 p. ISBN 978-5-86547-424-1. (In Russ.).
- Tikhonov, A. N., Kovaleva, N. A. (2007). *Uchebny phraseological Dictionary of the Russian language: approx. 2000 units*. Moscow: AST: Astrel publ. 520 p. ISBN 5-17-010598-3. (In Russ.).

References

- Andryushina, N. P. (2011). Lexical minima in Russian as a foreign language: the problem of selecting lexical and phraseological units. *Problems of history, philology, culture*, 3 (33): 648—652. (In Russ.).
- Andryushina, N. P. (2016). Phraseological minima in the description of the levels of proficiency in Russian as a foreign language. In: *Theory and practice of teaching Russian as a foreign language: achievements, problems and prospects of development: materials of the VII International Scientific Method. Conf. May 19—20, 2016/* Minsk: Publishing Center of BSU. 14—15. ISBN 978-985-553-352-9. (In Russ.).
- Andryushina, N. P., Andryushina, N. P., Afanasyeva, I. N., Yatsenko, I. I. (2017). Representation of phraseological units and stable word combinations in the Lexical minimum of the second level of general proficiency in Russian as a foreign language. In: *Language. Literature. Culture. A series of actual problems of study and teaching*, 13. Moscow: MAKSS. (In Russ.).
- Glazunova, O. I., Kolesova, D. V., Popova, T. I. (2017). *Program on Russian as a foreign language. Levels A1-C1. Basic course. Phonetics. Vocabulary. Grammar. Listening. Reading. Speaking. Letter*. Moscow: Russian language. Courses. 216 p. ISBN 978-5-88-337561-2. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2015). Paremiological minimum and the main paremiological fund. In: *Paremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. A proverb in discourse and text. Proverb and language picture of the world*. Moscow: LENAND. 48—66. ISBN 978-5-9710-1486-7. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G., Vereshchagin, E. M. (1982). Selection and semanticization of phraseological units in the educational linguistics dictionary. In: *Dictionaries and linguistics*. Moscow: Russian Language. 98—108. (In Russ.).
- Kovalevskaya, L. V., Stoyanova, T. V. (2018). On the question of the development of phraseological minima and their role in teaching philologists Russian as a foreign language. In: *Methods of teaching foreign languages and RCT: Traditions and innovations: collection of materials of the III International Scientific Method. online conferences*. Kursk: Kursk State Medical University. 464—470. (In Russ.).

- Krikman, A. (1986). *Paremiological experiments of G. L. Permyakov. Preprint. Editorial and Publishing Council of the Academy of Sciences of the USSR*. Tallinn: Academy of Sciences of the SSR. 58 p. (In Russ.).
- Lexical minimum in Russian as a foreign language. The second certification level. Common ownership. 5th ed.* (2015). St. Petersburg: Zlatoust. 164 p. ISBN 978-5-86547-635-1. (In Russ.).
- Lexical minimum in Russian as a foreign language. The third certification level. Common ownership. 2nd ed.* (2019). St. Petersburg: Zlatoust. 200 p. ISBN 978-5-86547-970-3. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. On the question of determining the concentration of modern krylatics. In: *IV Firsov readings. Language in modern discursive practices: materials of reports and reports of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, October 22—23, 2019*. Moscow: RUDN. 259—265. (In Russ.).
- Maksyashina, Yu. A. (2004). *Phraseological minimum of the Russian language*. PhD Diss. Veliky Novgorod. 14 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *The world of the Russian word*, 3: 6—20. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2011). Paremiological minimum and paremiological maxims of modern Russian. In: *Words. Concepts. Myths. To the 60th anniversary of Anatoly Fedorovich Zhuravlev*. Moscow: Indrik. 218—231. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2017). Phraseology of the learner and phraseology of the educator (problems of the methodology of mastering phraseological units). *Bulletin of the RUDN. Series: Russian and foreign languages and methods of their teaching*, 15 (3): 333—345. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-333-345. (In Russ.).
- Petrova, L. A. (2007). *Paremiological minimum in the lexicon of the linguistic personality of modern students*. PhD Diss. Veliky Novgorod. 26 p. (In Russ.).
- Pugacheva, L. S. (2011). Phraseological minimum in teaching foreign philology students Russian phraseological units, proverbs and sayings (based on the phraseosemantic field “human activity”). *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 129: 192—198. (In Russ.).
- Unified phraseological minimum of the Russian language for a national school. Scientific research. in-t content. and teaching methods.* (1975). Moscow: In-t content. and teaching methods. 82 p. (In Russ.).
- Walter, H. (2018). *Russian phraseology for Poles*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 232 p. ISBN 978-83-8088-775-6. (In Russ.).

*The article was submitted 14.10.2023;
approved after reviewing 02.11.2023;
accepted for publication 15.11.2023.*

Информация для цитирования:

Шаклеин В. М. Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции / В. М. Шаклеин, Гуань Ци, Сунь Дамань // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 117—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-117-140.

Shaklein, V. M., Guan Qi, Sun Daman. (2023). Concept of DEMOCRACY in Russian Political Discourse from Perspective of Chinese Linguistic-Cultural Tradition. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 117-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-117-140. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-117-140

Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции

Шаклеин Виктор Михайлович¹

orcid.org/0000-0003-1955-8963

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
и методики его преподавания,
shaklein_vm@pfur.ru

Гуань Ци¹

orcid.org/0000-0002-3759-8881

аспирант
кафедры русского языка
и методики его преподавания
gguanqi@163.com

Сунь Дамань^{*2}

orcid.org/0000-0002-8697-4345

профессор
института иностранных языков
** корреспондирующий автор*
dmsun@upc.edu.cn

¹ Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

² Китайский нефтяной университет (Хуадун)
(Циндао, Китай)

Concept of DEMOCRACY in Russian Political Discourse from Perspective of Chinese Linguistic-Cultural Tradition

Shaklein Viktor Mikhailovich¹

orcid.org/0000-0003-1955-8963

Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language
and Methodology of its teaching,
shaklein_vm@pfur.ru

Guan Qi¹

orcid.org/0000-0002-3759-8881

Graduate Student
Department of Russian Language
and Methodology of its teaching
gguanqi@163.com

Sun Daman^{*2}

orcid.org/0000-0002-8697-4345

Professor
at the School of Foreign Languages
** Corresponding author*
dmsun@upc.edu.cn

¹ Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

² China University of Petroleum (East China)
(Qingdao, China)

© Шаклеин В. М., Гуань Ци, Сунь Дамань, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме содержания концепта ДЕМОКРАТИЯ. Уточняется его смысл в русском политическом дискурсе на понятийном, образном и ценностном уровнях. Выявляются особенности данного концепта в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции. Рассматриваются сходства и различия в содержании концепта ДЕМОКРАТИЯ в лингвокультурных традициях России и Китая. Для достижения поставленной цели в исследовании использовался метод лингвокультурологического анализа текста. Материалом исследования послужили информационные и аналитические тексты политической тематики, опубликованные в средствах массовой информации России и Китая. Анализируется концепция «суверенной демократии», актуальная для российской политической культуры, и «народной демократии», репрезентируемая в китайском политическом дискурсе. Оцениваются теоретические основания и перспективы развития данных концепций, связанных с национальными лингвокультурными традициями. Подчеркивается необходимость формирования корпуса связанных между собой концептов для становления национальных идеологий в качестве сложных и взаимодействующих между собой образов национальных политических картин мира.

Ключевые слова:

русский язык; политическая культура; демократия; концепт; лингвокультурная традиция; языковая картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the issue of defining the concept of DEMOCRACY. Its meaning in the Russian political discourse is clarified on conceptual, figurative, and value levels. The peculiarities of this concept in the Russian political discourse are identified from the perspective of the Chinese linguocultural tradition. The similarities and differences in the content of the concept of DEMOCRACY in the linguocultural traditions of Russia and China are examined. To achieve the stated goal, the method of linguocultural analysis of the text was used in the research. Informational and analytical texts on political topics published in the mass media of Russia and China were used as research materials. The concept of “sovereign democracy”, relevant to Russian political culture, and “people’s democracy”, represented in Chinese political discourse, are analyzed. The theoretical foundations and prospects for the development of these concepts, associated with national linguocultural traditions, are evaluated. The necessity of forming a corpus of interrelated concepts for the development of national ideologies as complex and interacting images of national political worldviews is emphasized.

Key words:

Translate to English: Russian language; political culture; democracy; concept; linguocultural tradition; linguistic worldview.

Концепт ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с позиции китайской лингвокультурной традиции

© Шаклени В. М., Гуань Ци, Сунь Дамань, 2023

1. Введение = Introduction

Концепт ДЕМОКРАТИЯ является объектом исследования не только философии, политологии, социологии, но и лингвокультурологии. В качестве объекта исследования концепт вообще имеет определенное практическое значение, поскольку, как справедливо указывает А. П. Чудинов, «охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок» [Чудинов, 2012, с. 44]. Ввиду сказанного сопоставительный характер анализа концептов, в частности в политическом дискурсе, видится оправданным и имеет исследовательские перспективы.

В лингвистике традиционно выделяются три типа научной парадигмы, а именно: сравнительно-историческая, системно-структурная, антропоцентрическая. Последняя в конце XX века рядом лингвистов была принята за основу. Она фокусируется на роли человека в языковых и культурных процессах, при этом язык служит не только коммуникативным, но и когнитивным инструментом. Антропологический фактор стал важным предметом анализа взаимоотношений между языком и мышлением и в целом когнитивной деятельностью человека, которая в существенной степени основана на актуализации языковых концептов.

В 1980-е годы в изучении международной политики произошел «лингвистический поворот». Ученые стали обращать внимание на роль языка в формировании политической культуры и его связь с языком власти и с идеологией. В этом контексте на основе антропоцентрической парадигмы сформировалось новое направление в языкознании — политическая лингвистика, объектами которой «стали язык и политика, базовыми единицами изучения — политический текст и политический дискурс, а дискурсивный подход — основой методологии» [Сунь Юйхуа и др., 2015, с. 1—7]. Политический концепт становится ключевым понятием в политическом дискурсе, выступая одним из важных предметов его изучения в политической лингвистике и позволяя в свою очередь выявлять закономерности политического мышления.

Под политическом дискурсом обычно понимается, во-первых, в узком смысле, массив текстов, созданных политиками, включающий все выступления (инаугурационные речи, предвыборные выступления, послания президента и др.) и письменные произведения (приказы, сводные отчеты, программы партий и др.), связанные с политической сферой, направленные на приобретение, сохранение и осуществление политических прав, формируемые политическими участниками в общественно-политических институтах [Wilson, 2015; Van Dijk, 2006 и др.]; во-вторых, в широком смысле, — вербальное взаимодействие субъектов и политических полей [Баранов, 1991; Чудинов, 2001; Маслова, 2004; Шейгал, 2004 и др.].

Чтобы выявить содержание понятия политического концепта прежде всего необходимо уточнить объем понятия «концепт», который является одним из ключевых объектов исследования в лингвокультурологии. С когнитивной точки зрения [Попова и др., 2007] считается, что концепт является термином для объяснения закономерностей функционирования человеческого сознания и психологической деятельности. Это духовно-психологическая единица, отражающая информационную структуру человеческого знания и опыта. С логической точки зрения [Вежбицкая, 2001] используется теория когнитивной семантики для абстрагирования и классификации значений слов на основе лексико-семантического анализа. Значение слова непосредственно отражает то, как люди понимают объективный мир. Концепт в данном случае является объемным феноменом по отношению к лексическому значению слова. С лингвокультурологической точки зрения [Маслова, 2004; Карасик, 2002; Карасик, 2005; Степанов, 2004 и др.] концепт рассматривается как часть языковой культуры, микромодель культуры, а культура как макромодель концепта. Таким образом, можно говорить о том, что концепт порождает культуру и сам порождается ею.

Национальные культуры можно семантизировать через концепты, с помощью которых описываются национальные особенности менталитета [Вежбицкая, 2001, с. 51—52]. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, продолжая дискуссию о национальной специфике языковой концептуализации мира, утверждают, что каждый язык неотделим от характеристик его культурного фона, а национальные особенности концептов отражаются в языке [Булыгина и др., 1997, с. 481—495]. Культура представляет собой совокупность концептов, в свою очередь концепт проникает в духовный мир человека, играя определяющую роль в его представлениях о мире и в поведении.

Понятие «концепт» сложно и многомерно, включает социальные, психологические, культурные и другие компоненты. Кроме того, концепт также подвержен влиянию национально обусловленных образов и культурных коннотаций. Этим объясняется большое внимание учёных к исследо-

ванию структуры концептов. В языкознании ее анализ опирается на метод Ю. С. Степанова, который делит концепты на три разряда — этимологические, исторические и актуальные [Степанов, 2004, с. 49—61].

Иерархия концептов Ю. С. Степанова — это диахронический подход к их анализу, опирающийся на идеи и методы этнографов, историков и социологов. Изучение начинается с этимологического анализа архетипов концептов в контексте исторического и культурного развития; затем анализируется процесс исторического развития концептов с учётом национальных обычаев, традиций и социального развития народа с целью продемонстрировать процесс формирования национальной культуры; и, наконец, учёный интерпретирует содержание концепта на основании мыслей и мнений, получивших отражение в текстах, созданных современными носителями языка. Таким образом, посредством трехступенчатого анализа концептов исследователь может объяснить уникальные характеристики национального сознания.

Другой подход к феномену культурного концепта представляет В. И. Карасик, выделяя его трехкомпонентную структуру, а именно: ценностную, образную и понятийную части [Карасик, 2002, с. 91—92]. По словам исследователя, культурный концепт — это неоднородное явление, различается «по принадлежности тому или иному социальному слою общества» [Там же, с. 98]. Таким образом, концептосферы разных социальных групп могут различаться.

Китайские исследователи также изучают концепты культуры. Так, Ян Сюэцзе пишет: «Культурный концепт является результатом комплексного воздействия языка, мышления и культуры, представляет собой единицу культурной памяти в сознании человека, имеет национальность, субъективную оценку, эмоцию, образную ассоциацию и пространственно-временной контекст и тесно связан с национальным опытом и его уникальной когнитивной схемой, образной ассоциацией, ценностной ориентацией и религиозными убеждениями, то есть он в основном состоит из национального опыта и знаний» [Ян Сюэцзе, 2007, с. 54]. Безусловно, носитель языка играет важную роль в порождении и формировании культурных концептов, поскольку у каждого человека свой опыт, запас знаний, которыми определяется богатство концептов [Лихачев, 1999, с. 466—467].

Политическая концептосфера отражает прежде всего политическую культуру нации, а уже после — индивидуальное сознание в данной сфере. Представления о политическом концепте создаются на основе понятия «культурного концепта», который также применяется в исследованиях по политической лингвистике. Концепт как клетка культуры реализуется через языковые символы. Изучение политического дискурса с позиции лингвокультуры направлено на описание языковой картины мира, при

этом совокупность политических концептов составляет языковую картину политического мира, под которой понимается «сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу» [Чудинов, 2012, с. 43].

Политические концепты служат единицами, отражающими языковую картину мира, то есть представления людей об объективной действительности, репрезентированные в языке. Как отмечают Т. Ю. Тамерьян и А. У. Качмазова, политический концепт «является одной из основных единиц, образующих языковую картину политического мира того или иного народа» [Тамерьян и др., 2019, с. 111], это воплощение в языке политического фрагмента действительности, связанного с национальной спецификой мышления и отражающего взгляды носителей языка в разные периоды истории, представленного в общей языковой картине мира.

Лю Хун и ее соавторы дают следующее объяснение понятия «политический концепт». Исследователи полагают, что «политический концепт — это *целостная единица мышления* (здесь и далее выделено авторами. — Лю Хун, Юэ Сюэ, Ян Чжоу), которая выражает в мыслительной деятельности человека содержание политического мира и реализует его различные характеристики..., *существует в сознании человека* как совокупность понятий, знаний, ассоциаций и чувств..., является единицей исследования, соединяющей области культуры, сознания и политического дискурса, *относится к категории сознания*, в которой политическая культура является основным содержанием, выражается и отражается в политическом дискурсе» [Лю Хун и др., 2021, с. 5].

По мнению В. И. Костенко, «обращение к концепту политической культуры предполагает выявление тех ее компонентов, элементов, аспектов, которые создают смысловую наполненность понятия политической культуры через их фрагментарную множественность» [Костенко, 2006, с. 211]. Политическая культура — это часть национальной культуры стран или этносов, отражающая характеристики духовной жизни общества в политической области.

Как отмечает А. П. Чудинов, совокупность политических концептов «образует политическую концептосферу, в которой концентрируется политическая культура нации» [Чудинов, 2012, с. 43]. Термин *политическая культура* был предложен Г. Алмондом в 1950-х годах: политическая культура как тип «определенной модели ориентаций на политическое действие» [Almond, 1956, p. 396]. Он утверждал, что политическая культура — это «совокупность политических взглядов, убеждений и эмоций, преобладающих в нации в данное время» [Almond, 1966, с. 34].

Политические концепты показывают изменения в политической культуре в разные периоды, будучи не изолированными, а тесно связанными друг с другом. Политические концепты как целостное структурное пространство образуют значительный фрагмент языковой картины мира и актуализируются в политическом дискурсе акторов в процессе их политической коммуникации, через политические тексты.

Концепт ДЕМОКРАТИЯ является важной составляющей политической культуры. Как отмечает Р. Инглхарт, «экономическое развитие не обязательно ведет непосредственно к демократии, демократизация должна опираться на соответствующие изменения в политической культуре для повышения воспитательной способности демократической системы, а политическая культура является важным звеном, связывающим экономическое развитие и политическую демократию» [Inglehart, 1988, p. 1205].

Со времени появления понятия «демократия» его определение остается дискуссионным, поэтому «мы живем в эпоху, характеризующуюся смешением демократических взглядов» [Sartori, 1987, p. 7]. Демократия является одним из ключевых понятий в современном политическом дискурсе, не только находится в центре внимания политологических исследований, но и привлекает внимание все большего числа лингвистов [Захарова, 2020; Миненко, 2017 и др.].

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые был осуществлен анализ концепта ДЕМОКРАТИЯ в русской языковой картине мира с точки зрения китайской лингвокультуры.

Цель исследования — выявить особенности использования концепта ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе с точки зрения китайской лингвокультурной традиции.

Для реализации поставленной цели решены следующие задачи:

1. Проанализирована роль концепта в описании политического фрагмента языковой картины мира; рассмотрен концепт как необходимый элемент представления политической культуры;
2. Раскрыты понятийные, образные и ценностные компоненты концепта ДЕМОКРАТИЯ в русском политическом дискурсе;
3. Описаны особенности исследуемого концепта в русском политическом дискурсе с точки зрения китайской лингвокультурной традиции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили тексты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), в котором концепт ДЕМОКРАТИЯ используется в качестве ключевого слова. Количество анализируемых текстовых фрагментов газет с метафорическим отображением концепта

ДЕМОКРАТИЯ составляет 273 единицы. Результаты анализа каждого метафорического образа представлены в таблице.

При обработке исследуемого языкового материала применялся способ поискового запроса в корпусе текстов, метод выборки. Использованы описательный метод и концептуальный анализ для выяснения структуры политического концепта ДЕМОКРАТИЯ, метод контекстного анализа для рассмотрения моделей метафорического представления концепта в российском политическом дискурсе, сопоставительный метод для объяснения сходства и расхождения представлений о данном политическом феномене в сознании носителей русского и китайского языков.

В основе методологии данного исследования лежит лингвокультурологический подход к изучению концепта, согласно которому он имеет иерархическую структуру, включает этимологический, исторический и актуальный слои. Внутренняя форма отвечает традиционным представлениям и особенностям исторического времени. Актуальный слой концепта связан с сознанием реципиента и является прямой и мгновенной реакцией слушателя / читателя на информацию, передаваемую посредством концепта. В связи с этим анализ основывается не только на интерпретации значения концепта, но и на его изменении в конкретный период и в определенных исторических и социальных условиях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Лингвокультурологический анализ концепта в политическом дискурсе показывает, что, в отличие от культурного концепта, где исследователями подчеркивается универсальность и абстрактность, политический концепт более конкретен по содержанию, реалистичен, сконцентрирован на интерпретации поведения политических субъектов в различных культурных контекстах.

Особенность политического концепта заключается в том, что, с одной стороны, он имеет культурные атрибуты, формируется на основе традиций каждого народа, используется для формирования его национальной, исторической и культурной идентичности, а с другой стороны, он обладает соответствующей семантикой, отражает содержание политической деятельности и направлен на ее легитимацию и формирование политических властных отношений.

Кроме того, политический концепт постоянно изменяется в соответствии с политическими взглядами в различные периоды развития общества. Как в России, так и в Китае сам термин *демократия* / 民主 появился давно, но в то же время как концепт понятие актуализировалось в современном политическом дискурсе.

Концепт ДЕМОКРАТИЯ, воплощая политическую ценность для русского и китайского социумов, тем не менее имеет определенные различия, что репрезентировано в государственных концепциях: в современной России она маркируется как *суверенная (суверенная демократия)*, а Китае, под влиянием традиционной культуры, — как 人民民主 / *народная демократия*. Это еще одно подтверждение национального характера политических концептов.

3.1. Понятийные компоненты концепта ДЕМОКРАТИЯ

Этимологически слово *демократия* имеет греческие корни «δῆμος» (народ) и «κράτος» (правление или власть) — «народовластие». Греческий историк Геродот впервые использовал данное понятие в книге «История» для обозначения политической системы и политической практики древнегреческого полиса Афины. В России демократия имеет давние корни, при этом отметим, что «в Древней Руси до XV века существовала своя форма народовластия — вече» [Евсеев, 2009, с. 116].

Слово 民主 / *Минь Чжу* (демократия) давно появилось в традиционной китайской литературе. Чжоу-гун, один из правителей династии Чжоу, использовал его более 3 000 лет назад. В Книге «尚书Шан шу» говорится: 天惟时求民主, 乃大降显休于成汤, 刑殄有夏 (Небо тогда нашло хозяина народу и великодушно снисхождению явило милость, [вручив] предопределение Чэн Тану, который казнил и уничтожил владетеля Ся); 乃惟成汤, 克以尔多方, 简代夏作民主 (Тогда [и явился] Чэн Тан, который смог по вашему, многие края, выбору стать хозяином народа, сменив Ся) [Чтимая книга..., 2014, с. 441]. 民主 *Демократия* в этих выражениях называет лицо — хозяина народа, то есть обозначает императора, управляющего народом. И такое значение было актуально вплоть до XIX века.

Являясь заимствованным словом, *демократия*, соответственно, обозначает и заимствованный концепт. Как отмечает М. В. Пименова, «при переходе концепта из одной национальной концептосферы в другую, переносятся, как правило, только понятийные его признаки» [Пименова, 2010, с. 48]. Сравним определения термина *демократия* в русском и китайском словарях. С. А. Кузнецов дает следующую трактовку: «1. Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод; 2. Принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное, равноправное участие в ней всех членов коллектива» [Кузнецов, 2000, с. 250]. Ядерные компоненты в обоих значениях здесь ‘форма политической организации общества’ и ‘принцип организации коллективной деятельности’, на ближней периферии находятся семы ‘народ

в качестве источника власти’, ‘право участвовать в решении государственных дел’ и др. Именно дифференцирующие компоненты представлены в дефиниции, зафиксированной в «Современном словаре китайского языка»: «Демократия означает право народа участвовать в управлении государственными и общественными делами или свободно выражать свое мнение по государственным делам» [Современный словарь китайского языка, 2016, с. 909]. Таким образом, несмотря на различия архисем в русской и китайской семантемах, можно говорить о сходстве основной характеристики толкования слова *демократия* — право народа на свободное участие в управлении государством / обществом.

3.2. Образные компоненты концепта ДЕМОКРАТИЯ

И. А. Стернин использует смысловую пару «ядро — периферия» для описания структуры концепта, отмечая, что, «базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ» [Стернин, 2001, с. 58]. По словам В. И. Карасика, образная составляющая концепта — это «след чувственного представления памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик, 2005, с. 27]. И. А. Стернин и З. Д. Попова также разделяют образ концепта на перцептивную и когнитивную части. Перцептивный образ формируется «в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств» [Попова и др., 2007, с. 108], он включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы. Когнитивный образ создается в результате «метафорического осмысления соответствующего предмета или явления» [Там же].

Анализ сочетаемости слова *демократия* в русском политическом дискурсе показывает, что концепт ДЕМОКРАТИЯ актуализируется как образ, который воспринимается зрительно: *Александр Лукашенко пообещал белорусам красивую демократию* (Авторadio, 07.12.2020); тактильно: *этот фильм показывает, насколько хрупка наша демократия и насколько сильно зло* (Известия, 23.05.2003); обонятельно: *Демократия в США бурно цветёт и дурно пахнет* (Дзен, 24.03.2023); пространственно: *Теперь это избранная американская нация» и подчиненные ей «западные демократии» против «русского мира»* (Комсомольская правда, 02.02.2023) [АА].

Совершенно очевидно, что образ демократии в политической публицистике метафоричен. При этом политическая метафора — это инструмент для осмысления и оценки политики, а также важный способ концептуализации политической реальности. В политической сфере «метафорические переносы формируют идеологии (“США — плавильный котел”, “Москва — третий Рим”)), отражают наше отношение к действительности (“Вся наша жизнь — игра”)), создают образ бренда или страны (“Россия —

щедрая душа», «США — Новый Свет»)) [Сунь Юйхуа и др., 2021, с. 252]. А. П. Чудинов утверждает, что «политическая метафора рождается не в языке, а в ментальной сфере конкретной личности, которая стремится познать и объяснить окружающий мир, выразить свое отношение к нему и воздействовать на окружающих» [Чудинов, 2001, с. 218]. По словам И. М. Кобозевой, главными функциями политической метафоры признаются эстетическая (средство размышления об изменении политических реалий) и активационная (метод убеждения адресата в политкорректности) [Кобозева, 2001, с. 135—136].

Метафоризация основана на принципе сходства, это процесс метафорического переноса из сферы-источника в сферу-мишень, обычно в сферу-источник политических метафор входят известные человеку понятия, а в сферу-мишень — политические понятия.

Метафора стала общепринятым способом мышления в политическом дискурсе, при этом, на наш взгляд, в глубинной структуре политических метафор имеются соответствующие метафорические «образы». Анализ использования концепта ДЕМОКРАТИЯ в политическом дискурсе показал, что он представлен в определенных образах.

(1) Демократия в образе страны, например: — *Индия — крупнейшая демократия в мире, а какое примерно количество избирателей пользуются этим благом?* (Embassy of India, Moscow (Russia), 2018) [AA].

(2) Демократия в образе войны. Война — форма политических отношений, занимающих значительное место в политическом дискурсе: «Активное использование военной метафоры, видимо, отражает особенности национального самосознания наших современников, имеющиеся в нем мощные векторы тревожности, опасности и агрессивности, а также традиционные для русской ментальности предрасположенность к сильным чувствам и решительным действиям, уважение к военной силе и боевой славе» [Чудинов, 2001, с. 117].

Военный образ демократии в российском политическом дискурсе в полной мере демонстрирует противостояние между различными политическими группами. В такой метафорической модели в сферу-источник обычно входят способ, участники, результат, последствие, оружие войны и др. (табл. 1).

Примеры, где концепт ДЕМОКРАТИЯ идентифицируется с метафорической интерпретацией войны как борьбы (за / против / между):

1) *Борьба за демократию идет во всем мире, [борьба] между демократией и авторитаризмом* (ТАСС, 31.05.2021) [AA].

2) *Проводя этот недействительный импичмент, вы нарушаете клятву, данную при вступлении в должность, нарушаете свою присягу консти-*

Таблица 1

Метафорическое отражение образа войны в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень		Сфера-источник
Демократия	Метафорическое отражение	Война (бороться, воевать, завоевать, реванш)
Демократия и противоположный концепт		Враги
Демократические концепции		Оружие (арсенал, оплот, форпост, цитадель)
Установлена ли демократическая система		Результат войны (триумф, победа)
Влияние на развитие демократии		Последствие войны (урон, жертва)

тущии и объявляете открытую войну американской демократии (РИА новости, 17.12.2019) [Там же].

В русском политическом дискурсе концепт ДЕМОКРАТИЯ часто сравнивается с войной: чтобы установить демократию, необходимо бороться, воевать за нее, при этом часто в одном контексте представлены противоположные по смыслу концепты, например, демократия и диктатура.

3) *Суверенная демократия — оборонительное оружие* [НКРЯ].

4) *И только когда это произойдет, поверит, что в России победила демократия* [Там же].

Демократия может рассматриваться как жертва борьбы за нее:

5) *Вся война была построена на лжи, и я считаю, что этим нанесен долговременный урон демократии в Британии* [Там же].

6) *Результат ошеломляющий. ДЕМОКРАТИЯ стала жертвой борьбы... «москвичей» и «питерцев»* [Там же].

С точки зрения китайской культуры, основывающейся на концепции конфуцианства, обычно в войне не бывает победителя. Выигравшая и проигравшая стороны сталкиваются с разными отрицательными последствиями, каждая из сторон что-то теряет.

(3) Демократия в образе человека. Антропоморфная метафора является одной из распространённых моделей концептуальной метафоры. В этой модели концепт ДЕМОКРАТИЯ идентифицируется с человеком, при этом в контексте его физиологических качеств и болезней (табл. 2).

Телесное бытие как онтологический феномен люди часто используют для проецирования на разные жизненные ситуации. Дай Вэйпин утверждает, что «люди обычно используют наиболее знакомые им органы и части

Таблица 2

Метафорическое отражение образа человека в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень		Сфера-источник
Демократия	Метафорическое отражение	Человек (человечность, барышня, больной)
Демократические идеи		Органы человека
Состояние развития демократии		Здоровье / болезнь (симптом слабых демократий, диарея)
Этап развития демократии		Жизненный цикл (молодой, зрелый, пожилой, старый)

тела для формирования метафорического представления о человеческом теле» [Дай Вэйпин, 2014, с. 101]. Например:

1) *Он посоветовал западным доброжелателям не пытаться «**вжизн-лять** нашей стране чужой **ген демократии**», так как у неё есть свой собственный [НКРЯ].*

Кроме того, в политическом дискурсе активно используется метафора болезни:

2) *Он подрывает **здоровье** нашей **демократии** [Там же].*

3) *Ситуацию в ЕС она оценивала как «**болезнь дефицита** демократии» [Там же].*

Этап развития демократии представлен как жизненный цикл человека от молодости до старости, например:

4) *Олигархи в ситуации, когда **демократия находится в зачаточном состоянии**, выполняют важнейшую функцию стабильности и развития в обществе [Там же].*

7) *Никто из американских политиков открыто не критикует президента РФ Путина, однако многие обеспокоены возможными последствиями скандала для **молодой** российской демократии, добавляет агентство [Там же].*

8) *Наша демократия достаточно **зрелая** для того, чтобы ликвидировать любые ограничения выборности всех своих институтов [Там же].*

9) *«Выборы, прошедшие в Азербайджане, конечно, далеки от стандартов, принятых в европейских странах со **старой** демократией», — считает он [Там же].*

(4) Демократия в образе спорта. Спорт — это соревновательное социальное поведение, глубоко укоренившееся в физическом опыте людей. Спортивный образ демократии, с одной стороны, подчёркивается указанием на сплоченность команды, например:

1) Демократия — *бег с эстафетой*: важно не только прибежать первым, но безошибочно передать палочку-эстафету [Там же].

С другой стороны, спорт предполагает соревновательный, и даже конфронтационный, характер отношений между соперниками, например:

2) *Если до сих пор демократия не победила повсеместно, то не потому, что где-то не понимают своего счастья, а потому, что зачастую это идет в разрез с достижением иных, не менее важных целей* [Там же].

В спортивном соревновании участники стремятся достигнуть своих целей, как в процессе развития демократии, например:

3) Демократия — это итог, это *финиш* для развития экономики, для развития экономики знания, нужна демократия, очевидно [Там же].

Таким образом, в спортивной модели сформировалось следующее метафорическое отражение концепта ДЕМОКРАТИЯ (табл. 3).

Таблица 3

Метафорическое отражение спортивного образа концепта ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень	Метафорическое отражение	Сфера-источник
Демократия		Спорт
Форма развития демократии		Бег с эстафетой, конкуренция, победа
Цель развития демократии		Финиш

(5) Демократия в образе растения. Формирование растительной метафоры в отношении концепта ДЕМОКРАТИЯ связано с проецированием различных стадий роста растений и их характеристик в целевую область. Чаще всего в образе растения отражается процесс развития этого растения, его стадия роста: посев семян, всходы, цветение, плодоношение. Например:

1) *Одной из самых ярких в XX веке оказалась эпоха Хрущева, который нашел силы увести страну с колеи сталинизма и заложить первые ростки демократии* [Там же].

2) *Экс-министр считает период с 1991 по 1993 год «самым большим расцветом демократии» для отечественных СМИ* [Там же].

3) Демократия — тот *фрукт*, который Ираку не по карману [Там же].

4) *Привить к этому многовековому дереву по простой модели Мичурина сладкие плоды демократии или «социализма» оказалось делом почти безнадежным* [Там же].

Метафорическое отражение концепта ДЕМОКРАТИЯ в модели растений представлено в таблице 4.

Таблица 4

Метафорическое отражение образа растений в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень	Метафорическое отражение	Сфера-источник
Демократия		Растение
Этап развития демократии		Росток, расцвет, плод

(6) Демократия в архитектурном образе. Архитектурная метафора широко используется в политическом дискурсе. При этом национальные принципы и политика, социальные проекты государства и т. д. концептуализируются как архитектура, руководители и народ страны как строители, а развитие страны или государственного проекта — как процесс строительства, например:

1) *Депутат отметил, что Россия большинством голосов выбрала путь свободной, динамично развивающейся современной державы, где законность и демократия являются **фундаментом** государственной политики* [Там же].

2) *Вряд ли «**строителю** демократии» в Ираке захочется объяснять на дебатах, как он проглядел ее угасание в России* [Там же].

3) *Ведь якобы суть конфликта в том, что русские не дают чеченцам **построить** демократию* [Там же].

4) *Точнее, если хотите, — многоточие. Демократия — это **строительство**, прочное строительство. Оно не должно нуждаться во всяких перестройках* [Там же].

Представим метафорическую репрезентацию концепта ДЕМОКРАТИЯ (табл. 5):

Таблица 5

Метафорическое отражение образа архитектуры в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень	Метафорическое отражение	Сфера-источник
Демократия		Сооружение
Демократические идеи		Фундамент
Участники процесса развития демократии		Строители

(7) Демократия в образе искусства. Природу политического мира, часто ложную, подчеркивает метафора, в основе которой лежит связь с искусством, в том числе современным. Таким образом читателю показывают, что деятельность политиков характеризуется СМИ преиму-

ественно негативно, как двусмысленная, фальшивая и приукрашенная, и, таким образом, показывают, что политический мир и мир искусства имеют много общего. Так, современном политическом дискурсе концепт ДЕМОКРАТИЯ представлен в образе шоу, например:

1) *Последствием этого может стать то, что и без того подорванная российская **демократия** может на десятилетия деградировать до простого **шоу*** [Там же].

2) *Западная **демократия** — это же **шоу-бизнес*** [Там же].

3) *Вот и выходит, что **демократия** в России (и не только в ней) — **сказка** для бедных* [Там же].

4) *Да мы этот список еще две недели назад видели — **бутафория демократии!*** [Там же].

Метафорическое отражение концепта ДЕМОКРАТИЯ в метафоре искусства представлено в таблице 6:

Таблица 6

Метафорическое отражение образа искусства в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень	Метафорическое отражение	Сфера-источник
Демократия		Искусство
Демократическая система		Шоу, сказка
Меры для развития демократической системы		Бутафория

(8) Демократия в образе товарно-денежных отношений. Маркетинговая метафора, воплощаемая концептом ДЕМОКРАТИЯ, в политическом дискурсе русского языка связывается с его товарным характером:

1) *И права человека, **демократия** для них в конечном итоге всего лишь **товар*** [Там же].

2) *Если 71 % американцев уверены, что их войска могут спокойно захватить Ирак, поймать Саддама Хусейна, сменить режим, «экспортировать **демократию**» в весь регион, а потом мигом вернуться домой — то им следует хорошенько подумать... [Там же].*

3) *Однако для настоящего рывка, — считает начальник отдела Эстонии Второго европейского департамента МИД Дмитрий Цветков, — необходимо преодолеть **дефицит** демократии* [Там же].

4) *Это неизбежные «**издержки** демократии», выборы они всегда должны быть* [Там же].

Метафорическое отражение концепта ДЕМОКРАТИЯ в метафоре товарно-денежных отношений представлено в таблице 7:

Таблица 7

Метафорическое отражение образа товара в концепте ДЕМОКРАТИЯ

Сфера-мишень	Метафорическое отражение	Сфера-источник
Демократия		Товар
Характер развития демократии		Экспорт, суррогат
Трат на развития демократии		Издержки

Таким образом, концепт ДЕМОКРАТИЯ в российском политическом дискурсе актуализируется через представление различных образов, таких как война, человек, спорт, болезнь и др. В то же время политические метафоры имеют отличающийся от повседневных метафор характер, они адаптируются к социальной среде, политической, экономической ситуации и идеологии.

3.3. Ценностные компоненты концепта ДЕМОКРАТИЯ

Суждения о ценности демократии в российском политическом дискурсе можно разделить на две категории: «хорошо» и «плохо». Так, позитивный образ страны, создаваемый посредством концепта ДЕМОКРАТИЯ, — «процветающее государство». Между тем образ демократии может быть амбивалентным, например, она выступает в образе человека, который развивается, и человека, который болен. Негативная оценка создается в случае актуализации концепта в контекстах, где образ демократии ассоциируется с войной. Кроме того, очевидны дискурсивные ситуации, когда образ из-за его амбивалентности трудно назвать определенным, поскольку по материалам российских СМИ нельзя однозначно понять, российская демократия — это хорошо или плохо. В то же время, как отмечает В. И. Карасик, «ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями» [Карасик, 2002, с. 117], поэтому выносить оценочное суждение можно только на основе анализа большой группы контекстов, отражающих особенности времени. С этой точки зрения, интересно проследить, как концепт ДЕМОКРАТИЯ представлен в разных политических культурах.

И. А. Зеленский отмечает, что «ценности являются доминирующими элементами в таких формах общественного сознания, как правовое, политическое, нравственное, философское, религиозное, эстетическое» [Зеленский, 1990, с. 13]. В политическом дискурсе ценность, как подчеркивает А. П. Чудинов, — «это то, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться» [Чудинов, 2012, с. 47]. Согласно его классификации, демократия относится к категории политических ценностей.

Как отмечалось выше, концепт ДЕМОКРАТИЯ в российском политическом дискурсе функционирует в уточненном виде, как «суверенная демократия».

Концепт «суверенной демократии» уходит корнями в российскую историческую традицию. Россияне считают, что целостность национального суверенитета является основой и гарантией национальных интересов. Стремление к национальному суверенитету в концепции сущности российского государства имеет прочную историческую основу. В истории России правители расширяли свои территории и постепенно делали Россию мировой державой. В ходе этого процесса было сформировано представление о том, что реальный интерес суверенного государства заключается в достижении национального суверенитета и независимости. Многие ценности, накопленные в процессе развития человечества, являются универсальными, но «значимость тех или иных ценностей, их иерархия на ценностной шкале в разных культурах различна» [Ларина, 2009, с. 35], поэтому культура каждого этноса является уникальной. «Для государства геополитические интересы отражаются, во-первых, в условиях выживания и стабильности государства, а во-вторых, в поиске разумного баланса между так называемой либерально-демократической идеологией и геополитическими интересами» [Пан Пэн, 2022, с. 81].

Демократическая ценность, отстаиваемая Китаем для построения современной социалистической страны, — это 人民民主 / *Жэнь Мин Мин Чжу* (народная демократия), сущность которой состоит в том, что народ является хозяином страны. Формирование данной идеи имеет исторические корни. Концепт ДЕМОКРАТИЯ в Китае восходит к конфуцианской концепции о народном главенстве, которая подчёркивает, что при решении политических вопросов народ должен стоять на первом месте. Например, известный афоризм Конфуция: «天下为公» (Поднебесная есть всеобщее достояние) — означает, что все в мире есть общественное, публичное и принадлежит всем людям, или, другими словами, весь мир принадлежит всем людям. Таким образом, политическое право управлять страной, безусловно, принадлежит самому народу.

Кроме того, в классике конфуцианства «尚书» (Шан шу) гласит: «民惟邦本» (Народ — основа государства), то есть это есть утверждение роли народа в общественном развитии и признании огромной силы народных масс. Как говорил Мэн-цзы: «民为贵，社稷次之，君为轻» (Самое ценное в стране — народ, затем — следует власть, а наименьшая ценность — правитель) [Вань Лихуа и др., 2006, с. 287]. Культивирование концепта ДЕМОКРАТИЯ в социалистической стране требует, прежде всего, утверждения субъектности народа. Китайский дискурс показывает, что важную роль народа в управлении государством нельзя игнорировать в политической жизни. Кроме того, в конфуцианстве подчеркивается, что правитель

и народ ограничивают друг друга, то есть они должны находиться во взаимосвязанных отношениях.

Проведенный анализ показывает, что концепт ДЕМОКРАТИЯ как ценность и важная часть концепции государства в российском политическом дискурсе имеет свои особенности, в отличие от представлений о демократии в китайской политической культуре. Последняя толкует концепт ДЕМОКРАТИЯ в модели «народ — хозяин страны». В русском политическом дискурсе использование данного концепта менее однозначно. Концепт представляется в двух направлениях: в отношении внутренней политики — это право народа на осуществление своих политических целей, свободное участие в политическом управлении, но в то же время это то, что часто от людей не зависит; в отношении внешней политики — важная составляющая ценности государства для защиты своих интересов в международном сообществе.

4. Заключение = Conclusions

Приведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Контент-анализ СМИ дает возможность определить специфику содержания концепта ДЕМОКРАТИЯ в русской и китайской дискурсивных практиках.
2. Ключевой компонент концепта ДЕМОКРАТИЯ связан с возможностью народа участвовать в управлении страной.
3. В российском политическом дискурсе демократия представлена через образы страны, человека, войны, спорта, природы, искусства и товарно-денежных отношений.
4. Сама демократия, как ценность, различается по своему выражению в лингвокультурных традициях России и Китая, в частности через коллокации *суверенная демократия* и *народная демократия*, в которых актуализируются главные принципы обеих политических культур, обусловленных в том числе исторически.

Поскольку лингвокультурные традиции народа свидетельствуют о значимых явлениях в его социокультурной, политической и повседневной жизни, изучение ключевых концептов культуры, в частности политической, является важным источником информации для представителей иных культур, в чем видится перспектива данного исследования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники

1. АА — Архив авторов.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1535 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
3. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 25.09.2022).
4. Современный китайский словарь. 7-е издание. — Пекин : Коммерческая пресса 2016. — 1800 с. — ISBN 987-7-100-12450-8. (现代汉语词典. 第7版. 北京: 商务印书馆. 2016. — 1800 с. — ISBN 987-7-100-12450-8).
5. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд. / Ю. С. Степанов. — Москва : Акад. проект, 2004. — 982 с. — ISBN 5-8291-0388-5.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
2. Баранов А. Н. Парламентские дебаты : традиции и новации : Сов. полит. яз. : (От ритуала к метафоре) / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. — Москва : Знание, 1991. — 63 с. — ISBN 5-07-001699-7.
3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира : (На материале рус. грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. Ван Лихуа. Менций / Ван Лихуа, Лань Сюй. — Пекин : Книжный магазин «Чжунхуа», 2006. — 344 с. — ISBN 9787101052725. (万丽华&蓝旭. 孟子. 北京: 中华书局, 2006. — 344 с. — ISBN 9787101052725).
5. Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 287 с. — ISBN 5-7859-0189-7.
6. Дай Вэйпин. Исследование лексической метафоры / Дай Вэйпин. — Гуандун : Опубликовано Всемирным книжным издательством, 2014. — 429 с. — ISBN 9787510081750 (戴卫平. 词汇隐喻研究. — 广东: 世界图书出版社出版. 2014. — 429 p. — ISBN 9787510081750).
7. Евсеев М. Ю. Современный этимологический словарь русского языка. История заимствованных слов : около 1 000 слов, пришедших в русский язык со всего света / М. Ю. Евсеев. — Москва : АСТ ; Владимир : Астрель, 2009. — 381 с. — ISBN 978-5-17-042561-7.
8. Захарова О. В. Трансформация понятия ДЕМОКРАТИЯ в ежегодных президентских посланиях Федеральному Собранию РФ (2000—2018) / О. В. Захарова // Политическая наука. — 2020. — № 2. — С. 110—125. — DOI: 10.31249/poln/2020.02.05.
9. Зеленский И. А. Регулятивная функция общественного сознания : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.01 / И. А. Зеленский. — Киев, 1990. — 24 с.
10. Карасик В. И. Иная ментальность / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2005. — 349 с. — ISBN 5-7333-0167-8.
11. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
12. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 2001. — № 6. — С. 132—149.

13. Костенко В. И. Предпосылки и истоки становления концепта «Политическая культура» / В. И. Костенко // ОНВ. — 2006. — № 10 (49). — С. 211—215.
14. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с. — ISBN 978-5-9551-0297-9.
15. Лихачев Д. С. Раздумья о России / Д. С. Лихачева. — Санкт-Петербург : Logos, 1999. — 672 с. — ISBN 5-87288-307-2.
16. Лю Хун. Исследование картины мира в концепциях политического языка и политической культуры / Лю Хун, Юэ Сюэ, Ян Чжоу // Исследования по иностранным языкам в Северо-Восточной Азии. — 2021. — № 2. — С. 3—8. (刘宏, 岳雪, 杨洲. 政治语言世界图景与政治文化观念研究 // 东北亚外语研究. — 2021. — № 2. — С. 3—8).
17. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 296 с. — ISBN 5-89349-748-1.
18. Миненко Е. В. Фрагмент политической картины на примере лексем демократия / democracy / Е. В. Миненко // Евразийский гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 47—49.
19. Пан Пэн. Влияние российской концепции государства на российско-украинский конфликт / Ван Пэн // Российские исследования. — 2022. — № 4. — С. 76—98. (庞大鹏. 俄罗斯国家观念对俄乌冲突的影响 // 俄罗斯研究. — 2022. — № 4. — С. 76—98).
20. Пименова М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2. — С. 47—55.
21. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с. — ISBN 978-5-17-045103-6.
22. Сунь Юйхуа. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков / Сунь Ю, О. И. Калинин, А. В. Игнатенко // Russian Journal of Linguistics. — 2021. — Т. 25. — № 1. — С. 250—277. — DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277.
23. Сунь Юйхуа. Политика языка против Язык политики — теория и методы политической лингвистики / Сунь Юйхуа, Пэн Вэньчжао, Лю Хун // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. — 2015. — № 1. — С. 1—7. (孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 语言的政治 vs. 政治的语言——政治语言学的理论与方法 // 外语与外语教学. — 2015. — № 1. — С. 1—7).
24. Тамерьян Т. Ю. Названия партий как маркер идеологических концептов политического дискурса / Т. Ю. Тамерьян, А. У. Качмазова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6. — С. 110—115.
25. Читмая книга : древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу суй»). — Москва : ИДВРАН, 2014. — 1149 с. — ISBN 978-5-91146-969-6.
26. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. 4-е изд. / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
27. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : Монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : М-во образования Рос. Федерации. Ур. гос. пед. ун-т., 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.
28. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9.
29. Ян Сюэзе. Лингвистический путь исследования этнической культуры / Ян Сюэзе // Преподавание русского языка в Китае. — 2007. — № 4. — С. 52—55. (杨秀杰. 民族文化研究的语言之途 // 中国俄语教学. — 2007. — № 4. — С. 52—55).

30. Almond G. A. Comparative political systems / G. A. Almond // *The Journal of politics*. — 1956. — Vol. 18. — № 3. — Pp. 391—409.
31. Almond G. A. *Comparative Politics : A Developmental Approach* / G. A. Almond. — Boston : Little, Brown and Company, 1966. — 348 p. — ISBN 9780316034944.
32. Inglehart R. The Renaissance of Political Culture / R. Inglehart // *American Political Science Review*. — 1988. — Vol. 82. — № 4. — Pp. 1203—1230.
33. Sartori G. *The theory of democracy revisited* / G. Sartori. Chatham House Publishers, 1987. — 542 p. — ISBN 0934540462, 9780934540469.
34. Van Dijk T. A. *Ideology and discourse analysis* / T. A. Van Dijk // *Journal of political ideologies*. — 2006. — Vol. 11. — № 2. — Pp. 115—140.
35. Wilson J. *Political discourse* / J. Wilson // *The handbook of discourse analysis*. — 2015. — Pp. 775—794.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023,
одобрена после рецензирования 17.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.

Material resources

AA — *Archive of authors*.

Kuznetsov, S. A. (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1535 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).

Modern Chinese dictionary. (2016). Beijing: Commercial Press. 1800 p. ISBN 987-7-100-12450-8. (In Chin.).

NKRYA — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 25.09.2022). (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture. 3rd ed*. Moscow: Akad. Project. 982 p. ISBN 5-8291-0388-5. (In Russ.).

References

Almond, G. A. (1956). Comparative political systems. *The Journal of politics*, 18 (3): 391—409.

Almond, G. A. (1966). *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little, Brown and Company. 348 p. ISBN 9780316034944.

Apresyan, Yu. D. (1995). *Integral description of language and system lexicography*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 767 p. ISBN 5-88766-045-7. (In Russ.).

Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). *Parliamentary debates: traditions and innovations: Soviet polit. yaz.: (From ritual to metaphor)*. Moscow: Znanie. 63 p. ISBN 5-07-001699-7. (In Russ.).

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world: (Based on the material of Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian Culture. 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2012). *Political linguistics. 4th ed*. Moscow: Flint: Nauka. 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4. (In Russ.).

Chudinov, A. P. (2001). *Russia in the Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991—2000): Monograph*. Yekaterinburg: The Ministry of Education grew. Federation. Ur. gos. ped. un-T. 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.).

Dai Weiping. (2014). *Lexical Metaphor Research*. Guangdong: Published by the World Book Publishing House. 429 p. ISBN 9787510081750. (In Chin.).

- Evseev, M. Yu. (2009). *Modern etymological dictionary of the Russian language. The history of borrowed words: about 1,000 words that came to the Russian language from all over the world*. Moscow: AST Publishing House; Vladimir: Astrel. 381 p. ISBN 978-5-17-042561-7. (In Russ.).
- Inglehart, R. (1988). The Renaissance of Political Culture. *American Political Science Review*, 82 (4): 1203—1230.
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2005). *Other mentality*. Moscow: Gnosis. 349 p. ISBN 5-7333-0167-8. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2001). Semantic problems of political metaphor analysis. *Bulletin of the Moscow University. Series 9, Philology*, 6: 132—149. (In Russ.).
- Kostenko, B. I. (2006). Prerequisites and origins of the formation of the concept “Political culture”. *ONV*, 10 (49): 211—215. (In Russ.).
- Larina, T. V. (2009). *Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia. 512 p. ISBN 978-5-9551-0297-9. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1999). *Reflections on Russia*. St. Petersburg: Logos. 672 p. ISBN 5-87288-307-2. (In Russ.).
- Liu Hong., Yue Xue., Yan Zhou (2021). The study of the worldview in the concepts of political language and political culture. *Studies in foreign languages in northeast Asia*, 2: 3—8. (In Chine.).
- Maslova, V. A. (2004). *Introduction to cognitive linguistics*. Moscow: Flint: Nauka. 296 p. ISBN 5-89349-748-1. (In Russ.).
- Minenko, E. V. (2017). A fragment of the political picture on the example of the lexemes democracy / democracy. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2: 47—49. (In Russ.).
- Pang Peng. (2022). The influence of the Russian concept of the state on the Russian-Ukrainian conflict. *Russian Studies*, 4: 76—98. (In Chin.).
- Pimenova, M. V. (2010). Political conceptual system. *Political Linguistics*, 2: 47—55. (In Russ.).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: East-West. 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).
- Revered book: Ancient Chinese texts and translation of “Shang Shu” (“Shu Jing”) and “Small Preface” (“Shu xu”)*. (2014). Moscow: IDVRAN. 1149 p. ISBN 978-5-91146-969-6. (In Russ.).
- Sartori, G. (1987). *The theory of democracy revisited*. Chatham House Publishers. 542 p. ISBN 0934540462, 9780934540469.
- Sheigal, E. I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnosis. 324 p. ISBN 5-7333-0144-9. (In Russ.).
- Sun Yu., Kalinin, O. I., Ignatenko, A. V. (2021). The use of metaphoricity indices for the analysis of the speech impact of metaphor in the texts of public speeches of politicians. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1): 250—277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277. (In Russ.).
- Sun Yuhua., Peng Wenzhao, Liu Hong. (2015). The Politics of Language against The Language of Politics — Theory and methods of Political linguistics. *Foreign languages and the teaching of foreign languages*, 1: 1—7. (In Chine.).
- Tamerian, T. Yu., Kachmazova, A. U. (2019). Names of parties as a marker of ideological concepts of political discourse. *Political linguistics*, 6: 110—115. (In Russ.).

- The Great Soviet Encyclopedia*. Available at: <https://gufo.me/dict/bse/Veche> (accessed 05.01.2023). (In Russ.).
- Tretyakov, V. T. (2005). On the political philosophy of Vladimir Putin. *Rossiyskaya Gazeta: [newspaper]*. Available at: <https://rg.ru/2005/04/28/tretyakov.html?ysclid=l8mq15f5q4492267870> (accessed 12.10.2022). (In Russ.).
- Van Dijk, T. A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of political ideologies*, 11 (2): 115—140.
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding culture through keywords*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 287 p. ISBN 5-7859-0189-7. (In Russ.).
- Wang Lihua., Lan Xu. (2006). *Mencius*. Beijing: Zhonghua Bookstore. 344 p. ISBN 9787101052725. (In Chin.).
- Wilson, J. (2015). Political discourse. *The handbook of discourse analysis*. 775—794.
- Yang Xiujie. (2007). Linguistic way of ethnic culture research. *Teaching Russian in China*, 4: 52—55. (In Chin.).
- Zakharova, O. V. (2020). Transformation of the concept of “democracy” in the annual presidential addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation (2000—2018). *Political Science*, 2: 110—125. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.05>. (In Russ.).
- Zelensky, I. A. (1990). *The regulatory function of public consciousness*. Author’s abstract of PhD Diss. Kiev. 24 p. (In Russ.).

*The article was submitted 31.10.2023;
approved after reviewing 17.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Елена Борисовна Павлова, канд. филол. наук (Москва)

Елена Витальевна Терентьева, д-р филол. наук (Москва)

Ольга Юрьевна Гукосьянц, канд. филол. наук (Пятигорск)

Руслан Иванович Захаров, старший преподаватель (Нижний Новгород)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Гукосьянц О. Ю. Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 142—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161.

Gukosyants, O. Yu. (2023). Reimagining Healthcare Workers and COVID-19 in Demotivational Posters During Pandemic. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 142-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161

Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии

Гукосьянц Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0001-7879-8436

кандидат филологических наук, доцент
кафедры западноевропейских
языков и культур
gukosjants@mail.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного фонда
№ 22-18-20091,
<https://rscf.ru/project/22-18-20091/>
в Пятигорском государственном
университете

Reimagining Healthcare Workers and COVID-19 in Demotivational Posters During Pandemic

Olga Yu. Gukosyants

orcid.org/0000-0001-7879-8436

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Western European
Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Science Foundation
grant No. 22-18-20091,
<https://rscf.ru/project/22-18-20091/>
at Pyatigorsk State University

© Гукосьянц О. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются метафоры, представленные в демотиваторах периода пандемии COVID-19. Выявлены образы, соотносимые с медицинскими работниками и коронавирусной инфекцией. Проанализированы иконические (реже иконические и вербальные) компоненты демотиваторов, эксплицирующие авторскую оценку данных объектов и моделирующие их восприятие аудиториями. В результате проведенного исследования выявлены следующие наиболее частотные метафоры. Для репрезентации коронавирусной инфекции COVID-19 характерными образами стали «вирус — монстр», «вирус — преступник», «вирус — болото», «вирус — оковы», «вирус — ловушка». Для репрезентации образа медицинского работника авторами демотиваторов использованы метафоры «врач — воин», «врач — супергерой», «врач — чемпион», «врач — дезинсектор», «врач — строитель», «врач — ангел-хранитель». Демонстрируя указанные метафорические характеристики объектов, авторы демотиваторов моделируют желательное восприятие аудиториями данных объектов, а именно — акцентируют внимание аудитории на скорости распространения заболевания, его поражающем воздействии, значимости соблюдения карантинных мер, выражают благодарность и признательность медицинским работникам за самоотверженный труд и спасение жизней пациентов.

Ключевые слова:

поликодовый текст; демотиватор; метафора; вербальный компонент; иконический компонент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines the metaphors presented in demotivational posters during the COVID-19 pandemic. Images related to healthcare workers and the coronavirus infection are identified. The iconic (and less frequently verbal) components of the demotivational posters are analyzed, which explicitly convey the author's assessment of these objects and model their perception by the audience. The most frequent metaphors identified in the study include 'virus as a monster', 'virus as a criminal', 'virus as a swamp', 'virus as shackles', and 'virus as a trap' to represent the COVID-19 infection. Metaphors such as 'doctor as a warrior', 'doctor as a superhero', 'doctor as a champion', 'doctor as a disinsector', 'doctor as a builder', and 'doctor as a guardian angel' are used by the authors of the demotivational posters to represent healthcare workers. By demonstrating these metaphorical characteristics of the objects, the authors of the demotivational posters model the desired perception of these objects by the audience, emphasizing the speed of disease spread, its devastating impact, the importance of adhering to quarantine measures, and expressing gratitude and appreciation to healthcare workers for their selfless work and for saving patients' lives.

Key words:

polycoded text; demotivator; metaphor; verbal component; iconic component.

Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии

© Гукосьянц О. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Широкий спектр возможностей для построения сообщений и информирования общества, предоставляемый онлайн-пространством как коммуникативной средой, активно используется для реализации различных авторских интенций, в том числе заключающихся в манипуляции сознанием пользователей. Степень воздействия и скорость охвата аудитории в данном случае усиливается по мере увеличения доступности материалов соответствующего содержания и в зависимости от формы предоставления материалов реципиентам. Коррекция сознания и поведения индивидов достижима во многом благодаря выбору удачных средств и способов транслирования заложенного смысла. Именно поэтому мультимодальные тексты, построенные на единстве, комбинации знаковых систем, вмещающие в себя разные объемы в неодинаковой степени гармонирующих друг с другом вербальных и невербальных компонентов, задействующие широкий спектр каналов коммуникации и воспринимаемые соответствующими человеческими анализаторами, обладают высокой популярностью и применяются, в числе прочего, с целью распространения сообщений об опасности появившейся новой коронавирусной инфекции COVID-19, построения имиджа медицинского работника, самоотверженно спасающего жизни пациентов, зараженных вирусом.

Значительное внимание при построении демотиватора отводится как формированию вербального компонента, грамотному подбору авторами стилистических приемов, так и оформлению визуального компонента, цветовым решениям, графическим приемам, которые содействуют в моделировании желаемого восприятия пользователя, в осуществлении внушения, достигаемого с помощью демотиватора. Существенное число демотиваторов, созданных в обозначенный период, объективируя имеющиеся знания о новых реалиях, появившихся в жизни людей в связи с распространением опасной инфекции, были построены на основе метафорического переноса.

Настоящая статья ставит **целью** рассмотреть наиболее типичные метафорические образы, олицетворяющие медицинского работника и опасную инфекцию, отображенные в иконической (реже иконической и вербальной) части демотиваторов, появившихся в период пандемии, эксплицирующие авторскую оценку данных объектов и моделирующие их восприятие аудиторией. Хронологическими рамками исследования стал период: январь 2020 года — декабрь 2022 года.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Неотъемлемой составляющей виртуального общения в интернет-среде сегодня становятся семиотически осложненные [Анисимова, 1996; Березин, 2003; Ворошилова, 2013; Пиле, 2017] поликодовые тексты, состоящие «из нескольких разнородных единиц, являющихся при этом функционально и семантически связанными и представляющими изначально одно структурно неделимое целое (один компонент), восприятие и интерпретация которого зависят от всех составных элементов в равной степени» [Громова, 2016, с. 156—157]. Подобные тексты, представляющие собой комплексные формирования, в работах отечественных лингвистов именуются как «креолизированные» [Громова, 2016; Сорокин и др., 1990; Анисимова, 2003; Окунева и др., 2017; Стуколова и др., 2020], «поликодовые» [Максименко, 2012; Чернявская, 2009; Сонин, 2005; Сенцова, 2017], «мультимодальные» [Кибрик, 2010; Кибрик и др., 2018]. Однако во всех вышеуказанных случаях под данными вариантами наименований понимаются сложные текстовые образования, в которых вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на всестороннее воздействие на адресата [Ворошилова, 2006, с. 187]. «Одним из типов креолизованного текста» выступают демотиваторы, «созданные по формальным критериям (черный фон, текст-слоган белого цвета и пояснение слога-на, набранное более мелким шрифтом, чем сам слоган)» [Лутовинова, 2016, с. 29]. Согласно определению, предлагаемому Ю. В. Щуриной, демотиватор представляет собой «составленное по определенному формату изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его надписи-слогана» [Щурина, 2012, с. 405]. Изучение феномена демотиватора и выявление присущих ему свойств, а именно «ориентации на массовую аудиторию, социальной оценочности, включенности в медиадискурс, способности транслировать актуальную идеологию и оперативно отзываться на злободневные темы» [Сурикова, 2020, с. 47], позволили рассматривать его как жанр массмедиа (подробнее об этом см. [Сурикова, 2020; Баслина и др., 2014; Бугаева, 2011]).

В современных работах под *демотиватором* понимается модульный письменный текст, который «предполагает как минимум изображение или

визуализацию вербальной части, но чаще сочетает три компонента: языковую семантику, семантику ее визуализации, семантику изображения» [Сурикова, 2020, с. 44]. Предлагая типологию рекламных видеовербальных (термин, используемый О. В. Поймановой) текстов по гетерогенности, О. В. Пойманова разграничивает их на тексты с нулевой степенью гетерогенности (чисто вербальный или чисто иконический) и ненулевой степенью — представляющие собой сочетание вербальных и изобразительных компонентов [Пойманова, 1997].

В рамках настоящего исследования в контексте освещенной ранее цели рассмотрению подверглись демотиваторы, сочетающие в себе вербальную часть и иконическую часть, а также тексты без вербальной части. Как справедливо отмечает Т. И. Сурикова, «отсутствие одной из информационных семиотических составляющих жанра (*демотиватора*) не отменяет его поликодовую природу» [Сурикова, 2020, с. 41]. Связь текстов без вербальной части с вербальным языком ученый видит 1) в визуализации символических деталей концепта, 2) во включенности в типичный нарративный сценарий, 3) ввиду существования вторичной знаковой системы, в которой каждый знак предполагает словесное предписание [Сурикова, 2020, с. 41].

Неделимый информационный потенциал демотиватора, создаваемый языковыми и неязыковыми средствами, определяет общий прагматический эффект всей структуры (подробнее см. [Горбачева и др., 2021; Krzysztof, 2014; Wiggins et al., 2014; Grundlingh, 2017]). При этом невербальный компонент (иконическая часть) может являться носителем информации, дублирующей вербальную составляющую или согласующейся с ней, способен предоставлять дополнительную к вербальной составляющей информацию или же не иметь прямой связи с вербальным компонентом [Анисимова, 1996].

Семантика вербального компонента демотиватора неотделима от семантики иконического компонента, поскольку изначально данные тексты задумываются авторами и функционируют в дальнейшем как единые комплексные образования. Как подчеркивает Е. Е. Анисимова, «изображения и слова в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [Анисимова, 1996, с. 11]. Следовательно, только осуществляя параллельное декодирование, можно постичь смысл, заложенный автором при создании поликодовых текстов, к числу которых относятся, в частности, демотиваторы. Процесс двойного декодирования заложенной в демотиваторе информации (извлечение концепта изображения — «наложение» на концепт вербального текста — взаимодействие двух концептов — создание единого общего концепта демотиватора (подробнее об этом см.

[Головина, 1986; Анисимова, 1996])) требует от реципиента осуществления тщательной процедуры интерпретации и реконструкции смысла, изложенного в вербальной и иконической частях. Рассуждая о требованиях, необходимых участникам общения для создания / восприятия паралингвистически активных текстов, особую группу которых составляют демотиваторы, Е. Е. Анисимова перечисляет следующие: синтетическое восприятие текста, умение кодировать / декодировать информацию, передаваемую вербальными и невербальными знаками, наличие эстетического вкуса [Анисимова, 1996]. Только обладая схожим коммуникативным, социальным, культурным опытом, адресат сможет воспринять заложенный автором смысл. Соответственно, для оказания нужного прагматического эффекта на значительный объем аудитории, различной по возрасту, профессиональной подготовке, полу, образованию, демотиватор должен содержать дешифруемые большинством реципиентов вербальные и визуальные компоненты, что особенно актуально в случае необходимости переосмысления и конструирования смысла.

Формирование представления о некотором объекте, событии, изменении отношения к данному объекту, событию возможно, в числе прочего, благодаря «употреблению слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии» [Ахманова, 1969], то есть при помощи метафоры. Возможность метафоры влиять на восприятие и понимание текста, функционировать «в качестве механизма когнитивно-дискурсивного моделирования действительности» [Калашникова, 2006, с. 7] бесспорна. Являясь скрытым образным сравнением, метафора способна «вызывать рефлексию, запускать через оценку и интерпретацию образа, лежащего в ее основе, механизм переосмысления фактуальных данных» [Зубкова, 2009, с. 9], в чем проявляется интенциональная заданность метафоры «как маркера концептуально значимой информации текста» [Зубкова, 2009, с. 9]. При этом понимание метафоры как способа познания и объяснения мира тем интересно, что в «метафорическом зеркале», специфичном для каждого этапа общественного развития, «вне зависимости от чьих-либо намерений фиксируется подлинная картина общественного самосознания», что подтверждает факт, что «система базисных метафор — это своего рода ключ к пониманию “духа времени”» [Чудинов, 2001 с. 31].

Уточним, что выбранный материал исследования, которым выступили демотиваторы, обеспечил возможность проанализировать метафорические переносы, осуществляемые не только вербальным компонентом поликодового текста, но и его иконической частью. Как справедливо отмечает М. В. Терских, анализируя визуальные метафоры, функционирующие в социальной рекламе, «все преимущества механизма метафорической “упа-

ковки» информации, реализуемого посредством вербального кода, усиливаются многократно благодаря тем достоинствам, которыми обладают визуальные знаки» [Терских, 2016, с. 363]. Данным фактом объясняется значительное количество примеров визуальной метафоры, наличествующей в материале настоящего исследования — демотиваторах, появившихся в период пандемии. В рамках исследования мы исходим из утверждения о том, что языковая метафора и визуальная метафора, присутствующие в рассматриваемых текстах, обеспечивают апеллирование к чувственному восприятию индивида в процессе высокого эмоционально напряженного периода, которым явилась пандемия COVID-19, осуществляют воздействие на аудиторию при транслировании информации, посвященной злободневным вопросам (высокой скорости распространения заболевания, росту числа зараженных и числа летальных исходов, появлению лекарственных средств и героизму медицинских работников), и, следовательно, служат инструментом достижения нужного прагматического эффекта.

Поскольку интеграция метафоры в сообщение в случае с поликодовыми текстами, а именно демотиваторами, обеспечивалась как на вербальном, так и на иконическом уровнях, в рамках настоящей работы анализу подверглись как вербальные, так и визуальные метафоры, наблюдаемые в отобранных методом аспектной выборки из социальной сети ВКонтакте, на сервисе Яндекс.Картинки и иных развлекательных сайтах и порталах сети Интернет статических поликодовых текстах (демотиваторах) (более 300 единиц материала), посвященных распространению сообщений об опасности появившейся новой коронавирусной инфекции COVID-19, построению имиджа медицинского работника, спасающего жизни пациентов, зараженных вирусом.

Указанная цель работы достигалась с помощью методов контент-анализа и семиотического анализа, позволивших разложить поликодовые тексты на составные компоненты, описательного и сравнительного методов, позволивших определить типы семантических преобразований исходных значений и описать особенности их проявлений, а также методов синтеза и обобщения полученных результатов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Раскрытие интенционального настроения автора демотиватора — многоэтапный процесс, включающий в себя декодирование вербального компонента, иконического компонента, осознание типа их корреляции и раскрытие смысла, рождаемого в процессе их взаимодействия. Продуктивным инструментом формирования у реципиента необходимого автору текста эмоционального состояния и настроения выступают различные приемы, тропы

и фигуры, среди которых высокой популярностью пользуется метафора. Демонстрируя метафорические характеристики объекта, выражаемые как с помощью языковых средств, так и при помощи изображений, автор моделирует желательное для него восприятие аудиторий данного объекта или события. При этом визуальная информация, как подчеркивает М. В. Терских, «быстрее проникает в сознание реципиента, формирует впечатление, а впоследствии лучше закрепляется в памяти» [Терских, 2016, с. 364].

Образ в метафорическом воплощении, который может быть «прочитан» при комплексном восприятии его составляющих, внутренняя структура которого основана «не только на взаимодействии различных знаковых единиц, но и на взаимодействии нескольких образов», М. Б. Ворошилова предлагает называть *креолизованной метафорой* [Ворошилова, 2012, с. 98].

Комплексный метафорический образ, формируемый в поликодовых текстах, Л. С. Большакова в диссертационном исследовании именует *лингвовизуальной метафорой* [Большакова, 2008], С. В. Канашина, И. В. Зыкова, Л. В. Лаенко, А. М. Душкова в работах [Канашина, 2019; Зыкова, 2022; Лаенко и др., 2021] называют *полимодальной метафорой*, Ч. Форсвилл — *мультимодальной метафорой (multimodal metaphor)* [Forceville, 2009].

Применительно к демотиваторам, рассказывающим об опасности появившейся новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также демотиваторам, посвященным построению имиджа медицинского работника, самоотверженно спасающего жизни пациентов, зараженных вирусом, применение метафорического переноса при создании иконического (реже вербального) компонента поликодового текста является достаточно характерным. Согласно М. В. Терских, создание сообщений, базирующихся исключительно или преимущественно на изобразительном коде, возможно благодаря использованию типизированных метафорических переносов [Терских, 2017, с. 79], что подтверждается во многом настоящей выборкой.

Базовый принцип визуализации рассматриваемых сообщений — изображение опорных, эталонных символов, стереотипных ассоциаций, понятных сопоставлений.

3.1. Метафорические переосмысления, наблюдаемые в демотиваторах, рассказывающих об опасности появившейся новой коронавирусной инфекции COVID-19

Наиболее частотным типом метафорического переосмысления в анализируемой выборке явилось изображение коронавируса в образе монстра — безобразного враждебного существа (рис. 1, рис. 2). Рассматривая феномен монструозности, Е. Н. Шапинская определяет «монстра» как «Другого», «существо, не вписывающееся в рамки нормы, эстетических и этических представлений, выработанных в культуре и социуме» [Шапинская, 2019].

Рис. 1. Реализация метафорического переноса «вирус — монстр» [АА]

Визуализация монструозности, представление вируса как чудовища, страшного создания, совершающего злые деяния в мире людей, заставляет задуматься об объекте, являющемся жертвой данной сущности. Реконструируя смысл, изложенный в демотиваторах, презентующих метафорический перенос «вирус — монстр», реципиент в качестве «жертвы монстра» позиционирует себя, испытывает страх, беспомощность и уязвимость, обеспечивая тем самым достижение авторской интенции. В демотиваторе, представленном на рисунке 1, метафоричны и вербальный текст, и визуальный компонент. Образ монстра, выпускающего сферические частицы, которыми принято изображать вирионы коронавируса, соотносится с именованием данного создания *Корона-монстр*, акцентированием его опасности (*Он атакует*) и возможности защититься (*Чем его победить*).

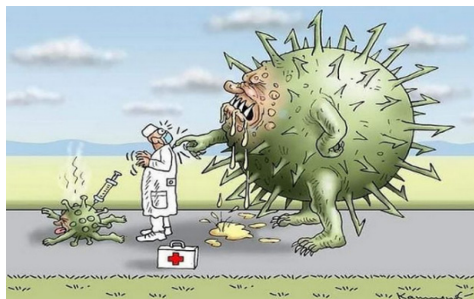

Рис. 2. Реализация метафорического переноса «вирус – монстр» [Там же]

Примером, в котором отражена аналогичная метафора «вирус — монстр», является рисунок 2, в котором, при отсутствии вербального компонента, визуальная составляющая легко декодируется и достигает желаемого устрашающего адресата эффекта.

Заболевание, виновное в гибели миллионов людей, изображалось в иконической части демотиваторов в образе лица, совершившего преступление и требующего уголовного преследования. Последствия инфицирования вирусом, проявившиеся в нанесении физического вреда, покушении на жизнь и лишении жизни миллионов людей, объясняют сравнение вируса с преступником, применение криминальной метафоры в демотиваторах.

Быстрое распространение вируса спровоцировало вспышку эпидемии. Одним из способов сдерживания инфекции стало введение карантинных мер. Изображение вируса в виде трясины, затягивающей в бездну страданий, выбраться из которой человеку не представляется возможным (метафора «вирус — болото»), в виде оков как ограничителей свободы людей (метафора «вирус — оковы»), в виде ловушки (рис. 3), подстерегающей людей на выходе из дома и готовой захлопнуться в любой момент (метафора «вирус — ловушка»), достаточно репрезентативны и заставляют переосмыслить причины введения строгих мер по сдерживанию распространения вируса и следовать рекомендациям.

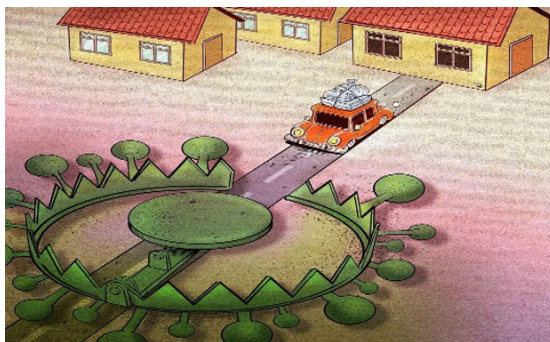

Рис. 3. Реализация метафорического переноса «вирус — ловушка» [Там же]

Описывая социальную характеристику слова *болото* и приобретение им метафорических смыслов, Т. В. Леонтьева и В. М. Мокиенко в качестве свойственных ему смыслов выделяют ‘застой в общественной жизни’ и даже ‘смерть’, что поддерживается отсылками к первичному значению слова и связанным с ним представлениям о болоте как топи, где гибнут люди и животные [Леонтьева и др., 2021]. Данные характеристики, присущие болоту и актуализированные в изображении и вербальном компоненте демотиватора, обеспечивают закладываемый автором прагматический эффект.

3.2. Метафорические переосмысления, наблюдаемые в демотиваторах, рассказывающих о труде медицинских работников, спасающих жизни пациентов, зараженных коронавирусной инфекцией COVID-19

Сравнение пандемии COVID-19 с войной объясняет самый популярный метафорический образ медика, презентуемый в демотиваторах: «врач — воин». Вооруженные только шприцами врачи-воины сражаются врукопашную с врагом на поле битвы (рис. 4), взявшись за руки и выстроившись кольцом врачи-воины держат оборону (рис. 5).

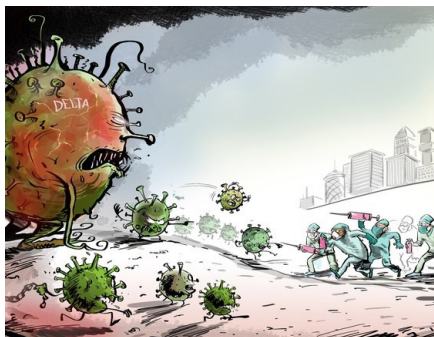

Рис. 4. Реализация метафорического переноса «врач – воин» [АА]

Рис. 5. Реализация метафорического переноса «врач — воин» [АА]

Описывая метафорический перенос, присущий тематической группе «Наименование лиц и совокупности лиц, имеющих прямое и косвенное отношение к боевым действиям и военной службе», к которой относится лексема *воин*, Н. В. Федотова заключает, что «одним из оснований переноса становится семантический компонент “поведение”, то есть метафорическое значение образуется в результате перенесения особенностей поведе-

ния человека, имеющего отношение к военным действиям, на человека, не являющегося представителем военной структуры и / или находящегося вне ситуации, связанной с военными действиями, реже — на другой объект» [Федотова, 2022, с. 45]. Именно храбрость, готовность сражаться, освобождать и спасать — те качества, которые сближают образ врача и образ воина, указывая на решительность и героизм представителей обеих профессий.

Восхищение и возвеличивание медицинских работников, признание их заслуг в борьбе с коронавирусом присутствует в демотиваторах, изображающих медиков супергероями. В частности, на рисунке 6 метафора «врач — супергерой» является ключевой и задает стимул для разворачивания основного метафорического образа и интерпретации текста. Иконическая часть демотиватора (рис. 6), представляющая медицинского работника в одном ряду с героями комиксов, спасающих планету от врагов, а значит, и обладающего сверхъестественными способностями, согласуется с вербальной частью (*Nurse — Superhero*).

Рис. 6. Реализация метафорического переноса «врач — супергерой» [Там же]

Распространенной метафорой в анализируемом материале стал перенос по сходству с чемпионами — боксерами, борцами армрестлинга, игроками в шахматы и бильярд, чьими противниками становятся частицы коронавируса, терпящие абсолютное поражение (рис. 7). «Состязательный характер спорта, присущий многим сферам человеческого бытия и сближающий их со спортивными реалиями, позволяет проводить соответствующие аналогии и концептуализировать жизнь человека как “состязание” со своими “правилами игры”» [Кириллова, 2011, с. 10]. Образ врача, предстающего перед нами чемпионом, побеждающим соперника — коронавируса, оказывает должное воздействие на реципиента, порождая у него желание оказать поддержку в нелегком противостоянии.

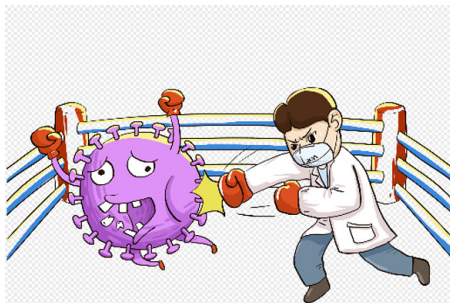

Рис. 7. Реализация метафорического переноса «врач — чемпион» [Там же]

Одним из типов метафорических переосмыслений, присутствующих в демотиваторах периода пандемии, является изображение врача в виде дезинсектора, облаченного в защитный костюм, вооруженного дустером и распыляющим специальные средства для борьбы с вредителем — убегающим в панике коронавирусом (рис. 8).

Рис. 8. Реализация метафорического переноса «врач — дезинсектор» [Там же]

Врачи представлены также в виде строителей, прокладывающих дорогу спасения для своих пациентов, и в виде неизменных ангелов-хранителей (рис. 9), оберегающих инфицированных и отслеживающих процесс их выздоровления.

Представленные выше примеры метафорических образов врача и заболевания ярко и четко характеризуют восприятие обществом реальности, разворачивающейся в период пандемии COVID-19. Осознание происходящего и формирование определенного настроения породили случаи ори-

Рис. 9. Реализация метафорического переноса «врач – ангел-хранитель» [Там же]

гинальной метафоризации и затронули как образ опасного заболевания, поражающего человека, так и образ врача, совершающего невозможное, спасающего жизни пациентов и вселяющего уверенность в благополучном для человечества исходе.

4. Заключение = Conclusions

Посредством метафорической характеристики объекта описания может эксплицироваться способ его толкования (интерпретации, авторского отношения к герою), что позволяет моделировать способ его восприятия читателем, осуществляя определенное внушение [Зубкова, 2009, с. 8—9]. При этом воздействие вербальной метафоры на формирование определенного отношения адресата к высказываемой идее и изображаемому персонажу усиливается многократно благодаря передаче метафорических характеристик объекта при помощи визуальных компонентов. Взаимодействие вербальных и иконических компонентов при построении метафоры, а также метафорический перенос, присутствующий исключительно в иконической части демотиваторов, рассматривались в данной работе на примере анализа демотиваторов, посвященных опасному коронавирусу, охватившему всю планету, и героическому труду медицинских работников в период пандемии COVID-19.

Отмечено, что самым распространенным средством презентации вируса стали метафоры «вирус — монстр», «вирус — преступник», «вирус — болото», «вирус — оковы», «вирус — ловушка». Данные образы

призваны обратить внимание аудитории на скорость распространение заболевания, его поражающее воздействие, значимость соблюдения карантинных мер. Благодарность и признательность медицинским работникам за самоотверженный труд и спасение жизней пациентов отразились в рассматриваемых демотиваторах посредством изображения медиков в образах воинов, супергероев, чемпионов, дезинсекторов, строителей и ангелов-хранителей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / О. С. Ахманова. — Издание второе, стереотипное. — Москва : Советская энциклопедия — Режим доступа : <https://scicenter.online/lingvistika-obschaya-scicenter/slovar-lingvisticheskikh-terminov-izdanie.html> (дата обращения: 12.10.2023).

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7695-0961-9.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — 1996. — № 5. — С. 74—85.
3. Баслина Е. Ю. Демотивационный постер как речевой жанр сетевого юмора / Е. Ю. Баслина // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — Т. 1, № 1. — С. 135—140.
4. Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия / В. М. Березин. — Москва : Рип-Холдинг, 2003. — 174 с. — ISBN 5-900045-41-2.
5. Большакова Л. С. Метафора в англоязычном поликодовом тексте : на материале британских и американских музыкальных видеоклипов : диссертация ... кандидата филологических наук / Л. С. Большакова. — Самара, 2008. — 186 с.
6. Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации : жанровые признаки, функции, структура, стилистика / И. В. Бугаева // Стил. — 2011. — № 10. — С. 147—158.
7. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора : первые зарисовки / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 94—99.
8. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст : аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2006. — № 1 (20). — С. 180—189.
9. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст : ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 193 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.
10. Головина Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста : диссертация ... кандидата филологических наук / Л. В. Головина. — Москва, 1986. — 173 с.

11. Громова Н. С. Специфика интерпретации многокомпонентного креолизованного текста / Н. С. Громова // Вестник Костромского государственного университета. — 2016. — Т. 22, № 2. — С. 156—160.
12. Зубкова Г. В. Метафорическое переосмысление как механизм формирования психологического типа литературного героя : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Г. В. Зубкова. — Ставрополь, 2009. — 23 с.
13. Зыкова И. В. Полимодальная метафора в киноискусстве : современные векторы изучения / И. В. Зыкова // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 4 (51). — С. 223—229.
14. Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Л. В. Калашникова. — Волгоград, 2006. — 35 с.
15. Канашина С. В. Специфика функционирования полимодальной метафоры в англоязычных интернет-мемах / С. В. Канашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 11. — С. 308—311. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.65.
16. Кибрик А. А. Мультиканальные корпуса: вчера, сегодня, завтра / А. А. Кибрик, О. В. Федорова, В. И. Подлесская // Гуманитарные чтения РГГУ — 2017 : пути преобразования общества и их осмысление в гуманитарных науках: войны — революции — реформы. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2018. — С. 499—511.
17. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика / А. А. Кибрик // Когнитивные исследования. — 2010. — Т. 4. — С. 134—152.
18. Кириллова Ю. Н. Спортивная концептуальная метафора в современном немецкоязычном дискурсе СМИ : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ю. Н. Кириллова. — Барнаул, 2011. — 22 с.
19. Лаенко Л. В. Полимодальная метафора в пространстве дескриптивного фрагмента художественного текста / Л. В. Лаенко, А. М. Душкова // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3 (46). — С. 548—551.
20. Леонтьева Т. В. Метафора болота в характеристиках социума / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 465. — С. 13—21. — DOI: 10.17223/15617793/465/2.
21. Лутовинова О. В. Демотиватор как вид сетевого творчества / О. В. Лутовинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2016. — Т. 15, №3 — С. 28—36. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.3.3
22. Максименко О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О. И. Максименко // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2012. — № 2. — С. 93—102.
23. Окунева И. А. Особенности использования структурных компонентов креолизованных текстов в зарубежной учебной книге: моменты концептуальной инверсии [Электронный ресурс] / И. А. Окунева, В. В. Латун // Мир науки. — 2017. — Т. 5, № 2. — Режим доступа : <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).
24. Пиле И. А. Текст как поликодовое явление / И. А. Пиле // Дизайн СМИ : тренды XXI века. — 2017. — № 3. — С. 67—76.
25. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / О. В. Пойманова. — Москва, 1997. — 24 с.

26. Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : диссертация ... кандидата педагогических наук / В. А. Сенцова. — Санкт-Петербург, 2017. — 184 с.

27. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование / А. В. Горбачева, А. А. Берлин Хенис, А. Н. Пучкова, М. А. Осадчий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20, № 2. — С. 74—86. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.7.

28. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект / А. Г. Сонин. — Москва : Ин-т языкознания РАН, 2005. — 219 с. — ISBN 5-902849-02-0.

29. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия : коллективная монография / отв. ред. Р. Г. Котов. — Москва : Наука, 1990. — С. 180—186. — ISBN 5-02-010983-5.

30. Стуколова Е. А. Креолизованный Интернет-текст как средство эффективной подготовки будущего учителя иностранного языка [Электронный ресурс] / Е. А. Стуколова, Т. В. Ежова // Мир науки. — 2020. — Т. 8, № 4. — Режим доступа : <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

31. Сурикова Т. И. Демотиватор в медиадискурсе: границы и свойства жанра / Т. И. Сурикова // Медиалингвистика. — 2020. — Т. 7, № 1. — С. 29—50. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.103.

32. Терских М. В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы / М. В. Терских // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2017. — № 3 (16). — С. 76—84.

33. Терских М. В. Специфика визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы / М. В. Терских // Лингвокультурология. — 2016. — № 10. — С. 362—386.

34. Федотова Н. В. Военная метафора в современном русском дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук / Н. В. Федотова. — Воронеж, 2022. — 291 с.

35. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : Либроком, 2009. — 248 с. — ISBN 978-5-397-00289-9.

36. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале / А. П. Чудинов // Русская речь. — 2001. — № 3. — С. 31—37.

37. Шапинская Е. Н. Монстр как культурный герой: репрезентация монструозности в массовой культуре (начало) [Электронный ресурс] / Е. Н. Шапинская // Культура культуры. — 2019. — № 2. — Режим доступа : <http://cult-cult.ru/monster-as-a-cultural-hero-representations-of-monstrosity-in-popular-culture/> (дата обращения: 12.10.2023).

38. Щурина Ю. В. Демотиватор как комический речевой жанр интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. — Барнаул : Изд-во Алтайского государственного педагогического университета, 2012. — С. 405—407.

39. Forceville C. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework : agendas for research / C. Forceville // Multimodal metaphor. — 2009. — № 2. — P. 19—35.

40. Grundlingh L. Memes as Speech Acts / L. Grundlingh // Social Semiotics. — 2017. — № 28 (2). — P. 1—22. — DOI: 10.1080/10350330.2017.1303020.

41. Krzysztowf. O. Demotivators as Deprecating and Phatic Multimodal Communicative Acts / O. Krzysztowf // Multimodal Epistemologies : Towards an Integrated Framework. — New York : Routledge, 2014. — P. 28—49. — DOI: 10.13140/RG.2.2.28252.51849.

42. Wiggins B. E. Memes as Genre : A Structural Analysis of the Memescape / B. E. Wiggins, G. B. Bowers // *New Media & Society*. — 2014. — № 1 (21). — P. 1—21. — DOI: 10.1177/1461444814535194.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023,
одобрена после рецензирования 14.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

AA — Authors' Archive. (In Russ.).

Akhmanova, O. S. Dictionary of linguistic terms. In: *Second edition, stereotypical*. Moscow: Soviet Encyclopedia. Available at: <https://scicenter.online/lingvistika-obschaya-scicenter/slovar-lingvisticheskikh-terminov-izdanie.html> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).

References

- Anisimova, E. E. (1996.). On the integrity and coherence of a creolized text (towards the formulation of the problem). *Philological Sciences*, 5: 74—85. (In Russ.).
- Anisimova, E. E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication (based on the material of creolized texts)*. Moscow: Academia. 122 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).
- Baslina, E. Yu. (2014). Demotivational poster as a speech genre of online humor. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1 (1): 135—140. (In Russ.).
- Berezin, V. M. (2003). *Mass communication: essence, channels, actions*. Moscow: Rip-Holding. 174 p. ISBN 5-900045-41-2. (In Russ.).
- Bolshakova, L. S. *Metaphor in English polycode text: on the material of British and American music videos*: PhD. Diss. Samara, 2008. 186 p. (In Russ.).
- Bugaeva, I. V. (2011). Demotivators as a new genre in Internet communication: genre features, functions, structure, stylistics. *Style*, 10: 147—158. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Text linguistics: polycode, intertextuality, interdiscursivity*. Moscow: Librocom. 248 p. ISBN 978-5-397-00289-9. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2001). Russia in a metaphorical mirror. *Russian speech*, 3: 31—37. (In Russ.).
- Fedotova, N. V. *Military metaphor in modern Russian discourse*: PhD. Diss. Voronezh, 2022. 291 p. (In Russ.).
- Forceville, C. (2009). Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: agendas for research. *Multimodal metaphor*, 2: 19—35.
- Golovina, L. V. *Mutual influence of iconic and verbal signs in the semantic perception of text*: PhD. Diss. Moscow, 1986. 173 p. (In Russ.).
- Gorbacheva, A. V., Berlin Henis, A. A., Puchkova, A. N., Osadchiy, M. A. (2021). The complexity of perception of demotivators and memes: an experimental study. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (2): 74—86. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.7. (In Russ.).
- Gromova, N. S. (2016). Specifics of interpretation of a multi-component creolized text. *Bulletin of Kostroma State University*, 22 (2): 156—160. (In Russ.).
- Grundlingh, L. (2017). Memes as Speech Acts. *Social Semiotics*, 28 (2): 1—22. DOI: 10.1080/010350330.2017.1303020.
- Kalashnikova, L. V. *Metaphor as a mechanism of cognitive-discursive modeling of reality (based on literary texts)*: author's abstract of Doct Diss. Volgograd, 2006. 35 p. (In Russ.).

- Kanashina, S. V. (2019). Specificity of the functioning of multimodal metaphor in English-language Internet memes. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 12 (11): 308—311. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.65. (In Russ.).
- Kibrik, A. A. (2010). Multimodal linguistics. *Cognitive research*, 4: 134—152. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., Podlesskaya, V. I. (2018). Multichannel buildings: yesterday, today, tomorrow. In: *Humanitarian readings of the Russian State University for the Humanities — 2017: ways of transforming society and their understanding in the humanities: wars — revolutions — reforms*. Moscow: Russian State Humanitarian University. 499—511. (In Russ.).
- Kirillova, Yu. N. *Sports conceptual metaphor in modern German-language media discourse*: author's abstract of PhD Diss. Barnaul, 2011. 22 p. (In Russ.).
- Krzysztof, O. (2014). Demotivators as Deprecating and Phatic Multimodal Communicative Acts. In: *Multimodal Epistemologies : Towards an Integrated Framework*. New York: Routledge. 28—49. DOI: 10.13140/RG.2.2.28252.51849.
- Laenko, L. V., Dushkova, A. M. (2021). Multimodal metaphor in the space of a descriptive fragment of a literary text. *Cognitive studies of language*, 3 (46): 548—551. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Mokienko, V. M. (2021). Metaphor of a swamp in the characteristics of society. *Bulletin of Tomsk State University*, 465: 13—21. DOI: 10.17223/15617793/465/2. (In Russ.).
- Lutovinova, O. V. (2016). Demotivator as a type of network creativity. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 15 (3): 28—36. DOI: 10.15688/jvol-su2.2016.3.3. (In Russ.).
- Maksimenko, O. I. (2012). Polycode vs. creolized text: the problem of terminology. *Bulletin of RUDN University. Series Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2: 93—102. (In Russ.).
- Okuneva, I. A., Latun, V. V. (2017). *Features of the use of structural components of creolized texts in a foreign educational book: moments of conceptual inversion*. *World of Science*, 5 (2). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
- Pile, I. A. (2017). Text as a polycode phenomenon. *Media design: trends of the 21st century*, 3: 67—76. (In Russ.).
- Poimanova, O. V. *Semantic space of video-verbal text*: author's abstract of PhD Diss. Moscow, 1997. 24 p. (In Russ.).
- Sentsova, V. A. *Polycode texts as a means of teaching Russian grammar to Italian students (I certification level)*: PhD. Diss. St. Petersburg, 2017. 184 p. (In Russ.).
- Shapinskaya, E. N. (2019). Monster as a cultural hero: representation of monstrosity in mass culture (beginning). *Culture of culture*, 2. Available at: <http://cult-cult.ru/monster-as-a-cultural-hero-representations-of-monstrosity-in-popular-culture/> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2012.). Demotivator as a comic speech genre of Internet communication. In: *Functional-cognitive analysis of linguistic units and its applicative potential*. Barnaul: Publishing house of the Altai State Pedagogical University. 405—407. (In Russ.).
- Sonin, A. G. (2005). *Understanding polycode texts: cognitive aspect*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 219 p. ISBN 5-902849-02-0. (In Russ.).
- Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In the book: Kotov, R. G. (ed.) *Optimization of speech influence: collective monograph*. Moscow: Science. 180—186. ISBN 5-02-010983-5. (In Russ.).

- Stukolova, E. A., Ezhova, T. V. (2020). Creolized Internet text as a means of effective training of a future foreign language teacher. *World of Science*, 8 (4). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf> (accessed: 10.12.2023). (In Russ.).
- Surikova, T. I. (2020). Demotivator in media discourse: boundaries and properties of the genre. *Medialinguistics*, 7 (1): 29—50. DOI: 10.21638/spbu22.2020.103. (In Russ.).
- Terskikh, M. V. (2016). Specificity of visual metaphorization in the discourse of social advertising. *Linguoculturology*, 10: 362—386. (In Russ.).
- Terskikh, M. V. (2017). Interaction of verbal and visual components in metaphorized texts of social advertising. *Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities studies*, 3 (16): 76—84. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2006). Creolized text: aspects of study. *Political linguistics*, 1 (20): 180—189. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2012). Creolized metaphor: first sketches. *Political linguistics*, 4 (42): 94—99. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: keys to reading*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 193 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).
- Wiggins, B. E., Bowers, G. B. (2014). Memes as Genre: A Structural Analysis of the Memescape. *New Media & Society*, 1 (21): 1—21. DOI: 10.1177/1461444814535194.
- Zubkova, G. V. *Metaphorical rethinking as a mechanism for the formation of the psychological type of a literary hero: author's abstract of PhD Diss.* Stavropol, 2009. 23 p. (In Russ.).
- Zykova, I. V. (2022). Multimodal metaphor in cinema: modern vectors of study. *Cognitive studies of language*, 4 (51): 223—229. (In Russ.).

*The article was submitted 11.09.2023;
approved after reviewing 14.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Захаров Р. И. Лингвосемиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе / Р. И. Захаров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 162—183. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183.

Zakharov, R. I. (2023). Linguosemiotic Mechanisms of Manipulative Potential Formation in Polycoded Nomination in Advertising Discourse. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 162-183. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183

Лингвосемиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе

Захаров Руслан Иванович
orcid.org/0000-0001-8023-4728
старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы,
юридический факультет
riz1369@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Linguosemiotic Mechanisms of Manipulative Potential Formation in Polycoded Nomination in Advertising Discourse

Ruslan I. Zakharov
orcid.org/0000-0001-8023-4728
Senior Lecturer,
Department of Forensic Science,
Faculty of Law
riz1369@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Захаров Р. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена лингвосомиотическому анализу функционирования поликодовых неймов в качестве манипулятивного инструментария рекламного дискурса. Целью исследования является описание влияния невербальных компонентов на выражение иллокутивной силы нейма. Материалом исследования выступают поликодовые коммерческие обозначения, выявленные посредством собственного интернет-мониторинга и непосредственного наблюдения автора за 2021—2023 годы. Проведено изучение ситуативного контекста, выделение в структуре номинации доминирующих знаков, установление выражаемого значения. Выявлены словообразовательные модели создания неймов, которые классифицируются по средству выражения иллокутивной силы. Использование схожих моделей коммерческими организациями из разных сфер деятельности позволяет говорить об основных тенденциях нейминга в рекламном дискурсе. Автором выдвигается проективная гипотеза манипулятивного воздействия: в рекламной коммуникации применяется ситуация *стимул — реакция*, а манипулирование реализуется тактикой наложения. Установлено, что в сообщении имплицитно соотносятся разные ситуации, для чего используются слабоструктурированные стимулы, которые влияют на формирование установок адресата и программируют его поведение. Делается вывод, что в поликодовых коммерческих номинациях используется приём эксплуатации речевых и неречевых поведенческих стереотипов.

Ключевые слова:

поликодовая коммерческая номинация; нейминг; языковое манипулирование; ассоциативный механизм; рекламный дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the linguo-semiotic analysis of the functioning of polycode names as a manipulative tool in advertising discourse. The aim of the study is to describe the influence of non-verbal components on the expression of the illocutionary force of the name. The material of the study consists of polycode commercial designations identified through the author's own internet monitoring and direct observation from 2021 to 2023. An examination of the situational context has been conducted, dominant signs in the structure of nomination have been identified, and the expressed meaning has been established. Word-formation models for creating names have been identified, classified according to the means of expressing illocutionary force. The use of similar models by commercial organizations from different fields of activity allows us to speak about the main trends in naming in advertising discourse. The author puts forward a projective hypothesis of manipulative influence: a stimulus-response situation is applied in advertising communication, and manipulation is realized through the tactic of imposition. It has been established that different situations are implicitly related in the message, for which loosely structured stimuli are used, which influence the formation of the addressee's attitudes and program their behavior. It is concluded that in polycode commercial nominations, the technique of exploiting linguistic and non-linguistic behavioral stereotypes is used.

Key words:

Polycoded commercial nomination; naming; linguistic manipulation; associative mechanism; advertising discourse.

Лингвосемиотические механизмы формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации в рекламном дискурсе

© Захаров Р. И., 2023

1. Введение = Introduction

Статья является продолжением наших исследований поликодовой коммерческой номинации как особого типа рекламного сообщения и как манипулятивного средства в рекламном дискурсе [Захаров, 2023а; Захаров, 2023б].

Рекламный дискурс занимает важное место в современном коммуникативном пространстве. Это прагматический манипулятивный дискурс, который ориентирован на продвижение товаров на рынке и осуществляется в режиме косвенных речевых стратегий. Пафос подобной коммуникации сводится к манипулированию аудиторией для получения выгоды [Рекламный ..., 2013, с. 5—6]. С этой целью активно используются различные манипулятивные приёмы и средства, ориентированные преимущественно на эмоциональную сферу внутреннего мира человека (психические состояния, эстетические предпочтения, поведенческие стереотипы). Среди характерных черт современного рекламного текста исследователи отмечают поликодовость, лапидарность, имплицитность, оценочность, высокую экспрессивную и прагматическую насыщенность [Рекламный ..., 2013, с. 7].

Следует отметить расширение видового разнообразия рекламных текстов. Например, современное коммерческое обозначение часто является не просто неймом — продуктом нейминга (искусственной номинации), выполняющим исключительно информационную функцию, а становится разновидностью рекламных сообщений, в нём видны конститутивные признаки рекламного текста, что оказывает влияние на их форму и содержание: они специально создаются с целью побуждения адресата ‘выбрать именно представленную номинацией компанию’, изменения его социального статуса на ‘покупатель’. Активную роль в этом процессе играют невербальные средства, транслирующие информацию в имплицитной форме.

Все вышесказанное предопределяет актуальность исследования, которая обусловлена научной и общекультурной значимостью проблемы изучения манипулятивного потенциала поликодовых коммерческих номи-

наций в рамках комплексного, коммуникативно-прагматического и лингвосомиотического подходов.

Коммерческие обозначения в разных вариантах исполнения широко распространены в массовой коммуникации, транслируются различными каналами: печатная, стендовая, интернет-реклама и др. Постоянно находясь в поле зрения адресата, подобные неймы становятся важным манипулятивным инструментом рекламного дискурса, что ведёт к необходимости проведения исследований лингвосомиотических механизмов формирования манипулятивного потенциала поликодовой номинации.

Таким образом, целью предпринятого исследования является описание лингвосомиотических механизмов влияния невербальных компонентов на выражение иллокутивной силы нейма как компрессивного высказывания в коммуникативном взаимодействии с аудиторией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили поликодовые коммерческие обозначения, с учётом вариативности их исполнения, функционирующие в качестве рекламных текстов. Объекты анализа зафиксированы в ходе непосредственного наблюдения автора за текстами рекламного характера, в разной форме локализованными на различных площадках публичного пространства нижегородского региона, и собственного интернет-мониторинга за 2021—2023 годы.

Методологическая база исследования — концепция комплексного (лингвокогнитивного, лингвопрагматического, социолингвистического и лингвокультурологического) изучения материала с целью выявления средств выражения иллокутивной силы, актуализации конкретных имплицитных смыслов, реализации коммуникативных стратегий и тактик [Радби́ль, 2022; Соколова, 2017]. Используются методы семантического анализа, сопоставительного анализа, прагматического анализа текста, логического анализа языка, методы контекстного анализа и концептуального анализа, а также методика вербальной интерпретации — «перевода» невербального сообщения в текстовый вид, в то, как, по мнению лингвиста, должно пониматься сообщаемое [Кукушкина и др., 2014, с. 46], рекомендованную экспертам-лингвистам для экспликации содержания невербальных объектов. Непосредственная процедура анализа заключается в изучении специфики бытования номинаций (в том числе описания ситуативного контекста как фактора смыслообразования), их сегментации, выделении в структуре семантически значимых фрагментов, экспликации информации, представленной в имплицитной форме, в нашем случае — преимущественно невербальным компонентом.

В ходе исследования были также использованы некоторые общетеоретические положения и методические рекомендации по проведению исследования иллюкутивного компонента текста с позиций судебной экспертологии: в них устанавливаются признаки побуждения к действиям в материалах иного рода, но также относящихся к манипулятивному дискурсу [Кукушкина др., 2014], и, на наш взгляд, подобный подход может быть успешно применён к исследованию рекламных текстов с преимущественно имплицитной формой представления информации.

Степень изученности проблемы. Разноаспектное изучение рекламного дискурса, в том числе его манипулятивности, рекламного текста и языка рекламы постоянно находится в центре внимания как зарубежных [Forceville, 2017; Sweetser, 2017; Noveck, 2021; Facchinetti, 2021], так и отечественных учёных. Например, в коллективной монографии «Рекламный дискурс и рекламный текст» имеются главы, посвящённые изучению специфики воздействия рекламы на адресата [Рекламный ..., 2013]. В сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Манипуляции и социум: язык, сознание, культура», на которой были всесторонне рассмотрены вопросы междисциплинарного исследования форм, стратегий и последствий скрытого влияния на индивида и общество, в одном из разделов представлены технологии манипулирования в рекламе [Манипуляции ..., 2023].

Так, в статье А. В. Жиркова разработана типология уловок на основании однородности используемых слов и дано описание этих уловок с учётом предложенной классификации, приведены примеры использования средств выражения, в том числе параграфемных [Жирков, 2013]. И. В. Бугаева на примере разработки коммерческого наименования демонстрирует процесс появления дополнительных смыслов, ассоциаций, коннотаций, что приводит к формированию смыслового поля ономастической единицы [Бугаева, 2020]. М. А. Болотиной проанализированы русско- и англоязычные слоганы, в которых для реализации интенции убеждения используются различные лингвистические средства, среди которых наиболее значимую роль играют средства выражения модальности необходимости [Болотина, 2023]. А. В. Глазковым исследованы манипулятивные приёмы в рекламном высказывании с позиции теории речевых актов, в частности, возможное смещение высказывания из одной зоны в другую, что меняет отношение к нему адресата [Глазков, 2023]. Пути и способы манипулирования в коммерческой номинации, целесообразность и допустимость использования манипулятивных приемов в коммерческой номинации с этической и юридической точек зрения анализирует М. Е. Новичихина [Новичихина, 2023]. М. С. Клевенским рассматриваются и систематизируются

наиболее распространенные в современной рекламе основные манипулятивные тактики, анализируются способы применения подобных тактик в рекламной деятельности [Клевенский, 2023]. В статье А. С. Немеевой и С. В. Манджиева изучается языковое выражение механизмов манипулирования в современной англоязычной рекламе; показано, что распространенные и продуктивные приёмы речевого манипулирования представлены также на графическом уровне [Немеева и др., 2023]. К. Н. Стародубцевой описаны результаты анализа речевых манипуляций в текстах коммерческих номинаций и аннотаций к онлайн-марафонам и трансформационным курсам, вербальные и невербальные способы воздействия, демонстрирующие примеры непродуктивного типа речевого воздействия [Стародубцева, 2023]. Е. В. Медведевой показано, как за счёт использования некоторых приёмов видеоколлаж оказывает суггестивное воздействие на реципиента [Медведева, 2023]. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте ранее была подробно рассмотрена Е. С. Поповой [Попова, 2002].

При этом некоторые вопросы, на наш взгляд, важные для изучения манипулятивного потенциала именно невербальных коммерческих наименований в рекламном дискурсе, решены в недостаточной степени. Так, преимущественное внимание по-прежнему уделяется изучению вербального компонента поликодовых рекламных текстов, а работ, посвящённых изучению императивного потенциала поликодовых коммерческих номинаций, почти нет [Манипуляции ..., 2023].

Все это обуславливает научную новизну предлагаемого исследования, которая определяется введением в научный оборот нового предмета для исследования — коммерческих торговых номинаций как средства языкового манипулирования в рекламном дискурсе.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании необходимости создания научного инструментария изучения лингвосемiotического механизма формирования значения поликодовых текстов вообще и текстов манипулятивных рекламных в частности, в том числе функций невербальных компонентов.

Практическая значимость исследования заключается в следующем. Функционирующие в качестве рекламных текстов коммерческие обозначения входят в сферу интересов правоприменителя и потенциально являются объектами разных видов лингвистической экспертизы, проводящейся с целью решения различных вопросов коммуникативной направленности и содержания указанных объектов. Тем самым основные результаты работы могут быть использованы в практике производства лингвоэкспертных исследований по делам о ненадлежащей рекламе и по иным категориям дел.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Теоретические основы исследования

В центре исследования находится иллюкутивный компонент поликодового текста ‘побуждение к действиям’, который реализуется в рамках манипулятивных косвенных речевых стратегий.

Особенность предлагаемого нами подхода заключается в том, что текст исследуется на предмет наличия / отсутствия именно признаков указанного значения. Побуждение считается выраженным при наличии следующих семантических компонентов: автор описывает некие действия (указывает на них); каким-то образом сообщает / показывает (последнее важно при исследовании невербальных средств выражения) адресату, что хочет от него, чтобы тот совершил эти действия: я говорю / показываю тебе, что хочу, чтобы ты это сделал. Все компоненты явно выражены в побудительных предложениях, но они могут быть выражены в косвенной форме — невербально. При этом сообщаемая адресату информация влияет на формирование установок адресата (их когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов), прежде всего — готовности к совершению определённых действий [Кукушкина др., 2014, с. 58].

На этой основе формируется исследовательская задача — установить наличие / отсутствие признаков целенаправленного формирования у адресата готовности к совершению названного действия (социальной установки на определённое поведение), то есть побуждения к нему, и выяснить, в какой форме оно сделано.

В рекламном сообщении часто оказываются связанными в единый комплекс оценка, побуждение, выбор. Анализ лексического значения показывает, что для осуществления действия ‘выбрать’ необходим ряд имеющихся или возможных вариантов, их сравнение по какому-либо признаку, выделение какого-то из них (предпочтение) и решение субъекта о его нужности [Шушков, 2008, с. 103—104; Морковкин, 2016, с. 157, 561]. Поскольку для рекламного сообщения важным является целенаправленное формирование у адресата положительного отношения к указанному действию (признанию его необходимым — «уместным»), связанными оказываются положительное отношение и основная коммуникативная цель — побуждение к предпочтению рекламируемой коммерческой организации. В случае отсутствия прямого выражения побуждения адресата к совершению действия положительная оценка выступает его имплицитной формой выражения, то есть следует говорить о выражении коммуникативной цели посредством представленной в тексте позитивной оценки.

На основании проведённых исследований нами выдвигается адаптированная к рекламному дискурсу проективная гипотеза манипуля-

тивного воздействия на адресата коммерческой номинации, базирующаяся на следующих положениях:

(1) В коммерческих номинациях, функционирующих в рекламном дискурсе, может быть актуализован определенный манипулятивный потенциал. Постоянное вторжение рекламы в информационное пространство современного человека независимо от его желания, присущее рекламе внутридискурсивное противоречие — несоответствие между ценностями и целями истинными (приоритетной фактической целью является экономическая — получение выгоды от продажи товаров) и провозглашаемыми (социальная цель — забота о потребителе рекламы в самых разнообразных планах) — ведут к попыткам снять (нейтрализовать) эту антиномию за счёт разного рода манипуляций [Рекламный ..., 2013, с. 5—6].

(2) Поликодовый характер рекламного сообщения обуславливает возможности манипуляции с помощью разных семиотических кодов [Медведева, 2023].

(3) Использование в поликодовых номинациях невербальных средств выражения нужного значения становится возможным благодаря специфике ассоциативного механизма, который задействует фоновые знания реципиента. Стратегия речевого манипулирования в данном случае реализуется на основе тактики наложения. В тексте соотносятся разные ситуации, осуществляется мысленный перенос каких-то свойств, состояний на другие, проецируется поведение субъекта в одной ситуации на его поведение в другой. С этой целью используются слабоструктурированные стимулы, которые, не вызывая раздражения, должны оказывать на восприятие реципиента не осознаваемое им, но нужное рекламодателю воздействие, приводящее к двигательным актам — совершению нужного действия, по сути, программирование его поведения. Речь идёт о применённой к рекламной коммуникации ситуации со стимулами и реакциями [Энциклопедический ..., 2021, с. 445—446].

Крайняя лапидарность (по сравнению с другими рекламными текстами) коммерческой номинации предусматривает использование такого ассоциативного механизма. При условиях, что, во-первых, под апперцепцией понимается воздействие всего предшествующего опыта человека на восприятие им предметов и явлений, во-вторых, это воздействие влияет на содержание и характер протекания восприятия, придаёт ему ту или иную направленность [Энциклопедический ..., 2021], подобные тексты можно отнести к тематическим апперцепционным тестам. В таких текстах-тестах адресату даётся на истолкование неявно присутствующая в них ситуация выбора.

Эта манипулятивная тактика реализуется в виде приёма, обозначенного как *эксплуатация поведенческих стереотипов, как речевых, так и*

перечевых. В этом случае используются не столько вербальные, сколько невербальные манипулятивные средства.

Согласно разработанной нами исследовательской процедуре в каждом нейме выделяется особо значимый элемент, который является его ядром и играет важную роль в формировании значения. Этот элемент представлен в структуре нейма таким образом, что бросается в глаза (интенсивен). С этой целью автором нейма подбираются специальные доминирующие в структуре номинации знаки. Такой семантически нагруженный компонент мы называем *деталью*: её функции разнообразны; по функциональному критерию она тяготеет к единичности, интенсивна, значима, чем отличается от подробностей, которые, напротив, множественны, экстенсивны, приближаются к простому обозначению [Захаров, 2023а, с. 148; Захаров, 2023б, с. 196]. Анализ деталей поликодовых номинаций показывает, что они выполняют основную функцию рекламного текста — формирование положительной оценочности и / или побуждения к действию ‘выбрать’. Деталь способствует актуализации в сообщении нужных компонентов значения, придавая высказыванию дополнительную нагрузку и незаметно корректируя представления адресата в заданном направлении. В коммерческой номинации деталь выступает как закладываемая в текст аналогия (проекция); она рассчитана на соотнесение различных ситуаций и программирует выполнение обычных для одной ситуации действий в ситуации иной. В результате суггестивного воздействия адресат должен выбрать именно представленную таким неймом коммерческую организацию.

По результатам исследования коммерческие обозначения были сгруппированы на основании выявленных конструктивных особенностей. Специфика каждой модели в тексте статьи проиллюстрирована несколькими примерами, модели получили обозначения по средству передачи нужного рекламодателю значения. Сферы деятельности компаний, обозначения которых были проанализированы, различны; это, на наш взгляд, позволяет говорить об определённых тенденциях нейминга в рекламном дискурсе. Далее в статье представлены результаты исследования некоторых моделей создания коммерческих номинаций.

3.2. Неймы-ОК, или неймы-одобрения

В своих работах мы уже частично касались вопроса рассмотрения одного из средств выражения иллюкутивной силы ‘побуждение адресата к выбору представляемой коммерческой организации’ в неймах, относящегося к вербальной знаковой системе [Захаров, 2023а; Захаров, 2023б]. Таковым является элемент *ОК*. Эта группа представлена номинациями *ЗвонОк* (салон распродаж), *ХолодОк* (компания по установке систем кондиционирования воздуха), *СтирОк* (сервисный центр) (рис. 1).

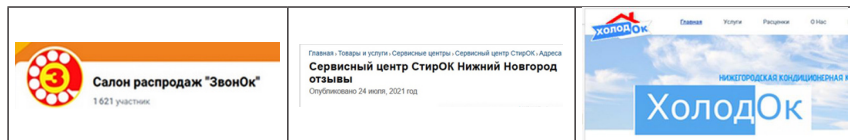

Рис. 1. Номинации *ЗвонОк*, *ХолодОк*, *СтирОк*
Nominations *ZvonOk*, *KholodOk*, *StirOk*

Исследование вербального компонента с позиций морфологии и словообразования показало неоднородность структуры номинаций. Они созданы по определённой словообразовательной модели, состоящей из постоянного и вариативного компонентов.

Общий формант локализован в финальной части. Это англицизм *Окей* в одном из вариантов своего написания, который является международным общеупотребительным выражением, означающим одобрение, принятие и т. п. [Захаров, 2023а]. В структуре номинаций его формальная самостоятельность и семантическая значимость актуализируются средствами супраграфематики, или шрифтового варьирования (прописными графемами выполняется или весь финальный сегмент, или только его инициальный элемент), цветовым выделением, смещением относительно линии расположения начального текстового фрагмента.

Универсальный дискурсивный маркер выполняет в анализируемых обозначениях основную функцию рекламного текста — формирование положительной оценочности и побуждение адресата к действиям (подробнее об этом в отношении номинации *ЗвонОк* см. [Захаров, 2023а]), а добавляющийся в режиме варьирования начальный фрагмент содержит только отсылку к сфере деятельности представляемых коммерческих учреждений (связь с референтной областью).

Эта деталь формирует определённый ассоциативный информационный фон через отсылку к особенностям речевого поведения в ситуации одобрения чего-либо. В номинациях, созданных по описанной модели, в свёрнутом виде представлена ситуация положительной оценочной характеристики представляемой коммерческой организации, независимо от того, кто является субъектом оценки — адресант или адресат речи.

Транслируемая информация призвана оказывать влияние на формирование установок адресата (когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов) — готовность (через одобрение) к выбору этой компании из ряда аналогичных. Программирование поведения объекта манипуляции основано на использовании находящихся вне контроля рациональной сферы стереотипов речевого поведения. Истинная цель рекламодателя

в неймах не представлена (скрыта). Основным инструментом воздействия является психологически точная апелляция к эмоциональной сфере. В результате происходит смещение коммерческой номинации [Глазков, 2023, с. 142] из зоны репрезентатива в зону директива, иллюкутивная сила которого смягчается использованием специально для этого не предназначенного средства выражения значения.

В рассмотренных обозначениях невербальный компонент текста играет вспомогательную роль в формировании иллюкутивной силы сообщения.

3.3. Неймы-включения

Эта группа представлена номинациями *Звонок*, *Симона* (компания по продаже бытовой техники) и *CreditPower.ru* (кредитный брокер) (рис. 2), непосредственно использующих манипулятивный потенциал невербальных средств выражения.

Рис. 2. Номинации *Звонок*, *Симона*, *CreditPower.ru*
Nominations *Zvonok*, *Simona*, *CreditPower.ru*

В обозначениях применяется такое интертекстуальное средство (при условии широкого понимания текста), как визуальная аллюзия (намёк) — апелляция к фоновым знаниям реципиента. В неймах выделяется знак, напоминающий символ, нанесённый на кнопку активации различных устройств, широко распространённых в бытовой сфере среднестатистического гражданина.

Представленный на изображениях знак включения используется двояко: либо непосредственно вводится в состав номинации, замещая графему *О*, либо располагается перед обозначением. Причём, независимо от способа использования в номинативном комплексе, в перечне, представляемом браузером по запросу, сформулированному в поисковой строке, этот символ — вариативный для каждой номинации, что позволяет их различать, — располагается в контексте с информацией о компании (рис. 3); это подчёркивает его значимость в структуре значения.

Рис. 3. Знаки включения в контексте с информацией о компании
Inclusion marks in context with company information

Посредством использования средств символической семиотической системы осуществляется сопоставление разных ситуаций: ситуации выбора коммерческой организации и ситуации использования бытовой техники, в которой пользователь непосредственно управляет выбором режима работы того или иного устройства путём нажатия соответствующей кнопки.

В неймах этой группы в завуалированном виде представлена следующая информация: наличие у адресата потребности; представляемая коммерческая организация — это средство удовлетворения формируемой потребности; модель поведения, способная привести к удовлетворению потребности, — выбор указанного средства. Тем самым создаётся мотивация для совершения нужного рекламодателю поступка. Императив формируется через моделирование ситуации свободного выбора. Задействован механизм переноса, когда происходит неосознаваемая фокусировка на сходных моментах в структуре соотносимых ситуаций (потребность — средства — выбор), для скрытого внедрения установок, не совпадающих с теми, которые в данный момент имеются у адресата. Средством визуализации иллюзии самостоятельного поведения адресата служит знак активации устройств.

Таким образом, в неймах-включениях действие ассоциативного механизма основано на высокочастотной ситуации эксплуатации бытовой техники. Использование манипулятивного приёма опирается на стереотип уже неречевого поведения, а императивный компонент значения реализуется невербальным средством — символьным элементом.

В рамках проводимого исследования дополнительный интерес представляет вариант номинации *Звонок*, в котором знак включения вводится в структуру форманта. Его фон отличается от фона начальной части нейма. В результате такого решения происходит дополнительное изменение в перцептивной организации «фигура — фон», усиливается намёк на «кнопочность» финального элемента. Универсальный дискурсивный маркер *ОК* встречается на кнопке пульта дистанционного управления, нажатием которой пользователь осуществляет выбор позиции в меню устройства, то есть подтверждает одобрение, предпочтение какого-то варианта из перечня возможных. В этом варианте нейма происходит совмещение признаков двух групп коммерческих обозначений.

3.4. Неймы-✓, или неймы выбора

В третью группу входят коммерческие обозначения, содержащие в своём составе **графический знак ✓**, неофициально называемый «галочка». Как поясняют пользователю Интернета, это «графический и компьютерный знак, обозначающий согласие и используемый в широком диапазоне документов, особенно часто в избирательных бюллетенях или социологических

тестах. На письме символ довольно часто зависит от почерка человека, но в общем описать его можно, как «две соединяющиеся на конце диагональные линии, одна из которых (как правило, более короткая) направлена ближе к северо-западу, а вторая — к северо-востоку» [Composs.ru].

В правилах заполнения избирательных бюллетеней, с которыми граждане знакомы, проставленная в соответствующем месте отметка обозначает сделанный субъектом выбор.

В электронной среде знак связан с элементами графического пользовательского интерфейса (системой средств для взаимодействия пользователя с электронными устройствами) — флаговой кнопкой, или чекбоксом (от англ. check box), и флажком, позволяющими управлять параметром с двумя состояниями: ☒ — включено, ☐ — отключено. Он также используется в текстах, составленных с помощью редактора Microsoft Word: является утверждённой частью Юникода и локализуется в таблице символов, где представлен в похожем виде — ✓. В сочетании с вербальным компонентом «Успешно» высвечивается в окне выносного модуля кассового аппарата.

Знак активно применяется в рукописных текстах, в стендовой и интернет-рекламе. Он маркирует те позиции в текстовой части, которые отмечают преимущества услуг, предоставляемых компаниями, на которые потенциальному клиенту следует обратить особое внимание, потому что выделенные особенности сделают его бенефициаром (рис. 4).

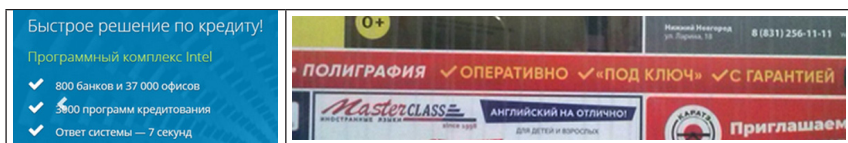

Рис. 4. Скриншот одной интернет-страницы и фрагмент рекламного стенда

Screenshot of one Internet page and a fragment of an advertising stand

Отметим, что если вербальное обоснование достоинств рекламируемого товара или организации в рекламном тексте хоть и является имплицитным способом побуждения потенциального клиента к совершению действия ‘выбрать’, но эта информация ориентирована на сферу рационального, на логическую оценку; то постановка ✓-знака, напротив, нацелена на бессознательную сферу адресата посредством обращения к привычному, нерелексируемому (о языковедческой проблематике сознания и бессознательности см., например, [Якобсон, 1996, с. 13—26]): в этом случае символ — это уже не просто маркер позиции представляемого на рассмотрение списка, а отметка уже выбранного. Таким образом, символ ✓ относится к числу распространённых, однозначно трактуемых.

✓-знак по-разному используется в коммерческих обозначениях. Так, в номинации *Автомиг* он непосредственно входит в её состав, заменяя часть графемы в позиции абсолютного начала слова (сильная текстовая позиция) и явно выделяясь в его составе своим исполнением: начертанием и цветовым решением. Эта особенность отчётливо прослеживается в разных формах представления знака: в номинации и логотипе; на различных интернет-сайтах и на уличных вывесках (рис. 5).

Рис. 5. Различные формы представления номинации *Автомиг*

Various forms of presentation of the *Automig* nomination

В рекламном тексте, размещённом на автомобильном транспорте и представленном на сайте «Одноклассники» (рис. 5): — *Автомиг. Запчасти в клик*, слоган содержит информацию о преимуществах компании: быстрота (*миг*) и лёгкость (*клик*) получения клиентом нужного продукта — одно нажатие кнопки компьютерной мыши; главное — выбрать рекламируемую компанию. В таком поликодовом тексте вербальный компонент служит обоснованием невербального — знака выбора. Эксплицировать информацию можно следующим образом: побуждение к выбору представленной компании обусловлено преимуществом быстрого и лёгкого приобретения товара.

Употребление ✓-знака в номинации *Непросни* (рис. 6) сходно с предыдущим примером.

Рис. 6. Номинация *Непросни*

Nomination *Neprosni*

Несмотря на определённое отличие, связанное с обыгрыванием содержания вербального компонента этого поликодового текста (схематичное представление циферблата соотнесено с ситуацией сна), расположение линий показывает, что изображены не только часы: положение условных

стрелок соответствует символу ✓, хотя логичнее выглядело бы указание на более раннее время. Отмечается такое же выделительное исполнение знака, как и в предыдущей номинации, в том числе цветное. Знак ✓ здесь выполняет ту же функцию побуждения к своевременному, выгодному для адресата совершению действия по выбору предлагаемых компанией товаров, которое интенсифицируется посредством дополнительного знака — условного отображения волновой природы сигнала. Похожий символ можно встретить, например, на трубке стационарного телефонного аппарата или в рекламе оператора сотовой связи Tele2.

Выражение побуждения к действию невербальным компонентом в рассматриваемом обозначении коррелирует с информацией вербальной части, представленной императивом — глагольной словоформой в повелительном наклонении, то есть части поликодового текста дополняют друг друга для выражения нужного значения.

Последний и самый узнаваемый пример использования символа ✓ в коммерческих обозначениях связан с Публичным акционерным обществом «Сбербанк России». Знак не входит непосредственно в структуру нейма, а образует, будучи вписан в незамкнутую окружность, логотип банка, который благодаря такому исполнению и цветовому решению хорошо узнаваем. Логотип употребляется как самостоятельно, так и в сочетании с вербальным компонентом, маркируя сервисы, приложения, компании, входящие в экосистему Сбербанка: *СберМобайл*, *СберЗдоровье*, *SberPay*, *СберПрайм+*, *СберЛогистика* и др.; активно используется в интернет-текстах, на вывесках, витринах, банкоматах, банковских картах и т.д. Обозначения такого рода представляют номинативный комплекс, части которого связаны синтагматическими отношениями. Следует отметить, что логотип имеет сходство со способом представления в избирательном бюллетене информации о выборе, совершённом субъектом.

В контексте исследования необходимо указать на существование другого логотипа Сбербанка, содержащего повторяющийся ✓-элемент (рис. 7).

Рис. 7. Новый и старый логотипы Сбербанка
New and old Sberbank logos

Возможно, именно его недостаточная выразительность, вследствие множественности исполнения, послужила одним из оснований смены логотипа. В результате ребрендинга появился вариант в виде градиентного сине-жёлто-зелёного незаконченного круга со знаком зелёного цвета внутри окружности и словом *Сбер*, в котором знак выбора легче считывается и тем самым оказывает более сильное воздействие на адресата.

Отметим, что форма ✓-знаков в рассмотренных примерах (как в коммерческих обозначениях, так и в тексте на сайте, и в бюллетене) очень похожа, эта форма имитирует его рукописное исполнение — именно такой способ и обусловил ассиметричное начертание.

Таким образом, в неймах-✓ для формирования иллюкативной силы используется средство визуализации выбора. Логотипы «Сбербанка» и «Автомига» — наиболее наглядные его репрезентации. Деталь номинаций указывает на положительную оценку рекламируемых коммерческих организаций и самостоятельное, осознанное поведение адресата. В этих неймах также замаскирована модель поведения, связанная со свободным выбором, но способ схематизации основан на проведении аналогий, параллелей уже с иной ситуацией. Как и в других группах, используемые знаки способствуют актуализации в номинации нужного рекламодателю значения, придавая ей дополнительную нагрузку и незаметно корректируя мысли и поведение адресата в заданном направлении.

4. Заключение = Conclusions

Поликодовые коммерческие номинации являются особым видом рекламного текста, поскольку обладают необходимыми конститутивными признаками, прежде всего наличием побуждения адресата к действию — ‘выбрать именно представленную неймом коммерческую организацию’. В результате особой структурной организации коммерческая номинация смещается из зоны репрезентатива в зону директива. В качестве главных особенностей следует отметить поликодовость и структурность анализируемых неймов.

В формировании императива в исследуемых неймах задействованы разные средства выражения значения: вербальные и невербальные; причём невербальный арсенал разнообразнее, чему, видимо, способствует крайняя лапидарность таких текстов. Невербальные средства доминируют — в качестве вербального используется универсальный дискурсивный маркер, наличие которого в нейме подчёркивается невербальными средствами.

Контекстуальное взаимодействие элюкативных средств обусловлено разной степенью их имплицитности. Они употребляются либо самостоятельно (чаще всего), либо в комбинации друг с другом. Можно говорить о взаимодействии двух тенденций в коммерческом нейминге: вуалирова-

ние (маскировка иллокутивной силы) и акцентирование. Кроме комбинации знаков со сходным содержанием эмфаза может осуществляться за счёт акцентирования знака, например, новой формы представления.

Исследованием выявлен ряд словообразовательных моделей коммерческих номинаций, которые определяются взаимодействием парадигматических и синтагматических отношений. В проанализированных моделях манипулятивное средство выражения императива выбирается из ряда возможных. Оно либо интегрируется непосредственно в структуру нейма, либо локализуется перед ним. В номинативном комплексе реализуются отношения замещения и присоединения знаков. Семантически нагруженный компонент (деталь) является доминирующим в номинации знаком, который может употребляться и самостоятельно, представляя коммерческую организацию и сохраняя императивное значение.

Деталь является средством реализации манипулятивной тактики наложения ситуаций через апелляцию (отсылку) к поведению в иной сфере. Эксплуатация ассоциативного механизма и разных поведенческих стереотипов, визуализированных соответствующими знаками, выступает как эффективный способ скрытого (в обход рациональной сферы, на бессознательном уровне) воздействия на сознание адресата для формирования иллюзии самостоятельности принятого решения.

Таким образом, для исследованных текстов характерна предписывающая экспектация, то есть облигаторный характер их восприятия; она нерелексируема. Средствами выражения иллокутивной силы осуществляется целенаправленное формирование необходимых рекламодателю установок адресата — когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, прежде всего готовности к совершению действия 'выбрать'.

В целом проведенное исследование показало, что коммуникативная эффективность поликодовой коммерческой номинации обусловлена не просто повышением аттрактивности нейма (привлечение внимания реципиента), а наличием основной иллокутивной силы рекламного сообщения — побуждения к выбору. Такие тексты могут стать продуктивной формой современной рекламы за счёт использования манипулятивного потенциала невербальных средств воздействия.

Источники и принятые сокращения

1. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. В. Богачёва, Н. М. Луцкая. — Москва : Словари XXI века : АСИ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. — 1456 с. — ISBN 978-5-9907385-0-8.
2. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп : ок. 15500 слов и устойчивых выражений / А. А. Шушков. — Москва : АСТ ; Астрель ; Хранитель, 2008. — 988 с. — ISBN 978-5-17-018959-5.

3. *Энциклопедический психологический словарь-справочник. 1000 понятий, определений, терминов* / под ред. С. Л. Кандыбович, А. Д. Короля, Т. В. Разиной. — Минск : Харвест, 2021. — 864 с. — ISBN 978-985-18-4878-8.

4. *Composs.ru*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://composs.ru/simvolgalochka> (дата обращения: 10.06.2023).

Литература

1. *Болотина М. А.* Лингвистические средства убеждения в текстах социальной рекламы [Электронный ресурс] / М. А. Болотина // *Манипуляции и социум : язык, сознание, культура : сборник научных трудов* / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 134—137. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868043_73746468.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

2. *Бугаева И. В.* Когнитивно-прагматические особенности коммерческой номинации [Электронный ресурс] / И. В. Бугаева // *Когнитивные исследования языка*. — 2020. — № 2 (41). — С. 165—169. — Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=44046483> (дата обращения: 19.10.2022).

3. *Глазков А. В.* Высказывание о будущем как инструмент манипуляции [Электронный ресурс] / А. В. Глазков // *Манипуляции и социум : язык, сознание, культура : сборник научных трудов* / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 142—145. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868059_69019601.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

4. *Жирков А. В.* Приемы манипулятивного воздействия в рекламе / А. В. Жирков // *Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография* / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — Москва : Флинта ; Наука, 2013. — С. 172—191. — ISBN 978-5-9765-1112-5.

5. *Захаров Р. И.* Поликодовые тексты как манипулятивный инструмент рекламного дискурса (на примере коммерческой номинации) [Электронный ресурс] / Р. И. Захаров // *Манипуляции и социум : язык, сознание, культура : сборник научных трудов* / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023а. — С. 146—149. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868062_16602456.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

6. *Захаров Р. И.* Синтагматика и парадигматика в поликодовых коммерческих номинациях: на примере словообразовательной модели / Р. И. Захаров // *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (Владимир, 26—28 сентября 2023 года)*. — Владимир : Транзит-ИКС, 2023б. — С. 196—201. — ISBN 978-5-8311-1533-8.

7. *Клевенский М. С.* Манипулятивные тактики в современной рекламе [Электронный ресурс] / М. С. Клевенский // *Манипуляции и социум : язык, сознание, культура : сборник научных трудов* / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 153—155. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868066_53732125.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

8. *Кукушкина О. В.* Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. — Москва : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. — 98 с. — ISBN 978-5-91133-143-6.

9. *Манипуляции* и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов [Электронный ресурс] / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — 295 с. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=53867910> (дата обращения: 10.09.2023).

10. *Медведева Е. В.* Манипулятивный потенциал видеоколлажа как одной из форм рекламного сообщения [Электронный ресурс] / Е. В. Медведева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 163—165. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868072_49959695.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

11. *Немеева А. С.* Манипулятивные языковые средства в тексте англоязычной рекламы [Электронный ресурс] / А. С. Немеева, С. В. Манджиева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 159—162. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868071_99144112.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

12. *Новичихина М. Е.* Манипуляция в коммерческой номинации [Электронный ресурс] / М. Е. Новичихина // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 159—162. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868071_99144112.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

13. *Попова Е. С.* Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е. С. Попова // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 276—288. — Режим доступа : <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24067/1/iurg-2002-24-23.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).

14. *Радбиль Т. Б.* Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. Палоши // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 101—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121.

15. *Рекламный дискурс и рекламный текст* : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — Москва : Флинта ; Наука, 2013. — 296 с. — ISBN 978-5-9765-1112-5.

16. *Соколова О. В.* Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия / О. В. Соколова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 19—30.

17. *Стародубцева К. Н.* Речевое манипулирование в рекламных текстах онлайн-марафонов [Электронный ресурс] / К. Н. Стародубцева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура : сборник научных трудов / под ред. М. Н. Конновой. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — С. 174—177. — ISBN 978-5-9971-0753-6. — Режим доступа : https://elibrary.ru/download/elibrary_53868076_27781045.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

18. *Якобсон Р. О.* Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон. — Москва : Гнозис, 1996. — 248 с. — ISBN 5-7333-0492-8.

19. *Facchinetti R.* News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic / R. Facchinetti // Journal of Pragmatics. — 2021. — Vol. 175. — Pp. 195—206. — DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015.

20. *Forceville Ch.* Visual and multimodal metaphor in advertising: Cultural perspectives / Ch. Forceville // Styles of Communication. — 2017. — № 9 (2). — P. 26—41.

21. Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.

22. Sweetser E. Metaphor and metonymy in advertising: Building viewpoint in multi-modal multi-space blends / E. Sweetser // Journal of Pragmatics. — 2017. — Vol. 122. — P. 65—76. — DOI: 10.1016/j.pragma.2017.10.012.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 15.11.2023.

Material resources

Composs.ru. Available at: <http://composs.ru/simvol-galochka> (accessed: 06.10.2023). (In Russ.).

Kandybovich, S. L., Korolya, A. D., Razina, T. V. (eds.). (2021). *Encyclopedic psychological dictionary-reference book. 1000 concepts, definitions, terms*. Minsk: Harvest. 864 p. ISBN 978-985-18-4878-8. (In Russ.).

Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. V., Lutskeya, N. M. (2016). *Large universal dictionary of the Russian language*. Moscow: Dictionaries of the XXI century: ASI-PRESS SCHOOL. 1456 p. ISBN 978-5-9907385-0-8. (In Russ.).

Shushkov, A. A. (2008). *Explanatory and conceptual dictionary of the Russian language: 600 semantic groups: approx. 15500 words and fixed expressions*. Moscow: AST; Astrel; Guardian. 988 p. ISBN 978-5-17-018959-5. (In Russ.).

References

Bolotina, M. A. (2023). Linguistic means of persuasion in the texts of social advertising. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture*. Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 134—137. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868043_73746468.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).

Bugaeva, I. V. (2020). Cognitive and pragmatic features of a commercial nomination. *Cognitive studies of language*, 2 (41): 165—169. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44046483> (accessed: 10.19.2022). (In Russ.).

Facchinetti, R. (2021). News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *Journal of Pragmatics*, 175: 195—206. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.01.015. (In Russ.).

Forceville, Ch. (2017). Visual and multimodal metaphor in advertising: Cultural perspectives. *Styles of Communication*, 9 (2): 26—41. (In Russ.).

Glazkov, A. V. (2023). Statement about the future as a tool of manipulation. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture*. Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 142—145. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868059_69019601.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).

Klevensky, M. S. (2023). Manipulative tactics in modern advertising. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture*. Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 153—155. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868066_53732125.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).

- Kolokoltseva, T. N. (ed.). (2013). *Advertising discourse and advertising text.* Moscow: Flint Science. 296 p. ISBN 978-5-9765-1112-5. (In Russ.).
- Konnova, M. N. (ed.). (2023). *Manipulation and society: language, consciousness, culture: collection of scientific works.* Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kanta. 295 p. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53867910> (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Kukushkina, O. V., Safonova, Yu. A., Sekerazh, T. N. (2014.). *Methodology for conducting forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to countering extremism and terrorism.* Moscow: FBU RFCSE under the Ministry of Justice of Russia. 98 p. ISBN 978-5-91133-143-6. (In Russ.).
- Medvedeva, E. V. (2023). Manipulative potential of video collage as one of the forms of advertising messages. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture.* Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 163—165. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868072_49959695.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Nemeeva, A. S., Mandzhieva, S. V. (2023). Manipulative language means in the text of English-language advertising. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture.* Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 159—162. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868071_99144112.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Noveck, I. (2021). *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science.* Cambridge UK : Cambridge University Press. 282 p. (In Russ.).
- Novichikhina, M. E. (2023). Manipulation in the commercial category. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulation and society: language, consciousness, culture.* Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 159—162. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868071_99144112.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Popova, E. S. (2002). Structure of manipulative influence in advertising text. *News of the Ural State University*, 24: 276—288. Available at: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24067/1/iurg-2002-24-23.pdf> (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yasai, L., Paloshi, I. (2022). Linguistic and pragmatic potential of active processes in Russian neological word formation of the newest period. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 101—121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121. (In Russ.).
- Sokolova, O. V. (2017). Cognitive mechanism and communicative strategies of discourses of active influence. *Questions of cognitive linguistics*, 3: 19—30. (In Russ.).
- Starodubtseva, K. N. (2023). Speech manipulation in advertising texts of online marathons. In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipulations and society: language, consciousness, culture.* Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kant. 174—177. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868076_27781045.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Sweetser, E. (2017). Metaphor and metonymy in advertising: Building viewpoint in multi-modal multi-space blends. *Journal of Pragmatics*, 122: 65—76. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.10.012. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1996). *Language and the unconscious.* Moscow: Gnosis. 248 p. ISBN 5-7333-0492-8. (In Russ.).
- Zakharov, R. I. (2023a.). Polycode texts as a manipulative tool of advertising discourse (using the example of a commercial nomination). In: Konnova, M. N. (ed.). *Manipula-*

- tions and society: language, consciousness, culture*. Kaliningrad: Publishing house of the IKBFU. I. Kanta. 146—149. ISBN 978-5-9971-0753-6. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53868062_16602456.pdf (accessed: 09.10.2023). (In Russ.).
- Zakharov, R. I. (2023b). Syntagmatics and paradigmatics in polycode commercial nominations: on the example of a word-formation model. In: *Language categories and units: syntagmatic aspect: materials of the XV International scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the Russian language department of VISU (Vladimir, September 26—28, 2023)*. Vladimir: Transit-ICS. 196—201. ISBN 978-5-8311-1533-8. (In Russ.).
- Zhirkov, A. V. (2013). Techniques of manipulative influence in advertising. In: Kolokoltseva, T. N. (ed.). *Advertising discourse and advertising text*. Moscow: Flint; Science. 172—191. ISBN 978-5-9765-1112-5. (In Russ.).

*The article was submitted 12.09.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 15.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Терентьева Е. В. Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов / Е. В. Терентьева, Е. Б. Павлова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 184—206. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-184-206.

Terentyeva, E. V., Pavlova, E. B. (2023). Semiotic Organization of Russian Environmental Internet Memes. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 184-206. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-184-206. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-184-206

Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов

Терентьева Елена Витальевна^{1 *}

orcid.org/0000-0002-4617-8897

доктор филологических наук, доцент,
кафедра социологии
и медиакоммуникаций,

*** корреспондирующий автор**

terenteva@mggeu.ru

Павлова Елена Борисовна²

orcid.org/0000-0001-5817-3463

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков
pavlova-eb@rudn.ru

¹Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет
(Москва, Россия)

²Российский университет
дружбы народов
(Москва, Россия)

Semiotic Organization of Russian Environmental Internet Memes

Elena V. Terentyeva^{1 *}

orcid.org/0000-0002-4617-8897

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Sociology and
Media Communications,

*** Corresponding author**

terenteva@mggeu.ru

Elena B. Pavlova²

orcid.org/0000-0001-5817-3463

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages
pavlova-eb@rudn.ru

¹Moscow State University
of Humanities and Economics
(Moscow, Russia)

²RUDN University
(Moscow, Russia)

© Терентьева Е. В., Павлова Е. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются русскоязычные экологические интернет-мемы, представленные в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники, на ресурсах сайтов Мемепедия, Пикабу, сайта А. Чистопашина. Авторы разработали ряд критериев, релевантных для анализа экологических интернет-мемов как сложных лингвосемиотических образований. Цель работы состояла в выявлении особенностей семиотической организации экологических интернет-мемов, в установлении семиотической доминанты, определяющей концептуальное содержание интернет-мема. Показано, что русскоязычный сегмент экологической коммуникации, представленной мемами, имеет свою тематическую и жанровую специфику. Экологические интернет-мемы, как правило, основываются на использовании медийного семиотического кода, когда мем включает в себя текст и иллюстрацию. Реже мемы создаются на основе нарративного семиотического кода, при котором визуальный компонент иллюстрирует начало, кульминацию или конец истории. Вербальный компонент является ведущим при заимствовании вирусных визуальных шаблонов. Основным стилистическим приемом в экологических интернет-мемах наряду с иронией, эффектом обманутого ожидания является языковая игра. Семиотический анализ интернет-мемов показал, что сочетание вербальных и визуальных знаков характерно для медийного сегмента экологической интернет-коммуникации.

Ключевые слова:

интернет-мем; семиотическая доминанта; креолизованный текст; экологическая интернет-коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

In this article, the authors examine Russian environmental internet memes, presented on social networks such as VKontakte, Odnoklassniki, and on websites like Memepe-dia, Pikabu, and A. Chistopashin's site. They have developed a set of criteria relevant for the analysis of environmental internet memes as complex linguistic and semiotic formations. The aim of the study was to identify the specific features of the semiotic organization of environmental internet memes and establish the dominant semiotic code that determines the conceptual content of the meme. It is shown that the Russian-speaking segment of environmental communication through memes has its own thematic and genre specificity. Environmental internet memes usually rely on the use of media semiotic codes, where the meme includes both text and illustration. Less frequently, memes are created based on narrative semiotic codes, where the visual component illustrates the beginning, climax, or end of a story. The verbal component is dominant when borrowing viral visual templates. The main stylistic device in environmental internet memes, alongside irony and the effect of false expectation, is linguistic play. Semiotic analysis of internet memes has shown that the combination of verbal and visual signs is typical for the media segment of environmental internet communication.

Key words:

Internet meme; semiotic dominant; creolized text; environmental internet communication.

Семиотическая организация русскоязычных экологических интернет-мемов

© Терентьева Е. В., Павлова Е. Б., 2023

1. Введение = Introduction

В эпоху интернета экологическая коммуникация существенно раздвинула границы своего функционирования [Shifman, 2014]. Появление социальных сетей, а шире — новых медиа, породило альтернативные формы экологического интернет-общения [Nissenbaum et al., 2017]. За последние десятилетия существенно возросло количество исследований, в которых изучается роль новых медиа в процессах обмена информацией о состоянии окружающей среды [Dancygier, 2023; Joose et al., 2018; Mörner et al., 2017; Schmitt, 2019; Shapiro et al., 2018; Thorsten, 2013; Weder, 2020]. Ученые отмечают, что одним из самых популярных форматов экологической интернет-коммуникации в новых медиа, и в социальных сетях в том числе, являются мемы [Jones et al., 2022]. Исследователи обращают внимание на функции и лингвопрагматический потенциал экологических мемов [Павлова, 2023], на их способность к вовлечению гражданского общества в обсуждение экологических вопросов [Ross et al., 2019; Zhang et al., 2021]. Зарубежные авторы также анализируют процессы репликации мемов, посвященных какой-либо одной экологической проблеме, например, энергетической политике [Sharag-Eldin et al., 2018], изменению климата [Zhang et al., 2021; Ross et al., 2019]. В некоторых работах затрагиваются вопросы мультимодальной природы экологических мемов [Dancygier et al., 2017; Yus, 2019], обращается внимание на то, что мемы как поликодовые тексты являются мощным инструментом для индексации различных экологических проблем [Jones et al., 2022]. Учеными подчеркивается важность анализа невербальной и вербальной знаковых систем мема, дополняющих друг друга. Однако, насколько нам известно, практически отсутствуют работы, посвященные описанию семиотической организации русскоязычных экологических интернет-мемов. Таким образом, несмотря на активное использование мемов в экологической интернет-коммуникации, их научное освещение нельзя назвать полным.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как известно, интернет-мем представляет собой сложное семиотическое образование. Согласно классификации Ю. В. Щуриной, интернет-мемы можно дифференцировать на четыре основных класса: текстовые, изображения, медиа и креолизованные [Щурина, 2013]. Экологические интернет-мемы, как правило, являются креолизованными текстами (исключение — мем-изображение на рис. 13а), поэтому мы в своем исследовании опираемся на принципы дифференциации креолизованных интернет-мемов, предложенные С. В. Канашиной, которая разделяет их по тематическому признаку, по организации и типу материала, по прагматике воздействия, по содержанию и форме текста, по количеству кодов в интернет-меме, по жанровому своеобразие, по типу речи сопроводительной надписи [Канашина, 2016]. Учитывается нами и известная семиотическая классификация Ч. Пирса, в которой разграничиваются иконические, индексальные, символные (конвенциональные) знаки [Пирс, 2000].

Цель работы заключалась в установлении особенностей семиотической организации экологических интернет-мемов, в выявлении семиотической доминанты, определяющей концептуальное содержание мема. Основными методами исследования стали семиотический и лингвостилистический анализ, элементы контент-анализа.

В соответствии с материалом и целями исследования экологические интернет-мемы в работе анализируются по следующим параметрам: тематическая и жанровая дифференциация; доминирующий семиотический код (медийный — текст и иллюстрация; нарративный — начало, кульминация, конец истории, ситуации, представленной мемом; идеологический — наличие оппозиций добро и зло, хорошо и плохо, разумно — неразумно); характер семиотических компонентов (иконические, индексальные, символные) и их количество (моно- и поликомпонентные); степень и способ корреляции вербальных и визуальных компонентов; представленность семиотической доминанты (знака или сочетания знаков, обеспечивающих передачу концептуального содержания мема); тип высказывания и характер языковых средств.

В качестве источника для отбора материала были использованы социальные сети Вконтакте, Одноклассники, сайт Пикабу, сайт экопродюсера и эковолонтера Алексея Чистопашина, ресурс Мемепедия. Корпус экологических интернет-мемов составлен методом сплошной выборки, всего было проанализировано около 200 экологических мемов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Тематическая и жанровая дифференциация экологических интернет-мемов

В силу своих жанрово-дискурсивных особенностей (медийности, интерактивности, гибридности, шаблонности, лаконичности, воспроизводимости, эмоциональности) экологические интернет-мемы отражают широкое тематическое разнообразие обсуждаемых экологических проблем, а именно: экология в целом (рис. 1, 2, 3, 4); загрязнение окружающей среды мусором (пластиком), вредными выбросами (рис. 5, 10, 11); раздельный сбор мусора (рис. 7); деятельность эоактивистов (рис. 8, 9, 10, 13а); действие / бездействие чиновников (рис. 13, 14); вырубка лесов (рис. 14, 15); экологичный образ жизни (рис. 6, 12, 16, 17); экологическое просвещение (рис. 18).

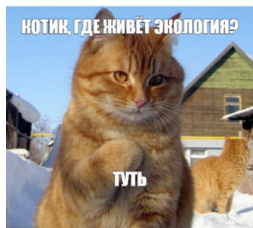

Рис. 1. Мем «Где экология?»
Fig. 1. Meme “Where is ecology?”

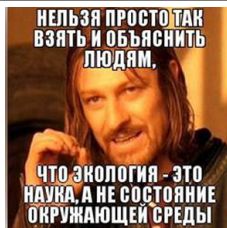

Рис. 2. Мем «Нельзя просто так»
Fig. 2. Meme “You can’t just...”

Рис. 3. Мем «Как у вас с экологией?»
Fig. 3. Meme “How are you with ecology?”

Рис. 4. Мем «Экология — это»
Fig. 4. The meme “Ecology is”

Рис. 5. Мем «Еще чуть-чуть»
Fig. 5. The meme “A little more”

Рис. 6. Мем «Хранитель природы»
Fig. 6. The meme “Keeper of Nature”

Рис. 7. Мем «Раздельный сбор»
Fig. 7. Meme “Separate collection”

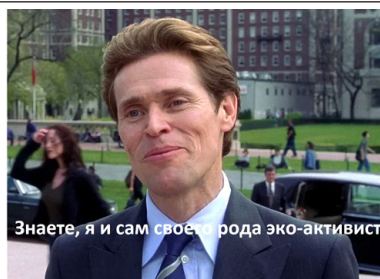

Рис. 8. Мем «Знаете, я и сам...»
Fig. 8. Meme “You know, I myself..”

Рис. 9. Мем «Экоактивисты раньше и...»
Fig. 9. Meme “Eco-activists before and...”

Рис. 10. Мем «Это ужасно...»
Fig. 10. Meme “It’s terrible...”

Рис. 11. Мем «Мешки для мусора...»

Fig. 11. Meme “Garbage bags...”

Рис. 12. Мем «Собрал мусор и...»

Fig. 12. Meme “Collected garbage and..”

Рис. 13, 13а. Мем «Избирательный Дрейк»

Fig. 13, 13a. Meme “Electoral Drake”

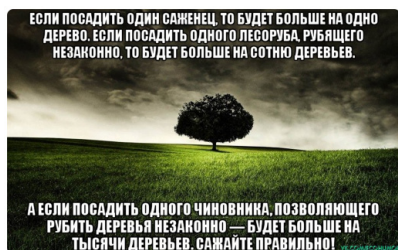

Рис. 14. Мем «Если посадить»

Fig. 14. Meme “If planted”

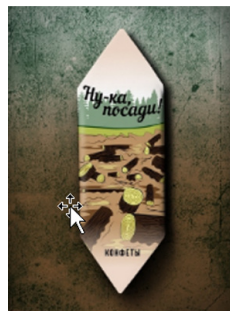

Рис. 15. Мем «Ну-ка, посади»

Fig. 15. Meme “Well, plant”

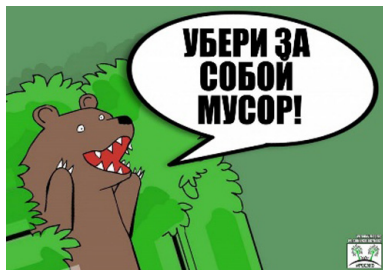

Рис. 16. Мем «Медведь в кустах»

Fig. 16. Meme “Bear in the bushes”

ВЫКИНУТЬ
МУСОР
В УРНУ!

ПОСЛЕ ПИКНИКА
ЗАБРАТЬ СВОЙ
МУСОР С СОБОЙ!

СОРТИРОВАТЬ
ОТХОДЫ ДОМА
И РАССКАЗЫВАТЬ
ВСЕМ ОБ ЭТОМ!

ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
В ВСЕМИРНОМ ДНЕ
ЧИСТОТЫ (СДЕЛАЕМ)
18 СЕН 2018

sdelae2018.ru

Рис. 17. Мем «Святящийся мозг»

Fig. 17. Meme “Glowing brain”

Рис. 18. Мем «Как долго...»

Fig. 18. Meme “How long...”

Как видно из приведенных выше рисунков, визуальный компонент экологических интернет-мемов представлен известными вирусными шаблонами (рис. 1, 2, 3, 6, 8, 9, 13, 16, 17); шаблонами в стиле демотиваторов (рис. 4, 5, 7), комикс-мемов (рис. 10), открыток (рис. 11), эдвайсов (рис. 12); оригинальными иллюстрациями, которые жанрово сближаются с экологическими плакатами (рис. 14, 15, 18). Мемы, созданные на основе популярных шаблонов и стилей, получают экологическую индексацию, как правило, за счет вербального компонента, содержащего ключевые слова и словосочетания, которые маркируют тематическую отнесенность того или иного мема в рамках экологической коммуникации (экология, со-

стояние окружающей среды, загрязнение океана, мусор, большое тихоокеанское мусорное пятно, раздельный сбор, экоактивист(ы), всемирный день чистоты, разложение мусора, мусороперерабатывающие заводы, сортировать отходы, посадить / рубить деревья). Семиотическая связь визуальных вирусных шаблонов с экологической проблематикой либо отсутствует (рис. 2, 8, 11, 13, 17), либо проявляется опосредованно через иконические знаки, лишь ассоциативно соотнесенные с идеей защиты окружающей среды (фотографии и рисунки животных, леса и т. д.) (рис. 1, 9, 12, 16). Исключение составляют, пожалуй, мемы «Хранитель природы» (рис. 6) и «Как у вас с экологией?» (рис. 3). В первом случае шаблон мема, изображающий Шварценеггера в окружении диких зверей, не был адаптирован к экологической проблематике, а сразу получил экологическую индексацию с обобщенной семантикой «гордость за незначительные экологичные действия» благодаря подписи пользователя одной из англоязычных соцсетей про использование экосумки для покупок: *when you remember to bring your reusable bag to the grocery store (когда не забываешь взять в продуктовый магазин свою экосумку)* (перевод наш. — Е. П.). Позднее идея приобрела популярность в интернете и получила множество вербальных русскоязычных вариантов от комичных до абсурдных: «когда выключаешь воду, в тот момент, когда чистишь зубы», «когда не попал в урну бумажкой, но подобрал ее и выкинул нормально», «когда прошел 5 метров, чтобы выкинуть в мусорку», «когда ты не даешь мусору загрязнить океан, позволяя ему скопиться у себя в комнате», «когда спас рыбу, вытащив ее из воды, чтобы она не утонула». Мем «Как у вас с экологией?», имеющий в шаблоне изображение водной стихии, был адаптирован к экологической проблематике с помощью вербального компонента, а также замены лица актера Марка Руффало на стереотипное изображение инопланетянина («зеленого человечка»), что усилило семиотическую соотнесенность визуального ряда мема с проблематикой экологии. Демотиваторы и комикс-мемы в приведенных примерах также демонстрируют наличие иконических знаков, передающих идею плачевного состояния окружающей среды (рис. 4, 5) и образы экологичных действий / бездействия (рис. 7, 10) при сохранении устойчивых жанровых признаков: (картинка/-и в черной рамке с подписью; картинка с подписями, разделенная на несколько частей, каждая из которых последовательно раскрывает развитие ситуации).

3.2. Доминирующий семиотический код экологических интернет-мемов

Интернет-мем как оригинальный вид медиатекстов характеризуется рядом отличительных признаков: мультимодальностью, интертекстуальностью, интерактивностью, гибридностью и шаблонностью [Канаши-

на, 2019; Yus, 2018]. Кроме того, в основе экологической коммуникации, частью которой являются экологические интернет-мемы, лежит система глобальных жизненных приоритетов, общих для человека и важных для сохранения природы: разум, совесть, ответственность. Медийность экологических мемов и их специфическая «жизненная идеология» с дихотомией «хорошо то, что помогает поддерживать состояние окружающей среды» — «плохо то, что наносит ей вред» позволяет использовать в качестве методики анализа адаптированную для задач настоящего исследования типологию семиотических кодов, предложенную Д. Чендлером, выделявшим социальные, текстуальные и интерпретирующие коды с последующей детализацией (вербальные, телесные, регуляторные, массмедийные, интерпретативные, идеологические и др.) [Chandler, 2007]. При анализе интернет-мемов мы обращаем внимание на доминирующий семиотический код (медийный; нарративный; идеологический) или их сочетания. В подавляющем большинстве случаев экологические интернет-мемы демонстрируют наличие медийного семиотического кода, предполагающего текст и иллюстрацию. Реже можно встретить интернет-мемы, созданные на основе нарративного семиотического кода, при котором визуальный компонент иллюстрирует начало, кульминацию или конец истории.

Так, примером интернет-мемов, где иконический визуальный знак маркирует финал истории, является мем «Хранитель природы»; сама же история об экологических «подвигах» его персонажа передается вербально (рис. 6). Несколько иную семиотическую организацию имеет мем «Знаете, я и сам своего рода эоактивист», в котором визуальный компонент является акцентной иллюстрацией так называемого «панчлайна» (завершающей ударной фразы в шутке) при том, что так называемый «сетап» (задающая контекст начальная фраза шутки) отсутствует, в связи с чем о сомнительных достижениях персонажа-эоактивиста аудитория может только догадываться.

Приведем еще пример, в котором вербальный компонент представляет ситуацию (спор зоозащитников с эоактивистами), а визуальный компонент иллюстрирует ее финал и оценку.

Изображение человека, демонстрирующего популярный в соцсетях жест «рукалицо» (от англ. *facepalm*: *face* — лицо, *palm* — ладонь), часто встречается в визуальных шаблонах. Знак-индекс «рукалицо» обозначает эмоциональную реакцию на чью-либо глупость. В приведенном примере визуальный компонент, являясь семиотической доминантой мема, завершает нарратив об экологической дискуссии и конституирует концептуальную семантику мема «полная бессмысленность для сохранения природы и животного мира подобных ожесточенных споров».

Зоозащитники: Зачем вам шубы из натурального меха?! Вы что синтетические не можете носить?!

Экоактивисты: С ума сошли? Эта шуба будет 500 лет разлагаться.

Драка.

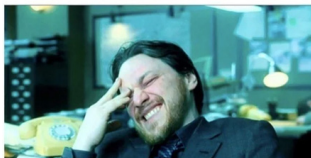

Рис. 19. Мем «Рукалицо»

Fig. 19. Meme "Facepalm"

Примером, где прежде всего визуально за счет большего размера первой картинки маркируется начало истории, является комикс-мем, представляющий собой сжатый визуальный нарратив с единственным вербальным компонентом — предложением, содержащим эмотив (*Это ужасно!*) (рис. 10). В данном случае можно говорить о сочетании медийного и нарративного семиотических кодов.

В качестве примеров семиотической организации мемов на основе идеологического кода можно привести вариации интернет-мема «Избирательный Дрейк» (рис. 13, рис. 13а). Визуальный шаблон данного мема акцентирует противопоставление смыслов «хорошо» (то, что поддерживает Дрейк) и «плохо» (то, что Дрейк отрицает). Мем на рис. 13а иллюстрирует реальное соотношение этих смыслов (хорошо для человека и природы убирать мусор, плохо — копить опасные мусорные свалки). В меме нет вербальных компонентов, все смыслы передаются знаками-индексами (жесты, мимика Дрейка) и иконическими знаками (изображения свалки и людей, убирающих мусор). Вариант этого мема на рис. 13, содержащий визуальный и вербальный компоненты, отражает «перевернутую» социальную ситуацию, которая иронически осмысливается за счет того, что персонаж вопреки здравому смыслу «не поддерживает» строительство мусоросжигательных заводов, но «согласен» с идеей хищения государственных средств и загрязнением окружающей среды.

3.3. Семиотические компоненты и доминанты как способ семиотической организации экологических интернет-мемов

В экологических интернет-мемах, как было показано на этих и представленных выше примерах, доминируют иконические знаки, которые выступают иллюстрацией явлений действительности, и знаки-индексы,

указывающие на что-либо. Данное утверждение согласуется с выводами других исследователей [Канашина, 2015; Хустенко, 2022]. Сочетание знаков-икон, знаков-индексов и знаков-символов в креолизованном тексте мема можно показать на следующих примерах:

Рис. 20. Мем «Плачущий кот»

Fig. 20. Meme “Crying cat”

Рис. 21. Мем «Светящийся мозг»

Fig. 21. Meme “Glowing brain”

Из рис. 20 видно, что интернет-мем состоит из двух частей, каждая из которых имеет вербальный и визуальный ряд. Первая часть содержит вербальный компонент и представляет собой сетап — фразу, задающую контекст для описываемой ситуации. Визуальный компонент первой части как иконический знак является иллюстрацией к вербальному компоненту, представляя собой отвлеченное изображение морского пейзажа. Вербальный компонент второй части мема — это панчлайн, завершающая шутилая фраза, предвещающая восприятие основного иконического знака — визуального компонента, который представляет собой вирусное изображение «плачущего кота». Это изображение в свою очередь включает два знака-индекса (поднятый вверх большой палец, указание на одобрительную эмоциональную реакцию со значением «отлично» и выразительные, наполненные слезами глаза плачущего кота, передающие эмоцию страдания). Для адекватного понимания мема необходимо установление его семиотической доминанты — знака или сочетания знаков, обеспечивающих передачу концептуального содержания. В данном случае знак-индекс «плач» выступает в роли семиотической доминанты интернет-мема и конституирует его концептуальное значение «выражение негативной эмоции от неуместного сравнения». Диссонанс между двумя знаками-индексами «хорошо — плохо» создает комический эффект. В целом интернет-мем воспринимается

как шутка, несмотря на серьезность и правдивость содержащейся в нем информации о размерах «большого тихоокеанского мусорного пятна».

Символьные знаки в экологических мемах представлены реже. Как отмечает С. В. Канашина, «способность интернет-мема содержать символизм говорит, прежде всего, о том, что ему свойственна образность, которая реализуется в механизмах метафоризации и в метонимизации» [Канашина, 2015, с. 120]. На рис. 21 представлен мем «Светящийся мозг», обязательным элементом визуального шаблона которого являются последовательно расположенные изображения светящегося и расширяющегося мозга человека и поля для вариативных вербальных или визуальных знаков. На рис. 21 видно, что свободные поля заполнены изображениями стаканов с уточняющими подписями (одноразовый, компостируемый, многоразовый), а также изображением человека, обходящегося без стакана. Светящийся мозг в меме получает символическое представление экологического сознания. Логика развертывания визуального ряда мема такова: иерархия от маленького мозга к огромному и светящемуся обозначает движение от худшего к лучшему: от отсутствия экологического сознания до высшей степени его проявления, которая иронически представлена изображением пьющего из чайника человека, юмористически решившего проблему утилизации пластиковых стаканов. Семiotической доминантой этого мема является изображение человека с чайником и яркого светящегося мозга, передающее общую идею «абсурдность некоторых экологических инициатив об отказе от чего-либо».

3.4. Типы корреляции визуальных и вербальных компонентов в экологических интернет-мемах

Как мы уже отмечали, в экологических мемах, созданных на основе популярных шаблонов, смыслообразующим является вербальный компонент. Визуальный ряд может не соотноситься с экологической проблематикой (рис. 2, 8, 13, 17) либо отсылать к ней с помощью устойчивых ассоциаций (изображения животных, растений, элементов пейзажа, зеленый фон и т. д.) (рис. 1, 3, 9, 12, 16). Такое шаблонное оформление экологических мемов популярно в соцсетях и на интернет-ресурсах. Вирусные шаблоны активно используются в других дискурсах, при этом вербальная часть может быть полностью заменена, на что ученые уже обращали внимание [Хустенко, 2022]. Отметим также, что вариативный вербальный ряд в экологических мемах может дополняться соответствующим невербальным компонентом (изображение стаканов) (рис. 21) или (редко) полностью заменяться невербальным (изображение свалки и людей, убирающих мусор) (рис. 13а). В то же время ведущим может быть визуальный компонент, если экологический интернет-мем создается в рамках экологической коммуникации на основе оригинального шаблона (рис. 4, 5, 6, 7, 10, 14, 15, 18).

Кроме того, при анализе семиотической организации мемов важным является критерий корреляции вербальных и визуальных компонентов. Поскольку экологические интернет-мемы мы рассматриваем как креолизованные тексты, к ним может быть применена классификация Е. Е. Анисимовой, которая дифференцирует «тексты с частичной креолизацией, где вербальная часть находится в относительно автосемантических и независимых отношениях с изображением, и тексты с полной креолизацией, в которых вербальная часть тесно связана с изобразительной частью и между ними устанавливаются синсемантические отношения» [Анисимова, 2003, с. 15].

В соответствии с приведенной классификацией можно выделить экологические интернет-мемы с автосемантической корреляцией вербальных и невербальных компонентов. Такая корреляция характеризует жанр открытки: изображение является только декоративным фоном для смыслообразующего вербального компонента и выбирается в соответствии с эстетическими предпочтениями автора мема (рис. 11).

Полная креолизация текста предполагает взаимную зависимость вербального и невербального компонентов, однако степень и характер этой зависимости могут быть различными. Вербальный компонент может уточнять, конкретизировать изображение (рис. 21). Визуальный компонент может выступать в качестве иллюстрации вербального, дублировать некоторые смыслы, ср., например, образ «одно дерево» (рис. 14).

При смысловой равнозначности вербального и визуального компонентов текст и изображение дополняют друг друга, демонстрируют синсемантические отношения (рис. 19).

Кроме того, в одном креолизованном тексте интернет-мема, состоящем из двух частей, могут отмечаться разные типы зависимостей компонентов, например, простая иллюстрация вербального компонента в первой части мема и сложные синсемантические отношения между текстом и изображением во второй части (рис. 20, 22).

3.5. Языковые особенности экологических интернет-мемов

Вербальные компоненты экологических интернет-мемов представлены небольшими по объему текстовыми фрагментами в среднем от одного до 35 слов. Лексические единицы исследуемых мемов можно объединить в две тематические макрогруппы «Экология» и «Мусор», которые в свою очередь подразделяются на тематические группы и подгруппы. В рамках макрогруппы «Экология» выделяются тематические группы «Экология как наука», «Экоактивисты», «Экологические проблемы» с подгруппой «Вырубка лесов»; в рамках макрогруппы «Мусор» выделяются тематические группы «Загрязнение мусором» (подгруппы «Загрязнение пластиком», «Загрязнение бытовым мусором»), «Сбор мусора», «Раздельный сбор и

переработка», «Период разложения» (подгруппы «Период разложения бумаги / дерева / стекла / пластика / медицинских масок / подгузников»).

В целях иллюстрации лексической организации текстовых фрагментов приведем облако частотных слов. Облако составлено на основе вербальных компонентов экологических мемов общим объемом более 5000 знаков с помощью доступного русскоязычного онлайн-сервиса wordcloud.online, который позволяет осуществить лемматизацию лексических единиц (рис. 22).

Рис. 22. Облако ключевых слов экологических интернет-мемов

Fig. 22. Keyword cloud of environmental Internet memes

Как видно из рисунка, наиболее частотными являются лексические единицы *экология*, *мусор*, а также часто встречающаяся лексема *год*, маркирующая период разложения мусора (рис. 22).

С точки зрения речевой организации текстовые фрагменты представляют собой высказывание (прямую речь), оформляются как диалог, риторический вопрос, вопросно-ответная конструкция. Подписи к мемам могут включать переводные устойчивые фразы, которые приобретают статус вербального мема, например: *нельзя просто так взять и ...* (рис. 2, 23).

Частотными также являются переводные конструкции, характеризующиеся спецификой тема-рематической организации: «вынесением субъекта — темы в начало с добавлением ремы — обстоятельств или места действия — в продолжение фразы» [Шуйская и др., 2021, с. 34]. Такие конструкции не соответствуют нормам русского литературного языка, но закрепляются как дискурсивные формулы, маркирующие новый формат

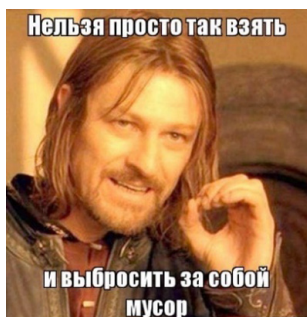

Рис. 23. Мем «Нельзя просто так взять и...»

Fig. 23. Meme “You can’t just take and ...”

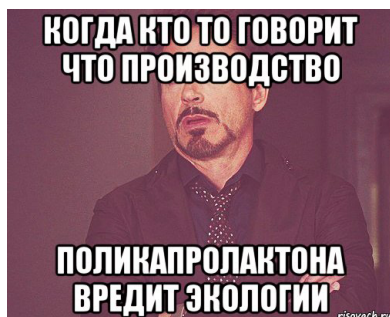

Рис. 24. Мем «Когда кто-то говорит, что...»

Fig. 24. Meme “When someone says that...”

интернет-коммуникации: **Я, который носит свою маску с марта 2020; То чувство, когда кто-то не убрал после себя в лесу; Мое лицо, когда кто-то говорит: Наш народ даже в мусорки не попадает; Франция, когда ее используют как единицу измерения мусора.** В исследуемом материале нам встретился случай замены придаточного предложения деепричастным оборотом с близким обстоятельственным значением: **Я, пытаясь объяснить важность переработки.**

Отметим также, что в роли темы могут выступать иконические знаки, например фотографии популярных персон. Так, широкое распространение получили серии мемов, в которых известную информацию о субъекте (тему) представляет фотография Шварценеггера со значением «ты, когда» (рис. 6) или закатывающего глаза Роберта Дауни Младшего со значением «твое лицо, когда» (рис. 24). Рема же объективируется вербально — обстоятельственными придаточными предложениями с союзом *когда*: *когда прошел 5 метров, чтобы выкинуть в мусорку; когда кто-то говорит, что производство поликапролактона вредит экологии; когда начал сортировать отходы и сдавать их на переработку.*

С точки зрения лексической организации вербальный ряд экологических интернет-мемов представлен общеупотребительной, разговорной лексикой и фразеологией (*готовенько, мусорка, швырнуть, ни к черту, сойти с ума*), терминами и терминосочетаниями (*экология, компостируемый, мусорное пятно, поликапролактон, сортировать отходы*), эрративами (*эколаг, туть, чотко*), эмотивами (*ужасно, да ладно*), сленгизмами (*бабл, душила, распил/попил бабла*), бранными словами (*идиоты, быдло*).

Комический эффект экологических мемов достигается с помощью иронии, эффекта обманутого ожидания, доведения ситуации до абсурда

[Павлова, 2023]. Одним из ведущих стилистических средств в мемах является языковая игра, среди основных приемов которой следует назвать окказиональное словообразование, каламбур, намеренное искажение правописания слов. Интересно, что «неэкологичное поведение» может юмористически осмысливаться в текстах мемов как медицинская патология. Например, при окказиональном словообразовании комический эффект достигается посредством словосложения по модели создания медицинских терминов и терминосочетаний (прилагательное + существительное; существительное + существительное) с использованием книжных лексем (*урнофобия*), книжных аффиксов (*хронический непопадит*), также за счет образования созвучных форм (*воспаление мангален*).

Языковая игра на основе приема каламбура представляет собой употребление двух сходно звучащих слов (рис. 25). Частотным является использование эрративов в игровой функции (рис. 26).

Рис. 25. Мем «Мешки в лесу»
Fig. 25. Meme “Bags in the forest”

Рис. 26. Мем «Эколаг»
Fig. 26. Meme “Ecolag”

Как видно на рис. 25, в качестве шаблона экологического интернет-мема выступает широко известное носителю русской культуры изображение, отсылающее к картине И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» и дизайну обертки популярных конфет «Мишка косолапый». Визуальный компонент обертки конфет трансформируется, фигуры мишек заменяются на изображения мусорных мешков. Вербальный ряд (*мешки в лесу*) дополняет визуальный, что создает эффект каламбура (*мишки в лесу* — *мешки в лесу*).

Семиотической доминантой мема на рис. 26 является изображение головы сатирического персонажа Стонкса, с помощью которого высмеиваются незначительные поступки представителей различных профессий.

Голова присоединена к фигуре эколога. Эпратив маркирует абсурдность природоохранных идей так называемого эколога.

Таким образом, комизм экологических мемов достигается за счет иронии, эффекта обманутого ожидания, доведения ситуации до абсурда. Одним из ведущих стилистических средств в мемах является языковая игра, среди основных приемов которой следует назвать окказиональное словообразование, каламбур, намеренное искажение правописания слов.

4. Заключение = Conclusions

Анализ корпуса русскоязычных экологических интернет-мемов показал, что в силу своих жанрово-дискурсивных особенностей они отражают широкое разнообразие затрагиваемых тем: от привлечения внимания к общему толкованию понятия «экология» до индексации таких экологических проблем, как загрязнение окружающей среды мусором, вредными выбросами, раздельный сбор мусора, деятельность эоактивистов, действие / бездействие чиновников, вырубка лесов, экологическое потребление и просвещение.

Жанры экологических интернет-мемов обнаруживают модификации, которые объясняются тематической спецификой экологической коммуникации и важностью осмысления экологических проблем в обществе. Таким образом, жанровая палитра экологического цифрового дискурса обогащается за счет появления диффузных жанров (комикс-мем, мем-плакат), ориентированных на вербальную и визуальную стилистику интернет-мемов.

Передачу концептуального содержания мема, как правило, обеспечивает семиотическая доминанта, представляющая собой какой-либо знак (иконический, индексальный, символичный) или их сочетание. Семиотическая доминанта позволяет адекватно декодировать смыслы визуальных знаков мема, входящих в состав его видеоряда.

В подавляющем большинстве случаев экологические интернет-мемы демонстрируют воплощение медийного семиотического кода, предполагающего сочетание текста и иллюстрации. Реже можно встретить интернет-мемы, созданные на основе нарративного семиотического кода, при котором визуальный компонент иллюстрирует начало, кульминацию или конец истории. В экологических интернет-мемах доминируют иконические знаки, выступающие иллюстрацией явлений действительности, и знаки-индексы, указывающие на что-либо. В экологических мемах, созданных на основе популярных шаблонов, смыслообразующим является вербальный компонент. Визуальный ряд может не соотноситься с экологической проблематикой либо отсылать к ней с помощью устойчивых ассоциаций. Экологические интернет-мемы на основе оригинального визуального ряда

обычно содержат знаки, имеющие отнесенность к проблемному полю «экология».

Лексические единицы исследуемых мемов можно объединить в две тематические макрогруппы «Экология» и «Мусор», которые в свою очередь подразделяются на тематические группы и подгруппы. С точки зрения лексической организации вербальный ряд экологических интернет-мемов представлен общепотребительной, разговорной лексикой и фразеологией, терминами и терминосочетаниями, эрративами, эмотивами, сленгизмами, бранными словами.

Синтаксис экологических интернет-мемов отражает общую тенденцию использования конструкций с вынесением темы в начало с добавлением ремы — обстоятельств или места действия — в продолжение фразы. Такие не соответствующие нормам русского литературного языка конструкции закрепляются как дискурсивные формулы, маркирующие новый формат интернет-коммуникации.

Ведущим стилистическим приемом вербального ряда экологических интернет-мемов является языковая игра на основе использования эрративов, каламбура, окказионального словообразования, позволяющего создавать пародии на научные термины.

В целом семиотический анализ интернет-мемов показал, что экологические интернет-мемы являются эффективными инструментами индексации экологических проблем в современном медиапространстве, а соотношение вербальных и визуальных знаков, использование различных семиотических кодов детерминирует специфику медийного сегмента экологической интернет-коммуникации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вконтакте* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/ecohumor> (дата обращения 10.07.2023).
2. *Мемепедия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://memepedia.ru> (дата обращения 10.07.2023).
3. *Одноклассники* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ok.ru> (дата обращения 10.07.2023).
4. *Пикабу* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pikabu.ru> (дата обращения 10.07.2023).
5. *Сайт* экопродюсера и эковолонтера Алексея Чистопашина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://chistopashin.ru> (дата обращения 10.07.2023).

6. *Онлайн-сервис* Облако слов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://wordcloud.online/ru/?ysclid=lnh6jbb2s2764822328> (дата обращения 17.07.2023).

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : Учебное пособие для студентов факультета иностранных языков / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7695-0961-9.
2. *Канашина С. В.* Семиотическая природа интернет-мема. Интернет-мем как симулякр / С. В. Канашина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2015. — Выпуск 22 (733). — С. 118—125.
3. *Канашина С. В.* Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. В. Канашина. — Москва, 2016. — 265 с.
4. *Канашина С. В.* Интернет-мем как медиатекст / С. В. Канашина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. — 2019. — Т. 19. — Выпуск 1. — С. 107—112. — DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-107-112.
5. *Павлова Е. Б.* Лингвопрагматический потенциал англоязычных экологических интернет-мемов / Е. Б. Павлова // Синергия языков и культур : междисциплинарные исследования. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт Петербургского университета, 2023. — С. 379—392.
6. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Ч. С. Пирс. — Москва : Логос, 2000. — 448 с. — ISBN 5-8163-0014-8.
7. *Хустенко А. А.* Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях / А. А. Хустенко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 258—282. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282.
8. *Шуйская Ю. В.* Лингвистические особенности текстовой составляющей креолизованных интернет-мемов / Ю. В. Шуйская, О. В. Мурзина, Э. С. Карпов // Филология : научные исследования. — 2021. — № 12. — С. 30—36. — DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.37123.
9. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации / Ю. В. Щурина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 6. — С. 34—38.
10. *Chandler D.* Semiotics. The Basics / D. Chandler. — 2nd ed. — London ; New York : Routledge, 2007. — 307 p. — ISBN 0-203-01493-6.
11. *Dancygier B.* Multimodal media : Framing climate change / B. Dancygier // Discourse Studies. — 2023. — № 25 (2). — Pp. 220—236. — DOI: 10.1177/14614456231154724.
12. *Dancygier B.* Internet memes as multimodal constructions / B. Dancygier, L. Vandelanotte // Cognitive Linguistics. — 2017. — № 28 (3). — Pp. 565—598. — DOI:10.1515/cog-2017-0074.
13. *Jones M.* Tracking Memes in the Wild : Visual Rhetoric and Image Circulation / M. Jones, A. Beveridge, J. R. Garrison, A. Greene and H. MacDonald // Frontiers Communication. Sec. Science and Environmental Communication. — 2022. — № 7. — DOI: 10.3389/fcomm.2022.883278.
14. *Joose S.* Blogging for Sustainability : The Intermediary Role of Personal Green Blogs in Promoting Sustainability / S. Joose, T. Brydges // Environmental Communication. — 2018. — № 12 (5). — Pp. 686—700. — DOI: 10.1080/17524032.2018.1474783.

15. *Mörner C.* Hunting the beast on YouTube : The framing of nature / C. Morner, U. Olausson // *Social Media. Nordicom Review*. — 2017. — № 38 (1). — Pp. 17—29. — DOI: 10.1515/nor-2016-0038.
16. *Nissenbaum A.* Internet memes as contested cultural capital : The case of 4chan's /b/ board / A. Nissenbaum, L. Shifman // *New Media & Society*. — 2017. — № 19 (4). — Pp. 483—501. — DOI: 10.1177/1461444815609313_
17. *Ross A. S.* Internet memes, media frames, and the conflicting logics of climate change discourse / A. S. Ross, D. J. Rivers // *Environmental Communication*. — 2019. — № 13 (7). — Pp. 975—994. — DOI: 10.1080/17524032.2018.1560347.
18. *Schmitt C. R.* Scapegoat ecology : Blame, exoneration, and an emergent genre in environmentalist discourse / C. R. Schmitt // *Environmental Communication*. — 2019. — № 13 (2). — Pp. 1—13. — DOI: 10.1080/17524032.2018.1500386.
19. *Shapiro M. A.* Climate change and YouTube : deliberation potential in post-video discussions / M. A. Shapiro, H. W. Park // *Environmental Communication*. — 2018. — № 12 (1). — Pp. 115—131. — DOI: 10.1080/17524032.2017.1289108.
20. *Sharag-Eldin A.* Multilevel model of meme diffusion of fracking through Twitter / A. Sharag-Eldin, X. Ye, Spitzberg B // *Chinese Sociological Dialogue*. — 2018. — № 3 (1). — Pp. 17—43. — DOI: 10.1177/2397200917752646.
21. *Shifman L.* *Memes in digital culture* / L. Shifman. — Cambridge, MA : The MIT Press, 2014. — 200 p. — ISBN 9780262525435.
22. *Thorsen E.* Blogging on the ice : Connecting audiences with climate-change sciences / E. Thorsen // *International Journal of Media & Cultural Politics*. — 2013. — № 9 (1). — Pp. 87—101. — DOI: 10.1386/macp.9.1.87_1.
23. *Weder F.* *Sparking an Interest in Local Water Issues : Social Media as an Enabler for (Hyper)local Community Engagement in Environmental Issues and the Role of Solution Journalism* / F. Weder // *The Local and the Digital in Environmental Communication*. — London : Palgrave Macmillan, 2020. — Pp. 223—245. — ISBN 978-3-030-37329-0.
24. *Yus F.* *Multimodality in Memes : A Cyberpragmatic Approach* / F. Yus // *Analyzing Digital Discourse*. — 2019. — DOI: 10.1007/978-3-319-92663-6_4.
25. *Zhang B.* *Changing the World One Meme at a Time : The Effects of Climate Change Memes on Civic Engagement Intentions* / B. Zhang, J. Pinto // *Environmental Communication*. — 2021. — № 15 (04). — Pp. 1—16. — DOI: 10.1080/17524032.2021.1894197.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 15.11.2023.*

Material resources

Memepedia. Available at: <https://memepedia.ru> (accessed 10.07.2023). (In Russ.).
Odnoklassniki. Available at: <https://ok.ru> (accessed 10.07.2023). (In Russ.).
Online service Cloud of words. Available at: <http://wordcloud.online/>
[ru?ysclid=lnh6jbb2s2764822328](http://wordcloud.online/?ysclid=lnh6jbb2s2764822328) (accessed 17.07.2023). (In Russ.).
Pikabu. Available at: <https://pikabu.ru> (accessed 10.07.2023). (In Russ.).
Vkontakte. Available at: <https://vk.com/ecohumor> (accessed 10.07.2023). (In Russ.).
Website of co-producer and eco-volunteer Alexey Chistopashin. Available at: <https://chistopashin.ru> (accessed 10.07.2023). (In Russ.).

References

- Anisimova, E. E. (2003). *Linguistics of text and intercultural communication (based on the material of creolized texts): A textbook for students of the Faculty of Foreign Languages*. Moscow: Academia. 122 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).
- Chandler, D. (2007). *Semiotics. The Basics. 2nd ed.* London; New York: Routledge. 307 p. ISBN 0–203–01493–6.
- Dancygier, B., Vandelandotte, L. (2017). Internet memes as multimodal constructions. *Cognitive Linguistics*, 28 (3): 565—598. DOI:10.1515/cog-2017-0074.
- Dancygier, B. (2023). Multimodal media: Framing climate change. *Discourse Studies*, 25 (2): 220—236. DOI: 10.1177/14614456231154724.
- Jones, M., Beveridge, A., Garrison, J. R., Greene, A. and MacDonald, H. (2022). Tracking Memes in the Wild: Visual Rhetoric and Image Circulation. *Frontiers Communication. Sec. Science and Environmental Communication*, 7. DOI: 10.3389/fcomm.2022.883278.
- Joose, S., Brydges, T. (2018). Blogging for Sustainability: The Intermediary Role of Personal Green Blogs in Promoting Sustainability. *Environmental Communication*, 12 (5): 686—700. DOI: 10.1080/17524032.2018.1474783.
- Kanashina, S. V. (2019). Internet meme as a media text. *News of Saratov University. New series. Series. Philology. Journalism*, 19 (1): 107—112. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-107-112. (In Russ.).
- Kanashina, S. V. (2016). *Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 265 p. (In Russ.).
- Kanashina, S. V. (2015). The semiotic nature of the Internet meme. Internet meme as a simulacrum. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 22 (733): 118—125. (In Russ.).
- Khustenko, A. A. (2022). Specificity of Semiotic Organization of Internet Memes of Professional Community of Lawyers in Social Networks. *Nauchnyi dialog*, 11 (4): 258—282. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282> (In Russ.).
- Mörner, C., Olausson, U. (2017). Hunting the beast on YouTube: The framing of nature. *Social Media. Nordicom Review*, 38 (1): 17—29. DOI: 10.1515/nor-2016-0038.
- Nissenbaum, A., Shifman, L. (2017). Internet memes as contested cultural capital: The case of 4chan's /b/ board. *New Media & Society*, 19 (4): 483—501. DOI: 10.1177/1461444815609313.
- Pavlova, E. B. (2023). Linguopragmatic potential of English-language ecological Internet memes. In: *Synergy of languages and cultures: interdisciplinary research*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 379—392. (In Russ.).
- Pierce, Ch. S. (2000). *Selected philosophical works. Translated from English*. Moscow: Logos. 448 p. ISBN 5-8163-0014-8. (In Russ.).
- Ross, A. S., Rivers, D. J. (2019). Internet memes, media frames, and the conflicting logics of climate change discourse. *Environmental Communication*, 13 (7): 975—994. DOI: 10.1080/17524032.2018.1560347.
- Schmitt, C. R. (2019). Scapegoat ecology: Blame, exoneration, and an emergent genre in environmentalist discourse. *Environmental Communication*, 13 (2): 1—13. DOI: 10.1080/17524032.2018.1500386.
- Shapiro, M. A., Park, H. W. (2018). Climate change and YouTube: deliberation potential in post-video discussions. *Environmental Communication*, 12 (1): 115—131. DOI: 10.1080/17524032.2017.1289108.

- Sharag-Eldin, A., B., Spitzberg, X. Ye. (2018). Multilevel model of meme diffusion of fracking through Twitter. *Chinese Sociological Dialogue*, 3 (1): 17—43. DOI: 10.1177/2397200917752646.
- Shchurina, Yu. V. (2013). Internet memes as a means of intercultural communication. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 6: 34—38. (In Russ.).
- Shifman, L. (2014). *Memes in digital culture*. Cambridge, MA: The MIT Press. 200 p. ISBN 9780262525435.
- Shuiskaya, Yu. V., Murzina, O. V., Karpov, E. S. (2021). Linguistic features of the textual component of creolized Internet-Memov. *Philology: scientific research*, 12: 30—36. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.12.37123. (In Russ.).
- Thorsen, E. (2013). Blogging on the ice: Connecting audiences with climate-change sciences. *International Journal of Media & Cultural Politics*, 9 (1): 87—101. DOI: 10.1386/macp.9.1.87_1.
- Weder, F. (2020). Sparking an Interest in Local Water Issues: Social Media as an Enabler for (Hyper)local Community Engagement in Environmental Issues and the Role of Solution Journalism. In: *The Local and the Digital in Environmental Communication*. London: Palgrave Macmillan. 223—245. ISBN 978-3-030-37329-0.
- Yus, F. (2019). Multimodality in Memes: A Cyberpragmatic Approach. *Analyzing Digital Discourse*. DOI: 10.1007/978-3-319-92663-6_4.
- Zhang, B., Pinto, J. (2021). Changing the World One Meme at a Time: The Effects of Climate Change Memes on Civic Engagement Intentions. *Environmental Communication*, 15 (04): 1—16. DOI: 10.1080/17524032.2021.1894197.

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 15.11.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Алёна Петровна Трушкина, исследователь (Санкт-Петербург)
Антонина Федоровна Корякина, канд. пед. наук (Якутск)
Бадма Викторович Меняев, специалист (Элиста)
Валерий Егорович Васильев, канд. истор. наук (Якутск)
Ильгам Рясимович Куряев, канд. филол. наук (Саранск, Санкт-Петербург)
Инга Александровна Пищулина, исследователь (Москва)
Любовь Александровна Мельникова, канд. филол. наук (Балашов)
Марианна Тимофеевна Сатанар, канд. филол. наук (Якутск)
Светлана Валентиновна Герасимова, канд. филол. наук (Москва)
Сергей Сергеевич Хромов, д-р филол. наук (Москва)

Информация для цитирования:

Васильев В. Е. Исторические истоки кругового танца охуохай : структура, семантика, символика / В. Е. Васильев, М. Т. Сатанар // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 208—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-208-227.

Vasiliev, V. E., Satanar, M. T. (2023). Historical Origins of Circular Dance Ohuokhai: Structure, Semantics, Symbolism. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 208-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-208-227. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-208-227

Исторические истоки кругового танца охуохай: структура, семантика, символика

Васильев Валерий Егорович¹
orcid.org/0000-0002-3326-5502
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник центра
интеллектуальной истории и культуры
valera305@mail.ru

Сатанар Марианна Тимофеевна^{2 *}
orcid.org/0000-0002-3546-7343
кандидат филологических наук,
научный сотрудник сектора
«Олонхование», Научно-
исследовательский институт Олонхо
*** корреспондирующий автор**
satanar68@mail.ru

¹Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

²Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научно-исследовательского проекта
СВФУ «Эпический памятник нематериальной
культуры якутов: текстологический,
типологический, когнитивный
и историко-генетический аспекты»

Historical Origins of Circular Dance Ohuokhai: Structure, Semantics, Symbolism

Valery E. Vasiliev¹
orcid.org/0000-0002-3326-5502
PhD in History, Senior Research Fellow,
Center for Intellectual History and Culture
valera305@mail.ru

Marianna T. Satanar^{2 *}
orcid.org/0000-0002-3546-7343
PhD in Philology, Research Fellow,
“Olonkhology” Sector,
Research Institute of Olonkho
*** Corresponding author**
satanar68@mail.ru

¹The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

²M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was conducted within
the framework of the research project
of NEFU “Epic monument of the intangible
culture of the Yakuts: textological,
typological, cognitive,
and historical-genetic aspects”

© Васильев В. Е., Сатанар М. Т., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность изучения обусловлена свойственным сегодняшнему дню ренессансом танца *ohuohai* в культурной практике современных саха. Новизна исследования видится в предложении научной версии: круговые танцы по ходу солнца (с востока на запад) означали движение вниз, а танцы против хода солнца (с запада на восток) — движение вверх. Отмечается, что запад и восток отражали разные миры, а движения по кругу символизировали путешествие по зыбкой грани двух миров. В работе реализуется комплексный подход к предмету исследования с применением историко-сравнительного, структурно-семиотического, функционального видов анализа, синтеза и обобщения фольклорных, этнографических, лингвистических данных, приводящих к единой картине семантики круговых движений. Авторы приходят к выводу о том, что современное название танца *ohuohai* является нововведением советского периода, отсутствующим в источниках дореволюционного и раннего советского периодов, в которых устойчиво упоминается термин *ункуу*, одинаково означающий и кружение-пляска шамана. Подчеркивается, что хоровод *ohuohai* включал экстатические элементы шаманства, явно схожие с представлениями шаманов о переходах в иные миры.

Ключевые слова:

ритуальный круг; семантика; символы атрибутов; культ предков; тотемизм; шаманизм; этимология названий якутского танца.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of studying is determined by the ongoing renaissance of the *ohuohai* dance in the cultural practice of modern Yakut people. The novelty of the research is seen in the proposal of a scientific version: circular dances following the course of the sun (from east to west) signified movement downward, while dances against the course of the sun (from west to east) signified movement upward. It is noted that the west and east reflected different worlds, and movements in a circle symbolized a journey along the fragile boundary between the two worlds. The work implements a comprehensive approach to the subject of study using historical-comparative, structural-semiotic, functional types of analysis, synthesis and generalization of folklore, ethnographic, linguistic, leading to a unified picture of the semantics of circular movements. The authors conclude that the modern name ‘*ohuohai*’ dance is an innovation of the Soviet period, absent in sources from the pre-revolutionary and early Soviet periods, in which the term ‘*ункуу*’, equally meaning the circling-dance of the shaman, is consistently mentioned. It is emphasized that the *ohuohai* round dance included ecstatic elements of shamanism, clearly similar to the shaman’s beliefs about transitions to other worlds.

Key words:

ritual circle; semantics; symbols of attributes; ancestor worship; totemism; shamanism; Etymology of the names of Yakut dance.

Исторические истоки кругового танца *оһуохай*: структура, семантика, символика

© Васильев В. Е., Сатанар М. Т., 2023

1. Введение = Introduction

Со времен установления рекорда Гиннеса по факту «самого большого *оһуохая* в мире» с участием свыше 15000 человек (2012 год) на празднике *ыһыах* все более повышается научный интерес к данному ритуальному танцу. В 2022 году национальный танец был признан одним из 100 шедевров культурного наследия народов России, а 7 сентября 2023 года подписан указ об утверждении 25 мая «днем Осуохая». В связи с этим актуализируется изучение истоков формирования танца *оһуохай*. С другой стороны, обращение к теме вызвано постнеклассическими тенденциями переоценки значимости эвристического потенциала древних знаний, сопровождаемыми витком новых методологических подходов, с реализацией парадигмы конвергенции наук. Вспомним высказывание фольклористов о том, что «методы и установки науки определяются мировоззрением эпохи» [Пропп, 1976, с. 16] и для ученых создание науки из мировоззрения своей эпохи должно стать их ведущей задачей [Там же].

Круговой танец *оһуохай* был предметом исследований ряда ученых [Васильев, 2006; Гоголев, 1993; Гоголев, 2014; Дугаров, 1991; Лукина, 2014а; Лукина, 2014б; Николаева, 2000; Николаева, 2014; Стручкова, 2000; Стручкова, 2014 и др.], в чьих трудах предложены историко-сравнительный, фольклорно-культурологический подходы, методы функционального, семантического, структуралистского анализа. Теоретическая база постсоветских работ существенно шире и более глубоко освещает тему, в отличие от работ ранних авторов, упоминавших хоровод в контексте кумысного обряда *ыһыах* [Бестужев-Марлинский, 1906; Уваровский, 1992 и др.]. Из этих описаний «исыха» мы можем уяснить лишь то, что хоровод обычно вели женщины саха, что в этом «матросском танце» якутки шли правой ногой вперед, а левую ставили набок [Бестужев-Марлинский, 1906, с. 306]. Уваровский дополнял, что на «исыхе» хоровод *ункуу* из века в век считался «женским танцем» [Там же, с. 44—45].

В советское время изучение танца *оһуохай* прекращается в связи с тем, что в исторической науке временно господствует отрицательное отношение к фольклору, включающему мифы, легенды и песни старинных плясок

сахы. Так, в 1951 году, перед началом последней волны репрессий, была написана разгромная работа о вредном влиянии фольклора на историческую науку. Она была направлена для рецензии в Институт этнографии АН СССР, где в то время работал этнограф А. А. Попов. Последний отметил, что отрицательное отношение к фольклору как историческому источнику ошибочно [Попов, 1952, л. 54—55]. Он выступил в защиту фольклористов Г. У. Эргиса и С. И. Боло — собирателей «быстро исчезающего» фольклора. Таким образом, был «поднят кулак» на *ohyohay*. Такое отношение ощущалось до 1980-х годов: в г. Якутске пытались запретить хороводы студентов, которые организовывались под воздействием новых веяний в республике, когда национальная интеллигенция взялась за возрождение духовного наследия народа саха.

В современных исследованиях принято считать, что культ *айыы* восходит к эпохе скифов, при котором *ohyohay* связывается со «звериным стилем» саков в виде образов оленя или коня. Небесная дорога *салама* у тотемного столба была нужна для принесения в жертву белого коня [Гоголев и др., 2014, с. 45—46]. Танец включал идею очищения и ограждения «своего» пространства от «чужого» и соединения с духами для получения благ [Стручкова, 2014, с. 147]. Круг солнца был главным оберегом тюрок и монголов Центральной Азии, танцевавших вокруг костра, горы, дерева или столба. Идея очищения и ограждения от злых сил лежала также в основе хороводов у народов Арктики [Лукина, 2014б, с. 59—62].

В научной литературе отмечается, что, по бурятской традиции, на родовые горы поднимались мужчины, а ночь отличалась активностью женщин, наряду с юношами танцевавших *eoхор* до утра. Данный танец моделировал мир Срединной земли [Николаева, 2009, с. 142]. Изучая семантику танца *eoхор* у западных бурят, предки которых были уйгурами, этнографы ссылаются на М. Н. Хангалова, который установил, что «исполнять танец можно было только в экстатическом состоянии» [Николаева, 2000, с. 6]. В целом можно резюмировать: современные этнографы и искусствоведы едины во мнении, что круговые танцы саха уходят в глубокую древность, чем объясняется тот факт, что в них прозрачно проявляются реликтовые черты, имеющие связь с тотемистическими и шаманистическими верованиями и обрядами далеких предков саха. Круговые танцы как один из основных компонентов культа богов айыы восходили к индоиранской традиции, унаследованной скифо-сибирским миром кочевников [Гоголев, 1993, с. 18—23, 123].

Подробное рассмотрение мифологической картины мира в привязке к мифо-ритуальному комплексу этноса саха имеется у А. И. Гоголева. Согласно его выводу, этот комплекс уходит корнями в скифо-сибирскую эпоху «доэтнической истории» тюрок, когда культ божеств *айыы* с его круговыми

танцами занимал центральное место [Гоголев, 1994, с. 2—27]. Между тем ответа на вопрос, почему термин *оһуохай* отсутствует в источниках конца XIX — начала XX веков, до сих пор нет, что позволяет выдвинуть предположение о его позднем происхождении. Обоснованность такой гипотезы подтверждается отсутствием в трудах Э. К. Пекарского, П. А. Ойунского, А. Е. Кулаковского, Г. В. Ксенофонтова термина *оһуохай* (иное название *дһуохар*) в качестве обозначения названия танца, более того, он не встречается и в ранних текстах эпоса олонхо. Отсюда можно предположить, что он относился к разряду табуированных слов и получил известность лишь в советский период, когда его религиозная сущность была утрачена.

Весьма спорным остается вопрос, в каком направлении могли двигаться танцующие — по часовой стрелке или наоборот, так как в настоящее время любой ход против солнца, загораживающий путь солнцу, воспринимается как нежелательное действие. При этом заметим, что термин *дһуохар* удивительно созвучен с названием кругового танца *ехорье* (в тексте песни *йэхэрийэ*) у учурских и тимптонских (алданских) эвенков [Василевич, 2022, с. 91—92, 139—140]. Эта тема еще не была предметом углубленного изучения. На наш взгляд, в витимских золотых приисках начала XX века могли работать бурятские чернорабочие, от которых название их хоровода *еохор* могло заимствоваться местными тунгусами и якутами. Итак, цель настоящей работы заключается в верификации древних истоков кругового танца саха, связанных с тотемизмом и шаманизмом, а далее в реконструкции генетической связи танца с представлениями о круговороте жизни на земле через посредничество духов-предков *айыы*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретической основой статьи служит положение В. Н. Калуцкова об этнокультурном ландшафте [Калуцков, 2000], включающем в свою орбиту местный фольклор, мифологию, верования и традиции этносов, которые через сакрализацию особых объектов природы создают освоенное пространство. При этом, согласно мнению В. Е. Васильева, все элементы ландшафта проявляют органическое единство и, волнообразно перекрывая ранние пласты, образуют единый религиозный ландшафт [Ландшафт..., 2023, с. 149—150]. Для комплексного изучения столь многозначного феномена необходимо обратиться к данным из этнографии, фольклористики, лингвистики, естественных наук и с их помощью раскрыть семантику архаичных плясок. В исследовании использованы труды фольклористов и историков [Новик, 1984; Элиаде, 1987; Дугаров, 1991; Романова, 1994 и др.], которые обращались к темам мифологии, обрядов и верований тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии на основе источников XIX — начала

XX веков для реконструкции архаических черт древних исторических эпох. Также с этих позиций анализу подвергаются ранние фольклорно-этнографические материалы С. И. Боло [Боло, 2006] и А. Е. Кулаковского [Кулаковский, 1946], собранные в центральных улусах Якутии. Особое внимание уделяется данным неопубликованных источников, хранящихся в Архиве ЯНЦ СО РАН: А. А. Саввина (1937—1941), С. И. Боло (1940), Е. Г. Иоффе (1944), А. Л. Новгородова (1950) — по шаманизму саха, где сохранены множество зооморфных символов тотемизма, а также текстам ранних записей эпоса олонхо, собранных в дореволюционный период. Серьезной источниковой базой служат монгольские и тюркские академические словари, служащие для анализа этимологических сопоставлений терминов шаманизма.

В работе реализуется комплексный подход к предмету изучения, применены историко-сравнительный, структурно-семиотический, функциональный виды анализа, синтез и обобщение данных ряда наук, а также метод взаимной интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Накопленные сведения свидетельствуют о том, что хороводные танцы календарных праздников саха были связаны с шаманскими обрядами, о чем можно заключить на том простом основании, что эти действия совершались ночью, повторяя ночной акт творения и движение солнца по подземному миру. Вот почему ритуальную часть танца *ohyohay* исполняли женщины, имитируя сонное состояние, а анабарские саха весной с поклонами встречали рождение солнца, величая его названием *кун ийэ* ‘мать-солнце’ [Васильев, 2013, с. 223]. Праздничный комплекс саха строится вокруг объектов: очага юрты, березок над кубками и веревки *салама* с крыльями птиц, столба *сэргэ* в центре *туһулгэ* (*туөс* ‘предок’ + *илгэ* ‘изобилие’). С идеями круга солнца и птиц связаны тени предков, которых люди приглашали и провожали под звуки барабанов *табык*.

Семантика круга в обрядах саха приводит нас к выводу о тесной взаимосвязи шаманизма с культом праматерей, следы которого обнаруживаются в названиях гор, иногда восходящих к культу тотемных духов, каковым является у тюрков топоним *Аю-Даг* ‘Медведь-гора’. Сакральный круг, направленный на вершину гор, образует центральные действия тенгрианских обрядов. Хоровод включал идеи очищения и ограждения «своего» пространства от «чужого» и одновременно соединения с духами для получения некой «ценности» [Стручкова, 2014, с. 147]. Круг солнца был главным оберегом тюрков и монголов Центральной Азии, танцевавших вокруг костра, горы, дерева или столба.

По бурятской традиции, на родовые горы поднимались только мужчины, а ночью, как уже говорилось выше, женщины наряду с юношами танцевали

еохор до утра [Николаева, 2009, с. 142]. Ночной акт экстаза во время танца дает повод установить этимологическую связь слова *еохор* с др.-тюрк. *йоккар* – ‘возвышаться’, ‘подниматься’; *йокад* – ‘исчезать’, ‘погибать’ [ДТС, 1969, с. 273], а также с глаголами саха *дьубур* – ‘исчезнуть’, ‘помереть’, *дьубулаа* – ‘припрятать’ (‘похоронить’), *дьуктаа* – ‘прикончить’.

Видимо, архетип *еохора* изображал сборку *юрты*, что считалось у nomадов чисто «женским» делом. У саха слова *сурт* ‘юрта’, ‘место стоянки’, *сураа* / *ураа* ‘жерди юрты’ восходят к др.-тюрк. *јурт* ‘дом’, ‘место жительства’, ‘страна’; ‘дыра’, ‘отверстие’, ‘могила’ [ДТС, 1969, с. 282, 195]. Отсюда происходит поговорка *суурт кэриэстээх*, выражающая значение ‘кочевья святы памятью предков’. Вероятно, пожилые бурятки через участие юношей могли закладывать будущее рода, а танцоры изображали жерди юрты, вершина которой была увенчана рогами оленя и куклами вещей птиц, голоса которых понимали лишь шаманы.

Поминальная юрта *кэриэс сурт* напоминает чашу *кэриэн ымыйа*, которую вкруговую передавали семи старцам, близким к миру предков. Поэтому во время распития кумыса старики сидели по кругу *күрүөх*, защищая «свое» место от обычных людей [Боло, 2006, с. 144; 150]. Одновременно они наделяли душой *кут* молодых людей в орнито-зооморфном облике. Об этом говорит этимологическая связь слова *ураса* с монг. *урц гэр* ‘шалаш’, ‘временная кочевая юрта из двух стен’ (*кереге*) [МКТ, 1984, с. 517]. Интересно, что его синоним *ит арка* ‘юрта’ у казахов дословно переводится как ‘загрибок собаки’ [КРС, 1936, с. 122]. Это дает основание связать юрту *урц гэр* с образом волка, в шкуру которого саха заворачивали усопших стариков как в чрево божественного волка.

По данным Я. И. Линденау, на седьмой день после похорон саха посещали могилу знатного покойника и огораживали навес очищенными жердями по числу жертвенных кобылиц. Затем они верхом кружились вокруг могилы и навсегда уходили прочь [Линденау, 1983, с. 40—41]. Это сведение удивительно совпадает с рассказом И. Д. Избекова-Уустаах о том, что саха строили *түһүлгэ* на четырех ногах низкорослым и к его перекладине привязывали жерди с зелеными листьями на верхушках. Ряд жердей состоял из 3—7—9 березок, что соотносилось с количеством лошадей, съеденных на *ыһыахе* [АА, 1992]. Ветки над алтарем напоминают детей, в которых вселялись души стариков, переселившихся в *кэриэс сурт*. В свете этого обратимся к монографии Е. Н. Романовой, которая пишет, что праздник *ыһыах* связан с поминально-погребальными обрядами древних тюрков. Зеленые ветки, по ее мнению, являлись символами предков, пришедших на праздник [Романова, 1994, с. 143, 144].

Образ *Күрүө Дьөһөгөя* отражается в заклинании-*алгысе*: это лошадь «с растопыренными ушами, с остроконечной челкой, с серебристой шерс-

тью, с раскидистой гривой, со спущенным хвостом, с четырьмя сильными ногами, с круглыми копытами, восседающая на третьем ярусе неба» [Иоффе, 1944, л. 9]. Обратим внимание, что в «портрете» божества-коня упомянуты части тела, которые были важны для жертвы *кэрэх*. Отсюда проистекает версия, что чару *чороон* шили из шкуры, о чем говорят слова С. И. Боло: во время праздника *ыһых* женщины на круге *туһулгэ* взбалтывали кумыс в мехе *симиир*, что имело символическое значение [Там же, л. 4]. Вот почему сосуд *сабарай* сходится с каз. *саба* ‘бурдюк’ (из цельной шкуры козла), монг. *сав* ‘сосуд’; ‘пять органов’ (легкие, почки, сердце, печень, селезенка) [МКТ, 1984, с. 403]. Пять главных органов жертвы монгольские жрецы могли хранить в чаше *сав*, обозначавшей ‘матку’ [МРС, 1957, с. 340] (ср. як. *ымыйа* ‘сосуд’ с монг. *умай* ‘чрево’).

По описанию А. С. Порядина, на празднике *ыһых алгыс* исполнял старик в сопровождении девяти мальчиков по правую руку и восьми девочек по левую руку. В олонхо также повествуется: *Тобус уолан кихинэн, абыс кыыс дьахталларынан чороон аһабы туттаран сэттэ түүүнээх күнү мэлдьи ыһых истилэр* [ДьНО, 2013, с. 156] (Угощаясь кумысом из кубка чорон, подносимым девятью молодыми удалцами да восемью юными девами, праздновали ысыах семь дней и семь ночей подряд) (перевод наш. — М. С.) Перед огнем он совершал особый жест: поднимал правую руку вверх и выставлял правую ногу вперед, а левым коленом касался земли [Иоффе, 1944, л. 9]. Кинетика движения старого *алгысчыта* показывает, что полет духов совершался по правой руке и правой ноге, то есть против хода солнца, а символика «отсутствия» его левой руки и левой ноги напоминает Омогоя, который в такой позе замер перед Эллэем. Во время праздника кумыса души отданных в жертву коней возвращались, кружась по левой (женской, северной) стороне солнца. Таким образом, кружения жреца с кубком на руках и кружения шамана вокруг коня совпадали, имея единые тотемные «корни».

На тотемное начало танца *үнкүү* обратил внимание П. А. Ойунский [Ойунский, 1930, с. 14], писавший о том, что хоровод саха, в отличие от хори-бурятского, показывал встречу солнца и направлялся против хода солнца, изображая танец журавлей. Ходьба вслед за солнцем, наоборот, возникла из «темной» религии (шаманства) хоринцев [Там же, с. 15]. Если обратимся к тотемным кодам, то получим картину: шаман летал в Верхний мир в образе птицы, а спускался в Нижний мир в виде рыбы или лодки. Вот почему на дереве *кэрэх* перекладину в виде стрелы называли *балык мас* ‘рыба-дерево’, подразумевая в ней позвоночную кость рыб. И эпический мотив превращения шамана (удаганки) в птицу для отправления в Верхний мир считается устойчивым, встречающимся в текстах олонхо,

к примеру: *Кюегэйэн удаган... / Вихрем завертевшись, в птицу-стерх превратилась,...* / *В самом деле, / От земли страны родной оторвалась, / С мира Срединного поднялась* [АББ, 2018, с. 399].

В свое время М. Элиаде высказал замечательную мысль: «Изначально все танцы были сакральными» [Элиаде, 1987, с. 50]. Продолжая его мысль, можно сказать, что сакральными считались и все песни, сопровождавшие танцы. Так, у народов Сибири существовал двойной «язык духов», понятный только шаманам [Новик, 1984, с. 82]. Этнографы пишут, что это явление имело очень древние корни: тайный «женский язык» был известен многим этносам Сибири, и с ним было связано санскритское слово *kavi* ‘искусство поэзии и магии’ [Ревуненкова, 1992, с. 95—103]. Так, в царствах Древнего Востока правители *кави* являлись жрецами, а слово *кави* означало ‘певец’ [Дугаров, 1991, с. 243]. Из этого логично выводится гипотеза: кожаный бурдюк из цельной шкуры козла мог «петь» голосом духа и передать свое имя исполнителю песен.

В традиции огузов и кыпчаков мы наблюдаем сходство терминов, которые обозначали жреца и его инструмент: имя певца Абыз Коркыта, сделавшего первый *кобыз*, этимологически сходно с каз. *кавачак* ‘коробка’ (растения), *кувырчак* ‘кукла’ [КРС, 1936, с. 17; 183; 194]. Согласно мифу о хане Огузе, Кыпчак был найден внутри дерева, поэтому коробка *кавачак* сопоставима с монг. *хавчиг* ‘кипчак’ [МКТ, 1984, с. 549], а кукла *кувырчак* — с монг. *хайрсаг* ‘ящик, футляр’ [БМРС, 1951, с. 538]. Рожденный внутри «поющего» дерева, Кыпчак должен был предстать певцом, ибо звуки *кобыза* исходили из куклы *кувыр*. У желтых уйгуров Туркестана были особые люди *гапизы*, которые вместе с муллами *соны* (суфии) читали в полнолунии молитвы для «очищения» и в конце обряда доводили всех до истерики и плача [Певцов, 1949, с. 134—135]. Вероятно, *гапизы* являлись шаманами, перешедшими в ислам. Интересна мифология желтых уйгуров, по которой высший бог Кан Тенгир положил начало шаманству желтых («солнечных», «южных»). — В. В.) уйгуров [Басилов, 1988, с. 540].

Этимологическая связь уйгурского термина *гапиз* ‘жрец’ с тюрк. *абыз* / *набыз* ‘жрец’, ‘шаман’, як. *хомус* ‘варган’, *хомуһун* ‘магия, колдовство’ для нас очевидна. Вспомним книгу композитора М. Н. Жиркова, который, ссылаясь на И. Д. Избекова, описывал праздник *ыһыах*, в котором звучали барабаны *табык*, *ширэр дьабаа* и *күсүүр* [Жирков, 1981, с. 77]. При этом пляска *үнкүү*, завершавшаяся высокими прыжками для выхода из чары-*хомуһун* всех духов-богинь Айыһыт-Иэйиэхсит, проводилась против хода солнца. Упоминание в рассказе И. Д. Избекова звуков *табыка* говорит о том, что устами участников пляски «пели» духи, вылетающие из барабана, который служил «гнездом» семи предков.

Уникальна запись А. А. Саввина о том, что существовала песня *табыка*, под которую шаманы, «входившие и выходившие из *табыка*», поднимали его (*сиэллээх табык*) на холм, волоком таща, как лодку. Другая разновидность барабана *күнсүү табык* представляла собой полое дерево в рост человека, наверху которого привязывали три рога-рожны (*ус муос, үөрбэ*) и втыкали куски мяса скотины. Этот обряд шаман Хосхойор совершал на развилке двух речек (*икки үрэх самабар*) [Саввин, 1937—1941, л. 12; 15]. Здесь три рожны указывают на третий ярус неба, где жил *Дьөһөгөй*, а барабан *табык* равносителен ритуальной юрте *кэриэс сурт*.

Интересно, что у тюрков парные слова *гур-йурт* обозначали ‘место могилы’: *гүрүн йуртун ол* (там твоё пристанище) [ДТС, 1969, с. 195]. В Монголии курганы *керексур* из кучи камней называли «гнездами» кыргызов. В. Л. Серошевский писал, что название *керексур* по-якутски звучало бы как *кэрэх-сурт* ‘жертвенное место’. «Сурт — место пастбы скота» [Серошевский, 1993, с. 625]. Таким образом, *керексур* сближается с казахским *кереге журт* из двух стен-ребер и восходит к культу костей тотемного божества, живущего в «гнезде» кургана.

Развилка речек *самах* (досл. ‘пах, промежность’), являясь местом обитания бабушек *эбээ*, напоминает остров на слиянии двух рек, где в дупле дерева рождался Кыпчак, получивший имя от слова *капчак* ‘место слияния реки с притоком’ [ДТС, 1969, с. 420]. Неслучайно имя огузского певца Абыза было связано с монг. *авс* и каз. *табыт* с общим значением ‘гроб’ [МКТ, 1984, с. 18]. Согласно эпосу казахов, Коркыт верхом на верблюде объезжал четыре угла Вселенной и видел ангелов, копавших ему ямы. Смерть настигла певца над водами Сыр-Дарьи, отчего понятно, что «поющий» *табыт* из шкуры верблюда был наполнен воздухом и служил «транспортом» для перехода в подземный мир. Таким образом, методы этимологических сравнений тюрко-монгольских терминов дополняют наши фольклорные и этнографические материалы о круговых танцах.

Приведенные примеры уверенно подтверждают, что все музыкальные инструменты, шаманские песнопения, хороводные песни, когда-то применявшиеся и исполнявшиеся в ритуально-обрядовой практике саха, были связаны с культами предков и тотемов. Круговые танцы, характеризующиеся глубокой архаичностью, выходят за рамки культуры тюрков и монголов, что закономерно следует трактовать как признак, свидетельствующий в пользу гипотезы об общеалтайских истоках шаманства.

Данный вывод подтверждают следующие термины: тюрк. *кам* ‘шаман’, эвен. *хоми* ‘волшебник’, ‘чародей’; ‘волшебство’ [ЭРС, 1957, с. 299], бур. *хабатай бөө* ‘шаман, обладающий волшебной силой’ [БМРС, 1951, с. 528—529]. Танцоры саха могли впадать в состояние *хобуһун* под зву-

ки *табыка*. Тесная связь танцев с магическими кружениями скрывается в глубинной семантике плясок. Так, имя певца Коркута восходит к монгольскому слову *хуур* ‘смычковый музыкальный инструмент’, которое происходит от древнетюркских терминов *кокур* ‘пустой, полый’, *кубурсак* ‘желудок’ [ДТС, 1969, с. 457; 464]. Здесь сближаются образные слова: *кабучак* ‘дупло’, *кабырчак* ‘ящик’, ‘сундук’, ‘погребальные носилки’, ‘гроб’ [Там же, с. 399]. Значит, *хуур* в раннем варианте носил название *хугур* / *кобур* ‘полый’ и изготовлялся из шкуры, снятой чулком. Поэтому во время ночных плясок *камы* и *кави* выступали в зооморфных масках.

Миф казахов гласит, что Абыз Коркыт спустился на землю вместе с грозой и исчез над рекой Сыр-Дарья. Этот сюжет прозрачно показывает, что он был магом, вызывавшим дожди. Также предок саха Уос Эллэй совершал *алгыс*, после чего начинались «молочные» дожди. Парность божества земли и воды Йер-Су у тюрков приводит к версии, что водой распоряжались женские духи. Реки, текущие с горы, приводят к мысли, что тенгрианство было связано с землей, охранявшей страну тюрков *ел-йурт*. Позже слово *абыз* превращается в слова *авыз*, *ауыз*, *ооз*, *уос* ‘рот’, ‘губы’, а его дальние синонимы *айак*, *аяга* сохраняют значения ‘чаша’ и ‘сосуд’. Поэтому гроб *куорчах* имел обозначение ‘кувшин’ [Линденау, 1983, с. 49].

Погребальная урна использовалась в кремации, и этот обряд породил поверье о том, что предки, как пар и дым, улетали на небо и приносили тучи дождя. В мифе о дочери Омоёя говорится, что во время первого *ыһыаха* небо раскрылось как берестяное полотнище жилища и три стерха спустились на землю. Они испили кумыс и улетели обратно в облака, кружась против хода солнца [Боло, 2006, с. 64—65]. Согласно преданиям, дочь Омоёй баая основала культ «духов облаков» из девяти *уйгурских дев*, песни которых сводили людей с ума. В олонхо модель мира в динамике представляет собой конусообразную модель (в статье — пирамидальную модель) [Сатанар, 2018, с. 478], и в ходе текстовой реализации мотива описания возвращения Айыһыт в Верхний мир (после принятия родов у женщины *айыы*) говорится о том, что, ступив за порог урасы (ураса — конический шалаш [БТСЯЯ, 2015, с. 251]), Айыһыт тут же превращается в прекрасную кобылицу, трижды вихрем закружив, поднимается на белое облако и улетаёт, постепенно скрываясь из виду [ДьНО, 2013, с. 187].

С облаками было связано и описание обряда «*Анахсыт тардыы*», в котором светлый шаман с «корнем» божества Хотой Айыы спускался вниз к духу-хозяйке земли и приводил оттуда души телят. В обратном пути шаман-орел *айыы тэгэл ойууна* трижды кружился против солнца, очерчивая солнечный круг *күн күрүүтэ*. Вслед за ним кружились мальчики и девоч-

ки с берестяными намордниками на руках, изображавшие крылья невода *баҕады*, куда попадались души телят [Саввин, 1937—1941, л. 208].

Сюжет путешествия шамана по нижней реке имеет глубокие корни. В лексике древних тюрков имеются примеры: *кун батты* ‘солнце село’ (букв. ‘...погрузилось в воду’), *батур-* ‘утопить’, ‘окупать’, *батар* ‘запад’ [ДТС, 1969, с. 89]. Отсюда видно, что ходьба по кругу солнца *куну бата барыы* означает движение сверху вниз, а ходьба против хода солнца *куну керсө (утары) барыы* показывает движение снизу вверх. Считая солнце живым существом, тюрки употребляли слова *кун тоҕды* ‘солнце возшло’ (‘родилось’), *төрэт-* ‘творить’ (‘рожать’) [Там же, с. 326, 580]. Саха представляли солнце в виде серой кобылы Киэн Киэли-Баалы [Кулаковский, 1946, с. 275], имя которой переводится как ‘Широкая матка-домовина’ (ср. *баалы* с др.-уйг. *балык* ‘город’).

Существовало представление, что шаманы путешествовали к *айыы*, сидя на облаке *ойук былыт*. В эпосе о богатыре Кулун Куллуштууре его суженая, будучи шаманкой, показывала чудеса перевоплощения: удаганка с песней богов айыы делает три вращения по ходу солнца, и на ней оказывается панцирь *куйах*, затем она запекает песню *хоро* и три раза вращается против солнца, тогда звонкая шаманская одежда тут же сама слетает с нее: *По-хорински распевая, / Трижды [через левое плечо] повернулась-покрутилась — / Так что камлальная одежда вверх поднялась, / Разом снялась, / Отлетела [в сторону] и упала в кучу. / Словно копна, занесенная снегом* [СКК, 1985, с. 308]. В этом сюжете «летающий» плащ заменяет предковое священное облако *ойук былыт*.

А. Е. Кулаковский, написавший текст песни *оһуохай* под названием «Танец по-виллойски», слово *табык* употреблял в значении «святая утроба матери-земли»: *Ийэ табык дайдым..., Ийэ киэли дайды* [Кулаковский, 1946, с. 150—151], — подчеркивая очевидную связь полого дерева *кобур* (*кобуз*) с кумысным мехом *көбүөр-симиир*. Женщины символично перемешивали кобылье молоко, имитируя этим акт зачатия жизни в берестяной юрте *мобол ураһа*. Основываясь на этом, специалисты считают, что барабан *табык* как хранитель трех душ ребенка стоял внутри юрты и звучал в день рождения трижды, во время свадьбы — семь раз, а в конце его жизни — девять раз. После этого *табык* сжигали [Романова, 1994, с. 134]. Обычай кремации напоминает холм *керексур*, на котором кыргызы сжигали кости усопших воинов. Таким образом, вырисовывается архаичный танец-полет вокруг березы, холма и столба, являвшихся символами юрты (домовины *табык*) духа-хозяйки земли [Ландшафт..., 2023, с. 162—164].

Юрта выступает местом встречи живых людей с предками. Этот факт позволяет предположить, что круговые танцы зарождались внутри дома, а

затем переходили на улицу, где конструировались элементы жилища. Моделируя микро- и макрокосмы, участники обрядового танца проходили по лунно-солнечному календарю и приурочивали движение к трем циклам жизни: рождению, свадьбе и смерти. Наша догадка подтверждается данными фольклора калмыков: у них считались правильными круговые движения слева направо, против хода солнца, а движения справа налево, по солнцу, считались несчастливыми. При этом ученые пишут, что истинно ойратскими являлись «сидячие танцы» внутри юрты [Бакаева, 2014, с. 105].

Женщины как хозяйки очага были близки к культу предков. Эти зачатки танца внутри жилища были зафиксированы и в фольклоре народа саха. Согласно описаниям сюжетов олонхо, во время проводов богини детей Айыыһыт в восточное небо 12 девушек во главе с повитухой рассаживались полукругом около очага. Помазав лица маслом, они одержимо смеялись и совершали телодвижения, показывающие, что в следующем году их тела готовы рожать детей. Роль Айыыһыт исполняла бабка, сидевшая в середине полукруга [Ойунский, 1962, с. 175]. С. И. Боло дополняет этот обряд на материале северных саха: 9 девушек обращали свои смеющиеся лица вверх (*мынааһыйан*) и дружно хохотали, выговаривая «*уһээхэй-аһаахай*» [Боло, 1940, л. 3—4].

Подражание смеху Айыыһыт «*уһээхэй-аһаахай*» точно совпадает с припевом танца «*эһиэхэй-оһуохай*». В центральных улусах саха называют плачущего ребенка *эһээхэй оһо*. Чувство радости и смеха саха также передают сокращенным возгласом «*иэхэй*». Глагол *мынааһыйан* напоминает имя богини земли Мылахсын Хотун, от которой зависело плодородие. Возможно, и улыбка *ымайыы* этимологически связана с тюркским маслом *май* и белым ковриком *аас майах*, куда ставили *чорооны во время обряда проводов Айыыһыт (тюркские аналоги богини: Ымай / Умай / Май)*. Эти кубки имели копытообразные ножки, отчего обращаем внимание на орнамент конского копыта в виде полукруга с загнутыми вовнутрь краями, напоминающими бараньи рога. Рисунок полукруга с витыми концами указывает на версию движения коней духов-*айыы* как по кругу солнца, так и навстречу солнцу.

Загадка отсутствия упоминаний танца *оһуохай* в источниках раскрывается в фольклорных записях А. Л. Новгородой: хоровод белых стерхов амгинские бетюнгцы исполняли во время обряда *ыһаах*. Они кружились, взявшись за средние пальцы, против хода солнца, а кружение по солнцу считали греховным: так танцуют злые духи-*абааһы*. Поэтому нужно идти против солнца, выставляя левую ногу вперед и слегка приседая [Новгородова, 1950а, л. 46; 47—48]. Соморсунские старики рассказывали, что у них *оһуохай* отсутствовал. Они танцевали без прыжков и пели о природе. *Оһуохай* принесли позже со стороны Якутска [Новгородова, 1950б, л. 1].

Наяхинцы утверждали, что мужчины и женщины танцевали отдельно, воспевая природу. При этом только известные женщины-запевалы могли входить в круг мужчин. В старину они *оһуохай* не танцевали, его распространили недавно люди, прибывшие из «Тайги» (Бодайбо. — В. В.) и там разучившие танец у вилюйских саха [Новгородова, 1950в, л. 12].

Эти фольклорные источники говорят, что заречные саха переняли *оһуохай* у вилюйских певцов, побывавших на золотых приисках реки Бодайбо. Здесь парадокс заключается в том, что термин *ункуу* сходится с диалектизмом северных саха *унэ* ‘правый’ (южный, мужской) и древнетюркским *он* ‘восток’. Получается, что танец двигался по южной стене юрты с запада на восток. На южном столбе юрты саха делали вешалку в виде головы коня, а матицу дома называли *обус мас* ‘бык-дерево’. Зооморфный дух предков-мужчин воплощался в быка или жеребца. Женские предки, поселенные в левой части юрты, водили хоровод с запада на север (*хоту барыы*). Словосочетание *куну батыс* ‘идти за солнцем’ точно соответствует тюркскому термину *батыс* ‘запад’ и означает движение вдоль левой стены юрты (*хангас хаамыы*), связанной с ночной частью суток. Дискуссия вокруг женских / мужских кругов внутри жилища может быть продолжена. Проанализированные материалы убеждают нас в том, что круговые танцы саха проходили сложный путь эволюции, впитывая многовековой пласт традиций тюрко-монгольского мира.

4. Заключение = Conclusions

Семантика круговых танцев была органично «вплетена» в общую систему культовых ритуалов со всеми их атрибутами и действиями, такими как юрты, сосуды, столбы и костры, а также жреческие одеяния вместе с ковриками и барабанами, расположение которых в пространстве и передвижение всецело подчинялись круговороту жизни на земле. В основе танца *оһуохай* лежало обожествление праматерей, превратившихся в птиц, оленей или лошадей. Сравнения фольклорных, лингвистических, этнографических данных показывают, что кружения танцоров и шаманов шли «по спирали» против хода солнца или по ходу солнца. Движения участников в танце *Оһуохай* образно представляются в виде взмахов крыльев птицы, маховые перья которой смыкаются над головой, а затем крылья опускаются для соединения внизу живота, где кыпчакские «каменные бабы» держали сосуды чадородия. Рисунок полукруга с витыми рогами и очагом в центре отображает лирообразный орнамент *көбүөр* — символ продолжения рода. Поэтому кумысный мех *көбүөр* семантически близок к казахскому *кобызу* и монгольскому *морин хууру*. Звуки этих инструментов сопровождали круговые танцы, вызывая у людей экстатическое состояние души. Таким

образом, в ходе изучения ритуальных кругов саха обнаруживается триада сакральных действий в единстве музыки, песни и танца от имени духов-предков, переселившихся в потусторонний мир. Семантика танца *ohyohay* в первооснове отражает символический переход в мир предков и духов-покровителей. И это ясно доказывает генетическую связь праздника *ыһыах* с шаманством. Исторические истоки нам видятся и в принципе зеркального отражения движений мужского и женского начал навстречу друг другу по круговороту жизни в свете напластований архаических слоев верований на обрядовую культуру народа саха.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора В. Н. Васильева, 1992. Информант : Избеков И. Д. — Уустаах (1909—1996). Мегино-Кангаласский улус, сайыллык Маандай.
2. АББ — *Ала* Булкун бухатыр = Богатырь Ала Булкун / сост. В. В. Илларионов и др.; пер. А. А. Бурцева и др. — Якутск : Алаас, 2018. — 520 с.
3. *Басилов В. Н.* Тюркоязычных народов мифология / В. Н. Басилов // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. 2-е изд. — Москва : Советская энциклопедия, 1988. — Т. 2. (К—Я). — С. 536—541.
4. БМРС — *Бурят-монгольско-русский словарь* / сост. К. М. Черемисов ; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. — 852 с.
5. *Боло С. И.* Старые верования оймьяконцев. 1940 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 405. Л. 3—4.
6. БТСЯЯ — *Большой толковый словарь якутского языка* : в 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2015. — Т. XII : (Буквы У, Ү). — 598 с. — ISBN 978-5-02-038671-6.
7. ДТС — *Древнетюркский словарь*. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 676 с.
8. ДьНО — *Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро*. — Дьокуускай : ГЧуоААХНПИ, 2013. — 266 с.
9. *Иоффе Е. Г.* Советский ысыах. 1944 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 78. Л. 9.
10. КРС — *Казахско-русский словарь* / отв. ред. А. Б. Алибаев. — Кызыл-Орда : Казиздат, 1936. — 266 с.
11. МКТ — *Монгол-казах толь* / сост. Б. Базылхан. — Улаанбаатар : «Өлгий», 1984. — 887 с.
12. МРС — *Монгольско-русский словарь* = Монгол-орос толь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. — 715 с.
13. *Новгородова А. Л.* Фольклорные записи в колхозе им. Чапаева Бетюнского наслега. 1950а / А. Л. Новгородова // Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 74. Л. 46 ; 47—48.

14. *Новгородова А. Л.* Фольклорные записи в колхозе «Арылыаах» Соморсунского наслега. 1950б / А. Л. Новгородова // Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 75. Л. 1.

15. *Новгородова А. Л.* Фольклорные записи в колхозе им. Сталина Наяхинского наслега. 1950в / А. Л. Новгородова // Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 94. Л. 12.

16. *Саввин А. А.* Верования якутов. 1937—1941 гг. / А. А. Саввин // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. Л. 15 ; 12.

17. СКК — *Куруубай* хааннаах Кулун Куллустуур = Строптивый Кулун Куллустуур / пер. А. А. Попова и И. В. Пухова. — Москва : Гл. редакция Восточной литературы, 1985. — 608 с.

18. ЭРС — *Эвенско-русский словарь* / сост. В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. — Ленинград : Гос. учебно-педагог. изд-ние Минпросвещения РСФСР. Ленингр. отделение, 1957. — 276 с.

Литература

1. *Бакаева Е. П.* Круговые танцы в культуре калмыков и ойратов (к постановке проблемы) / Е. П. Бакаева // Круговые танцы : Природа — Человек — Космос : коллективная монография. — Якутск : Офсет, 2014. — С. 104—109. — ISBN 5-94587-112-5.

2. *Бестужев-Марлинский А. А.* Сибирские нравы. Исых / А. А. Бестужев-Марлинский // Полное собрание сочинений в 2-х томах. — Санкт-Петербург : Издание А. А. Каппари, 1906. — Т. 2. — С. 305—306.

3. *Боло С. И.* Легендарные предки саха и век войны / С. И. Боло ; составитель Г. В. Попов. — Якутск : Бичик, 2006. — Книга 1. — 240 с. — ISBN 5-7696-0466-2.

4. *Василевич Г. М.* Эвенки в советский период (из неопубликованных работ) / Г. М. Василевич ; отв. ред. В. А. Беляева-Сачук, В. Н. Давыдов. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2022. — 232 с. — ISBN 978-5-88431-414-6.

5. *Васильев В. Е.* Шаманистические истоки кругового танца осуохай / В. Е. Васильев // Танцевальная культура народов Якутии : традиции и современность : мат. I респ. науч.-практ. конф. — Якутск : Изд-во ИПКРО, 2006. — С. 23—26. — ISBN 5-7692-0183-5.

6. *Васильев В. Е.* Этнографические материалы экспедиции КЯР, собранные П. В. Слепцовым в Хатанго-Анабарском районе ЯАССР / В. Е. Васильев // Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра : фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2013. — С. 219—226. — ISBN 978-5-902198-08-6.

7. *Гоголев А. И.* Генезис кругового танца осуохай / А. И. Гоголев, Н. А. Стручкова // Круговые танцы : Природа — Человек — Космос : коллективная монография. — Якутск : Офсет, 2014. — С. 42—47. — ISBN 5-288-03799-X.

8. *Гоголев А. И.* Якуты : (Проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев. — Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. — 200 с.

9. *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д. С. Дугаров. — Москва : Наука, 1991. — 300 с. — ISBN 5-02-009990-2.

10. *Жирков М. Н.* Якутская народная музыка / М. Н. Жирков. — Якутск : Кн. изд-во, 1981. — 118 с.

11. *Калуцков В. Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения / В. Н. Калуцков. — Москва : Изд-во МГУ, 2000. — 94 с. — ISBN 5-211-04311-1.

12. Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Госиздат ЯАССР, 1946. — 320 с.
13. *Ландшафт и культура народов Якутии : сакрализация, символические стратегии, геокультурные образы* / под общ. ред. Е. Н. Романовой, Н. К. Даниловой. — Новосибирск : Наука, 2023. — 344 с. — ISBN 978-5-02-040975-0.
14. *Линденау И. Я.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) : Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / И. Я. Линденау. — Магадан : Кн. изд-во, 1983. — 176 с.
15. *Лукина А. Г.* Символика якутского кругового танца осуохай / А. Г. Лукина // Гуманитарные, социально-экономические, общественные науки. — 2014а. — № 6 (2). — С. 154—157.
16. *Лукина А. Г.* Якутский круговой танец осуохай в контексте мировоззренческих представлений / А. Г. Лукина // Круговые танцы : Природа — Человек — Космос : коллективная монография. — Якутск : Офсет, 2014б. — С. 52—63.
17. *Николаева Д. А.* Молодежные игрища-нааданы в традиционной культуре бурят / Д. А. Николаева // Этническая история и этническая культура. — Москва ; Улан-Удэ : ИИК ВСГАКИ, 2009. — С. 63—78. — ISBN 5-02-018256-7.
18. *Николаева Д. А.* Семантика кругового танца *ёохор* у западных бурят : автореферат ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Д. А. Николаева. — Улан-Удэ, 2000. — 20 с.
19. *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме : Опыт сопоставления структур / Е. С. Новик. — Москва : Наука, 1984. — 304 с. — ISBN 5-02-018475-6.
20. *Ойунский П. А.* Происхождение религии : абаасы — тангара, иччи — айбы, удаган — ойуун / П. А. Ойунский. — Якутск : Як. госиздат, 1930. — 27 с.
21. *Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сочинения / П. А. Ойунский. — Якутск : Кн. изд-во, 1962. — Т. 7. — С. 128—194.
22. *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь / М. В. Певцов ; под ред., со вступ. ст. и комм. Я. А. Марголина. — Москва : Государственное издательство географической литературы, 1949. — 325 с.
23. *Ревуненкова Е. В.* Миф — обряд — религия : Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии / Е. В. Ревуненкова. — Москва : Наука, 1992. — 216 с.
24. *Романова Е. Н.* Якутский праздник Ысыах : Истоки и представления / Е. Н. Романова. — Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. — 160 с. — ISBN 5-02-03714-9.
25. *Сатанар М. Т.* Модель мира саха : семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса) / М. Т. Сатанар, В. В. Илларионов // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 6. — С. 471—481. — DOI: 10.15643/libartus-2018.6.4.
26. *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / В. Л. Серошевский. — Москва : РОССПЭН, 1993. — 736 с.
27. *Стручкова Н. А.* Кинетика ритуальной практики родовых молений и шаманских камланий у якутов / Н. А. Стручкова // Круговые танцы : Природа — Человек — Космос : коллективная монография. — Якутск : Офсет, 2014. — С. 143—148. — ISBN 978-5-02-032175-5.
28. *Стручкова Н. А.* Семантика основных движений якутского хороводного танца осуохай : автореферат ... кандидата исторических наук : 07.00.07 / Н. А. Стручкова. — Улан-Удэ, 2000. — 19 с.
29. *Уваровский А. Я.* Воспоминания / А. Я. Уваровский. — Якутск : Нац. кн. изд-во, 1992. — 56 с.

30. Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде. — Москва : Прогресс, 1987. — 311 с. — ISBN 5-901620-11-9.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023,
одобрена после рецензирования 13.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.

Material resources

- AA — *Archive of the author V. N. Vasiliev*, 1992. *Informant: Izbekov I. D. Uustaakh (1909—1996). Megino-Kangalassky ulus, sayylyk Maandai.* (In Russ.).
- ABB — *Ala Bulkun bukhatyр = Bogatyр Ala Bulkun.* (2018). Yakutsk: Alaas. 520 p. (In Yakut.).
- Basilov, V. N. (1988). Turkic-speaking peoples mythology. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes*, 2. Moscow: Soviet Encyclopedia. 536—541. (In Russ.).
- BMRS — *Buryat-Mongolian-Russian dictionary.* (1951). Moscow: State Publishing House of Foreign Languages. and nats. Dictionaries. 852 p. (In Russ.).
- Bolo, S. I. Old beliefs of the Oymyakonians. 1940. *Archive of the YANC SB RAS. F. 5. Op. 3. d. 405. l. 3—4.* (In Russ.).
- BTSIAYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes, XII.* (2015). Novosibirsk: Nauka. 598 p. ISBN 978-5-02-038671-6. (In Russ.).
- DTS — *Ancient Turkic Dictionary.* (1969). Leningrad: Nauka. Leningr. publishing house. 676 p. (In Russ.).
- Dno — *Gyulei nehiliеgin olorholoro.* (2013). Dyokuuskai: GChuOAHNPI. 266 p. (In Yakut.).
- Ioffe, E. G. (1944). Sovetskiy ysyakh. *Archive of the YANC SB RAS. F. 5. Op. 1. d. 78. l. 9.* (In Yakut.).
- KRS — *Kazakh-Russian dictionary.* (1936). Kyzyl-Orda: Kazizdat. 266 p. (In Yakut.).
- MKT — *Mongol-Kazakh tol.* (1984). Ulaanbaatar: “Olgiy”. 887 p. (In Russ.).
- MRS — *Mongolian-Russian dictionary = Mongol-oros tolya.* (1957). Moscow: State Publishing House of Foreign Languages. and nats. Dictionaries. 715 p. (In Russ.).
- Novgorodova, A. L. (1950a). Folklore records in the collective farm named after Chapaev Betyunsky nasleg. *Manuscript department of IGLiPMNS SB RAS. F. 5. Op. 6. D. 74. L. 46; 47—48.* (In Russ.).
- Novgorodova, A. L. (1950b). Folklore records in the collective farm “Arylakh” Somorsunsky nasleg. *Manuscript department of IGLiPMNS SB RAS. F. 5. Op. 6. D. 75. L. 1.* (In Russ.).
- Novgorodova, A. L. (1950v). Folklore records in the collective farm named after Stalin Nayakhinsky nasleg. *Manuscript department of IGLiPMNS SB RAS. F. 5. Op. 6. D. 94. L. 12.* (In Russ.).
- Savvin, A. A. Beliefs of Yakuts. 1937—1941. *Archive of the YANC SB RAS. F. 4. Op. 12. D. 70. L. 15; 12.* (In Russ.).
- SKK — *Kurubai haannaah Kulun Kullustuur = Obstinate Kulun Kullustuur.* (1985). Moscow: Editorial Office of Oriental Literature. 608 p. (In Yakut.).
- ERS — *Even-Russian dictionary.* (1957). Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. Leningr. Department. 276 p. (In Russ.).

References

- Bakaeva, E. P. (2014). Circular dances in the culture of Kalmyks and Oirats (to the formulation of the problem). In: *Circular dances: Nature — Man — Cosmos: a collective monograph*. Yakutsk: Offset. 104—109. ISBN 5-94587-112-5. (In Russ.).
- Bestuzhev-Marlinsky, A. A. (1906). Siberian customs. In: *Isykh. Complete works in 2 volumes*, 2. St. Petersburg: A. A. Kaspari Edition. 305—306. (In Russ.).
- Bolo, S. I. (2006). *Legendary ancestors of Sakha and the Age of War, 1*. Yakutsk: Bichik. 240 p. ISBN 5-7696-0466-2. (In Russ.).
- Dugarov, D. S. (1991). *The historical roots of white shamanism (based on the material of ritual folklore of the Buryats)*. Moscow: Nauka. 300 p. ISBN 5-02-009990-2. (In Russ.).
- Eliade, M. (1987). *Cosmos and history*. Moscow: Progress. 311 p. ISBN 5-901620-11-9. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (1993). *Yakuts: (Problems of ethnogenesis and culture formation)*. Yakutsk: Publishing house of YSU. 200 p. (In Russ.).
- Gogolev, A. I. (2014). Genesis of circular dance osuohai. In: *Circular dances: Nature — Man — Cosmos: collective monograph*. Yakutsk: Offset. 42—47. ISBN 5-288-03799-X. (In Russ.).
- Kalutskov, V. N. (2000). *Fundamentals of ethnocultural landscape studies*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 94 p. ISBN 5-211-04311-1. (In Russ.).
- Kulakovskiy, A. E. (1946). *Yrya-khohun*. Yakutsk: Gosizdat YAASSR. 320 p. (In Russ.).
- Landscape and culture of the peoples of Yakutia: sacralization, symbolic strategies, geo-cultural images*. (2023). Novosibirsk: Nauka. 344 p. ISBN 978-5-02-040975-0. (In Russ.).
- Lindenau, I. Ya. (1983). *Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast*. Magadan: Publishing House. 176 p. (In Russ.).
- Lukina, A. G. (2014a). Symbolism of the Yakut circular dance osuohai. *Humanities, socio-economic, social sciences*, 6 (2): 154—157. (In Russ.).
- Lukina, A. G. (2014b). Yakut circular dance osuohai in the context of worldview representations. In: *Circular dances: Nature — Man — Cosmos: collective monograph*. Yakutsk: Offset. 52—63. (In Russ.).
- Nikolaeva, D. A. (2000). *Semantics of the circular dance eohor in the Western Buryats*. Author's abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 20 p. (In Russ.).
- Nikolaeva, D. A. (2009). Youth games-naadans in the traditional culture of the Buryats. In: *Ethnic history and ethnic culture*. Moscow; Ulan-Ude: IPK VSGAKI. 63—78. ISBN 5-02-018256-7. (In Russ.).
- Novik, E. S. (1984). *Rite and folklore in Siberian shamanism: The experience of comparing structures*. Moscow: Nauka. 304 p. ISBN 5-02-018475-6. (In Russ.).
- Oyunsky, P. A. (1930). *The origin of religion: abaasy — tangara, ichchi — ayyy, udagan — oyuuu*. Yakutsk: Yak. Gosizdat. 27 p. (In Russ.).
- Oyunsky, P. A. (1962). *Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content. Works*, 7. Yakutsk: Publishing House. 128—194. (In Russ.).
- Penkov, I. I. (2018). Earth Sciences. Mysterious behavior of the Earth in orbit. *Problems of Science*, 6 (30): 121—126. (In Russ.).
- Pevtsov, M. V. (1949). *Journey to Kashgaria and Kun-Lun*. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature. 325 p. (In Russ.).

- Postolaki, A. I. (2013). Spiral form — a fundamental property of matter in the Universe. *Fundamental and applied research: problems and results*, 6: 54—58. (In Russ.).
- Revunenkov, E. V. (1992). *Myth — ritual — religion: Some aspects of the problem based on the material of the peoples of Indonesia*. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russ.).
- Romanova, E. N. (1994). *Yakut holiday Ysyakh: Origins and representations*. Novosibirsk: IN “Science”. Siberian Publishing Company. 160 p. ISBN 5-02-03714-9. (In Russ.).
- Satanar, M. T., Illarionov, V. V. (2018). The Model of the Sakha World: semantics in the perspective of the geometry of forms (based on the Yakut epic). *Russian Humanitarian Journal*, 7 (6): 471—481. DOI: 10.15643/libartrus-2018.6.4. (In Russ.).
- Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts. The experience of ethnographic research. 2nd ed.* Moscow: ROSSPEN. 736 p. (In Russ.).
- Struchkova, N. A. (2000). *Semantics of the main movements of the Yakut round dance osuohai*. Author’s abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 19 p. (In Russ.).
- Struchkova, N. A. (2014). Kinetics of ritual practice of ancestral prayers and shamanic prayers among the Yakuts. In: *Circular dances: Nature — Man — Cosmos: a collective monograph*. Yakutsk: Offset. 143—148. ISBN 978-5-02-032175-5. (In Russ.).
- Uvarovsky, A. Ya. (1992). *Memoirs*. Yakutsk: National Publishing House. 56 p. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (2022). *Evenki in the Soviet period (from unpublished works)*. St. Petersburg: MAE RAS. 232 p. ISBN 978-5-88431-414-6. (In Russ.).
- Vasiliev, V. E. (2006). Shamanistic origins of circular dance osuohai. In: *Dance culture of the peoples of Yakutia: traditions and modernity: mat. I Rep. scientific-practical conference*. Yakutsk: IPKRO Publishing House. 23—26. ISBN 5-7692-0183-5. (In Russ.).
- Vasiliev, V. E. (2013). Ethnographic materials of the KYAR expedition collected by P. V. Sleptsov in the Khatango-Anabar district of YAASSR. In: *Indigenous peoples of North-Western Yakutia and Taimyr: folklore heritage and problems of ethno-cultural identity*. Yakutsk: IGLiPMNS SB RAS. 219—226. ISBN 978-5-902198-08-6. (In Russ.).
- Zhirkov, M. N. (1981). *Yakut folk music*. Yakutsk: Publishing House. 118 p. (In Russ.).

*The article was submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 13.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*

Информация для цитирования:

Корякина А. Ф. Олонхо Олекминского района XIX и XX веков : традиции и трансформации / А. Ф. Корякина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 228—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-228-244.

Koryakina, A. F. (2023). Olonkho of Olekminsk District in 19th and 20th Centuries: Traditions and Transformations. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 228-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-228-244. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-228-244

Олонхо Олекминского района XIX и XX веков: традиции и трансформации

Корякина Антонина Федоровна
orcid.org/0000-0002-6965-0699
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник
сектора «Олонхование»
Научно-исследовательского
института Олонхо
aitalilen@mail.ru

Северо-Восточный
федеральный университет
им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
в рамках НИП № 2 СВФУ
«Эпический памятник
нематериальной культуры якутов:
текстологический, типологический,
когнитивный и историко-
сравнительный аспекты»

Olonkho of Olekminsk District in 19th and 20th Centuries: Traditions and Transformations

Antonina F. Koryakina
orcid.org/0000-0002-6965-0699
PhD in Pedagogy,
Senior Researcher,
Olonkho studies sector
of the Olonkho Research Institute
aitalilen@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within
the framework of the research project
number 2 of the North-Eastern
Federal University “Epic monument
of the intangible culture of the Yakuts:
textological, typological, cognitive and
historical-comparative aspects”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается ситуация традиционного сказительства в аспекте соблюдения канонов архаичных олонхо. Материалом для исследования выбраны тексты олонхо, бытовавшие в Олекминском районе Якутии. Для анализа выбраны тексты, среди которых в ранних записях вариантов олонхо середины XIX века обнаруживаются трансформации, отличающие их от традиционных олонхо. Данные трансформации анализируются с позиций современной фольклористики — сохранения исконных архаичных особенностей эпоса. Автором изучены сюжетно-композиционная структура, мотивный фонд, образная система в ранних записях олонхо XIX и XX веков в Олекме. Выявлены отступления от устойчивых эпических канонов. Применены структурно-типологический, сравнительно-сопоставительный методы. Научная новизна исследования заключается в том, что эпическое наследие Олекминского района впервые изучается в указанном аспекте. В результате исследования в содержании ранних записей олекминских олонхо обнаружены мотивы мировых, в том числе русских, сказок. Это объясняется своеобразными социально-культурными условиями региона, в частности контактным проживанием нескольких национальностей. Автор относит такие дополнения к нарушениям эпических традиций якутского сказительства. Отмечено, что в эпическом творчестве сказителей XX века такие нарушения не обнаружены.

Ключевые слова:

якутское олонхо; традиции сказительства; каноны олонхо; трансформация канона; мотивы олонхо; мотивы сказок.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The situation of traditional storytelling is considered in terms of adherence to the canons of archaic olonkho. The material for the study consists of olonkho texts that were in circulation in the Olekminsky district of Yakutia. Texts were selected for analysis, among which early recordings of olonkho variants from the mid-19th century reveal transformations that distinguish them from traditional olonkho. These transformations are analyzed from the perspective of modern folklore studies — the preservation of the original archaic features of the epic. The author studied the plot-compositional structure, motif fund, and imagery system in early recordings of olonkho from the 19th and 20th centuries in Olekminsky. Deviations from established epic canons were identified. Structural-typological and comparative-comparative methods were applied. The scientific novelty of the study lies in the fact that this aspect of the epic heritage of the Olekminsky district is being studied for the first time. As a result of the study, motifs from world, including Russian, fairy tales were discovered in the content of early recordings of Olekminsky olonkho. This is explained by the unique socio-cultural conditions of the region, in particular, the coexistence of several nationalities. The author attributes such additions to violations of the epic traditions of Yakut storytelling. It is noted that such violations are not found in the epic works of storytellers of the 20th century.

Key words:

Yakut olonkho; traditional scout; canons of the olonkho; transformation of the canon; motives of the olonkho; motives of the fairy tale.

Олонхо Олекминского района XIX и XX веков: традиции и трансформации

© Корякина А. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

Аутентичное сказительство через многие века пронесло архаичные традиции устойчивых синонимических конструкций, канонов тематики, сюжета, композиции, мотивов. В каждом своем исполнении сказители сохраняли традиционную устойчивую комбинацию этих элементов. Круг художественных средств, мотивов, героев для замен и перестановок, используемых при создании вариаций, был строго установлен по своему лексическому, структурному составу, и потому импровизации в создании вариаций осуществлялись в относительно узких и весьма устойчивых пределах. Однако феномен якутского олонхо заключается в том, что при всем этом каждое новое исполнение не копировало предыдущее, отличалось по своему объему, последовательности мотивов, образно-художественным описаниям. В новых вариантах олонхо сказители умело использовали приемы замены комбинаций одних слов другими, способы перестановок, опущений, перенесений развернутых или кратких описаний деталей, фраз, эпитетов, мотивов. Другой феномен олонхо — наличие локальных особенностей традиций в разных регионах Якутии, несмотря на единый мифологический фон, устойчивый канон сюжетообразования, неизменный состав мотивов и образов якутской эпической системы. Исследователями выделены центральные, вилюйские, северные (верхоянские, момские) локальности. Указанные особенности никоим образом не влияют на общую традиционную устойчивость содержания олонхо.

Изменения исконных архаичных особенностей эпоса были тесно связаны с трансформациями социально-культурных условий бытования живого эпоса. С появлением письменности в начале XX века, с развитием коммуникационных технологий на современном этапе изменился традиционный устный способ передачи олонхо. Современные молодые сказители не застали живое исполнение олонхосутов и потому лишились возможности перенять сказительское искусство традиционным устным способом. Им приходится черпать материал из печатных источников и средств массовой информации. Новые виды усвоения текстов олонхо сопровождаются процессами массовых изменений в содержании, образно-поэтической си-

стеме, исполнительской манере, бытовании олонхо. Иногда при исполнении своих вариаций, импровизируя, современные исполнители допускают неуместные привнесения, являющиеся следствием их (авторских) фантазий. Олонхо — памятник культуры, сохранивший до нашего времени свои архаичные уникальные особенности, которые должны сберечь сказители разных поколений. Непозволительно, чтобы нарушения установленных канонов порождали и формировали в традиционном сказительстве изменения, искажения, влекущие за собой модификации. В связи с этим перед современной фольклористикой стоит цель выявления трансформаций эпических традиций в вариациях олонхо на разных этапах бытования.

Теоретические положения изучения проблем вариативности, импровизации, трансформации сформировались на основе исследований плеяды отечественных ученых. Наша работа основывается на позиции В. М. Гадцака, согласно которой «индивидуальный вклад усматривается там, где уместнее говорить об одном из возможных возобновлений традиции» [Гадцак, 1971, с. 237]; на выводах В. М. Жирмунского о творческой импровизации и варьировании как особенностях устного исполнения эпоса, которые производятся в рамках определенной, прочно сложившейся традиции (сюжетов, мотивов и образов, поэтического языка), когда сказители «в процессе исполнения заново воспроизводят и создают знакомое певцам содержание (сценарий) поэмы» [Жирмунский, 1974, с. 635—636]; на исследованиях В. Я. Проппа, установившего основной задачей в изучении фольклора анализ внутренней структуры произведений — композиционного строя [Пропп, 2001; Пропп, 2014]; на дифференциации сказителей, предложенной Ю. А. Новиковым, проводившим различие между «большинством», сказывающим традиционно, и сказителями творческого склада, у которых «индивидуальные вкусы и наклонности достаточно сильно проявляются» в их эпическом творчестве [Новиков, 1972]; а также на позиции Б. Н. Путилова, считавшего характерными отличиями фольклорного произведения «традиционность художественного видения мира, наличие определенного набора стереотипов, формульный способ описания отношений, ситуаций, поведения людей, невозможность переступить известные эстетические границы, нормы и принципы слова» [Путилов, 1976, с. 201].

Таким образом, в трудах российских исследователей типологический анализ сюжетно-композиционной структуры эпоса является одним из основных методов. Признавая склонность эпической традиции развиваться во времени, испытывать его влияние, ученые находят, что сказители разнообразили свои варианты импровизациями из бытующих традиционных сюжетов, композиций, из известного запаса формул. Создавая свою вариацию, певец сперва запоминает основу сюжета, последовательность эпизодов и

ситуаций, а также традиционные «общие места», эпические клише, и исполняемый им текст он создает тут же, в процессе пения, учитывая требования и вкусы слушателей, обогащая содержание подробными описаниями, дополняя или пропуская некоторые эпизоды, при этом не нарушая традиции.

Предки якутов, пройдя через все испытания, сумели сохранить весьма архаичные особенности в своем эпическом творчестве. Благодаря сохранившимся ранним записям памятников якутского героического эпоса специалисты проводят научные исследования эпического наследия якутов. Якутскими фольклористами исследуются вопросы происхождения, развития и сохранения олонхо. Итогом проведенного сравнительного анализа олонхо с эпосами тюрко-монгольских народов стало подтверждение общности происхождения эпосов якутского и тюркоязычных народов Центральной Азии. По вопросу происхождения олонхо якутские исследователи пришли к мнению, что свое начало якутский эпос берет во времена контактов с хуннскими племенами. Дальнейшее его развитие происходило в период Тюркского каганата в тюрко-монгольском мире. В VII—VIII веках н. э. исторические предки якутов — курыкане (носители курумчинской культуры) — откололись от остального тюркского мира и направились на Север. В последующие 40-е годы VIII века в условиях самостоятельного существования и иноплеменного окружения в таежно-степных районах Прибайкалья сложились традиционные основы якутского эпоса, его основные тематические и сюжетные линии, героико-эпическая поэтическая система в целом. Для сохранения эпического наследия фиксируются тексты сказителей разных периодов бытования олонхо. Исследователями проанализированы сюжет, мотивы, эпические формулы и типические места олонхо с применением методов текстологического, типологического, когнитивного, историко-сравнительного, историко-генетического анализа. Исследуется олонхо и как уникальное явление в мировом эпическом пространстве, выявляется его потенциал в возрождении и развитии общей духовной культуры народа, определяются способы сохранения архаических пластов эпической традиции и др. В связи с недостаточной изученностью до сих пор остается актуальным осмысление вопроса о нарушении эпических традиций, обусловленном изменениями социально-культурных условий в разные периоды бытования олонхо и теми трансформациями, которые допускали в сказаниях отдельные исполнители.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Олекминский район, располагаясь на юго-западе республики, граничит с Амурской, Читинской и Иркутской областями, Ленским, Сунтарским, Хангаласским, Алданским и Горным улусами. Олекма — родина представителей разных народов. До прихода русских казаков на правом берегу реки Олекма

жили эвенки, занимавшиеся оленеводством и охотой. На левом берегу скотоводством занимались племена якутов. В середине XVII века сюда прибыли русские и основали город Олекму. История развития культуры района имеет свои особенности: здесь была создана и продолжает развиваться уникальная культура, включающая в себя традиции эвенков, русских, якутов. Жители этой местности одновременно танцевали народный круговой танец эвенков, своеобразный Олекминский осуохай и традиционный якутский ёхарь (осуохай), слушали олонхо в исполнении заезжих или своих сказителей, пели русские частушки. При всем разнообразии исполнительских жанров народ саха в Олекме сумел сохранить все виды устного народного творчества: олекминский осуохай, легенды, мифы, олонхо.

Как свидетельствуют старожилы Олёкмы, олонхо в древности было востребованным видом фольклора. Однако память народа сохранила мало имён олонхосутов. Из XIX века коренные жители Олекминска помнят именитого олонхосута Торговкина — Ырыа Бабанча из Кыллахского наслега. Тексты его олонхо не были записаны. Сохранилось только 2 названия из его эпического репертуара: «Куллуйа Куллустуур», «Джиэрбэнг Бэргэн» («Дьиэрбэнг Бэргэн»). В числе именитых олонхосутов, среди которых устраивал состязания Олекминский купец I гильдии Степан Иванович Идельгин, был и Ырыа Бабанча, что говорит о его популярности как сказителя.

Кроме местных, заезжали олонхосуты из других улусов — больше из вилюйской группы районов. Состоятельные люди устраивали состязания среди знатных якутских певцов и олонхосутов из разных улусов. Известно, что в таких состязаниях участвовали из Татты олонхосут Мекюс (Мөкүс), из Вилюя певец «веселый Михаил» (Бэһиэлэй Мэхээлэ) и из Кыллахского наслега Бабанча Торговкин (Ырыаһыт Бабанча). Участниками состязаний по олонхо часто бывали нерюктяйские сказители. Все это говорит о бытовании в Олекме традиционного олонхо.

В то же время в конце XIX века создавались эпические произведения с неуместными вольными вкраплениями материала, являвшимися плодом творческих фантазий отдельных сказителей.

Наше исследование предваряется обзором трудов отечественных и якутских фольклористов, занимавшихся теоретическими вопросами традиции и трансформаций в эпическом тексте.

Материалом для анализа в настоящей работе послужили олонхо ранней записи: «Богатырь Сордохай» со слов «князца Маджегарского наслега, Олёкминского округа, Николая Габышева в 1889 году» и «Эрбях-юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн» (1889 год) со слов неизвестного олонхосута Олекминского округа. А в качестве образцов традиционного олонхо, содержащих архаические пласты, привлекаются тексты олонхо се-

редины XX века «Улу Дарын Богатырь» Шараборина Михаила Терентьевича (Кумааран) и «Киндэли Хатыас» Прокопьева Николая Даниловича.

Анализ текстов олонхо проводится по схеме: анализ сюжетно-композиционного строя, мотивного состава олонхо, сопоставление полученных результатов, выводы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нарушения эпических традиций в сказительстве XIX века: олонхо «Богатырь Сордохай»

Участник народовольческого движения в России, известный сибирский археолог, этнограф Михаил Павлович Овчинников, отбывавший ссылку в городе Олёкминске Якутской области, помимо выполнения своих прямых обязанностей интересовался местным якутским фольклором. Известно, что он опубликовал в журналах два текста ранних олонхо: «Сордохай-богатырь» и «Эрбах-юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн» [Овчинников, 1897].

Текст олонхо «Богатырь Сордохай», записанный М. Овчинниковым «со слов князца Маджегарского наслега, Олёкминского округа, Николая Габышева в 1889 году», был переведен на русский язык И. Габышевым [Известия..., 1904, с. 1—8]. Согласно классификации Н. В. Емельянова «Сордохай богатырь» относится к группе олонхо «Мужи-одиночки — родоначальники племени ураангхай саха» [Емельянов, 1980, с. 76].

Герой олонхо — одинокий богатырь, предпринявший богатырский поход против абаасы уолаттара — сыновей абаасы, чудовищ из подземного мира. Описание облика богатыря в зачине приближено к описанию богатырей айыы других олонхо: «Он был великан, в плечах шире сажени, высотой до трех с половиной сажень». Описываемые дом из чистого золота, большой скотный двор длиною на сто верст, шириною на восемьдесят верст, бесчисленные табуны скота свидетельствуют о богатстве хозяина. Золотой дом Сордохая — это новая информация, внесенная сказителем. Завязка олонхо самая традиционная: вестник, названный послем Карак-Хана, бросает Сордохая золотой шарик, который должен показать богатырю дорогу. В русских сказках похожим на золотой шарик атрибутом является клубок, показывающий героям дорогу. В традиции якутского сказительства есть еще и пуховый шарик, в котором богатырь прячет спасенную девушку и который засовывает в ухо своего коня. В основе развития действия лежит богатырский поход Сордохая, который состоит из своеобразных приключений. Конь богатыря по устойчивому сказительскому канону говорит человеческим языком и мчится как стрела. В некоторый момент повествования перед Сордохаем появляется золотая гора с непроходимыми лесами, с которой скаты-

вается шарик. Сордохай разрубает его топором на две части, являются двое слуг Карак-Хана. Они указывают дорогу Сордохая и тотчас же обращаются в золотой шарик. Проходит 360 дней, как Сордохай покинул дом. Устав, он привязывает своего коня к большому дереву Ар-дуб, под тенью которого находит стол с русскими кушаниями. Выпив две бутылки вина, Сордохай засыпает за столом и просыпается только через три дня. Как видим, в олонхо появились элементы из русских сказок: стол с яствами, вино, одно из предназначений которых — дать возможность путнику отдохнуть. Здесь же, вопреки якутским верованиям, Сордохай молится богам.

Далее Сордохай идет по стеклянной и янтарной дорогам. С целью остановить богатыря появляется Абаасы-уола Айдалыр Бярт, но, испугавшись, Айдар Бярт оборачивается соколом и улетает. Сордохай стреляет ему вслед из лука, но не попадает. Абаасы исчезает, как дым в воздухе. Сордохай, упустив своего врага, страшно гневается. Описание страшного облика абаасы, чудесного превращения абаасы в сокола, гнева богатыря Сордохая — это устойчивые мотивы олонхо. Описание сражения богатырей айы и абаасы — одно из самых ожидаемых отрывков для слушателей. Однако там, где встречаются богатырь айы с абаасы и слушатель олонхо напряженно ждет описания страшной битвы, ее не случается: абаасы, испугавшись, исчезает — так олонхо лишается кульминационного момента.

Далее повествование подходит к одной из главных тем олонхо — теме сватовства. Богатырь Сордохай едет дальше, чтобы освободить дочь Карак-Хана-тоёна от незваных гостей: девяти прожорливых богатырей абаасы — Аллара-бис улаттара. По дороге Сордохай встречает ведьму, отбирает у нее верхнюю одежду, переодевается в ее одежду, а саму ведьму топит в болоте. В других вариациях якутского олонхо богатыри айы, отобрав одежду у мальчика или у старушки Симэхсин, перевоплощаются, чтобы незаметно пройти в дом.

Золотые кудри красавицы Кыс-Кылбая, лежащие на столе серебряные ножницы с надписью: «Твой муж — непобедимый богатырь Сордохай» — это мотивы, заимствованные из сказок разных народов. Якутские здесь только имена (девушки Кыс Кылбая и Ай тоёна, подарившего девушке ножницы), именно они и идентифицируют сказание с якутским олонхо. Сордохай в одежде ведьмы приходит к красавице Кыс-Кылбая, и они целый час проводят в любви. Девять прожорливых богатырей Аллара-бис уолаттара начинают собираться в дорогу домой. Жених Абаасы уола Сор-Тумул требует привести девушку. Однако Карак-Хан сопротивляется, для него важны дела государства. Войдя в спальню, он узнает в Сордохая зятя, нареченного самим Ай-тоёном. Карак-Хан захотел оставить Сордохая после себя правителем государства. Здесь можно провести параллель с мотивами сказительства

тюрко-монгольских народов: имя Карак-Хан аналогично именам предводителей тюрко-монгольских войск, управление государством и судьба народа для него важнее, чем будущее родной дочери. Сордохай без сражения вызывает за ноги всех абаасы, поднимает их одной рукой и бросает в приготовленную яму. Карак-Хан тоён объявляет своему народу, что зятя Сордохая назначает вместо себя правителем государства, но Сордохай отказывается принять назначение, предпочитая вернуться на родину с женой.

Заканчивается олонхо словами, напоминающими русскую народную сказку: «Я там был, пил водку (чоронами) бокалами. Во время кровавой драки лишился одного глаза и с тех пор стал напоминать своей наружностью Абаасы улаттар».

В результате анализа сюжета олонхо «Сордохай богатырь» мы установили, что он строится на традиции якутского сказительства: раскрываются темы защиты богатырем айыы своих соплеменников от нападений чужих племен — абаасы аймага, а также тема сватовства; в нем присутствуют традиционные мотивы эпического времени, описания владений богатыря, портрета вестника, богатырского боевого похода, богатырского коня, чудесных превращений героев, препятствий на пути богатыря, страшных обликов представителей абаасы, освобождения девушки от притязаний представителей абаасы, женитьбы богатыря.

Среди нарушений якутской эпической традиции мы выявили отсутствие мотива сражений богатыря айыы с богатырями абаасы, хотя битва традиционно описывается олонхосутами зрелищно, эмоционально, с использованием ярких художественных средств и является кульминацией олонхо. Имя Карак-Хан и его действия напоминают об отдаленных тесных связях предков якутов с древними тюрками. Вследствие включений мотивов из сказок других народов мира, в том числе русских, в сюжете олонхо происходит смешение традиций устного народного творчества якутского и других народов.

Указанные нами трансформации в сказаниях появились под влиянием социально-культурной среды Олекминского улуса, где сосуществуют культуры разных народов.

Несмотря на указанные нарушения канонов олонхо, «Сордохай богатырь» с его эпическим содержанием, развитием событий согласно традиционному сюжетно-композиционному строю, присутствием устойчивых эпических героев и мотивов является ранним текстом олонхо.

3.2. Нарушения эпических традиций в сказительстве XIX века: «Эрбях-юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн» («Вращающийся семь раз на большом пальце Эрбэхтэй Бэргэн»)

По тематике, сюжету, системе образов, имени богатырей (отца и сына) одна из ранних записей якутских богатырских сказаний — олонхо «Эрбях-

юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн» (Эрбэх үрдүгэр сэттэтэ эргий-эр Эрбэхтэй Бэргэн / «Вращающийся семь раз на большом пальце Эрбэхтэй Бэргэн»). М. П. Овчинников опубликовал этот текст в 1897 году в 3-м номере журнала «Этнографическое обозрение» на русском языке [Овчинников, 1897, №5]. Согласно классификации Н. В. Емельянова сказание относится к подгруппе «Родоначальники племени и их сыновья» группы «Родоначальники племени ураангхай саха». Главные герои олонхо — богатырь айыы Эрбях-юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн и его сын по имени Младший сын Белого бога — сражаются против представителей абаасы — дьяволов — за создание семейного очага.

Олонхо с названием «Эрбэхтэй Бэргэн» было широко распространено в Вилюйской группе районов (значилось в репертуарах Б. Алексеева, А. С. Васильева — Хоохура, Т. П. Гоголева — Олонхохут Доропуун и др.) и в Усть-Алданском улусе (в репертуарах Д. М. Говорова, С. Ф. Гаврильева и др.). Возможно, неизвестный олонхосут, со слов которого записан текст олекминского варианта, либо часто слушал проезжавших через те места олонхосутов, либо сам много ездил по местам, куда съезжались сказители из разных местностей.

В зачине, согласно традиционной композиции олонхо, рассказывается о страданиях супружеской пары, в свои 100 лет не имеющей детей. Старик выпрашивает ребенка у священного дерева — березы. В лице «Ан дой ду ичытэ» описывается образ покровительницы племени ураангхай саха Аан Алахчын Хотун, которая дарует старикам сына-богатыря. В соответствии с эпической традицией обычно сказитель повествует о том, что мальчик растет не по годам, а по дням, так что пятилетний возраст соответствует 25-ти годам. Здесь же описывается родина будущего богатыря, где живут в богатстве его родители. Повзрослев, Эрбэхтэй Бэргэн начинает готовиться к боевому походу.

Именем Эрбях-юрдюгерь-сеттэтэ-эртэрь-ербэхтэй-бергэн богатыря нарекает мать. Конь достается богатырю в подарок от хозяйки Священной березы — Ар Дуб, олекминского локального варианта священного дерева Аал Луук мас. Богатырей айыы в большинстве олонхо конем и боевыми снаряжениями обеспечивают родители, но иногда дарует их Аан Алахчын Хотун — Хозяйка Земли. В тексте дается объяснение: «Березу эту звали “ан дойду ичытэ”», — что значит по-русски «местные двери земного покровителя», то есть это образ покровительницы племени ураангхай саха — Хозяйки земли. В завязке появляется сказочный мотив — в золотой люльке приплывает к старухе девочка-дьявол в облике серебряной девочки с золотыми волосами. Богатырь, узнав в удочеренной родителями девочке девочку-абаасы, покидает родной дом. Абаасы (дьявол, черт) под видом девочки

поджигает все имущество родителей, принявших дитя. У каменной скалы, похожей на урасу, богатырь Эрбэхтэй Бэргэн находит старика и старуху, которые выражают желание стать его приемными родителями. В дальнейшем развитии сюжета описывается сражение Эрбэхтэй Бэргэна с абаасы, которое длится 9 лет на земле и 7 лет под водой. Уставшего богатыря айыы очищает от нечисти освобожденная им из плена девушка. Продолжавшееся сражение заканчивается победой Эрбэхтэй Бэргэна. Он берет в жены красавицу, у них появляется сын, и они втроем отправляются к приемным родителям. Здесь частый мотив якутских олонхо: новорожденного сына и жену богатырь по совету коня прячет в его левом ухе, «где есть теплое жильё (ичигес дже)». Кульминацией является сражение богатыря Эрбэхтэй Бэргэн и его сына, нареченного Младшим сыном Белого бога, с девкой-абаасы, спалившей владения родителей. В развязке мы видим победу над дьяволом, счастливую жизнь богатыря Эрбэхтэй Бэргэна вместе с женой, настоящими и приемными родителями в построенном им самим новым доме и женитьбу молодого богатыря на дочери земного покровителя.

По итогам анализа сюжетно-композиционного строя, мотивов олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн» («Повесть о якутском богатыре») можно сделать вывод о том, что сказитель придерживается традиции в построении олонхо: его композиция последовательно включает зачин, завязку, развитие событий, кульминацию, развязку. Состав образов канонический, действующие лица олонхо — враждующие между собой персонажи: люди племени айыы и представители абаасы из чужого мира. Главным героем сказания является богатырь — родоначальник племени ураангхай саха, родившийся на свет чудесным образом, борющийся за сохранение семьи, попадающий в разные богатырские приключения, сражающийся с представителями абаасы, наделенный способностью оборотничества, добивающийся победы в борьбе со злыми силами. Присутствует образ хозяйки — Священной березы — духа-покровительницы племени айыы. Богатырей — главного героя, а затем и его сына — именами нарекают их родители. Эрбэхтэй Бэргэн создает семью с освобожденной им женщиной и женит своего сына также на спасенной ими обоими женщине. Из числа образов олонхо устойчивыми эпическими героями являются родители, выпрашивающие ребенка у священной березы; конь как необходимый помощник богатыря; мифологические образы Ан дойду ичытэ (Аан дойду иччитэ), Халлан-суруксута (Халлаан суруксута), Ирюн-ани-тоен (Үрүҥ Айыы Тойон). В олонхо богатырю в трудные минуты помогают хозяйка Священной березы, конь, вороны, женщины айыы. Страшный, отталкивающий облик представителей абаасы и их мир обрисованы по традиции олонхо. Описание богатырских сражений, являющихся кульминационным моментом в сюжете, — устойчивый канон в якутском олонхо.

Вместе с этим обнаруживаются особенности, не характерные для якутского сказительства: внесены мотивы сказок других народов (удочерение дитя, превращение прежде красивой женщины-хозяйки Священной березы в дряхлую, похожую на старуху женщину и др).

В олекминском варианте анализируемого олонхо присутствует мотив испуга девушки (при приходе абаасы она кричала, бросаясь из стороны в сторону, трепетала, как осиновый лист), через который раскрывается ее внутреннее состояние. Этот мотив свойствен художественным произведениям, но не народной традиции, поэтому он, вероятно, появился вследствие того, что сказитель обратился к импровизации.

3.3. Традиционное олонхо Олекмы: олонхосут Михаил Терентьевич Шараборин

В начале XX века в Олекме бытовало традиционное олонхо. Олекминчане помнят имена сказителей Ньэркирээн Спиридона, Дарьи Шарабориной (родом из Сунтарского улуса), эпическое наследие которых не было увековечено.

Гордостью жителей региона был традиционный олонхосут Шараборин Михаил Терентьевич (Кумаарап). Он родился в 1866 году (по некоторым данным в 1965) в 1-м Нерюктяйском наслеге Олекминского улуса ЯО, умер в 1944 в 1-м Нерюктяйском наслеге Олекминского улуса ЯАССР. Мастерству сказительства Михаила учила жена брата Дарья Степановна Шараборина, у которой сказитель перенял два олонхо: «Тура төрөөбүт Дуо бухатыыр»; «Босхон Дуолан бухатыыр».

М. Т. Шараборин, остерегаясь, согласно своим верованиям, возможных состязаний с ним певцов абаасы, в начале своего олонхо «Дуо богатырь» исполнял вступительную песню «Олонхо баһын салайыы», в которой он обещал своим пением не тревожить спокойствие представителей абаасы.

Эпический репертуар олонхосута был богат, среди его сказаний «Богатырь Дуо» («Тура төрөөбүт Дуо бухатыыр»), «Кулуйа Куллустуур» («Куллуйа Куллустуур»), «Великий Даарын» («Улуу Даарын»), «Богатырь Босхонг Дуолан» («Босхон Дуолан бухатыыр»), «Джизэрбэн Бэргэн» («Дьизэрбэн Бэргэн»). Олонхо М. Т. Шараборина-Кумаарап «Улу Дарын Богатырь» («Улуу Даарын Бухатыыр» — «Великий Дарын Богатырь») записано А. Д. Неустроевой со слов самого М. Т. Шараборина [Шараборин, 2020]. Полный текст всех олонхо был подготовлен В. В. Илларионовым и Т. В. Илларионовой и издан в 2008 году в серии «Богатыри Саха» («Саха боотурдара») [Шараборин, 2008].

По классификации Н. В. Емельянова, олонхо М. Т. Шараборина относится к группе текстов о богатырях среднего мира — защитниках племени айы и урангхай саха [Емельянов, 1980]. Сюжетно-композиционная структура его сказаний является традиционной. В завязке действие олон-

хо начинается с похищения сестры богатыря Улу Дарын красавицы Кыс Кырынастай богатырем абаасы Ноной Дуола при содействии Ала Могоя. В процессе развития действия Улу Дарын отправляется в погоню за похитителями. На своем пути он встречает дочь Джэгэ Бабы и сыновей абаасы Агыс Ары Джахай. Вступив с ними в битву, Улу Дарын всех одолевает. После чего прибывает на земли богатыря Ноной Дуола и там одерживает победу. Кульминацией олонхо становится битва с Ала Могой, на помощь которому прибывают 120 змей-сыновей и 120 змей-дочерей абаасы. Улуу Даарын кидает всех в морскую пучину. Сестру Кыс Кырынастай спасает при помощи Ёргёс Дуолан богатыря, обещав выдать сестру за него замуж, если тот вытащит ее с морского дна. Ёргёс Дуолан соглашается и достает Кыс Кырынастай из морской пучины. В дальнейшем развитии действия Улу Дарын богатырь вступает в смертельную схватку с богатырями абасы: Тимир Дибдирэн, Тас Маралджын, Морской Куортуктах Муора Тойон, Буор Хара Тас Болуодар, Тимир Эбириэн, Тас Эбиргэн. Улу Дарын всех побеждает в неравной битве. По просьбе богатыря Юрюнг Дэндэри освобождает Хачылан Куо из плена богатыря абасы Туман Джолуо. Также им из плена Господина Морского освобождены 8 женщин айыы, 99 богатырей айыы. Таким образом, богатырь Улу Дарын с честью выполняет свой богатырский долг. Возвратившись из Нижнего мира, он силой забирает все богатства Юрюнг Дюгдуйэ Тойона и раздает беднякам и батракам. В развязке отправляется в родные земли, организует грандиозный ысыах (праздник лета). После ысыаха засыпает богатырским сном на тридцать лет.

Сюжет олонхо М. Т. Шараборина развивается по канонам традиционного олонхо с разными сюжетными линиями, интересными сюжеторазвивающими мотивами. Олонхосут включает отсутствующий в традиции якутского эпического наследия мотив — разделение богатства Юрюнг Дюгдуйэ Тойона между бедными.

3.4. Традиционное олонхо Олекмы: олонхосут Прокопьев Николай Данилович

Точные даты рождения и смерти в начале XX века другого олонхосута — Прокопьева Николая Даниловича — неизвестны. Он был родом из местности Кюндээдэ, расположенной над рекой Чаара. По свидетельству информантов, его голос был настолько красивым, что, когда он пел, природа пробуждалась. В репертуаре сказителя было олонхо «Киндэли Хатыас», текст, записанный на 98 листах Аргыловым Иннокентием Петровичем в 1935 году. Этот текст олонхо хранится в архиве [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7., ед. хр. 109, л. 98 л].

Олонхо «Киндэли Хатыас» начинается с архаичного мотива сотворения мира: земля вначале была размером с пяточку белки, потом постепенно

разрослась, увеличилась. Сюжет строится на канонических мотивах традиционных олонхо: рождение будущего богатыря у пожилых родителей, чудесное взросление мальчика, его исчезновение и возвращение, боевой поход богатыря для спасения девушки айыы (нареченной невесты), чудесные превращения Мэндиебэтэр богатыря и др. Исследователи А. Н. Данилова и А. А. Кузьмина в этом сказании наметили локальные мотивы Виллойского олонхо: мотив бегства новорожденного мальчика от родителей, поимка и купание его отцом в молочном озере, развитие параллельно с основным сюжетом косвенного сюжета о рождении зачатого до брака ребенка — драконоподобного уroda, которого закапывают, скрывая от чужих глаз, а затем, когда наступает нужда в его помощи, раскапывают. Мальчик, превратившийся в богатыря по имени Миндиебэтэр богатырь, спасает брата, людей айыы от чудовищ (абаасы). Остерегаясь, что слишком превосходящий по физической силе других богатырей Мэндиебэтэр может «взбудоражить» жизнь в Срединной земле, небесные судьи заключают его в тюрьму. Олонхо Н. Д. Прокопьева полностью основано на традиции якутского сказительства.

Хотя Н. Д. Прокопьев был известен среди земляков больше как певец, тойуксут, чем олонхосут, содержание, сюжетно-композиционное строение, архаичные мотивы, образный состав, художественно-поэтический язык его олонхо показывают, что он, бесспорно, один из своеобразных, по своему талантливых сказителей Олекмы, а его олонхо — яркий пример традиционного якутского олонхо.

Олонхо «Киндэли Хатыас» опубликовано в 2021 году, подготовлено к печати В. В. Илларионовым, А. Н. Даниловой, А. А. Кузьминой [Киндэли Хатыас, 2021]. Образ драконоподобного Миндиебэтэр богатыря рассмотрен в исследовании А. А. Кузьминой как трансформированный образ быка в Виллойской эпической традиции [Кузьмина, 2022, с. 30—39].

4. Заключение = Conclusions

В центре внимания нашего исследования — сказительство Олекминского района. В связи с тем, что в данном месте жили представители разных национальностей, в нем развивалась самобытная культура, вобравшая одновременно традиции русского, якутского, эвенкского и других народов.

Мы выполнили сравнительный анализ структуры текстов, мотивного и образного составов в ранних записях олонхо XIX века Олекминского района и в эпическом творчестве традиционных олекминских олонхосутов XX века с целью выявления трансформаций, нарушений эпических канонов под влиянием социально-культурных условий региона.

Исследование в контексте сравнительного изучения подтвердило, что в содержании ранних записей Олекминского олонхо присутствуют приме-

ры смешения, контаминации традиций устного народного творчества русского, якутского и других народов. В содержании рассмотренных олонхо выявлено присутствие мотивов русских сказок, воссозданных творческой фантазией сказителей. Произвольные дополнения, внесенные олонхосутами в свои тексты, мы связываем с искажением устойчивых канонов традиционного сказительства, что в ряде случаев привело к устойчивому смешению традиций олонхо с эпическим творчеством разных народов. При этом, по нашим наблюдениям, сказительство XIX века с его изменениями канонических традиций якутского олонхо в дальнейшем не оказало влияния на устойчивые каноны жанра. В XX веке в Олекме продолжало бытовать и развиваться традиционное олонхо, в котором соблюдались каноны якутского сказительства, свидетельством тому стало эпическое творчество М. Т. Шараборина, Н. Д. Прокопьева, характеризующееся традиционностью содержания, сюжетно-композиционного строя, мотивов, образного состава и образно-поэтического языка.

Перспектива исследования видится в глубоком изучении трансформаций в якутских олонхо разных периодов его бытования, в выявлении их потенциальных влияний на канонические эпические традиции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники

1. Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 109. Л. 98 л.
2. Данилова А. Н. Өлүөхүмэ олонхоһута Н. Д. Прокопьев уонна кини «Киндэли Хатыас» олонхотун уратыта / А. Н. Данилова, А. А. Кузьмина // Киндэли Хатыас. — Дьокуускай : Алаас, 2021. — 198 с.
3. Известия Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. — Иркутск : [б. и.], 1904. — Т. XXXV.
4. Олонхосуты Якутии : справочник / [редкол. : гл. ред. проф. В. Н. Иванов и др.] ; Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Научно-исследовательский институт Олонхо. — Якутск : Сайдам, 2013. — 156 с.
5. Сордохай богатырь (Уранхай саха олонхото) / Фольклор олёкминских якутов : науч.-попул. изд-ие ; НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова. — Якутск : Алаас, 2020. — С. 13—20.
6. Шараборин М. Т. Кумаарап “Улу Дарын Богатырь” (“Улуу Даарын Бухатырь” — “Великий Дарын Богатырь”) / М. Т. Шараборин // Серия “Богатыри Саха” (“Саха боготурдара”). — Якутск : Бичик. — 2008. — Т. 5. — 280 с. — ISBN 978-5-7696-2984-6.
7. Шараборин М. Т. Турбутунан төрөөбүт Дуо бухатырь / М. Т. Шараборин // Кумаарап. — Дьокуускай : Алаас, 2020. — 720 с.
8. Эрбях-юрдюгерь-сеттэтэй-эртэрэ-Эрбэхтэй-Бэргэн (повесть о якутском богатыре) // Фольклор олёкминских якутов : науч.-попул. изд-ие ; НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова. — Якутск : Алаас, 2020. — С. 29—51.

9. *Якутский героический эпос олонхо* ; библиогр указатель / сост. : В. Н. Павлова. — Якутск : Бичик, 2013. — 440 с. — ISBN 978-5-7696-4696-6.

Литература

1. Гацак В. М. Эпический певец и его текст / В. М. Гацак // Текстологическое изучение эпоса. — Москва : Наука, 1971. — 237 с.
2. Дмитриева А. А. Наука и образование / А. А. Дмитриева // Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета. — 2007. — № 2. — С. 197—200.
3. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. — Москва : Наука, 1980. — 374 с.
4. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избранные статьи / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1974. — С. 635—636.
5. Иванов В. Н. Олонхо — уникальное явление / В. Н. Иванов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2014. — 158 с. — ISBN 978-5-7513-2072-0.
6. Кузьмина А. А. Особенности олекминского олонхо и влияние на него Вилуйской эпической традиции / А. А. Кузьмина // Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2020. — № 2 (18). — С. 116—122. — DOI: 10.25587/g0898-4613-2159-г.
7. Кузьмина А. А. Образ трансформированного быка в Вилуйской эпической традиции / А. А. Кузьмина // Эпосоведение. — 2022. — № 3. — С. 30—39. — DOI: 10.25587/SVFU.2022.31.21.003.
8. Новиков Ю. А. Былины Андрея Сорокина : (К вопросу о творческой манере сказителя) / Ю. А. Новиков // Советская этнография. — 1972. — № 2. — С. 88—97.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2014. — 332 с. — ISBN 978-5-4461-1837-3.
10. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 144 с. — ISBN 978-5-00195-893-2.
11. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Москва : Наука, Ленинградское отделение, 1976. — 242 с

Статья поступила в редакцию 10.10.2023,
одобрена после рецензирования 02.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

Archive of the YANC SB RAS — *Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 5. Op. 7. Ed. hr. 109. L. 98.* (In Yakut).

Danilova, A. N., Kuzmina, A. A. (2021). Oluohume olohohtuta N. D. Prokopyev uonna kini “Kindeli Khatias” olohotun uratyta. In: *Kindeli Khatias*. Dyokuuskai: Alaas. 198 p. (In Yakut).

Erbyakh-yurduyger-settete-erter-Erbekhtay-Bergen (the tale of the Yakut bogatyr). (2020). In: *Folklore of the Olekminsky Yakuts: scientific and popular publishing house. Research Institute of Olonkho NEFU named after M. K. Ammosov*. Yakutsk: Alaas. 29—51. (In Yakut).

Izvestiya Vostochno-Sibirskogo dept. of the Russian Geographical Society, XXXV. (1904). Irkutsk: [b. i.]. (In Russ.).

- Kindeli Hatyas: olorho*. (2021). Dyokuuskai: Alaas. 198 p. (In Yakut).
- Sharaborin, M. T. (2008). Kumaarap “Ulu Daryn Bogatyr” (“Ulu Daaryn Bukhatyr” — “The Great Daryn Bogatyr”). In: *Series “Heroes of Sakha (“Sakha booturdara”)*, 5. Yakutsk: Bichik. 280 p. ISBN 978-5-7696-2984-6. (In Yakut).
- Sharaborin, M. T. (2020). Turbutunan toroobut Duo bukhatyr. In: *Kumaarap*. Dyokuuskai: Alaas. 720 p. (In Yakut).
- Sordokhai bogatyr (Urankhai sakha olonkhoto) / Folklore of the Olekmin Yakuts: scientific and popular publishing house*. (2020). Yakutsk: Alaas. 13—20. (In Yakut).
- Yakut heroic epic olonkho; bibliogr index*. (2013). Yakutsk: Bichik. 440 p. ISBN 978-5-7696-4696-6. (In Russ.).

References

- Dmitrieva, A. A. (2007). Science and education. *Institute of Philology and Journalism of Tyumen State University*, 2: 197—200. (In Russ.).
- Emelyanov, N. V. (1980). *Plots of Yakut olonkho*. Moscow: Nauka. 374 p. (In Russ.).
- Gatsak, V. M. (1971). The epic singer and his text. In: *Textual study of the epic*. Moscow: Nauka. 237 p. (In Russ.).
- Ivanov, V. N. (2014). *Olonkho — a unique phenomenon*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 158 p. ISBN 978-5-7513-2072-0. (In Russ.).
- Kuzmina, A. A. (2020). Features of the Olekminsky olonkho and the influence of the Vilyuisk epic tradition on it. *Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov: Epic Studies series*, 2 (18): 116—122. DOI: 10.25587/g0898-4613-2159- r. (In Russ.).
- Kuzmina, A. A. (2022). The image of the transformed bull in the Vilyuisk epic tradition. *Eposovedenie*, 3: 30—39. DOI: <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.31.21.003>. (In Russ.).
- Novikov, Yu. A. (1972). Andrey Sorokin’s Epics: (On the question of the creative manner of the storyteller). *Soviet ethnography*, 2: 88—97. (In Russ.).
- Olonkhosuty Yakutia: handbook*. (2013). Yakutsk: Saidam Book Publishing House. 156 p. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2014). *Historical roots of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 332 p. ISBN 978-5-4461-1837-3. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 144 p. ISBN 978-5-00195-893-2. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1976). *Methodology of comparative historical study of folklore*. Moscow: Nauka, Leningrad Branch. 242 p. (In Russ.).
- Zhirmunsky, V. M. (1974). *The Turkic heroic epic. Selected articles*. Leningrad: Nauka. 635—636. (In Russ.).

*The article was submitted 10.10.2023;
approved after reviewing 02.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

Информация для цитирования:

Куряев И. Р. Актуализация телесного аспекта как способ реконструкции соцреалистического дискурса в романе «Библиотекарь» М. Елизарова / И. Р. Куряев, А. П. Трушкина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 245—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-245-264.

Kuryaev I. R., Trushkina, A. P. (2023). Actualization of Bodily Aspect as Means of Reconstructing Socialist Realist Discourse in Novel “Librarian” by M. Elizarov. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 245-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-245-264. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-245-264

Актуализация телесного аспекта как способ реконструкции соцреалистического дискурса в романе «Библиотекарь» М. Елизарова

Куряев Ильгам Рясимович ^{1 2 *}

orcid.org/0000-0002-4294-5817

кандидат филологических наук,

кафедра русской и

зарубежной литературы,

**корреспондирующий автор*

kuryev.ilgam@yandex.ru

Трушкина Алёна Петровна ¹

orcid.org/0000-0003-4882-364X

исследователь, кафедра

русской и зарубежной литературы

trualena1998@mail.ru

¹ Национальный исследовательский

Мордовский государственный

университет им. Н. П. Огарева

(Саранск, Россия)

² Русская христианская гуманитарная

академия им. Ф. М. Достоевского

(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда № 23-18-01007,

<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>

Actualization of Bodily Aspect as Means of Reconstructing Socialist Realist Discourse in Novel “Librarian” by M. Elizarov

Ilgam R. Kuryaev ^{1 2 *}

orcid.org/0000-0002-4294-5817

PhD of Philology, Department
of Russian and Foreign Literature,

** Corresponding author*

kuryev.ilgam@yandex.ru

Trushkina Alena Petrovna ¹

orcid.org/0000-0003-4882-364X

Researcher, Department

of Russian and Foreign Literature

trualena1998@mail.ru

¹ National Research Ogarev

Mordovia State University

(Saransk, Russia)

² Russian Christian Academy

for Humanities named after

Fyodor Dostoevsky

(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science

Foundation, project number 23-18-01007,

<https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>

© Куряев И. Р., Трушкина А. П., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются способы репрезентации насилия и роль этой категории в конструировании соцреалистического дискурса. В качестве материала исследования избран роман М. Елизарова «Библиотекарь». Установлено, что роман синтезирует традицию соцреалистического романа и жанровые элементы массовой литературы, причем акцент писателем сделан на репрезентации насилия. Авторами статьи подчёркивается, что насилие в романе визуально, кинематографично. Выявлено, что большую роль в подобной репрезентации играет protagonista романа, через чью точку зрения демонстрируется художественный мир. Показано, что представленные в романе акты насилия становятся индексами особого «громовского» мира и способствуют визуальной и идейной трансформации героев, инверсии привычных оппозиций. Авторы статьи определяют, что «громовский» мир формируется вокруг Книги, которая актуализирует идеи периферии и «золотого века»: именно здесь насилие выступает в качестве легитимного способа коммуникации с персонажами «громовского» и обычного мира. Отмечается, что насилие, как физическое, так и психологическое, формирует принципиальные оппозиции «громовского» мира: «свой» — «чужой», «безыдейный мир» — «идейный мир» и т. д. Наконец, указывается, что через насилие реализуется соцреалистический сюжет о «перековке» героя и отказе от собственного «я» ради коллективного «мы».

Ключевые слова:

Михаил Елизаров; соцреализм; насилие; телесность; визуальность; кинематографичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The ways of representing violence and the role of this category in constructing socialist realist discourse are considered. The novel “The Librarian” by Mikhail Elizarov is chosen as the research material. It is established that the novel synthesizes the tradition of socialist realist novels and genre elements of popular literature, with the author placing emphasis on the representation of violence. The article highlights that violence in the novel is visual and cinematic. It is revealed that the protagonist of the novel plays a significant role in such representation, as the artistic world is demonstrated through their perspective. The article shows that the acts of violence presented in the novel become indexes of a particular “Gromovian” world and contribute to the visual and ideological transformation of characters, as well as an inversion of familiar oppositions. The authors of the article determine that the “Gromovian” world is formed around the Book, which actualizes ideas of the periphery and the “golden age”: it is here where violence becomes a legitimate means of communication with characters from both the “Gromovian” and ordinary worlds. It is noted that violence, both physical and psychological, forms fundamental oppositions in the “Gromovian” world, such as “own” versus “other”, “senseless world” versus “ideal world”, and so on. Finally, it is pointed out that through violence, the socialist realist plot about the “remaking” of the hero and their rejection of their own self for the collective “we” is realized.

Key words:

Mikhail Elizarov; socialist realism; violence; corporeality; visuality; cinematography.

Актуализация телесного аспекта как способ реконструкции соцреалистического дискурса в романе «Библиотекарь» М. Елизарова

© Куряев И. Р., Трушкина А. П., 2023

1. Введение = Introduction

Как известно, со второй половины XX века соцреализм перестал быть «основополагающим» методом советской литературы. Однако особенности его поэтики по-прежнему продолжали использоваться в художественной практике ряда прозаиков, поэтов и драматургов, причем не только инерционно, но и как объект пародии. Например, в прозе писателей-постмодернистов элементы соцреалистического канона стали выполнять функцию литературной игры и пародироваться (В. Пелевин, Д. А. Пригов и др.). М. А. Литовская справедливо называет подобную рецепцию «деконструирующей» [Литовская, 2009, с. 119]. Некоторые писатели, напротив, обращались к соцреализму с целью дать этому явлению объективный комментарий. По нашему мнению, таковым является М. Елизаров. Его творчество (как прозаическое, так и песенное) — яркий пример весьма специфической рецепции соцреалистического дискурса, о чём свидетельствует роман «Мультики», повествующий о перевоспитании своеобразного «Мальчиша-Плохиша», повесть «Ногти», в которой два друга заняты поисками себя в постсоветском пространстве, повесть «Госпиталь» — история об ужасах дедовщины. При этом очевидно, что в перечисленных текстах сюжетообразующую роль играет мотив насилия.

Феномен насилия в произведениях М. Елизарова представляет богатый материал для изучения, поскольку позволяет установить, что российская проза 1990—2000-х не только сопоставляет идеи и тезисы, которые транслировала литература соцреализма, с современными ей реалиями и трансформирует их, но преломляя в рамках художественного целого кризисные факты действительности, художественно и этически переосмысливает насилие как совершенно особое явление.

В связи с этим актуальность настоящего исследования объясняется необходимостью системного изучения особенностей репрезентации феномена насилия в постмодернистском дискурсе. Научная новизна статьи заключается в том, что авторами была предпринята попытка осмысления катего-

рии насилия в романе М. Елизарова «Библиотекарь». С одной стороны, оно реконструирует соцреалистический дискурс в романе, а с другой — ставит произведение в один ряд с текстами В. Ерофеева, Л. Петрушевской и др., демонстрирующими абсурдную и алогичную действительность через посредство телесного.

Цель статьи — проанализировать мотив насилия как способ реконструкции соцреалистического дискурса в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Задачи нашей работы — осмыслить цели и специфику изображения насилия в отечественной литературе XX века; рассмотреть роль визуальности в романе М. Елизарова, которая позволяет выделить телесность в качестве главного элемента репрезентации насилия; соотнести тему насилия в «Библиотекаре» с ее репрезентацией в произведениях соцреализма; проанализировать роль книги в дискурсе насилия в романе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования является наиболее примечательный с точки зрения заявленной проблематики роман М. Елизарова.

Авторы статьи использовали сравнительно-исторический метод, посредством которого выявляются сходства и различия в репрезентации насилия в каноне соцреализма и названного произведения. Применение этого метода для анализа художественных особенностей позволяет определить, в каких формах элементы соцреалистического канона воплощены в романе М. Елизарова. Кроме этого, были использованы культурно-исторический метод, позволяющий осмыслить елизаровский роман в широком контексте отечественной словесности второй половины XX — начала XXI века, а также метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому феномен насилия рассматривается в неразрывной связи с проблемно-тематическим полем произведения.

Теоретической основой явились работы, посвящённые, во-первых, феномену соцреализма [Добренко, 1999, 2007; Соцреалистический канон, 2000] и его рецепции в постсоветской литературе [Круглова, 2011; Литовская, 2009], во-вторых, функционированию советского дискурса в творчестве М. Елизарова [Жиндеева и др., 2011; Ханов, 2015], анализу натуралистических приёмов [Юрьев, 2016] в прозе писателя, а также инверсии различных концептов в романе «Библиотекарь» («книга», «библиотека», «чтение», «война», «антиутопия» и др.) [Цуркан, 2015]. Кроме этого, мы опирались на ряд исследований о репрезентации насилия в литературе, искусстве и кинематографе [Визуальное (как) насилие, 2007; Неканоническая эстетика, 2021; Мюллер-Функ, 2023], феномене «чернухи» в отечественной словесности конца XX века [Лейдерман и др., 2000].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Репрезентация мотива насилия в советской и постсоветской литературе

Начнем с очевидного: кризисное состояние эпохи и ощущение надвигающейся катастрофы в начале XX столетия становятся причинами обращения отечественных писателей к темам насилия и жестокости, а также к связанным с ними мотивам безумия, галлюцинаций и т. п. Причём изображаемые сцены насилия подчёркнуто физиологичны. Например, в рассказе В. Брюсова «Теперь, когда я проснулся» описаны пытки и смерть жены главного героя: *«Я видел, как она вся вздрогнула, вытянулась <...> А по моей руке, державшей кинжал, потекла липкая и тепловатая кровь. Я стал медленно наносить удары, сорвал одеяло с лежавшей и колот её, обнажённую <...> я воткнул ей кинжал в шею, насквозь, позади сонной артерии, напряг все свои силы и перервал горло. Кровь заклокотала...»* [Брюсов, 1993, с. 147]. У Брюсова насилие носит философский характер: для героя это бунт против общественной морали и путь к истинной свободе. Другое проявление жестокости воплощено в произведении Ф. Сологуба «В толпе», посвящённом давке на Ходынском поле: *«Две бабы сцетились. Молча, угрюмо. Одна залезла пальцами в рот другой и рвала ей рот. Видна была кровь»* [Сологуб, 2015, с. 48].

Позднее «красочный» характер насилия как варианта авторской рефлексии относительно трагических событий появляется в прозе М. Шолохова («Донские рассказы», «Тихий Дон»), И. Бабеля («Конармия»), А. Платонова («Мусорный ветер») и т. д. *«Он сидел, прислонившись к дереву. Сапоги его торчали врозь. Не спуская с меня глаз, он бережно отвернул рубаху. Живот у него был вырван, кишки ползли на колени, и удары сердца были видны»* [Бабель, 2018, с. 54], — читаем в «Смерти Долгушова» из цикла «Конармия».

Впрочем, в литературе соцреализма отношение к рассматриваемому явлению меняется, становясь амбивалентным. С одной стороны, прозаики в силу известных причин отказываются от внедрения в ткань художественного произведения нарочитой жестокости и телесности. Но, с другой, объективное изображение всеобщего озлобления, свидетельствующее в первую очередь об обезценивании человеческой жизни, романтизируется. Насилие становится главным методом борьбы с классовым врагом, а человек, выбирающий именно его, — настоящим героем. Так, в повести Б. Лавренева «Сорок первый» Марютка убивает своего возлюбленного Говоруху-Отрока за антисоветские высказывания — идеологические принципы традиционно для соцреалистического канона оказываются важнее чувств. Таким образом, неспособность принять «Другого» порождает на-

силие, в результате чего формируется бинарная оппозиция «свой — чужой». Поэтому хронотоп произведений соцреализма разделён на два мира, которые, соответственно, населяют «наши» и «не наши».

Этот же принцип наблюдается, заметим, и в корпусе текстов, посвящённых Гражданской войне. «Самое дорогое у человека — это жизнь» [Островский, 2020, с. 67], — провозглашается в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». Однако здесь же прозаик делает уточнение, что жизнь ценна только тогда, когда она отнесена в жертву за свободу человечества. *«Всех их мучили зверски. Валу и Розу изнасиловали в первый же день. Издевались, гады, как кто хотел. Полумертвыми приволокли их в камеры <...> Валя Брузжак до последней минуты держалась хорошо. Они умерли как настоящие бойцы»* [Там же, с. 143]. Насилие как особая форма воспитания представлена в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко. Сцена избиения учителем провинившегося ученика провозглашает формулу «насилие — основа дисциплины», которая впоследствии становится главным тезисом всего произведения. Сначала инициатива восстанавливать порядок антигуманными методами исходит от воспитателя, затем вокруг него организовывается группа детей, которые сознательно хотят поддерживать дисциплину подобным способом. Как справедливо отмечает Е. А. Добренко, «Педагогическая поэма» пронизана «риторикой насилия» [Добренко, 2007, с. 186].

В 1980—1990-е годы писатели возвращаются к эстетизации насилия. Причём это обусловлено, с одной стороны, влиянием западного масскульта, а с другой — тотальным неблагополучием жизни «перестроечного» и «постперестроечного» времени. Проза конца XX века отразила характерные приметы эпохи: быт бездомных и лимитчиков, алкоголизм, проституцию, бедность и т. п. Целый ряд текстов, рассматривающих эти темы, исследователи традиционно называют «чернухой». «“Чернуха” конца 1980-х показала народный мир как концентрацию социального ужаса, ставшего бытовой нормой. Самым непосредственным воплощением темы социального ужаса стал в этой прозе мотив насилия. Издевательства, изощренные пытки, унижения, избиения — эти ситуации в высшей степени характерны для “чернухи”» [Липовецкий, 2003, с. 561]. Так, в творчестве Л. Петрушевской зачастую репрезентированы сцены бытового насилия. Убийство из-за ревности («Новый район», «Чёрный пудель»), покушение на жизнь ребёнка как отмщение за потерянное женское счастье («Месья»), детоубийство из-за психического недуга («Медя») и т. д. Однако писатели эксплуатируют ранее табуированные темы не только с целью объективного изображения «новой реальности», но и для её представления в абсурдистском ключе. В этом контексте примечательно творчество Ю. Мамлеева («Шатуны»),

«Валюта», «Кэрол», «Макромир»), В. Ерофеева («Попугайчик»), антологии «Русский жестокий рассказ», «Русские цветы зла» и др.

Этот ряд, на наш взгляд, вполне можно продолжить романом М. Елизарова «Библиотекарь», являющимся весьма примечательным примером синтеза традиций соцреалистического романа, телесного аспекта и мотивов насилия. При этом большое значение в романе приобретает то, что само насилие акцентированно визуально.

3.2. Изображение насилия в романе М. Елизарова

Роман М. Елизарова подчёркнуто кинематографичен. Отнюдь не случайным в этом контексте видится факт недавней экранизации «Библиотекаря» в формате сериала: писатель конструирует текст как ряд сцен, которые монтируются между собой посредством утилитарного монтажа. Каждая сцена предстаёт как описание героев, их поступков, диалогов, пространств, что высвечивает аудиовизуальность текста.

Сюжетная структура произведения вполне сопоставима с расхожей сюжетной структурой большого корпуса текстов, вышедших на рубеже XX—XXI веков. В их основе — схема «мономифа» (понятие Дж. Кэмпбелла), которая разворачивается на фоне противостояния добра и зла («Матрица», «Властелин колец», «Дозоры» Лукьяненко, «Гарри Поттер» и проч.). В «Библиотекаре» тоже реализуется мономиф: героем становится неофит, входящий в «громовский» универсум, причем в пространстве этого мира он наблюдает за жестокими битвами за обладание книгами, а в завершении принимает отведённую ему роль.

Всё повествование разворачивается с точки зрения диегетического героя Алексея Вязинцева и выстраивается согласно внутренней фокализации (термин Ж. Женетта). Это позволяет сформировать горизонтальную оптику, которая входит в своеобразный конфликт с «летописной» историчностью завязки романа. Благодаря этому читатель-зритель, уже знающий структуру «громовского» мира, легче отождествляет себя с героем и ожидает специфического сюжетного развития. Подобная точка зрения на события, закреплённая за одним персонажем, указывает на определённый момент истории в ситуации её становления, позволяет «заземлить» описываемые столкновения библиотек и акцентирует внимание на бытовом уровне и телесном измерении наблюдаемого мира. Подобная установка вновь подчёркивает визуальность и кинематографичность текста [Курьев, 2021] и вписывает роман, с одной стороны, в большую традицию неонатурализма в отечественной литературе XX века (проза С. Каледина, Л. Габышева, З. Гареева), а с другой — в ряд образцов «нового реализма», <...> характерными чертами которого являются стремление к «бытийственной» достоверности повествования через натуралистическую (физиологическую) фиксацию жизни» [Юрьев, 2016, с. 3].

В рамках повествования насилие находит своё выражение в ритуализированных сценах сатисфакции, совершающихся согласно определённому кодексу боях, сценах устранения конкурентов и потенциальной угрозы для той или иной читальни или же для «громовского» мира в целом. Насилие здесь подчёркнуто кинематографично, эффектно, визуально, физиологично. *«Изогнулся в быстром выпаде Игорь Валерьевич, метая штыком противнику в незащищенный низ живота. Лопата Вероники Возглаговой рассекла лицо наседавшему гореловцу. Тимофей Степанович, несмотря на возраст, успешно отбивался сразу от троих врагов»* [Елизаров, 2023, с. 128].

Главный герой фокусирует внимание на самом процессе битвы, фиксирует жесты персонажей, трансформации их тел. Однако, даже учитывая разрушительный характер насилия как такового, в событийной канве оно предстаёт как норма, законный процесс разрешения конфликта. Для каждого проявления насилия имеется регламент, и его нарушение ведёт к бюрократическим разбирательствам с привлечением судебного корпуса Совета Библиотек. *«Первый иск поступил от широнинской читальни. Исполняющая обязанности библиотекаря товарищ Селиванова, пройдите на середину <...> Товарищ Селиванова, — сказал Терешников, — насколько я понял из рапорта, вы обвиняете гореловскую читальню в попытке насильственного захвата Книги Памяти... — А также в убийстве нашего библиотекаря Вязинцева и читателя Егорова»* [Там же, с. 90].

В связи с этим можно предположить, что насилие становится специфической чертой самого «громовского» мира. Конечно, пространство романа содержит и иные примеры применения насилия, приписывает его другим акторам. Так, чеченцы пытались стать полноправными хозяевами территории, запугивая местных «собираателей бутылок» [Там же, с. 190], старушек, таксистов и цыган. Причём для каждой категории «Углы» [Там же, с. 188] имели особый рычаг давления: *«...по утрам возникал спонтанный базарчик — бабки из пригорода везли на продажу огородные излишки. Углы назначили нелегалам цену за место, а в случае отказа платить обещали напавить ментов или же угрожали полной экспроприацией товара»* [Там же, с. 190].

Насилие «громовского» мира освобождено от аффектов, отмечено организованностью, холодностью, дистанцированностью. Оно разворачивается согласно экономике насилия. Даже агрессия вырабатывается благодаря Книге Ярости и предстаёт в виде ограниченного ресурса, необходимого для успешного проведения боя. *«Изгнанников оставалось двенадцать человек, и была у них Книга Ярости, способная погрузить в слепое бешенство. Эта Книга не приносила удовольствия, но подаренная ею агрессивная, рвущаяся наружу эмоция хорошо помогла в бою»* [Там же, с. 160].

Кстати, уже в первой сцене бойни демонстрируется расчётливость и дистанцированность акторов насилия в отношении самого акта насилия. Убийство предстаёт в качестве привычной рутины и отточенного алгоритма действия. Герои ведут себя как профессиональные убийцы, хотя их внешний вид противоречит самим действиям, конструирует ложный горизонт ожидания у читателя-зрителя.

Тем самым акт изощрённого насилия предстаёт как индекс незнакомо-го мира, его «след», указывающий на инородность по отношению к миру привычному. Именно этот «след» знакомит героя с книжным универсумом, выводит его из равновесия привычного мира и опрокидывает в ситуацию оппозиции не только «свой — чужой» (широнинцы тут же указывают на Чужого, формируют у героя образ потенциального врага в лице другой читальни и Совета Библиотек), но и «нормальное — ненормальное».

Отметим, что Чужой — не всегда представитель другого общества, ибо внутри самих читален все участники находятся под угрозой стать «чужаками»: *«И чтоб единогласно “за!” — шутливо пригрозила Таня. — Воздержавшиеся — враги на всю жизнь!»* [Там же, с. 164]. Насилие в «громовском» мире утверждает инверсию оппозиции «нормальное — ненормальное». Бытовая ситуация продажи квартиры предстаёт боевой операцией по захвату и защите книги. Кроме того, указанная инверсия находит своё выражение и в изменении внешнего вида героев. Образ обычного гражданина становится маской, которая стремится к собственному разоблачению и изменению — и снова в первую очередь в рамках сцен насилия. *«На улице перед домом я опять увидел вчерашнюю беседующую пару — лысого мужика со свёртком и дачницу в косынке. Когда я возвращался, к ним присоединились ещё двое: усатый дядька, тоже, видимо, огородник — жилистыми руками он опирался на черенок лопаты, и чубатый парень в потёртой монтёрской робе, со слесарным ящиком <...> На скамейке у подъезда пожилая женщина в роговых очках, отложив вязание, сурово спросила меня: “Молодой человек, вы к кому?”»* — так Алексей Вязинцев видит жителей дома перед встречей с покупателями квартиры. Однако уже в следующем пассаже граждане претерпевают трансформацию: *«Из горла Алика торчало остриё вязальной спицы. За его спиной стояла пожилая женщина, та самая, что раньше вязала на скамейке. Алик дёрнулся, и сквозь его ладонь, прикрывающую кадык, прошла вторая спица. Появился монтёр, подобрал упавший ломик и резким ударом по затылку добил умирающего <...> К ней подбежала дачница. Огородный инвентарь оказался короткой пикой»* [Там же, с. 70—71].

Готовность к проявлению физической силы, применению насилия заявляет о том, что каждый из героев «громовского» мира имеет другую

роль, воспринимаемую как истинную сущность. Поэтому примечательно, что в битвах герои участвуют, будучи облачёнными в неказистые доспехи. Трансформация тела утверждает факт преобразования человека, обретения им истинной роли. Доспехи становятся подобием военной формы. Например, члены гореловской читальни всегда облачались в армейские бронежилеты древнего образца и каски, поэтому они *«смотрелись точно пушкинские морские богатыри, которые “равны, как на подбор”»* [Там же, с. 124]; колонтайские читатели походили на хоккеистов *«с перчатками, наколенниками и щитками на бёдрах и голеньях, только шлемы у всех были вратарские, с белыми пластиковыми личинами»* [Там же, с. 125].

Роль всякого члена «громовского» мира создаёт ситуацию, при которой любая коммуникация содержит потенцию проявления насилия. Примечательно, что и рождение «громовского» мира, его отделение от мира обычного также происходило через насильственный акт. К примеру, история с домом престарелых последовательно утверждает сюжет, при котором само создание некоторой группы вокруг книги начинается через телесное преображение и насильственный акт («чудесное» выздоровление старухи под воздействием книги, насильственная коммуникация медсестры Моховой с ней, анализ воздействия книги, столкновение с другими старухами) и завершается большой бойней, в которой «исцелившиеся» старухи разделяются с руководством больницы. Этот акт насилия, перераспределяя власть, работая на оппозиции «свой — чужой», уничтожает ненужных членов дома престарелых для создания закрытого сообщества. *«И тут Мохова выкрикнула: “Конец!” — и захлопнула Книгу. В ту же секунду старуха Степанида Фетисова схватила из вены своей соседки Ирины Шостак подведённую капельницу и ловко набросила эту импровизированную удавку Аванесову на шею. Лишившись притока лекарства, Шостак впала в кому, из которой вышла спустя минуту, после того как подействовала Книга. Восставших было не остановить. Началась бойня, и задушенный капельницей Аванесов стал первой жертвой»* [Там же, с. 30].

Схожий сюжет, утверждающий соответствующие оппозиции, имеют истории Лагудова и Шульги. Подобная коммуникация через насилие реализуется в художественном пространстве произведения и в отношениях с теми, кто подделывает книги Громова, то есть со всеми нарушителями правил мира. Попытки войти и утвердиться в «громовском» универсуме также осуществляются персонажами через насильственные методы: захват книг, их кражу, налёты на читальни. Насилие предстаёт как инструмент утверждения власти — в первую очередь власти книг.

Особая роль насилия и действия его акторов утверждают закрытость, отгороженность «громовского» мира, обретающего собственную автоном-

ность. Примечательно, что в качестве одного из важнейших пунктов регламента сражений указано использование холодного оружия, наносящего только колотые и режущие раны — именно для того, чтобы скрывать следы существования этого мира, вписывать жертв боевых столкновений и сатисфакций в привычный мир как обычных жертв бытового насилия.

Показательны здесь поступки главного героя. Его утверждение в «громовском» мире вновь происходит через насилие — сначала через его лицемерие, потом через условное участие. Он должен стать, пусть и номинально, частью ритуала сражения, то есть проявления некоторой символической власти дискурса книг. Не испытывая большого желания участвовать в этом событии, главный герой смотрит на мир отстранённо, что не только позволяет ему фиксировать характерные детали «громовского» быта, но и порождает иронический тон повествования. Однако и он вынужден надеть доспехи.

Герой, «принимая» на время роль главы читальни, случайно убивает одного из врагов, что закрепляет за ним роль библиотекаря и наделяет властью: *«Я доказывал, что никакая Книга не изменит моего решения. Маргарита Тихоновна кротко улыбалась, заверяя, что сама судьба выбрала меня библиотекарем»* [Там же, с. 138]. Через наблюдение за насилием и (со) участие в нём главный герой утверждается в пространстве нового мира.

Враг в «громовском» мире существует только как часть бинарной оппозиции, его угроза лишается субъектности, человечности и сводится к объекту устранения и уничтожения. *«Трупам проигравшей стороны полагалось либо бесследно исчезнуть, либо вылежать до полного разложения, пока они полностью не лишатся страшных примет сражения. Тогда, по желанию близких, если таковые имеют отношение к миру Громова, останки могли по наводке обнаружиться официальным миром. До этого читатели считались без вести пропавшими»* [Там же, с. 134]. Он предстаёт лишь выразителем некоторой экзистенциальной угрозы, от которой необходимо избавиться.

Насилие по отношению к другому сводится именно к физическому действию, отмеченному некоторой механистичностью. Всякий акт насилия предстаёт как столкновение с системой, угрожающей сложившемуся миропорядку. Насилие становится попыткой восстановить порядок и подтвердить собственную власть над пространством (над читальней, библиотекой). При этом герой и его товарищи становятся выразителями уже своей системы.

3.3. Книга как главный инструмент насилия в «Библиотекаре»

Сама система этого мира концентрируется вокруг книг Громова. Они перестают быть только средством познания. Книга здесь, как и всё прочее, подвергается инверсии. Меняется и сама специфика хронотопа библиоте-

ки: вместо тихих комнат, заполненных книгами, — поле битвы, вместо тишины — крики от боли, боевые кличи и т. п. [Цуркан, 2015, с. 64].

Книга фетишизируется, за ней утверждается символическое единство содержания и формы. Так, в битвах она обретает форму воинского знамени, символического предмета, воплощающего в себе принадлежность к той или иной группе: *«Бой проводился в глухом месте, обставлялся торжественно — представители библиотек несли Книги, закреплённые на шестах, как хоругви. В начале это были оригиналы, затем их частенько заменяли муляжами»* [Там же, с. 12]. Успешное взаимодействие с книгой возможно только при соблюдении определённых условий (Тщания и Непрерывности). Принципиально важно то, что сама книга при этом должна сохранять первозданную целостность советского издания. *«Самое интересное, резидент не поддаётся обнаружению на внешнем художественном уровне, поскольку он распылен по всему информационному полю программы. Он присутствует не только в акустическом, нейролингвистическом и семантическом диапазонах Книги, но также в визуальном диапазоне — то есть в полиграфии: шрифте, бумаге, верстке, формате — и, что весьма немаловажно, в хронологическом. Я к чему веду, Алексей. Стопка ксерокопий никогда не станет книгой семьдесят седьмого года выпуска»* [Там же, с. 152].

Книга в громовском мире требует соблюдения аутентичности. Она, подобно фетишу, начинает генерировать некоторую ауру истинного, уникального предмета [Беньямин, 2019, с. 293]. Она вбирает в себя идею времени, истории. Как отмечалось выше, сфальсифицированная или испорченная книга не имеет эффекта — именно из-за нарушения самой идеи книги как «сосуда», артефакта, ритуального предмета, обременённого «большой» историей.

Подчёркнём, что книга акцентирует телесное измерение в тексте. Она предметна, тактильна, реальна. Более того, её эффект ощутим физически. Будь то речь о Книге Памяти (переформатирование воспоминаний), Книге Ярости (увеличение физической мощи), Книге Власти (внушение). Книга не позволяет «громовскому» миру предстать миром. Она формирует подчёркнуто физическое восприятие этого универсума. Становясь точкой отсчёта «громовского» мира, «Семикнижие» выступает тем самым артефактом, близким по смыслу к Святому Граалю, утверждающим легитимность не только «громовского» универсума в целом, но и значимость каждой библиотеки, в частности. Так, каждая из больших библиотек постоянно проводит экспедиции в поисках книг, и особенно самой редкой — Книги Смысла («Думы о сталинском фарфоре»). Это позволяет генерировать особую знаковую систему, которая налагается на привычный мир и

перераспределяет его значения. Примечательно, что перераспределение начинается с самих же книг Громова, с обретения ими специфического религиозного статуса.

Однако отметим, что Книги являются индексами иного мира только для посвящённых. В обычном мире каждая книга Громова существует в несистематизированном единстве, которое оказывается хламом, макулатурой, мусором. Громовские книги актуализируют важное для романа пространство периферии, пустыря, захламлённого угла, оставленного или забытого места, в котором хранятся руины и осколки старого, исчезнувшего мира советской эпохи. Подобным местом становится и квартира дяди главного героя, особенно балкон: *«Я вышел на балкон. От взгляда на хозяйский тлен — доисторические банки и клеенки, разошедшийся табурет, шкафчик без дверок — хотелось завывать, посыпая голову пеплом и окостеневшими окурками из прожженной пепельницы»* [Елизаров, 2023, с. 114]. Именно в этом пространстве конструируется «громовский» универсум, который становится попыткой воссоздания исчезнувшего советского мира из этих «отвергнутых» предметов.

Примечательно, что доспехи создаются из хлама, предметов ненужных, но отмеченных самой идеей «советскости» (кольчуга из советских монет, броня дяди Алексея). Можно предположить, что эти доспехи становятся своеобразной метафорой всего «громовского» мира. «Громовское» пространство заново «перепридумывает» предметы, «утяжеляет» их смыслом, делает носителями и знаками чувства ностальгии и концепции памяти, вписывает в протяжённые системы отношений, делает их частью больших нарративов (идея «Семикнижия», концепция Смысла и Замысла). Через них М. Елизаров в «громовском» пространстве воскрешает саму идею значимости существования, включённости предмета, вещи в мир и его осмысленное развёртывание. В этом контексте обычная советская квартира, которая заполнена «ненужными вещами», предстаёт не только хранилищем потенциально священных предметов, но и специфическим местом схождения и генерации нового.

Книги Громова «освещают» руины советского прошлого и позволяют на их основе начать возведение того самого особого мира, который преломляет многие аспекты советской действительности, реконструирует их согласно специфике собственного бытования.

Важно, что книги Громова производят переозначивание ролей не только для предметов, но и людей. И первые, и вторые отмечены идеей оставленности, существуют в пространстве периферии. Каждый из героев не вписывается в новую концепцию постсоветского мира: медсестра Мохова, рабочий Шульга, бедный интеллигент Лагудов находятся в позиции слабо-

го и проигравшего, оставленного и задвинутого на задний план истории. Вместе с предметным измерением обыденного мира они формируют оппозицию «золотой век» (время, когда вещи и люди были вписаны в смыслообразующие отношения) — «настоящее время» (время, когда вещи и люди лишаются смысловой основы и предстают блуждающими элементами).

В этом контексте книги предстают трансляторами новой / «старой» идеологической структуры. Группируясь вокруг книги, люди, несущие на себе идею бессмысленности, покинутости, формируют единое тело, эмоциональное и идейное единство, стремящееся к общему осмысленному будущему. Примечательно и то, что книга — предмет тактильный. Она постоянно передаётся из рук в руки, что создает общий для членов читальни опыт сообщества, становится для каждого посвящённого «третьей кожей» (термин Р. Барта). Так формируется коллектив, который ставит перед собой задачу беспрекословного служения общей идее, оставления личного ради общего. Укрепление этой группы вновь происходит через идею насилия, оппозицию к врагу.

Примечательно, что коммуникация между персонажами во многом производится именно через воссоздание соцреалистического дискурса. Сами реплики и выводимые в них отношения по своей стилистике отсылают к соцреалистическим романам. *«Я верну вам Бога... Нет, не пугайтесь, речь не идет о каких-то сектантских штучках. Никто охмурять не будет. То, чему вы станете вскоре причастны, возможно, одно из доказательств Его существования. Кому-то, чтобы уверовать, достаточно увидеть закат в горах или, допустим, океан. У вас же будет Книга»* [Там же, с. 108]. И далее: *«Тот, кто читает Книги, не ведает усталости и сна, не нуждается в пище. Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига. Этот чтец — бессменный хранитель Родины. Он несет свою вахту на просторах мироздания. Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна»* [Там же, с. 230].

В романе Елизарова, как в любом тексте соцреализма, коллективное преобладает над личным. Прозаик подчёркивает это через любовные отношения, где идея чувственной, душевной любви сводится именно к служению библиотекарю. Так, Таня принимает решение удовлетворять потребности Вязинцева, чтобы он чувствовал себя лучше, находясь в изоляции: *«Вам тяжело находиться взаперти. Если хотите, я... Со мной, обещаю, не будет никаких проблем <...> это же физиология, с ней трудно и глупо бороться»* [Там же, с. 148]. Кстати, подобную «помощь» предлагает и другая героиня: *«Вероника вначале посетовала на тяготы моего вынужденного одиночества и заверила, что готова делать все для моего, как она трогательно сформулировала, “мужского удобства”»* [Елизаров, 2023, с. 149].

3.4. Формы психологического насилия в романе

Примечательно, что утверждение героев в громовском мире происходит не только через физическое, но и через психологическое насилие. Показательны в этом отношении следующие фрагменты.

Чтение книг позволяет заглушить боль от потери боевых товарищей, то есть происходит заслонение, замещение истинного чувства, однако, когда эффект от чтения проходит, персонажи открыто демонстрируют собственные эмоции: *«За моей спиной вдруг тихонько заплакала Таня Мирошникова. Шумно высморкался Тимофей Степанович, тяжело вздохнул Федор Оглоблин, потерявший друга и тезку “наоборот” — Ларионова. Украдкой поднесла платок к единственному глазу Маргарита Тихоновна. Марат Андреевич потер ладонями виски, подняв дыбом волосы: — Действие Терпения кончилось, — с горькой улыбкой пояснил он. — Наступили живые человеческие эмоции. Ничего не поделаешь, будем горевать...»* [Там же, с. 136]. Кроме того, подобное чтение позволяет персонажам отказаться от своих чувств ради готовности к обороне и труду, ради реализации возложенной на них задачи по служению идее, что отсылает к соцреалистическому дискурсу.

В другом случае Книга Памяти подменяет истинные воспоминания ложными фантомами, создаёт иллюзорный образ прошлого, составленный из разнородных элементов-эмблем, формирующих пучок визуально знакомых образов, которые можно воспринимать как пучок рипстим'ов [Барт, 2021]. *«Не стану повторяться о пережитых обманных видениях. Подброшенное детство вполне могло быть моим. Но не это главное. Более захватывающим был даже не сам факт активизации ложной памяти, сколько ее послевкусие. Книга словно открыла артезианский колодец, из которого устремился безудержный поток позабытых слов, шумов, красок, голосов, отмерших бытовых мелочей, надписей, этикеток, наклеек <...> Тархун, Байкал, фруктово-ягодное мороженое по 7 копеек, пломбир в шоколаде и на палочке — 28, кружка кваса 6 копеек, молоко в треугольных пакетах, кефир в стеклянной бутылке с зеленой крышечкой, жевачка бывает апельсиновой и мятной, чехословацкие ластики тоже можно есть, в киоске Союзпечати продаются переводные картинки, тонкие как масляная пленка, лучшая брызгалка делается из бутылки от синьки, дымовушка из скорлупы шарика пинг-понга»* [Там же, с. 164]. Этот разнородный набор образов, «пронзающих» главного героя, принимается как доминантный, причем сам герой подчёркивает его ложность, но отмечает слабость и тусклость реальных образов в сравнении с тем, что дала Книга. Именно визуальная привлекательность, интенсивность образов завораживает его, формирует структуру и специфику «громовской» Идеи (Смысл и Замысел), заполняя

ющей собой пустоту идеи и идеологии привычного мира в жизни героя и прочих «оставленных». В этом контексте сам роман «Тихие травы» словно выполняет ту роль, которую вкладывал соцреализм в каждый роман: идеализация и создание эталонного образа мира, к которому необходимо стремиться.

Наиболее примечателен финал романа М. Елизарова. Старухи через заточение и одиночество главного героя навязывают ему его роль. Персонаж, который на протяжении романа находился немного в стороне от происходящих событий, должен лишиться своей субъектности, отказаться от своего «Я» в пользу коллективного «Мы». Стать служителем книг, превратиться в механизм защиты, раствориться в ней. То есть это заточение становится формой насильственной «перековки» героя, залогом изменения его сознания и принятия отведённой ему роли. *«Повзрослевшему, мне упростили задачу — предложили облегченный вариант подвига. Даже погибать было не нужно. Наоборот, вечно жить на благо Родины — чего же тут было бояться? Меня не особенно волновало, что будет со мной, если я вдруг прерву чтение спустя, допустим, год? Выйду ли как медведь из спячки или же рассыплюсь прахом, работает ли вообще пресловутый механизм бессмертия, заложенный в Книге...»* [Там же, с. 342].

Подчеркнём, что заточение и осмысление этого заточения происходят с чётким осознанием героем факта наблюдения за ним. Читатель-зритель становится именно тем, от чьего взгляда персонаж не может убежать, — в итоге Вязинцев принимает роль героя соцреалистического текста. Особое значение имеет оформление комнаты, которое вновь утверждает идею иллюзии. Фотообои Кремля словно включают героя в известный контекст — Ленин за работой. В итоге герой М. Елизарова принимает навязанную этой иллюзией, равно как и иллюзией образов ложной памяти, свою роль как данность.

Однако возможность указанных форм насилия и принятие персонажем «нормальности» этих форм явилось ответом на насилие со стороны истории. Мы уже отмечали, что герой фактически оказался покинутым: Перестройка, «лихие девяностые» воспринимаются им как акт насилия истории над ним. На хаос нового мира и руинизацию мира старого персонажи «громовского» универсума отвечают нормализацией насилия для борьбы с хаосом и утверждением новых / «старых» правил.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, принципиально важную роль в романе М. Елизарова «Библиотекарь» приобретает телесный аспект: насилие становится одним из способов реконструкции соцреалистического дискурса. В судьбе главного героя, в новом мире оно предстаёт как средство движения к просветлению,

прекрасной идее будущего, как возможность служения чему-то большему. Акты насилия направлены на гармонизацию мира, определение в нём смысловых доминант, имеющих форму «Семикнижия». При этом примечательно, что советская эпоха отнюдь не воспринимается как время насилия, но как эпоха, культивирующая силу для отстаивания новой системы ценностей, их защиты. Через насилие конструируется мир, который возвращает героев к знакомым и чётким структурам советского дискурса. Идея «маленького человека», его брошенности и оставленности заменяется идеей человека-воина, вооруженного знанием, а также общего движения, жизни ради долга. Герой-воин, приобщенный к книге как высшей ценности, оказывается вовлеченным в процесс распределения знаний как значимого ресурса влияния, силы и её трансляции. Насилие здесь вводит понятие нескончаемой битвы, через превращение мира в пространство опасности героизирует бытие персонажей [Мюллер-Функ, 2023, с. 103], делает их всегда мобилизованными для битвы, превращает в некоторое единство, движущееся к общему. Апатичность жертвы сменяется деятельностью солдата. Справедливо замечание В. В. Цуркан, что концепт ВОЙНА в романе связан не столько с понятиями «страдание» и «смерть», сколько с «доблестью», «честью», «мужеством». По мнению исследователя, неслучайны многочисленные упоминания «о богатырях, великих князьях и исторических деятелях, героев-панфиловцев, с подвигом которых автор сравнивает самоотверженность защитников шиноринской библиотеки» [Цуркан, 2015, с. 63].

В романе М. Елизарова «Библиотекарь» плач по руинам старого мира оборачивается его насильственной реконструкцией, апокалипсис культуры заменяется фетишизацией его элементов. В результате сила становится одним из важнейших принципов воссоздания соцреалистического дискурса в границах «громовского» универсума, но сила эта заключена в книге как носителе знания, доминантной для социума и человека аксиологической парадигме.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бабель И.* Конармия / И. Бабель. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 288 с. — ISBN 978-5-389-04405-0.
2. *Брюсов В.* Теперь, когда я проснулся / В. Брюсов // Огненный ангел : роман, повести, рассказы. — Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1993. — 909 с.

3. *Елизаров М. Библиотекарь* / М. Елизаров. — Москва : АСТ, 2023. — 416 с. — ISBN 978-5-17-119087-3.

4. *Островский Н. Как закалялась сталь* / Н. Островский. — Москва : АСТ, 2020. — 384 с. — ISBN 978-5-17-121544-6.

5. *Сологуб Ф. В толпе* / Ф. Сологуб. — Москва : Директ-Медиа, 2015. — 52 с. — ISBN 978-5-4475-5128-5.

Литература

1. *Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии* / Р. Барт. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. — 272 с. — ISBN 978-5-91103-071-1.

2. *Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости* / В. Беньямин // Судьба и характер : эссе. — Санкт-Петербург : Азбука, 2019. — С. 284—329. — ISBN 978-5-339-15380-6.

3. *Визуальное (как) насилие* : сборник научных трудов / отв. ред. А. Р. Усманова. — Вильнюс : ЕГУ, 2007. — 380 с. — ISBN 978-9955-773-06-1.

4. *Добренко Е. А. Политэкономия соцреализма* / Е. А. Добренко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.

5. *Добренко Е. А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературы* / Е. А. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. — 321 с. — ISBN 5-7331-0083-4.

6. *Жиндеева Е. А. Миф о советской эпохе в исполнении Вен. Ерофеева и М. Елизарова : опыт сравнительно-сопоставительного анализа двух произведений* / Е. А. Жиндеева, Н. А. Дергунова // Гуманитарные науки и образование. Филология. — 2011. — № 1. — С. 64—69.

7. *Круглова Т. А. Героический миф в постсоветском пространстве : рецепция соцреализма в современной России (на примере произведений А. Гайдара)* / Т. А. Круглова // Вестник ТГГПУ. — 2011. — № 2 (24). — С. 189—193.

8. *Куряев И. Р. Кинематографичность отечественной прозы рубежа XX—XXI веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01* / И. Р. Куряев. — Саранск, 2021. — 24 с.

9. *Лейдерман Н. Л. Современная русская литература 1950—1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений* : В 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Т. 2. — 688 с. — ISBN 5-7695-1454-X.

10. *Литовская М. А. Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы* / М. А. Литовская // Советское прошлое и культура настоящего. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2009. — Т. 1. — С. 117—129. — ISBN 978-5-7996-0471-4.

11. *Мюллер-Функ В. Жестокость. История насилия в культуре и судьбах человечества* / В. Мюллер-Функ. — Москва : АСТ, 2023. — 416 с. — ISBN 978-5-17-152827-0.

12. *Неканоническая эстетика. Вся ненависть мира : Насилие в литературе и искусстве* : Сб. статей. — Санкт-Петербург, Москва : Сам Полиграфист, 2021. — Выпуск 8. — 294 с. — ISBN 978-5-00166-483-3.

13. *Соцреалистический канон* : сборник статей / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 1040 с. — ISBN 5-7331-0192-X.

14. *Ханов Б. А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь»* / Б. А. Ханов // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2015. — Т. 157. — С. 229—238.

15. Ханов Б. А. Функционирование советского дискурса в романе М. Елизарова «Мультики» / Б. А. Ханов // Вестник Костромского государственного университета. — 2015. — № 6. — С. 90—94.

16. Цуркан В. В. Художественная концептосфера романа М. Елизарова «Библиотекарь» / В. В. Цуркан // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. — 2015. — Т. 3. — С. 62—65.

17. Юрьев Д. Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. Ю. Юрьев. — Краснодар, 2016. — 22 с.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023,
одобрена после рецензирования 30.10.2023,
подготовлена к публикации 19.11.2023.

Material resources

- Babel, I. (2021). *Konarmiya*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 288 p. ISBN 978-5-389-04405-0. (In Russ.).
- Bryusov, V. (1993). Now that I'm awake. In: *Fiery angel: novel, novellas, short stories*. St. Petersburg: North-West. 909 p. (In Russ.).
- Elizarov, M. (2023). *Librarian*. Moscow: AST. 416 p. ISBN 978-5-17-119087-3. (In Russ.).
- Ostrovsky, N. (2020). *How steel was tempered*. Moscow: AST. 384 p. ISBN 978-5-17-121544-6. (In Russ.).
- Sologub, F. (2015). *In the crowd*. Moscow: Direct-Media. 52 p. ISBN 978-5-4475-5128-5. (In Russ.).

References

- Bart, R. (2021). *Camera lucida. Comment on the photo*. Moscow: Ad Marginem Press. 272 p. ISBN 978-5-91103-071-1. (In Russ.).
- Benjamin, V. (2019). A work of art in the era of its technical reproducibility. In: *Fate and character: essay*. St. Petersburg: ABC. 284—329. ISBN 978-5-389-15380-6. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (2007). *The Political Economy of Socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).
- Dobrenko, E. A. (1997). *The Shaping of the Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literature*. Saint Petersburg: Academic Project. 321 p. ISBN 5-7331-0083-4. (In Russ.).
- Khanov, B. A. (2015). Functioning of the Soviet discourse in M. Elizarov's novel "Cartoons". *Bulletin of Kostroma State University*, 6: 90—94. (In Russ.).
- Khanov, B. A. (2015). The peculiarity of the functioning of the Soviet discourse in M. Y. Elizarov's novel "The Librarian". *Scientific notes of Kazan University. Humanities series*, 157: 229—238. (In Russ.).
- Kruglova, T. A. (2011). The Heroic myth in the post-Soviet space: the reception of socialist realism in modern Russia (on the example of the works of A. Gaidar). *Bulletin of TGGPU*, 2 (24): 189—193. (In Russ.).
- Kuryaev, I. R. (2021). *Cinematography of Russian prose of the turn of the XX—XXI centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Saransk. 24 p. (In Russ.).
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). *Modern Russian literature of the 1950s—1990s: studies. manual for students. higher. studies. institutions: In 2 volumes, 2*. Moscow: Academy. 688 p. ISBN 5-7695-1454-X. (In Russ.).

- Litovskaya, M. A. (2009). Socialist realism as a subject of reflection of post-Soviet prose. In: *The Soviet past and the culture of the present, 1*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 117—129. ISBN 978-5-7996-0471-4. (In Russ.).
- Muller-Funk, V. (2023). *Cruelty. The history of violence in culture and the destinies of mankind*. Moscow: AST. 416 p. ISBN 978-5-17-152827-0. (In Russ.).
- Non-canonical aesthetics. All the hatred of the world: Violence in Literature and Art: Collection of articles, 8*. (2021). St. Petersburg, Moscow: Sam Polygraphist. 294 p. ISBN 978-5-00166-483-3. (In Russ.).
- The Socialist Realist canon: a collection of articles*. (2000). Saint Petersburg: Academic Project. 1040 p. ISBN 5-7331-0192-X. (In Russ.).
- Tsurkan, V. V. (2015). Artistic conceptsphere of M. Elizarov's novel "Librarian". *Actual problems of modern science, technology and education, 3*: 62—65. (In Russ.).
- Visual (as) violence: a collection of scientific papers*. (2007). Vilnius: YSU. 380 p. ISBN 978-9955-773-06-1. (In Russ.).
- Yuryev, D. Y. (2016). *Mikhail Elizarov's prose (poetics and moral problems)*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 22 p. (In Russ.).
- Zhindeeva, E. A., Dergunova, N. A. (2011). The Myth of the Soviet Era performed by Veins. Yerofeyeva and M. Elizarova: the experience of comparative analysis of two works. *Humanities and Education. Philology, 1*: 64—69. (In Russ.).

*The article was submitted 19.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023;
accepted for publication 19.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мельникова Л. А. Образ «падшей женщины» в романах Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: сравнительный анализ / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 265—280. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-265-280.

Melnikova, L. A. (2023). Image of “Fallen Woman” in Novels of G. Fallada’s “Wolf Among Wolves” and F. M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment”: Comparative Analysis. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 265-280. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-265-280. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-265-280

Образ «падшей женщины» в романах Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: сравнительный анализ

Мельникова Любовь Александровна
orcid.org/0000-0001-5257-6069
кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологических дисциплин
lmelnikova5@mail.ru

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени
Н. Г. Чернышевского,
Балашовский институт (филиал)
(Балашов, Россия)

Image of “Fallen Woman” in Novels of G. Fallada’s “Wolf Among Wolves” and F. M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment”: Comparative Analysis

Lyubov A. Melnikova
orcid.org/0000-0001-5257-6069
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philological Disciplines
lmelnikova5@mail.ru

Saratov State University,
Balashov Institute (branch)
(Balashov, Russia)

© Мельникова Л. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается образ «падшей женщины» в романах Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Выявляются следы литературного влияния русского классика на поэтику романа немецкого писателя на мотивном и персонажном уровнях. Установлено, что в обоих произведениях ключевым является мотив нравственного воскресения погибшего человека. Показано, что, раскрывая проблему «униженных и оскорбленных», оба автора включают в систему персонажей своих романов образ «падшей женщины». Отмечается, что особое внимания писатели обращают на причины ее социального падения. Посредством использования метода сравнительно-исторического анализа выявляются параллели в образах «падших» женщин, представленных в данных произведениях — Петры Ледиг и Сони Мармеладовой. Автор статьи приходит к выводу о том, что героинь объединяет ряд общих признаков: христианская семантика имени, нравственная чистота при физической порочности, склонность к самопожертвованию, большая внутренняя сила при внешней робости, стремление к проявлению милосердия, способность побудить своих возлюбленных к духовному возрождению и тем самым «возродиться» самим. Результаты проведенного исследования позволяют доказать значимость гуманистических идей Ф. М. Достоевского для эстетических установок, мировоззренческой позиции Г. Фаллады в романе «Волк среди волков».

Ключевые слова:

Ф. М. Достоевский; Г. Фаллада; Соня Мармеладова; Петра Ледиг; литературный диалог; падшая женщина; нравственное преобразование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The image of the “fallen woman” in the novels of G. Fallada’s “Wolf Among Wolves” and F. M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment” is examined. Traces of the literary influence of the Russian classic on the poetics of the German writer’s novel at the thematic and character levels are identified. It is established that the key motif in both works is the theme of moral resurrection of the fallen individual. It is shown that, in addressing the problem of the “humiliated and insulted”, both authors incorporate the image of the “fallen woman” into the system of characters in their novels. It is noted that the writers pay special attention to the reasons for her social downfall. Through the use of comparative-historical analysis, parallels in the images of “fallen” women presented in these works — Petra Ledig and Sonya Marmeladova — are identified. The author of the article concludes that the heroines share a number of common features: Christian semantics of their names, moral purity despite physical vice, a tendency towards self-sacrifice, great inner strength despite outward timidity, a desire to show mercy, the ability to motivate their loved ones towards spiritual rebirth and thereby “rebirth” themselves. The results of the study allow to demonstrate the significance of F. M. Dostoevsky’s humanistic ideas for the aesthetic principles and worldview position of G. Fallada in the novel “Wolf Among Wolves”.

Key words:

F. M. Dostoevsky; G. Fallada; Sonya Marmeladova; Petra Ledig; literary dialogue; fallen woman; moral transformation.

Образ «падшей женщины» в романах Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: сравнительный анализ

© Мельникова Л. А., 2023

1. Введение = Introduction

Ганс Фаллада (настоящее имя Рудольф Дитцен, 1893—1947) с большим интересом и уважением относился к творчеству Ф. М. Достоевского. Ряд исследователей [Сучков, 1957; Мишин, 1974; Кауфман, 1976; Фридлендер, 1978; Мельникова, 2023] уже отмечали факт рецепции идей и образов русского классика в произведениях этого немецкого писателя. Проблема изображения образов «маленьких», «униженных и оскорбленных» героев, которую немецкий автор пытался решить во многих своих текстах, в том числе и в анализируемом в настоящей статье романе «Волк среди волков» (*Wolf unter Wölfen*), была одним из основных направлений литературного диалога Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским.

Актуальность нашего исследования обусловлена, во-первых, недостаточной степенью изученности творческого наследия Г. Фаллады в отечественной германистике, во-вторых, повышенным вниманием современного российского литературоведения к проблемам русско-немецкого литературного диалога, одним из подтверждений которого служит реализация в последние годы в Институте мировой литературы Российской академии наук (ИМЛИ РАН) научного проекта «Россия — Германия: литературные встречи».

Цель нашей работы — посредством развернутого сравнительно-исторического анализа образов центральных героинь романов Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» — Петры Ледиг и Сони Мармеладовой — выявить признаки литературного влияния традиций русского классика на поэтику романа немецкого писателя на персонажном и мотивном уровнях. Новизна работы обусловлена отсутствием в современной российской науке о литературе трудов, содержащих результаты подобных исследований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются романы Г. Фаллады «Волк среди волков» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Творческий диалог Г. Фаллады с Ф. М. Достоевским мы рассмотрим в контексте русско-немецких литературных связей XIX—XX веков. Сравнительно-исторический метод нацелен на установление сходства в системе персонажей, идейно-тематическом содержании названных произведений. Применение данного метода для анализа поэтики романов «Волк среди волков» и «Преступление и наказание» позволяет определить роль традиций Ф. М. Достоевского в формировании эстетических принципов Г. Фаллады в аспекте дальнейшей разработки социальной проблематики, принципов изображения образов героев, относящихся к категориям «маленьких» людей, «униженных и оскорбленных» персонажей, в его последующем романном творчестве.

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные различным аспектам изучения романного творчества Ф. М. Достоевского [Герикг, 2016; Горбанева, 2019; Захаров, 2013; Касаткина, 2016; Кашина, 1986; Кирпотин, 1974; Кладова, 2015; Фридлендер, 1964] и Г. Фаллады [Сучков, 1957; Кауфман, 1976; Manthey, 1973; Gessel, 1976].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XIX века, истории зарубежной литературы XX века, спецкурсах, посвященных русско-зарубежным, русско-немецким литературным связям, специфике немецкого романа XX столетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины социального падения Сони и Петры

По мнению некоторых исследователей, между образами центральных героинь романов «Преступление и наказание» и «Волк среди волков» — Соней Мармеладовой и Петрой Ледиг — есть большое сходство [Мишин, 1974, с. 79]. В первую очередь, их сближает принадлежность к категории «униженных и оскорбленных». Героиня романа Ф. М. Достоевского живет в условиях ужасной нищеты, вынуждена наблюдать страдания своей мачехи, ее детей, беспробудное пьянство собственного отца из-за одолевающего его чувства безысходности.

Героиня романа Г. Фаллады — Петра Ледиг — незаконнорожденный ребенок, выросший без отца, лишенный материнской ласки и заботы, а впоследствии и вовсе изгнанный матерью из дома.

В портрете обеих героинь содержатся намеки на их род деятельности. Раскольников впервые видит Соню в одежде, которая сразу позволяет ему понять, что Мармеладова получила желтый билет: *Она была тоже в лох-*

мотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающею целью <...> из-под <...> надетой мальчишески набекрень шляпки выглядело худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и неподвижными от ужаса глазами [Достоевский, 1982, с. 179].

В романе Г. Фаллады читатель знакомится с Петрой в тот момент, когда она уже перестала заниматься проституцией и стала сожительствовать с Пагелем. Однако груз прошлого по-прежнему тяготит Ледиг. Подтверждением тому служит портрет-штрих данной героини, который по принципу контраста сопоставляется с внешним обликом Вольфа: *Ей странно, как это он умудряется умыться в тазике двумя стаканами воды и всегда иметь такой вид, точно добрый час тер себя губкой в ванне. Против него она выглядит старой и потасканной, хотя она его годом моложе* [Фаллада, 1957, с. 41]. В приведенных портретных описаниях получает отражение уровень жизненного опыта героев. Беспечный образ жизни Вольфа, несмотря на отсутствие постоянного места работы, стабильного дохода, позволяет ему сохранять свежесть и бодрость, в противоположность унынию и усталости Петры, соприкоснувшейся с грязью социального дна и измученной тревогами и различными трудностями.

И Соня, и Петра являются «падшими» женщинами поневоле. Соня не может мириться с ужасной нищетой, в которой живет ее семья, и добровольно приносит себя в жертву. В разговоре с Раскольниковым Мармеладов так описывает переживания Сони и Катерины Ивановны после рокового поступка его дочери: *Сонечка встала <...>, а в девятом часу и назад обратно пришла <...>, прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых выложила. Ни словечка при этом не вымолвила <...>, а взяла только <...> платок, накрыла им голову и лицо и легла на кровать, плечики да тело всё вздрагивают <...> Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала <...>* [Достоевский, 1982, с. 20]. Подобное поведение мачехи говорит о том, что ее упреки в адрес Сони, после которых девушка решила отправиться на панель, были криком отчаяния женщины, задавленной бедностью. Поступок падчерицы вызывает у Катерины Ивановны чувство благодарности, сострадания и одновременно раскаяния за невольно загубленную ею судьбу Сони.

В романе «Волк среди волков» нет подобных насыщенных глубоким психологизмом сцен, раскрывающих мотивы падения героини. Характеризуя жизненный этап, следовавший у Петры после того, как она была изгнана родной матерью из дома, писатель прямо указывает на зависимость судьбы Ледиг от социально-экономической ситуации в Германии

1920-х годов: *Петра Ледиг к этому времени, в двадцать два года, уже не представляла собой неистписанную страницу. Ее созревание выпало на неспокойную пору — война, послевоенная разруха, инфляция* [Фаллада, 1957, с. 42]. Стоит сказать, что героинями Ф. М. Достоевского и Г. Фаллады движут разные мотивы. Поскольку Петра отвергнута собственной семьей, в своем поведении она, в отличие от Сони, не проявляет альтруистических побуждений: Мармеладовой нужно заботиться о других, Петре нужно постараться выжить самой.

Отсутствие сторонней материальной и моральной поддержки вынуждает Ледиг отвечать взаимностью на сексуальные притязания мужчин — покупателей обуви в том магазине, в котором она работает продавщицей. При этом автор многократно подчеркивает, что причиной, побудившей героиню избрать порочный путь, является исключительно материальная нужда: *Иногда, когда доллар слишком круто повышался и все отложенное на оплату квартиры обесценивалось до нуля, она выходила на улицу в вечном страхе перед законом о нравственности* [Там же]. Однако при этом Петра старается не терять чувство самоконтроля и не падать окончательно в бездну разврата: *весь год она вела свой кораблик, не утоная окончательно* [Там же].

Таким образом, оба писателя с горечью констатируют, что несправедливое социальное устройство, экономические неурядицы в государстве способны толкнуть человека в целях обеспечения своего существования на путь аморального поведения.

3.2. Символика семантики имен героинь

И Соня Мармеладова, и Петра Ледиг наделены символическими именами.

Фамилия центральной героини романа Достоевского — Мармеладова — воспринимается иронически, поскольку контрастирует как с образом жизни последней, так и с теми чувствами страдания, безысходности, стыда и боли, которые она испытывает в семье своего отца и за ее пределами.

Имя *София* в переводе с греческого означает ‘мудрость, разумение’. Мудрость Сони, по мнению исследователей [Ма, 2014, с. 180], доказывают следующие ее характеристики:

- 1) готовность к акту приношения спасительной для ближнего жертвы, которую она в итоге и совершает ради своих близких;
- 2) следование завету «Не судите да не судимы будете», поскольку Соня не осуждает ни свою семью, ни своих врагов;
- 3) способность не просто слушать и слышать слова человека, а душою чувствовать его душу, даже скрываемое им нравственное состояние и страдание [Там же, с. 181]. Соня понимает и истинные причины отчаянных

нападок на нее со стороны мачехи Катерины Ивановны, и настоящую сущность натуры Раскольникова.

Отчество героини *Семеновна*, образованное от древнееврейского имени *Семен*, имеет значение ‘слушать, Бог слышащий, услышание’, что указывает на прямую связь его носителя с Богом [Там же]. Во многих своих рассуждениях и поступках Соня апеллирует к Божьей воле, она становится для Раскольникова проводником в мир христианских идей, принятие которых впоследствии поможет Родиону духовно «воскреснуть».

Ранее мы отмечали, что Г. Фаллада изображает свою героиню как отвергнутую своей семьей, поэтому в романе «Волк среди волков» отсутствуют эпизоды, развивающие тему взаимоотношений Петры с родственниками. Данное обстоятельство усиливает драматизм положения Ледиг и придает особое значение ее имени. Имя героини *Петра Ледиг* наделено христианской семантикой, оно отсылает к имени одного из апостолов Иисуса Христа, фамилия Петры — *Ledig* (‘одинокая’) — являет собой обобщенное определение жизненного статуса последней. В дальнейшем упоминания об одиночестве Петры и о связанных с этим страданиях станут лейтмотивными при раскрытии образа этой героини в романе. Примечательно, что о значении своего имени Ледиг узнает от Вольфа, который сообщает ей: *имя «Петра» означает не что иное, как «камень», <...> так наречен был впервые тот апостол Петр, на котором Христос хотел, как на камне, основать свою церковь* [Фаллада, 1957, с. 44].

Оценка-комментарий Вольфом имени этой девушки раскрывает перед читателем особенности мировидения данного персонажа в целом и его отношение к Петре в частности: *Я буду называть тебя «Петер». «Петра» отдаст, по-моему, чем-то слишком евангельским и слишком каменным. «Ледиг» — хорошо, может остаться как есть* [Там же]. В последней фразе имплицитно прочитывается нежелание Пагеля обременять себя семейными заботами и серьезными обязательствами, его равнодушие к дальнейшей судьбе девушки. Однако последующее развитие событий в романе покажет, что Петра после своего духовного прозрения сможет проявить каменную твердость по отношению к возлюбленному и тем самым заложить тот фундамент, на котором Вольф впоследствии построит «здание» нового образа жизни, не оставляющего места для праздности, тунеядства и порочащего поведения.

Таким образом, в именах и Сони, и Петры присутствует христианская семантика, интерпретация которой позволяет сделать вывод о том, что, наделая своих героинь столь знаковыми именами, оба автора указывают на существенную роль того преобразующего начала, которое способны привнести Соня и Петра в жизнь своих возлюбленных, способствуя тем самым духовному возрождению последних.

3.3. Ключевые черты характера Сони Мармеладовой и Петра Ледиг

И Соня Мармеладова, и Петра Ледиг склонны к проявлению смирения, терпения и кротости. Рассуждая о типологии героев русского классика, исследователи выделяют группу — «смирненные». Отличительной чертой подобных героев является отсутствие эгоизма, они смиряются со всеми тяжелыми обстоятельствами своей судьбы, но не с несчастьем окружающих, не принимают их как должное [Кашина, 1986, с. 144]. Ярким представителем данного типа является Соня Мармеладова. Она сочувствует и искренне желает помочь своей семье. Руководствуясь этим побуждением, героиня пренебрегает собственной судьбой и отправляется на панель для того, чтобы заработать деньги и уменьшить бремя материальной нужды для дорогих и близких ей людей.

Петру также с полным правом можно отнести к категории «смирненных». В отличие от Сони она не имеет возможности заботиться о своей семье, поскольку порвала с ней связи. Однако в отношениях с Пагелем Ледиг демонстрирует полное отсутствие эгоизма. В разговоре с Вольфом Петра проявляет предельную искренность и откровенность: *Играй сколько хочешь, но когда ты не играешь, не мог бы хоть тогда быть немножко больше здесь?.. Ах, Вольф, — продолжала она, уже сама отстраняясь, но все еще крепко держа его за руки над локтями и твердо глядя на него, — ты всегда считаешь, что должен оправдываться передо мной из-за денег и что-то мне объяснять — ничего ты мне не должен объяснять и не должен ни в чем оправдываться. Если мы принадлежим друг другу, тогда все правильно, а если мы друг другу не принадлежим, то все тогда ложь — будут ли деньги, или нет, поженимся мы или нет* [Фаллада, 1957, с. 70—71]. Петра испытывает к Вольфу чувство благодарности за то, что он, разрешив ей пойти с ним после их оплаченной встречи, помог ей тем самым, с одной стороны, сойти с греховного пути, с другой — избавил ее от одиночества. Однако в отличие от Сони, которая сохраняет определенную дистанцию в отношениях с Раскольниковым, помогает ему отречься от его опасной теории и вступить на путь раскаяния, Петра полностью растворяется в своем возлюбленном: состоит с ним в плотских отношениях, принимает его таким, какой он есть, безропотно терпит перепады настроения Пагеля, голод, безденежье и прочие лишения и неудобства, которые доставляет ей игрок. Она жертвует собственными вещами, обрекая себя на ежедневное кроткое лежание в постели в обнаженном виде для того, чтобы Вольф мог заложить их в ломбард и тем самым приобрести деньги для покупки завтрака и очередной ставки в казино. В результате героиня оказывается сначала на улице, а потом в тюрьме.

Если Соня и Раскольников сразу чувствуют друг в друге родственные души и, ощущая эту духовную близость, помогают друг другу нравственно преобразиться, то Вольф первоначально не воспринимает Петру как потенциальную супругу, в своих внутренних монологах он даже признается, что не любит ее. В романе Г. Фаллады в отличие от романов Ф. М. Достоевского также отсутствует мотив идеологических и нравственных споров между Петрой и Вольфом. Близкие Сони понимают значимость ее жертвы, Пагель же относится к жертвам, приносимым Петрой, с недостаточной серьезностью. Через несобственно-прямую речь как художественный прием автор произведения сообщает читателям, что его герой сблизился с этой девушкой лишь для того, чтобы скрасить время ожидания большого выигрыша. Пагель оказывается неспособным к проявлению должного сострадания к Петре из-за тех лишений, через которые она проходит по его вине. Это обусловлено, с одной стороны, его инфантилизмом, с другой — тем, что он никогда не знал настоящей материальной нужды. Он вырос в обеспеченной семье, а душевное равновесие в период его легкомысленного периода жизни ему помогает поддерживать мысль о том, что в случае крайних финансовых трудностей он может прийти к матери, забрать у нее творческое наследие своего отца и получить от его продажи солидную прибыль.

Возвращаясь к анализу образов «падших женщин», стоит отметить: ни Соня, ни Петра, каждая из которых долгое время вынуждена жить в условиях унижения и нужды, не выражает никакого протеста, бунта, что лишний раз подтверждает их покорность судьбе, доброту и стремление ставить на первое место интересы других людей. Несмотря на вынужденный безнравственный образ жизни, и героине Ф. М. Достоевского, и героине Г. Фаллады удастся сохранить нравственную чистоту при физической порочности. Переносимые ради других страдания и унижения не порождают чувства озлобленности в их душах.

Раскольников осознает, что *«положение Сони есть явление случайное в обществе, хотя, к несчастью, далеко не одиночное и не исключительное. Но эта-то самая случайность, эта некоторая развитость и вся предыдущая жизнь ее могли бы, кажется, сразу убить ее при первом шаге на отвратительной дороге этой. Что же поддерживало ее? Не разврат же? Ведь этот позор, очевидно, коснулся ее только механически; настоящий разврат еще не проник ни одною каплей в ее сердце: он это видел; она стояла перед ним наяву...»* [Достоевский, 1982, с. 313]. Героине помогает избежать моральной испорченности ее искренний альтруизм: «...“ненасытимое сострадание”, безграничное самопожертвование ради близких — вот что удерживает Соню от отчаяния, помогает сохранить душевную чистоту» [Горбанева, 2019, с. 224].

Размышляя о Петре в Нейлоэ, Пагель, сравнивая ее с местными де-вушками, констатирует отсутствие у Ледиг развращенности: *Петер была другой. О! Петер была совсем другой! Она все знала, но была невинна, как ребенок! <...> Петер не развращена, она знала и все-таки была невинна* [Фаллада, 1957, с. 572]. Подвести черту под своим позорным прошлым Петре помогает любовь к Вольфу. Подтверждением душевной чистоты Ледиг являются проявляемые ею чувство благодарности к Пагелю, искренность, наивность, беззаветная преданность Вольфу, робкие надежды на возможное совместное счастье с ним. Однако влияние Пагеля на судьбу Петры в первой части романа неоднозначно: с одной стороны, он способствует пробуждению в девушке ее лучших качеств, с другой стороны, его беспечность, отсутствие стабильной работы, чрезмерная сосредоточенность на игре в итоге приводят Петру к катастрофе. Преданность Пагелю в итоге оборачивается для нее предательством любимого человека, отказавшегося вывозить ее из тюрьмы, в которую она попадает по его вине. Однако смирение и терпение помогают Петре преодолеть все возникшие трудности и тем самым способствуют положительным переменам во внутреннем мире и поведении этой героини. Примечательно, что Петра, как и Соня, обладает внутренней силой при внешней робости.

Во время своей первой встречи с Соней Раскольников обращает внимание на ее неподвижные от ужаса глаза. Однако дальнейшее развитие событий убеждает читателя в том, что в Мармеладовой наряду с робостью, «забитостью» кроется большая внутренняя сила. Последняя проявляется не только в удивительной стойкости Сони перед лицом жизненных испытаний, которой она достигает благодаря смирению и упованию на Бога, являющихся ключевыми чертами ее мировоззрения. Принадлежа к категории «униженных и оскорбленных», Мармеладова одной из важнейших нравственных ценностей считает сострадание, поэтому она не позволяет себе равнодушно смотреть на чужую боль.

Подлинную силу проявляет Соня и в своем стремлении реализовать свое намерение спасти погибающую душу Раскольникова. Это получает яркое воплощение в спорах героев, которые показывают, что «в Соне есть потребность не только врачевать раны и бедствия, она готова проповедовать, убеждать и переубеждать» [Кирпотин, 1974, с. 177].

Самоотверженная любовь и преданность Петры Пагелю служит причиной критики подобного поведения девушки со стороны окружающих. Фрау Туман, хозяйка комнаты, которую снимают Пагель и Ледиг, в разговоре с последней констатирует: *Ты, девочка, слишком добра. Но доброта у тебя от слабости* [Фаллада, 1957, с. 48]. Негодует и мать Пагеля, которая убеждена, что Петра «любит его, как женщина никогда не должна

любить мужчину!» [Там же, с. 53]. Однако дальнейшее развитие событий, особенно после встречи Петры с фрау Крупас, показывает, что эта героиня способна проявить не только «доброту от слабости», но и силу воли и твердость.

Переживая горькое разочарование в своем возлюбленном, оказавшись в тюремной камере, Петра демонстрирует ключевые черты своего характера. Прежде всего она проявляет смирение: никак не реагирует на то, что другие заключенные съели ее порцию ужина, отвечает молчанием на все придирки Стервятницы. В последнем случае Ледиг демонстрирует мудрость и здравомыслие по отношению к поведению сокамерницы-наркоманки: *...Петре не хотелось бить Стервятницу. Какой смысл, ведь она же тоскует по кокаину или спиртному, вот и сходит с ума* [Там же, с. 266]. Когда Стервятница в кокаиновом припадке нападает на фрау Крупас, Ледиг проявляет удивительную решительность и твердость: она пресекает физическую агрессию Стервятницы и добивается прихода в камеру надзирателей. На наличие у Петры сострадания указывает сама причина, по которой ей понравилась фрау Крупас, а именно — отсутствие у последней ненависти по отношению к причинившей ей боль Стервятнице. Впоследствии Петра демонстрирует подлинное бескорыстное милосердие, ухаживая за оскорбляющей девушку и клеветущей на нее Стервятницей. Это качество Ледиг получает должную оценку со стороны умудренной жизненным опытом фрау Крупас: *<...> все ты по-хорошему делаешь, без злости, и все же нет в тебе этого противного душка, как у тех, из армии спасения <...>* [Там же, с. 365].

Однако пребывание в тюрьме вносит и существенные коррективы во взгляды Петры на их отношения с Вольфом.

Болезненное прозрение Ледиг, ее избавление от иллюзий становятся возможными благодаря фрау Крупас, которая, беседуя с Петрой, дает Вольфу беспристрастную оценку и наставляет героиню, как нужно вести себя и что нужно сказать при очередной встрече с ним: *<...> я хочу сначала проверить себя, и ты сначала проверь себя <...> я хочу, чтобы у ребенка отец настоящим мужчиной был, который добыть может, что пожевать, знаешь ли... покусать, а не голодать, чтобы люди, живя с тобой, не падали на улице в обморок* [Там же, с. 364]. Этот совет, а также предложенная все той же фрау Крупас работа помогают Петре поверить в себя и становятся отправной точкой для нравственного перерождения героини.

3.4. Мотив духовного воскресения в романах Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и Г. Фаллады «Волк среди волков»

Большое значение для раскрытия образов героинь из числа «падших женщин» в обоих романах приобретает мотив духовного воскресения.

В романе Ф. М. Достоевского указанный мотив приобретает религиозный ореол. Особенно показательна в этом отношении сцена совместного чтения Раскольниковым и Соней главы Евангелия, повествующей о воскрешении Лазаря. «Убийца» и «блудница» читают Евангелие, поскольку, с точки зрения писателя, эта книга выражает мечту человечества о милосердии, «мечту о возможности физического и нравственного “воскресения” человека к новой жизни» [Фридлендер, 1964, с. 188]. Этот эпизод оказывается идейно и метафорически значимым: Раскольников после того, как совершает убийство, впадает в сон, подобный смерти, на много дней, из которого Соня пробуждает его и возвращает к новой жизни; главный герой являет собой воскрешенного Лазаря [Геригк, 2016, с. 28].

Внутренний монолог Сони передает ее трепет и волнение во время чтения сокровенной книги: *«И он, он — тоже ослепленный и неверующий, — он тоже сейчас услышит, он тоже уверует, да, да! сейчас же, теперь же», — мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания* [Достоевский, 1982, с. 317].

Впоследствии именно Соня сможет помочь Раскольникову встать на путь нравственного исправления. Благодаря чтению главы Евангелия, Соне удастся убедить Родиона в необходимости признаться в совершении убийства. Она отдает ему Евангелие и крест, подаренный убитой им Лизаветой. Для того чтобы воскреснуть, Раскольникову необходимо пройти через искупительное страдание [Кладова, 201, с. 70]. Оказавшись на каторге, герой бережно хранит эту книгу, его исцеление оказывается приуроченным к Пасхе. Таким образом, «Преступление и наказание» — «роман о боли радости роста человека к заданному ему размеру, то есть — об обожении» [Касаткина, 2016]. Известный достоевист В. Н. Захаров указывает на то, что в данном произведении Достоевского получает воплощение христианский реализм, при котором неблагообразие мира и мрак в душе грешников («един Бог без греха») озарены надеждой — Благой Вестью Христа [Захаров, 2013, с. 271].

В романе же Г. Фаллады религиозная идея отсутствует, критики относят данный текст к числу произведений, созданных в рамках концепции «новой вещественности» (Neuen Sachlichkeit), получившей популярность в Германии во второй половине 1920-х годов, поскольку в произведении отражена объективная панорамная картина серьезного внутреннего упадка Германии, влияние которого в соответствующий период ощущали все граждане страны, независимо от партийной принадлежности и социального статуса [Manthey, 1973, с. 124]. В рамках культурной концепции «новой вещественности» реальность воспроизводится достаточно точно, но изображаемые картины действительности не сопровождаются психологиче-

ским комментарием со стороны повествователя. В отношениях Вольфа и Петры доминирует Пагель, который терпеливо отвечает на различные вопросы Ледиг и тем самым способствует расширению ее кругозора. В тех случаях, когда познаний Вольфа не хватает для того, чтобы удовлетворить любопытство Ледиг, герои обращаются к книгам.

Совместные походы Петры и Пагеля в библиотеку в целях просвещения наделены в сознании героини ореолом сакрального события. Эти визиты помогают Петре осознать свой статус в обществе. В процессе визуального изучения других посетителей библиотеки в ее сознании формируется оппозиция: *она, неприметная продавщица, незаконнорожденная, едва не попавшая в омут — образованные люди, не имеющие, конечно, никакого представления о той грязи, с какой ей пришлось так близко познакомиться* [Фаллада, 1957, с. 45]. Упоминание о невозможности прийти в библиотеку одной указывает на то, что приобретенный ею социальный статус «падшей женщины» является для нее барьером, который, с ее точки зрения, делает недопустимым ее вхождение в ту среду, в которой вращаются «нормальные» люди; ее мысли и переживания по этому поводу свидетельствуют о робости героини.

Во то же время в данном эпизоде показано, что в социальной иерархии Петра занимает некое промежуточное звено, поскольку ниже ее оказываются нищие, присутствие которых помогает Петре понять, что *«люди ищут здесь не только премудрости, но и тепла, света, чистоты, а также того, чем веяло и на нее от книг: торжественной тишины»* [Там же].

Однако посещение библиотеки не вносит существенных коррективов в мировоззрение данных героев. Духовное воскресение Петры и Пагеля становится возможным благодаря смене образа жизни, осознанию горечи разлуки с любимым человеком. Пагелю, как и Петре, приходится пройти через испытание трудом. Праздность, свойственная этим героям в первой части романа, во второй сменяется активной деятельностью: Пагель отправляется работать управляющим в имение Праквица, Ледиг выполняет обязанности фрау Крупас. Возвращение героев друг к другу во многом обусловлено переосмыслением ими значения семейных ценностей в их жизни.

4. Заключение = Conclusions

На основании всего вышесказанного можно заключить, что между образами центральных женских героинь романов Ф. М. Достоевского и Г. Фаллады — Сони Мармеладовой и Петры Ледиг — присутствуют следующие параллели: 1) принадлежность к категории «униженных и оскорбленных»; 2) нравственная чистота при физической порочности; 3) склонность к самопожертвованию; 4) большая внутренняя сила при внешней

робости; 5) стремление к проявлению милосердия; 6) способность направить, побудить своих возлюбленных к нравственному возрождению и тем самым возродиться самим.

И Соня, и Петра обладают глубоким пониманием жизни, которое помогает им постичь внутреннюю сущность окружающих их людей, в том числе и своих возлюбленных. Однако если Соня не позволяет себе полностью раствориться в Раскольникове, то Петра долгое время проявляет в отношениях с Пагелем слепую преданность, с одинаковым спокойствием принимая как его достоинства, так и недостатки.

В обоих романах любовь представлена силой, обладающей мощным воздействием на сознание героев и способствующей существенным изменениям в их мировоззрении. Благодаря отношениям с Соней Раскольников отказывается от созданной им теории, раскаивается в совершенном преступлении и со смирением принимает назначенное за него наказание, вступая на путь нравственного исправления. Однако в романе Ф. М. Достоевского переворот в сознании героя происходит в религиозном контексте, в романе же Г. Фаллады религиозная метафорика (за исключением семантики имени главной женской героини) и церковная атрибутика отсутствуют, причины перемен во внутреннем мире персонажей имеют социально-бытовой характер. Любовь Петры долгое время поддерживает Пагеля в моменты поражений и неудач и в конечном счете способствует изменению образа жизни этого персонажа. Благодаря своим возлюбленным Раскольников и Пагель вносят изменения в иерархию собственных ценностей, отказываются от эгоизма и осознают первостепенность гуманного отношения к другим. Любовь лежит в основе изменений и во внутреннем мире Сони и Петры, в которых укрепляется вера в себя; у них появляются ключевые жизненные цели — деятельное сострадание и служение людям. Все это доказывает значимость гуманистических идей Достоевского для эстетических установок и мировоззренческой позиции Г. Фаллады при развитии проблемы «униженных и оскорбленных» в романе «Волк среди волков». Перспективы данного исследования видятся в том, что его результаты могут быть использованы при изучении других направлений рецепции немецким писателем художественного опыта русского классика.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 12 т. — Москва : Правда, 1982. — Т. 5. — 544 с.
2. *Фаллада Г.* Волк среди волков / Г. Фаллада. — Москва : Гослитиздат, 1957. — 880 с.

Литература

1. Геригк Х. Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Х. Ю. Геригк : авториз. пер. с нем. и науч. ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. — Санкт Петербург : Издательство Пушкинского Дома ; Нестор-История, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-87781-042-6.
2. Горбанева А. Н. Нравственно-религиозная позиция Сони Мармеладовой в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / А. Н. Горбанева, Л. И. Ибрагимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 6 (139). — С. 223—226.
3. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества / В. Н. Захаров. — Москва : Индрик, 2013. — 456 с. — ISBN 978-5-91674-242-8.
4. Касаткина Т. А. 8 вопросов о «Преступлении и наказании» [Электронный ресурс] / Т. А. Касаткина // Фома. — 2016. — № 12. — Режим доступа : <http://intelros.ru/readroom/foma/f12-2016/31648-vosem-voprosov-o-prestuplenii-i-nakazanii.html> (дата обращения 19.07.2023).
5. Кауфман Л. С. Фаллада / Л. С. Кауфман // История немецкой литературы в 5-ти томах : 1918—1945 / Л. С. Кауфман. — Москва : Наука, 1976. — Т. 5. — С. 403—418.
6. Кашина Н. В. Человек в творчестве Ф. М. Достоевского / Н. В. Кашина. — Москва : Художественная литература, 1986. — 318 с.
7. Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова / В. Я. Кирпотин. — Москва : Советский писатель, 1974. — 454 с.
8. Кладова Н. А. Сюжетная структура романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н. А. Кладова // Вопросы филологии. — 2015. — № 4 (52). — С. 66—71.
9. Ма В. Главные герои романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете их антропонимов / В. Ма // Наука и школа. — 2014. — № 6. — С. 176—183.
10. Мельникова Л. А. Мотивы «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского в романе Г. Фаллады «Кто хоть раз хлебнул тюремной баланды» / Л. А. Мельникова // Научный диалог. — 2023. — № 12 (7). — С. 142—160. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160>.
11. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство) : учеб. пособие по спецкурсу / И. Мишин. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 1974. — 135 с.
12. Сучков Б. Ганс Фаллада / Б. Сучков // Волк среди волков. — Москва : Гослитиздат, 1957. — С. 3—27.
13. Фридендер Г. М. Реализм Достоевского / Г. М. Фридендер. — Москва, Ленинград : Наука, 1964. — 405 с.
14. Фридендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. / Г. М. Фридендер // Достоевский в зарубежных литературах. — Ленинград : Наука, 1978. — С. 117—174.
15. Gessel A. Hans Fallada : Leben und Werk / A. Gessel. — Berlin : Hans Fallada, 1976. — 176 s.
16. Manthey J. Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten / J. Manthey. — Hamburg : Rowohlt, 1973. — 188 s.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023,
одобрена после рецензирования 01.11.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- Dostoevsky, F. M. (1982). Crime and punishment. In: *Collected works in 12 volumes, 5*. Moscow: Pravda. 544 p. (In Russ.).
- Fallada, G. (1957). *Wolf among wolves*. Moscow: Goslitizdat. 880 p. (In Russ.).

References

- Friedlander, G. M. (1978). Dostoevsky, German and Austrian prose of the twentieth century. In: *Dostoevsky in foreign literatures*. Leningrad: Nauka. 117—174. (In Russ.).
- Friedlander, G. M. (1964). *Dostoevsky's Realism*. Moscow, Leningrad: Nauka. 405 p. (In Russ.).
- Gerigk, H. Y. (2016). *Dostoevsky's literary skill in development. From "Notes from the Dead House" to "The Brothers Karamazov"*. Saint Petersburg: Pushkin House Publishing House; Nestor-History. 320 p. ISBN 978-5-87781-042-6. (In Russ.).
- Gessel, A. (1976). *Hans Fallada: Leben und Werk*. Berlin: Hans Fallada. 176 s. (In Germ.).
- Gorbaneva, A. N., Ibragimova, L. I. (2019). The moral and religious position of Sonya Marmeladova in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 6 (139)*: 223—226. (In Russ.).
- Kasatkina, T. A. (2016). 8 questions about "Crime and punishment". *Thomas, 12*. Available at: <http://intelros.ru/readroom/foma/fl2-2016/31648-vosem-voprosov-o-prestuplenii-nakazanii.html> (accessed 07/19/2023). (In Russ.).
- Kashina, N. V. (1986). *Man in the works of F. M. Dostoevsky*. Moscow: Fiction. 318 p. (In Russ.).
- Kaufman, L. S. (1976). Fallada. In: *History of German Literature in 5 volumes: 1918—1945, 5*. Moscow: Nauka. 403—418. (In Russ.).
- Kirpotin, V. Ya. (1974). *Disappointment and the collapse of Rodion Raskolnikov*. Moscow: Soviet Writer. 454 p. (In Russ.).
- Kladova, N. A. (2015). Plot structure of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Questions of philology, 4 (52)*: 66—71. (In Russ.).
- Ma, V. (2014). The main characters of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in the light of their anthroponyms. *Science and School, 6*: 176—183. (In Russ.).
- Manthey, J. (1973). *Hans Fallada in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Hamburg: Rowohlt. 188 s. (In Germ.).
- Melnikova, L. A. (2023). Motifs of Fyodor Dostoevsky's 'Notes from Dead House' in Hans Fallada's Novel 'Wer einmal aus dem Blechnapf frißt...'. *Nauchnyi dialog, 12 (7)*: 142—160. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-142-160. (In Russ.).
- Mishin, I. (1974). *Dostoevsky and foreign writers (the main problems of creativity, traditions and innovation): studies. manual on a special course*. Rostov-on-Don: [b. i.]. 135 p. (In Russ.).
- Suchkov, B. (1957). Hans Fallada. In: *Wolf among wolves*. Moscow: Goslitizdat. 3—27. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (2013). *The author's name is Dostoevsky. Essay of creativity*. Moscow: Indrik. 456 p. ISBN 978-5-91674-242-8. (In Russ.).

*The article was submitted 10.10.2023;
approved after reviewing 01.11.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Меняев Б. В. Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения» / Б. В. Меняев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 281—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299.

Menyaev, B. V. (2023). Plot of ATU 160 in Oirat Monument “Tale of Nectar Teaching”. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 281-299. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-281-299

Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения»

Меняев Бадма Викторович
orcid.org/0000-0002-9205-4537
Scopus Author ID: 57219295236
специалист Международного
научно-исследовательского центра
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
bmeyaev@mail.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Plot of ATU 160 in Oirat Monument “Tale of Nectar Teaching”

Badma V. Menyaev
orcid.org/0000-0002-9205-4537
Scopus Author ID: 57219295236
specialist at the International
Research Center “Oirats and
Kalmyks in the Eurasian Space”
bmeyaev@mail.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

© Меняев Б. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья продолжает исследование ойратского памятника «Сказание нектарного учения» («Aršāni nomiḡin tuuḡi»). Вводятся в научный оборот два неопубликованных рукописных списка. Впервые рассматривается международный сюжет ATU 160 «Благодарные животные. Неблагодарный человек. Спасение из ямы» на материале четырёх рассказов из «Сказания нектарного учения». Источником исследования послужили списки «Aršāni nomiḡin tuuḡi», хранящиеся в рукописном отделе и архиве востоковедов ИВР РАН, Научной библиотеке восточного факультета СПбГУ. В качестве дополнительных материалов привлечены каталоги, указатели с международными сюжетами, фольклорные материалы, переводы письменных памятников на тибетском, китайском, древнеиндийских и монгольских языках. Показано, что все проанализированные произведения являются целостную картину сюжета ATU 160, дополняя друг друга. Выявлены общие характеристики, среди которых наиболее устойчивой является одинаковая композиция. Отмечается, что тексты заканчиваются объяснением и поучением. Утверждается, что в основе сюжета ATU 160 находится иноземный материал, который в сочинениях незначительно трансформирован. Автор приходит к выводу, что сюжет «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы», представленный в разных произведениях, является свидетельством единства индо-тибето-монголо-ойратского литературного фонда.

Ключевые слова:

сюжет ATU 160; Сказание нектарного учения; ойратская дидактическая литература; индо-тибето-монголо-ойратский литературный фонд.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article continues the study of the Oirat monument "The Tale of Nectar Teaching" ("Aršāni nomiḡin tuuḡi"). Three unpublished manuscript lists are introduced into scientific circulation. For the first time, the international plot ATU 160 "Grateful Animals. Ungrateful Man. Salvation from the Pit" is considered based on four stories from "The Tale of Nectar Teaching". The source of the study was the lists "Aršāni nomiḡin tuuḡi", stored in the manuscript department and archive of Orientalists at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and the Scientific Library of the Eastern Faculty of St. Petersburg State University. Catalogs, indexes with international plots, folklore materials, translations of written monuments in Tibetan, Chinese, ancient Indian and Mongolian languages were used as additional materials. It is shown that all analyzed works represent a holistic picture of the ATU 160 plot, complementing each other. Common characteristics are identified, among which the most stable is the same composition. It is noted that the texts end with an explanation and a moral lesson. It is asserted that the basis of the ATU 160 plot is foreign material, which is slightly transformed in the compositions. The author concludes that the plot "Grateful Animals; Ungrateful Man. Salvation from the Pit", presented in different works, is evidence of the unity of the Indo-Tibetan-Mongolian-Oirat literary fund.

Key words:

plot of ATU 160; The Tale of Nectar Teaching; Oirat didactic literature; Indo-Tibetan-Mongolian-Oirat literary fund.

Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения»

© Меняев Б. В., 2023

1. Введение = Introduction

Среди образцов ойратской дидактической литературы известен памятник «Сказание нектарного учения» («Aršāni nomiḡin tuḡji»). Сочинение было написано неизвестным автором на ойратском вертикальном письме «тодо бичиг» («ясное письмо»)¹. В списке переводов ойратского просветителя и переводчика Зая-пандиты (1599—1662) он не значится. Видимо, этот памятник был составлен одним из его учеников.

«Сказание нектарного учения» («Aršāni nomiḡin tuḡji») включает в себя короткие литературные произведения, в частности, джатак², авадан³, предания, легенды, басни, притчи. В своих предшествующих публикациях мы уже отмечали, что главное назначение таких произведений — наставить слушателей (читателей) в нравственности, милосердии и щедрости на примерах поведения Будды. Сентенция в подобных рассказах весьма доходчива. Такой прием можно объяснить тем, что посредством детального описания нравов людей возможно акцентировать причинно-следственные связи. Главная мысль, которая проходит красной нитью через все рассказы сборника, заключается в том, что результатом благих и неблагих деяний является добровольный выбор самого человека [Меняев, 2011, с. 76]. Внутри сборника отсутствует какая-либо тематическая классификация. Каждая сюжетная единица сборника содержит определенное количество примеров, «вставных эпизодов», жанровый состав которых разнообразен. Настоящий сборник следует рассматривать как пример особой жанровой разновидности ойратской дидактической литературы «народного буддизма» со своими особенностями: композиционным построением, сюжетосложе-

1 Ойратское вертикальное письмо «тодо бичиг» (букв. 'ясное письмо') было создано в 1648 году ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольского письма.

2 Джатаки (монг. *čadiḡ* < uig. *čadik* < skr. *jātaka*) — этапы перерождений [Доминин, 2018, с. 117], рассказы о перерождениях, главным героем которых является Будда Шакьямуни.

3 Аваданы — рассказы о перерождениях различных живых существ. Главная идея этих рассказов заключается в объяснении людям взаимосвязи деяний, совершенных при жизни, и последующих перерождений [Меняев, 2011, с. 76].

нием, характером обработки заимствованного материала и средствами стилистической выразительности. Источники, послужившие для составления «Сказания нектарного учения», нам неизвестны, но сюжеты многих его рассказов встречаются в различных сочинениях древнеиндийской и тибето-монгольской литератур («Панчатантра», «Джатаки», «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо»), «Джатакамала» («Гирлянда джатак»), «Комментарии к Субхашите», «Комментарии к Капле, питающей людей» и др.), а также в сказочном фольклоре народов Азии.

Настоящий памятник пользовался большой популярностью среди ойратов России и Китая, что видно из статей калмыцкого учёного Номто Очирова [Поездка ..., 1913, с. 63] и синьцзянского краеведа из уезда Монгол-Кюре Нимян Басанга «Ни. Басанг и его коллекция старинных книг» [Басанг, 1984, с. 1]. На сегодняшний день в нашем распоряжении имеются три списка «Arṣāni nomiḡin tuḡji», хранящиеся в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета (далее Список 1), рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (далее — Список 2) и Государственном архиве Республики Татарстан (далее — Список 3). При текстологическом сличении трех списков «Сказания нектарного учения» выяснилось, что тексты Списков 1 и 2 практически идентичны друг другу, они различаются небольшими текстологическими вариациями (окончания слов, некоторые пропуски, сокращения, различное написание слов и др.) и разным количеством рассказов. Список 3 представляет собой неполный текст на пяти листах, в нём отсутствуют многие рассказы. Список 1 привлекался для фрагментарного сопоставления с другими памятниками тибето-монгольской литературы академиком Б. Я. Владимирцовым («Панчатантра») [Владимирцов, 2003] и монгольским исследователем Д. Ёндоном («Капля, питающая людей», «Субхашита») [Ёндон, 1989]. Колофон Списка 2 повествует, что текст сочинения был переписан собирателем фольклора донских калмыков И. И. Поповым (1859—1925) [Список 2, 64a]. Дата, место выполнения этого списка и оригинал рукописи переписчиком не охарактеризованы, можно лишь предположить, что она была переписана во время сбора калмыцких фольклорных материалов и образцов письменных памятников. С настоящего списка во второй половине XIX века был выполнен русский перевод А. М. Позднеева [Артани номын тууджи].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

До настоящего времени не было специальных монографических исследований по изучению памятника «Сказание нектарного учения». Частично памятник рассматривался в статьях автором настоящей работы: «Джатаки из ойратского сборника “Сказание нектарного учения”» (2007),

«Ойратский сборник “Сказание нектарного учения”»: мотив посещения ада» (2008), «Притчи из “Сказание нектарного учения”» (2008), «О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике “Сказание нектарного учения”» (2008), «О двух списках рукописи “Аршани номийн тууджи” (“Сказание нектарного учения”)» (2010), «Жанровые особенности ойратского литературного памятника “Сказание нектарного учения”» (2011), «История изучения ойратского литературного памятника “Сказание нектарного учения”» (2012) [Меняев, 2011 и др.].

Материалом для данного исследования послужил неопубликованный сборник «Сказания нектарного учения» («Aršāni nomiyin tuuji») в двух Списках [Список 1; Список 2] и русский перевод А. М. Позднеева [Артани номын тууджи]. В качестве дополнительных материалов для более глубокого и детального изучения сюжета ATU 160 были привлечены каталоги, указатели с международными сюжетами, фольклорные материалы, переводы письменных памятников на тибетском, китайском, древнеиндийских (санскрит, пали) и монгольских языках. Для интерпретации буддийских терминов использовались лексикографические работы и словари. В статью были использованы описательный, сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и локальные особенности сюжета в рассматриваемых произведениях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В настоящей статье впервые исследуется сюжетный тип ATU 160 «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы» на материале ойратского (калмыцкого) письменного памятника «Сказание нектарного учения» («Аршани номин тууджи»). Необходимо отметить, что данный сюжет упоминается в различных международных каталогах, указателях, письменных и устных памятниках и публикациях: в каталоге Аарне-Томпсона-Утера он указан под номером 160: *Путешественник спасает из ямы обезьяну, змею, тигра и ювелира. Обезьяна дает ему фрукты; тигр — ожерелье принцессы, которую он убил. Ювелир обвиняет спасителя перед королем. Змей спасает его, укусив принца, а затем показывая ему правильное лекарство* [ATU, 2004]; в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» — № 160 «Благодарные звери: вытасщенные человеком из ямы, оказывают впоследствии ему помощь, щедро вознаграждают его» в разделе «Человек и дикие животные» (150—199) [СУС, 1979, с. 160]; в «Указателе сюжетов монгольских сказок» Л. Лёринца — № 26 (так как настоящий указатель построен по принципу А. Аарне, названия разделов и номера сюжетов сохранены) [Лёринц, 1979]; в книге Л. Бёдкера «Индийские сказки о животных» — сюжет № 1120 в разделе «Благодар-

ное (полезное животное). Неблагодарный человек» [Бёдкер, 1957, с. 110]; в палийских «Джатаках», переведенных А. Голембой, — № 73 «Джатака об истине» [Джатаки, 1979, с. 178—184]; в «Панчатантре», переведенной с санскрита А. Я. Сыркиным, — глава № 9 «Благодарные животные» [Панчатантра, 2020, с. 85—89]; в монгольской «Панчатантре», опубликованной Б. Я. Владимирцовым, — № 12 «Благодарные животные и неблагодарный человек» [Владимирцов, 2003, с. 193—195], «Комментарии к “Капле, питающей людей”» [Ёндон, 1989, с. 61—63] и др. В указателях помимо разделов и номеров сюжетов указаны мотивы к сюжету с указанием источников: благодарные животные; неблагодарный человек; поймать в ловушке; змей спасает жизнь осужденному; лекарство, показанное животными (чаще всего змея), спасает больного или воскрешает мертвых и др.

3.1. Первый рассказ с сюжетом ATU 160

Сюжетный тип ATU 160 «Благодарные животные (AT554); Неблагодарный человек. Спасение из ямы» соотносится с сюжетами четырёх рассказов из «Сказания нектарного учения» [Список 1; Список 2]. В первом рассказе [Список 1, 17а—18б; Список 2, 23б—25а; Артани номын тууджи, 8а] имеется зачин, где говорится о споре Радующегося Учению (Номд Байсгч) и Радующегося Греху (Килнцд Байсгч). Спор их заключался в том, что полезней совершать — добродетель или грех: *Basa urida caqtu buyan üyiledüqçi nüül üyiledüqçi xoyor bui: töüni cü nere Nom-du bayasuqçi Kilincedü bayasuq=çi kemēn nereyidümüi: Nom-du bayasuqçi buya üyiledküle tustai kemēkü kigēd Kilincedü bayasuqçi kilince üyiledküle tustai kemēn* [Список 1, 17а—17б] (Также в давние времена жили совершающий добродетель и совершающий грех. Их прозвали Радующийся Учению и Радующийся Греху. Радующийся Учению говорил, что полезно совершать добродетель, а Радующийся Греху — полезно совершать грех¹). В переводе Б. Я. Владимирцова спор между праведником и грешником заключается в приобретении хорошего будущего перерождения [Владимирцов, 2003, с. 103]. Спор Радующегося Учению и Радующегося Греху разрешил один посторонний человек, который заранее был подкуплен Радующимся Греху. Так, Радующийся Учению проигрывает спор, отдает своё имущество Радующемуся Греху и устраивается работать лодочником. Он стал перевозить людей с одного берега на другой, тем самым вновь совершая добрые дела. Однажды он на своей лодке через быструю и глубокую реку перевез лису, змею, мышь и пчелу. Радующийся Греху, совершая грех, отобрал у героя его единственную лодку. Радующийся Учению, не будучи в силах грешить, отказавшись от материальных благ, поселился в пустом пространстве (в переводе Владимирцова — в пещере). Находящемся

1 Здесь и далее перевод с ойратского языка Б. В. Меняева.

в беде герою помогают звери, которых он когда-то перевез на лодке. Лиса добывает ему с ханского¹ пира большой кусок мяса. Съев его, Радующийся Учению попадает в темницу. Змея, причинив хану глазную болезнь, втирает в указательный палец Радующегося Учению лекарство (эм) (в Списке 2 — *Ном* 'Учение'). Хан объявляет, что отдаст свою дочь и половину царства тому, кто исцелит его глаза. Радующийся Учению излечивает ханские глаза, но хан не отдает ему дочь, а приказывает рассыпать мешок риса в ущелье. Хан в этот момент представлен как «неблагодарный человек» (АТУ 160). Собрать рис герою помогает спасённая им мышь (многочисленность мышей в тексте передается словом *шорһлжн* 'муравьи', в афористической поэзии калмыков есть поговорка: *Шорһлжһнас олн, шорһһас нигт* / 'многочисленнее муравьев, плотнее земли' [КРС, 1977, с. 680]). Но и на этот раз хан не отдаёт дочь Радующемуся Учению, а даёт ему ещё одно задание — узнать его дочь среди других девушек. В этом герою помогает пчела, которая, летая у глаз ханской дочери, подаёт ему знак. Необходимо отметить, что помощь пчел или мух в распознавании ханской дочери часто встречается в калмыцких сказках: *шар цоохр хойр зөг* 'две жёлто-пёстрые пчелы' — «Геср богдин гер авһһн» («Женитьба Гесер богдо») [ХТ II, с. 193]; *бичкн алтн батхн* 'маленькая золотая муха' — «Жамин көшэ» ([Ступа] Джарун Кашор²) [ХТ IV, с. 239]; *мөңгн жсиртэ, алтн цогцта батхн* 'муха с серебряными крыльями с золотым телом' — «Һал хаана отхн шар көвүн» («Младший сын Гала хана») [ХТ I, с. 148]; *алтн жсиртэ көк батхн* 'златокрылая зеленая муха' — «Өөт Мергн Темн» («Ойт Мерген Темен») [Меняев, 2023, с. 286] и др. Другими методами распознавания невест в калмыцком сказочном фольклоре являются: буква «А» [ХТ II, с. 193] или слог «ма» из шестисложной мантры «Ом мани падме хум» [ХТ IV, с. 239; Меняев, 2023, с. 286] на зубах; руки длиннее колен [ХТ IV, с. 239] и др. Все перечисленные приметы относятся к сюжетному типу АТУ 850 «Приметы царевны» (СУС 850 Приметы царевны раздел 850—869 «Женитьба на царевне (похищение красавицы)» [СУС, 1979, с. 217]). В конце проанализированного нами рассказа хан вознес похвалы добродетельному Радующемуся Учению, отдал ему в жены свою дочь и несметные сокровища (ср. монгольская сказка в Указателе Л. Лёринца № 26; калмыцкая сказка «Саак» [КВС, 2020, с. 123]). А Радующийся Греху обеднел и обратился за помощью к Радующемуся Учению, который ему не отказал.

Рассмотренный нами сюжет АТУ 160 первого рассказа из «Сказания нектарного учения» [Список 1, 17а, 18б; Список 2, 23б, 25а; Артани номын тууджи, 8а—9а] в какой-то мере перекликается с палийской джатакой под

1 Хан — *ист.* хан, правитель.

2 Ступа Джарун Кашор, находится в Непале, для тибетских и монгольских буддистов является одним из святых мест.

номером 73 [Джатаки, 1979, с. 178—184] и индийским фольклорным вариантом, отмеченным Л. Бёджером в «Индийских сказках о животных» под номером 1122 [Бёджер, 1957, с. 110]. В палийской джатаке Бодхисаттой-подвижником¹ были спасены сын бенаресского царя Дуттха-кумара (*Порченный*) и звери (змея, крыса и попугай) из бурной реки во время грозы, когда они плыли по ней на одном бревне и были на грани смерти. Змея и крыса были перерожденцами жадных торговцев, спрятавших в своей прошлой жизни на берегу этой реки золотые монеты. Впоследствии звери как «благодарные животные» остаются верными Бодхисатте, одаривают его золотом и рисом, а принц, являясь «неблагодарным человеком», когда становится царем, приказывает убить героя. Его спасают горожане (кшатрии, брахманы), а злого принца они забивают до смерти и бросают в сточную канаву. Разочаровавшийся Бодхисатта-подвижник заключает: *Мир этот полон скверны и греховен / И люди в нём порою хуже брёвен* [Джатаки, 1979, с. 182].

Сюжет «спасение животных и человека из ямы» встречается в монгольской «Панчатантре» (№ 12) [Владимирцов, 2003, с. 193—195]. Некий человек в заброшенном городе из иссушенного колодца спасает человека, ястреба, змею и мышь. Когда их спаситель обеднел и попал в беду, ему помогли «благодарные животные». А «неблагодарный человек» своего спасителя выдаёт царю за большую награду, и тот оказывается в тюрьме. Змея в рассказе представлена мудрой, она заставляет человека, находящегося в заключении, написать письмо царю якобы от самого царя драконов (*луус*). В письме говорится, чтобы царь отпустил невинного человека и отдал ему ожерелье царицы, драгоценности, имущество, скот и прочее, так как человек, сидевший в тюрьме, забрав ожерелье царицы, на самом деле этим спас её от зла и наваждения. Если царь послушается царя драконов, то с ним, его семьей, народом, городом приключится зло. Письмо царю доставила мышь, а ядовитая змея, прикоснувшись к телу царя, уползла назад в тюрьму к человеку. На следующий день все тело царя сильно распухло, отчего он не смог встать, а прочитав письмо, пришел в страшное изумление. Он поспешил освободить из тюрьмы человека, который, когда за ним пришли, был обвит змеей. Все склонились перед человеком, сказав: «У этого человека оказался поистине грозный хранитель». Царь вывел пленника из темницы, отдал ему ожерелье царицы, драгоценности, имущество, скот и прочее. Болезнь царя прошла. После того все стали почитать и уважать того человека. Следует отметить, что согласно индийским на-

1 *Бодхисатта* — (санскр. *бодхисаттва* букв. ‘обладающий просветленной сущностью’) — в палийских джатаках — будущий Будда, то есть Будда Шакьямуни в одном из «прежних существований», а также и «в последнем рождении» до обретения просветления (бодхи) [Джатаки, 1979, с. 327].

родным верованиям змеи исцеляют людей от лихорадки [Волчок, 1972, с. 296], в монгольской традиционной медицине змеиная шкура применяется при лечении опухолей (хавдр) на коже [Басангова, 2019, с. 139].

Монгольская «Панчатантра» берёт свое начало из выдающегося индийского памятника, ранняя редакция которого была составлена неизвестным автором и стала известна ещё в III—IV веках н. э. В версии Пурнабхадры, переведенной на русский язык А. Я. Сыркиным, сюжет АТУ 160 представлен в девятом рассказе. Здесь так же, как и в монгольской «Панчатантре», некий человек спасает животных (тигра, обезьяну, змею) и человека из заросшего колодца. О спасителе известно только то, что он «дважды рождённый» брахман, а спасённым выступает ювелир из индийского города Бхригукачхе¹. В отличие от всех предыдущих рассмотренных нами примеров, животные, находясь ещё в колодце, вступают в диалог с брахманом и советуют ему не вытаскивать человека: *«Каждый человек —местилище всех пороков. Подумав об этом, не вытаскивай того человека и не доверяй ему»* [Панчатантра, 2020, с. 86]. В ходе развития сюжета герой бедствует и «благодарные животные» помогают ему, а ювелир, будучи «неблагодарным человеком», выдает его царю как убийцу царевича. Из темницы его вызволяет змея, которая, как и в «Сказании нектарного учения», руки героя пропитывает целебным противоядием. Прикасаясь целебными руками, герой спасает любимую жену царя, и его наградой становится освобождение из тюрьмы. Царь, узнав от брахмана правду, одаривает спасителя тысячей деревнями и назначает министром. Царь, принося обильные жертвоприношения и управляя с заботой о своем царстве, приобретает множество заслуг и счастливо проживает свою жизнь.

3.2. Второй рассказ с сюжетом АТУ 160

В «Сказании нектарного учения» имеется еще три рассказа, относящиеся к сюжетному типу АТУ 160, но в отличие от первого рассказа в яме (ущелье) находятся только люди, а животных нет. Во втором рассказе [Список 1, 20а—20б; Список 2, 276—28б; Артани номын тууджи, 10а] хромой гелонг² вытаскивает двух людей из ущелья. *Basa urida caq-tu köl doyolong dgeslong uulayin bulung orgil-du nigene bišilyal üyiledküi-dü nige caq-tu yeke xarangyui gün xabcal bui töüni dotoro yaslang-tu kümüni duun yeke yaruqsani sonosöd tere dgeslong (28a) üzeküi-dü xoyor kümün yeke xadayin nükün-dü unaqsan yaslang üyiledüqseni üzed tere dgeslong arıamjı ögöqsen-yër dgeslong tere xoyor kümüni yarıyajı abubai* [Список 2, 276—28а] (Также в давние времена, когда один хро-

1 Бхригукачхе — город на северном берегу реки Нармады (совр. Нарбада), впадающей в залив Камбей.

2 Гелонг (тиб. *dge slong*; ойр. *dgeslong*; калм. *гелң*) — буддийский монах, держащий 253 обета.

мой гелонг на углу вершины одной горы предавался созерцанию, была одна глубокая темная пещера. [Он] услышал, как громко доносился оттуда страдальческий голос (28a). Тот гелонг увидел там двух людей, которые упали в яму большой скалы и мучились там. Тот гелонг дал им аркан и вытащил тех двоих людей). Один из них в знак благодарности дарит спасителю драгоценный камень (*нег сэн эрднь* букв. ‘один из лучших драгоценных камней’), а другой, являясь «неблагодарным человеком», доносит об этом хану, и тот в свою очередь отбирает у гелонга подарок. Вследствие своего доноса «неблагодарный человек» заболевает тяжелой неизлечимой болезнью. Рассказ завершается стихотворной речью тенгриев¹ и краткой сентенцией, что нужно помнить добро и быть благодарными.

Список 2	Перевод
<i>Ačiqaqsani meden xariulan üyiledüqči-inü</i> <i>Amitan бүкүн-лүяә zokicon sedkil-dü</i> <i>sanaqsan бүтүкү</i> <i>Ači ülü meden xariulan ülü üyiledüqčid</i> <i>Amitan бүкүн-лүяә ülü zokicon</i> <i>Xoriin cuulyan noγoud bolxu bui:</i> [Список 2, 286].	Понимающие добро Будут жить в согласии со всеми живыми существами и все их мысли сбудутся. Не понимающие добро Не будут пребывать в согласии со всеми живыми существами и станут собранием зла.

3.3. Третий рассказ с сюжетом ATU 160

Третий рассказ из «Сказания нектарного учения» [Список 1, 296—30a; Список 2, 40a—40б; Артани номын тууджи, 13a] в сравнении с переводами текстов с древнеиндийских языков (санскрита — Джатакамала № 24 [Арья Шура 2000, с. 224—231]; пали Джатака № 516 [Джатаки, 2003, с. 176—181]), с тибетского языка — Рокхилл «Джатаки» № 3 [Rockhill, 1887, с. 8—9]; с китайского языка — Типитака № 47 [Chavannes IV, 1962, с. 115—116], с монгольского и тибетского языков — «Комментарий к “Субхашите”» [Ёндон, 1989, с. 131—132] и др.), которые могли бы быть его источниками, немного сокращен. В рассматриваемом рассказе имеется незначительное расхождение. В отличие от перечисленных текстов здесь Обезьяна-бодхисаттва², узнав злое намерение человека, попытавшегося её убить, проклинает его и желает ему мучительной болезни. В тибетском многотомном своде буддийских сочинений Канджуре (Ганджуре): Рокхилл

1 *Тенгри* (ойр. *tenggeri* ‘тенгри’, монг. *ngri-ner* ‘тенгри’, тиб. *lha* ‘божество’, санскр. *Deva* [Ойратский словарь, 2010, с. 172]) — божество, один из шести живых существ, обладающий хорошей судьбой.

2 *Бодхисаттва* (санск. *bodhisattva*; тиб. *byang chub kyi sems*; ойр. *bodhi sadv*) — существо, отказавшееся от достижения нирваны ради спасения других [Ойратская версия, 2013, с. 29].

«Джатаки» № 3 и китайской Типитаке¹ [Chavannes IV, 1962, с. 115—116]
«неблагодарный человек» убивает обезьяну, спасшую ему жизнь.

Палийская «Джатака о великодушной обезьяне и предателе» [Джатаки, 2003, с. 176—181]	Рассказ из ойратского сборника «Сказание нектарного учения» [Список 2, 40а—40б].
Брахман, в поисках еды поднявшись на дерево-гиндуки, сорвался в отвесную пропасть.	Человек в поисках потерявшегося скота в лесу проваливается в глубокую яму.
Брахман, увидев царя обезьяньего, просит помощи: <i>«Человек я, в беду попавший, избавленья отсюда нет мне. Да пребудет с тобою благо! Я молю тебя о спасенье»</i> [Там же, с. 178].	Человек, упав в яму, издаёт жалобные звуки: <i>«В этих местах нет что ли никого, кто бы мог спасти меня, а если есть, то соблаговоли избавить меня от этих страданий»</i> [Там же, 40а].
Брахмана спасает и вытаскивает на спине из пропасти царь обезьяний. Перед тем, как понести брахмана, царь обезьяний, взяв камень на спину, проверяет свои силы.	Провалившегося человека вытаскивает на спине обезьяна-бодхисаттва. Обезьяна-бодхисаттва проносит вначале камень на спине.
Царь обезьяний, добравшись до самого верха пропасти, устает и засыпает.	Обезьяна-бодхисаттва, вытащив человека, засыпает от усталости.
У брахмана зародился мерзкий замысел: <i>«Обезьяна — людям пожива, как любые лесные твари. Почему бы его не убить мне — я бы досыта мяса наелся! Будь я сыт, я и сил бы набрался, взял бы мяса с собою в дорогу. Я бы выбрался из чащобы и вернулся обратно к людям»</i> [Джатаки, 2003, с. 179].	У спасенного человека зародился злой замысел: убить обезьяну и съесть её (<i>sar mečin öüni alad idemüi kemēn</i>) [Там же].
Брахман, взяв в руки обломок скалы, ударяет им по темени царя обезьяньего, но так как в руке не было сил, удар получился слабым.	Человек, целясь в голову обезьяны-бодхисаттвы, бросает в неё большой камень и чуть-чуть задевает её лоб.
Обезьяна вскочила мигом (а по темени кровь струилась). И с глазами, полными слёз, сказала, укоряя «неблагодарного брахмана»: <i>«Что же ты сделал, любезный! Как на такое решился! Пусть пребудет с тобою благо — но я-то просил о защите! Горе тебе, человек, на злодейство ты покусился! Кто, как не я, тебя</i>	Обезьяна, содрогнувшись от удара, убежав на вершину дерева, проклиная «неблагодарного человека»: <i>Tusalan üyiledüqseni xariulun ülü üyiledün sayini xariüyigü miwār xariuluqçi mungxaq içüüri jiqşöüri ügei öün-dü zobolong-tu ebečin kürtekü kemēbei</i> [Список 2, 40б] (Глуп тот, кто не платит за оказанную

¹ Трипитакка (на языке пали) — Типитакка (санскр. ‘три корзины (текстов мудрости)’, монг. гурван аймаг сав ‘три корзины’ [Дагвадорж, 1995, с. 30]) — свод раннебуддийских священных текстов, созданных в V—III веках до н. э.

Палийская «Джатака о великодушной обезьяне и предателе» [Джатаки, 2003, с. 176—181]	Рассказ из ойратского сборника «Сказание нектарного учения» [Список 2, 40а—40б].
<i>вызволит из гибельной этой пропасти? Я вернул тебя с того света, а ты предать меня вздумал? Ты злодей и злодейство замыслил, которого нет страшнее. Не пришлось бы тебе за это претерпеть немалые муки. Ох, погубишь себя ты злодейством, как бамбук от плодов своих гибнет. Нет тебе больше веры, ведь замыслил ты злодеяние»</i> [Джатаки, 2003, с. 179]. Далее обезьяний царь выводит брахмана в людское селенье, брахман заболевает проказой, так что люди отовсюду гонят его.	помощь, в ответ на добро воздаст злом, пусть бесстыдный и гнусный человек заразится мучительной болезнью!). «Неблагодарный человек» заболевает болезнью газов и желчи и испытывает нестерпимые страдания.
В конце джатаки брахман (Девадатта, двоюродный брат Гаутама Будды, бывший буддийский монах, известный тем, что привел к расколу в сангхе) советует людям: «Благодетелей не предавайте, нет греха тяжелее измены. Того, кто предаст благодетеля, поражают проказа и язвы. А после смерти предатель попадает в ад непременно» [Джатаки, 2003, с. 181].	В конце рассказа тенгрии произносят речь: <i>Yeke öröšönggötei-dü müü sedkil üyiledküle / Ceceq metü ödöge bolbosuran üre-inü teseši ügei / Ene metü bologsan bui kemēbei</i> [Там же] (Если причинить зло многомилостивому, То оно тотчас же зардеется как цветок, А плод его будет невыносимым).

При сличении двух текстов выявлено, что все позиции совпадают текстуально и варьируются в незначительной степени. Выявленные текстуальные совпадения сближают текст рассказа из «Сказания нектарного учения» с палийской «Джатакой о великодушной обезьяне и предателе», что вполне объяснимо, так как ойраты (калмыки) заимствовали индийские сюжеты джатак через тибетскую литературу.

3.4. Четвёртый рассказ с сюжетом ATU 160

Историю, представленную в четвертом рассказе о «неблагодарном человеке» из «Сказания нектарного учения» [Список 1, 31а—31б; Список 2, 43а—43б; Артани номын тууджи, 13б—14а], можно также считать популярной (см. Джатакамала № 26 [Аръя Шура, 2000, с. 238—246]; Типитака № 58 [Chavannes IV, 1962, с. 341]; Руру Джатака № 482 [Коуэлл, 1901]; палийская «Джатака об олене Руру» [Джатака]; «Комментарий к «Субхашите» [Ёндон, 1989, с. 131—132] и др.). В рассматриваемом нами тексте добродетельная бодхисаттва в облики антилопы Руру спасает упавшего в ущелье человека и просит его никому не говорить о ней. Однако человек

сообщает хану о прекрасной антилопе. Хан стал охотиться на Руру, чтобы из её шкуры изготовить кожаный тюфяк. «Неблагодарный человек», увидев Руру, захотел было указать на животное пальцем, но палец у него оторвался. Хан, выслушав антилопу, узнает о «неблагодарном человеке» и, разозлившись, собирается убить человека, но Руру просит помиловать его и сохранить ему жизнь: *«Если одушевленное существо убьет до смерти этого человека, то погубит эту свою жизнь дурного славой, а в конце, в силу будущего возмездия, погубит и будущую жизнь. Сблагослови помиловать его жизнь. Не нужно убивать!»* [Артани номын тууджи, 14а]. Хан, постигнув истину, согласился не убивать человека, однако к тому внезапно пришла болезнь, из-за которой он испытывал невыносимые мучения. Текст из «Сказания нектарного учения», видимо, является сокращенным вариантом палийских джатак. В палийских джатаках имеется подробное описание оленя Руру: имеет гладкую шерсть с окрасом расплавленного золота, его тело, кончики рогов и копыт сверкают оттенками драгоценных камней, глаза кроткие, тёмные и блестящие. Олень живёт в безлюдной лесной чаще, избегает охотничьих ловушек, просвещает стадо животных и руководит им. По мудрости олень сравнивается с Учителем или Отцом. В палийских джатаках указана цена, за которую «неблагодарный человек» выдает оленя царю: богатая деревня и десять прекраснейших женщин, — что отсутствует в «Сказании нектарного учения». При указании на оленя у человека вместо пальца оторвалась рука. В заключение джатак царь приглашает оленя Руру во дворец и слушает его Учение. Рассказ из «Сказания нектарного учения» завершается разъяснением: «Поэтому все практикующие Священное Учение не должны за добро платить злом, а должны быть благодарны за оказанную им помощь» [Джатака].

4. Заключение = Conclusions

Итак, сюжет ATU 160 «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы» встречается не только в ойратском «Сказании нектарного учения» («Аршани номин тууджи»), но и в разных письменных индо-тибетско-монгольских сочинениях. Каждое рассмотренное нами произведение имеет свои особенности, своё превосходство над остальными произведениями. Одним из них присуща композиционная стройность, вторым — заметный отход от канона дидактической литературы, третьим — большее число действий или поворотов сюжета, отсутствующих в других рассказах и джатаках. Но при этом все они вместе взятые, дополняя друг друга, составляют довольно целостную картину рассматриваемого нами сюжета ATU 160. Наряду со своими специфическими признаками каждое произведение (вне зависимости от языка) обнаруживает и определённое

сходство с другими, объяснимое не только общностью сюжета, но также их преемственной связью. Прежде всего, наиболее устойчивой чертой является одинаковое композиционное построение (зачин и концовка), кроме того, каждое произведение завершается объяснением и поучением. Несмотря на попытки отдельных авторов усовершенствовать композицию своих сочинений, все же содержание остается без существенных изменений. Лодка из сюжета ATU 160, перевозящая тонущих людей и животных через бурную глубокую реку с одного берега на другой, символизирует *парамиту* (санскр. *pāramita* ‘ведущий на другой берег’) — шесть взаимосвязанных действий (щедрость, этика, терпение, усердие, медитация, мудрость), «переправляющих на тот берег океана существования», то есть приводящих к просветлению. Яма или заброшенный колодец символизируют Нижний мир, то есть ад (ойр. *tam*). Животные и человек, попавшие в водный поток либо в яму (заброшенный колодец) и находящиеся на грани смерти, являются грешниками, совершившими в своих предыдущих рождениях грехи.

Таким образом, сюжет ATU 160 «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы» в ойратском «Сказании нектарного учения» («Aršāni nomiyin tuuji») создан преимущественно на основе иноземного материала, который подвергается незначительной обработке, дополняется или сокращается, а в первом рассказе сборника в какой-то степени даже соединяется с местной сказочной традицией. В лексике рассказов «Сказания нектарного учения» названия героев заменены их монгольскими вариантами: царь — хан, монах — гелонг. В рассказах «Сказания нектарного учения» («Аршани номин тууджи») спасителем выступают: Радующийся Учению (праведник), хромой гелонг, обезьяна-бодхисаттва и бодхисаттва в облиции оленя Руру; в древнеиндийских сюжетах: бодхисатта-подвижник (73-я палийская джатака), путешественник (индийский сюжет, отмеченный Л. Бёдкером), некий человек (12-й рассказ из монгольской «Панчатантры»), некий человек (9-й рассказ из «Панчатантры», переведённой с санскрита), царь обезьяний (палийская «Джатака о великодушной обезьяне и предателе»), бодхисаттва в облиции оленя Руру (палийская «Джатака об олене Руру»). Спасённые звери, как и люди, упоминаются разные в различных вариантах: в первом рассказе «Сказания нектарного учения» — лиса, змея, мышь и пчела, в последующих трёх рассказах это 1—2 человека; в семьдесят третьей палийской джатаке — змея, крыса, попугай и сын бенаресского царя Дуттха-кумара («Порченный»); в индийском сюжете, отмеченном Л. Бёдкером, — обезьяна, змея, тигр и ювелир; в двенадцатом рассказе монгольской «Панчатантры» — ястреб, змея, мышь и человек; в девятом рассказе из «Панчатантры», переведённой с санскрита, — тигр, обезьяна, змея и человек; в палийской «Джатаке о ве-

ликодушной обезьяне и предателе» и «Джатаке об олене Руру» — человек и др. Сюжет «Благодарные животные; Неблагодарный человек. Спасение из ямы», воплощенный в ряде текстов, свидетельствует о единстве индо-тибето-монголо-ойратского литературного фонда.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Артани номын тууджи — *Артани номын тууджи* (Сказание нектарного учения). Перевод // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 44 (Позднеева). Оп. 1. Ед. хр. 109. 18 лл.
2. Арья Шура, 2000 — *Арья Шура* Гирлянды джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд. доп. — Москва : Восточная литература РАН, 2000. — 367 с. — ISBN 5-02-017644-3.
3. Бёдкер, 1957 — *Bödker L. Indian animal tales* / L. Bödker. — Helsinki : Suomalainen tiedeakatemia. Academia scientiarum fennica, 1957. — 144 p.
4. Владимирцов, 2003 — *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из «Pañcatantra» / Б. Я. Владимирцов // Работы по литературе монгольских народов / Редкол. : В. М. Алпатов (пред.) и др. ; Сост. Г. И. Слесарчук, А. Ц. Цендина. — Москва : Восточная литература, 2003. — С. 79—204.
5. Джатака — *Джатака* об олене Руру [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.dharmawiki.ru/index.php> (дата обращения 15.05.2023).
6. Джатаки, 1979 — *Джатаки* : Из первой книги «Джатак» / Пер. с пали Б. Захарына ; Вступит. статья, сост. и примеч. Б. Захарына ; Стихи в переводе А. Голембы. — Москва : Художественная литература, 1979. — 351 с.
7. Джатаки, 2003 — *Джатаки* : избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. — Санкт-Петербург : Возрождение — Культурные центр «Уддияна», 2003. — 416 с.
8. КВС, 2020 — *Калмыцкие волшебные сказки* / вступит. ст. Б. Б. Горяевой ; сост., указатели Б. Б. Горяевой, Д. В. Убушиевой ; перевод, примеч., коммент., словарь Б. Б. Горяевой, Т. А. Михалевой, Д. В. Убушиевой. — Москва : Первая Образцовая типография, Чеховский Печатный Двор, 2020. — 584 с. — (Свод калмыцкого фольклора). — ISBN 978-5-906881-42-7.
9. Коуэлл, 1901 — *Cowell E. B. The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births* [Electronic resource] // Transl. from the Pāli by Various Hands under the Editorship of Prof. E. B. Cowell. Vol. 1—6 (and Index). — Cambridge, 1901. — Access mode : <https://sacred-texts.com/bud/j4/index.htm> (accessed 15.05.2023).
10. КРС, 1977 — *Калмыcko-русский словарь* / Под ред. Б. Д. Муниева. — Москва : Русский язык, 1977. — 760 с.
11. Лёринц, 1979 — *Lörincz Laszlo Mongolische Märchentypen*. — Budapest : Akademiai Kiado, 1979. — 428 p.
12. *Меняев Б. В.* Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии : исследование и материалы / Б. В. Меняев. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2023. — 544 с.
12. *Панчатантра* / пер. с санскрита, предисл., примеч. и прил. А. Я. Сыркина. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : Наука — Восточная литература, 2020. — 414 с. — ISBN 978-5-02-039819-1.

14. Рокхилл «Джатаки» — *Rockhill W. W. Tibetan Buddhist Birth-Stories : Extracts and Translations from the Kandjur.* — *Journal of the American Oriental Society.* — 1887. — Volume 18. — Fasc. 1. — Pp. 1—14.

15. *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. / Отв. ред. Д. Кара. — Москва : «Наука» ГРБЛ, 1988. — Т. I. — 508 с.

16. Список 1 — *Aršan nomiyn tuuji orošiboi* (Сказание нектарного учения). A collection of didactic stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. Е 6. № 1917 (старый шифр : Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 лл. [Успенский, 2001, № 427].

17. Список 2 — *Aršāni nomiyn tuuji* (Сказание нектарного учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеева). Шифр С 197. 64 лл. [Сазыкин, 1988, 622].

18. Список 3 — *Буддийские* легенды на калмыцком языке» // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11—24.

19. СУС — *Сравнительный* указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Ленинград : Наука, 1979. — 112 с.

20. Успенский, 2001 — *Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library.* Compiled by V. L. Uspensky. — Tokyo : Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre), 2001. — 529 p.

21. ATU 2004 — *Uther H. J. The Types of International Folktales : a Classification and Bibliography, based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson* / ed. Staff Sabine Dinslage [et al.]. — Helsinki : Suomal. tiedakat., 2004. (FF communications / Ed. for the Folklore fellows). № 160 : Grateful Animals ; Ungrateful Man. The rescue from the pit. — 619 p.

22. *Chavannes E. Cing cents Contes et Apologue extra its du trpitaka Chinois et Traduits en Français* by Edouard Chavannes / E. Chavannes. — Paris : Adrien-Maisonneuve, 1962. — Vol. I—IV.

23. ХТ I — *Хальмг туульс. I боть / барт белдснь Саңһжин Б., Саңһан Л.* — Элст : Хальмг дегтр harhач, 1961. — 220 х.

24. ХТ II — *Хальмг туульс. II боть. Манжин Санжас бичж авснь Бембән Ш.* — Элст : Хальмг дегтр harhач, 1968. — 264 х.

25. ХТ IV — *Хальмг туульс. IV боть / барт белдснь Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова.* — Элст : Хальмг дегтр harhач, 1974. — 274 х.

Литература

1. *Басанг Ни.* Ни. Басанг и его коллекция старинных книг // Хан Тенгри. — Урумчи : Народное издательство Синьцзяна, 1984. — № 2. — С. 1—3.

2. *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре / Т. Г. Басангова. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2019. — 192 с.

3. *Волчок Б. Я.* Протоиндийские божества / Б. Я. Волчок // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto Indica. — Москва : Наука, 1972. — Выпуск II. — С. 246—304.

4. *Дагвадорж Д.* Монголын шашин суртахууны тайлбар толь (Толковый словарь монгольских религиозных терминов) / Д. Дагвадорж. — Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны академи философи социологийн хүрээлэн, 1995. — 112 с.

5. *Домийн Төмөртөгөө*. Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь (Краткий толковый словарь заимствованных слов монгольского языка) / Домийн Төмөртөгөө. — Улаанбаатар : Адмон Принт, 2018. — 199 с.

6. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы / Д. Ёндон. — Москва : Наука, 1989. — 183 с.

7. Меняев Б. В. Жанровые особенности ойратского литературного памятника “Сказание нектарного учения” / Б. В. Меняев // Научная мысль Кавказа. — 2011. — № 1—2 (65). — С. 76—78.

8. *Ойратская версия «Истории Белой Тары»* («Повести о Нарану Герел»). Факсимиле рукописи / Издание текста, исследование, перевод с ойратского, транслитерация, комментарии Б. А. Бичеева. — Элиста : КИГИ РАН, 2013. — 248 с. — ISBN 978-5-903833-75-7.

9. *Ойратский словарь поэтических выражений* / факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения Н. С. Яхонтовой. — Москва : Восточная литература, 2010. — 615 с. — ISBN 978-5-02-036426-4.

10. *Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков*. Отчёт Н. Очирова // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — 1913. — Серия II. — № 2. — С. 78—91.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023,
одобрена после рецензирования 06.11.2023,
подготовлена к публикации 16.11.2023.

Material resources

Artani nomyn tuuji (The Legend of the Nectar Teaching). Translation. *Archive of Orientalists of the Hebrew Academy of Sciences. F. 44 (Pozdneeva). Op. 1. Ed. Hr. 109. 18 ll.* (In Russ.).

Arya Shura, 2000 — *Arya Shura Garland of Jatak, or Tales of the Bodhisattva's Exploits. 2nd ed. add. (2000)*. Moscow: Oriental Literature RAS. 367 p. ISBN 5-02-017644-3. (In Russ.).

ATU 2004 — Uther, X. J. (2004). *Types of the International Folk Tale: classification and bibliography based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson*, 160. Helsinki: Suomal. tideakat. 619 p.

Bedker, 1957 — Bedker, L. (1957). *Indian tales about animals*. Helsinki: Suomalainen tiedeakatademie. Academia scientiarum fennica. 144 p.

Cowell, 1901 — Cowell, E. B. (1901). *Jataka, or Stories about the previous births of the Buddha, 1—6*. Cambridge. Available at: <https://sacred-texts.com/bud/j4/index.htm> (accessed 15.05.2023).

Episode 1 — Arshan nomiyin tuudi irrigiboy (Indication of nectar training). Collection of didactic stories (Collection of didactic stories). In: *Scientific Library of the East. sharks of St. Petersburg State University. They are calm. E 6. № 1917 (author: Xyl. Q 107. Oiratsky ms.), 43 ll. [Uspensky, 2001, № 427]*. (In Russ.).

Episode 2 — Arshani nomiyn tuui (Indication of nectar learning). In: *Handwritten journal for students of higher educational institutions. № 247 (Later). Shfg C 197. 64 ll. [Sazykin, 1988, 622]*. (In Russ.).

Episode 3 — Buddhist legends in the Kalmyk language. *State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 10. P. 5. D. 867. L. 11—24*. (In Russ.).

- Havan — Chavannes, E. (1962). *I appreciate the content and apologize for the fact that it concerns the Chinese cuisine and traditions of France by Eduard Chavannes*, 1—4. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- HT I — *Halmg tuuls. I bot.* (1961). Moscow: MGIMO Publishing House. 220 p. (In Mongol.).
- HT II — *Halmg tuuls. II bot.* (1968). Elst: Halmg degtr harhach. 264 x. (In Mongol.).
- HT IV — *Halmg tuuls. IV bot.* (1974). Elst: Halmg degtr harhach. 274 x. (In Mongol.).
- Jataka — *Jataka about the deer Ruru*. Available at: <https://www.dharmawiki.ru/index.php> (available at 15.05.2023). (In Russ.).
- Jataki, 1979 — *Jataki: From the first book "Jatak"*. (1979). Moscow: Fiction. 351 p. (In Russ.).
- Jataki, 2003 — *Jataki: selected stories about the past lives of the Buddha*. (2003). St. Petersburg: Vozrozhdenie — Uddiyana Cultural Center. 416 p. (In Russ.).
- KFT, 2020 — *Kalmyk fairy tales*. (2020). Moscow: First Model Printing House, Chekhov Printing Yard. 584 p. ISBN 978-5-906881-42-7. (In Russ.).
- KRD, 1977 — *Kalmyk-Russian Dictionary*. (1977). Moscow: Russian Language. 760 p. (In Russ.).
- Lorincz 1979 — *Lorincz Laszlo Mongolian Marchentipen*. (1979). Budapest: Kiado Academy. 428 p.
- Menyaev, B. V. (2023). *Historical and cultural heritage of the Khoshuts of Kalmykia: research and materials*. Elista: Publishing House of Kalm. un-ta. 544 p. (In Russ.).
- Panchatantra. (2020). Moscow: Nauka — Vost. Literature. 414 p. ISBN 978-5-02-039819-1. (In Russ.).
- Rockhill "Jataki" — Rockhill, U. V. (1887). Tibetan Buddhist Birth Stories: Excerpts and translations from Kanjur. *Journal of the American Oriental Society*, 18 (1): 1—14.
- Sazykin, A. G. (1988). *Catalogue of Mongolian manuscripts and woodcuts of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, I*. Moscow: Nauka. 508 p. (In Russ.).
- SUS — *Comparative index of plots. East Slavic fairy tale*. (1979). Leningrad: Nauka. 112 p. (In Russ.).
- Uspensky 2001 — Uspensky, V. L. (2001). *Catalogue of Mongolian manuscripts and woodcuts in the library of St. Petersburg State University*. Tokyo: Institute for the Study of languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (Press—Production Center of the University of Tokyo). 529 p.
- Vladimirtsov 2003 — Vladimirtsov, B. Ya. (2003). The Mongolian collection of stories from "Pañcatantra". In: *Works on the literature of the Mongolian peoples*. Moscow: Oriental Literature. 79—204. (In Russ.).

References

- Basang, Ni. (1984). Ni. Basang and his collection of ancient books. In: *Khan Tengri*, 2. Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. 1—3. (In Russ.).
- Basangova, T. G. (2019). *Animals in Kalmyk folklore*. Elista: Publishing House of Kalm. un-ta. 192 p. (In Russ.).
- Dagvadorzh, D. (1995). *Mongolyn shashin surtakhuuny tailbar tol (Explanatory Dictionary of Mongolian religious terms)*. Ulaanbaatar: Shinzhleh ukhaany akademi filosofi sotsiologijn hureelen. 112 p. (In Mongol.).
- Domiin Tomortogoo. (2018). *Mongol heland orson gadaad ugiin huraanguy tailbar tol (A short explanatory dictionary of borrowed words of the Mongolian language)*. Ulaanbaatar: Admon Print. 199 p. (In Mongol.).

- Endon, D. (1989). *Fairy-tale plots in the monuments of Tibetan and Mongolian literature*. Moscow: Nauka. 183 p. (In Russ.).
- Menyaev, B. V. (2011). Genre features of the Oirat literary monument “The Legend of the Nectar doctrine”. *Scientific thought of the Caucasus*, 1—2 (65): 76—78. (In Russ.). (In Russ.).
- Oirat Dictionary of Poetic Expressions. (2010). Moscow: Oriental Literature. 615 p. ISBN 978-5-02-036426-4. (In Russ.).
- Oirat version of “The Story of White Tara” (“The Story of Naranu Gerel”). *Facsimile of the manuscript*. (2013). Elista: KIGI RAS. 248 p. ISBN 978-5-903833-75-7. (In Russ.).
- Trip to Alexandrovsky and Bagatsokhurovsky uluses of Astrakhan Kalmyks. N. Ochirov’s report. (1913). In: *Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia*, 2. Series II. 78—91. (In Russ.).
- Volchok, B. Ya. (1972). Proto-Indian deities. In: *Report on the study of Proto-Indian texts. Proto Indica, II*. Moscow: Nauka. 246—304. (In Russ.).

*The article was submitted 26.09.2023;
approved after reviewing 06.11.2023;
accepted for publication 16.11.2023.*

Информация для цитирования:

Хромов С. С. Моцарт А. С. Пушкина и князь Мышкин Ф. М. Достоевского : проблема двойного кодирования / С. С. Хромов, С. В. Герасимова, И. А. Пищулина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 300–319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-300-319.

Khromov, S. S., Gerasimova, S. V., Pishulina, I. A. (2023). Mozart by A. S. Pushkin and Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky: Problem of Double Encoding. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 300-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-300-319. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-300-319

Моцарт А. С. Пушкина и князь Мышкин Ф. М. Достоевского: проблема двойного кодирования

Хромов Сергей Сергеевич¹

orcid.org/0000-0003-4977-2960

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
и истории литературы
chelovek653@mail.ru

Герасимова Светлана Валентиновна^{1,2*}

orcid.org/0000-0002-6150-5155

кандидат филологических наук,
¹ доцент кафедры русского языка
и истории литературы;

² доцент кафедры лингвистики
и иностранных языков,

* *корреспондирующий автор*
metanoik@gmail.com

Пищулина Инга Александровна²

orcid.org/0000-0003-1900-5007

исследователь, кафедра
лингвистики и иностранных языков
ingapishulina@yandex.ru

¹ Московский
политехнический университет
(Москва, Россия)

² Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
(Москва, Россия)

Mozart by A. S. Pushkin and Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky: Problem of Double Encoding

Sergey S. Khromov¹

orcid.org/0000-0003-4977-2960

Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language
and Literature History
chelovek653@mail.ru

Svetlana V. Gerasimova^{1,2*}

orcid.org/0000-0002-6150-5155

PhD of Philology, Associate Professor,
¹ Department of Russian
and Literature History,

² Department of Linguistics
and Foreign Languages;

* *Corresponding author*
metanoik@gmail.com

Inga A. Pishulina²

orcid.org/0000-0003-1900-5007

Researcher, Department
of Linguistics and Foreign Languages
ingapishulina@yandex.ru

¹ Moscow Polytechnic
University
(Moscow, Russia)

² The Kosygin State University of Russia
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема двойного кодирования образов героев: Моцарта («Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина) и князя Мышкина («Идиот» Ф. М. Достоевского). Новизна исследования заключается в том, что авторы стремятся перейти с эмпирического уровня осмысления проблемы на теоретический. Методологической базой исследования становится семиотический подход к анализу литературного текста. Отмечается, что именно принципы семиотики дают возможность накопленный багаж эмпирических знаний положить в основу концепции, указывающей на причины двойного кодирования образов героев. Цель статьи — объяснить, почему Моцарт и князь Мышкин реализуют образ идеального человека не в сфере функционирования сакрального кода культуры, а в области профанной культуры, где каждому сакральному образу соответствует символ, соотношенный с сакральной действительностью и трансформирующий ее. Сопоставление характеристик Моцарта и князя Мышкина базируется на общности сакральных мотивов, дополненных автобиографическим, литературным и мифопоэтическим материалом. Утверждается, что эти дополнения свидетельствуют о взаимодействии в сознании писателей при создании этих образов сакрального, или библейского, кода культуры с профанным. Делается вывод, что Моцарт и князь Мышкин — образы, созданные на основе двойного кодирования и предполагающие двойную интерпретацию.

Ключевые слова:

Библия; мистерия; юродство; Дионис; культурный код; семиотика; Пушкин; Достоевский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of double encoding of the characters' images is considered: Mozart ("Mozart and Salieri" by A. S. Pushkin) and Prince Myshkin ("The Idiot" by F. M. Dostoevsky). The novelty of the research lies in the authors' attempt to move from an empirical level of understanding the problem to a theoretical one. The methodological basis of the study becomes a semiotic approach to the analysis of literary texts. It is noted that it is the principles of semiotics that make it possible to put the accumulated baggage of empirical knowledge at the basis of a concept that points to the reasons for the double encoding of the characters' images. The purpose of the article is to explain why Mozart and Prince Myshkin realize the image of the ideal person not in the sphere of functioning of the sacred code of culture, but in the sphere of profane culture, where each sacred image corresponds to a symbol related to sacred reality and transforming it. The comparison of the characters of Mozart and Prince Myshkin is based on the commonality of sacred motifs, supplemented by autobiographical, literary, and mythopoetic material. It is argued that these additions indicate the interaction in the consciousness of the writers in creating these images of the sacred, or biblical, code of culture with the profane. It is concluded that Mozart and Prince Myshkin are images created on the basis of double encoding and implying double interpretation.

Key words:

The Bible; mystery; holy foolery; Dionysus; cultural code; semiotics; Pushkin; Dostoevsky.

Моцарт А. С. Пушкина и князь Мышкин Ф. М. Достоевского: проблема двойного кодирования

© Хромов С. С., Герасимова С. В., Пищулина И. А., 2023

1. Введение = Introduction

Объектом нашего исследования стали образы Моцарта («Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина) и князя Мышкина («Идиот» Ф. М. Достоевского). Предмет исследования — двойное кодирование этих героев, образы которых на основе методов анализа семиотики культуры могут быть интерпретированы в контексте сакральной и профанной культуры.

Хотя традиция сопоставлять художественные миры А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского — важнейшая черта отечественного литературоведения, в основе которой лежит глубокий интерес Ф. М. Достоевского к А. С. Пушкину, эксплицированный в «Пушкинской речи» писателя, все же накопленный в литературоведении материал носит чисто эмпирический характер. Так, анализируя литературные связи, С. Г. Бочаров вычленяет отдельный сюжет о невозможности любви к ближнему, охватывающий связующими нитями произведения начиная с шедевров А. С. Пушкина, ведущий через тексты Н. А. Гоголя к роману Ф. М. Достоевского. Для этого типа сюжета, как отмечает исследователь, характерна «негативная антропология» [Бочаров, 1985, с. 159], однако Достоевский не ограничивается критикой большой человеческой природы и ищет человека в человеке, идеальное в повседневном. Плод этого поиска — князь Мышкин, коррелирующий с божественным Моцартом А. С. Пушкина. Однако обычно маленькую трагедию А. С. Пушкина сопоставляют с поэмой о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского или с его романом «Преступление и наказание», то есть сравнивают философию Сальери со взглядами Великого инквизитора [Ермаков, 1923; Криницын, 2016] или Раскольникова [Назиров, 2020, с. 158]. Структурное сходство образов Моцарта и князя Мышкина осталось вне поля внимания исследователей.

Эмпирическое литературоведение накопило обширный материал, свидетельствующий о внутренней противоречивости этих героев. И Моцарт, и князь Мышкин предстают здесь и сугубо положительными, идеальными [Кузичева, 2014; Лосский, 1953] и в какой-то мере карнавальными [Бахтин, 1994; Гудкова, 2013] или не соответствующими идеалу героями [Белякова, 2015; Мережковский, 1994; Мережковский 1995].

Проблема двойного кодирования образов этих героев лежит в основе нашего исследования, в котором эмпирический материал получает теоретическое осмысление.

Новизна исследования состоит в том, что в работе предложен сопоставительный анализ этих характеров в контексте семиотической системы культуры [Лотман, 1992; Лотман, 2002], что важно для понимания тенденций развития русской литературы XIX века, но что не было сделано в современном литературоведении.

Актуальность исследования состоит в том, что предложенная модель культуры позволяет оценить тенденции ее развития в наши дни.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Современный взгляд на маленькую трагедию А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» основан на взглядах профессора-компаративиста М. П. Алексеева [Алексеев, 1935], обнаружившего параллели между романтическим гением, воссозданным В. Вакенродером и Л. Тиком в эссе «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком» [Вакенродер, 1977], и пушкинским Моцартом, сочиняющим по наитию и воспринимающим музыку как дар свыше [Ермаков, 1923]. Берглингер в этом эссе предстает как вдохновенным гением, которому музыка, проникающая в сущность вселенной, открывает дар общения с высшими силами и космическое призвание человека, так и рационалистом-математиком, вынужденным выверять гармонию. Для А. С. Пушкина он стал амбивалентным прототипом Моцарта и Сальери [Алексеев, 1935, с. 539—540].

Сальери выступил классицистом, который по духу противоположен Моцарту-романтику. Так воспринимает конфликт маленькой трагедии Г. А. Гуковский [Гуковский, 1957, с. 306]. В. Г. Белинский осмыслил сущность конфликта как противостояние гения и таланта, М. Гершензон — как антитезу закона и благодати [Гершензон, 1919, с. 114] (из «Слова о законе и благодати» св. митрополита Киевского Илариона). О влиянии на замысел образа Моцарта кружка романтиков-любомудров и их журнала «Московский вестник» писал В. Э. Вацура [Вацура, 2012].

Вернувшись в Москву, А. С. Пушкин сближается с этим кружком и с С. П. Шевыревым [Гаврилов, 2016, с. 238], но ненадолго. Одна из причин размолвки состояла в том, что А. С. Пушкин не принимал их рационализма [Багно, 2009, с. 797]. При этом уже первые биографы Моцарта «подчеркивали контраст между его возвышенной творческой натурой и эксцентрическим бытовым поведением» [Долинин, 2006—2022, с. 35], что в пушкинском контексте воплотилось в сцене, когда Моцарт весело хохочет над фальшью в звучании скрипки слепца.

Единый образ не только у А. С. Пушкина разделился на двух героев, из которых один убивает другого, но и у Ф. М. Достоевского. Судя по черновикам к роману «Идиот» [Достоевский, 1989, с. 622], князь Мышкин и Рогожин также выросли из единого замысла, начертанного в дневниках [Назирова, 1974, с. 217]. Моцарт и Мышкин имеют черты, сближающие их с божественным началом [Пушкин, 1957, с. 361; Достоевский, 1989, с. 626] и со своим автором, то есть автобиографические черты [Калашников, 2005; Достоевский, 1989, с. 629]. Лев Николаевич Мышкин — и «князь Христос», и сам Ф. М. Достоевский, так как в каждом человеке есть образ Божий [Касаткина, 2004, с. 200—201]. Оба героя противопоставляют рационализму и нигилизму своего времени.

Наиболее полный перечень возможных интерпретаций «Моцарта и Сальери» можно найти в VII томе незаконченного XX-томного собрания сочинений А. С. Пушкина: «Сальери сближали и с Каином Байрона <...> о гении Моцарта как даре Божественной благодати см. также: Иванов Вяч. Два маяка». [Багно, 2009, с. 791]. М. Гершензон и Ю. М. Тынянов указывали на Катенина как на прототип Сальери [Багно, 2009, с. 794]. Этот перечень стоит дополнить интерпретацией маленькой трагедии и романа в свете философии И. Канта [Калинников, 2001, с. 147; Голосовкер, 1963]. Отметим также, что лауреат премии журнала «Вопросы литературы» за 2014 год Марина Кузичева в статье «Пушкин и Моцарт: к вопросу о родстве поэтик» осмысляет музыкальную атмосферу Петербурга и Москвы пушкинского времени [Кузичева, 2014].

Маленькая трагедия А. С. Пушкина, как мы видим, воспринимается сквозь призму библейского текста: Моцарт соотносится с концептом благодати, с образом Авеля, который сам осмысливается как ветхозаветный прообраз Христа. В результате перед нами не столько трагедия, сколько мистерия.

Для Достоевского князь Мышкин — тоже «князь Христос» [Достоевский, 1989, с. 626]. Интересно, что романы Достоевского последнего периода называл мистериями основоположник современной достоевистики Л. П. Гроссман [Гроссман, 1924, с. 10]. И это естественно, поскольку целью автора было, хотя идеал еще не выработан, создать «положительно прекрасное лицо» [Достоевский, 1996, т. 15, с. 345], каким является Христос. Особенно интересны труды Л. П. Гроссмана «Семинарий по Достоевскому» (1922), «Поэтика Достоевского» (1925). На эти работы часто ссылается М. М. Бахтин как автор работы «Проблемы поэтики Достоевского» (1929), положивший в основание своей концепции идею полифонизма [Бахтин, 1994].

Среди писавших в советское время литературоведов необходимо отметить таких ученых (академиков, профессоров и докторов наук), как С. Алтман, проявлявший интерес к тайне имени; Г. М. Фридлендер, изучавший

творчество Ф. М. Достоевского в контексте мировой литературы, заведовавший изданием собрания сочинения писателя и трудов о нем; В. В. Кожин, открывший М. М. Бахтина; Ю. И. Селезнев, переосмыслявший идеи М. М. Бахтина в контексте русской духовной традиции; вице-президент Российского общества Достоевского К. А. Степанян, полагавший, что если красота и спасет мир, то это красота Христа, — что именно так осмыслял красоту Ф. М. Достоевский. Такой же точки зрения придерживался М. М. Дунаев, опиравшийся на авторитет чтимого Ф. М. Достоевским святителя Тихона Задонского, писавшего: «Христос есть красота для человека» [Дунаев, 1997, с. 383].

Опираясь на достижения литературоведов, осмысляя специфику жанра маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина и романа Ф. М. Достоевского «Идиот», авторы исследования ставят перед собой цель проанализировать структурные особенности образов Моцарта и князя Мышкина, созданных при помощи двойного кодирования — сакрального и профанного. Для достижения цели необходимо решить две важнейшие задачи: соотнести библейские мотивы с их конкретными преломлениями в произведениях писателей и отметить особенности трансформации библейских, то есть сакральных мотивов при перенесении их в светский, то есть профанный контекст. После решения этих двух задач перед исследователями встает еще одна задача — указать место и значение анализируемых произведений в истории культуры как в едином семиотическом пространстве.

Монастырь и мир, точнее сакральное и профанное пространство, сакральный и профанный коды культуры, мистериальные образы и мифологемы — вот антимомичные концепты, формирующие понятийный аппарат данной статьи и лежащие в основе нашего исследования, базирующегося, прежде всего, на принципах семиотики культуры [Лотман, 1992; Лотман, 2002; Топоров, 2003; Успенский, 1970], компаративистики [Алексеев, 1935; Сараскина, 2006; Фридландер, 1985, Weststeijn], герменевтики [Дударева, 2021], пушкинистики [Вацуро, 2012; Гершензон, 1919; Гуковский, 1957; Долинин, 2006—2022] и достоевистики [Бердяев, 1994; Дунаев, 1997; Касаткина, 2004; Назиров, 2020; Степанян, 2006; Степанян, 2012; Пономарева, 2001]. С опорой на принципы семиотики в статье проанализирован феномен перекодирования текста. В результате перекодирования сакральных пластов образа появляется мифопоэтическая реальность. В исследовании подвергнут анализу глубинный смысл мифологем, свидетельствующий о процессах апостасии в культуре XIX века.

Гипотеза исследования: при трансформации сакральных библейских сюжетов, сближающих их с мистерией, то есть при переходе их из сакральной сферы в светскую / профанную характеры Моцарта в маленькой трагедии

дии А. С. Пушкина и князя Мышкина в романе Ф. М. Достоевского, с одной стороны, сохраняют связь с сакральным кодом и мыслятся, соответственно, как носитель божественного начала (Моцарт) и «князь Христос» (Лев Николаевич Мышкин), с другой стороны, они взаимодействуют с профанным культурным кодом и в результате могут включать в себя стихийные дионисийские и другие мифологемы, продолжая при этом внешне действовать строго в соответствии с каноном библейского сюжета и мистерии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мистерия в процессе перекодирования текста

Маленькую трагедию «Моцарт и Сальери» и роман «Идиот» объединяет несомненная опора на библейский текст и ярко выраженный полифонизм, свободное звучание голосов героев, то есть мистерияльное начало, связанное с указаниями, что Моцарт — бог, а Лев Мышкин — князь Христос. Обсуждая, в каком прочтении больше истины, в том ли, когда мы подчеркиваем богоизбранность героев, или в том, когда мы видим их в контексте смеховой культуры, невозможно выйти за рамки мнений и субъективности. Необходим строгий семиотический подход, свидетельствующий, что эти образы созданы на основе двойного кодирования и в разных сферах культуры прочитываются как различные сообщения, несущие неодинаковые смыслы. Мистерия в сфере профанной культуры перекодируется, обретая мифопоэтические черты.

Несмотря на разницу в объеме, анализируемые произведения можно отнести к мистерии, базовый смысл которой прочитывается на основе сакрального кода. Драма в исторической ретроспективе сакральна. С самого момента зарождения античная трагедия носила религиозный характер, являясь древним аналогом мистерии, поскольку именно драматические поэты Древней Греции помогли афинянам преодолеть нравственный и религиозный кризис [Курциус, 2002, с. 200—201].

Фундаментальная связь драмы и религии характерна и для А. С. Пушкина, о котором прп. Варсонофий Оптинский (старец, провожавший Л. Толстого) свидетельствует: «Чем выше художник, тем ярче горит в нем огонек религиозного мистицизма. Пушкин был аскет в душе своей и стремился в монастырь, что и выразил в своем стихотворении “К жене”. Той обителью, куда стремился он, был Псково-Печерский монастырь. Совсем созрела в нем мысль уйти туда, оставив жену в миру для детей, но сатана не дремал и не дал осуществиться этому замыслу» [Варсонофий, прп., 2009, с. 515—516]. «Мир — монастырь» — важнейшая оппозиция культуры.

Структуру культуры можно осмыслять на основе бинарных или тернарных оппозиций, мы в основу нашей концепции текста и культуры в данной

статье кладем принцип бинарности: природы и культуры [Леви-Стресс, 2011, с. 412], культурного центра и периферии [Лотман, 1992, с. 15], сакрального и профанного кода культуры, при этом Леви-Стресс относит миф к сфере сакрального: «...сакральный дискурс мифа <...> противопоставляется дискурсу профанному» [Леви-Стресс, 2006, с. 34], что естественно при работе с древними мифами. Однако в контексте русской культуры миф относится к профанному коду. После крещения Руси славянская мифология должна была уйти в небытие, став табуированной, но в действительности она вытеснялась из области сакральной культуры в сферу профанной. Начался период двоеверия, при котором противопоставленные культурные коды враждовали, соприкасались, сосуществовали: «В реальности семиосферы иерархия языков и текстов, как правило, нарушается: они сталкиваются как находящиеся на одном уровне. Тексты оказываются погружены в не соответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать» [Лотман, 1992, с. 15]. Со славянской мифологией и двоеверием столкнулись святые XVII—XVIII веков: Митрофаний Воронежский (1623—1703) и Тихон Задонский (1724—1783). Их проповедь спасла души многих людей от славянского язычества. В XVIII веке в России начался период так называемого мнимого двоеверия, когда имена античных божеств вторгались в христианский текст на правах тропов, а в христианское пространство — в виде изображений в скульптуре и живописи. Св. Митрофаний Воронежский активно выступал против этого «заигрывания» с античным язычеством, и даже Петру Великому пришлось подчиниться воле святителя и убрать голых идолов из своего дворца. Царь любил епископа Митрофания, а во время похорон лично участвовал в несении его гроба. В XIX веке античная мифология окончательно вошла в профанный код русской культуры: в светскую живопись, литературу, философию. Для Серебряного века особенно важны были символические фигуры Диониса и Аполлона, ставшие персонификациями стихийного и гармоничного творчества. Интерес русского Серебряного века к этим мифологическим фигурам сложился под влиянием Ф. Ницше.

Сакральный код культуры формирует языковую и культурную картину мира, выстроенную на основе таких концептов, как «обожение», «благодать», «свобода», образующих фрейм «святость».

К профанному коду культуры относятся концепты и мифологемы «пьянство», «дионисизм», «веселье», «своеволие», образующие фрейм «естественность». Отметим также, что с концептом ПЬЯНСТВО работал Н. Некрасов [Дударева, 2021]. Святость и естественность в семиотической системе культуры противопоставлены друг другу как доминанты сакрального и профанного кодов культуры.

Пересекая границу между сакральной и профанной сферой культуры, библейский текст может войти в светский / профанный контекст без искажений только при одном условии: профанный мир культуры под воздействием библейских идей должен измениться и захотеть стать сакральным. У сакрального и профанного кодов культуры свои принципы дешифровки реальности, поэтому когда библейский образ оказывается в профанном мире, то профанный интерпретатор вкладывает в него смысл отличный от того, который вкладывал в него автор текста сакральной культуры. Обычно эта редукция сакральных смыслов в профанном пространстве называется травестированием. Мы считаем, что в случае с Моцартом и князем Мышкиным травестирования не происходит, хотя смеховая культура актуализируется. При переходе границы между сакральным и профанным миром культуры образы героев претерпевают перекодирование: идея божественного начала, воплощенная в образах Моцарта и князя Мышкина, принадлежащих сакральной сфере культуры, сопрягается с профанными мифологемами и фреймом «естественность», переживает мифопоэтическое переосмысление. Эти мифологеми доступнее для восприятия с точки зрения носителя светской культуры, который видит библейские тексты сквозь призму мифа и обыденного опыта, формирующих профанный код культуры.

3.2. Принципы модификации мистерии

В Средние века мистерии в Западной Европе ставились параллельно с фарсами. Например, в 1496 году фарс «Мельник, чью душу в ад черт уволок» шёл одновременно с «Моралите о слепом и хромом» и «Мистерией о святом Мартине». В Древней Греции также тетралогии включали в себя трагедии и сатировские драмы. В «Моцарте и Сальери» трагически возвышенное переплетено с комическим, как в мистерии: «При этом высокое в пьесе совмещалось с повседневным и возвышенное сочеталось с комичным» [Горбунов, 2014, с. 792], к тому же «зло в мистериях очень часто комично и гротескно, что открывало целое поле для неожиданных экспериментов и удачных находок» [Там же, с. 790]. Пушкинская модификация жанра мистерии заключается в том, что комично добро, а зло философично, пафосно и даже возвышенно. В комичности фигуры Моцарта есть сходство с юродивым. Так, св. Гавриил Ургебадзе (1929—1995) надевал диадему и шел вдоль улиц, чтобы рассмешить прохожих. Моцарт просит скрипача исполнить собственное произведение. И слепой скрипач, играя «что-нибудь из Моцарта», вызывает у композитора смех.

Смешное и возвышенное сочетаются и в художественном мире Ф. М. Достоевского. А. С. Пушкин словно предваряет идею Ф. М. Достоевского, делая прекрасного героя смеющимся и смешным, напоминающим юродивого, созданным в духе русского кенозиса, то есть благодатного само-

умаления. Все эти черты есть не только у Моцарта, но и у князя Мышкина, который высказывает одну из идей, дорогих самому автору: «Нечего смущаться и тем, что мы смешны, не правда ли? Ведь это действительно так, мы смешны, легкомысленны, с дурными привычками, скучаем, глядеть не умеем, понимать не умеем... быть смешным даже иногда хорошо, да и лучше: скорее простить можно друг другу, скорее смириться...» [Достоевский, 1989, с. 552—553]. В качестве прототипа для князя Мышкина послужил Достоевскому Дон Кихот. Его образ также можно спроецировать на Моцарта. Героев сближает настроение возвышенно смешного. Моцарт — гений, но, как личность, он выбирает не мир святости, а сферу естественной радости бытия. Моцарта делает святым не жизнь, а мученическая смерть.

А. С. Пушкин привносит в свою драму мистериальное соединение трагического и комического пафосов, изначально разнесенных в драме по разным жанрам. Пушкинская модификация мистериального комизма состоит в том, что он соотнесен с типом смеха, характерным для житий юродивых.

Европейская мистерия в Средневековье отмечает живую, нестатичную, полную динамичных процессов границу между сакральным и профанным пространством культуры. Эта граница не разделяет, а соединяет миры. Сакральный мир транслирует свою иерархию ценностей и систему образов профанному миру нечитающей публики, выражает сакральное знание на языке, понятном человеку из профанной сферы культуры. В результате складывается новая мистериальная реальность, основанная на тексте Библии, но входящая в профанный мир, где возможен смех.

Маленькая трагедия А. С. Пушкина и роман Ф. М. Достоевского исполняют ту же роль в семиотической системе культуры. Они материализуют границу между сакральным и профанным ее пространством и процессы, происходящие на этой границе.

3.3. Сакральные библейские мотивы в маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» и в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» и их перекодирование: Моцарт и князь Мышкин

«Человек, сотворенный по образу Божию, призван добровольно достичь “божественного подобия”», — свидетельствует Мейендорф [Мейендорф, 2001, с. 8]. Сальери также называет Моцарта богом [Пушкин, 1957, с. 361].

В маленькой трагедии А. С. Пушкина Моцарт — композитор, творец. Способность к творчеству — ключевое проявление образа Божия в человеке, поскольку «Бог всегда остается Всемогущим Творцом» [Мейендорф, 2001, с. 39], а не только в дни творения мира. Образ Божий в человеке проявляется и в способности к творчеству, и в бессмертии души, в «свободе» [Там же, с. 314]. А Подобия человеку не дано достичь своими силами, это возможно только по благодати.

Чтобы сохранить великую благодать, данную Моцарту, ему нужно быть великим аскетом и дерзновенным молитвенником, но этот элемент сакральной культуры не понятен читателям Пушкина. В результате, переходя из сакрального пространства в профанное, концепт «Божественный гений» срастается с бытовыми представлениями о себе самом.

У реального Моцарта было спартанское детство, полностью отданное, по воле отца, музыке. Марсель Брион [Брион, 2007], рассказывая о детстве Моцарта, приходит к выводу, что гениальность — это прежде всего «долготерпение». Моцарт уникален тем, что продолжал любить музыку, невзирая на суровость и требовательность отца.

Однако в сюжетный канон развивающейся по всем правилам мистерии помещен не столько сакральный герой Библии и житий, сколько наслаждающийся жизнью весельчак, сопряженный с фреймом «естественное». В профанном мире гениальность и святость воспринимаются не как результат жизненного подвига героя (труда, аскезы и др.), а как следствие естественного излияния духовных благ на избранных неба, поэтому Моцарт появляется на страницах маленькой трагедии как гуляка праздный. Он превращает жизнь в праздник, пир, дионисийское действо. В этом контексте гениальность — дар естеству человека свыше, она не нуждается в жизненном подвиге. С точки зрения фарисеев, видимо, в поступках Христа было что-то от пушкинского Моцарта. Спаситель не гнушался мытарей и блудниц — Моцарт пришел со слепым скрипачом. Христос участвовал в свадебном пире в Кане Галилейской, на котором гости могли вдоволь выпить лучшего в мире вина. Пьет на сцене и смеется Моцарт. Гениальность Моцарта выражается в веселом вторжении в профанное пространство культуры, а не в служении музыке как святыне.

Смех Моцарта не психологический, а мифологический. Он смеется гомерическим хохотом, реализуя античную мифологему смеха, которую А. Ф. Лосев вслед за Проклом, философом V века и комментатором «Государства» Платона, характеризует как «щедрую энергию, направленную на все, и причину порядка того, что находится в мире» [Лосев, 2006, с. 367]. Как олимпийцы смеются, чтобы мир устоял под натиском хаоса, так Моцарт смеется, чтобы слепой скрипач со смехом получил энергию бытия. Моцарт изливает на скрипача не благодать, а смеховой мифологический аналог благодати.

В. А. Моцарт (1756—1791) как «бог» актуализирует не сакральные библейские идеи, а барочные представления, реализованные в бурлескных и ироикомиических произведениях. XVIII век — век Просвещения, век просветительского классицизма, но это не единственный стиль эпохи. Моцарт — венский классик, работающий параллельно с представителем веймарского классицизма — И. В. фон Гете. Но В. А. Моцарту присущи и черты позд-

него музыкального барокко. Самым знаменитым барочным отступлением в литературе XVIII века стал роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». Барочно-бурлескная интерпретация образа В. А. Моцарта более, нежели романтическая, соответствует духу его эпохи. Травестийный вариант возвышенного встречаем у многих поэтов и писателей XVII—XVIII веков: в их число входит поэт и либреттист Д. Лалли, автор «Перелицованной Энеиды» (Италия); писатель П. Скаррон, создатель «Перелицованного Вергилия» (Франция); современник В. А. Моцарта поэт А. Блюмауер, написавший «Вергилиеву Энеиду, или приключения благочестивого героя Энея» (Австрия). В России эту традицию развивал И. П. Котляревский. В «Виргилиевой Енеиде, на малороссийский язык перелицованной Иваном Котляревским», божества ведут себя в духе Моцарта, который отшучивается, что божество его проголодалось.

Однако *смех и благодать несовместимы*, точнее, совместимы, но только в подвиге юродства, а юродивый — тоже святой. Моцарт смеется не святым смехом юродивого, а мифологическим гомерическим хохотом. Смех — это языческий двойник благодати. В профанном мире он выполняет функции благодати, или концепта БЛАГОДАТЬ — одной из доминант сакрального кода культуры. Юродивый свят и прозорлив. Моцарт чувствует близость Черного человека, но не узнает его в Сальери.

На судьбу Моцарта в маленькой трагедии А. С. Пушкина проецируется также судьба Авеля как ветхозаветного прообраза Христа. Гениальный композитор отвержен, приговорен своим ближайшим другом Сальери к смертной казни, как Авель своим братом Каином. Моцарт также персонификация благодати, поскольку его талант не от земных трудов, как у Сальери, разъявшего, подобно Берглингеру, музыку, как труп, а дар свыше. Воспроизводя библейские и житийные логосы, Моцарт обретает духовную высоту в мученической развязке. В этом смысле перед нами не только мистерия, но и миракль.

Если сюжетный канон сближает Моцарта с Авелем, то Сальери — Каин, если со Христом, то Сальери — Иуда, а также персонификация закона. Сальери отравляет Моцарта, поэтому на языке мистериальной символики он также соотнесен со змеем-искусителем, а Моцарт — с пострадавшим от него Адамом.

Если Моцарт — персонификация благодати, то благодать эта явлена на языке дохристианского мифа. Моцарт в таком случае подобен мифологически «благодатному» певцу Орфею, о котором Лукиан Самосатский в двенадцатой главе эссе, обращенного к «Неучу, который покупал много книг», повествует, что певец обладал властью не только привлекать сердца людей и животных, но воодушевлять даже камни [Лукиан, 2004,

с. 350]. Подобные свидетельства есть и у многих других античных авторов. Моцарта сближает с Орфеем и мученическая смерть.

Орфей — мифологический двойник всечеловека Адама, который был в раю царем над всякой тварью, давал имена зверям и птицам, отражающие их сущность. И тварь служила Адаму как царю. Подобно Адаму, Моцарт чувствует свою причастность всем. Он Всецеловек. Он принимает в свое сердце смешного скрипача и как друга чтит будущего убийцу. Всесочувствие становится знаком адамовой всечеловечности Моцарта.

Своеобразие характера Моцарта в том, что он, противопоставленный Сальери как закону и ставший персонификацией благодати, реализует ее не на уровне сакрального библейского образа, а на уровне мифологемы, характерной для профанного кода культуры, трансформировавшего библейский сюжет в понятный ему мифологический образ.

Моцарт воплощает судьбы Христа и Авеля под прикрытием мифологических параллелей, сокровенно, неявленно или, как полагает проф. М. А. Дударева, апофатически [Дударева, 2021, с. 69].

Развивая традицию А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевский также изображает идеального героя вне сакральной сферы. Князь Мышкин — воплощение любви и понимания по отношению к другим героям, но мы не видим таких важнейших проявлений сакральной культуры в контексте его образа, как молитва, аскеза, жизнь в Церкви. Профанный мир жаждет святости, но подчиняет ее своим кодам и законам. Это хорошо чувствовал Н. Бердяев, отметивший восторженный дионисизм положительно прекрасного героя Достоевского [Бердяев, 1994, с. 15—16].

А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский сделали предметом художественного осмысления процессы, идущие на границе сакральной и профанной сферы культуры. Светская культура жаждет святости и идеала, но не может его принять, не исказив. В процессе взаимодействия сакрального и профанного кодов культуры профанный код оказывается продуктивнее. Образуются диффузные образы: в поступках человека преобладают профанные модели поведения, что свидетельствует о постепенном поглощении сакрального пространства профанным и о постепенном замещении пространства культурного двуязычия миром с единым языком, что становится предвестием коллапса культуры, грядущих потрясений, революций. Признаком жизнеспособности культуры и ее способности транслировать себя следующим поколениям является устойчивость ее структуры, основанной на культурном двуязычии, сформированным сакральным и профанным кодами, организующими самостоятельные сферы культуры.

Процессы, отмеченные нами в литературе и культуре XIX века, имеют продолжение и в наши дни. Проведенное исследование может иметь про-

гностическую ценность. В современной культуре также профанный код оказывается продуктивнее сакрального, что свидетельствует о неустойчивости структур культуры и ее устремленности к кризису.

4. Заключение = Conclusions

Развивая традицию А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевский воплощает в художественном произведении образ, созданный на основе двойного кодирования и позволяющий предложить двойную интерпретацию характера героя. Двойное кодирование — это и есть та структурная особенность образов, анализ которой заявлен как цель нашей статьи. При перекодировании библейские образы и мотивы получают совершенно иной смысл, базирующийся на потенциале мифологем профанной сферы культуры. Предполагающие двойное видение образы Моцарта и князя Мышкина на основе сакрального кода культуры воспринимаются как носители божественных энергий, а на основе профанного кода — прочитываются как герои, обладающие стихийностью и дионисийской эмоциональностью профанной сферы, которая при помощи понятных ей знаков, символов и мифологем стремится передать сакральные смыслы, не способные проникнуть в ее сферу без искажений.

Для решения поставленной задачи мы предполагали соотнести библейские мотивы с их конкретными преломлениями в произведениях писателей. Сопоставление Моцарта и Сальери с благодатью и законом, с Авелем и Каином, а князя Мышкина — с самим Христом, Дон Кихотом и Пиквиком для русского литературоведения является традиционным. Вклад авторов в развитие научной традиции состоит в том, что сюжеты пушкинской маленькой трагедии и романа Ф. М. Достоевского, соотнесенные с мистерией, в которой выделены образы, восходящие к сакральному и профанному кодам культуры, осмыслены в контексте их двойного видения и двойного кодирования: на основе кодов сакральной и профанной культуры. К сакральному коду относятся проекции на характер Моцарта библейских образов и концептов: Личности Христа, Авеля, благодати; а на характер князя Мышкина — Христа. Когда эти библейские образы проникают в профанную сферу культуры, они получают мифопоэтическое, а не сакральное воплощение. К профанной сфере пушкинского шедевра относятся мифологемы Орфея, гомерического смеха, Диониса, спроецированные на личность Моцарта. Дионис соотнесен также с князем Мышкиным.

Созданные А. С. Пушкиным и Ф. М. Достоевским характеры отражают общую тенденцию русской литературы и культуры XIX века — стремление соединять сакральный и профанный коды культуры. Мифологемы и другие элементы профанного кода начинают оказывать разрушительное воздействие на сакральный код, который изначально был устойчивее

кода профанного. Тексты А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского становятся предупреждением о близящейся цивилизационной катастрофе, поскольку в этих текстах профанная мифопоэтическая составляющая подчиняет себе сакральные библейские мотивы, указывающие на жажду Христа профанным миром и неумение принять Его без искажений. Итак, место и значение анализируемых произведений в истории культуры и литературы XIX века как едином семиотическом пространстве определяются нахождением этих произведений в культурно-историческом и литературном процессе в тех временных точках, которые коррелируют или вступают в резонанс с будущим русским апокалипсисом и свидетельствуют о том, что русская культура постепенно становится апостасийной.

Заявленный вклад авторов: Хромов С. С. — научное руководство. Герасимова С. В. — участие в разработке статьи. Пищулина И. А. — участие в написании статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Sergey S. Hromov — scientific management. Svetlana V. Gerasimova — participation in development of artical. Inga A. Pishhulina — participation in writing of artical. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Достоевский Ф. М.* Идиот / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 15 тт. — Ленинград : Наука, 1989. — Т. 6. — 671 с.
2. *Достоевский Ф. М.* Письма 1934—1981 / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 15 тт. — Санкт-Петербург : Наука, 1996. — Т. 15. — 856 с.
3. *Пушкин А. С.* Моцарт и Сальери / А. С. Пушкин // Полное собр. соч. в 10 тт. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1957. — Т. 5. — С. 357—368.

Литература

1. *Алексеев М. П.* «Моцарт и Сальери» / М. П. Алексеев // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. — Москва ; Ленинград : 1935. — Т. 7 : Драматические произведения. — С. 524—547.
2. *Багно В. Е.* Моцарт и Сальери / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 20 тт. — Санкт-Петербург : Наука, 2009. — Т. 7. — С. 777—813. — ISBN 5-02-028342-8.
3. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества / поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Киев : NEXT, 1994. — 508 с.
4. *Белякова Е. Н.* Князь Мышкин как новый тип трагического героя в философской концепции Д. С. Мережковского (к вопросу о рецепции романа Ф. М. Достоевского «Идиот» в критике Серебряного века) / Е. Н. Белякова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 1. — С. 104—108.
5. *Бердяев Н.* Мирозерцание Достоевского / Н. Бердяев // Философия Творчества, культуры и искусства : в 2 т. — Москва : Искусство, ЛИГА, 1994. — Т. 2. — 509 с. — ISBN 5-210-02321-4.
6. *Бочаров С. Г.* О художественных мирах / С. Г. Бочаров. — Москва : Советская Россия, 1985. — 296 с.

7. *Брион М.* Моцарт / М. Брион. — Москва : Молодая гвардия, 2007. — 338 с. — ISBN 978-5-235-03052-7.
8. *Вакенродер В. Г.* Фантазии об искусстве / В. Г. Вакенродер. — Москва : Искусство, 1977. — 263 с.
9. *Варсонофий* Оптинский, преподобный. Духовное наследие / Варсонофий. — Москва : Альфа-Принт, 2009. — 704 с.
10. *Вацуро В. Э.* О «Моцарте и Сальери» Пушкина [Электронный ресурс] / В. Э. Вацуро. — 07.11.2012. — Режим доступа : <https://omiliya.org/article/o-motsarte-i-saleri-pushkina-ve-vatsuro.html> (дата обращения 16.10.2023).
11. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырѐв о «русском воззрении» / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. — 2016. — № 1. — С. 229—289.
12. *Гершензон М.* Мудрость Пушкина / М. Гершензон. — Москва : Т-во «книгоиздательство писателей в Москве», 1919. — 229 с.
13. *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант / Я. Э. Голосовкер. — Москва : Издательство Академии наук, 1963. — 101 с.
14. *Горбунов А. Н.* От сотворения мира до его конца (мистерии Йоркского цикла) / А. Н. Горбунов // Мистерии Йоркского цикла. — Москва : Ладомир. Наука, 2014. — С. 767—829. — ISBN 978-5-86218-516-4.
15. *Гроссман Л.* Путь Достоевского / Л. Гроссман. — Ленинград : Брокгауз-Ефрон, 1924. — 236 с.
16. *Гудкова С. П.* Своеобразие художественного пространства драматургии А. С. Пушкина: смеховой дискурс / С. П. Гудкова, С. А. Дубровская, Е. А. Шаронова // Гуманитарные науки и образование. — 2013. — № 4 (16). — С. 123—127.
17. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 416 с.
18. *Долинин А. А.* Из нового комментария к «Моцарту и Сальери» [Электронный ресурс] / А. А. Долинин. РАН, 2006—2022. — Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10150> (дата обращения 27.10.2023).
19. *Дударева М. А.* Апофатика культуры в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо : национальное бытие и инобытие» / М. А. Дудаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23. — № 80. — С. 68—74.
20. *Дунаев М. М.* Глава 10. Достоевский / М. М. Дунаев // Православие и русская литература : в 7 т. — Москва : Христианская литература, 1997. — Т. 3. — С. 284—560.
21. *Ермаков И. Д.* Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина (Опыт органического понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и маленьких трагедий) / И. Д. Ермаков. — Москва; Петроград : Гос. изд-во, 1923. — 192 с.
22. *Калашиников С. Б.* Заветный дар любви или яд Изоры? (Об автобиографическом аспекте пушкинского «Моцарта и Сальери») / С. Б. Калашиников // Вестник ВолГУ. Серия 8. — 2005. — № 4. — С. 6—13.
23. *Калинников Л. А.* Теория гения в эстетике Канта и «Моцарт и Сальери» Пушкина / Л. А. Калинников // Кантовский сборник : Межвузовский тематический сборник научных трудов. — 2001. — № 1 (22). — С. 138—171.
24. *Касаткина Т.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т. Касаткина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с. — ISBN 5-9208-0173-5.

25. Криницын А. Б. «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина как источник поэмы о Великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын // Филологические науки. — 2016. — № 3. — С. 43—47.
26. Кузичева М. Пушкин и Моцарт : к вопросу о родстве поэтик [Электронный ресурс] / М. Кузичева // Вопросы литературы, 2014. — Режим доступа : <https://voplit.ru/2022/07/31/pushkin-i-motsart-k-voprosu-o-rodstve-poetik/> (дата обращения 28.10.2022)
27. Курциус Э. История Древней Греции в 5 томах / Э. Курциус. — Минск : Харвест, 2002. — Т. 4. — 398 с.
28. Леви-Стросс К. Мифологии : Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. — Москва : FreeFly, 2006. — 399 с. — ISBN 5-98358-111-2.
29. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — Москва : АСТ, Астрель, 2011. — 541 с. — ISBN 978-5-17-066744-4.
30. Лосев А. Ф. Гомер / Предисловие А. А. Тахо-Годи / А. Ф. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2006. — 400 с. — ISBN 5-235-02267-X.
31. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н. О. Лосский. — Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. — 406 с.
32. Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин : Александра, 1992. — Т. 1. — 247 с.
33. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Акад. проект, 2002. — 542 с. — ISBN 5-7331-0184-9.
34. Лукиан С. Неучу, который покупал много книг пер. Н. П. Баранова / С. Лукиан // Античность. Литература и искусство. — Москва : Директ Медиа Паблишинг, 2004. — С. 346—356.
35. Мейендорф И. (протоиерей). Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / И. Мейендорф ; пер. с англ. В. Марутика. — Минск : Лучи Софии, 2001. — 336 с. — ISBN 5-93348-022-3.
36. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. — Москва : Республика, 1995. — 624 с. — ISBN 5-250-02540-4.
37. Мережковский Д. С. О новом значении древней трагедии / Д. С. Мережковский // Эстетика и критика : в 2 т. — Москва : Искусство, 1994. — Т. 1. — С. 547—554. — ISBN 5-210-01299-9.
38. Назиров Р. Г. Традиции Гоголя и Пушкина в русской прозе XIX века : сравнительная история фабул / Р. Г. Назиров // Назировский архив. — 2020. — № 4 (30). — С. 34—261.
39. Пономарева Г. Б. Достоевский : я занимаюсь этой тайной / Г. Б. Пономарева. — Москва : Академкнига, 2001. — 304 с. — ISBN 5-94628-004-X.
40. Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына) / Л. Сараскина. — Москва : Русский путь, 2006. — 602 с. — ISBN 5-85887-236-0.
41. Степанян К. А. «Сознать и сказать» : «реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. — Москва : Русский путь, 2006. — 602 с. — ISBN 5-85735-146-4.
42. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. — Санкт-Петербург : Крига, 2010. — 398 с. — ISBN 978-5-901805-47-3.
43. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. — 612 с. — ISBN 5210015459.
44. Успенский Б. А. Поэтика композиции : структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. А. Успенский. — Москва : Искусство, 1970. — 223 с.

45. Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература / Г. М. Фридлендер. — Ленинград : Сов. Писатель : Ленингр. отд-ние, 1985. — 456 с.

46. Weststeijn W. G. Review Article : New Literary Russian History [Electronic resource] / W. G. Weststeijn // University of Amsterdam. — Access mode : file:///C:/Users/User/Downloads/1-s2.0-S0304347923000595-main.pdf (accessed 27.10.2023).

Статья поступила в редакцию 27.10.2023,
одобрена после рецензирования 30.10.2023,
подготовлена к публикации 21.11.2023.

Material resources

- Dostoevsky, F. M. (1989). *Idiot*. In: *Collected works in 15 volumes*, 6. Leningrad: Nauka. 671 p. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1996). Letters 1934—1981. In: *Collected works in 15 volumes*, 15. St. Petersburg: Nauka. 856 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1957). Mozart and Salieri. In: *Complete collection of Op. in 10 tt.*, 5. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 357—368. (In Russ.).

References

- Alekseev, M. P. (1935). “Mozart and Salieri”. In: *A. S. Pushkin Complete collection of works*, 7: *Dramatic works*. Moscow; Leningrad. 524—547. (In Russ.).
- Bagno, V. E. (2009). “Mozart and Salieri”. In: *Complete works in 20 tt.*, 7. Saint Petersburg: Nauka. 777—813. ISBN 5-02-028342-8. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1994). *Problems of creativity / poetics of Dostoevsky*. Kiev: NEXT. 508 p. (In Russ.).
- Belyakova, E. N. (2015). Prince Myshkin as a new type of tragic hero in the philosophical concept of D. S. Merezhkovsky (on the question of the reception of F. M. Dostoevsky’s novel “The Idiot” in the criticism of the Silver Age). *Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU*, 1: 104—108. (In Russ.).
- Berdyayev, N. (1994). Dostoevsky’s worldview. In: *Philosophy of Creativity, Culture and Art: in 2 vols.*, 2. Moscow: Iskusstvo, LIGA. 509 p. ISBN 5-210-02321-4. (In Russ.).
- Bocharov, S. G. (1985). *About artistic worlds*. Moscow: Soviet Russia. 296 p. (In Russ.).
- Brion, M. (2007). *Mozart*. Moscow: Molodaya gvardiya. 338 p. ISBN 978-5-235-03052-7. (In Russ.).
- Curtius, E. (2002). *The History of Ancient Greece in 5 volumes*, 4. Minsk: Harvest. 398 p. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (2006—2022). *From the new commentary to “Mozart and Salieri”*. RAS. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10150> (accessed 27.10.2023). (In Russ.).
- Dudareva, M. A. (2021). Apophatics of culture in the poem by N. A. Nekrasov “Who lives well in Russia: national being and otherness”. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*, 23 (80): 68—74. (In Russ.).
- Dunaev, M. M. (1997). Chapter 10. Dostoevsky. In: *Orthodoxy and Russian literature: in 7 vols.*, 3. Moscow: Christian Literature. 284—560. (In Russ.).
- Ermakov, I. D. (1923). *Etudes on the psychology of creativity of A. S. Pushkin (The experience of organic understanding of the “House in Kolomna”, “The Prophet” and small tragedies)*. Moscow; Petrograd: State Publishing House. 192 p. (In Russ.).

- Friedlander, G. M. (1985). *Dostoevsky and world literature*. Leningrad: Sov. Writer: Leningr. publishing house. 456 p. (In Russ.).
- Gavrilov, I. B. (2016). Stepan Petrovich Shevyrev on the “Russian view”. *Christian reading, 1*: 229—289. (In Russ.).
- Gershenzon, M. (1919). *Wisdom of Pushkin*. Moscow: Publishing House of Writers in Moscow. 229 p. (In Russ.).
- Golosovker, Ya. E. (1963). *Dostoevsky and Kant*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. 101 p. (In Russ.).
- Gorbunov, A. N. (2014). From the creation of the world to its end (mysteries of the York cycle). In: *Mysteries of the York cycle*. Moscow: Lodomir. Nauka. 767—829. ISBN 978-5-86218-516-4. (In Russ.).
- Grossman, L. (1924). *Dostoevsky's Way*. Leningrad: Brockhaus-Efron. 236 p. (In Russ.).
- Gudkova, S. P., Dubrovskaya, S. A., Sharonova, E. A. (2013). The originality of the artistic space of A. S. Pushkin's dramaturgy: a laughing discourse. *Humanities and Education, 4* (16): 123—127. (In Russ.).
- Gukovsky, G. A. (1957). *Pushkin and the problems of realistic style*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 416 p. (In Russ.).
- Kalashnikov, S. B. (2005). The cherished gift of love or the poison of Izora? (About the autobiographical aspect of Pushkin's “Mozart and Salieri”). *Bulletin of the Volga. Series 8, 4*: 6—13. (In Russ.).
- Kalinnikov, L. A. (2001). Theory of genius in the aesthetics of Kant and “Mozart and Salieri” by Pushkin. *Kant collection: Interuniversity thematic collection of scientific papers, 1* (22): 138—171. (In Russ.).
- Kasatkina, T. (2004). *On the creative nature of the word. Ontology of the word in the works of F. M. Dostoevsky as the basis of “realism in the highest sense”*. Moscow: IMLI RAS. 480 p. ISBN 5-9208-0173-5. (In Russ.).
- Krinityn, A. B. (2016). “Mozart and Salieri” by A. S. Pushkin as a source of the poem about the Grand Inquisitor in the novel “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky. *Philological Sciences, 3*: 43—47. (In Russ.).
- Kuzicheva, M. (2014). Pushkin and Mozart: on the question of the relationship of poetics. *Questions of literature*. Available at: <https://voplit.ru/2022/07/31/pushkin-i-motsart-k-voprosu-o-rodstve-poetik/> (accessed 28.10.2022). (In Russ.).
- Levi-Strauss, K. (2006). *Mythologiki: Raw and cooked*. Moscow: FreeFly. 399 p. ISBN 5-98358-111-2. (In Russ.).
- Levi-Strauss, K. (2011). *Structural anthropology*. Moscow: AST, Astrel. 541 p. ISBN 978-5-17-066744-4. (In Russ.).
- Losev, A. F. (2006). *Homer*. Moscow: Molodaya gvardiya. 400 p. ISBN 5-235-02267-X. (In Russ.).
- Lossky, N. O. (1953). *Dostoevsky and his Christian worldview*. New York: Publishing House. Chekhov. 406 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2002). *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Akad. Project. 542 p. ISBN 5-7331-0184-9. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992). Selected articles: in 3 volumes. In: *Articles on semiotics and topology of culture, 1*. Tallinn: Alexandra. 247 p. (In Russ.).
- Lukian, S. (2004). Ignoramus, who bought a lot of books per. N. P. Baranov. In: *Antiquity. Literature and art*. Moscow: Direct Media Publishing. 346—356. (In Russ.).
- Merezhkovsky, D. S. (1995). *L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions*. Moscow: Republic. 624 p. ISBN 5-250-02540-4. (In Russ.).

- Merezhkovsky, D. S. (1994). On the new meaning of ancient tragedy. In: *Aesthetics and Criticism: in 2 volumes, 1*. Moscow: Iskusstvo. 547—554. ISBN 5-210-01299-9. (In Russ.).
- Meyendorf And (Archpriest). (2001). *Byzantine theology. Historical trends and doctrinal themes*. Minsk: Rays of Sofia. 336 p. ISBN 5-93348-022-3. (In Russ.).
- Nazirov, R. G. (2020). Traditions of Gogol and Pushkin in Russian prose of the XIX century: a comparative history of fables. *Nazirov Archive*, 4 (30): 34—261. (In Russ.).
- Ponomareva, G. B. (2001). *Dostoevsky: I am engaged in this mystery*. Moscow: Akademkniga. 304 p. ISBN 5-94628-004-X. (In Russ.).
- Saraskina, L. (2006). *Dostoevsky in consonances and attractions (from Pushkin to Solzhenitsyn)*. Moscow: Russian Way. 602 p. ISBN 5-85887-236-0. (In Russ.).
- Stepanyan, K. A. (2006). “To know and say”: “realism in the highest sense” as a creative method of F. M. Dostoevsky. Moscow: Russian Way. 602 p. ISBN 5-85735-146-4. (In Russ.).
- Stepanyan, K. A. (2010). *Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky*. Saint Petersburg: Kriga. 398 p. ISBN 978-5-901805-47-3. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. 612 p. ISBN 5210015459. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (1970). *Poetics of composition: the structure of a literary text and the typology of a compositional form*. Moscow: Iskusstvo. 223 p. (In Russ.).
- Varsonofy of Optina, the Monk. *Spiritual heritage*. (2009). Moscow: Alta-Print. 704 p. (In Russ.).
- Vatsuro, V. E. (2012). About “Mozart and Salieri” by Pushkin. 07.11. Available at: <https://omiliya.org/article/o-motsarte-i-saleri-pushkina-ve-vatsuro.html> (accessed 16.10.2023). (In Russ.).
- Wackenroder, V. G. (1977). *Fantasies about art*. Moscow: Iskusstvo. 263 p. (In Russ.).
- Weststeijn, W. G. *Review Article: New Literary Russian History. University of Amsterdam*. Available at: file:///C:/Users/User/Downloads/1-s2.0-S0304347923000595-main.pdf (accessed 27.10.2023).

*The article was submitted 27.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023;
accepted for publication 21.11.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Евгеньевич Пьянов, канд. истор. наук (Кемерово)
Алексей Хасанович Абазов, д-р истор. наук (Нальчик)
Алексей Юрьевич Карпинец, канд. истор. наук (Кемерово)
Елена Васильевна Бородина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Зарема Январбиевна Емтыль, д-р истор. наук (Краснодар)
Иван Александрович Шевченко, канд. истор. наук (Липецк)
Карина Казбековна Фидарова, канд. истор. наук (Владикавказ)
Лариса Черменовна Хаббиева, канд. пед. наук (Владикавказ)
Леонид Иосифович Земцов, д-р истор. наук (Липецк)
Светлана Владимировна Калабекова, канд. филос. наук (Черкесск)
Светлана Ивановна Цеменкова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Святослав Сергеевич Колегов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Сергей Викторович Воробьев, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Сергей Викторович Куликов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Сюй Жуйлинь, магистрант (Харбин, Китай)
Татьяна Геннадьевна Недзелюк, д-р истор. наук (Барнаул)
Яна Михайловна Санникова, канд. истор. наук (Якутск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Абазов А. Х. Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков : нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности / А. Х. Абазов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 321—338. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338.

Abazov, Kh. A. (2023). Institutions of Local Judicial-Administrative Control in North Caucasus in Late 18th — Early 19th Century: Regulatory and Documentary Support for Activities. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 321-338. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-321-338

Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков: нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности

Абазов Алексей Хасанович
orcid.org/0000-0003-4004-7009
WoS ResearcherID: B-9507-2018
доктор исторических наук,
заместитель генерального директора
по научной работе
alex_abazov@list.ru

Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук
(Нальчик, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-10232,
<https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Institutions of Local Judicial- Administrative Control in North Caucasus in Late 18th — Early 19th Century: Regulatory and Documentary Support for Activities

Alexey Kh. Abazov ¹
orcid.org/0000-0003-4004-7009
WoS ResearcherID: B-9507-2018
Doctor of History,
Deputy Director for Research Affairs
alex_abazov@list.ru

Kabardino-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-10232,
<https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

© Абазов А. Х., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрены особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности приставских управлений, пограничных и родовых судов, родовых расправ на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков. Приведены общие сведения о развитии системы учреждений локального судебно-административного контроля в регионе. Охарактеризованы нормативные акты императора и высших органов власти, определявшие объем полномочий этих учреждений, фиксировавшие их трансформации в условиях административно-территориальных преобразований, содержащие информацию о кадровом составе, назначении на должность новых руководителей и т. п. Исследованы формы документального обеспечения коммуникации приставских управлений и пограничных судов с иными учреждениями власти и должностными лицами, выявлены особенности такого взаимодействия в зависимости от места этих учреждений в административной иерархии. Приведены сведения об их делопроизводственной документации, применявшейся для управления ими собственной деятельностью. Сделан вывод, что документы этих учреждений сохраняют большой эвристический потенциал для исследования основных аспектов истории становления и развития институтов российской государственности в данном регионе, экзогенных и эндогенных факторов трансформации институтов соционормативной культуры, локальных особенностей складывания и развития российской делопроизводственной культуры.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; нормативно-правовой акт; делопроизводственная документация; Моздокский верхний пограничный суд; приставские управления.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of regulatory and documentary support for the activities of bailiff administrations, border and clan courts, and clan administrations in the North Caucasus in the late 18th — early 19th centuries are considered. General information is provided about the development of the system of institutions of local judicial-administrative control in the region. The normative acts of the emperor and higher authorities defining the scope of authority of these institutions, documenting their transformations in the context of administrative-territorial changes, containing information on personnel composition, appointment of new leaders, and other related matters are characterized. The forms of documentary support for communication between bailiff administrations and border courts with other government institutions and officials are studied, and the features of such interaction are identified depending on the place of these institutions in the administrative hierarchy. Information is provided about their document management documentation used to manage their own activities. It is concluded that the documents of these institutions have a significant heuristic potential for studying the main aspects of the history of the formation and development of the institutions of Russian statehood in this region, exogenous and endogenous factors of transformation of institutions of socio-normative culture, local features of the formation and development of Russian document management culture.

Key words:

North Caucasus; regulatory legal act; document management documentation; Mozdok upper border court; bailiff administrations.

Учреждения локального судебно-административного контроля на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков: нормативно-правовое и документальное обеспечение деятельности

© Абазов А. Х., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование особенностей нормативно-правового и документально-го обеспечения деятельности российских учреждений власти на Кавказе в дореволюционный период значимо для более глубокого осмысления инкорпорации проживавших здесь народов в политико-правовое пространство империи. Представители высшей российской власти постоянно предпринимали попытки регламентировать, упорядочить и оптимизировать модели их взаимодействия с региональными этноэлитами, определить объем полномочий должностных лиц и учреждений — основных исполнителей их решений на местах. Это способствовало появлению большого массива различных по видовой принадлежности нормативных актов и делопроизводственных документов. Документированию подлежали сведения практически обо всех сферах жизнедеятельности местного населения. Их научное осмысление на основе современных теоретико-методологических подходов и оценка их информативной отдачи открывают дополнительные возможности для исследования соционормативной культуры народов региона до начала российского влияния, особенностей ее трансформации в рамках российского политико-правового и социально-экономического поля, выявления и характеристики истоков российского самосознания у народов региона и т. п.

Накопление массива нормативно-правовых актов и распространение российской делопроизводственной культуры в разных субрегионах Кавказа в разное время имело свои особенности. В последней трети XVIII — начале XIX веков на Северном Кавказе оно проходило на общегосударственном, региональном и локальном уровнях, в том числе и по итогам деятельности вновь создаваемых *учреждений локального судебно-административного контроля* (далее — УЛСАК: приставские управления, пограничные и родовые суды, родовые расправы). При этом в изучаемый период их взаимодействие с представителями местных этноэлит ослож-

нялось обменом документами на разных языках, издержками их перевода с языка представителей автохтонов на русский и обратно, приспособлением переводов документов к российской политико-правовой риторике того времени и т. п. Акты власти и документы УЛСАК по-прежнему сохраняют большой эвристический потенциал для исследования основных аспектов истории становления и развития российской государственности в данном регионе, трансформации институтов традиционной соционормативной культуры народов региона, локальных особенностей складывания и развития российской делопроизводственной культуры и т. п. Все это дополнительно подчеркивает важность и актуальность осмысления, определения и уточнения эвристического потенциала нормативных и делопроизводственных документов УЛСАК.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выстраивалось с опорой на документы УЛСАК, а также учреждений и должностных лиц, с которыми они взаимодействовали. Материалы извлечены из фондов [РГВИА, УЦГА АС КБР, ЦГА РСО-Алания, ГА СК, ЦГА РД] и из многочисленных сборников архивных документов [АКАК, т. 1, 1866; т. 2, 1868; КРО, т. 2, 1957; Административная практика..., 2012; Административная интеграция..., 2018] и т. п. В ходе исследования были задействованы в основном 2 группы источников: нормативно-правовые и делопроизводственные. К первой относятся указы, приказы, инструкции и другие документы, принятые императором или учреждениями высшей или центральной власти в отношении УЛСАК. Ко второй — документы, обеспечивавшие взаимодействие учреждений власти в регионе и создаваемые УЛСАК для управления собственной деятельностью.

Особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности УЛСАК в регионе в указанный период до сих пор не становились предметом специального научного исследования. Вместе с тем некоторые аспекты применения юридических форм политики России в регионе (акты императоров, высших и центральных органов самодержавия и его представителей на местах) затрагивались в работе А. Н. Маремкулова [Маремкулов, 2005]. Кроме того, исторические условия и обстоятельства становления и развития учреждений российского аппарата государства, особенности интеграции народов региона в состав России, их экономического и социально-политического развития и административно-территориальных преобразований затрагивались в трудах М. И. Афауновой, З. М. Блиевой, П. Г. Буткова, Н. Ф. Грабовского, А. Т. Джумагуловой, А. В. Казакова, Ж. А. Калмыкова, Г. Н. Малаховой, В. Н. Мальцева, И. Р. Нахушевой (Марзей), А. Т. Урушадзе [Афаунова, 2007, с. 99—111; Бутков, 1869, с. 266; Бли-

ева, 2005; Грабовский, 2008, с. 182; Джумагулова, 2014, с. 35—40; Казаков, 2006; Калмыков, 1995; Калмыков, 2007; Малахова, 2001; Мальцев, 2012, с. 89—96; Марзей, 2021; Нахушева, 2020, с. 60—78; Российский Северный Кавказ..., 2012] и в некоторых наших работах.

В целом на основе анализа доступной источниковой базы с опорой на методы исторического исследования и достижения кавказоведов можно ставить и решать такие научные проблемы, как выявление обстоятельств и условия складывания и расширения нормативно-правовой базы УЛСАК, изучение особенностей развития российской делопроизводственной культуры на местах и коммуникации представителей российской власти и региональных этноэлит, исследование специфики фиксации информации о различных сторонах их жизнедеятельности и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие сведения о развитии системы локального судебно-административного контроля

УЛСАК в последней трети XVIII — начале XIX веков представлял собой специализированные звенья российского аппарата государства, создававшиеся на Кавказе на базе линейных военизированных структур (военных крепостей, пунктов кордонных линий, промежуточных редутов) для выстраивания первичного контроля над основными сферами жизнедеятельности проживавшего на порубежных территориях лояльного России населения. Так, в последней трети XVIII века российские власти активизировали деятельность по созданию учреждений такого типа в отношении населения региона при Моздокской крепости (учрежденной в 1763 году) и других пунктов построенной в 1777—1778 годах Азово-Моздокской линии. В это время были учреждены кабардинское приставство — в 1769 году [Бутков, 1869, ч. 3, с. 116]; в 1771 году — приставство ногайского населения Кубанской степи «с неясными надзорными функциями» [Джумагулова, 2014, с. 35] в отношении едисанской, белгородской, едишкульской и джамбулукской орд [АКАК, т. 1, с. 87]; в 1793 году — Моздокский верхний пограничный суд (далее — МВПС) и родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, а также 4 приставства в отношении ногайского населения региона: для Калаусо-Саблинских и Бештово-Кумских, Калаусо-Джембойлукских, Ачикулак-Джембойлукских и Едисанских, Едишкульских и Караногайских ногайцев [Джумагулова, 2014, с. 35]. Также в документах встречаются сведения о функционировавшем на рубеже 70—80-х годов XVIII века приставстве Малой Кабарды с присутственным местом в кр. Моздок [Бутков, 1869, ч. 2, с. 59]. К 1798 году относятся сведения о приставстве «трухменских татар» [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1,

ед. хр. 202, л. 7 об.]; к 1799 году — «ногайских татар» [Там же, л. 2 об.], к 1800 году — части осетинского населения [АКАК, т. 1, с. 717]; к началу XIX века — о ногайском и абазинском приставстве [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 202, л. 22]. Так, к началу XIX века в этом регионе была сформирована целая сеть учреждений такого типа, в подведомственность которых была отнесена значительная часть народов Северного Кавказа (кабардинцы, ногайцы, абазины, часть осетин и др.).

Однако некоторые формы коммуникации российских властей с представителями местного населения через посредство офицера-пристава были апробированы еще в первой четверти XVIII века. В частности, в 1722 году Петр I принял решение о назначении приставом гвардии поручика Нефедя Кудрявцева и направлении его в Астрахань для исполнения своих обязанностей [Бутков, 1869, ч. 1, с. 13]. При этом его основными функциями были установление контакта с представителями местного населения и сбор данных об особенностях его жизнедеятельности. Такие же формы взаимодействия были апробированы в отношении представителей части ногайского населения, чьи кочевья в середине XVIII века располагались около Кизляра. В материалах П. Г. Буткова отмечалось, что они «собственных мурз не имеют», а управляются через назначенных к ним российских приставов [Бутков, 1869, ч. 1, с. 180]. Здесь же отмечалось, что такое управление было установлено там под надзором кизлярского коменданта еще до 1763 года, чтобы приставы «сих вольных людей не утесняли, не озлобляли и не разоряли» [Там же]. Именно поэтому в целях «лучшего наблюдения» к ним был назначен приставом один российский штаб-офицер.

УЛСАК на Северном Кавказе во второй половине XVIII века создавались и функционировали на основании схожих принципов: выстраивании контроля над основными сферами жизнедеятельности местных жителей и их вовлечения в российское правовое поле, назначении приставами и председателями пограничного суда представителей российской военной администрации, включении в штат судов делегатов (иногда на выборных началах) от местного населения, определении в качестве надведомственной организации — высшего военного командования в регионе или Государственной коллегии иностранных дел (далее — ГКИД) и др. Во второй половине XVIII века назначение на должность пристава проходило на основании специального разрешения из Коллегии иностранных дел. Например, 21 июля 1769 года генерал-майору де Медему был дан Высочайший указ из ГКИД в отношении части кабардинского населения, принявшего российское подданство, «об определении к ним в приставы майора Таганова» [Бутков, 1869, ч. 3, с. 116].

В конце XVIII — начале XIX веков наметилась тенденция учреждения вышестоящих (промежуточных) инстанций для группы расположенных по

соседству УЛСАК. Так, с 1793 года такую роль по отношению к родовым судам и расправам выполнял МВПС, а с началом XIX века для нескольких частных (локальных) приставств — Главное приставское управление.

Деятельность этих учреждений помимо кадрового, финансового и иного обеспечения должна была выстраиваться и с опорой на нормативно-правовые и документальные акты. Император, высшие и центральные органы российского самодержавия издавали акты нормативного характера, определявшие объем полномочий и подведомственность УЛСАК, их место в административной иерархии, иногда содержавшие сведения о персоналиях и т. п. Кроме того, их деятельность выстраивалась с учетом достижений российской делопроизводственной культуры того времени, в определенной мере приспособленной к локальным особенностям коммуникации между российской властью и представителями региональных этноэлит. Все это дает возможность комплексно исследовать особенности нормативно-правового и документального обеспечения деятельности УЛСАК, рассматривая нормативные акты императора и органов высшей и центральной власти с элементами учредительных документов, а также документы по обеспечению коммуникации между ними и управлению ими собственной деятельностью.

3.2. Нормативные акты, регламентировавшие деятельность учреждений локального судебно-административного контроля

Деятельность появляющихся на базе линейных военизированных структур и реорганизуемых в последней трети XVIII — начале XIX века УЛСАК (как временных промежуточных / посреднических учреждений власти на Южной окраине российской империи) основывалась на различных нормативно-правовых актах, изданных императором, высшими коллегиальными органами власти и должностными лицами, в которых определялись их объем полномочий и территориальная подведомственность, приводились сведения о кадровом составе и порядке и источниках финансирования (указы, рескрипты, высочайшие повеления Е. И. В., наставления и инструкции ГКИД) и др. Они содержали обязательные для исполнения «нормы» и сведения о назначении на должности приставов (руководителей приставских управлений), председателей МВПС, закрепляли результаты народных голосований по выборам судей от представителей местного населения, определяли подведомственность и объем полномочий и т. п. Нормативные акты в определенной мере выполняли функции учредительных документов в отношении приставских управлений, пограничного и родовых судов и расправ и принимались при образовании новых УЛСАК, их реорганизации или смене надведомственной инстанции. К их числу относятся указы, рескрипты, Высочайшие повеления, наставления и инструкции ГКИД и т. п. Такие документы применялись в основном при

образовании УЛСАК, изменении их структуры или территориальной подведомственности, назначении нового руководителя и др.

В истории деятельности УЛСАК в регионе в последней трети XVIII — начале XIX веков это были указы приставу при кабардинцах секунд-майору Д. Таганову (1769); инструкции о формах его взаимодействия с подведомственным населением [АКАК, т. 1, с. 84], о его обязанности установить взаимодействие с кабардинцами и проводить среди них соответствующую разъяснительную работу [Там же]; о назначении коллежского советника Макарова Главным приставом (калмыков, кабардинцев, трухменцев, ногойцев и др.) (1800, 1802) и т. п. Также в именных указах органам власти давались указания об определении ему территориальной подведомственности локальных приставских учреждений. Например, 17 октября 1802 года в ГКИД был дан Именной указ о передаче кочующих на Кавказской линии народов из ее подведомственности командующему войсками в регионе князю П. Д. Цицианову [Административная интеграция..., 2018, с. 137]. Все документы такого плана содержали обязательные для исполнения правила деятельности адресатов и определяли объем их полномочий.

Одним из оснований для подготовки и принятия новых актов учредительного характера была смена подведомственности УЛСАК. Например, на основании Высочайше подтвержденной от 19 мая 1800 года инструкции [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 820—821] представители кочевого населения Астраханской губернии, а также кабардинцы, трухменцы, ногойцы, абазинцы и некоторые другие народы были выведены из подчинения начальника Кавказской линии и переданы в подведомственность ГКИД [Бутков, 1869, ч. 3, с. 356]. Нормативный акт, на основании которого были проведены эти преобразования, ознаменовал начало формирования на Кавказе многоуровневой системы приставских управлений, в структуре которых было как минимум 2 взаимосвязанных уровня: Главный пристав и подчинявшиеся ему приставы локального уровня.

До этого в 1800 году Макаров на основании Высочайшего указа ГКИД был назначен приставом группы народов, проживавших в пределах Астраханской губернии и на пограничных с ней территориях (калмыков, кабардинцев, трухменцев и т. д.) [Там же, с. 323]. По данным П. Г. Буткова, в 1802 году Главному приставу этих народов подчинялись 7 приставов локального уровня [Там же, с. 356]. Объем его полномочий определялся соответствующей инструкцией, в которой устанавливалась территориальная подведомственность Главного пристава, делегировалось право самому определить свое присутственное место, отмечалось основное назначение его деятельности, приводился перечень его полномочий (покровительство и обеспечение безопасности в отношении местного населения, осуществ-

вление контроля и санкционирование индивидуальных и массовых миграций жителей, извещение вышестоящего начальства обо всех связанных с его деятельностью угрозах, осуществление подбора кандидатур на должности локальных приставов, контроль за беспрепятственным доступом жителей подведомственной территории к природным ресурсам) и была закреплена подведомственность частных (локальных) приставов тухумцев, «едисанских и жамбуйдукских» ногайцев, а также — ногайцев, кочевавших в районе Пятигорья, абазин, кабардинцев и др. [Административная интеграция..., 2018, с. 129—131]. Для этой группы народов была предпринята попытка образования многоуровневой административной иерархии в целях оптимизации управления, расширения сферы контроля и вовлечения местного населения в деятельность российской власти в регионе.

С течением времени право принимать акты нормативного характера делегировались представителям региональных властей. С начала XIX века командующий войсками на Кавказской линии самостоятельно утверждал в должностях локальных приставов, принимал по этому поводу соответствующие приказы с уточнением объема их полномочий. Инструкции с признаками учредительных документов впоследствии конкретизировались в других инструкциях, направляемых в соответствующие инстанции по подведомственности. Они регламентировали разные направления деятельности УЛСАК: права и обязанности приставов, порядок финансирования их управлений и др. Например, в 1802 году после определения коллежского советника Макарова Главным приставом государственному казначею был дан Именной указ о выделении средств на финансирование деятельности приставского управления [Там же, с. 128]. Документ дает возможность установить структуру Главного приставского управления и определить размеры вознаграждений его работников за выполнение служебных обязанностей. Так, в то время в штат Главного приставского управления входили: секретарь (с окладом в 450 руб. в год, переводчик — 400 руб., писец (делопроизводитель) — 200 руб., 2 толмача — по 100 руб., 6 частных (локальных) приставов — 350 руб. каждый, помощник Главного пристава — 250 руб. [Там же, с. 128]. Суммы предполагалось ассигновать «из доходов Астраханской губернии» [Там же, с. 138]. Так, с течением времени увеличивался и перечень направлений деятельности УЛСАК, которые попадали под регулирование в нормативных актах.

Эта тенденция продолжала усиливаться и в последующем. Так, в Инструкции Макарову (1802) говорилось о его обязанности оповещать Главного военного начальника на Кавказе и ГКИД обо всех опасностях, исходивших от представителей кавказского населения [ПСЗРИ, собр. 1, 1802—1803, т. XXVII, № 20271, с. 146]. Этим определялась их надведом-

ственность и характер внешней коммуникации. В этом же документе были закреплены и основные принципы горизонтальной коммуникации пристава Макарова [Там же]. Тем самым круг полномочий Главного пристава, подлежавших регламентированию, расширялся. Вместе с тем уточнялись права и обязанности локальных приставов.

После учреждения Главных приставских управлений на высшем уровне обсуждались вопросы о неудобствах их подчинения ГКИД, и уже в 1805 году права назначать на должности частных (локальных) приставов и определять их объем полномочий были делегированы Главнокомандующему войсками на Кавказе. Он также был наделен правом издавать нормативные акты, определявшие объем полномочий локальных приставов (приказы и предписания). Например, в 1805 году пристав Кабарды И. П. Дельпоццо был назначен на должность приказом командующего войсками на Кавказе П. Д. Цициановым, а его объем полномочий был определен в специальном предписании командующего от 29 января 1805 года [АКАК, т. 2, с. 958]. В то время это было повседневной практикой Кавказского военного начальства, когда уточнялись и детализировались обязанности локальных начальников.

Кроме того, в эту группу документов можно частично отнести Указы Е. И. В. и высших органов власти, которые напрямую не затрагивали вопросы деятельности УЛСАК, но регламентировали основные аспекты административно-территориальных преобразований: об образовании Кавказской и Астраханской областей (1785) [Административная практика..., 2012, с. 75]; о выделении Кавказской губернии из состава Астраханской (1802) [Там же, с. 118] и др. При этом следует отметить, что заложенная в такого рода документах тенденция по регламентации полномочий локальных начальников в документах по административно-территориальной организации региона сохранялась здесь вплоть до революционных событий 1917 года.

Рескрипты и повеления в отличие от Указов были адресованы конкретным учреждениям или должностным лицам и содержали предписания к конкретным действиям. Так, например, рескрипт Павла I И. В. Гудовичу от 9 марта 1797 года содержал предписание о необходимости ротации в руководстве приставства Кабарды и принципы определения подведомственности УЛСАК вышестоящим инстанциям; рескрипт князю П. Д. Цицианову — от 29 мая 1804 года об отказе в переименовании должности пристава в начальника [АКАК, т. 2, с. 955]; высочайшее повеление И. В. Гудовичу (1792) — о необходимости введения родовых судов и расправ в Кабарде и образовании МВСП с описанием их структуры, предметов ведения, формы контроля за реализацией предписаний начальства [Из документальной истории..., 2000, с. 51] и др.; высочайшее повеление И. В. Гудовичу (1792) о методах создания родовых судов в регионе [Маремкулов, 2005, с. 105]. Как видим, такая фор-

ма взаимодействия с представителями местного населения практиковалась в регионе либо для создания новых УЛСАК, либо для их реорганизации.

Однако другая группа УЛСАК (МВПС с подчиненными ему родовыми судами и расправами) оставалась в подведомственности командующего войсками на Кавказской линии [Бутков, 1869, ч. 3, с. 356]. Их деятельность по-прежнему регламентировалась принятым в 1793 году Указом Е. И. В. «О родовых судах и расправах» и включенным в его структуру «Наставлением МВПС» [УЦГА АС КБР, ф. 1209, оп. 17, ед. хр. 12; ЦГА РД, ф. 379, оп. 3, д. 138, лл. 12—23 об.]. Они в той или иной мере сохраняли стабильность в своей деятельности вплоть до 1822 года, когда началась новая волна в преобразовании структуры УЛСАК в регионе.

В целом акты Е. И. В. и ГКИД представляли собой нормативные акты с элементами учредительных документов по отношению к УЛСАК или содержали перечень обязанностей для других учреждений власти. Причем инструкции и наставления издавались, как правило, при учреждении новых органов ЛСАК, а акты высших и центральных органов власти, как правило, при их реорганизации или смене подведомственности.

3.3. Документальное обеспечение коммуникации учреждений локального судебно-административного контроля

Деятельность УЛСАК обеспечивалась с помощью различных по видовой принадлежности делопроизводственных документов, которые сопровождали их коммуникацию с другими учреждениями власти и сопровождали их собственную деятельность. УЛСАК выстраивали коммуникацию с учреждениями власти и представителями региональных этноэлит с опорой на сложившиеся к тому времени принципы российской делопроизводственной культуры.

Рапорты и донесения направлялись по иерархии от нижестоящих инстанций в вышестоящие вплоть до императора (высочайшие рапорты). Например, в форме Всеподданейших рапортов информация о реализации утвержденных преобразований в системе УЛСАК поступала императору от командующего войсками на Кавказе. В них говорилось об исполнении поручений по организации деятельности этих учреждений, содержались предложения по их оптимизации [АКАК, т. 1, с. 746—748] и т. п. Также в рапортах приставы сообщали вышестоящему начальству о военной ситуации и происшествиях на подведомственной им территории [Бутков, 1869, ч. 3, с. 392] и др. Значительная часть рапортов в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII века поступала от генерала де Медема в адрес командующего Кавказским корпусом П. С. Потемкина. Например, от 8 апреля 1777 года поступил рапорт с сообщением о том, что в 1776 году пристав Таганов и майор Бушуев посетили Кабарду для оповещения местных жителей о ситуации в регионе [АКАК, т. 1,

с. 89], от 6 декабря 1782 года — о недовольстве кабардинского народа своими князьями [КРО, т. 2, с. 352] и т. п. Рапорты руководителей УЛСАК в адрес вышестоящего начальства представляют собой один самых информативных источников, содержащих сведения об основных сферах жизнедеятельности и институтах соционормативной культуры народов Северного Кавказа.

К этой подгруппе относятся и рапорты служащих родовых судов и расправ в МВПС и локальных приставов в Главное приставское управление. Примечательно, что часть этой документации составлена на языках представителей местного населения и зафиксирована с использованием арабоязычной графической основы. При этом на рассмотрение к служащим эти документы попадали уже в форме переводов на русский язык и были оформлены с опорой на нормы российской делопроизводственной культуры. Смысловая нагрузка рапортов оставалась такой же, как и в рассмотренных выше случаях.

Предписания и ордера исходили из вышестоящих инстанций в нисходящие и закрепляли в отношении УЛСАК порядок действий в той или иной сфере. Как правило, эти документы (в большинстве случаев — адресные) были направлены на реализацию и исполнение отдельных положений соответствующих нормативных актов. Например, в ордере П. С. Потемкина от 13 ноября 1781 года приставу Кабарды предписывалось организовать переговоры с представителями кабардинской этноэлиты по целому ряду вопросов [АКАК, т. 2, с. 1111]. Круг таких примеров можно продолжить [Там же, с. 1112—1113], но все они вполне могут быть объектами самостоятельного источниковедческого анализа.

Большой массив документов обеспечивал коммуникацию УЛСАК с учреждениями, не состоявшими с ними в иерархической связи. Такую коммуникацию обеспечивали уведомления, сообщения, предложения, подтверждения об ознакомлении с экстрактами [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 281, ед. хр. 186] и др. Например, в документах МВСП встречаются уведомления Моздокского уездного суда, сообщения Кавказского мушкетерского полка, Кавказской казенной палаты, предложения Кавказского наместнического правления, информация о заслушанных экстрактах [Там же, ед. хр. 281, ед. хр. 186] и т. п. Кроме того, УЛСАК направляли информацию в вышестоящие инстанции и в форме представлений.

Как видим, информация о деятельности УЛСАК документировалась в разных формах в зависимости от места учреждений, с которыми они взаимодействовали в административной иерархии.

3.4. Делопроизводственная документация учреждений локального судебно-административного контроля

Делопроизводственная документация УЛСАК, применявшаяся ими для управления собственной деятельностью, подразделялась несколько

групп. Каждая из этих групп в свою очередь включала соответствующие документы:

— отчетную и учетную документацию (докладные регистры входящей и исходящей корреспонденции, книги для записи тематической информации, журналы (ведомости) по учету корреспонденции (рассыльные и почтовые книги), проездные билеты, регистры прихода и расхода денежных сумм). Эти документы содержат более всего сведений о деятельности судебных учреждений в отношении местных жителей региона. Кроме того, например, в докладных регистрах отражались сведения о нарушенных правах местных жителей, а иногда и о нормах, с помощью которых эти права регулировались [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 391, л. 1—3 об.]. В этой группе особо следует указать и на функцию некоторых УЛСАК выдавать жителям региона билеты на право передвижения за пределы ареала проживания — в основном, на пересечение кордонной линии. Например, приставы Большой (полковник Таганов) и Малой (подполковник Фромгольт) Кабарды в 1780 году были наделены правом выдавать билеты жителям подведомственной территории, которые до этого времени выдавались «за ручательством старшего князя Джанхота Татарханова» [Бутков, 1869, ч. 2, с. 59]. Право приставов выдавать билеты жителям подведомственных территорий было закреплено в обязательстве, данном кабардинцами правительству Екатерины II в 1779 году по итогам вооруженного противостояния кабардинских и российских военных отрядов в 1778—1779 годах [АВПРИ, ф. 115, оп. 2, д. 1, л. 26—30 об.; Административная интеграция..., т. 1, 2018; Глашева, 2021, с. 70—81]. Тем самым вводились элементы учета локальных миграций некоторых представителей местного населения и контроля за ними;

— документы с элементами статистического обобщения (ведомости о количестве и видах рассмотренных споров и конфликтов). В это время элементы статистического обобщения только вводились в практику УЛСАК. Они представляли попытку перевести в цифровой формат те или иные сведения об их деятельности. Например, в это время предпринимались попытки систематизации сведений о количестве правонарушений в регионе, систематизации данных по различным основаниям: количеству решенных и нерешенных дел, их видовой принадлежности (деление на уголовные и гражданские) и т. д. [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 389, л. 1—15 об.];

— документы по управлению кадрами и финансами (списки членов судов и приставских управлений, формулярные списки их служащих, ведомости об оплате их труда, расходные протоколы и т. п.). Здесь большой эвристический потенциал имеют дела, в которых отложились протоколы приходчиков и расходчиков экстраординарных сумм на содержание суда [Там же, д. 383, л. 1—1 об.]. В них фиксировались сведения о размерах оплаты труда

служащих суда, данные о его канцелярских расходах, иногда — сведения о размерах штрафов, поступавших от местных жителей в качестве материальной компенсации за преступления и др. [Там же, л. 4—9 об.];

— процессуальные документы (протоколы заседаний суда и следственных действий (допросы подозреваемых, очные ставки и т. п.), приказы и указы председателя суда, прошения потерпевших, сообщения председателя суда по разным вопросам его деятельности, рапорты служащих председателю, требования, извещения, представления [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 168, л. 1], выборные (голосовые) листы родовых судов и расправ [ЦГА РД, ф. 379, оп. 3, д. 138, л. 12—23 об.]) и др. Здесь следует особо выделить протоколы заседаний суда, в которых фиксировались сведения о решении споров на основании традиционных институтов правосудия местных жителей, а иногда и фиксировались сами нормы регулирования общественных отношений коренных жителей региона [ЦГА РСО-Алания, ф. 244, оп. 1, д. 078а, л. 1—3 об.].

Следует отметить, что для каждого из указанных видов документов практиковалась определенная форма. В целом документы этой подгруппы отражают базовый повседневный уровень их деятельности и отличаются широким разнообразием как по видовой принадлежности, так и по информативной отдаче для исследования различных аспектов социально-политической и экономической истории народов региона.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, нормативно-правовые и делопроизводственные документы по деятельности УЛСАК в последней трети XVIII — начале XIX веков представляют собой информативные группы источников для исследования основных аспектов этнической, социально-политической и экономической истории народов Северного Кавказа (кабардинцев, осетин, ногайцев, абазин и др.). Нормативные акты с элементами учредительных документов (инструкции, рескрипты, повеления, наставления и т. п.) отражают основные особенности развития системы УЛСАК в этом регионе: расширение их территориальной подведомственности по мере включения в российское правовое поле новых народов, детализация компетенций и полномочий их руководителей и служащих, упорядочение контроля за их деятельностью, в том числе и путем выделения регионального (Главное приставство, МВПС) и локального (частные приставы, родовые суды и расправы) уровней их иерархии.

Распространение российской делопроизводственной культуры на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков выражалось в активном документообороте между УЛСАК и другими институтами российского аппарата государства и представителями региональных этноэлит. Формы документирования коммуникации УЛСАК зависели от характера

иерархических связей коммуникантов: рапорты и представления — от нижестоящих организаций в вышестоящие; предписания и ордера — из вышестоящих в нижестоящие; отношения, уведомления и сообщения — между организациями, не состоявшими в административной зависимости.

Внутренняя делопроизводственная документация УЛСАК дифференцируется по видовой принадлежности в зависимости от специфики групп регулируемых отношений и содержит информацию по учету и анализу криминальных факторов, влиявших на ситуацию на Северном Кавказе, контролю за перемещением местных жителей по территории региона, подходам по обеспечению органов власти кадрами и финансами, фиксации результатов процессуальных действий и судебных разбирательств. Эти документы дают возможность подробно исследовать особенности структуры и кадрового состава приставских и судебных учреждений, углубить представления о сложившихся еще до начала российского влияния институтах соционормативной культуры народов региона и др. Все это позволяет рассматривать нормативно-правовое обеспечение деятельности УЛСАК на Северном Кавказе в последней трети XVIII — начале XIX веков как элемент развивавшейся российской правовой системы, а документальное сопровождение процессов — как сложившуюся к тому времени делопроизводственную культуру.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив внешней политики Российской империи* (г. Москва).
2. *Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи* : Сборник документов и материалов. — Нальчик : Принт Центр, 2020. — Т. 1. — 648 с. — ISBN 978-5-907150-05-8.
3. *Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии)* : сборник документов / ФГБУН Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А ; [сост., предисл. с. 15—74, коммент. Е. И. Кобахидзе]. — Владикавказ : СОИГСИ, 2012. — 399 с. — ISBN 978-5-91480-139-4.
4. АКАК — *Акты Кавказской археографической комиссии*. — Тифлис : Типография главного управления Наместника кавказского, 1866. — Т. 1. — 816 с. ; 1868. — Т. 2. — 1238 с.
5. ГА СК — *Государственный архив Ставропольского края* (г. Ставрополь).
6. ГКИД — *Государственная коллегия иностранных дел*.
7. *Из документальной истории кабардино-русских отношений* : вторая половина XVIII — первая половина XIX в. : Сост. Х. М. Думанов. — Нальчик : Эльбрус, 2000. — 477 с. — ISBN 5-7680-1403-9.
8. КРО — *Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.* : документы и материалы. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — Т. 2. — 424 с.

9. МВПС — *Моздокский* верхний пограничный суд.
10. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи.
11. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив (г. Москва).
12. УЛСАК — *Учреждения* локального судебно-административного контроля.
13. УЦГА АС КБР — *Управление* Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).
14. ЦГА РД — *Центральный* государственный архив Республики Дагестан (г. Махачкала).
15. ЦГА РСО-Алания — *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (г. Владикавказ).

Литература

1. *Афаунова М. И.* Институт приставства в Кабарде (1769—1822) / М. И. Афаунова // Исторический вестник КБИГИ. — Нальчик : КБИГИ, 2007. — Выпуск VI. — С. 99—111.
2. *Блиева З. М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII — 80-е гг. XIX в. / З. М. Блиева. — Владикавказ : Ин-т истории и археологии РСО-Алания, 2005. — 397 с. — ISBN 978-5-00081-049-1.
3. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. — Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1869. — Ч. 1. — 545 с.
4. *Глашева З. Ж.* Документы к истории Семимесячной войны в Кабарде 1778—1779 гг. / З. Ж. Глашева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2021. — № 1 (99). — С. 70—81. — DOI: 10.35330/1991-6639-2021-1-99-70-81.
5. *Грабовский Н. Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Н. Ф. Грабовский. — Нальчик : Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. — 463 с. — ISBN 978-5-88195-936-4.
6. *Джумагулова А. Т.* Тенденции в административно-правовом развитии ногайцев Северного Кавказа в составе Российской империи в конце XVIII — 60-х гг. XIX в. / А. Т. Джумагулова // Современная наука и инновации. — 2014. — № 3 (7). — С. 35—40.
7. *Казаков А. В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI — начало XX в. Биографический справочник / А. В. Казаков. — Нальчик : Эль-Фа, 2006. — 244 с. — ISBN 978-5-7680-2782-7.
8. *Калмыков Ж. А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 232 с. — ISBN 978-5-88195-854-1.
9. *Калмыков Ж. А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII — нач. XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эльбрус, 1995. — 123 с. — ISBN 5-7680-0956-6.
10. *Малахова Г. Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX вв. / Г. Н. Малахова. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКАГС, 2001. — 392 с. — ISBN 5-89546-095-X.
11. *Мальцев В. Н.* Институт приставства на Кавказе : создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века — 1860 год) / В. Н. Мальцев, А. Ю. Чирг // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 89—96.
12. *Маремкулов А. Н.* Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII—XIX вв. : историко-правовой аспект / А. Н. Маремкулов. — Ростов-на-Дону : СКАГС, 2005. — 316 с.

13. Марзей И. Р. Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769—1864 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 12.00.01 / И. Р. Марзей. — Нальчик, 2021. — 193 с.

14. Нахушева И. Р. Приставское управление в Кабарде в 1769—1858 гг. : динамика, полномочия, персоналии / И. Р. Нахушева // Электронный журнал «Кавказология». — 2020. — № 3. — С. 60—78. — DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-60-78>.

15. Российский Северный Кавказ : исторический опыт управления и формирования границ региона / Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, А. Т. Урушадзе. — Ростов-на-Дону : Южный научный центр РАН, 2012. — 272 с. — ISBN 978-5-4358-0043-2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 25.11.2023.

Material resources

ACAC — *Acts of the Caucasian Archeographic Commission*, 1, 2. (1866, 1868). Tiflis: Printing house of the main administration of the Governor of the Caucasus. 816 p.; 1238 p. (In Russ.).

Administrative integration of the peoples of the North-Western and Central Caucasus into the Russian Empire: A collection of documents and materials, 1. (2020). Nalchik: Print Center. 648 p. ISBN 978-5-907150-05-8. (In Russ.).

Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870 (based on the material of Ossetia): collection of documents. (2012). Vladikavkaz: SOIGSI. 399 p. ISBN 978-5-91480-139-4. (In Russ.).

AVPRI — *Archive of the foreign policy of the Russian Empire (Moscow)*. (In Russ.).

From the documentary history of Kabardino-Russian relations: the second half of the XVIII — first half of the XIX century. (2000). Nalchik: Elbrus. 477 p. ISBN 5-7680-1403-9. (In Russ.).

GA SK — *The State Archive of the Stavropol Territory (Stavropol)*. (In Russ.).

GKID — *State Board of Foreign Affairs*. (In Russ.).

KRO — *Kabardino-Russian relations in the XVI—XVIII centuries: documents and materials*, 2. (1957). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 424 p. (In Russ.).

MVPS — *Mozdok Upper Border Court*. (In Russ.).

PSZRI — *The complete collection of laws of the Russian Empire*. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical Archive (Moscow)*. (In Russ.).

TSGA RD — *Central State Archive of the Republic of Dagestan (Makhachkala)*. (In Russ.).

TSGA RSO-Alania — *Central State Archive of the Republic of North Ossetia — Alania (Vladikavkaz)*. (In Russ.).

UCGA AS KBR — *Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic (Nalchik)*. (In Russ.).

ULSAK — *Institutions of local judicial and administrative control*. (In Russ.).

References

Afaunova, M. I. (2007). Institute of Bailiffs in Kabarda (1769—1822). In: *Historical Bulletin of KBIGI*, VI. Nalchik: KBIGI. 99—111. (In Russ.).

Blieva, Z. M. (2005). *The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the XVIII — 80s of the XIX century*. Vladikavkaz: Institute

- of History and Archeology of the RS-Alania. 397 p. ISBN 978-5-00081-049-1. (In Russ.).
- Butkov, P. G. (1869). *Materials for the New History of the Caucasus, from 1722 to 1803, 1. St.* Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 545 p. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2014). Trends in the administrative and legal development of the Nogais of the North Caucasus as part of the Russian Empire at the end of the XVIII — 60s of the XIX century. *Modern science and innovation*, 3 (7): 35—40. (In Russ.).
- Glasheva, Z. Zh. (2021). Documents to the history of the Seven-Month War in Kabarda 1778—1779. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1 (99): 70—81. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-1-99-70-81. (In Russ.).
- Grabovsky, N. F. (2008). *Kabarda's accession to Russia and its struggle for independence*. Nalchik: Republican Polygraph Combine named after Revolutions of 1905. 463 p. ISBN 978-5-88195-936-4. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (1995). *Establishment of Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII — early XX century)*. Nalchik: Elbrus. 123 p. ISBN 5-7680-0956-6. (In Russ.).
- Kalmykov, J. A. (2007). *Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII — early XX century)*. Nalchik: El-Fa. 232 p. ISBN 978-5-88195-854-1. (In Russ.).
- Kazakov, A. V. (2006). *Adygi (Circassians) in the Russian military service. Voivodes and officers. Mid — XVI — early XX century. Biographical directory*. Nalchik: El-Fa. 244 p. ISBN 978-5-7680-2782-7. (In Russ.).
- Malakhova, G. N. (2001). *Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the XVIII—XIX centuries*. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House. 392 p. ISBN 5-89546-095-X. (In Russ.).
- Maltsev, V. N., Chirg, A. Y. (2012). Institute of bailiffs in the Caucasus: creation, activity, evolution (the second half of the XVIII century — 1860). *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies*, 2: 89—96. (In Russ.).
- Maremkulov, A. N. (2005). *Legal forms of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus in the XVIII—XIX centuries: historical and legal aspect*. Rostov-on-Don: SKAGGS. 316 p. (In Russ.).
- Marzei, I. R. (2021). *The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769—1864*. PhD Diss. Nalchik. 193 p. (In Russ.).
- Nakhusheva, I. R. (2020). Bailiff's office in Kabarda in 1769—1858: dynamics, powers, personalities. *Electronic journal "Kavkazologiya"*, 3: 60—78. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-60-78>. (In Russ.).
- The Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of the borders of the region*. (2012). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 272 p. ISBN 978-5-4358-0043-2. (In Russ.).

*The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 25.11.2023.*

Информация для цитирования:

Бородина Е. В. Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 гг.) / Е. В. Бородина, С. И. Цеменкова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 339—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371.

Borodina, E. V., Tsemenkova, S. I. (2023). Population Structure and Size of Early Yekaterinburg (1723—1744). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 339-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371

Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 годы)

Бородина Елена Васильевна^{1*}

orcid.org/0000-0002-8128-5698

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра социальной истории

**корреспондирующий автор*

sosnovi-bor@yandex.ru

Цеменкова Светлана Ивановна²

orcid.org/0000-0003-3389-6723

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
s.i.tcemenkova@urfu.ru

¹ Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
(Екатеринбург, Россия)

Population Structure and Size of Early Yekaterinburg (1723—1744)

Elena V. Borodina^{1*}

orcid.org/0000-0002-8128-5698

PhD in History,
Senior Researcher,
Center for Social History

**Corresponding author*

sosnovi-bor@yandex.ru

Svetlana I. Tsemenkova²

orcid.org/0000-0003-3389-6723

PhD in History, Associate Professor
Department of Document Studies,
Archival Studies, and History
of Public Administration
s.i.tcemenkova@urfu.ru

¹ Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию социальной структуры населения раннего Екатеринбурга. Основной целью стала проблема изучения отдельных социальных групп населения, а также специфики их формирования в ситуации быстрорастущего и развивающегося промышленного и административного центра. Источниковую базу исследования составили документальные источники официального делопроизводства, наиболее значимыми из которых стали данные локальных (заводских) переписей жителей завода-крепости 1720—1740-х годов. Выявлены и охарактеризованы с опорой на методы количественного анализа и подходы социальной истории основные социальные группы населения. Установлена их численность, проанализирована история формирования и специфика занятости в горнозаводском производстве. Сделаны выводы о наличии у горнозаводской администрации особой социальной политики. Выявлено, что она была направлена не только на поддержание оптимальной работоспособности тружеников, но и на поступательное расширение группы заводских кадров за счет включения в трудовые процессы представителей новых социальных групп: солдат, рекрутов, школьников, ссыльных, каторжных. Показано, что к середине XVIII века Екатеринбург, основанный в 1723 году, был по уровню развития инфраструктуры, наличию административных, промышленных, социальных институтов, составу населения не уступал как старинным, так и новым городским центрам.

Ключевые слова:

история России; Российская империя; история Урала; Екатеринбург; переписи; население; социальная структура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of the social structure of the population of early Ekaterinburg. The main objective was to investigate individual social groups of the population, as well as the specifics of their formation in a situation of a rapidly growing and developing industrial and administrative center. The research was based on documentary sources of official record-keeping, the most significant of which were the data from local (factory) censuses of residents of the fortress factory in the 1720s — 1740s. Using quantitative analysis methods and social history approaches, the main social groups of the population were identified and characterized. Their numbers were determined, and the history of their formation and employment specifics in the mining industry were analyzed. The conclusions were drawn about the existence of a special social policy by the mining plant administration. It was found that it was aimed not only at maintaining optimal working capacity but also at progressively expanding the group of factory personnel by including representatives of new social groups such as soldiers, recruits, schoolchildren, exiles, and convicts in labor processes. It was shown that by the mid-18th century, Ekaterinburg, founded in 1723, was not inferior to both old and new urban centers in terms of infrastructure development, administrative, industrial, and social institutions, and population composition.

Key words:

Russian history; Russian Empire; Ural history; Yekaterinburg; censuses; population; social structure.

Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 годы)

© Бородин Е. В., Цеменкова С. И., 2023

1. Введение = Introduction

На сегодняшний день урбанистика является популярным направлением междисциплинарных исследований. Как правило, изучение города ведется на стыке нескольких областей знания и тем самым представляет большие возможности для понимания основных тенденций его развития. Немаловажной частью этого направления следует назвать историческую урбанистику, начало формирования которой приходится на 1930—1960-е годы [Агеев, 2014; Биттнер, 2010; Бородкин, 2015]. Несмотря на то, что историческая урбанистика интенсивно развивается в России, некоторые аспекты жизни городских поселений в исторической ретроспективе остаются еще практически неизученными. В частности, редко встречаются работы, которые бы освещали изменения социального состава и численности населения города на разных этапах его существования. В большинстве случаев они ограничиваются подсчетами количества людей, проживающих в пределах территории населенного пункта в отдельные периоды его развития [Chandler, 1974; Chandler, 1987].

Между тем процесс складывания городского пространства как социального феномена требует осмысления. Особенности возникновения и структура поселения неизбежно воздействуют на модели межличностных отношений, уклад жизни и менталитет [Агеев, 2014, с. 80]. Таким образом, изменения социальной среды являются одной из важнейших констант, необходимых для понимания устройства города, его роли в развитии отдельно взятого локального сообщества, региона и страны в целом.

Исследования по демографической истории России конца XVII—XVIII веков немногочисленны. Несмотря на это обстоятельство, первые труды, содержащие элементарные сведения о численности и социальном составе населения Российской империи, относятся к XVIII веку [Горская, 1994, с. 23—39; Кирилов, 1977]. Аналитические работы, посвященные исследованию динамики народонаселения страны, появились в середине XIX — начале XX веков. Среди них труды К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, П. Н. Милокова, М. В. Клочкова и других историков [Арсеньев, 1848; Герман, 1819; Клочки, 1911; Милоков, 1905 и др.]. Несмотря на стрем-

ление ученых произвести тщательную реконструкцию численности населения России раннего нового времени, эти работы являлись лишь первой попыткой обобщения разрозненных данных. Их авторами еще не были определены базовые подходы к объекту и предмету исследования. Изучение источников, содержащих данные о количестве дворов и проживавших в них людей, позволило им выяснить примерное количество мужского населения страны, но не способствовало формированию более критического подхода к информации, имеющейся в материалах переписей и ревизий.

В середине — второй половине XX века ученые продолжили изучение демографической истории Российской империи, опираясь преимущественно на данные переписей и ревизские сказки. Наибольший вклад в изучение народонаселения Российской империи XVIII — первой половины XIX веков внесли Я. Е. Водарский и В. М. Кабузан [Водарский, 1977; Кабузан, 1963]. Кроме того, в этот период начинаются активные исследования состава и численности городского населения страны. Появляются научные труды, посвященные социально-экономическим аспектам развития русского города [Водарский и др., 1979; Водарский и др., 2006; Клокман, 1967; Миронов, 1990; Сербина, 1951]. Отличительной особенностью этих работ становится проверка данных переписей и ревизий при помощи привлечения других источников, происходит расширение источниковой базы исследования за счет метрических книг и исповедных росписей. Историкам удалось представить изменение социально-демографического профиля страны в целом и русского города в частности в синхронной и диахронной перспективе, охватывающей от нескольких десятков до полутора сотен лет. Казалось бы, полученные сведения уже можно считать удовлетворительными результатами историко-демографических изысканий городских пространств, но исследования по истории города остаются востребованными.

Изучение истории города в России периода империи имеет длительную традицию, которая берет начало в XIX веке. В первую очередь в поле зрения ученых попали вопросы правового регулирования социального статуса горожан, права и обязанности посада и других категорий населения, проживавших в пределах города [Дитятин, 1875; Кизеветтер, 1903; Исторические очерки..., 2006; Рындзюнский, 1958]. С начала XX века исследователей также занимала проблема экономического развития городских территорий [Клокман, 1967; Миронов, 1990; Рожков, 1923]. Во второй половине XX века становятся востребованными социокультурные и этнографические исследования городской среды [Крогиус, 2009; Рабинович, 1978]. Разнообразие вопросов, связанных с постижением этого исторического феномена, было отмечено еще в 1920-е годы [Анциферов, 1925] и привело

к возникновению дискуссии о понятии русского города, которая велась на страницах сборников серии «Русский город» (1976—1982 гг.), издававшихся сотрудниками специализированной научно-исследовательской лаборатории по изучению русского города МГУ (1971—1981 гг.) [Карлов, 1976; Карлов, 1980; Карлов, 2020; Марасинова, 1976], и представлена в других публикациях [Бондарь, 2017; Рабинович, 1983].

Обсуждение последней из названных проблем связано с большим количеством ситуаций, сложившихся в истории Российской империи, когда населенные пункты, не имевшие статуса города, обладали необходимым набором признаков для того, чтобы ими считаться. Официальный город никогда не совпадал со всеми географическими, социальными или экономическими «городами»-центрами [Wirtschaftler, 1997]. Среди таких городов можно назвать Екатеринбург, который был учрежден как завод-крепость в 1723 году, но получил статус города лишь в 1780-е годы. Стремительное строительство Екатеринбурга и последующее заселение территории вокруг него были связаны с нуждами организации железоделательного производства, что не могло не повлиять на социальный состав и численность населения будущего города. Последнее обстоятельство представляет значительный интерес, так как позволяет понять, каким образом происходило формирование населенных пунктов в условиях интенсивных административных и социально-экономических преобразований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История раннего Екатеринбурга кажется достаточно изученной, но такое впечатление создается лишь на первый взгляд. Комплексного исследования, посвященного истории формирования, социальному составу и численности населения города в первые десятилетия его существования, до сих пор нет. В вопросе определения общего количества и состава его жителей существует много неясностей. Ср. мнение М. А. Горловского, отмечавшего, что «точных данных о количестве и социальном составе населения Екатеринбургского завода конца 20-х — начала 40-х годов, к сожалению, нет» [Горловский, 1958, с. 118], остается актуальным.

Подтверждает этот вывод и анализ данных, представленных в современных исследованиях: ученые имеют разногласия в оценках численности населения Екатеринбурга даже в рамках определенных относительно небольших временных периодов [Корнилов, 2021, с. 93]. Так, например, в одной из своих статей А. Г. Оруджиева отметила, что в первый год функционирования завода-крепости количество жителей достигало 4000 человек [Оруджиева, 2002, с. 108]. Этой цифре противоречат сведения Н. С. Корепанова, который установил, что в 1725 году в Екатеринбурге проживало

около 500 человек [Екатеринбург..., 1923, с. 23; Корепанов, 2001, с. 34]. Перепись податного населения 1727 года зарегистрировала 745 душ мужского пола. Правда, в это число не вошли управители, духовенство, офицеры и солдаты [Корепанов, 2001, с. 34].

Разницу в подсчетах мы можем увидеть на примере обработки материалов полицейской переписи 1736 года. По данным М. А. Горловского, на территории завода-крепости проживало 911 лиц мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет [Горловский, 1958, с. 108]. Изучение тех же материалов Н. С. Корепановым позволило ему заключить, что в Екатеринбурге находилось в это время 1019 человек [Екатеринбург..., 1998, с. 28].

На наш взгляд, причина таких разночтений кроется в особенностях источниковой базы исследования. Работы по демографической истории России раннего нового времени являются редкостью и базируются преимущественно на материалах общегосударственных переписей и ревизий, которые, как правило, составлялись в условиях стихийно складывавшегося формуляра и при отсутствии четких правил категоризации населения [Волков, 1963, с. 255—306; Кошелева, 2004, с. 147—148, 152—155; Ляпин, 2021, с. 258—259]. Сведения, содержащиеся в метрических книгах и исповедных росписях обычно дают возможность верификации этих информационных пластов большого объема. В то же время они, как правило, содержат ограниченные данные о населении и не всегда позволяют сориентироваться в многообразии статусов зарегистрированных лиц. В ходе научной обработки документов кто-то из жителей населенного пункта мог выпасть из поля зрения исследователя. Нередки случаи, когда сам ученый устанавливал критерии для научной фиксации данных, которые не позволяли включить в состав жителей представителей тех или иных социальных групп. Далеко не все ученые различают такие демографические категории, как юридическое, или постоянное, и наличное население. Таким образом, можно отметить наличие противоречия в подходах к учету населения создателей источника и изучающего его историка-демографа.

Изучение изменения численности и состава населения Екатеринбурга в первые десятилетия его существования также затруднено в связи с неполнотой сведений, содержащихся в источниках. В нашем распоряжении оказались разнородные материалы, представленные общегосударственными и локальными переписями населения. Среди них следует отметить подворную перепись 1728 года [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606], полицейские переписи 1736 и 1738 годов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 610, л. 246—282; там же, д. 996, л. 308—357], заводские переписи 1734 и 1744 годов [Там же, д. 450, л. 177—214 об.; Там же, д. 1071, л. 4—10, 47—47 об., 51, 86—106 об., 142—142 об., 144—157 об., 163].

Переписи основываются на разных принципах фиксации данных о жителях завода-крепости. В большинстве случаев сведения организованы в таблицы. Исключение составляют лишь материалы переписи 1744 года, которые представлены как в виде итоговых таблиц, содержащих сводные количественные данные, так и в форме поименных списков всех лиц, состоящих в ведении горнозаводского начальства. Несмотря на то, что переписчики представляли итоговые сведения в табличной форме, говорить о едином сложившемся формуляре для всех переписей мы не можем. Так, например, формуляр подворной переписи 1728 года состоит из пяти столбцов, которые содержат информацию: о статусе дворов (государевы или «свои» (частные)); об именах дворовладельцев и их статусе в системе горнозаводского ведомства; об общем количестве проживающих здесь душ (отдельно — мужского и женского пола). Заводская перепись 1734 года представлена в виде таблицы, состоящей из двух колонок: «время вступления в чины», имя и должность горнозаводского служителя. В ходе переписи 1738 года сведения о населении также фиксировались в таблице, состоящей из пяти столбцов со следующими заголовками: «дворов», «звание людей», «лет», «лошадей», «ружей». Последняя колонка «ружей» была поделена еще на шесть колонок: «фузей», «турок», «винтовок», «писчалей», «копей», «сайдаков», — что отражало цели создания этого документа. Именно обстоятельства проведения переписей определяют информационный потенциал анализируемых источников.

Наиболее полные сведения о населении Екатеринбурга дает подворная перепись 1728 года, в которой были зарегистрированы не только дворовладельцы, но и проживавшие на каждом подворье лица мужского и женского пола. В некоторых случаях сведения о них давались схематично и заключались лишь в сообщении информации об общем количестве мужчин и женщин, входивших в состав той или иной семьи. Итоговый документ представляет собой результат труда нескольких переписчиков, что предопределило некоторые различия в фиксации данных. Так, например, в некоторых случаях записи позволяют понять, что регистрации подлежали дети. В то же время в большинстве записей особых отметок о детях не имеется.

Полицейские переписи 1736 и 1738 годов были осуществлены для учета мужского населения завода-крепости, способного держать в руках оружие, что было необходимо в условиях организации обороны Екатеринбурга и его окрестностей от башкирского восстания 1735—1740 годов. Несмотря на то, что эти переписи также составлялись как подворные, в них были зарегистрированы только мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. В редких случаях в записях документа встречаются женщины — вдовы и жены мужчин, отсутствовавших в момент проведения переписи.

В переписях 1734 и 1744 годов была зафиксирована только та часть населения Екатеринбурга, которая трудилась на фабриках либо служила в канцелярии и конторах «горной администрации» — Канцелярии Главного Сибирских и Казанских заводов правления. Создание этих документов преследовало цель учета жителей завода-крепости, подчинявшихся горнозаводскому ведомству, что, в свою очередь, было необходимо региональной администрации для адекватного распределения человеческих ресурсов между заводами Урала и Сибири. Население, не занятое в функционировании Екатеринбургского завода, не принималось составителями переписей во внимание.

Таким образом, анализ переписей показал, что каждый из этих документов имеет свои ограничения. В каждом случае население Екатеринбурга фиксировалось фрагментарно, что было обусловлено целями создания этих источников. Наиболее полные данные представлены в подворной переписи 1728 года, где были учтены как мужчины, так и женщины. В других случаях женское население города регистрировалось случайным образом, исходя из профессионального или социального статуса представительниц «слабого пола». В документах практически не нашли отражения сведения о детях.

Хронологические рамки исследования обусловлены стремлением авторов рассмотреть процесс складывания населения Екатеринбурга, формировавшегося не только как промышленный, но и административный и торгово-логистический центр. Этот процесс имел место в 1720-е — начале 1740-х годов, когда активно формировался уникальный социальный облик завода-крепости. В середине 1740-х годов изменилась социальная и промышленная политика государства, что оказало влияние на социальную структуру заводских поселков Урала, их рост и развитие.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема категоризации населения Екатеринбурга

Как уже было отмечено, исследование переписей осложняется проблемой категоризации населения. Это обстоятельство можно связать с неопределенностью, размытостью границ между социальными группами. Социальная организация Российской империи первой половины XVIII века была многосоставной, по сути дела, синтетической. Она соединяла в себе московские чины предыдущего столетия и новые социальные категории, установленные в соответствии с Табелью о рангах 1722 года и указом о проведении подушной переписи от 22 января 1719 года, в котором были перечислены основные группы податного населения страны [Анисимов, 1982, с. 63—79; ПСЗРИ-I, т. 5, № 3287, с. 618—620]. Трансформация социальной системы России не была естественной, как это было в большинстве

стран Европы, а определялась повелениями сверху. По мнению Э. К. Виртшафтер, с принятием Петром I титула императора происходит формальная реструктуризация институциональных рамок российского общества [Wirtschafter, 1997, p. 3]. Этому способствовали введение подушной подати, создание регулярных армии и флота, передача управления церковным имуществом в ведение Синода, а также утверждение Табели о рангах 1722 года, образование Сената и коллегий [Rieber, 1982, p. 34; Wirtschafter, 1990, p. 28]. Новая социальная организация во многом являлась искусственной и базировалась на идеях камерализма и регулярного полицейского государства, которые, по мнению первого российского императора, приведут страну к достижению всеобщего блага.

Тем не менее попытка внедрения новых начал в общественное устройство не повлекла к установлению в России сословной структуры, которая существовала в некоторых странах Европы [Rieber, 1982, p. 22; Wirtschafter, 1997, p. 163; Wirtschafter, 2008, p. 23]. Ученые до сих пор ведут дискуссии, можно ли называть социальную структуру страны того времени сословной [Burke, 1992, p. 1—12; Confino, 2008, p. 681—704; Dixon, 2015, p. 732—740; Freeze, 1986, p. 11—36]. Социальная организация Российской империи отличалась от социальных структур ряда других европейских стран, где социальная иерархия жестко определялась как на уровне законов, так и на уровне повседневных практик общества. Активные преобразования первой четверти XVIII века не только установили барьер между податными и привилегированными группами, но и заложили основы для формирования новых категорий общества, которые не вписывались в сословную организацию страны [Анисимов, 1982, с. 135—231; Rieber, 1982, p. 3; Wirtschafter, 1990, p. 26, 32—40, 49, 150; Wirtschafter, 1997, p. 43—45, 63—71; Wirtschafter, 2008, p. 24]. В частности, исследователи отмечают многомерность — текучесть и мозаичность — легально-административных структур города [Границы и маркеры..., 2018, с. 39; Wirtschafter, 1997, p. 134]. В связи с этим некоторые ученые описывают общество Российской империи при помощи подходов, обычно использующихся для характеристики классовых обществ, которые в первую очередь применимы для анализа социальных структур стран англо-саксонского мира [Cannadine, 1998; Mousnier, 1973, p. 41; Reddy, 1992, p. 13—25; Wirtschafter, 1997, p. 21, 62, 97—99, 142].

По наблюдениям историков, социальная иерархия Российской империи основывалась на факторах половой принадлежности, возраста и происхождения [Wirtschafter, 2008, p. 83]. В каждом дворохозяйстве выстраивалась четкая субординация. Все члены семьи подчинялись ее главе. Люди, проживавшие на подворье, но не являвшиеся членами семьи, также были прямо или косвенно зависимы от решений главы семейства. Кроме того, все

они входили в состав других локальных или профессиональных сообществ, включались в разнообразные сети отношений [Там же, p. 103—104].

По мнению А. Дж. Рибера, Э. К. Виртшафтер, А. К. Смит и ряда других исследователей, в основу социального структурирования Российской империи были положены общественные категории («сословия»), указанные в Соборном уложении 1649 года, которые были дополнительно поделены на подгруппы, определявшиеся происхождением, сферой деятельности, должностным обязанностям и привилегиям, уровнем образования [Виртшафтер, 2002, с. 42; Rieber, 1982, p. 84; Wirtschafter, 2008, p. 84, Smith, 2014, p. 7—11, 49]. Тем не менее даже эти характеристики не могут в полной мере отразить процессы, которые оказывали воздействие на складывание населения раннего Екатеринбурга. Социальная организация завода-крепости является ярким примером того, как преобразования Петра I отразились на социальной стратификации российского общества, на которую влияли экономическое районирование и особенности занятий населения региона. Изучение источников позволяет прийти к выводу, что попытки широких обобщений и введение сословных или сословно-классовых наименований групп, которые нередко встречаются при характеристике социальной структуры поселения при Екатеринбургском заводе [см., например: Горловский, 1958, с. 114, 117], лишают нас понимания истинных оснований, на которых зиждилось его общественное устройство.

На наш взгляд, при исследовании социального состава Екатеринбурга в первую очередь следует отталкиваться от тех категорий, которые были зафиксированы в переписях. «Сравнительно-контекстуальный анализ использования понятий в исторических источниках может стать важным инструментом при выявлении социально-политических представлений и тактических установок практических действий» [Границы и маркеры..., 2018, с. 52]. Не отрицая необходимости создания генерализаций, авторы настоящей статьи обращают внимание на невозможность игнорирования понятийного аппарата, применявшегося при регистрации индивидов в источниках.

В рассматриваемых в статье документах мы встречаем повторяющиеся наименования групп населения, занятого в производственных процессах. Среди них мастера, подмастерья, работники, ученики, каменщики, плотники, кузнецы, бочкари, кирпичники, школьники, бобыли (безземельные крестьяне), бобыльские дети, рекруты, солдаты, солдатские дети и многие другие. Как можно заметить по приведенному списку, социальная идентификация зарегистрированных в переписях производилась либо за счет указания сферы занятий, либо путем определения социальной группы или семейной принадлежности. По-видимому, осуществлявшие учет делопроизводители не видели существенных различий между сословной и «профессиональной»

принадлежностью, что подтверждает мнение некоторых историков о том, что сфера занятости становилась в некоторых случаях ведущим признаком для определения места человека в социальной иерархии.

То, что казалось нормой составителям переписи, затрудняет установление критериев для более или менее адекватной категоризации населения раннего Екатеринбурга. Прежде чем вести подсчеты численности различных социальных групп, необходимо понять, какие социальные идентификаторы поддаются объединению. Ситуация осложняется лапидарностью содержащихся в источниках данных, служащих для описания социального статуса человека. В частности, вызывает затруднение объединение представителей таких профессиональных групп, как каменщики, кузнецы, плотники, бочкари и прочие. Если часть из них, например кузнецы, трудились на фабриках Екатеринбурга, то другие были заняты на вспомогательных производствах. Четкое определение сферы их деятельности не позволяет с уверенностью заключить, работали ли они на себя или в цехах Екатеринбургских фабрик. Кроме того, анализ документов о выдаче жалования не дает возможности понять, можно ли представителей этих профессий приравнять к мастерам или подмастерьям. Как правило, они не имели оклада и работали на сдельной основе.

Несмотря на сложности определения статуса, этих специалистов следует отнести к группе мастеровых людей. В частности, каменщики направлялись в Екатеринбург из соседних уездов, так как в регионе имелся их недостаток. То же касалось и мастеров такой редкой специализации, как часовщики. Несмотря на то, что такие «ремесленные люди» не составляли большинства работников горно-металлургического комплекса, все они были необходимы для его исправного функционирования.

Схожим образом происходило объединение в такие группы, как низшие офицерские чины и рядовые военные. Чтобы создать укрупненные социальные группы в среде военных, облегчающие анализ социального состава завода-крепости, потребовалось изучение Табели о рангах 1722 года и изданий, содержащих информацию о военных чинах. В группу низших офицерских чинов попали каптенармусы, капралы, сержанты, фельдфебели, подпрапорщики. В группу рядовых военных наряду с солдатами были включены затинщики, барабанщики, драгуны, солдаты.

Некоторые сложности возникли в ходе отнесения к определенной группе служащих, выполняющих инженерно-технические и контрольно-вспомогательные работы. Речь идет прежде всего о специалистах горного дела — маркшейдерах, берггауэрах, шихтмейстерах, пробирщиках, механиках, входящих в штат Обер-бергамта (с 1734 года — Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления). К этой же группе были отнесены геодезисты, ученики пробирного, механического, лесного дела.

В группу командиров и управителей вошли руководители Сибирского обер-бергамта и главы подчиненных ему контор и ведомств. Категория делопроизводители состояла из писцов, копиистов, канцелярских служителей и секретаря.

Объединение многообразного населения завода-крепости в группы на основе сословного признака или рода занятий позволило произвести подсчеты и сформировать таблицу, представляющую ценную информацию для анализа. Количественные данные предоставили возможность произвести исследование динамики численности различных социальных групп, проживавших в раннем Екатеринбурге (табл. 1).

Таблица 1

Социальные группы раннего Екатеринбурга (1728—1744 годы)

Год	1728 ¹		1734		1738		1744	
Группа населения	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Командиры и управители	4	0,4	8	0,7	7	0,6	6	0,4
Горные и инженерно-технические специалисты	5	0,5	10	1,1	9	0,7	27	1,6
Мастера	118	12,9	128	11,9	169	13,9	170	10,2
Подмастерья	89	9,7	44	4,1	59	4,9	58	3,5
Ученики	94	10,2	108	10,0	46	3,8	78	4,7
Работники	85	9,3	46	4,3	99	8,1	196	11,7
Школьники	42	4,6	98	9,1	23	1,9	263	15,7
Рекруты	87	9,5	130 ²	12,1	168	13,8	333	19,9
Бобыли, бобыльские дети	121	13,2	—	—	131	10,8	—	—
Военные (офицеры)	8	0,9	—	—	25	2,1	25	1,5
Военные (рядовые)	144	15,7	3	0,3	68	5,6	333	19,9
Делопроизводители	53	5,8	94	8,7	72	5,9	106	6,3
Церковнослужители	2	0,2	—	—	3	0,2	—	—
Священнослужители	2	0,2	—	—	2	0,2	—	—
Вспомогательный персонал канцелярии и контор	8	0,9	45	4,2	32	2,6	22	1,3
Учителя школьные	1	0,1	2	0,2	1	0,1	4	0,2

1 В данный раздел таблицы не включено население, не состоявшее в ведении уральской горнозаводской администрации.

2 Из этой социальной группы 18 человек числились мастерами, 30 — в подмастерьях, 33 — в учениках, 36 — в работниках, 8 — в группе военных гарнизона, 2 работали при Канцелярии.

Окончание табл. 1

Год	1728 1		1734		1738		1744	
Группа населения	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Медицинские работники	2	0,2	2	0,2	2	0,2	9	0,5
Купцы, торговые люди	16	1,8	—	—	13	1,1	—	—
Ссылные	—	—	251 ¹	23,3	53	4,4	—	—
Колодники, содержащиеся в тюрьме	—	—	74	6,9	—	—	—	—
«Излишние» мастера-вые и работные люди	—	—	10	0,9	—	—	—	—
Прочие	36	3,9	22	2	234	19,2	43	2,6
Всего	917	100,0	1075	100,0	1216	100,0	1673	100,0

Составлено по: [РГАДА. ф. 271. оп. 1. д. 795. л. 559—606; ГАСО. ф. 24. оп. 1. д. 450. л. 177—214 об., 671—682 об.; д. 996. л. 308—357; д. 1071. л. 4—10, 47—47 об., 51, 86—106 об., 142—142 об., 144—157 об., 163].

Дальнейшее исследование будет основываться на анализе количественных данных, извлеченных из переписей. Следует отметить, что полученные сведения не являются полными. Разные принципы, положенные в основу учета населения города в первые десятилетия его существования, влияют на оценку изменений численности тех или иных социальных групп.

3.2. Особенности формирования населения завода-крепости

Как уже было отмечено, история формирования состава населения раннего Екатеринбурга требует отдельного изучения. Это в первую очередь обусловлено тем обстоятельством, что население Екатеринбургского завода-крепости формировалось практически «с нуля» и состав его, равно как и изначальное количество, были predeterminedены производственными и административными задачами нового промышленного центра.

У российских администраторов уже имелся опыт привлечения рабочей силы для новопостроенных заводов. В этом отношении показательна история комплектования кадрами Олонцкого Петровского завода, строительство которого началось в 1703 году. Новое предприятие нуждалось в кадрах, и в конце 1705 года Оружейная палата по распоряжению А. Д. Меншикова направила на завод более сотни лучших тульских кузнецов-оружейников и мастеров [Пулькин, 2018]. Партии мастеровых присылались сюда еще как минимум дважды. Особо крупная группа специали-

1 Из этой социальной группы 5 человек числилось мастерами, 2 — учениками, 174 трудились работниками.

стов прибыла «на вечное жилье» в начале 1709 года. Это были мастеровые люди из таких городов России, как Москва, Великий Новгород, Суздаль, Тула, Ярославль, Тобольск и др. Период наибольшей интенсивности функционирования Олонецких заводов начинается в 1713 году, когда их руководителем становится В. де Геннин. Благодаря его стараниям Петровский завод становится не только значимым административным и промышленным центром, но и довольно крупным населенным пунктом. В 1719 году общее количество жителей слободы при Петровских заводах, включая жен и детей, превысило 3000 человек. Здесь была открыта своя техническая школа для детей мастеровых и работных людей, также при заводе состояла воинская команда (свыше 160 человек) и солидная группа подьячих. К заводу были приписаны крестьяне (свыше 8 тыс. дворов) [Пулькин, 2018], выполнявшие вспомогательные неквалифицированные работы.

История формирования населения Екатеринбургского завода-крепости повторяет практики, отработанные на Петровском заводе. Как и в Олонце, население нового уральского завода, должного стать не только главным казенным металлургическим, но и административным центром, комплектовалось по схеме привлечения необходимых кадров из других регионов. Например, делопроизводители и опытные администраторы прибывали в первые годы существования Екатеринбурга из Вятки и Тобольска, управители и командиры, то есть руководители всех уровней формирующейся системы горнозаводского управления, — из числа администраторов Сибирской губернии (в частности, Тобольска), выпускников военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга [Цеменкова и др., 2022, с. 121—122].

Кроме того, еще одним источником формирования населения завода-крепости являлись «пришлые люди». В течение всего исследуемого периода в Екатеринбурге отмечались прибывающие из различных регионов Российской империи: губерний (Архангелогородской, Московской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Сибирской), городов (Кунгура, Тюмени, Верхотурья) и слобод (например, Мурзинской, Арамашевской, Арамильской, Чюмляцкой). Уже в 1726 году, спустя три года после основания, в Екатеринбурге было учтено 354 «пришлых» человека, живущих в городе «своим двором и на подворьях» [ГАСО, ф. 24. оп. 1 д. 95. л. 57—73 об.]. Часть этих людей получала разрешение от «горного начальства» на поселение «в крепости и за крепостью» в основном для занятий ремеслом и торговлей.

3.3. Население, занятое в производственных процессах

Важнейшей для функционирования Екатеринбургского завода социальной группой были мастеровые люди. Их первая партия приехала на Урал вместе с В. де Генниным с Олонецких заводов. Это были русские и иностранные специалисты — мастера, подмастерья, ученики. Они при-

были на территорию строящегося завода на Исети осенью 1723 года на 49 подводах общим числом не менее 20 человек. Среди них были плавильные, укладные, машинные, молотовые мастера, колясники, мастера стального, проволочного дела и иной специализации [Геннин, 1995, с. 22—24]. В. де Геннин еще несколько раз вызывал с Олонецких заводов угольного и якорного мастеров, знатоков медеплавильного, гармахерского, маркшейдерского дела и многих других [Злотников, 1937, с. 28].

Пока не вполне ясно, были ли присланы олонечские мастеровые люди на Урал на временное или постоянное жительство. Завершение Северной войны и передача Олонецких заводов из ведомства Адмиралтейства в ведение Берг-коллегии привели к постепенному затуханию их деятельности. По решению Берг-коллегии в ноябре 1731 года работы на Петровском заводе полностью прекратились, из прежних заводов продолжил действовать только Кончозерский [Юдина, 2008, с. 43]. В 1734 году часть специалистов с Олонца оставалась работать при Екатеринбургских заводах, составляя 36,5 % от общей численности мастеров, подмастерьев, учеников и 1,6 % от заводских работников [Подсчитано по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 185—208].

Группа мастеровых людей Екатеринбургского завода также пополнялась за счет специалистов других уральских предприятий. Так, одна из первых партий мастеров и подмастерьев была прислана по линии Тобольской земской конторы на строительство завода на Исети еще в начале 1723 года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 134—135]. Тогда же, в 1723—1724 годах, прибывают в новостроящийся завод-крепость мастеровые люди с Уктусского, Каменского, Алапаевского заводов, а также с заводов Демидовых [Там же, д. 450, л. 187 об, 191—192, 194, 195—198 об. и др.]. К 1734 году в процентном соотношении (к общей численности мастеровых Екатеринбурга) они были представлены следующим образом: Каменский дистрикт — 34,7 % мастеров, подмастерьев, учеников и 5,5 % работников; Алапаевский дистрикт — 25,4 % мастеров, подмастерьев, учеников и 2 % работников, Уктусский завод — 21,2 % мастеров, подмастерьев, учеников и 4,5 % ремесленников, заводы Демидова — 5,8 % мастеров и 1,6 % работников [Там же, л. 185—211 об.]. К 1730-м годам группа мастеровых и работных людей пополняется также специалистами из Арамилевского дистрикта, некоторых городов Сибирской губернии (Тобольска, Тюмени, Верхотурья), а также из числа приписных крестьян и рекрутов, осваивавших заводское дело [Там же, л. 192—192 об., 195, 196 об.—197, 198 и пр.]. Количественный состав мастеровых людей в период 1728—1744 годов имеет положительную динамику: в 1728 году их числилось не менее 239 чел. (с ремесленниками — 269), в 1734 году — 303 чел., в 1744 году — порядка 306, хотя в целом их количество всегда было детерминировано горнозаводскими штатами.

Региональная администрация пыталась всеми способами насытить кадрами растущее и развивающееся металлургическое производство. Со второй половины 1720-х годов в группу мастеровых и работных людей было решено принимать желающих из солдат. Постепенно многие солдаты обзавелись семьями, приобрели дома и совершенно потеряли облик военнослужащих [Бородина, 2021, с. 33—48]. В течение второй половины 1720-х годов сформировались новые каналы, использовавшиеся для подготовки и расширения состава специалистов, трудившихся на уральских заводах. Наиболее важными среди них были рекрутские наборы, отправка на тяжелые работы каторжных и ссыльных и организация школ.

Для обеспечения заводов вспомогательной рабочей силой В. де Геннин добился приписки к ним государственных крестьян. Указом Петра I от 29 мая 1724 года и Плакатом о подушном сборе от 26 июня 1724 года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1028, л. 346; ПСЗРИ-I, т. 7, № 4518, с. 291—292; № 4533, с. 312—313], отчасти вызванными доношением В. де Геннина, повелевалось «к заводам для работ приписать слободы, без которых обойтись не можно..., подушные деньги на тех заводах им зарабатывать...» [ПСЗРИ-I, т. 7, № 4518, с. 292]. К Екатеринбургскому заводу были приписаны крестьяне пяти слобод: Камышловской, Красноярской, Пышминской, Тамакульской, Белослущкой — общей численностью в 5025 человек [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1027, л. 201—211]. Приписных крестьян активно использовали в процессе строительства Екатеринбургских завода и крепости [Корепанов, 2001, с. 19]. Как правило, крестьяне заготавливали лес, рубили дрова, выжигали уголь, добывали руду. Из них же со временем начали набирать рабочих (работников) для пополнения кадров в основные цеха уральских заводов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 186 об., 196].

В отличие от крестьян, официально не попавших ни в одну из переписей 1728—1744 годов, бобыли составили довольно представительную группу жителей раннего Екатеринбурга (около 10—13 % от зарегистрированного наличного населения). Потеряв по каким-либо причинам земельный надел, они, чаще всего с семьями, «прибивались» к заводам. Источники фиксируют бобылей на Урале с XVII века, еще до начала строительства казенных заводов [Борисов, 2013, с. 6—26]. Они были заняты в основном на вспомогательных работах, реже — числились при заводе, например, засыпщиками или сторожами [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 187 об., 197]. С конца 1725 года бобылям разрешили селиться при заводских поселках: они, как и приписные крестьяне, обязывались отрабатывать подушную подать на заводах [Корепанов, 2001, с. 38].

Помимо крестьян и бобылей вспомогательную работу на заводе выполняли приписные рекруты. В. де Геннин неоднократно требовал указа

о разрешении рекрутов из приписных к заводам слобод не брать в армию, а оставлять для обучения мастерству на заводах. Результатом его многочисленных прошений стал указ Сената от 14 июля 1725 года, которым было повелено рекрутов из приписных крестьян определять «в заводские работы и обучать всякому мастерству» [ПСЗРИ-I, т. 7, № 4736, с. 506]. Рекруты не отправлялись на службу в другие уезды и губернии. Их оставляли при заводах, где они осваивали профессию и работали на производстве. Как правило, такие новонабранные рекруты занимались муштрой по воскресеньям, а в остальное время трудились на благо горнозаводского ведомства [Земцов и др., 1992, с. 25, 29; Бородина, 2021, с. 33—48; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 122, л. 91, 388, 451, 487; Там же, д. 123, л. 6—14 об.]. Анализ количественных данных показал, что рекруты составляли значительную часть населения Екатеринбурга, которая к тому же постоянно росла. Если в 1728 году из 2837 человек 87 имели статус рекрутов (3 %), то в 1738 году их число выросло до 168 человек, что составило около 14 % от всех зарегистрированных в полицейской переписи лиц мужского пола. Схожие тенденции видны при анализе социального состава трудящихся на Екатеринбургском заводе. В 1734 году в переписи было зафиксировано 130 рекрутов (12 %), 117 из которых (11 %) были заняты на горнозаводских работах. В 1744 году количество рекрутов увеличилось до 333 человек, что составляло около 20 % от числа лиц, находившихся в ведомстве Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов.

Еще одной социальной группой, которая обеспечивала работу завода, были ссыльные. Изучение документов переписей позволяет сделать вывод, что делопроизводители не всегда отмечали эту категорию населения, чаще записывая при их регистрации статус на производстве. В подворной переписи 1728 года ссыльные не упоминаются, что неудивительно. Долгое время государство не рассматривало отправку ссыльных для работ в восточных регионах страны. Важным законодательным актом, оказавшим влияние на социальную структуру и организацию горнозаводской жизни Урала, является именной указ от 14 марта 1729 года, которым Петр II повелел направить в регион для выполнения тяжелых подсобных работ ссыльных и каторжных колодников из Московской губернии. Больных и немощных осужденных предполагалось возвращать в Тобольск для распределения по другим населенным пунктам Сибири [ПСЗРИ-I, т. 8, № 5383, с. 133—134]. Указы начала 1730-х годов подтвердили взятый властью курс на первоочередную отправку колодников на восток страны [Там же, т. 8, № 5596, с. 302, № 5611, с. 319, № 5980, с. 647; Там же, т. 9, № 6318, с. 24—25, № 6867, с. 718, № 6929, с. 791—792, № 7025, с. 895]. Указом Сибирского обер-бергамта 1733 года присланные на Урал каторжные и ссыльные оказались в исключительном ве-

дении казенных заводов [Байдин, 2015, с. 26]. Видимо, по этой причине в переписи 1734 года среди мастеровых и работных людей ссыльные составляли примерно 25 % от всех работников и служащих Екатеринбургского ведомства (251 из 1001 (1075) человек). В более поздних источниках процент зарегистрированных ссыльных был значительно ниже. В полицейскую опись 1738 года попало всего 53 лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, имевших статус ссыльных (4,4 %). Из 668 зарегистрированных дворов 37 (5 %) принадлежало ссыльным [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 996, л. 307—359 об]. В переписи 1744 года ссыльные среди находившихся в ведении Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления не упоминаются. Возможно, это связано с изменением отношения к этой группе населения. Те, кто уже длительное время проживал в Екатеринбурге и его окрестностях, приобрели к этому времени иной статус. Новые партии ссыльных теперь отправляли на другие, более отдаленные заводы Сибири.

Политика «горного начальства», несомненно, способствовала размыванию границ между социально-профессиональными группами. Анализ материалов переписей показывает, что часть лиц, задействованных во вспомогательных работах, постепенно начала пополнять сообщество мастеровых и работных людей. Данная тенденция особенно хорошо видна относительно групп рекрутов и ссыльных, что можно объяснить установкой региональной горнозаводской администрации на то, чтобы всеми возможными методами способствовать увеличению численности профессиональных кадров, трудившихся на фабриках Екатеринбургского завода.

3.4. Население, занятое в административных процессах

Важнейшей социально-профессиональной стратой раннего Екатеринбурга являлась группа «командиров и управителей». Собственно, с формирования этого сообщества начинали на Урале свою деятельность В. Н. Татищев и В. де Геннин. Опытных администраторов остро не хватало даже в высших и центральных учреждениях, особой проблемой было сформировать работоспособный коллектив руководителей на местах. Для решения этой задачи генерал В. де Геннин использовал несколько доступных ему источников привлечения грамотных, имеющих организаторский опыт специалистов. Группа «горных командиров» набиралась из числа: а) кадров центральных учреждений; б) служителей региональных администраций (в основном — Тобольска, Соликамска, контор уже существующих уральских заводов); в) воспитанников военно-учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы; г) отставных военных; д) иностранных специалистов; е) пленных шведской армии, находившихся в ссылке в Сибири. Со временем эта группа стала пополняться наиболее способными выпускниками горнозаводских школ Екатеринбург [Цеменкова и др., 2022, с. 8—9].

Представители первых трех подгрупп в исследуемый период формировали состав главного органа горнозаводского управления региона — Сибирского обер-бергамта (с конца 1734 года — Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления) и его основных контор, располагавшихся в Екатеринбурге. Это были члены присутствия, руководившие деятельностью всей казенной горнозаводской промышленности Казанской и Сибирской губерний, а также главы Екатеринбургского завода, конторы судных и земских дел и прочих. Они составляли от 4 (0,4 %) до 8 (0,7 %) человек от общего учтенного числа населения города.

В особую группу выделяются «служители», состоящие при горнозаводском управлении — горные и инженерно-технические кадры. Ее формировали в основном иностранные специалисты, выпускники военно-учебных заведений, освоившие «горные науки», а со временем — и их ученики из числа школьников Екатеринбурга. Это были специалисты в области горного дела, инженеры, архитекторы, механики, картографы, геодезисты. Их удельный вес в общем количестве учтенного населения был изначально невелик, но тем не менее неуклонно рос — от 5 (0,5 %) в 1728 году до 27 (1,6 %) человек в 1744 году, что говорит об их востребованности в процессах управления. Социальный и национальный состав этой группы был крайне неоднородным [Цеменкова и др., 2022], что вполне характерно для кадровой структуры российской администрации раннего Нового времени.

Важнейший вклад в процессы администрирования вносила также относительно малочисленная группа делопроизводителей. Примечательно, что первые из них прибыли к месту строительства Екатеринбурга вместе с мастеровыми и работными людьми. Ввиду постоянного дефицита представителей этой профессиональной группы в 1720-е годы горные власти иногда вынужденно прибегали к практике временного привлечения подьячих из других учреждений губернии, например, из Вятской провинциальной канцелярии. Социальный состав этой группы был довольно «пестрым»: часть из них происходила из семей священников, солдат, мастеровых, детей боярских и прочих. Кроме того, уже во второй половине 1720-х годов эта профессиональная группа стала пополняться выпускниками горнозаводских школ [Бородин, 2020, с. 214—216; Сафронова, 2022, с. 981]. В целом увеличение количества канцелярских служителей от 53 (5,8 %) в 1728 году до 106 (6,3 %) человек в 1744 году отражало рост бюрократизации аппарата управления.

В повседневных управленческих процессах горнозаводского ведомства участвовал вспомогательный персонал канцелярии и контор. Эта группа представлена рассыльщиками, курьерами, сторожами, разного рода смотрителями, которые так или иначе были задействованы в организационных процессах. Они отвечали, например, за своевременность доставки

документов и информации, за благоприятные и безопасные условия труда в городских учреждениях, направление трудовых ресурсов и специалистов на вспомогательные и квалифицированные заводские работы. В разные годы эта группа насчитывала от 8 до 45 человек. Последовательный рост ее численности свидетельствует, с одной стороны, о значении этой социально-профессиональной общности, с другой — об усложнении структуры горнозаводского ведомства.

Все вышеозначенные в данном разделе группы имели своеобразный кадровый резерв, сформированный усилиями горнозаводской администрации. Речь идет об учениках екатеринбургских учебных заведений, которые в источниках данного периода именуются «школьниками». Первоначально в раннем Екатеринбурге были открыты две школы: словесная и арифметическая. По мнению В. де Геннина, они были нужны для того, чтобы комплектовать из учеников «ко всем горным и заводским делам в мастеровые люди и в протчие чины, також и в подьячие...» [Сафронова, 2000, с. 128]. В середине 1730-х появились также школы немецкая, латинская и знаменования (рисования). Согласно указу, в учебные заведения принимались собранные со всех заводов дети церковников и приказных служителей, мастеров и подмастерьев и всех заводских жителей. По желанию родителей в них также могли принимать детей представителей других сословий. Мальчиков обучали чтению, письму, арифметике, геометрии и черчению [Там же, с. 5, 14]. С начала учреждения школ в Екатеринбурге их деятельность была направлена на подготовку специалистов для ведения делопроизводства в системе горнозаводского ведомства [Там же, с. 112]. Кроме того, еще обучающихся подростков привлекали к записям вспомогательных процессов учета, контроля продукции и людей, составлению разного рода ведомостей и иных документов. По «окончанию наук» некоторые из них искали возможность трудиться на производстве, но большая часть оставалась занятой в работе разного рода канцелярий и контор.

В первые годы деятельности школ учащихся направляли к делам досрочно, еще до завершения курса «наук». Высокие темпы строительства заводов требовали сотни грамотных людей, владеющих чтением, письмом, навыками счета. Помимо Екатеринбурга, школьники направлялись на другие казенные заводы Сибирской губернии [Сафронова, 2000, с. 130].

Количество школьников менялось, и связано это было прежде всего с количеством функционировавших в разное время школ, а также кадровыми потребностями казенных горных заводов. В 1728 году в Екатеринбургских школах насчитывалось порядка 42 (4,6 %), в 1734 году — 98 (9,1 %), в 1744 году — более 263 (15,7 %) учащихся.

3.5. Население, занятое в процессах обеспечения безопасности и социально-экономического благополучия города

На процессы формирования населения завода-крепости большое влияние оказывали особенности политики горнозаводской администрации, направленной на поддержание оптимальной работоспособности занятых в горнозаводском деле жителей. Одним из проявлений такой позиции стал в 1726 году запрет мастеровым людям заниматься ремеслами и торговлей. В то же время горнозаводская администрация охотно разрешала селиться в городе и его окрестностях пришлым ремесленникам, торговцам и купцам [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 53, л. 262—262 об.]. Это привело к созданию за пределами Екатеринбургской крепости слобод, в которых проживали представители различных социальных групп. В частности, там селились крестьяне и бобыли, которые были обязаны трудиться на вспомогательных заводских работах, но в то же время составляли основу для формирования торгово-ремесленного населения (по данным переписей, торговые люди составляли около 1—2 % зарегистрированного наличного населения Екатеринбурга). Они снабжали город продуктами сельского хозяйства, необходимыми бытовыми и хозяйственными изделиями.

Самостоятельную группу населения представляли профессиональные военные. Именно они обеспечивали охрану заводов, поддерживали порядок внутри населенных пунктов, сопровождали в пути караваны с продукцией и пр. Первые военные — четыре роты Тобольского гарнизонного полка — прибыли на строительство завода на Исети еще в конце февраля — начале марта 1723 года. Всего на строительстве работали солдаты двух батальонов общей численностью около 1100 человек [Корепанов, 2001, 2005, с. 12—13]. К 1725 году, после завершения основной стройки, большая часть солдат вернулась в Тобольск. В распоряжении горного начальства оставалась только рота драгун, которой было недостаточно для выполнения многочисленных задач, связанных с повседневной деятельностью казенных заводов Екатеринбургского ведомства. В этой связи в 1728 году из Тобольска на Урал вновь были направлены две роты — по одной в Екатеринбург и Кунгур. Необходимо отметить, что все это время названные воинские подразделения продолжали числиться по Тобольскому гарнизону, а стало быть, состояли в ведении Военной коллегии. Соответственно, в заводские переписи эта группа не включалась. Тем не менее группа военных была достаточно представительной и составляла по всеобщей переписи 1728 года 15,8 %, а вместе с офицерами — 16,7 % от совокупного населения завода-крепости. Но в конце 1734 года было принято решение вернуть в Тобольск солдатскую и драгунскую роты, а в Екатеринбурге сформировать специальную заводскую из числа рекрутов, набранных в приписных слободах. В итоге в на-

чале 1735 года в Тобольск вернулась лишь рота драгун, а при Екатеринбурге вновь состояли две роты — пехотная Тобольская и содержащаяся на заводские средства Екатеринбургская, ставшая первым воинским формированием горнозаводского ведомства. В 1737 году, когда В. Н. Татищев ввел в заводские штаты две заводские роты, Тобольская рота Екатеринбурга также перешла в горнозаводское ведомство. С этого времени при переписи населения, состоящего в ведении Канцелярии, в обязательном порядке указывается численность и состав двух горнозаводских (горных) рот [Лобанов, 2018, с. 398, 400—401]. К середине 1740-х годов рядовые военные и офицеры составляли около 20 % от численности всего зарегистрированного населения Екатеринбурга и являлись одной из крупнейших социально-профессиональных групп, проживавших на территории завода-крепости.

Численность прочих социально-профессиональных групп, входивших в состав населения Екатеринбурга, не превышала 10 %. Так, в течение всего рассматриваемого периода количество церковно- и священнослужителей было стабильным, составляя 4 человека (0,4 %) от зарегистрированного наличного населения будущего города. Все они служили в единственной для того времени церкви завода-крепости, построенной во имя Святой Великомученицы Екатерины.

Данная тенденция просматривается и при анализе численности и состава медицинских работников, количество которых в 1728, 1734 и 1738 годах не превышало 2 (0,2 %). Первоначально медицинские работники трудились в госпитале при Екатеринбургском заводе. Лишь в 1744 году, после включения в состав населения завода-крепости двух рот, в их число вошли военные фельдшеры. Таким образом, в середине 1740-х годов среди медицинских работников было 9 человек (0,5 %).

Количество учителей зависело от количества функционировавших в Екатеринбурге в разное время школ. В 1734 году их было 2 человека, а в 1744 году — уже 4 ¹. Тем не менее их количество в процентном соотношении не превышало 0,1—0,2 % от зарегистрированного наличного населения завода-крепости.

Не включенные в заводское производство жители, являлись важной частью социальной структуры Екатеринбурга. Эти социальные группы выполняли функции, так или иначе связанные с поддержанием производственных процессов. Они обеспечивали бесперебойную работу социальной инфраструктуры, необходимой для создания благоприятных условий для жизни мастеровых и работных людей и иных социально-профессиональных групп, трудившихся на фабриках Екатеринбургского завода.

1 В 1744 году в Екатеринбурге функционировали — арифметическая, словесная, немецкая школы и школа знаменования [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1071, л. 86—106об].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на ограниченные сведения переписей и иных источников, анализ содержащихся в них количественных данных позволяет выявить основные социальные группы, проживавшие в раннем Екатеринбурге, и определить направление развития изучаемого сообщества в первые двадцать лет его существования. Структура населения завода-крепости определялась, с одной стороны, наличием здесь крупного производственного комплекса, с другой стороны, необходимостью обслуживания укреплений, поддержания боеспособности гарнизона, требующегося для защиты от не всегда дружелюбных башкир и татар. В связи с этим большинство населения завода-крепости составили мастеровые и работные люди, приписанные для работы на уральских заводах рекруты, а также солдаты, делопроизводители и школьники.

На складывание населения завода-крепости большое влияние оказывала позиция горнозаводской администрации, стремившейся наилучшим образом использовать силы и возможности находящихся в ее ведомстве военных и горнозаводских кадров. Так, запрет работным и мастеровым людям заниматься ремеслами и торговлей в 1726 году стал причиной создания слобод за пределами Екатеринбургской крепости, в которых селились крестьяне, бобыли и представители других социальных групп. В течение второй половины 1720-х годов сформировались новые каналы, использовавшиеся для подготовки и расширения состава специалистов, трудившихся на уральских заводах. Наиболее важными среди них были рекрутские наборы и отправка в регион на тяжелые работы каторжных и ссыльных. Схожие функции имело создание словесных, цифирных и других школ, где обучающиеся не только читали, писали и считали, но и приобретали ценные знания, позволявшие стать канцелярскими служащими или специалистами горнозаводского профиля. В связи с этим к середине 1730-х годов в Екатеринбурге наблюдается формирование группы горных и инженерно-технических специалистов — будущей «интеллектуальной элиты» горнозаводского ведомства. В эту условно выделенную нами группу включены как представители «горных профессий» (например, берггауэры и маркшейдеры), так и технические кадры (в первую очередь механики), чей труд потребовал особой образовательной подготовки и был связан с проектированием и организацией заводского и горнодобывающего производства. К этой же группе можно отнести механических, машинных и пробирных учеников, которые наряду с освоением специфической деятельности также были вовлечены в производственные процессы.

Если рекруты, каторжные и ссыльные постепенно вливались в состав мастеровых и работных людей, постоянно задействованных на фабриках, то бобыли и «купецкие люди» заняли нишу, связанную с производством

и распределением продуктов питания и предметов домашнего обихода. Несмотря на иную сферу занятости, бобыли, как и приписные крестьяне, были обременены отработками в пользу завода. Это создавало возможности для их сближения с мастеровыми и работными людьми. Как и сыновья мастеровых и работных людей, дети бобылей могли поступить в школу, обучение в которой позволяло им занять место в иной социальной группе [Бородина, 2015, с. 40—41].

Во многом социальная структура Екатеринбурга являлась отражением идеологии «регулярного государства», положенной в основу создания нового промышленного и административного центра. Рост численности населения происходил за счет последовательного, но неравномерного увеличения отдельных социальных групп. Количество мастеров, подмастерьев, работников, учеников и делопроизводителей и других категорий профессий регулировалось заводскими и канцелярскими штатами. Правда, помимо штатных, в Екатеринбурге было достаточно «заштатных» работников. Число рядовых в ротах также оставалось более или менее стабильным. В то же время количество рекрутов, принимавшихся на заводы, поступательно росло. Это же касается изменения численности бобылей и торговых и купеческих людей, как правило, оседавших за пределами Екатеринбургской крепости и формировавших посад будущего города.

Таким образом, к середине XVIII века по составу и структуре населения Екатеринбург был сопоставим с другими городскими центрами, в том числе с некоторыми городами Центральной России, имевшими длительную историю существования. В то же время, говоря об источниках формирования населения и о ведущих социальных группах, проживавших в городе, новый административный и промышленный центр был во многом похож на новопостроенный Санкт-Петербург, где на верфях и других производствах в большом количестве трудились мастеровые и работные люди, находился большой контингент военных, а также были представлены работники канцелярий, разного рода «школьники» и торговые люди, занимавшиеся обеспечением нового города необходимыми товарами и продуктами питания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Д. 26, 53, 122, 123, 450, 610, 996, 1027, 1028, 1071.

2. ПСЗРИ-I — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.* С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. — Т. 5. 1713—1719. — 781 с.; Т. 7. 1723—1727. — 925 с.; Т. 8. 1728—1732. — 1025 с.; Т. 9. 1733—1736. — 1024 с.

3. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов.* Ф. 271 (Берг-коллегия). Оп. 1. Д. 795.

Литература

1. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств / И. А. Агеев // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 385. — С. 79—84.

2. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введ. подуш. подати в России, 1719—1728 гг. / Е. В. Анисимов. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1982. — 296 с.

3. Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма : Опыт комплекс. Подхода / Н. П. Анциферов. — Ленинград : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. — 148 с.

4. Арсеньев К. И. Статистические очерки России / К. И. Арсеньев. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук., 1848. — 503 с.

5. Байдин В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале : историко-библиографические этюды / В. И. Байдин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 206 с. — ISBN 987-5-7996-1627-4.

6. Биттнер С. Куда идет историческая урбанистика? / С. Биттнер // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 26—39.

7. Бондарь В. В. Город в дореволюционной России : к проблеме трактовки понятия / В. В. Бондарь // Культурное наследие России. — 2017. — № 2. — С. 17—24.

8. Борисов В. Е. Гулящие люди, бобыли и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII веке : состав, занятия, статус / В. Е. Борисов // Новый исторический вестник. — 2013. — № 3. — С. 6—26.

9. Бородин Е. В. Повседневная жизнь канцеляристов Среднего Урала в 1725—1734 гг. / Е. В. Бородин // Dzieje biurokracji. — 2020. — Т. XI. — S. 207—226. — DOI: 10.36121/eborodina.DB.2020.11.207.

10. Бородин Е. В. Применение военного законодательства органами власти России в 1725—1734 гг. (на примере деятельности Сибирского обер-бергамта) / Е. В. Бородин // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 3. — С. 33—48. — DOI: 10.12737/jrl.2021.032.

11. Бородин Е. В. Социальная структура горнозаводского Урала в 1720-е—1730-е годы : границы и маркеры стратификации / Е. В. Бородин // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. — Новосибирск : Параллель; Институт истории СО РАН, 2015. — С. 40—41.

12. Бородкин Л. И. Компьютерное 3D-моделирование в исследованиях по исторической урбанистике : новые источниковедческие подходы / Л. И. Бородкин // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 1. — С. 57—63.

13. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры : разночинцы в Российской империи / Э. К. Виртшафтер ; Пер. с англ. Т. П. Вечериной ; Под ред. А. Б. Каменского. — Москва : Логос, 2002. — 271 с. — ISBN 5-94010-134-8.

14. Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города : (факты, обобщения, аспекты) / Я. Е. Водарский. — Москва : ИРИ РАН, 2006. — 416 с.

15. *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. — Москва : Наука, 1977. — 265 с.

16. *Водарский Я. Е.* Население городов России в XVI — начале XVIII вв. (К вопросу о методике изучения численности и состава) / Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан // Численность и классовый состав населения СССР (XVI—XX вв.). — Таллин : [б. и.], 1979. — С. 134—141.

17. *Волков М. Я.* Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в. / М. Я. Волков // Проблемы источниковедения. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — Т. 9. — С. 266—306.

18. *Геннин де В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Де В. Геннин ; Авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. — 467 с.

19. *Герман К.* Статистические исследования относительно Российской империи. Народонаселение / К. Герман. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1819. — Ч. 1. — XI+2+235+7 с.

20. *Горловский М. А.* Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. / М. А. Горловский // Из истории рабочего класса и революционного движения. — Москва : АН СССР, 1958. — С. 113—121.

21. *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма : (Итоги и пробл. изуч.) / Н. А. Горская. — Москва : Наука, 1994. — 211 с. — ISBN 5-02-009750-0.

22. *Границы и маркеры социальной стратификации России XVII—XX вв. : векторы исследования* / Под ред. Д. А. Редина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 722 с. — ISBN 978-5-906980-93-9.

23. *Дитятин И. И.* Устройство и управление городов России. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитятин. — Санкт-Петербург : Тип. П. П. Меркулева, 1875. — Т. 1. — 563 с.

24. *Екатеринбург : Исторические очерки (1723—1998).* — Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. — 227 с. — ISBN 5884640021, 9785884640023.

25. *Екатеринбург за двести лет (1723—1923 гг.)* / под ред. В. М. Быкова. — Екатеринбург : Юбилейная комиссия Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. — 346 с.

26. *Земцов В. Н.* Екатеринбург в мундире / В. Н. Земцов, В. А. Ляпин. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное изд-во, 1992. — 240 с. — ISBN 5-7529-0477-3/5752904773.

27. *Злотников М. Ф.* Первое описание Уральских и Сибирских заводов / М. Ф. Злотников // Геннин де В. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. — Москва : ГИЗ «История заводов», 1937. — С. 11—64.

28. *Исторические очерки : Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии* / А. А. Кизеветтер. — Москва : Территория будущего, 2006. — 442 с. — ISBN 5-91129-030-8.

29. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан. — Москва : АН СССР, 1963. — 230 с.

30. *Карлов В. В.* Л. Янин и «Лаборатория истории русских городов» / В. В. Карлов // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции с международным участием. 2020. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2020. — С. 138—139. — ISBN 978-5-6043862-6-2.

31. Карлов В. В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии / В. В. Карлов // Русский город : (проблемы горообразование). — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — Выпуск 3. — С. 66—83.
32. Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития (к постановке вопроса) / В. В. Карлов // Русский город : историко-методологический сборник. — Москва : Изд-во МГУ, 1976. — С. 32—69. — ISBN 5211010531, 9785211010536.
33. Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. / А. А. Кизеветтер. — Москва : Унив. тип, 1903. — 810 с.
34. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кирилов. — Москва : Наука, 1977. — 443 с.
35. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века / Ю. Р. Клокман. — Москва : Наука, 1967. — 335 с.
36. Клочков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения : (1678—1721) / М. В. Клочков. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. — Т. 1. — 435 с.
37. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723—1783 гг.) / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. — 252 с. — ISBN 5-7851-0351-6.
38. Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 273 с. — ISBN 5-7851-0578-0.
39. Коричков Г. Е. Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга : историко- и историография / Г. Е. Коричков // Парадигмы и модели демографического развития. — 2021. — Т. 1. — С. 91—99. — DOI: 10.17059/udf-2021-1-12.
40. Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова / О. Е. Кошелева. — Москва : ОГИ, 2004. — 486 с. — ISBN 5-94282-262-X.
41. Крогиус В. Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. Р. Крогиус. — Москва : Прогресс-Традиция, 2009. — 406 с. — ISBN 5-89826-X.
42. Кузьмин А. И. Историко-демографический портрет Екатеринбурга / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева // Известия Уральского государственного университета. — 1998. — № 9. — С. 95—100.
43. Лобанов Д. А. Екатеринбургские горные роты — первые воинские формирования горного ведомства в 1730-е гг. / Д. А. Лобанов // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. IX. — С. 398, 400—401.
44. Ляпин Д. Ландратские книги : характеристика источника и его информационный потенциал / Д. Лапин // Quaestio Rossica. — 2021. — Т. 9. — № 1. — С. 258—259. — DOI: 10.15826/qr.2021.1.577.
45. Марасинова Л. М. Русский город. (Историко-методологический сборник) / Л. М. Марасинова. — Москва : Изд-во МГУ, 1976. — 296 с.
46. Миллюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Миллюкова. — Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 678 с.
47. Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1760-е годы : демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. — 271 с. — ISBN 5-02-027273-6.
48. Оруджиева А. Г. Население Екатеринбурга : из прошлого в настоящее / А. Г. Оруджиева // Екатеринбург : от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. Науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23—24 мая 2002 г. — Екатеринбург : Филантроп, 2002. — С. 108—110.

49. Пулькин М. В. Феномен горнозаводского населения (по материалам Олонецких Петровских заводов) [Электронный ресурс] / М. Ф. Пулькин // *Studia Humanitatis* : [сайт]. — 2018. — № 2. — Режим доступа : <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения 16.04.2023).
50. Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) / М. Г. Рабинович // *Советская этнография*. — 1983. — № 3. — С. 19—24.
51. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города / М. Г. Рабинович. — Москва : Наука, 1978. — 328 с.
52. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории : (краткий очерк экономической истории России) / Н. А. Рожков. — Петроград : Изд-во О. В. Богдановой, 1923. — 155 с.
53. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 559 с.
54. Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга : (1724—1734). К 275-летию основания / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 144 с. — ISBN 5799600894, 9785799600891.
55. Сафронова А. М. Подъятие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху : формирование контингента, условия труда и быта / А. М. Сафронова // *Quaestio Rossica*. — 2022. — Т. 10. — № 3. — С. 976—990. — DOI 10.15826/qr.2022.3.712.
56. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города : Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. / К. Н. Сербина. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 485 с.
57. Цемленкова С. И. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. : биографический справочник / С. И. Цемленкова, А. В. Черноухов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 446 с. — ISBN 978-5-00165-567-1.
58. Юдина Т. М. Из истории горнозаводского производства в Олонецком крае / Т. М. Юдина // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки*. — 2008. — № 1. — С. 43.
59. Burke P. The Language of Orders in Early Modern Europe / P. Burke // *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500 : Studies in Social Stratification* / Edited by M. L. Bush. — London ; New York : Longman, 1992. — Pp. 1—12. — ISBN 9781315845081.
60. Cannadine D. Class in Britain / D. Cannadine. — London : Yale University Press, New Haven [etc.], 1998. — 242 p. — ISBN 9780140249545.
61. Chandler T. Four Thousand Years of Urban Growth : An Historical Census / T. Chandler. — Lewiston ; NY : Edwin Meller Press, 1987. — 676 p. — ISBN 978-0889462076.
62. Chandler T. 3000 Years of Urban Growth / T. Chandler, G. Fox. — NY : Academic Press, 1974. — 442 p. — ISBN 978-1483248899.
63. Confino M. The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on Some Open Questions / M. Confino // *Cahiers du monde russe*. — 2008. — Vol. 49. — № 4. — Pp. 681—704.
64. Dixon S. Russia's Soslovie Paradigm Revisited / S. Dixon // *Slavonic and East-European Review*. — 2015. — Vol. 93. — № 4. — Pp. 732—740.
65. Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History / G. L. Freeze // *The American Historical Review*. — 1986. — Vol. 91. — № 1. — Pp. 11—36.
66. Mousnier R. Social Hierarchies 1450 to Present / R. Mousnier. — London : Schocken Books, 1973. — 206 p. — ISBN 978-0805234831.
67. Reddy W. M. The concept of class / W. M. Reddy // *Social orders and social classes in Europe since 1500 : Studies in social stratification* / Edited by M. L. Bush. — London ; New York : Longman, 1992. — Pp. 13—25. — ISBN 978-0582083431.

68. *Rieber A. J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia / A. J. Rieber. — Chapel Hill : University of North Carolina press, cop. 1982. — Vol. XXVI. — 464 p. — ISBN 0-9078-4305-9.
69. *Smith A. K.* For Common Good and Their Own Well-Being : Social Estates in Imperial Russia / A. K. Smith. — New York : Oxford univ. press, cop. 2014. — Vol. IX. — 278 p. — ISBN 978-0-19-997817-5.
70. *Wirtschafter E. K.* From Serf to Russian Soldier. From serf to Russian soldier / E. K. Wirtschafter. — Princeton (N.J.) : Princeton univ. press, Cop. 1990. — 214 p. — ISBN 0-691-05585-8.
71. *Wirtschafter E. K.* Russia's Age of Serfdom (1649—1725) / E. K. Wirtschafter. — Malden, MA [etc.] : Blackwell, 2008. — 287 p. — ISBN 9781405134583.
72. *Wirtschafter E. K.* Social Identities in Imperial Russia / E. K. Wirtschafter. — Illinois : Northern Illinois University Press, 1997. — 260 p. — ISBN 9780875802312_

Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

- GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration). D. 26, 53, 122, 123, 450, 610, 996, 1027, 1028, 1071.* (In Russ.).
- PSZRI-I — *The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. of the 2nd Department of its Own E. I. V. Chancery. (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 271 (Berg-collegium). Op. 1. d. 795.* (In Russ.).

References

- Ageev, I. A. (2014). Methodological resource of historical urbanism in modern studies of urban spaces. *Bulletin of Tomsk State University*, 385: 79—84. (In Russ.).
- Anisimov, E. V. (1982). *Tax reform of Peter I: Introduction. pillows. taxes in Russia, 1719—1728.* Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 296 p. (In Russ.).
- Antsiferov, N. P. (1925). *Ways of studying the city as a social organism: Experience complex. Approach.* Leningrad: “The Sower” by E. V. Vysotsky. 148 p. (In Russ.).
- Arseniyev, K. I. (1848). *Statistical essays of Russia.* Saint Petersburg: Type. Imp. Akad. nauk. 503 p. (In Russ.).
- Baidin, V. I. (2015). *Kirsha Danilov in Siberia and the Urals: historical and bibliographic studies.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 206 p. ISBN 987-5-7996-1627-4. (In Russ.).
- Bittner, S. (2010). Where is historical urbanism going? *Anthropological Forum*, 12: 26—39. (In Russ.).
- Bondar, V. V. (2017). The City in pre-revolutionary Russia: to the problem of interpretation of the concept. *Cultural Heritage of Russia*, 2: 17—24. (In Russ.).
- Borders and markers of social stratification of Russia of the XVII—XX centuries: vectors of research.* (2018). Saint Petersburg: Aleteya. 722 p. ISBN 978-5-906980-93-9. (In Russ.).
- Borisov, V. E. (2013). Walking people, bobyli and other untagged categories of the population beyond the Urals in the XVII century: composition, occupation, status. *New Historical Bulletin*, 3: 6—26. (In Russ.).

- Borodina, E. V. (2021). Application of military legislation by the Russian authorities in 1725—1734. (on the example of the activities of the Siberian Ober-bergamt). *Journal of Russian Law*, 25 (3): 33—48. DOI: 10.12737/jrl.2021.032. (In Russ.).
- Borodina, E. V. (2020). Daily life of clerks of the Middle Urals in 1725—1734. *Dzieje biurokracji*, XI: 207—226. DOI: 10.36121/eborodina.DB.2020.11.207. (In Russ.).
- Borodina, E. V. (2015). Social structure of the mining Urals in the 1720s—1730s: boundaries and markers of stratification. In: *Actual problems of historical research: the view of young scientists: A collection of materials of the Fourth All-Russian Youth Scientific Conference*. Novosibirsk: Parallel; Institute of History SB RAS. 40—41. (In Russ.).
- Borodkin, L. I. (2015). Computer 3D modeling in research on historical urbanism: new source approaches. *Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU*, 1: 57—63. (In Russ.).
- Burke, P. (1992). The Language of Orders in Early Modern Europe. In: *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification*. London; New York: Longman. 1—12. ISBN 9781315845081.
- Cannadine, D. (1998). *Class in Britain*. London: Yale University Press, New Haven [etc.]. 242 p. ISBN 9780140249545.
- Chandler, T. (1974). *3000 Years of Urban Growth*. NY: Academic Press. 442 p. ISBN 978-1483248899.
- Chandler, T. (1987). *Four Thousand Years of Urban Growth: An Historical Census*. Lewiston; NY: Edwin Meller Press. 676 p. ISBN 978-0889462076.
- Confino, M. (2008). The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on Some Open Questions. *Cahiers du monde russe*, 49 (4): 681—704.
- Dityatin, I. I. (1875). *Device and management of Russian cities. Cities of Russia in the XVIII century*, I. St. Petersburg: Type. P. P. Merkul'eva. 563 p. (In Russ.).
- Dixon, S. (2015). Russia's Soslovie Paradigm Revisited. *Slavonic and East-European Review*, 93 (4): 732—740.
- Freeze, G. L. (1986). The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. *The American Historical Review*, 91 (1): 11—36.
- Gennin de, V. (1995). *Ural correspondence with Peter I and Catherine I*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 467 p. (In Russ.).
- Gorlovsky, M. A. (1958). The social composition of the population of Yekaterinburg in the second half of the XVIII century. In: *From the history of the working class and the revolutionary movement*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 113—121. (In Russ.).
- Gorskaya, N. A. (1994). *Historical demography of Russia in the era of feudalism: (Results and probl. studies)*. Moscow: Nauka. 211 p. ISBN 5-02-009750-0. (In Russ.).
- Herman, K. (1819). *Statistical research on the Russian Empire. Population*, I. Saint Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. XI+2+235+7 S. (In Russ.).
- Historical essays: From the history of political ideas. School and education. The Russian city in the XVIII century*. (2006). Moscow: Territory of the Future. 442 p. ISBN 5-91129-030-8. (In Russ.).
- Kabuzan, V. M. (1963). *Population of Russia in the XVIII — first half of the XIX century. (based on the materials of revisions)*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.).
- Karlov, V. V. (1976). On the factors of economic and political development (to raise the question). In: *Russian city: a historical and methodological collection*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 32—69. ISBN 5211010531, 9785211010536. (In Russ.).

- Karlov, V. V. (1980). On the question of the concept of an early feudal city and its types in Russian historiography. In: *Russian City: (problems of urban formation)*, 3. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 66—83. (In Russ.).
- Karlov, V. V. (2020). V. L. Yanin and the “Laboratory of the history of Russian cities”. In: *Actual problems of humanities and economic sciences. Collection of materials of the XX International scientific and practical Conference with international participation*. 2020. Kirov: Raduga-PRESS. 138—139. ISBN 978-5-6043862-6-2. (In Russ.).
- Kirilov, I. K. (1977). *Blooming state of the All-Russian state*. Moscow: Nauka. 443 p. (In Russ.).
- Kizevetter, A. A. (1903). *The Posadskaya community in Russia of the XVIII century*. Moscow: Univ. type. 810 p. (In Russ.).
- Klochkov, M. V. (1911). *The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Censuses of households and population: (1678—1721)*, 1. St. Petersburg: Senate. type. 435 p. (In Russ.).
- Klokman, Yu. R. (1967). *Socio-economic history of the Russian city. The second half of the XVIII century*. Moscow: Nauka. 335 p. (In Russ.).
- Korepanov, N. C. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 273 p. ISBN 5-7851-0578-0. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2001). *In early Yekaterinburg (1723—1783)*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 252 p. ISBN 5-7851-0351-6. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (2021). Three-hundred-year demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. *Paradigms and models of demographic development*, 1: 91—99. DOI: 10.17059/udf-2021-1-12. (In Russ.).
- Kosheleva, O. E. (2004). *People of St. Petersburg Island*. Moscow: OGI. 486 p. ISBN 5-94282-262-X. (In Russ.).
- Krogius, V. R. (2009). *Historical cities of Russia as a phenomenon of its cultural heritage*. Moscow: Progress-Tradition. 406 p. ISBN 5-89826-H. (In Russ.).
- Kuzmin, A. I., Orujieva, A. G. (1998). Historical and demographic portrait of Yekaterinburg. *Proceedings of the Ural State University*, 9: 95—100. (In Russ.).
- Lobanov, D. A. (2018). Yekaterinburg mining companies — the first military formations of the mining department in the 1730s. *History of military affairs: research and sources*, IX: 398, 400—401. (In Russ.).
- Lyapin, D. (2021). Landrat books: characteristics of the source and its information potential. *Quaestio Rossica*, 9 (1): 258—259. DOI: 10.15826/qr.2021.1.577. (In Russ.).
- Marasinova, L. M. (1976). *Russian city. (Historical and methodological collection)*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 296 p. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. (1905). *The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's type. 678 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (1990). *Russian city in the 1740s—1760s: demographic, social and economic development*. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 271 p. ISBN 5-02-027273-6. (In Russ.).
- Mousnier, R. (1973). *Social Hierarchies 1450 to Present*. London: Schocken Books. 206 p. ISBN 978-0805234831.
- Orujieva, A. G. (2002). Population of Yekaterinburg: from the past to the present. In: *Yekaterinburg: from the fortress factory to the Eurasian capital: materials of Vseros. Scientific-practical conf. Yekaterinburg, May 23—24, 2002*. Yekaterinburg: Philanthropist. 108—110. (In Russ.).

- Pulki, M. V. (2018). The phenomenon of the mining population (based on the materials of the Olonets Petrovsky factories). *Studia Humanitatis: [website]*, 2. Available at: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (accessed 16.04.2023). (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (1978). *Essays on the ethnography of the Russian feudal city*. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (1983). To the definition of the concept of “city” (for the purpose of ethnographic study). *Soviet Ethnography*, 3: 19—24. (In Russ.).
- Reddy, W. M. (1992). The concept of class. In: *Social orders and social classes in Europe since 1500: Studies in social stratification*. London; New York: Longman. 13—25. — ISBN 978-0582083431.
- Rieber, A. J. (1982). *Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia, XXVI*. Chapel Hill: University of North Carolina press, cop. 464 p. ISBN 0-9078-4305-9.
- Rozhkov, N. A. (1923). *City and village in Russian history: (a brief sketch of the economic history of Russia)*. Petrograd: Publishing house of O. V. Bogdanova. 155 p. (In Russ.).
- Ryndzyunsky, P. G. (1958). *Urban citizenship of pre-reform Russia*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 559 p. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2022). Clerks of state-owned factories of the Urals in the Petrine era: the formation of the contingent, working conditions and life. *Quaestio Rossica*, 10 (3): 976—990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2000). *The first schools of Yekaterinburg: (1724—1734). To the 275th anniversary of the foundation*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 144 p. ISBN 5799600894, 9785799600891. (In Russ.).
- Serbina, K. N. (1951). *Essays from the socio-economic history of the Russian city: Tikhvin Posad in the XVI—XVIII centuries*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 485 p. (In Russ.).
- Smith, A. K. (2014). *For Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia, IX*. New York: Oxford univ. press, cop. 278 p. ISBN 978-0-19-997817-5.
- Tsamenkova, S. I. (2022). *Heads of the apparatus of the mining power of the Urals in the 20s — 50s of the XVIII century: biographical directory*. Saint Petersburg: Aleteya. 446 p. ISBN 978-5-00165-567-1. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E., Kabuzan, V. M. (1979). Population of Russian cities in the XVI — early XVIII centuries. (On the question of the methodology of studying the number and composition). In: *The number and class composition of the population of the USSR (XVI—XX centuries)*. Tallinn: [B. I.]. 134—141. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (2006). *Research on the history of the Russian city: (facts, generalizations, aspects)*. Moscow: IRI RAS. 416 p. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (1977). *The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century (number, class composition, placement)*. Moscow: Nauka. 265 p. (In Russ.).
- Volkov, M. Ya. (1963). Materials of the first revision as a source on the history of trade and industry in Russia in the first quarter of the XVIII century. In: *Problems of source studies*, 9. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 266—306. (In Russ.).
- Wirtschafter, E. K. (1990). *From Serf to Russian Soldier. From serf to Russian soldier*. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, Cop. 214 p. ISBN 0-691-05585-8.

- Wirtschafter, E. K. (2008). *Russia's Age of Serfdom (1649—1725)*. Malden, MA [etc.]: Blackwell. 287 p. ISBN 9781405134583.
- Wirtschafter, E. K. (1997). *Social Identities in Imperial Russia*. Illinois: Northern Illinois University Press. 260 p. ISBN 9780875802312.
- Wirtschafter, E. K. (2002). *Social structures: raznochintsy in the Russian Empire*. Moscow: Logos. 271 p. ISBN 5-94010-134-8. (In Russ.).
- Yekaterinburg: Historical essays (1723—1998)*. Yekaterinburg: Publishing house “Yekaterinburg”. 227 p. ISBN 5884640021, 9785884640023. (In Russ.).
- Yekaterinburg for two hundred years (1723—1923)*. (1923). Yekaterinburg: Jubilee Commission of the Yekaterinburg City Council of Workers and Red Army Deputies. 346 p. (In Russ.).
- Yudina, T. M. (2008). From the history of mining production in the Olonets region. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 1*: P. 43. (In Russ.).
- Zemtsov, V. N. (1992). *Yekaterinburg in uniform*. Yekaterinburg: Sredne-Ural Book Publishing House. 240 p. ISBN 5-7529-0477-3/5752904773. (In Russ.).
- Zlotnikov, M. F. (1937). The first description of the Ural and Siberian plants. In: *Gennin de V. Description of Ural and Siberian plants. 1735*. Moscow: GIZ “History of Factories”. 11—64. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Воробьев С. В. Екатеринбург (Свердловск) в годы нэпа : организация системы городской власти / С. В. Воробьев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 372—389. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-372-389.

Vorobyov, S. V. (2023). Ekaterinburg (Sverdlovsk) During NEP Years: Organization of City Government System. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 372-389. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-372-389. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-372-389

Екатеринбург (Свердловск) в годы нэпа: организация системы городской власти

Воробьев Сергей Викторович
orcid.org/0000-0002-1461-0104
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Центр политической
и социокультурной истории
svorob.hist@gmail.com

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01530
«Социалистический город как модель
советской урбанизации (на примере
Свердловска 1920-х — середины
1950-х гг.)»

Ekaterinburg (Sverdlovsk) During NEP Years: Organization of City Government System

Sergey V. Vorobyov
orcid.org/0000-0002-1461-0104
PhD in History,
Senior Researcher,
Center for Political
and Socio-Cultural History
svorob.hist@gmail.com

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01530
“Socialist city as a model
of Soviet urbanization
(using the example of Sverdlovsk
in the 1920s to mid-1950s)”

© Воробьев С. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность властных структур различного уровня (городской совет, губернские (областные), уездные и окружные исполнительные и партийные органы) по управлению Екатеринбургом (Свердловском) в годы нэпа. Установлено, что в этот период власть стояла перед выбором между централизмом или децентрализмом в местном управлении, разграничением властных полномочий между Советами и разными уровнями региональной власти. Отмечается, что на практике сложилась многоуровневая система управления городом, которая имела как положительные, так и отрицательные стороны. Показано, что, с одной стороны, в условиях слабости городской власти и дефицита городского бюджета, вмешательство региональных властей в городские вопросы и финансовые вливания с их стороны позволяли относительно успешно решать острые вопросы городского хозяйства. С другой стороны, такая система власти существенно ограничивала властные полномочия горсовета, оттягивая их на другие властные структуры. В результате автор приходит к выводу, что городской совет не являлся полноценной, самостоятельной административной единицей, а его компетенция по управлению городом была существенно ограничена. Такое положение объясняется тем, что основные решения относительно направлений развития города принимала региональная власть, что не всегда позитивно влияло на эффективность городского управления.

Ключевые слова:

Екатеринбург; Свердловск; нэп; городской совет; партийная власть; исполнительная власть; городское хозяйство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the activities of various levels of government structures (city council, gubernatorial, district and regional executive and party bodies) in managing Ekaterinburg-Sverdlovsk during the NEP years. It is established that during this period, the central government was faced with a choice between centralism or decentralization in local governance and the delineation of powers between councils and different levels of regional government. It is noted that in practice, a multi-level system of city management was formed, which had both positive and negative aspects. It is shown that on the one hand, in conditions of weak city authority and a shortage of city budget, the intervention of regional authorities in urban issues and financial injections from their side allowed for the successful resolution of acute urban economic issues. On the other hand, such a system of power significantly limited the authority of the city council, pushing it to other government structures. As a result, the author concludes that the city council was not a full-fledged, independent administrative unit, and its competence in managing the city was significantly limited. This situation is explained by the fact that the main decisions regarding the directions of city development were made by regional authorities, which did not always positively affect the effectiveness of urban management.

Key words:

Ekaterinburg; Sverdlovsk; NEP; city council; party power; executive power; urban economy.

Екатеринбург (Свердловск) в годы нэпа: организация системы городской власти

© Воробьев С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Тема организации, функционирования и объема властных полномочий органов местного управления в годы нэпа является достаточно актуальной в современных условиях. Изучение исторического опыта советского периода, когда власть искала баланс между централизацией и децентрализацией местного управления, позволяет выработать наиболее эффективные подходы к организации местной власти и ее взаимодействия с вышестоящими властными структурами.

Историография организации местного управления в период нэпа представлена общими работами о советах как органах исполнительной власти [Ананов, 1925; Михайлов, 1927; Аскеров, 1953; Лепешкин, 1966; Авакьян, 1974; Барабашев и др., 1988; Андреев, 1990]. В них рассматривались общие принципы организации и деятельности советов, административные аспекты (структура и функции советов, в том числе городских), формы и методы их работы, практика деятельности советов в хозяйственной сфере, в управлении территориями.

Ряд публикаций посвящен деятельности конкретных городских советов [Алещенко, 1976; Валиева, 2006; Сухарев, 2014а, 2014б; Яшук, 2007, 2008]. Так, Э. Р. Валиева рассматривает организацию городского управления Казани, финансово-экономическую базу городской власти, деятельность коммунального хозяйства и жилищную городскую политику [Валиева, 2006]. А. А. Сухарев обращает внимание на полномочия и структуру Тюменского городского совета, на формирование и кадровый состав городской власти, влияние партийных органов на деятельность горсовета [Сухарев, 2014а, 2014б].

Историография Екатеринбургского (Свердловского) городского совета представлена как научно-публицистическими работами, так и академическими публикациями. Среди первых можно отметить такие работы, как книга А. И. Грамолина, Э. А. Коридорова и Я. П. Силина, в которой рассматриваются различные аспекты деятельности городской власти в советский период [Грамолин и др., 2005], а также издание, в котором даются краткие исторически справки о председателях городского совета с кратким

резюме результатов их деятельности [Корепанова и др., 2008]. Из научных публикаций следует отметить раздел о городском совете, подготовленный А. Г. Сапожниковым для коллективной монографии, в котором рассматриваются структура, организация и деятельность горсовета [Сапожников, 2012, с. 96—121]. Однако в указанных работах не ставилась проблема анализа взаимодействия и координации различных властных структур по распределению между ними компетенций по управлению городом. Комплексный подход к вопросам управления городом в рассматриваемый период представлен в работе С. В. Воробьева [Воробьев, 2023, с. 45—54].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью исследования является изучение эволюции системы органов местной власти по управлению городом с учетом законодательных норм, регулирующих их деятельность, а также их влияние на развитие города.

Для достижения поставленной исследовательской цели используются исторические методы. Историко-генетический метод позволяет изучить эволюцию системы городского управления, выявить тенденции и характер ее изменений, а историко-сравнительный метод — выявить изменения в законодательной базе деятельности городского совета и управленческих практиках.

Изучение данной проблемы позволяет увидеть, что специалисты, занимавшиеся вопросами городского управления, основное внимание уделяли изучению деятельности городских советов [Грамолин и др., 2005; Валиева, 2006; Сапожников, 2012, Сухарев, 2014а, 2014б]. При этом из фокуса их исследования выпадал тот факт, что городские советы являлись, по сути, органами с ограниченными властными полномочиями, в круг их компетенции входили вопросы хозяйственной деятельности, вопросы коммунального хозяйства и благоустройства города. При этом значительное участие в управлении городом принимали региональные партийные и исполнительные власти (губернские и уездные, а затем областные и окружные). Именно они принимали ключевые, судьбоносные решения, определявшие направление развития города.

Материалом для исследования послужили источники, хранящиеся в региональных архивах: Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Система городской власти в начале нэпа

Сложившаяся в городе в период нэпа система управления не предполагала единственного органа власти, осуществлявшего управление городом.

В нем действовал городской совет, который решал текущие хозяйственные вопросы. В то же время в управлении городом принимали участие губернские и уездные партийные и исполнительные структуры. Практика вмешательства в деятельность советов была общепринятой. Как отмечал один из губернских партийных руководителей Л. С. Сосновский, «на местах запутались во взаимоотношениях партии и Советов. Массы перестали видеть разницу между комитетом партии и исполкомом Совета, так как и тут и там сидят коммунисты, а подчас одни и те же коммунисты. Эту разницу по временам забывали и сами руководители партии и совета, и сплошь да рядом случалось, что комитет партии присваивал себе права и функции исполкома совета и наоборот» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 9 об.].

22 февраля 1921 года общегородская партийная конференция обсудила вопрос о выделении г. Екатеринбурга из подчинения губкома и присоединении его к уезду, также был поставлен вопрос о создании уездно-городского комитета РКП(б) [Там же, д. 245, л. 159]. В результате Екатеринбург был присоединен к уезду. После передачи Екатеринбурга в ведение укома РКП(б) в его составе летом 1921 года был организован общегородской партийный комитет, который руководил городом. В ноябре-декабре 1921 года вместо укома создается уездно-городской комитет РКП(б) [Там же, д. 268, л. 277 об., 289].

Одной из первоочередных задач, которую пришлось решать общегородскому комитету РКП(б), стала задача создания работоспособного городского совета, так как в тот период в организационном плане он находился в достаточно плачевном состоянии, «выяснилось, что даже нет председателя горсовета» [ЦДООСО, ф. 225, оп. 1, д. 154, л. 133 об.]. Поэтому на одном из первых заседаний общегородского комитета РКП(б) 2 июля 1921 года рассматривался вопрос о состоянии Екатеринбургского горсовета. Был зафиксирован практически полный паралич городской власти: «Работа горсовета совершенно замерла. Бюро фракции и президиум совершенно распались, не собираются. Все комиссии распались. Работы нет никакой. Нет секретаря, нет аппарата, плана работы как комиссий, так и горсовета» [Там же, д. 312, л. 20 об.]. Президиуму горсовета было предложено срочно наметить «план работы, охватывающий все стороны деятельности горсовета и его комиссий» и представить его на утверждение в горком партии [Там же, л. 21].

Большое значение имел вопрос о руководстве горсовета. Для исправления ситуации было принято решение о перевыборах бюро фракции РКП(б) и президиума горсовета. Председателем Екатеринбургского горсовета был назначен П. М. Быков. Его задача состояла в том, чтобы поставить деятельность горсовета «на должную высоту», для этого было предложено считать его работу в горсовете основной, а работу в РОСТА работой

по совместительству [ЦДООСО, ф. 225, оп. 1, д. 312, л. 21]. В это время П. М. Быков являлся заведующим отделением Российского телеграфного агентства (РОСТА) [Корепанова и др., 2008, с. 171]. Для постоянной работы в президиум горсовета были направлены члены горкома Лукоянова и Сухоносков, однако оказалось, что они были перегружены другой работой и участия в руководстве горсоветом фактически не принимали [ЦДООСО, ф. 225, оп. 1, д. 154, л. 131]. В целях налаживания дальнейшей деятельности горсовета планировалось подготовить предложения по принятию практических мер, которые позволили бы оживить его работу, и передать эти предложения на рассмотрение президиуму фракции РКП(б) в горсовете [Там же, л. 131]. Горсовету предлагалось «устраивать собрания горсовета 2 раза в месяц», а также планировалось провести совместное заседание губкома, горкома, губисполкома и других организаций «для решения организационного вопроса в городе» [Там же, л. 128].

Однако на заседании горкома 20 августа 1921 года вновь поднимается вопрос о председателе горсовета и принимается решение назначить на эту должность члена горкома Подкорытова, а «вопрос о горсовете передать на обсуждение губкома» [Там же, л. 131]. 27 августа снова рассматривается вопрос о председателе городского совета. В итоге вместо Подкорытова было решено председателем горсовета утвердить Сухоноскова, а Подкорытов и Теплоухов были введены в президиум горсовета [Там же, л. 133 об.]. Таким образом, руководство горсовета не избиралось им самим, а назначалось партийным органом.

В рамках тенденции вмешательства губернской партийно-государственной власти в дела горсовета в декабре 1921 года на 5-м Екатеринбургском губернском съезде советов председатель губисполкома С. А. Новоселов предложил слить функции горсовета с функциями уездно-городского исполкома. Их объединение он мотивировал тем, «чтобы члены горсовета были в курсе дела по уезду, и наоборот», исполком должен быть один для горсовета и угорисполкома и не иметь разных президиумов и пленума, а пленумы горсовета должны быть совместными с угорисполкомом: «Тогда горсовет будет не оторван от общей работы, и создастся постепенное втягивание членов горсовета в общую политическую и хозяйственную работу» [ГАСО, ф. Р-7, оп. 1, д. 50, л. 13—14]. Кроме того, по мнению С. А. Новоселова, задачами горсовета «должно являться благоустройство города» [Там же].

Все попытки губернских и уездных властей создать дееспособный горсовет носили паллиативный характер. Даже летом 1922 года горсовет находился в удручающем организационном состоянии и был, по сути, неспособным: «Горсовет практически не вникал в жизнь города, не отзывался на широкие запросы рабочих и не руководил советской работой

по городу» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 507, л. 43]. Как отмечалось на заседании угоркома партии 18 июля 1922 года, «за последнее время работа горсовета стала совсем замирать, абсолютно не чувствовалось его деятельности» [Там же]. Депутаты горсовета, большинство из которых были членами РКП(б), заседания горсовета не посещали [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 312, л. 180], вследствие чего был сорван пленум горсовета. В результате горсовет совершенно не выполнял свои функции по ведению городского хозяйства, не занимался вопросами просвещения, здравоохранения и др. В связи с этим функции по управлению городом пришлось взять на себя вышестоящим организациям [Там же, д. 507, л. 43].

В итоге работа горсовета была поставлена под полный контроль уездных властей. Отдельный президиум горсовета было решено не создавать, так как эти функции должен был выполнять президиум угорисполкома. В президиуме выделялся «специальный товарищ» для работы в горсовете [Там же], который, таким образом, выполнял по сути обязанности председателя горсовета. В связи с тем, что одной из причин плохой работоспособности горсовета считался «громоздкий аппарат» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 312, л. 180], число членов горсовета предлагалось сократить до 150 человек. Кроме административных мер, в рамках экономического подхода фракции РКП(б) угорисполкома было поручено проработать вопрос о разграничении бюджета города и губернии [Там же, д. 507, л. 43].

В августе 1922 года по инициативе губернских партийных органов власти была проведена очередная реорганизация управления городом. 25 августа 1922 года президиум Екатеринбургского губкома партии во исполнение постановления XI съезда РКП(б) упразднил общегородской партийный комитет, передав его в непосредственное подчинение Екатеринбургскому губкому РКП(б), а уездно-городской комитет партии снова был преобразован в уездный комитет (уком) и потерял право решать городские вопросы [Там же, д. 459а, л. 89 об.].

Ситуация, когда город управлялся не из единого центра, а разными органами власти, как губернскими, так и уездными, не способствовала успешному развитию городского хозяйства, которое в середине 1922 года находилось в кризисе из-за последствий эпохи «военного коммунизма» с «ее системой собеза и бесхозяйственности» и недостаточного финансирования. Причинами тяжелого материального положения города, по мнению Екатеринбургского уездно-городского комитета РКП(б), были параллельная подчиненность коммунального хозяйства города одновременно Екатеринбургскому губисполкому и угорисполкому, а также отсутствие самостоятельного бюджета городского отдела коммунального хозяйства [Там же, д. 507, л. 47]. Это приводило к конфликту интересов, когда значи-

тельная часть городских средств изымалась губернским исполкомом для нужд губернии. В целях исправления положения предлагалось разделить губернский и уездно-городской комхозы и подчинить последний непосредственно угорсисполкому и горсовету, а также сформировать самостоятельный городской бюджет комхоза [Там же].

Осенью 1922 года происходит очередная перестройка системы управления, связанная с реорганизацией исполнительных органов власти. По постановлению губкома партии ликвидировался также и уездно-городской исполком, вместо него создавался уездный исполком, а функции угорсисполкома по управлению Екатеринбургом передавались губисполкому. При этом в составе губисполкома специальных подразделений «по городским делам» не создавалось, а все вопросы решались отделами губисполкома. Фактически губисполком полностью подменял собой горсовет, так как исполнительным органом горсовета становился губисполком. Отдельный президиум горсовета не создавался, а его функции выполнял президиум губисполкома. Выборы президиума производились на объединенном заседании пленумов горсовета и губисполкома. Руководство работой секций горсовета осуществлял ответственный секретарь губисполкома, который, одновременно являясь членом президиума горсовета, выполнял обязанности ответственного секретаря горсовета [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 459а, л. 116, 127].

Таким образом, в данный период своего существования городской совет находился в достаточно плачевном состоянии и был не способен эффективно управлять городом, являясь по существу фиктивным органом власти, поэтому основной груз по решению вопросов города и городского хозяйства ложился на плечи уездных и отчасти губернских советских и партийных органов власти.

3.2. Уральская область и реорганизация городской системы управления

В ноябре 1923 года создается обширная Уральская область, которая включила в себя Екатеринбургскую, Пермскую, Челябинскую и Тюменскую губернии. Екатеринбург получил статус областного центра, однако это событие не оказало кардинального влияния на существовавшую систему управления городом, самостоятельных органов городской власти создано не было. После создания Уральской области органы губернской власти (губком и губисполком) были упразднены. Вместо них появились окружные органы власти, которые играли существенную роль в управлении городом.

Одновременно в Екатеринбурге (позднее — Свердловске) продолжал действовать Городской совет рабочих и красноармейских депутатов, который занимался всей текущей работой по обеспечению жизни города и функционированию городского хозяйства. Непосредственное руководство горсо-

ветом осуществляли президиум и пленум горсовета [Положение о советах губернских..., 1950, с. 164]. Президиум между пленумами являлся высшим органом власти на территории города. Городской совет избирался сроком на один год. Действовавшее в то время «Положение о советах», утвержденное ВЦИК в 1922 году, не предполагало создание самостоятельного городского исполкома в совете: «Президиумы губернских и уездных исполнительных комитетов являются в то же время и президиумами городских Советов» [Там же]. Поэтому руководители города одновременно занимали руководящие позиции в окружных органах власти — окрисполкоме и окружке. Так, один из первых председателей горсовета в этот период С. И. Клепацкий одновременно занимал должность председателя Екатеринбургского (Свердловского) окрисполкома, а также был членом президиума Свердловского окружного комитета партии [ИДООСО, ф. 6. оп. 1, д. 5, л. 1]. Состав президиума горсовета утверждался окружкомом партии [Там же, д. 1624, л. 28].

Взаимоотношения горсовета с окрисполкомом и его отделами осуществлялись на основании «Положения о горсоветах» 1922 года. Отрицательный момент «Положения» состоял в отсутствии строгого разграничения полномочий и размежевания сфер деятельности между городскими советами и исполкомами [Положение о советах губернских..., 1950, с. 168]. В связи с этим управление городом осуществлялось совместно окружным исполкомом и Свердловским горсоветом. Фактически в них существовали параллельные структуры управления. Поэтому все решения, принятые на заседании пленума или президиума горсовета для придания им законодательной силы, передавались на окончательное разрешение в президиум окрисполкома [ИДООСО, ф. 6. оп. 1, д. 369, л. 25].

Эту ситуацию дублирования в управлении хорошо понимали городские власти. В отчете 1925 года о своей деятельности в адрес окружного комитета партии они в качестве недостатка в деятельности горсовета отметили «недостаточно выраженное разграничение работы между горсоветом и исполкомом, вследствие чего происходит дублирование работы, когда одни и те же вопросы подвергаются обсуждению в президиуме горсовета и окрисполкоме. В связи с этим они выступали за большую самостоятельность горсовета, считая, что ему «необходимо предоставить самостоятельные функции в работе на его территории, городской отдельный бюджет, выделения отдельного исполкома» [Там же, л. 25 об.].

Екатеринбургский городской совет VI созыва начал работать 1 декабря 1923 года. Первоочередными задачами в деятельности Горсовета на ближайшую перспективу стали организация жилищного строительства, жилищной кооперации, здравоохранения, постройка электростанции и водопровода [ИДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 480, л. 1 об.]. Все решения президиума горсовета

по вопросам коммунального хозяйства, в том числе по жилищному фонду города, утверждались окружным исполкомом [Там же, д. 334, л. 13 об.], а по наиболее значимым вопросам решения принимал окружком партии. Так, в марте 1924 года на заседании президиума Екатеринбургского окружкома было принято решение о нецелесообразности строительства в настоящий момент городского водопровода [Там же, д. 5, л. 49]. К этому вопросу окружное партийное руководство вернулось в июле 1924 года, когда был поставлен вопрос о направлении обращения в Центр «об отпуске средств на постройку водопровода в г. Екатеринбурге», с этой целью планировалось направить в Москву представителей окрисполкома [Там же, л. 138].

На постройку водопровода было потрачено 3 млн руб., из них треть средств (1 млн руб.) была предоставлена местной властью [Свердловск..., 1929, с. 65—66]. В 1928 году строительство водопровода столкнулось с трудностями в связи с дефицитом городского бюджета, поэтому было решено «просить окружком ВКП(б) через обком ВКП(б) обеспечить срочное получение из центральных и областных источников ссуды горсовету» для продолжения строительства [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 1, л. 64].

С получением Екатеринбургом статуса областного города обострился жилищный кризис. Екатеринбургский окружком РКП(б) в 1924 году констатировал в связи с этим «катастрофическое состояние жилищного вопроса в Екатеринбурге» [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 5, л. 167 об.]. Для решения проблемы, помимо мер по переселению, таких как перенос детских домов из Екатеринбурга за пределы округа, вынесение за городскую черту города некоторых учреждений и учебных заведений, принимались и экономические меры. Так, окружком РКП(б) поддержал ходатайство окрисполкома к области о выдаче городу 500 тыс. руб. на жилищное строительство [Там же.]. Однако жилищная проблема в городе носила перманентный характер. В 1927 году вновь говорится о наличии «чрезвычайного жилищного кризиса» в Свердловске [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1130, л. 189].

Следует отметить, что даже размер квартирной платы в городе утверждал окружком партии. В ноябре 1926 года ввиду «катастрофического жилищного состояния в г. Свердловске и продолжающегося еще разрушения жилищного фонда» окружком ВКП(б) принимает решение о повышении квартирной платы в городе [Там же, д. 334, л. 84].

В связи с ограниченностью городского бюджета горсовету приходилось для городского строительства и благоустройства города привлекать сторонние средства. Источниками этих средств являлись финансовые вливания со стороны окрисполкома и облисполкома в форме долгосрочной беспроцентной ссуды, а также кредиты и ссуды Центрального коммунального банка (Цекомбанка) [Там же, д. 868, л. 15]. В 1926 / 1927 хозяйствен-

ном году займы на городские нужды составили 1 млн 769 тыс. руб., а в 1927 / 1928 году — уже 4 млн 336 тыс. руб. В целом заемные средства в структуре городского бюджета составляли не менее 30 % общего дохода по бюджету [Свердловск..., 1929, с. 76, 79].

Однако имевшиеся финансовые источники далеко не всегда могли покрыть потребности города в силу их ограниченности. В связи с нехваткой местных финансов приходилось обращаться за помощью к Центру. В 1926 году для строительства в городе бани и пекарни обратились в Москву за получением кредитов, но получили отказ. Для выхода из этого затруднительного положения окружком ВКП(б) принял решение обратиться за помощью к обкому партии в их достройке, поскольку без бани и пекарни «город при его росте быть не может» [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 334, л. 32].

Городской бюджет контролировался окружными властями. Поквартальный план городского бюджета составлял окружной исполком. Основную работу по сбору городских налогов и исполнению городского бюджета осуществлял окружной финансовый отдел, а Свердловский горсовет выполнял вспомогательную роль. По результатам доклада окружного финотдела на пленуме горсовета в феврале 1925 года выяснилось, что существует необходимость значительного расширения расходной части бюджета, в особенности по коммунальному хозяйству. В связи с этим финансово-налоговой секции горсовета было поручено изыскать необходимые средства за счет увеличения доходной части бюджета [Там же, д. 1130, л. 194].

Вообще, дефицит городского бюджета был постоянной головной болью для властей. Состояние постоянного дефицита не позволяло в полной мере удовлетворять потребности города. Выход из этой ситуации горсовет видел в большем участии областного бюджета «в расходах по благоустройству города Свердловска как областного центра», а также в увеличении отчислений в пользу города от промышленного налога [Там же]. Так, в 1929 году в результате нехватки финансовых средств возникли проблемы с постройкой в городе водопровода, канализации, фабрики-кухни, новой бани, дезинфекционной камеры, прачечной, бойни [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1739, л. 5 об.].

3.3. Мероприятия центральной власти по повышению статуса городских советов

К середине 1920-х годов по инициативе центральной власти происходит организационное укрепление и расширение полномочий местных советов [Яшук, 2008, с. 17, 25—26.]. В результате в октябре 1925 года принимается «Положение о городских Советах», которое заложило фундамент советского городского самоуправления [Анимица и др., 2000, с. 79]. Оно расширяло права горсоветов в административной, финансовой и хозяйственной сферах. Городские советы как исполнительный орган власти получают право изда-

вать обязательные постановления, например, в отношении охраны общественного порядка, мер противопожарной безопасности, благоустройства города, ремонта городской инфраструктуры, здравоохранения, народного образования, организации общественного транспорта и т. п. Этим они по статусу приравняются к исполкомам различного уровня, которые имели правомочия на издание таких постановлений. Также городские советы получают полномочия в отношении городского бюджета, права на установление и взимание городских налогов и сборов, возможность управлять предприятиями, находящимися в ведении горсовета, право сдавать предприятия в аренду, создавать новые промышленные и торговые предприятия [Положение о городских советах..., 1927, с. 6, 12—13].

В соответствии с постановлением 1925 года городские советы объявлялись «высшими органами власти на территории соответствующего города или поселка» [Там же, с. 5], но в значительной степени это было лишь фикцией. В связи с тем, что основные финансовые и административные ресурсы находились в руках окружного исполкома, для решения текущих городских вопросов горсовету зачастую приходилось обращаться за помощью к окружной исполнительной власти. Городские советы во многом оставались подконтрольными местным исполнительным комитетам, так как основная работа городского совета осуществлялась отделами соответствующих исполнительных комитетов [Там же, с. 10]. По сути, городской совет, выполняющая сугубо хозяйственные функции, оставался органом с ограниченными полномочиями. В действительности многие городские вопросы продолжали решаться при непосредственном участии партийных и советских органов власти. Например, в 1927 году решение об организации в Свердловске трамвайного движения принимали окружные власти. 19 августа 1927 года президиум Свердловского окрисполкома постановил: «Учитывая, что на основе материалов предварительной разработки вопроса о сооружении трамвая в г. Свердловске, устанавливается, что сооружение трамвая будет вполне рентабельной для коммунального хозяйства, подтвердить постановление президиума окрисполкома и горсовета [...] о необходимости сооружения трамвая в Свердловске с тем, чтобы к этим работам приступить в 1927/28 гг.» [Цит. по: Пятницкий, 1947, с. 87] Это решение было подтверждено Свердловским окружкомом ВКП(б) 31 августа 1927 года, который постановил: «Признать необходимым приступить к постройке трамвая уже в будущем 1927/1928 хозяйственном году» [ЦДОСО, ф. 6, оп. 1, д. 1079, л. 231 об.].

Июльский объединенный пленум ЦК И ЦКК ВКП(б) 1926 года провозгласил курс на оживление деятельности советов путем укрепления их материальной и организационно-правовой базы [Резолюция..., 1986]. Од-

нако практическая реализация постановлений Центра о повышении самостоятельности советов и оживлении их работы происходит в 1927 году, когда начинается реальное расширение прав горсоветов.

Однако местные партийные органы «не проявили должной настойчивости» в практической реализации распоряжений центральных и областных органов власти по повышению роли советов. Такое ответственное отношение к выполнению указаний вышестоящего руководства объяснялось в том числе тем, что некоторые ответственные работники считали «существование самостоятельных городских советов делом ненужным» [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1077, л. 4 об.].

Исполняя решение центральной власти, 1 июля 1927 года президиум Уральского облисполкома в целях обеспечения необходимой самостоятельности городских советов принимает решение о создании в составе горсоветов окружных городов, в том числе в Свердловске, следующих отделов: городских коммунальных отделов (горкомхозы), отделов (или инспекций) народного образования, отделов (или инспекций) здравоохранения, управлений милиции, а также постановляет организовать в окружных городах «со значительным количеством промышленных предприятий» инспекцию труда. В рамках повышения финансовой самостоятельности горсоветов под их контроль передавалось «заведывание местными финансами, проведение государственных и местных налогов и сборов, а также контроль за полным выполнением проведения расходов по городскому бюджету» [Там же, л. 6].

Следующим шагом в этом направлении уже на излете нэпа стало принятие 7 января 1929 года изменений и дополнений к «Положению о городских советах», которые усиливали позиции горсовета в плане управления городским хозяйством. Хотя по-прежнему основная работа по обслуживанию городского хозяйства возлагалась на отделы исполкома и исполком мог вносить изменения в городской бюджет, подразделения отделов исполкома, занимавшиеся городскими вопросами, вели работу «под руководством и по заданиям президиума городского совета» [Всероссийский..., 1929]. Городской бюджет, как и прежде, составлялся окрисполкомом [ГАСО, ф. Р-6, оп. 1, д. 1739, л. 5 об.] и окончательно утверждался Свердловским окружкомом партии [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1624, л. 147].

Повышение самостоятельности городских властей имело и обратную сторону. В результате разделения окружного и городского бюджетов последний лишился финансовой поддержки со стороны округа, что создавало проблемы для городского бюджета. В результате городские власти были вынуждены апеллировать к областным властям, прося «увеличить отчисления от промналога вне зависимости от передачи налога от биржевых и внебиржевых сделок», отсрочить уплату ссуды, полученной от об-

лисполкома на строительство водопровода [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1739, л. 107]. Это обращение городского руководства к облисполкому поддержала окружная партийная власть [Там же, д. 1624, л. 154].

Осенью 1929 года Свердловск как областной центр выделяется из состава Свердловского округа и полностью переходит под юрисдикцию областных властей [ГАСО, ф. Р-28, оп. 1, д. 55, л. 27]. Одновременно партийное управление городом передавалось от Свердловского окружкома партии непосредственно Уралобкому ВКП(б) [ЦДООСО, ф. 6, оп. 1, д. 1624, л. 143].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в годы нэпа управлением Екатеринбурга-Свердловска занимался не только городской совет. В него активно вмешивались как губернские, так и уездные, а затем областные и окружные органы власти. С одной стороны, это позволяло городу решать первоочередные, насущные проблемы городского хозяйства, с другой — не всегда такое вмешательство позитивно сказывалось на развитии города. Дело в том, что у разных управленческих структур мог быть свой взгляд на главные, приоритетные направления развития города, городской инфраструктуры, на потребности городского хозяйства. В результате бюрократический торг, который мог возникать между конкурирующими властными структурами, объективно усложнял управление городом.

Постепенно в период нэпа позиция центральной власти в отношении городских советов меняется. Первоначально советы рассматривались как органы государственной власти, жестко встроенные в государственную иерархию. При этом существовал дуализм в отношении распределения властных полномочий по управлению городом. Властные полномочия по управлению городом были рассредоточены между городскими и региональными органами власти, причем административный баланс был сдвинут в пользу последних.

Однако в середине 1920-х годов в результате изменения законодательной базы происходит перераспределение властных полномочий в пользу Советов. Городские советы получают более широкие права в административной, хозяйственной и финансовой сферах, повышается их властный статус в иерархии региональной власти. Усиливается автономность административного аппарата городских советов, они получают право принимать самостоятельные решения по более широкому спектру вопросов, начинается их превращение в полноправных хозяев города.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Всероссийский* центральный исполнительный комитет. Совет народных комиссаров РСФСР Постановление от 7 января 1929 года. Об изменении и дополнении положения о городских советах [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2711.htm (дата обращения 16.09.2023).
2. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф. Р-6 (Екатеринбургский губернский отдел Рабоче-Крестьянской инспекции). Оп. 1. Д. 1739. Л. 5 об. ; ГАСО. Ф. Р-7 (Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) Оп. 1. Д. 50. Л. 13—14 ; Ф. Р-286 (Екатеринбургский городской совет народных депутатов) Оп. 1. Д. 55. Л. 27.
3. *Положение о городских советах* (утвержденное постановлением ВЦИКа от 24 октября 1925 г.) : депутатам Оренбургского Городского Совета. — Оренбург : 1-я Государственная типография Полиграфтреста, 1927. — 34 с.
4. *Положение о советах губернских, уездных и заштатных городов и посёлков городского типа* // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. — Москва : [б. и.], 1950. — С. 163—171.
5. *Программа* Российской коммунистической партии большевиков. — Москва : Книгоиздательство «Коммунист», 1919. — 24 с.
6. *Резолюция* объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Об итогах перевыборов». 20 июля 1926 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. — Москва : Политиздат, 1986. — Т. 4 : 1926—1929. — С. 36—47.
7. *Свердловск*. Справочник-путеводитель на 1929—1930 год. — Свердловск : Издание Свердловского горсовета, 1929. — 590 с.
8. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 6 (Свердловский окружной комитет ВКП(б) (1923—1930 гг.)) Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 49, 138, 167 об., Д. 334. Л. 13 об., 32, 84 ; Д. 369. Л. 25, 25 об. ; Д. 480. Л. 1 об. ; Д. 868. Л. 15 ; Д. 1077. Л. 4 об. ; Д. 1079. Л. 231 об. ; Д. 1130. Л. 189, 194 ; Д. 1624. Л. 28, 143, 147, 154 ; Д. 1739. Л. 5, 5 об., 107 ; Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б) (1919—1923)). Оп. 1. Д. 1. Л. 64 ; Д. 245. Л. 159 ; Д. 268. Л. 277 об., 289 ; Д. 459а. Л. 89 об., Д. 507. Л. 43, 47 ; Ф. 225 (Екатеринбургский уездный комитет РКП(б), г. Екатеринбург (1919—1923)). Оп. 1. Д. 154. Л. 128, 131, 133 об. Д. 312. Л. 20 об., 21, 180.

Литература

1. *Авакьян С. А.* Правовое регулирование деятельности Советов / С. А. Авакьян. — Москва : Юрид. лит, 1974. — 231 с.
2. *Алещенко Н. М.* Московский Совет в 1917—1941 гг. / Н. М. Алещенко. — Москва : Наука, 1976. — 591 с.
3. *Ананов И. Н.* Местные органы советской власти / И. Н. Ананов. — Москва, Ленинград : Гос. изд-во, 1925. — 55 с.
4. *Андреев В. П.* Руководство Коммунистической партии городскими советами РСФСР (1926—1937 гг.). — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. — 227 с. — ISBN 5-7511-0359-9.
5. *Анимица Е. Г.* Основы местного самоуправления / Е. Г. Анимица, А. Т. Тертышный. — Москва : ИНФРА-М, 2000. — 208 с. — ISBN 5-16-000134-4.
6. *Аскеров А. А.* Очерки советского строительства / А. А. Аскеров. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1953. — 368 с.

7. *Барабашев Г. В.* Советское строительство / Г. В. Барабашев, К. Ф. Шеремет. — Москва : Юрид. лит., 1988. — 560 с.
8. *Валиева Э. Р.* Деятельность Казанского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов в 1920—1930-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Э. Р. Валиева. — Казань, 2006. — 194 с.
9. *Воробьев С. В.* Организация городской власти в Екатеринбурге-Свердловске (ноябрь 1923 г. — октябрь 1930 г.) / С. В. Воробьев // Уральский исторический вестник. — 2023. — № 3. — С. 45—54. — DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-45-54.
10. *Грамолин А. И.* Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург. История городской власти (1920—2005) : док.-публ. очерки. / А. И. Грамолин, Э. А. Коридоров, Я. П. Силин. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2005. — 255 с. — ISBN 5-93714-009-5.
11. *Корепанова С. А.* Павел Михайлович Быков / С. А. Корепанова, В. П. Микитюк // Главы городского самоуправления Екатеринбурга : исторические очерки. 2-е издание, дополненное. — Екатеринбург : ИД «СОКРАТ», 2008. — С. 170—171.
12. *Лепешкин А. И.* Советы — власть трудящихся. 1917—1936 / А. И. Лепешкин. — Москва : Юрид. лит., 1966. — 575 с.
13. *Михайлов Г. С.* Местное советское управление / Г. С. Михайлов. — Москва : Изд-во Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1927. — 464 с.
14. *Пятницкий А. Н.* К истории Екатеринбурга-Свердловска периода 1917—1941 гг. / А. Н. Пятницкий // Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. — Свердловск : тип. изд-ва "Урал. рабочий", 1947. — С. 62—106.
15. *Сапожников А.* Екатеринбург-Свердловск (1917—1989) / А. Сапожников // Екатеринбургская городская Дума. 225 лет : история и современность. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. — С. 96—121. — ISBN 978-5-7851-0776-2.
16. *Сухарев А. А.* Власть и общество зауральского города в условиях нэпа 1921—1929 годы (на материалах Тюмени) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. А. Сухарев. — Тюмень, 2014. — 241 с.
17. *Сухарев А. А.* Состав Тюменского городского Совета в годы нэпа / А. А. Сухарев // Казанская наука. — 2014. — № 9. — С. 43—50.
18. *Яшук Т. Ф.* Организационные основы местной власти в РСФСР в период нэпа (историко-правовое исследование) : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Т. Ф. Яшук. — Москва, 2008. — 41 с.
19. *Яшук Т. Ф.* Организация местной власти в РСФСР. 1921—1929 / Т. Ф. Яшук. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. — 592 с. — ISBN 978-5-7779-0771-4.

*Статья поступила в редакцию 04.10.2023,
одобрена после рецензирования 01.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.*

Material resources

All-Russian Central Executive Committee. Council of People's Commissars of the RSFSR Resolution of January 7, 1929. On changing and supplementing the regulations on city councils. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2711.htm (accessed 16.09.2023). (In Russ.).

GASO — State Archive of the Sverdlovsk region. F. R-6 (Yekaterinburg Provincial Department of Worker's and Peasant's Inspection). F. R-7 (Yekaterinburg Provincial Exec-

- utive Committee of Soviets of Workers, Peasants and Red Army Deputies*; F. R-286 (Yekaterinburg City Council of People's Deputies). (In Russ.).
- Regulations on city councils (approved by the resolution of the Central Executive Committee of October 24, 1925): to the deputies of the Orenburg City Council.* (1927). Orenburg: 1st State typolithography of Polygraphrest. 34 p. (In Russ.).
- Regulations on the councils of provincial, county and provincial towns and urban-type settlements. (1950). In: *Collection of legalizations and orders of the worker's and peasants' government for 1922. Department one.* Moscow: [b. i.]. 163—171. (In Russ.).
- Resolution of the joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU (b) “On the results of reelections”. July 20, 1926. (1986). In: *The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee, 4: 1926—1929.* Moscow: Politizdat. 36—47. (In Russ.).
- Sverdlovsk. Reference guide for 1929—1930.* (1929). Sverdlovsk: Edition of the Sverdlovsk City Council. 590 p. (In Russ.).
- The program of the Russian Communist Party of the Bolsheviks.* (1919). Moscow: Publishing house “Communist”. 24 p. (In Russ.).
- TSDOOSO — *Documentation Center of public organizations of the Sverdlovsk region. F. 6 (Sverdlovsk District Committee of the CPSU(b) (1923—1930)).* (In Russ.).

References

- Aleshchenko, N. M. (1976). *The Moscow Soviet in 1917—1941.* Moscow: Nauka. 591 p. (In Russ.).
- Ananov, I. N. (1925). *Local bodies of Soviet power.* Moscow, Leningrad: State Publishing House. 55 p. (In Russ.).
- Andreev, V. P. (1990). *Leadership of the Communist Party by the city Councils of the RSFSR (1926—1937).* Tomsk: Publishing House Vol. un-ta. 227 p. ISBN 5-7511-0359-9. (In Russ.).
- Animitsa, E. G., Tertyshny, A. T. (2000). *Fundamentals of local self-government.* Moscow: INFRA-M. 208 p. ISBN 5-16-000134-4. (In Russ.).
- Askerov, A. A. (1953). *Essays on Soviet construction.* Moscow: Publishing house of Moscow. un-ta. 368 p. (In Russ.).
- Avakian, S. A. (1974). *Legal regulation of the activity of Soviets.* Moscow: Yurid. Lit. 231 p. (In Russ.).
- Barabashev, G. V., Sheremet, K. F. (1988). *Soviet construction.* Moscow: Yurid. lit. 560 p. (In Russ.).
- Gramolin, A. I., Koridorov, E. A., Silin, Ya, P. (2005). *Yekaterinburg — Sverdlovsk — Yekaterinburg. The history of city government (1920—2005): doc.-publ. essays.* Yekaterinburg: Wednesday.- Ural. Publishing house. Novoye vremya. 255 p. ISBN 5-93714-009-5. (In Russ.).
- Korepanova, S. A., Mikityuk, V. P. (2008). Pavel Mikhailovich Bykov. In: *Heads of Yekaterinburg city self-government: historical essays. 2nd edition, expanded.* Yekaterinburg: Publishing House “SOCRATES”. 170—171. (In Russ.).
- Lepeshkin, A. I. (1966). *Soviets — the power of workers. 1917—1936.* Moscow: Legal lit. 575 p. (In Russ.).
- Mikhailov, G. S. (1927). *Local Soviet administration.* Moscow: Publishing House of Communes. Y. M. Sverdlov University. 464 p. (In Russ.).

- Pyatnitsky, A. N. (1947). On the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk of the period 1917—1941. In: *Materials of the first scientific conference on the history of Yekaterinburg-Sverdlovsk*. Sverdlovsk: type. publishing house “Ural. Worker”. 62—106. (In Russ.).
- Sapozhnikov, A. (2012). Yekaterinburg-Sverdlovsk (1917—1989). In: *Yekaterinburg City Duma. 225 years: history and modernity*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 96—121. ISBN 978-5-7851-0776-2. (In Russ.).
- Sukharev, A. A. (2014). The composition of the Tyumen City Council during the years of the NEP. *Kazan Science*, 9: 43—50. (In Russ.).
- Sukharev, A. A. (2014). *The power and society of the Trans-Ural city in the conditions of the NEP 1921—1929 (based on the materials of Tyumen)*. PhD Diss. Tyumen. 241 p. (In Russ.).
- Valieva, E. R. (2006). *Activity of the Kazan City Council of Worker's and Red Army deputies in the 1920s—1930s*. PhD Diss. Kazan. 194 p. (In Russ.).
- Vorobyov, S. V. (2023). Organization of city government in Yekaterinburg-Sverdlovsk (November 1923 — October 1930). *Ural Historical Bulletin*, 3: 45—54. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-45-54. (In Russ.).
- Yaschuk, T. F. (2007). *Organization of local government in the RSFSR. 1921—1929*. Omsk: Publishing House of OmSU. 592 p. ISBN 978-5-7779-0771-4. (In Russ.).
- Yaschuk, T. F. (2008). *Organizational foundations of local government in the RSFSR during the NEP period (historical and legal research)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 41 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.10.2023;
approved after reviewing 01.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Емтыль З. Я. Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века / З. Я. Емтыль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 390—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-390-408.

Emtyl, Z. Ya. (2023). Resettlement of Foreign Subjects to North-Western Caucasus in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 390-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-390-408. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-390-408

Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века

Емтыль Зарема Январбиевна
orcid.org/0000-0002-5383-5584
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории
и социальных коммуникаций
adg1070@gmail.com

Кубанский государственный
технологический университет
(Краснодар, Россия)

Resettlement of Foreign Subjects to North-Western Caucasus in Second Half of 19th Century

Zarema Ya. Emtyl
orcid.org/0000-0002-5383-5584
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Social Communications
adg1070@gmail.com

Kuban State
Technological University
(Krasnodar, Russia)

© Емтыль З. Я., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье осуществлен комплексный анализ процесса переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века. Исследование основано на анализе широкого круга вопросов: от причин данного процесса, его правового обеспечения, выявления основных миграционных потоков до хода переселения и анализа его результатов. Автор приходит к выводу о том, что переселение иностранных подданных было инициировано российскими властями в рамках решения масштабных государственных задач по заселению обширной территории. Отмечается, что данная территория была освобождена от горцев для ее заселения лояльным по отношению к российской государственности населением и хозяйственного освоения региона. Показано, что со стороны российских властей данный процесс обеспечивался соответствующими законодательными актами и мерами материальной поддержки мигрантов. Утверждается, что переселение на Северо-Западный Кавказ иностранных подданных оказало значительное влияние на хозяйственное развитие региона. Особое внимание уделено вопросу адаптации переселенцев на новом месте жительства. Делается вывод о том, что их природно-производственная адаптация происходила интенсивнее, нежели социально-этническая.

Ключевые слова:

мигранты; миграционные потоки; Кубанская область; Северо-Западный Кавказ; Черноморский округ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article provides a comprehensive analysis of the process of resettling foreign subjects to the North-Western Caucasus in the latter half of the 19th century. The study is based on a wide range of issues, from the reasons for this process, its legal framework, identification of major migration flows, to the course of resettlement and analysis of its results. The author concludes that the resettlement of foreign subjects was initiated by the Russian authorities as part of solving large-scale state tasks of settling a vast territory. It is noted that this territory was cleared of mountain people to be settled by populations loyal to Russian statehood and to develop the region's economy. It is shown that on the part of the Russian authorities, this process was ensured by corresponding legislative acts and measures of material support for migrants. It is claimed that the resettlement of foreign subjects to the North-Western Caucasus had a significant impact on the economic development of the region. The author pays special attention to the issue of adaptation of resettlers in their new place of residence. The conclusion is drawn that their natural-productive adaptation occurred more intensively than their socio-ethnic adaptation.

Key words:

migrants; migration flows; Kuban region; North-Western Caucasus; Black Sea district.

Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века

© Емтыль З. Я., 2023

1. Введение = Introduction

Северо-Западный Кавказ является многонациональным и поликонфессиональным регионом со сложной этнополитической и социальной структурой, что несет в себе угрозу возникновения серьезных межнациональных проблем. Выработка региональной политики, направленной на их предотвращение, предполагает не только постоянный мониторинг текущего состояния этнополитической и этносоциальной ситуации, но и обращение к историческому прошлому проживающих на территории региона этнических групп с осмыслением опыта их взаимодействия и социокультурных особенностей. Учитывая тот факт, что значительный удельный вес среди них составляют переселенные этнические группы иностранного происхождения, актуальность приобретает изучение истории переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ, проводившегося организованно во второй половине XIX века.

Исследование имеет и историографическую значимость, обусловленную как общим ростом внимания в отечественной исторической науке к проблеме переселения в пределы Российской империи иностранных подданных, так и отсутствием комплексности в ее изучении. В отечественной науке первый опыт изучения переселения иностранцев относится к последней трети XIX века и в основном отражает процесс переселения в регионы с наибольшей численностью иностранного населения, таких как Поволжье, Украина и Закавказье. В то же время вне научного внимания оставался процесс переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ, имевший во второй половине XIX века значительные масштабы.

Начало изучения истории переселения иностранцев на Северо-Западный Кавказ было связано с появлением ряда публикаций в краеведческих изданиях [Твалчрелидзе, 1886; Кириченко, 1900; Городецкий, 1915 и др.]. Их авторы на основе собранных самостоятельных наблюдений представили богатый фактический материал о хозяйственно-экономической деятельности, духовной и материальной культуре наиболее крупных этнических групп иностранного происхождения. В целом для дореволюционной историографии проблемы характерно преобладание исторического нарратива,

интереса к истории моноэтнических и смешанных греческих и немецких поселений.

В советской науке история переселения иностранцев на Северо-Западный Кавказ длительное время не попадала в сферу исследовательского внимания: научный интерес к данной проблеме возродился в 70-х годах XX века. Среди комплекса работ этого периода особый интерес представляет исследование С. А. Чекменева [Чекменев, 1971]. На основе анализа численности иностранных колонистов в Центральном Предкавказье, данных об их хозяйственном и бытовом укладе он пришел к выводу о том, что в первой половине XIX века иностранные переселенцы не сыграли заметной роли в экономическом развитии края из-за своей национальной замкнутости.

Значительный рост научного интереса к проблеме переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ имел место в постсоветский период и был связан с возрастанием роли региональной истории в системе отечественного исторического знания, а также с процессами возрождения, которые охватили как автохтонные этносы Северного Кавказа, так и этнические диаспорные группы.

Характеризуя сложившуюся историографию проблемы, следует отметить, что на уровне специальных исследований, обобщающих историю переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ, она только начала свое оформление [Кубашичева, 2010; Зейналова, 2013]. Широтой источниковой базы и комплексностью анализа отличается исследование И. А. Тверитинова [Тверитинов, 2009]. На основе изучения численности переселенцев, их хозяйственной деятельности и интеграционного потенциала он пришел к выводу о том, что переселенческая политика в отношении Черноморского побережья в целом оказалась неэффективной.

Следует отметить, что в отечественном кавказоведении сформировался большой пласт исследований, посвященных возникновению и развитию отдельных диаспорных групп в регионе. При этом научный интерес к проблемам переселения на Северо-Западный Кавказ различных этнических групп мигрантов распределяется крайне неравномерно. Большой интерес исследователями был проявлен к истории немецких переселенцев на Северном Кавказе на фоне общего бума российско-германских исследований истории немцев в России [Алексеев, 1995; Плохотнюк, 2001; Юракова, 2007, 2009 и др.].

В самостоятельную исследовательскую тему оформилась история греческих поселений на Северо-Западном Кавказе. В работах по данной теме содержится достаточно подробный анализ социальной структуры, расселения и численности греческого населения, его хозяйственной деятельно-

сти [Дмитриев, 1997; Волкова, 2000 и др.]. При этом значительная часть публикаций носит характер историко-этнографических исследований.

Наряду с исследованиями наиболее крупных диаспорных групп на Северо-Западном Кавказе в последние годы возник интерес к изучению малочисленных групп переселенцев: болгар, чехов и др. [Домашек, 2005; Матвеев, 2008; Птицын, 2011; Бурыкина, 2017 и др.].

Проблема взаимосвязи переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ с российской национально-государственной политикой нашла отражение в исследовании Я. В. Рокачевой [Рокачева, 2012]. Она, в частности, отметила, что значимым аспектом национальной политики России после завершения Кавказской войны было активное привлечение на Северо-Западный Кавказ, и в первую очередь в Причерноморье, нерусских христиан. При этом действия властей в данном направлении зачастую были противоречивы и непоследовательны.

Важным научно-практическим аспектом сложившейся историографической проблемы в таком многонациональном регионе, как Кавказ, стало изучение сложных этносоциальных, этнокультурных и демографических процессов, вызванных масштабным заселением иностранными подданными северокавказского региона [Зейналова, 2013]. Наиболее значительным из них, по мнению исследователей, являлся процесс взаимовлияния культур, который проявлялся во взаимном обогащении опытом, знаниями в разных сферах жизнедеятельности.

В качестве основных демографических последствий переселения исследователи указывают формирование различных по численности, социальному составу, уровню инкорпорации в хозяйственную жизнь и общественную среду диаспорных групп, еще более усложнивших социальную и национальную структуру северокавказского общества.

Проведенный историографический анализ показал, что проблема переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ на обобщающем уровне находится в стадии своего оформления. Тем не менее отдельные ее составляющие получили осмысление в работах по самому широкому кругу проблем: формирование и развитие отдельных диаспорных групп; российская национально-государственная политика и развитие демографических процессов в регионе.

Достигнутый уровень разработки проблемы обусловил цель данной статьи — осуществление комплексного исследования процесса переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ, основанного на анализе разнообразных факторов, определивших его характер, масштабы, а также влияние на хозяйственное, социокультурное и демографическое развитие региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование основано на привлечении широкого круга исторических и историографических источников. Совокупность привлеченных источников можно разделить на несколько основных групп. Обширную группу составили законодательные акты: уставы, положения, манифесты, — которые позволили проанализировать политику российских властей по вопросу переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ, включая условия переселения, правовой статус переселенцев, систему предоставляемых им льгот и привилегий.

Отдельную группу источников составили документы текущего делопроизводства: переписка государственных органов и учреждений, должностных лиц, отчеты, — представляющие собой обширную базу для реконструкции процессов, связанных с действиями властей по привлечению иностранных переселенцев, географии их размещения, организации их хозяйственной деятельности.

С учетом характера исследуемой проблемы большое значение приобрели статистические источники, позволившие проследить динамику развития переселенческого движения, включая сведения о численном, национальном и конфессиональном составе мигрантов. Особую группу историографических источников составили очерки и заметки исследователей, являвшихся современниками событий и запечатлевших их в своих произведениях [Верещагин, 1874; Твалчредидзе, 1886; Городецкий, 1915].

Сформированный корпус источников представляет адекватный для осуществления комплексного исследования проблемы переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века.

В рамках данной работы применялись различные подходы и методы. Основопологающее значение при проведении исследования имел системный подход, который позволил осуществить комплексный анализ проблемы переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ в сложной взаимосвязи разнообразных политических, социально-экономических, демографических и социокультурных факторов, влиянию которых оно было подвержено.

Исследование непростого, порой противоречивого переселенческого процесса в рассматриваемом регионе, необходимость придания ему логической целостности определили широкое применение проблемно-хронологического, историко-генетического методов и ценностного подхода. Думается, что исследование процесса переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ во второй половине XIX века на обозначенных теоретико-методологических основаниях создаст возможность для его комплексной реконструкции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ

Российская империя, традиционно расширяясь вдоль своих границ, одним из надежных инструментов органичного «вписания» новых территорий рассматривала интенсивность их заселения. Не являлась в этом отношении исключением территория Северо-Западного Кавказа. Уже после подписания Кучук-Кайнаджирского мира были предприняты первые шаги для осуществления организованной военно-казачьей колонизации [Короленко, 1911] этого обширного региона. Массовое заселение и хозяйственное освоение Кубани христианским славянским населением было продолжено в XIX веке и приняло грандиозные масштабы. Оно было связано со стремлением царского правительства к покорению горцев и надежному закреплению за собой присоединенных земель. Это определило в основном военно-казачий характер заселения края в первой половине XIX века. Однако по мере завершения Кавказской войны становилось очевидным, что возможностей военно-казачьей колонизации недостаточно. В этой связи российские власти стали активно использовать возможности переселения иностранных подданных христианского вероисповедания.

Законодательная основа переселения иностранцев в Россию была заложена «Правилами для принятия и водворения иностранных колонистов», изданными 20 февраля 1804 года и ориентированными на немецких переселенцев. В соответствии с документами к водворению допускались лишь опытные земледельцы, садоводы, скотоводы, а также мастеровые и все полезные в сельском быту ремесленники. Переселенцам предоставлялись 60 десятин земли, ссуда в размере 300 рублей на обзаведение хозяйством на новом месте, а также свобода от платежа податей, повинностей на 10 лет, воинской и гражданской службы [Правила для принятия..., т. 28, 1830, с. 139].

К переселению немецких крестьян подталкивали многочисленные войны, разорявшие немецкие земли, а также преследования по религиозным мотивам. Тем не менее на Северо-Западный Кавказ они не спешили в связи ведением в регионе военных действий. Только в 1852 году в северной части Кубани были основаны два первых немецких поселения Александерфельд и Михельсталь на берегу Азовского моря и Ейского лимана [Городецкий, 1915, с. 17].

По мере расширения масштабов переселения иностранных подданных требовалось совершенствование законодательной базы, обеспечивавшей этот процесс. В 1857 году права иностранных переселенцев были определены «Уставом о колониях иностранцев в Империи». В ст. 120 отмечалось: «Все поселенные в России колонисты пользуются свободой в отправлении

веры», — что являлось чрезвычайно важным для иностранных переселенцев, зачастую выбиравших местом жительства Россию по причине религиозных притеснений на предыдущем месте. 4-й раздел Устава подтверждал, что все поселенные в России колонисты с их потомством освобождаются навсегда от рекрутской повинности. Также менониты, к которым относились немецкие переселенцы Северо-Западного Кавказа, освобождались от налогов и сборов сроком на 10 лет при условии принятия российского подданства [Устав о колониях..., т. XII, ч. 2, 1857, с. 445, 449, 450].

Развитие законодательства о колониях иностранцев в России способствовало расширению масштабов немецкого переселения. В 1863 году на Кубань переехали 47 немецких семей [ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 291, л. 1]. В Баталпашинском отделе Кубанской области в этом же году немецкими переселенцами-менонитами было основано поселение Вольдемфюрст. В 1867 году в Кубанскую область прибыла новая партия немцев в количестве 140 дворов, которая основала новое немецкое поселение — Семёновское. В 1868 году на левобережье Кубани 80 семей немецких переселенцев основали селение Эйгенфельд. В 1869 году в версте от нее 50 немецких семейств основали поселение Розенфельд, а в 1871 году было основано поселение Александерфельд [Городецкий, 1915, с. 18—19]. Основание немецких поселений на Северо-Западном Кавказе способствовало распространению в регионе более развитых сельскохозяйственных технологий, позволявших даже на маленьких земельных участках производить значительный объём сельхозпродукции.

3.2. Трудности освоения черноморского побережья Северного Кавказа

Если заселение степной части Северо-Западного Кавказа происходило достаточно быстро, то освоение Черноморского побережья было связано с большими трудностями. Особенно остро вопрос о заселении Причерноморья встал на завершающем этапе Кавказской войны и был связан с массовым выселением адыгов с Черноморского побережья и нежеланием казаков селиться в непривычных для них суровых горных условиях. Осуществляя колонизацию прибрежной части, российские власти руководствовались главной стратегической целью вытеснить переселенцами «туземных жителей черкесских племен» и не обращали внимания на удобство обустройства казачьих станиц в горной местности и отсутствие у казаков опыта ведения хозяйственной деятельности в подобных ландшафтных условиях. По понятным причинам казаки не желали покидать ранее обустроенные места жительства и переселяться в горы. Однако местное начальство «гнало их насильно в те места, которые были уже им назначены для постоянного места жительства» [Короленко, 1911, с. 395]. Современ-

ник событий Н. Шавров отмечал, что адыгские аулы, «население которых считалось сотнями тысяч, находили здесь безбедное существование, тогда как теперь население не достигает и 20 тысяч и ... бедствует посреди богатейшей и плодоносной страны» [Шавров, 1886, с. 40].

В сложившейся ситуации процесс заселения Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа потребовал от российских властей поиска иных решений, чем в равнинной и предгорной частях региона. Если до середины XIX века гражданское население, за исключением г. Ейска, не имело права селиться на территориях Северо-Западного Кавказа и все поселенцы должны были записываться в Кубанское казачье войско, то в начале 60-х годов XIX века правительство решило увеличить численность населения за счет лиц невойскового сословия, в том числе иностранцев.

Для хозяйственного освоения черноморского побережья необходимы были люди, привыкшие к прибрежному климату и, что не менее важно, политически благонадежные. Данным требованиям, по мнению российских властей, отвечало христианское население Османской империи. Исходя из этого понимания, 27 февраля 1862 года император Александр II утвердил Положение Особого комитета, которым были определены условия переселения христиан из Турции: армян, греков, казаков-некрасовцев и др. В отличие от немецких переселенцев они переезжали без предоставления гражданства. Для выдачи пособий самым бедным из них Комитет выделял Наместнику на Кавказе 10 000 рублей [Акты..., 1883, с. 1381].

Подавляющее большинство переселенцев армян и греков являлись выходцами из Трапезундского вилайета Османской империи. По справедливому замечанию И. А. Тверитинова, наиболее благоприятным условием для них являлось поселение в таком месте, где они могли, применив знакомые приемы хозяйствования, в кратчайший срок достигнуть обеспечения своего существования [Тверитинов, 2009, с. 20]. В этой связи амшельские армяне и греки охотно переселялись на Черноморское побережье, которое по природно-климатическим условиям было схоже с местами их прежнего проживания.

Первое греческое поселение было основано в 1862 году вблизи г. Анапы на месте заброшенной станицы Витязевской. В 1864 году греческие переселенцы основали селение Мерчан (Мерчанское), а также компактные поселения в районе Туапсе. В этом же году амшельские армяне создали первое поселение — селение Армянское Шапсухо (совр. Тенгинка).

Усилия российских властей по привлечению турецкоподданных христиан были продолжены и в последующие годы. Большое влияние на заселение Черноморского побережья и гражданское строительство оказало Высочайше утвержденное 10 марта 1866 года «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным». Согласно этому акту в состо-

ание сельских обывателей Черноморских прибрежных поселений могли вступить «иностранные поселенцы христианских вероисповеданий по особому каждый раз разрешению Наместника Кавказского» [Положение о заселении..., т. 41, 1868, с. 238].

В целях активизации переселения мигрантам-христианам предоставлялись льготы по уплате пошлин, на право торговли, рыбной ловли и т. п. Наиболее важными льготами были освобождение от уплаты податей, от отправления денежной и рекрутской повинностей сроком на 15 лет [Там же, с. 240—241]. Стремление российского правительства к широкому переселению в Причерноморье христиан из Турции усиливалось в связи с результатами работы присланной из Тифлиса комиссии, обследовавшей быт русских переселенцев и пришедшей к выводу о том, что «русский человек не способен удовлетворить требованиям культуры рассматриваемого края» [Верещагин, 1874, с. 188].

Первый большой поток амшенских армян в количестве 100 семей переселился на Черноморское побережье в 1866 году [Минасян, 1977, с. 64—73]. В 70-х годах XIX века — начале XX века во владениях выселенных с побережья адыгских племен шапсугов и натухайцев был основан целый ряд колоний армян [Леонтьев, 1899, с. 48]. Однако наибольшее количество армян в Кубанской области селилось в Армавире и Екатеринодаре.

Более значительные масштабы в 60-е годы XIX века имело переселение греков. 17 мая 1866 года на имя помощника командующего войсками Кубанской области был подан рапорт о водворении 60 семейств анатолийских греков на месте бывшего укрепления Кабардинского [ТАКК, ф. 574, оп. 1, д. 509, л. 3]. Греческих переселенцев размещали на свободных войсковых землях для того, чтобы сформировать представление об их возможной пользе войску. В результате было установлено, что табаководство у греков было развито («до видимых полезных результатов»). Торговый оборот от этой отрасли составлял до 70 тысяч рублей серебром, и грекам было предложено из арендаторов перейти в «поселенское звание» и получить 800 десятин войсковой земли, по 5 десятин на душу [Там же, лл. 4, 15, 15 об].

Принятие законодательных актов, регламентировавших условия переселения иностранных подданных, способствовало образованию на Черноморском побережье не только поселений турецких греков и армян, но и чехов — выходцев из Австро-Венгерской империи. Переселение последних было вызвано общим для всех переселенцев комплексом причин: национальным гнетом со стороны австро-венгерских властей; нехваткой земли, которую, по распространенному тогда в Европе мнению, можно было получить в России. Важную роль в привлечении чешских переселенцев на Северо-Западный Кавказ сыграл окружной агроном Черноморской гу-

бернии Ф. Гейдук, являвшийся поданным Австро-Венгерской империи и чехом по происхождению. Активно содействовали переселению чехов на Северный Кавказ славянские комитеты в Москве и Санкт Петербурге.

Главным районом расселения чехов было Черноморское побережье. Обустройство на новом месте требовало существенных ресурсов, которыми мигранты не располагали. Поэтому большое значение имела поддержка австро-венгерского правительства через Чешское общество, созданное в Черномории. Через него переселенцы получили необходимый инвентарь, денежные пособия, посевной материал, одежду и т. п. [ТАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, л. 139 об, 140].

В 1868 году чехами-мигрантами были образованы две деревни на Георгиевских хуторах, за Туапсе [Там же]. Вслед за ними были основаны и другие поселения с чисто чешским и этнически смешанным населением: Варваровка, Павловка, Мефодиевка, Кириловка, Глебовка и Владимировка.

Чешские переселенцы внедрили в хозяйственную жизнь региона некоторые передовые земледельческие технологии, например, удобрение полей и легкий плуг, наиболее приспособленный к местным почвам. С чешскими переселенцами было связано и развитие пивоварения на Северо-Западном Кавказе. Одним из крупнейших промышленных предприятий в Екатеринодаре был чугунолитейный завод чеха К. Гусника. Чехи принимали активное участие и в общественной жизни региона. Первым городским головой г. Новороссийска, много сделавшим для развития Черноморского округа, в 1896 году был избран чех М. Пенчул [Там же, с. 66]. Стоит отметить, что немало кавказских чехов приняло православие [Птицын, 2011, с. 64] как в силу приверженности русской культуре, так и исходя из перспектив карьерного роста.

Наряду с чехами на Северо-Западный Кавказ мигрировали незначительные группы представителей и других славянских народов Австро-Венгерской империи: словаки, словенцы, венгры и др. Однако полноценно реконструировать их численность и организацию жизни на новом месте не представляется возможным.

Среди иностранных мигрантов были и болгары из Центральной Болгарии. Они быстро адаптировались на новом месте жительства и стали заниматься привычными для себя огородничеством, садоводством и пчеловодством. Благодаря им местные жители начали возделывать новые для себя овощные культуры: кабачки, баклажаны, сладкий перец.

Таким образом, переселение иностранных подданных на Черноморское побережье имело значительные масштабы. Результаты обследования Черноморской губернии, проведенного в конце XIX века, обнаружили, что из 20 селений, образованных в 1860—1880-х годах в Сочинском округе,

17 селений были с нерусским населением и только три — с русским [Краевский, 1897, с. 13—14].

3.3. Переселение иностранных подданных: ожидания и реальность

Важно отметить, что политика российских властей в отношении переселения на Северо-Западный Кавказ иностранцев христианского вероисповедания под влиянием политических и социально-экономических факторов претерпела серьезные изменения. Прибегая к переселению христиан-переселенцев, российские власти в первую очередь стремились за их счет ускорить хозяйственное освоение Черноморского побережья. Однако в отчете Главного Кавказского Начальства за 1881 год была признана в целом неуспешность мер, принятых для заселения края [Там же, 22].

Целый ряд документов текущего делопроизводства свидетельствует о том, что российская администрация на Кавказе не была удовлетворена результатами приложенных усилий к организации колоний иностранных подданных. На переселение в основном решалась наиболее обездоленная часть малоазийских греков и армян. Властям постоянно приходилось предоставлять им различную помощь: обеспечивать в зимнее время продовольствием, предоставлять деньги на приобретение строительных материалов и т. п., что было обременительно для казны [ГАКК, ф. 767, оп. 1, д. 2, л. 4—4 об.].

Следует отметить, что проблема эффективности переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ на протяжении уже более полутора столетий продолжает носить дискуссионный характер. Тем не менее смену переселенческой политики российских властей вряд ли возможно связывать с преобладающей ролью факторов социально-экономического порядка. Она находилась в прямой зависимости от текущей политической конъюнктуры.

На рубеже 80—90-х годов XIX века для российской национальной политики была характерна установка на ассимиляцию инородческого населения [Емтыль, 2010, с. 73—74]. Иностранные же поселенцы демонстрировали культурную замкнутость, приверженность своим традициям и нежелание интегрироваться в российское социокультурное пространство. По результатам обследования греческих и армянских поселений в Черноморском округе М. А. Краевский писал, что в них после 25 лет жизни на русской территории «не слышно русской речи, и это в округе, составляющем нашу окраину, где не только желательно иметь прочное, чисто русское население, но даже необходимо на случай каких-либо политических осложнений» [Краевский, 1897, с. 15].

Не могло не беспокоить власти и то, что значительная часть переселенцев предпочитала оставаться в прежнем подданстве. В частности, 80 %

греков, проживавших в Кубанской области, являлись турецкоподанными [Белозеров, 2005, с. 47], а из 322 болгар, проживавших в Кубанской области, 276 являлись болгарскими поданными. Этническую замкнутость демонстрировали и жители немецких колоний, которые равномерно были распределены по всей Кубанской области. Они сохраняли приверженность немецкому языку и традициям, не вступали в браки с представителями других национальностей и поддерживали тесные контакты только с другими немецкими поселениями.

В результате российские власти предприняли ряд шагов по ограничению переселения и прав иностранцев. В 1889 году был прекращен прием в поселяне Черноморского округа греков и армян, даже при условии их перехода в российское подданство. На смену законодательным актам 60—70-х годов XIX века, стимулировавшим переселение на Кавказ турецкоподанных армян и греков, в 1889, 1891, 1898 годах был издан ряд документов, которые затрудняли их переселение и, более того, предписывали выселение их обратно в Османскую империю [РГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 55, л. 53—55].

В известной степени масштабы переселения иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ обобщают данные Первой Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 году. Согласно ей на территории Кубанской области проживало немцев — 20 778 чел., греков — 20 137 чел., в городах области армян — 7 578 чел.; в Черноморской губернии армян — 6285 чел., греков — 5969, чехов 1200, немцев — 748, турок — 650 [Первая всеобщая перепись..., 1905, вып. 7, с. 6—7]. Таким образом, наиболее значительными группами иностранных переселенцев на территории Кубанской области были немцы (1,08 % от всего населения) и греки (1,05 %). Несколько отличная картина сложилась в Черноморской губернии. Преобладающими группами проживающих иностранцев здесь были армяне (10,93 %) и греки (10,38 %).

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ было инициировано российскими властями в рамках решения масштабных государственных задач по заселению обширной территории, освобожденной от горцев, христианским, лояльным в отношении российской государственности населением и по хозяйственному освоению региона. В свою очередь, иностранцев к переселению подталкивал ряд общих для всех причин: национальные и религиозные гонения в странах проживания, острая земельная нужда, тяжелое налоговое бремя.

Со стороны российских властей переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ обеспечивалось соответствующими законодательными актами и мерами материальной поддержки. Вместе с тем процесс переселения российские власти обставляли большим числом бюрократических правил и проволочек, которые, с одной стороны, тормозили переселение иностранцев, а с другой — позволяли властям держать его под контролем.

Переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ оказало значительное влияние на складывание в регионе новых для российской экономики отраслей сельского хозяйства и промышленного производства. Однако в целом в хозяйственном освоении региона оно не играло заметной роли. Количество иностранных переселенцев было незначительным. К тому же среди них преобладали наиболее обездоленные слои населения, нуждавшиеся в постоянном предоставлении российскими властями различной материальной и финансовой помощи, что было обременительно для государственной казны.

Не оправдало переселение иностранцев и возлагавшихся на него национально-государственных задач. Иностранцы демонстрировали культурную замкнутость, приверженность своим традициям и нежелание интегрироваться в российское социокультурное пространство.

Если с середины XIX века до начала 80-х годов переселение иностранных подданных на Северо-Западный Кавказ осуществлялось под руководством российских властей и являлось частью целенаправленной национально-государственной политики, то в последующие годы происходила преимущественно стихийная миграция иностранцев, в отношении которой российские власти принимали сдерживающие меры, что предопределило незначительный процент иностранных переселенцев в общей структуре жителей Северо-Западного Кавказа.

Важным аспектом рассматриваемой темы является вопрос адаптации переселенцев на новом месте жительства. В этой связи следует отметить, что их природно-производственная адаптация происходила интенсивнее, нежели социально-этническая. В ходе переселения значительная часть иностранцев демонстрировала незаурядные адаптивные возможности, выразившиеся в достаточно быстром приспособлении к природно-климатическим и производственным условиям региона. Разнообразные миграционные потоки, устремленные на Северо-Западный Кавказ, привели к формированию хозяйственного разнообразия, складыванию своеобразного распределения социально-экономических ниш между соседствующими этносами.

Несмотря на стремление переселенцев к сохранению национальной культуры, проявлявшееся в заботе о сохранении своего языка и националь-

ных традиций, по мере производственной интеграции в экономическую структуру региона между ними и местным населением росло социокультурное взаимодействие, способствовавшее развитию навыков добрососедства и взаимной терпимости.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией. — Тифлис, 1883. — Т. 9.
2. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края. Ф. 574. Оп. 1. Д. 291. Л. 1 ; Д. 509. Л. 3, 15, 15 об ; Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 139 об, 140 ; Ф. 767. Оп. 1. Д. 2. Л. 4—4 об.
3. *Верещагин А. В.* Путевые заметки по Черноморскому округу / А. В. Верещагин. — Москва : Типография Мамонтова, 1874. — 204 с.
4. *Кириченко Н.* Год у немецких колонистов. Описание колонии Эйгенфельд, Кавказского отдела, Кубанской области / Н. Кириченко // Кубанский сборник. — 1900. — Т. 6. — С. 3—41.
5. *Краевский М. А.* К вопросу о колонизации Черноморской губернии : Из отчета по командировке чиновника особых поручений д.с.с. Краевского / М. А. Краевский. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1897. — 54 с.
6. *Леонтьев С.* Справочная книга Черноморской губернии на 1899 г. / С. Леонтьев. — Новороссийск : Типография А. А. Тиль, 1899. — 179 с.
7. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающего родного языка. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1905. — Выпуск 7. — С. 6—7.
8. *Положение* о заселении Черноморского округа и управлении оным // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1868. — Т. 41. — Отделение 1. — С. 237—242.
9. *Правила* для принятия и водворения иностранных колонистов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1804—1805. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830. — Т. 28. — С. 137—140.
10. РГИА — Российский государственный исторический архив Ф. 1284. Оп. 194. Д. 55. Л. 53—55.
11. *Твалчрелидзе А.* Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александерфельд, Кубанской области / А. Твалчрелидзе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — 1886. — Выпуск 5. — С. 210—274.
12. *Устав* о колониях иностранцев в Империи // Свод законов Российской империи. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях и о колониях иностранцев в Империи. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1857. — Ч. 2. — С. 426—530.
13. *Шавров Н.* Проекты колонизации восточного берега Черного моря / Н. Шавров // Северный вестник. — 1886. — № 7. — Отд. 2. — С. 20—48.

Литература

1. *Алексеев И. И.* История и проблемы российских немцев на Кубани / И. И. Алексеев // Российские немцы на Дону, Кубани и Волге. — Москва : МНКС, 1995. — С. 55—70.
2. *Белозеров В. С.* Этническая карта Северного Кавказа / В. С. Белозеров. — Москва : ОГИ, 2005. — 304 с. — ISBN 5-94282-230-1.
3. *Бурькина Л. В.* Адаптационный потенциал чехов и словаков Северо-Западного Кавказа в российской миграционной парадигме второй половины XIX в. / Л. В. Бурькина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2017. — № 2. — С. 26—34.
4. *Волкова Н. Г.* Греки Кавказа / Н. Г. Волкова // Бюллетень (Центр содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств). — 2000. — № 2. — С. 15—43.
5. *Городецкий Б. М.* Немецкое землевладение на Кубани : Доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 24-го октября 1914 г. / Б. М. Городецкий // Кубанский сборник. — 1915. — Т. 20. — С. 351—380.
6. *Дмитриев К. Г.* Греки села Мерчанское (историко-этнографический обзор) / К. Г. Дмитриев, Ф. В. Христофорыди // Понтийские греки. — Краснодар : [б. и.], 1997. — С. 150—154.
7. *Домашек Б. Г.* Вклад деятелей, чехов по национальности, в экономическое развитие дореволюционного Новороссийска / Б. Г. Домашек // Основы управления экономическим процессом в период стагнации экономики в Российской Федерации : сб. науч. тр. — Пенза : [б. и.], 2005. — Ч. 1. — С. 56—59.
8. *Емтыль З. Я.* Адыгская интеллигенция : формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. — начала 30-х гг. XX в. / З. Я. Емтыль. — Краснодар : Издательский Дом — Юг, 2010. — С. 73—74. — ISBN 978-5-91718-087-8.
9. *Зейналова З.* Этнокультурные особенности формирования европейских общин на Кавказе (XIX — начало XX вв.) / З. Зейналова // Кавказ и глобализация. — 2013. — Т. 7. — Выпуск 1—2. — С. 167—184.
10. *Короленко П. П.* Переселение казаков за Кубань. Русская колонизация на Западном Кавказе. Материалы для истории Кубанской области / П. П. Короленко // Кубанский сборник. — Екатеринодар : [б. и.], 1911. — Т. 16. — С. 404—406.
11. *Кубашичева З. Ю.* Иностранцы переселенцы в процессе гражданской колонизации Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX в. / З. Ю. Кубашичева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2010. — № 4. — С. 61—65.
12. *Матвеев О. В.* Болгары Кубани и Черноморья во второй половине XIX — начале XX в. / О. В. Матвеев // Мир славян Северного Кавказа. — 2008. — Выпуск 4. — С. 68—99.
13. *Минасян М.* Переселение амшельских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.) / М. Минасян // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. — 1977. — № 1. — С. 64—73.
14. *Плохотнюк Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе / Т. Н. Плохотнюк. — Москва : Обществ. Акад. наук рос. немцев, 2001. — 203 с. — ISBN 5-93227-001-2.
15. *Птицын А. Н.* Переселенцы из Австро-Венгрии на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX века / А. Н. Птицын // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2011. — № 1. — С. 74—79.

16. Рокачева Я. В. Национальная политика России на Северо-Западном Кавказе и ее влияние на динамику этнической структуры региона в XIX — первой половине XX в. [Электронный ресурс] / Я. В. Рокачева // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — Режим доступа : http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/istoriya/rakacheva.pdf (дата обращения 15.07.2021).

17. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX — начале XX вв. / А. А. Тверитинов. — Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. — 124 с. — ISBN 5-88702-077-6.

18. Чекменев С. А. Иностранные поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. / С. А. Чекменев // Материалы по изучению Ставропольского края. — 1971. — Выпуск 12—13. — С. 243—253.

19. Юракова О. В. Возникновение немецких колоний на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX века : причины, численность, расселение / О. В. Юракова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 115. — С. 108—116.

20. Юракова О. В. Правовое положение немецких колонистов в России и на Кубани (вторая половина XVIII — XIX в.) / О. В. Юракова // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России : история и современность : сборник материалов VI международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 22 февраля 2007 г.). — Краснодар : ИМСИТ, 2007. — С. 304—307.

Статья поступила в редакцию 03.09.2023,
одобрена после рецензирования 29.10.2023,
подготовлена к публикации 20.11.2023.

Material resources

- Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission*, 9. (1883). Tiflis. (In Russ.).
GAKK — State Archive of Krasnodar Krai. F. 574. Op. 1. d. 291. l. 1; d. 509. l. 3, 15, 15 ob; F. 774. Op. 1. D. 124. L. 139 ob, 140; F. 767. Op. 1. d. 2. L. 4—4 vol. (In Russ.).
Kirichenko, N. (1900). The year of the German colonists. Description of the Eigenfeld colony, Caucasian department, Kuban region. *Kuban collection*, 6: 3—41. (In Russ.).
Krayevsky, M. A. (1897). *On the question of colonization of the Black Sea province: From the report on the business trip of the official of special assignments D. S. S. Krayevsky*. St. Petersburg: State Printing House. 54 p. (In Russ.).
Leontiev, S. (1899). *Reference book of the Black Sea province for 1899*. Novorossiysk: A. A. Til Printing House. 179 p. (In Russ.).
Regulations on the settlement of the Black Sea district and its management. (1868). In: *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. The second meeting*, 41 (1). St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 237—242. (In Russ.).
RGIA — Russian State Historical Archive F. 1284. Op. 194. d. 55. L. 53—55. (In Russ.).
Rules for the acceptance and installation of foreign colonists. (1830). In: *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting. 1804—1805*, 28. St. Petersburg: Printing House Of The Second Department Of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 137—140. (In Russ.).
Shavrov, N. (1886). Projects of colonization of the eastern shore of the Black Sea. *Severny vestnik*, 7 (2): 20—48. (In Russ.).

The first general population census of the Russian Empire. 1897. The available population of both sexes by county, indicating the number of persons of the predominant native language, 7. (1905). St. Petersburg: [b. i.]. 6—7. (In Russ.).

The Statute of the colonies of foreigners in the Empire. (1857). In: *Code of Laws of the Russian Empire. Charters on urban and agriculture, on landscaping in state-owned and Cossack villages and on colonies of foreigners in the Empire*, 2. St. Petersburg: Printing House of The Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 426—530. (In Russ.).

Tvalchrelidze, A. (1886). Colonies of Mennonites Voldemfirst and Alexanderfeld, Kuban region. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*, 5: 210—274. (In Russ.).

Vereshchagin, A. V. (1874). *Travel notes on the Black Sea district*. Moscow: Mamontov Printing House. 204 p. (In Russ.).

References

Alekseenko, I. I. (1995). History and problems of Russian Germans in the Kuban. In: *Russian Germans on the Don, Kuban and Volga*. Moscow: MNSK. 55—70. (In Russ.).

Belozеров, V. S. (2005). *Ethnic map of the North Caucasus*. Moscow: OGI. 304 p. ISBN 5-94282-230-1. (In Russ.).

Burykina, L. V. (2017). The adaptive potential of the Czechs and Slavaks of the Northwest Caucasus in the Russian migration paradigm of the second half of the nineteenth century. *Bulletin of the Adygea State University. The series "Regional Studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies"*, 2: 26—34. (In Russ.).

Chekmenev, S. A. (1971). Foreign settlements in Stavropol at the end of the XVIII and the first half of the XIX century. *Materials on the study of the Stavropol Territory*, 12—13: 243—253. (In Russ.).

Dmitriev, K. G., Khristoforydi, F. V. (1997). The Greeks of the village of Merchanskoye (historical and ethnographic review). In: *Pontic Greeks*. Krasnodar: [b. i.]. 150—154. (In Russ.).

Domashek, B. G. (2005). Contribution of figures, Czechs by nationality, to the economic development of pre-revolutionary Novorossiysk. In: *Fundamentals of economic process management during the stagnation of the economy in the Russian Federation: collection of scientific tr.*, 1. Penza: [b. i.]. 56—59. (In Russ.).

Emtyl, Z. Ya. (2010). *Adyghe intelligentsia: formation and activity in the historical dynamics of the late nineteenth century — early 30s of the twentieth century*. Krasnodar: Publishing House — Yug. 73—74. ISBN 978-5-91718-087-8. (In Russ.).

Gorodetsky, B. M. (1915). German land ownership in the Kuban: A report read at the general meeting of the members of the OLIKO on October 24, 1914. *Kuban collection*, 20: 351—380. (In Russ.).

Korolenko, P. P. (1911). Resettlement of Cossacks beyond the Kuban. Russian colonization in the Western Caucasus. Materials for the history of the Kuban region. In: *Kuban collection*, 16. Ekaterinodar: [b. i.]. 404—406. (In Russ.).

Kubashicheva, Z. Yu. (2010). Foreign migrants in the process of civil colonization of the North-West Caucasus in the second half of the nineteenth century. *Bulletin of the Maikop State Technological University*, 4: 61—65. (In Russ.).

- Matveev, O. V. (2008). Bulgarians of Kuban and the Black Sea region in the second half of the XIX — early XX century. *The world of the Slavs of the North Caucasus*, 4: 68—99. (In Russ.).
- Minasyan, M. (1977). Resettlement of Amshel Armenians to the Black Sea coast of the Caucasus and the first steps of their economic activity (the last quarter of the XIX century). *Bulletin of Social Sciences of the Academy of Sciences of the Armenian SSR*, 1: 64—73. (In Russ.).
- Plokhotnyuk, T. N. (2001). *Russian Germans in the North Caucasus*. Moscow: Societies. Academy of Sciences of Russian Germans. 203 p. ISBN 5-93227-001-2. (In Russ.).
- Ptitsyn, A. N. (2011). Migrants from Austria-Hungary in the North Caucasus at the end of the XIX — early XX century. *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences*, 1: 74—79. (In Russ.).
- Rokacheva, Ya. V. (2012). The national policy of Russia in the North-West Caucasus and its influence on the dynamics of the ethnic structure of the region in the XIX — first half of the XX century. *Theory and practice of social development*, 12. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/istoriya/rakacheva.pdf (accessed 15.07.2021). (In Russ.).
- Tveritinov, I. A. (2009). *Socio-economic development of the Sochi district in the second half of the XIX — early XX centuries*. Maykop: Polygraph-Yug. 124 p. ISBN 5-88702-077-6. (In Russ.).
- Volkova, N. G. (2000). Greeks of the Caucasus. *Bulletin (Center for the Promotion of the Development and Rights of Racial, Ethnic and Linguistic Minorities)*, 2: 15—43. (In Russ.).
- Yurakova, O. V. (2007). The legal status of German colonists in Russia and the Kuban (the second half of the XVIII — XIX centuries). In: *Fedor Andreevich Shcherbina, the Cossacks and the peoples of Southern Russia: history and modernity: a collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Krasnodar, February 22, 2007)*. Krasnodar: IMSIT. 304—307. (In Russ.).
- Yurakova, O. V. (2009). The emergence of German colonies in the North-Western Caucasus in the second half of the XIX century: causes, numbers, settlement. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 115: 108—116. (In Russ.).
- Zeynalova, Z. (2013). Ethnocultural features of the formation of European communities in the Caucasus (XIX — early XX centuries). *Caucasus and Globalization*, 7 (1—2): 167—184. (In Russ.).

*The article was submitted 03.09.2023;
approved after reviewing 29.10.2023;
accepted for publication 20.11.2023.*

Информация для цитирования:

Карпинец А. Ю. Шахтёрский город Кузбасса Прокопьевск в первой половине 1930-х годов : проблемы быта горняков и благоустройства нового города (по материалам местной периодической печати) / А. Ю. Карпинец, А. Е. Пьянов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 409—425. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-409-425.

Karpinets, A. Yu., Pyanov, A. E. (2023). Mining Town of Kuzbass Prokopyevsk in First Half of 1930s: Problems of Miner's Everyday Life and Improvement of New City (Local Periodicals). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 409-425. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-409-425. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-409-425

Шахтёрский город Кузбасса Прокопьевск в первой половине 1930-х годов: проблемы быта горняков и благоустройства нового города (по материалам местной периодической печати)

Карпинец Алексей Юрьевич^{1,2 *}

orcid.org/0000-0002-1711-9732

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России,

*** корреспондирующий автор**

naukarpinets@mail.ru

Пьянов Александр Евгеньевич¹

orcid.org/ 0000-0001-9098-4987

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России

alpianov@yandex.ru

¹ Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Федеральный исследовательский центр
угля и углехимии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Кемерово, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
по государственному заданию (проект
№ 0286-2021-0012) с использованием
оборудования Центра коллективного
пользования научным оборудованием
КемГУ в рамках соглашения
№ 075-15-2021-694 от 05.08.2021,
заключенного между Министерством
науки и высшего образования
Российской Федерации и КемГУ.

Mining Town of Kuzbass Prokopyevsk in First Half of 1930s: Problems of Miner's Everyday Life and Improvement of New City (Local Periodicals)

Alexey Yu. Karpinets^{1,2 *}

orcid.org/0000-0002-1711-9732

PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History

*** Corresponding author**

naukarpinets@mail.ru

Alexander E. Pyanov¹

orcid.org/ 0000-0001-9098-4987

PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History

alpianov@yandex.ru

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² The Federal Research Center of Coal and
Coal Chemistry of Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out under the state
assignment (project № 0286-2021-0012)
using the equipment of the Center for Shared
Use of Scientific Equipment at Kemerovo
State University within the framework
of the agreement № 075-15-2021-694
dated 05.08.2021, concluded between
the Ministry of Science and Higher
Education of the Russian Federation
and Kemerovo State University.

© Карпинец А. Ю., Пьянов А. Е., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы, посвященные повседневной жизни горняков на этапе становления города Прокопьевска. Актуальность исследования обусловлена научным интересом к бытовой истории, истории повседневности. Выполнен обзор литературы по исследовательской проблеме. Проанализировано более сотни номеров местной газеты «Забой» за первую половину 1930-х годов. В качестве материалов привлекаются также справочные и статистические сборники. Проведено исследование социальных аспектов жизни Прокопьевска на стадии формирования городской инфраструктуры. Рассматриваются жилищный вопрос, вопросы городского благоустройства и общественного питания во взаимосвязи с профессиональной принадлежностью горожан. Новизна исследования видится в том, что материалы периодической печати позволяют выйти на сюжеты, которые ранее либо не интересовали исследователей, либо не характеризовались в столь детальных подробностях бытовой жизни. Автор приходит к выводу о том, что каждому периоду истории свойственны специфические проблемы. Отмечается, что свои трудности были в 1930-х годах, и они в итоге успешно преодолевались. Утверждается, что определенные проблемы наблюдаются и на современной стадии городского развития. Автор уверен в возможности их успешного решения при условии организованного взаимодействия всех уровней городского сообщества.

Ключевые слова:

история Кузбасса; история Прокопьевска; городская история; методы Urban History; история быта; история повседневности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues related to the everyday life of miners during the formation of the city of Prokopyevsk are being considered. The relevance of the study is determined by scientific interest in the history of daily life. A literature review on the research problem has been conducted. Over a hundred issues of the local newspaper "Zaboy" from the first half of the 1930s were analyzed, along with reference and statistical collections. The social aspects of urban life in Prokopyevsk during the formation of urban infrastructure were studied. Housing issues, urban improvement, and public catering were examined in relation to the professional affiliation of city residents. The novelty of the study lies in the fact that periodical publications allow researchers to explore topics that were previously either uninteresting or not characterized in such detail regarding daily life. The author concludes that each period in history has its specific problems. It is noted that there were difficulties in the 1930s, which were ultimately successfully overcome. The author asserts that certain problems are still observed in modern urban development stages. However, the author is confident that these problems can be successfully resolved with the correct interaction of all levels of the urban community.

Key words:

History of Kuzbass; History of Prokopyevsk; Urban history; Urban History methods; History of everyday life.

Шахтёрский город Кузбасса Прокопьевск в первой половине 1930-х годов: проблемы быта горняков и благоустройства нового города (по материалам местной периодической печати)

© Карпинец А. Ю., Пьянов А. Е., 2023

1. Введение = Introduction

Современный город Прокопьевск — 3-й по численности населения город Кузбасса после 2-х столиц: северной (Кемерово) и южной (Новокузнецк). Город с не самой простой экологической обстановкой. Горожане связывают неблагоприятную экологическую ситуацию с деятельностью угледобывающих предприятий. Вместе с тем возникновение и развитие этих предприятий в начале 1930-х годов способствовало самому появлению города, и тогда проблем было несколько не меньше, чем сегодня, напротив — больше. Активная деятельность местных коммунистов, сплотивших и организовавших местное сообщество в 1930-х годах на решение городских проблем, способствовала становлению города и, в конечном итоге, его развитию. Думается, исторический опыт вполне может активизировать современное руководство города и вдохновить его жителей на позитивную деятельность по преодолению, на наш взгляд, временных трудностей социально-экономической жизни крупного шахтёрского города Кузбасса.

Данное исследование соответствует приоритетному направлению развития научно-технического комплекса РФ: «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук» [Стратегия..., 2016]. Методами New Urban History мы анализируем проблемы и особенности формирования города в условиях большого социально-технологического рывка 1930-х годов, что позволяет нам в исторической ретроспективе осмыслить преимущества и издержки социально-технологических рывков для населённых пунктов как особо организованных социальных обществ. Также нами были задействованы методы, актуальные в рамках направления изучения истории повседневности и быта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Кузбасс является самым высокоурбанизированным регионом Сибири, поэтому городская повседневность применительно к данному региону стала исследовательским объектом ряда ученых. Особую значимость имеют работы историка Е. Б. Каймашиковой. В 2004 году она защитила кандидатскую диссертацию на тему «История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е — середине 80-х гг. XX в.» [Каймашикова, 2004]. В 2000-е годы опубликовала ряд научных статей по этой проблеме [Каймашикова, 2013 и др.]. В контексте Западной Сибири рассматривала вопросы благоустройства угледобывающих городов Кузбасса С. В. Зяблицева [Зяблицева, 2010; Зяблицева, 2012]. На социальных проблемах кузбасского города концентрировала внимание Н. Ф. Кустова [Кустова, 2000]. Аспекты городского благоустройства затрагивала М. Г. Леухова [Леухова, 2000]. Проблемы социального развития кузбасских городов в 1930-е годы проанализированы и обобщены в коллективных работах, опубликованных к 300-летию юбилею Кузбасса [Ермолаев и др., 2021; Кузбасс..., 2021].

В указанных трудах крупными штрихами обозначены анализируемые в статье проблемы, но главное и значимое часто кроется в деталях, которые и были нами выявлены в результате скрупулёзной работы с местными материалами средств массовой информации начала третьей пятилетки. Приоритетным источником информации для нас в данном случае выступила местная периодическая печать, которая не пропускала ни одного значимого события в деле городского благоустройства, и если абстрагироваться от идеологических наслоений местной прессы, то вполне можно применять её в качестве главного источника информации о жизни города и его жителей. Методика исследования уже была отработана нами в предшествующих статьях, в частности по соседнему с Прокопьевском городу — Киселёвску [Карпинец, 2022а; Карпинец, 2022б].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Квартирный вопрос в Прокопьевске

Прокопьевский шахтёрский посёлок получил городской статус в самом начале 1930-х годов, обретя неофициальное название Жемчужины Кузбасса. Количество и качество прокопьевских углей способствовали строительству здесь самых современных и крупных шахт, что послужило грандиозному притоку молодого населения, до самой крайней степени обострив квартирный вопрос. Переписью городского населения 1923 года в районе Прокопьевского рудника не было зарегистрировано даже и небольшого рабочего посёлка. Только в 1926 году Всесоюзная перепись на-

селения закрепила наличие Прокопьевского рабочего посёлка. Перепись городского населения 1931 года констатировала факт роста численности жителей на 175 % в сравнении с 1926 годом. В начале 1930-х годов численность населения Прокопьевска превышала 36 тысяч человек [Кузбасс, 1931, с. XIII—IX].

На протяжении советской истории существования Прокопьевска производительность труда местных горняков повышалась, в том числе и посредством благоустройства их быта, но в рассматриваемый период об этом можно было только мечтать [Забой, 1933, 18 сентября, № 203, л. 3—4]. При минимальной санитарной норме в 8 м² в расчёте на одного жителя в молодом Прокопьевске соответствующий показатель не дотягивал и до 3 м², не говоря о качестве жилья [Тихомиров, 1929, с. 87—88]. Приезжая рабочая молодёжь проживала в необустроенных, часто недостроенных бараках, нередко без света, питьевой воды и угля [Забой, 1933, 18 августа, № 179, л. 4]. «Провести радио, прибить вешалки, выделить беседчика для организации регулярных бесед, дать плакаты, лозунги, портреты, обеспечить передвижкой, создать кружок по техучёбе» — таковы были требования рабочей молодёжи к шахтовым организациям [Там же, 21 февраля, № 39, л. 2].

В некоторые бараки не был проведён электрический ток. Уголь для отопления бараков поставлялся нерегулярно, поэтому рабочим в сильные морозы приходилось спать, не раздеваясь. Особенно важным признавалось утепление рабочих жилищ на Тыргане, который насквозь продувался ледяными ветрами [Забой, 1934, 15 сентября, № 194, л. 2]. Печные трубы вовремя не чистились, комнаты освещались керосинками; потому в жилых помещениях скапливалась копоть, от которой быстро чернели стены [Забой, 1933, 4 марта, № 48, л. 3]. В комнатах — насекомые всех разновидностей, постельное бельё — редкость; отсутствие мебели; в морозные зимние дни — низкая плюсовая температура — классическая картина барачной жизни молодых рабочих середины 1930-х годов [Там же, 29 марта, № 68, л. 3; Там же, 26 августа, № 185, л. 3]. Большие трудности испытывали семьи, когда их заселяли по несколько в одну комнату [Забой, 1934, 22 сентября, № 200, л. 3]. Ни о каком «культурном отдыхе» в таких условиях не могло быть и речи, имели место пьянство и азартные игры [Забой, 1933, 27 июня, № 138, л. 3].

Такого рода проблемы были повсеместным явлением во всех рабочих бараках города, даже на самой прогрессивной шахте имени Ворошилова [Там же, 14 июля, № 150, л. 2]. Зачастую молодые работники шахты, «ворошиловцы», приходили со смены в барак и ложились спать, не имея возможности вымыться: на смену из 300 человек было в наличии не более 20 тазов, а потому в мойку выстраивалась очередь. Другой проблемой являлось качество воды, которая часто была или холодная, или только горя-

чая, к тому же с примесью глины. Таким образом, грязь сопровождала рабочих повсюду: в шахте, в мойке, в бараке [Там же, 22 августа, № 182, л. 3].

Попыткой частичного решения проблемы стало создание санитарной милиции, которая формировалась из комсомольцев-добровольцев физкультурников, возглавивших борьбу за наведение порядка в молодёжных бараках [Там же, 16 апреля, № 83, л. 3]. Они являлись посредниками между администрацией и рядовыми молодыми рабочими в деле улучшения бытовых условий жизни последних [Там же, 18 апреля, № 85, л. 3; 20 апреля, № 86, л. 4]. Не только молодые рабочие страдали от неудовлетворительных жилищных условий. На момент 1933 года в землянках жили и ударники производства, легендарные уже к этому времени, чьи имена знал весь угольный Кузбасс: Нефёдов, Курапов, Лесников, Щетинин, Окулов. Таким образом, можно было констатировать, что проблема получила широкое распространение.

В июле 1933 года на рудник прибыла комиссия ЦК ВКП(б), состоявшая из Рухимовича, Москвина и Перепечко. Она признала ситуацию неудовлетворительной, в результате чего был наказан ряд руководителей. Заведующий отделом коммунального хозяйства Терёхин был снят с занимаемой должности и исключён из рядов ВКП(б) [Там же, 21 июля, № 156, л. 1]. Также из партии были исключены члены бюро партийной ячейки коммунального отдела Прокопьевского рудоуправления Бабушкин, Горожанов, Карамзин [Там же, 29 июля, № 163, л. 2].

Неблагоустроенность молодого города производила крайне неприятное впечатление, в то время как город претендовал на почётное звание угольной столицы Кузбасса и его посещали именитые гости. Например, в октябре 1933 года с целью написания книги о Прокопьевске город посетила бригада иностранных писателей Walt Carmon (USA), Sigurd Lund (Denmark), Katharine Prichard (Australia) и художник Helios Gomez (España) [Там же, 6 октября, № 217, л. 4; Там же, 8 октября, № 218, л. 1]. К их приезду была развернута широкомасштабная работа по благоустройству города.

За 1933 год на жилищно-бытовое строительство в Прокопьевске израсходовано порядка 10 млн рублей [Советская Сибирь, 1934, 9 марта, № 55, л. 2]. В результате к середине 1930-х годов Прокопьевск (342 тыс. м²) вышел на почётное 3-е место в Кузбассе по количеству городской жилплощади, лишь немногим уступая по этому показателю Сталинску (399 тыс. м.²) и Кемерово (357 тыс. м.²) [Западно-Сибирский край..., 1935, с. 132], хотя надо отметить, что качество жилья везде оставляло желать лучшего.

3.2. Горловка — Прокопьевск и проблемы благоустройства молодого горняцкого города

С осени 1933 года начинается процесс планомерного благоустройства и озеленения Прокопьевска [Забой, 1933, 11 июня, № 125, л. 4]. На это куз-

нецких прокопчан вдохновил пример донецких горловцев, которые летом 1933 года устроили в своём городе подлинную революцию в сфере городского благоустройства [Там же, 20 сентября, № 204, л. 2]. 22 сентября 1933 года с учетом ситуации в донецкой Горловке вышло постановление объединённого пленума горкома, горсовета и горпрофсовета «О благоустройстве Прокопьевска», которое и положило начало планомерному воплощению идеи под лозунгом «Ведущий рудник Кузбасса должен быть благоустроенным» [Там же, 26 сентября, № 209, л. 2; Там же, 22 сентября, № 206, л. 1—3; Там же, 23 сентября, № 207, л. 1]. «Превратить Прокопьевск в лучший социалистический город Кузбасса» — вот такая задача была поставлена перед прокопчанами [Забой, 1934, 14 сентября, № 193, л. 1].

В соответствии с данной установкой 1 октября 1933 года начались работы по высадке деревьев и укладке тротуаров [Забой, 1933, 3 октября, № 215, л. 2]. Повсеместно ремонтировались дороги, мостились деревом тротуары, общественные и частные здания огораживались деревянным же штакетником, который окрашивался в зелёный цвет; засаживались газоны, высаживались деревья и кустарники, разбивались и цветочные скверы, устанавливались мусорные ящики, появлялись фонари. Утопавший в грязи и нечистотах город постепенно преображался [Там же, 9 октября, № 219, л. 1; Там же, 18 октября, № 225, л. 1; Там же, 26 октября, № 230, л. 1; Там же, 1 ноября, № 234, л. 1; 4 ноября, № 236, л. 2]. Всё же к середине 1930-х годов Прокопьевск по площади городских зелёных насаждений (11 га) значительно отставал от Сталинска (236 га) и Ленинска (123 га) [Западно-Сибирский край..., 1935, с. 137].

С 1933 года делегации горловцев и прокопчан периодически посещали друг друга с целью обмена опытом и заключения договоров о соревновании [Забой, 1934, 2 октября, № 207, л. 2; Там же, 5 октября, № 210, л. 2]. В октябре 1934 года в Горловке как инициаторе «борьбы за образцовый советский город» прошёл Слёт 11 городов Советского Союза, которые подписали договор соревнования за право носить звание «образцовый советский город» [Забой, 1934, 20 октября, № 221, л. 1]. Данный документ подписали представители Горловки, Ярославля, Тулы, Воронежа, Саратова, Калинин, Баку, Кадиевки, Сталино, Таганрога и Прокопьевска [Там же, 24 октября, № 225, л. 2—3]. «Победителями в соревновании должны выйти те города, которые сумеют выдвинуть наибольшее количество лучших гостиниц, ресторанов, столовых, бань, общежитий, яслей, магазинов, больниц, вокзалов, клубов» — значилось в тексте договора [Там же, 22 октября, № 223, л. 3]. Прокопчане, в очередной раз посетив Горловку, были восхищены кардинальным преображением этого донбасского горняцкого города [Там же, 30 октября, № 230, л. 2—3]. С тех пор между прокопчанами и гор-

ловцами завязались теснейшие контакты по производственным вопросам и проблемам городского благоустройства [Там же, 1 ноября, № 231, л. 2].

Газеты печатали главные лозунги молодого города, среди которых «Кузбасс будет вторым Донбассом, а Прокопьевск будет второй Горловкой!» [Там же, 28 ноября, № 251, л. 3], «Ведущий по угледобыче рудник в Кузбассе будет ведущим и по благоустройству» [Забой, 1933, 30 октября, № 233, л. 1] и др. Первый секретарь Прокопьевского городского комитета ВКП(б) Александр Яковлевич Курганов констатировал факт: «Прокопьевск превращается в новый культурный город» [Там же, 14 ноября, № 242, л. 1]. В 1934 году впервые среди горожан был объявлен открытый конкурс проектов по архитектурному оформлению города. Премияльный фонд составлял 5 тысяч рублей [Забой, 1934, 23 октября, № 224, л. 4].

Одновременно с благоустройством города широко развернулся конкурс на самую благоустроенную шахтёрскую квартиру. Одна из первых включилась в конкурс супруга Ивана Акимовича Борисова Борисова, считавшегося первым стахановцем Кузбасса [Забой, 1933, 12 ноября, № 241, л. 1]. Таким образом, дело благоустройства пошло в гору тогда, когда партия подключила общественность и на это стали выделять деньги [Там же, 16 ноября, № 244, л. 1]. 25 ноября 1933 года на совещании наркомхоза было принято решение: в 1934 году вложить в коммунальное хозяйство Прокопьевска 4 млн рублей. Стандартгорпроекту было поручено разработать проект планировки города [Там же, 29 ноября, № 253, л. 2]. 2 декабря 1933 года прошла городская конференция по проблемам благоустройства города, в которой приняли участие 850 делегатов [Там же, 30 ноября, № 254, л. 1].

Аналогичные конференции прошли на каждой из шахт. Главными задачами этих мероприятий стали привлечение внимания к проблемам быта каждого горняка, актуализация важнейших вопросов благоустройства, постановка конкретных целей развития города [Там же, 9 декабря, № 260, л. 2]. Вслед за прокопчанами в соревнование за «образцовый город Кузбасса» включились кемеровчане, анжерцы, ленинцы, осиновцы [Там же, 11 декабря, № 262, л. 1; Там же, 16 декабря, № 265, л. 3]. В декабре 1933 года в Прокопьевске состоялся 1-й Съезд городов Кузбасса, на котором присутствовали представители Анжеро-Судженска, Ленинска, Кемерово, а также делегаты от рабочих посёлков Кузбасса. Главный вопрос для обсуждения ставился следующим образом: «Как сделать города Кузбасса культурными?».

Выступая на I Съезде городов Кузбасса с докладом, заместитель председателя Западно-Сибирского крайисполкома Иосиф Иванович Решиков отметил: «Опыт Прокопьевска по развертыванию массовой работы [среди городского населения по благоустройству городов] должен быть использо-

ван всеми городами и рабочими поселками не только Кузбасса, но и всего Западно-Сибирского края. Внимательно изучив опыт горняков Донбасса, прокопьевцы добились крупнейших результатов. По этому же пути должны пойти и другие рудники Кузбасса» [Там же, 12 декабря, № 263, л. 1]. За несколько месяцев 1933/34 годов в городе было проложено около 15 километров деревянных и 5 километров бетонно-плитовых тротуаров [Забой, 1934, 11 октября, № 214, л. 1]; в это же время на улицах города появился первый асфальт. Первая гудронная дорога была сделана на улице Комсомольской, Шоссейная дорога была проложена к шахте имени Эйхе [Там же, 4 октября, № 209, л. 2]. В 1934 году началось строительство трамвайной линии [Там же, 6 июля, № 138, л. 4]. В мае — июне 1934 года на Крутых Топках был осуществлён слом землянок, а в июле здесь заложили парк [Там же, 8 июля, № 139, л. 4; Там же, 12 июля, № 143, л. 1].

Рядовые горожане принимали самое активное участие в облагораживании города [Там же, 4 сентября, № 185, л. 1]. «Субботники» и «воскресники» становятся регулярным и обыденным делом [Там же, 8 сентября, № 188, л. 2; 11 сентября, № 191, л. 4]. «Превратить Прокопьевск в лучший социалистический город Кузбасса» — данную цель поставил перед прокопчанам инструктор Президиума ВЦИК Загуменных [Там же, 9 сентября, № 189, л. 2]. Таким образом, в 1933/34 годах Прокопьевск начал преобразовываться. В городе были высажены тысячи деревьев и кустарников, разбиты цветники; город покрылся разветвлённой сетью скверов и бульваров. Благоустроительные работы осуществлялись силами горожан, отработывавших трудодни. Всё держалось на энтузиазме, иницируемом ВКП(б) [Там же, 7 октября, № 212, л. 2]. Между отдельно взятыми улицами заключались договоры о соревновании на самый лучший двор, самую чистую квартиру. Проходили уличные отчётные конференции в женском составе [Там же, 5 ноября, № 235, л. 2].

Всё это, во-первых, способствовало решению проблем городского благоустройства, во-вторых, вовлекало домохозяйек в активную общественную жизнь. Жёны горняков-ударников становились полноценными акторами городской общественной жизни [Там же, 4 декабря, № 256, л. 4]. Особую активность проявляли женщины — депутаты горсовета [Там же, 1934, 17 декабря, № 266, л. 1; Там же, 20 декабря, № 268, л. 2]. Правда, благоустройство территориально ограничивалось лишь самым центром города; за его пределами, особенно в межсезонный период, горожане на улицах просто утопали в грязи [Там же, 14 ноября, № 240, л. 1]. На окраинах города отсутствовала элементарная социальная инфраструктура, не говоря уже о благоустроенных тротуарах [Там же, 16 ноября, № 241, л. 1].

Между тем центр города заметно обустроивался. С 1 марта 1933 года центральная баня переходила на круглосуточный режим работы; откры-

вались дополнительные самостоятельные прачечные, где рабочие и служащие могли бесплатно постирать одежду [Забой, 1933, 3 марта, № 47, л. 3]. В 1934 году было построено отдельное здание парикмахерской [Забой, 1934, 26 августа, № 178, л. 4]. В том же году на улице Фасадной рядом со зданием горсовета строился пятиэтажный Дом специалистов. В нём было 50 трёх- и четырёхкомнатных благоустроенных квартир с телефоном, радио, центральным паровым отоплением и водопроводом. На нижнем этаже — универсальный магазин [Там же, 30 июля, № 158, л. 2]. 15 июля 1934 года в конце Артёмовской улицы, около городской больницы, был открыт летний душ на два десятка мужских и женских кабин. На следующий день такой же душ, работавший с 07.00 до 23.00, открылся на Берёзовой роще, около клуба Ворошилова [Там же, 16 июля, № 146, л. 4]. Чтобы получить возможность в жаркий июльский день сполоснуться прямо на улице, нужно было иметь с собой 20 копеек [Там же, 16 июля, № 146, л. 4]. На Комсомольском бульваре соорудили музыкальную площадку, на которой играл духовой оркестр [Там же, 14 июля, № 144, л. 4]. Большинство культурных и социальных учреждений города, в частности, Центральная городская библиотека, располагавшаяся в ДК Артёма, парикмахерская и другие организации, работали до самого позднего вечера [Там же, 20 ноября, № 244, л. 4].

Развитие получило междугороднее и городское транспортное сообщение. 19 октября 1933 года в Прокопьевском аэропорте «Жемчужина Кузбасса» приземлился 5-местный самолёт «Сталь-2», вылетевший из Новосибирска. Этим рейсом открылось ежедневное почтово-пассажирское воздушное сообщение между столицей Сибири Новосибирском и Прокопьевском. Стоимость перелёта была достаточно дорогой, составляла 80 рублей, в то время как среднемесячная зарплата горняка равнялась 150 рублям. Время в пути — 2 часа 20 минут [Забой, 1933, 20 октября, № 226, л. 2; Там же, 21 октября, № 227, л. 2].

11 июля 1934 года в городе было открыто автобусное сообщение. Пара автобусов курсировала по маршруту ГорФО — станция Усяты и обратно с остановками: разъезд 343 — горсовет — клуб Эйхе — рудоуправление — поликлиника — магазин ОРС со стоимостью проезда от ГорФО до Усят в 80 копеек. Маршрут пользовался большой популярностью [Забой, 1934, 16 августа, № 171, л. 4]. Вместе с тем стоит признать, что Прокопьевск отставал по этому показателю от Сталинска, Кемерово, Анжерки. В Сталинске по городским маршрутам курсировала дюжина пассажирских автобусов, в Кемерово — 5, в Анжерке — 4 [Западно-Сибирский край..., 1935, с. 132].

Одним из любимых мест отдыха горожан был местный ПКЮ. Летом в нём периодически организовывались «массовки» и «народные гуляния» по специальной программе. С утра — выступления и рапорты

по рабочим вопросам, после обеда — прогулки, эстрадные и цирковые представления, танцы, оркестр, спортивные мероприятия. Работали буфеты, киоски, ресторан. Оборудовались пляжи: мужской, женский, детский [Забой, 1933, 28 июня, № 139, л. 4; Там же, 11 июля, № 148, л. 4; Там же, 4 июля, № 143, л. 3].

3.4. Продовольственное обеспечение горожан

1 февраля 1933 года в помещении магазина № 118 Акорта по улице Коряковской открылся ставший самым популярным магазином в городе большой универсальный магазин с отделами готового платья, мануфактуры, обуви, бакалеи и гастрономии, галантереи и трикотажа, а также мебели и посудно-хозяйственных товаров. Торговал универмаг ежедневно с 08.00 до 23.00 [Там же, 4 февраля, № 26, л. 4; Там же, 14 сентября, № 199, л. 2]. 23 февраля 1933 года в помещении магазина № 2 ЗРК открылся магазин Торгсина, в котором горожане в неограниченном количестве могли обменять серебро и золото в предметах и слитках, а также иностранную валюту на экспортные и импортные товары и продукты высшего качества [Там же, 26 февраля, № 43, л. 4; Там же, 22 марта, № 62, л. 4]. В этом же году магазин Торгсина переехал в помещение магазина Детснаба, а в его помещении открылся пользовавшийся спросом дежурный магазин, торговавший до 01.00 [Там же, 15 сентября, № 200, л. 4; Там же, 24 сентября, № 208, л. 4].

До 22.00 работали торговые точки «Акорта», в которых продавались готовое платье, кожаную обувь, галоши, летние головные уборы, трикотаж, галантерейные товары и хозяйственные принадлежности [Там же, 24 марта, № 64, л. 4]. В мебельном магазине № 9 ОРСа можно было приобрести мягкие диваны, шкафы, комоды, столы, стулья и прочее [Забой, 1934, 2 августа, № 160, л. 4]. В 1934 году для ударников производства был открыт специальный магазин ОРСа — «изотовский магазин для мастеров угля» [Там же, 6 августа, № 163, л. 4]. Это был магазин для рабочей элиты: без очередей, с большим выбором дефицитных товаров, в том числе по предварительным заказам [Там же, 24 августа, № 177, л. 4].

Периодически проводились 3-х и 10-дневные ярмарки, на которые колхозники и единоличники Прокопьевского и других районов Кузбасса свозили муку, зерно, хлеб, скот, овощи, картофель, мясо, масло, молоко, дичь, птицу, кустарные изделия, продававшиеся по сниженным ценам [Забой, 1933, 4 апреля, № 73, л. 2; Там же, 1 июня, № 117, л. 4]. Главным для крестьян было выполнить план хлебозаготовок, потом можно было торговать излишками [Забой, 1934, 10 ноября, № 237, л. 1]. Продав свои товары, селяне скупали в магазинах и ларьках ярмарки промтовары: готовое платье, обувь, постельное бельё, трикотаж, хозтовары [Забой, 1933, 30 марта, № 69, л. 4]. За 1933 год был проведён с десяток таких ярмарок [Там же,

20 ноября, № 246, л. 2]. Ежедневная торговля колхозными продуктами велась на местном базаре [Там же, 22 октября, № 228, л. 2].

В то же время не всё было так гладко в плане магазинной торговли. Полки многих магазинов были завалены неходовым и дорогим товаром, тогда как товары, которые пользовались спросом, были дефицитными [Там же, 28 июля, № 162, л. 3; Там же, 3 августа, № 167, л. 2]. Отсутствовала специализированная магазинная сеть. Магазины в основном были смешанными, когда в одном месте продавались готовое платье, обувь, мануфактура, посуда и бакалея. Нерегулярно шахтовые магазины снабжались хлебом, возле них иногда выстраивались длинные очереди [Там же, 15 августа, № 176, л. 3], дефицитные товары распределялись по «особым спискам», даже не поступая в открытую продажу [Там же, 4 октября, № 216, л. 2]. Самый главный в то время продукт — хлеб — нередко был низкого качества: недопечённый и грязный [Забой, 1934, 20 сентября, № 198, л. 3].

С 1933 года получила распространение практика «шахтных базаров». Первый из них состоялся 14 февраля 1933 года на шахте № 2, когда подшефные этой шахте колхозы свезли на локальный базар овощи и муку, торгуя ими по ценам почти вдвое ниже рыночных [Забой, 1933, 15 февраля, № 34, л. 3]. На руднике действовал отдел рабочего снабжения, отвечавший за продовольственную безопасность горняков. Организация шахтёрских огородов для посадки на них овощей, закупка и распределение семян и посадочного материала, прежде всего картофеля, закупка в колхозах и засолка овощей — неполный перечень повседневных забот отдела, связанных с обеспечением продовольственной безопасности шахтёров [Забой, 1934, 10 сентября, № 190, л. 2]. В 1934 году огородами были обеспечены 7 тысяч горняков, под них была отведена тысяча гектаров, более половины из которых засаживалось картофелем. С целью сохранения овощей рабочие устраивали погребы и подполы [Там же, 6 октября, № 211, л. 1].

Очевиден факт: высокая производительность труда во многом зависит от своевременного и хорошего питания [Забой, 1933, 23 июля, № 158, л. 1—2]. Лучшей столовой рудника признавалась столовая шахты «Коксовой» [Там же, 17 июня, № 130, л. 2]. В помещении столовой чисто и уютно, в зале для ударников на столах — цветы [Там же, 22 июля, № 157, л. 3]. Обед стоил около полутора рублей [Забой, 1934, 15 июля, № 145, л. 2]. Хорошей признавалась и столовая шахты № 5—6, чего нельзя было сказать об остальных заведениях питания рудника [Забой, 1933, 5 июля, № 144, л. 1]. От рабочих поступало множество нареканий и жалоб на то, что официантки с посетителями обращаются грубо, посуда моется неудовлетворительно, столы почти всегда грязные и т. д. [Там же, 17 июля, № 153, л. 2]. Антисанитария, недовес блюд, неоправданно высокие цены, длин-

ные очереди, отсутствие столовых приборов — типичные явления в производственных столовых [Там же, 20 июля, № 155, л. 1; Там же, 2 августа, № 166, л. 3; Там же, 16 сентября, № 195, л. 2]. «Неприятно даже заходить в свою столовую, — отзывались шахтёры Голубевки, — на обеденных столах вершки грязи, мухи облепили все окна, стены, потолок, и, нередко, мухи — бесплатное приложение к обеду: их можно обнаружить и в первом и во втором блюдах» [Там же, 22 июля, № 157, л. 3].

Реагируя на жалобы рабочих, местная партийная организация организовала общественные смотры производственных столовых. В результате выявлялись многочисленные случаи халатности и воровства руководства и работников столовых [Там же, 26 июля, № 160, л. 3]. К 1933 году, когда Прокопьевский рудник знали уже во всём Союзе, терпеть такое положение было невозможно. По результатам работы на месте специальной комиссии ЦК ВКП(б) руководитель сектора общественного питания Аксёнов и начальник ОРСа Эйнгорн были сняты с занимаемых должностей [Там же, 21 июля, № 156, л. 1; Там же, 24 июля, № 159, л. 1; Там же, 27 июля, № 161, л. 1]. По результатам общественных проверок были уволены несколько заведующих столовыми [Там же, 26 июля, № 160, л. 3]. Наказание оказало положительное воздействие лишь на какое-то время, и уже вскоре всё вернулось к прежнему состоянию: антисанитария и воровство продуктов работниками столовых были вполне характерными явлениями [Забой, 1934, 27 августа, № 179, л. 2]. Тем не менее периодические рейды рабочего контроля по проверке работы городских учреждений общественного питания и продовольственного обеспечения населения приносили свои позитивные плоды [Там же, 27 октября, № 227, л. 1]. Указанные недостатки по возможности исправлялись [Там же, 26 октября, № 226, л. 3]. Критические замечания представителей рабочего контроля и рядовых горожан публиковались на страницах местной газеты [Там же, 29 октября, № 229, л. 3].

Вместе с тем нельзя не отметить и положительные явления в деле продовольственного обеспечения горожан. 21 июля 1933 года в столовой № 1 Акорта за магазином № 118 открылась общедоступная столовая, которая предоставляла большой выбор холодных и горячих блюд, бакалейно-кондитерских изделий, она работала с 18 до 22 часов [Забой, 1933, 6 июля, № 145, л. 3]. В апреле 1933 года в помещении столовой, которая находилась напротив дома, где проживали холостые мужчины, отделом общепита ОРС был открыт ресторан, работавший с 08.00 до 02.00. Ресторан привлекал посетителей ассортиментом вин, пива, прочих спиртных напитков, обилием кондитерских изделий, порционных кушаний и холодных закусок, а также инструментальной музыкой с 20.00 до 24.00 [Там же, 24 апреля, № 89, л. 4; Там же, 26 апреля, № 90, л. 4; Там же, 22 августа, № 182,

л. 3]. При ресторане открылась лучшая в городе парикмахерская [Там же, 4 сентября, № 192, л. 4]. В городе работал мясокомбинат [Там же], но строился новый, более высокопроизводительный [Забой, 1934, 1 августа, № 159, л. 4]. В 1934 году началось строительство пищевкусового комбината для производства кондитерских изделий, фруктовых вод и кваса [Там же, 17 августа, № 172, л. 4].

4. Заключение = Conclusions

К середине 1930-х годов в Прокопьевском районе имелаcь достаточно разветвлённая торговая сеть на 250 торговых точек, три десятка столовых, 34 детских сада и 63 детские площадки (22 городских и 40 сельских), 119 школ на почти 30 тысяч учащихся, школы национальных меньшинств (татарские, казачские, мордовские, чувашские, башкирские), 121 красный уголок, 19 изб-читален, 12 клубов, 6 библиотек; было выстроено два больших рабочих клуба, звуковой кинотеатр, разбит Парк культуры и отдыха; действовали 4 больницы на 684 койки, работали 12 здравпунктов, столько же амбулаторий, пункт скорой помощи. Была построена полуавтоматическая телефонная станция. На шахтах установили автоматические телефоны; кроме того, было телефонизировано 8 сельсоветов, столько же колхозов, 3 МТС. Были построены водопровод, хлебокомбинат (один из крупнейших в Сибири по объёмам производства), заводы по производству кирпича и черепицы, стадион, банно-прачечный комбинат [Забой, 1934, 23 декабря, № 271, л. 3—4]. Работали госшвейфабрика и обувная фабрика, мясокомбинат, типография; предприятия местной кустарной промышленности производили безалкогольные напитки, кондитерские изделия, мыло и другие изделия бытового ежедневного потребления [Там же, 10 июля, № 141, л. 4]. Объём валовой продукции кустарной промышленности к середине 1930-х годов в сравнении с началом десятилетия увеличился вчетверо. Вместе с тем как количество, так и качество производимой кустарными предприятиями продукции оставляло желать лучшего. В 1934 году было решено на Тыргане построить мощную швейную фабрику с годовой производительностью в 65 миллионов рублей ежегодно. Предполагалось, что на фабрике будет занято до 10 тысяч рабочих [Там же, 14 августа, № 169, л. 2].

Таким образом, к середине 1930-х годов рабочий посёлок Прокопьевский за 3—4 года приблизился к облику города с улучшенными дорогами и тротуарами, уличным освещением, зелёными насаждениями, цветами. Деревянные домики сменялись благоустроенными кирпичными зданиями [Там же, 23 декабря, № 271, л. 3—4]. Первая половина 1930-х годов ознаменовалась интенсивным развитием Жемчужины Кузбасса [Там же, 31 де-

кабря, № 278, л. 1—4]. Закономерно, что именно Прокопьевск в это время являлся флагманом всего Кузбасса [Там же, 29 декабря, № 276, л. 4].

Заявленный вклад авторов: Карпинец А. Ю. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание текста; итоговые выводы. Пьянов А. Е. — доработка текста. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Karpinets A. Yu. — scientific management; research concept; methodology development; writing the draft; final conclusions. Pyanov A. E. — follow-on revision of the text. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Забой* : [газета]. — 1933, 1934.
2. *Западно-Сибирский край* в новых границах в цифрах : краткий статистический справочник / ЦУНХУ Госплана СССР, Западно-Сибирское краевое управление народно-хозяйственного учета ; ответственный редактор В. Г. Вильрат. — Новосибирск : Западно-Сибирское краевое управление народно-хозяйственного учета, 1935. — 185 с.
3. *Кузбасс* : результаты переписи городского населения 1931 г. — Новосибирск : издание Статсектора Запсибкрайплана, 1931. — 44 с.
4. *Советская Сибирь* : [газета]. — 1934.
5. *Стратегия научно-технологического развития РФ* : утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения : 20.09.2023).
6. Тихомиров Б. Проблемы роста городов в Кузнецком округе / Б. Тихомиров // Жизнь Сибири. — 1929. — № 2—3.

Литература

1. Ермолаев А. Н. История Кузбасса в трёх томах : Кузнецкий край на переломе эпох в 1890-х — начале 1940-х годов / А. Н. Ермолаев, А. Ю. Карпинец. — Кемерово : Кузбасская медиагруппа; ArtAvis, 2021. — Т. 2. — Книга 2. — 380 с. — ISBN 978-5-202-01486-4.
2. Зяблицева С. В. Особенности планирования и застройки городских поселений Западной Сибири в 1930-е — первой половине 1940-х гг. / С. В. Зяблицева // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки : история и политология. — 2010. — Выпуск 5. — С. 131—136.
3. Зяблицева С. В. Формирование и развитие социально-культурной сферы Западной Сибири : начало 1920-х — середина 1950-х гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / С. В. Зяблицева. — Кемерово, 2012. — 637 с.
4. Каймашикова Е. Б. История застройки южно-кузбасских городов — Кузнецка и Прокопьевска в контексте принципов Ветрувия / Е. Б. Каймашикова // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. — 2013. — № 1. — С. 64—67.
5. Каймашикова Е. Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е — середине 80-х гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. Б. Каймашикова. — Кемерово, 2004. — 221 с.
6. Карпинец А. Ю. Киселёвский каменноугольный рудник Кузбасса в середине 1930-х годов (по материалам местной периодической печати) / А. Ю. Карпинец // На-

учный диалог. — 2022a. — Т. 11. — № 9. — С. 355—372. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-355-372.

7. Карпинец А. Ю. Социальная сфера Киселёво накануне обретения городского статуса (по материалам местной периодической печати) / А. Ю. Карпинец // Научный диалог. — 2022b. — Т. 11. — № 10. — С. 370—387. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-370-387.

8. Кузбасс в документальных памятниках : 300 уникальных и значимых документов по истории Кузбасса XVII — начала XXI века : научно-популярное издание / авт.-сост.: А. Ю. Карпинец (рук. авт. кол.), А. Н. Ермолаев, А. Б. Коновалов, М. Г. Леухова, Л. А. Скрыбина, И. Ю. Усков ; отв. ред. А. Ю. Просеков. — Кемерово : Кузбасская медиа-группа, 2021. — 400 с. — ISBN 978-5-6044718-7-6.

9. Кустова Н. Ф. Формирование и развитие малых и средних городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы, конец 20-х — начало 50-х гг. XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Ф. Кустова. — Кемерово, 2000. — 240 с.

10. Леухова М. Г. Становление второй угольной базы на Востоке страны, 1928—1937 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Г. Леухова. — Кемерово, 2000. — 248 с.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

Kuzbass: results of the urban population census of 1931. (1931). Novosibirsk: Publication of the Zapsibkrayplan State Sector. 44 p. (In Russ.).

Slaughter: [newspaper]. (1933, 1934). (In Russ.).

Soviet Siberia: [newspaper]. (1934). (In Russ.).

Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation on December 1, No. 642. (2016). — Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (accessed 20.09.2023). (In Russ.).

The West Siberian Region in new borders in numbers: a brief statistical reference book. (1935). Novosibirsk: West Siberian Regional Department of National Economic Accounting. 185 p. (In Russ.).

Tikhomirov, B. (1929). Problems of urban growth in the Kuznetsk district. *Life of Siberia*, 2—3. (In Russ.).

References

Ermolaev, A. N., Karpinets, A. Y. (2021). *History of Kuzbass in three volumes: Kuznetsk Krai at the turning point of the epochs in the 1890s — early 1940s.*, 2 (2). Kemerovo: Kuzbass Media Group; Artavis. 380 p. ISBN 978-5-202-01486-4. (In Russ.).

Karpinets, A. Y. (2022a). Kiselevsky Coal Mine in Kuzbass in Mid-1930s: Local Periodicals. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 355—372. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-355-372. (In Russ.).

Karpinets, A. Yu. (2022b). Social Sphere of Kiselevo on Eve of Gaining City Status (Local Periodicals). *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 370—387. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-370-387. (In Russ.).

- Kaymashnikova, E. B. (2013). The history of the development of the South Kuzbass cities — Kuznetsk and Prokopyevsk in the context of the principles of Vetruiya. *Bulletin of the Siberian State Industrial University, 1*: 64—67. (In Russ.).
- Kaymashnikova, E. B. (2004). *The history of the formation and development of coal-metallurgical cities of Kuzbass in the 20s — mid—80s of the XX century*. PhD Diss. Kemerovo. 221 p. (In Russ.).
- Kustova, N. F. (2000). *Formation and development of small and medium-sized cities of Kuzbass in the conditions of the totalitarian system, late 20s — early 50s of the XX century*. PhD Diss. Kemerovo. 240 p. (In Russ.).
- Kuzbass in documentary monuments: 300 unique and significant documents on the history of Kuzbass of the XVII — beginning of the XXI century: popular science edition*. (2021). Kemerovo: Kuzbass Media Group. 400 p. ISBN 978-5-6044718-7-6. (In Russ.).
- Leukhova, M. G. (2000). *Formation of the second coal base in the East of the country, 1928—1937*. PhD Diss. Kemerovo. 248 p. (In Russ.).
- Zyablitseva, S. V. (2010). Features of planning and development of urban settlements in Western Siberia in the 1930s — the first half of the 1940s. *Bulletin of Tomsk State University. Humanities: History and Political Science, 5*: 131—136. (In Russ.).
- Zyablitseva, S. V. (2012). *Formation and development of the socio-cultural sphere of Western Siberia: early 1920s — mid-1950s*. Doct. Diss. Kemerovo. 637 p. (In Russ.).

*The article was submitted 28.09.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Куликов С. В. Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года / С. В. Куликов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 426—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-426-448.

Kulikov, S. V. (2023). Freedom of Conscience in Russian Empire at Beginning of XX Century and Constitutional Reform of 1906. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 426-448. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-426-448. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-426-448

Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года

Куликов Сергей Викторович
orcid.org/0009-0000-3829-3150
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела Новой истории России
sergeyikulikov70@mail.ru

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской Академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Freedom of Conscience in Russian Empire at Beginning of 20th Century and Constitutional Reform of 1906

Sergey V. Kulikov
orcid.org/0009-0000-3829-3150
PhD in History,
Senior Researcher,
Department of Modern History of Russia
sergeyikulikov70@mail.ru

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

© Куликов С. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Впервые в научной историографии с привлечением ранее неизвестных архивных документов рассматривается проблема обеспечения свободы совести при создании Основных законов 23 апреля 1906 года, ставших первой отечественной действующей конституцией. Показано, что данной проблеме уделяли внимание П. А. Харитонов, А. П. Саломон и граф А. Ф. Гейден, то есть авторы бюрократических проектов новых Основных законов, которые к декабрю 1905 года были подготовлены для императора Николая II. Отмечается, что главным из них оказался проект Харитонova, рассмотренный в Совещании высших чинов Государственной канцелярии. Установлено, что в дальнейшем закреплению свободы совести в Основных законах содействовало обсуждение проекта Государственной канцелярии в Совете министров С. Ю. Вите в марте 1906 года и составление тогда же профессором О. О. Эйхельманом другого проекта Основных законов. Подчеркивается, что возникшая по итогам апрельского Особого совещания под председательством Николая II среди его ключевых фигур полемика о пределах свободы совести повлияла на установленную лично царем окончательную редакцию соответствующей статьи Основных законов. Делается вывод, что эта редакция отразила консервативно-либеральный характер воззрений, разделявшихся непосредственными участниками конституционной реформы 1906 года.

Ключевые слова:

свобода совести; свобода вероисповедания; Основные законы; император; Православная церковь; Совет министров; Особое совещание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

For the first time in scientific historiography, with the involvement of previously unknown archival documents, the problem of ensuring freedom of conscience is considered when creating the Fundamental Laws on April 23, 1906, which became the first national constitution in force. It is shown that P. A. Kharitonov, A. P. Salomon and Count A. F. Heyden paid attention to this problem, that is, the authors of bureaucratic drafts of new Fundamental Laws, which by December 1905 were prepared for Emperor Nicholas II. The main one turned out to be Kharitonov's project, considered at a Meeting of the highest ranks of the State Chancellery. In the future, the consolidation of freedom of conscience in the Fundamental Laws was facilitated by the discussion of the draft State Chancellery in the Council of Ministers under the chairmanship of Count S.Y. Witte in March 1906 and the drafting of another draft of Fundamental Laws by Professor O. O. Eichelman at the same time. It is emphasized that the controversy that arose as a result of the April Special Meeting chaired by Nicholas II among his key figures about the limits of freedom of conscience influenced the final version of the corresponding article of the Fundamental Laws established personally by the tsar. It is concluded that this version reflected the conservative-liberal nature of the views shared by the direct participants of the constitutional reform of 1906.

Key words:

freedom of conscience; freedom of religion; Fundamental Laws; the Emperor; the Orthodox Church; the Council of Ministers; a special meeting.

Свобода совести в Российской империи начала XX века и конституционная реформа 1906 года

© Куликов С. В., 2023

1. Введение = Introduction

Обеспечение свободы совести всегда было актуальным в Российской империи по причине ее многоконфессионального характера, однако особую актуальность эта проблема приобрела в ходе подготовки Основных государственных законов 23 апреля 1906 года, ставших первой отечественной действующей конституцией. Тем не менее данный сюжет остался вне поля зрения как специалистов по истории свободы совести в России начала XX века (А. А. Дорская [Дорская, 2001], А. А. Сафонов [Сафонов, 2007; Сафонов, 2016, с. 910—912], Е. А. Терюкова [Терюкова, 2006, с. 26—34]), так и тех дореволюционных (В. В. Водовозов [Водовозов, 1917, с. 183—187], Б. Б. Глинский [Глинский, 1913, с. 977—987], барон Б. Э. Нольде [Нольде, 1913, стлб. 524—541]), советских (Р. Ш. Ганелин [Ганелин, 1984, с. 283—297; 1996, с. 523—530], Н. Г. Королева [Королева, 1982, с. 75—82]), постсоветских (В. А. Демин [Демин, 2016, с. 649—654], И. А. Кравец [Кравец, 2000, с. 111—119], И. А. Христофоров [Христофоров, 2005, с. 393—414]) и зарубежных (Р. Пайпс [Пайпс, 1994, с. 173—180], М. Шефтел [Szeftel, 1976]) исследователей, которые изучали историю создания Основных законов 1906 года.

Впрочем, В. М. Гессен, сравнивая проекты Основных законов, обсуждавшиеся Государственной канцелярией и Советом министров, отметил, что первый проект «почему-то не упоминает о свободе вероисповедания» и «пробел этот впоследствии восполняется» во втором проекте [Гессен, 1916, стлб. 1324]. Сравнительному анализу первоначального проекта П. А. Харитонов и проектов Государственной канцелярии и Совета министров посвящена публикация автора настоящей статьи [Куликов, 2004, с. 29—64]. Косвенное отношение к ее теме имеет статья М. Ф. Флоринского, поскольку она посвящена не конституционной реформе 1906 года, а последующему периоду так называемой Третьеиюньской монархии [Флоринский, 1980, с. 21—26].

Рассмотрению того, как решался вопрос об обеспечении свободы совести при создании Основных законов 1906 года, способствует обращение

к фондам 727 (бароны Нольде), 1276 (Совет министров) и 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях) Российского государственного исторического архива (С.-Петербург), где хранятся документы, до сих пор не использовавшиеся историками.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впрежних Основных законах 1832 года свобода совести, понимаемой как свобода вероисповедания, была посвящена глава VII «О вере», состоявшая из семи статей, с 40-й по 46-ю, причем четыре из них (40—43) относились к Православной церкви, а три (44—46) — к инославным исповеданиям и иноверцам. В статье 40 православная вера характеризовалась как «первенствующая и господствующая в Российской империи». Император Всероссийский мог исповедовать только православную веру (статья 41), и, «яко Христианский Государь», он представлялся как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель прав веры и всякого в Церкви святой благочиния» (статья 42). Пояснение под этой статьей уточняло, что «в сем смысле» монарх в Акте Павла I от 5 апреля 1797 года о наследии престола именуется «главой церкви». В церковном управлении самодержавной власти надлежало действовать «посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного» (статья 43) [Свод законов..., 2007, с. 8—9].

«Первенство и господство» Православной церкви было формальным и фактически выражалось только в принадлежавшем исключительно ей праве проповедования своего вероучения, поскольку все другие преимущества она разделяла с другими признанными исповеданиями, по крайней мере — христианскими. В отличие от западных государственных церквей Православная церковь не содержалась на средства государства, и закон не устанавливал для православного духовенства государственного содержания и обязательных сборов с прихожан. Более того, по своему материальному положению духовенство «первенствующей и господствующей» церкви было в худшем положении, чем католическое духовенство в губерниях Царства Польского, где оно получало содержание от казны. Относительно приобретения недвижимого имущества для Православной церкви существовали большие ограничения, чем для других, признанных конфессий [Коркунов, 1908, с. 533, 539—540, 562].

Статья 44 Основных законов 1832 года постановляла: «Все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе, или временно в России пребывающие, пользуются каждый

повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» [Свод законов..., 2007, с. 9]. Статья 45 провозглашала: «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи» [Там же]. Статья 46 определяла, что церковные дела христиан иностранных (то есть инославных) исповеданий и иноверцев ведаются их духовными властями и «особенными правительствами, верховною властью к сему предназначенными» [Там же]. Следовательно, свободу совести, точнее — вероисповедания, обеспечивали статьи 44 и 45 Основных законов 1832 года. Подразумевая эти статьи, Б. Н. Чичерин отмечал: «В настоящее время свобода вероисповедания, как общее начало, признается у нас Основными законами Империи» [Чичерин, 2006, с. 293]. По мнению Н. М. Коркунова, русское законодательство обеспечивало «не столько свободу, сколько равенство вероисповеданий», так как, по общему правилу, «все вероисповедания пользуются одинаковыми правами» [Коркунов, 1908, с. 533]. Полное осуществление «религиозной свободы, провозглашенной нашими Основными законами», полагал Чичерин, «предстоит еще впереди» [Чичерин, 2006, с. 294]. В начале XX века существовало представление, что религиозная свобода распадается на индивидуальную (свободу совести) и общественную (свободу церковных обществ) [Основной государственный закон..., 1905, с. 7]. В отличие от свободы совести свобода церковных обществ была обеспечена уже Основными законами 1832 года.

Характеризуя ситуацию второй половины XIX — начала XX веков, Г. Б. Сливозберг писал, что в Российской империи государственная власть «отделяла себя от церквей других исповеданий и проявляла себя в широкой степени терпимой и не считала необходимым проявить вмешательство во внутреннюю жизнь других церквей или религиозных организаций, ограничиваясь только общим контролем их деятельности». Свобода совести отсутствовала только в том смысле, что выход из православия был «абсолютно загражден», однако переход в православие из других исповеданий, христианских и нехристианских, — «совершенно свободен». Более того, подчеркивал Сливозберг, «никаких принудительных мер к выходу из своего исповедания и переходу в православие в отношении членов разных церквей не принималось, и притом не только в отношении христианских исповеданий, но и нехристианских и даже языческих». В основе политики царского правительства в отношении исповеданий, подытоживал он, «меньше всего играла роль религиозная нетерпимость» и «в гораздо

большей степени усматривался принцип веротерпимости». Доказывая этот вывод, Слиозберг удостоверял: «Евреям оставлена была полная свобода культа. Принцип невмешательства во внутренние религиозные дела евреев довольно последовательно проводился в течение всего XIX и начала XX столетия» [Слиозберг, 1933, с. 68, 75, 88]. С выводами эмигрантского историка соотносятся выводы советского историка.

«Формально, — признавал В. С. Дякин, подразумевая и ограничения по конфессиональному признаку, — российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. Законами были ущемлены в правах евреи (некоторыми — независимо от вероисповедания), а с 1864 года — поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения татар-мусульман». Хотя правовые ограничения детерминировались конфессией и степенью владения государственным, то есть русским, языком, однако «инородец» «мог, в ряде случаев и не переходя в православие, пользоваться всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявлял очевидную готовность служить “русской государственной идее” — великодержавности и самодержавности» [Дякин, 1998, с. 15]. Большой дискриминации, чем инославные и иноверцы, подвергались старообрядцы и сектанты, однако во второй половине XIX века и их положение стало облегчаться.

В царствование Александра II прежнюю политику прямого преследования старообрядцев, особенно — некоторых из их категорий, например — беспоповцев, заменили недопущение «оказательства», то есть наружного выявления раскола его последователями, и «официальное игнорирование» раскольников [Слиозберг, 1933, с. 71]. Показательно, что в 1904 году идеологи либеральной оппозиции в качестве доказательств того, что свобода богослужения в России «значительно ограниченная», приводили только два примера — раскольников, которым воспрещалось «публичное оказательство» их веры, и штундистов, которые преследовались даже за частные молитвенные собрания [Основной государственный закон..., с. 8].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Свобода совести в бюрократических проектах Основных законов

Ограничения, лежавшие на старообрядцах и сектантах, а также на православных, инославных и иноверцах, были сняты Николаем II Указом 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» и утвержденным тогда же царем Положением Комитета министров [Куликов, 2016, с. 439—440]. Тем самым получила обеспечение не только свобода церковных обществ, но и свобода совести, подтвержденная Николаем II ровно через полгода.

В Манифесте 17 октября 1905 года самодержец возложил на кабинет графа С. Ю. Витте выполнение «непреклонной Нашей воли» «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы» на началах в том числе и «свободы совести» [Российское законодательство..., с. 41]. Манифест 17 октября предопределил создание новых Основных законов, проекты которых к декабрю 1905 года составили для Николая II товарищ (заместитель) государственного секретаря П. А. Харитонов, при участии сенатора Н. П. Гарина, директор Александровского лицея А. П. Саломон и начальник Военно-походной канцелярии царя граф А. Ф. Гейден, при участии Саломона.

В проекте П. А. Харитонova статья 18 главы I «Об императорской власти» гласит, что постановления старых Основных законов о вере (статьи 40—46) «сохраняют свою силу» [Куликов, 1998, с. 103]. В Объяснительной записке к проекту отсутствие в его главе II «О правах российских подданных» особого постановления о свободе совести Харитонов объяснял тем, что «правила о сем действующих Основных законов Империи», то есть статьи 40—46, «в достаточной мере обеспечивают означенную свободу и на сохранение таковых правил в силе уже указано в статье 18» [РГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 28, л. 10]. Судя по всему, в данном случае Харитонов учел соображения авторов проекта Основного закона, который исходил от Союза освобождения и стал одним из источников его проекта. Они полагали, что общий вопрос об отношениях церкви и государства «представляется повсюду, а в России в особенности, настолько сложным, что следует заранее отказаться от мысли о возможности при введении представительного образа правления, так сказать, попутно, в одной или нескольких статьях конституции разрешить эту трудную историческую проблему». Однако они находили, что «вполне возможно и желательно обеспечить всем вероисповедным обществам свободу богослужения» [Основной государственный закон..., с. 7, 8], что и обеспечивали уже статьи 44 и 45 Основных законов 1832 года. В начале XX века полная свобода вероисповедания, то есть отделение церкви от государства, в Европе законодательно была закреплена только во Франции Законом 9 декабря 1905 года (по н. ст.), а в Америке — в конституциях лишь четырех государств (Гаити, Мексика, Сальвадор и США). Во всех остальных государствах, независимо от формы правления, свобода вероисповедания, как и в России, также сочеталась с юридическим или фактическим признанием какой-либо церкви (католической либо протестантской) государственной и даже единственно допускаемой (Эквадор) [Коркунов, 1906, с. 131—133].

А. П. Саломон в Предисловии к своему проекту отмечал, что в «отделе о правах российских граждан» он уделит «особое внимание» в том чис-

ле и «точной формулировке начал полной свободы веры». Действительно, в главе X «О правах российских граждан» этого проекта статья 65 постановляет, что «все российские граждане свободны в исповедании веры», а статья 66 декларирует: «Никто не может быть побуждаем гражданским правительством или судом к исполнению церковных правил и соблюдению религиозных обрядов; никому не возбраняется оставлять свое вероисповедание, или переходить из одного вероисповедания в другое». В этих статьях Саломон отразил самую суть Указа 17 апреля 1905 года Глава VIII «О вере» его проекта состоит, в отличие от аналогичной главы старых Основных законов, только из двух статей. В статье 47 православная вера трактуется как «первенствующая в Российской империи», а далее объявляется, что Православной церкви «принадлежит преимущество почета и право на особое попечение о ее нуждах Императора, Государственных палат и правительства». Первое предложение этой статьи скопировано со статьи 40 прежних Основных законов, но — без прилагательного «господствующая», а во втором предложении — указывается на особую роль двухпалатного народного представительства. Статья 48 провозглашает, что «первенствующее положение» Православной церкви «не может служить основанием для стеснения или ограничения церковей, общин и лиц других вероисповеданий в отправлении ими богослужения и религиозных обрядов, а также в распространении ими своего вероучения, если, однако, совершаемые при сем действия не нарушают общих законов» [Куликов, 1998, с. 113, 122, 124]. Исключение Салоном в статье 47 прилагательного «господствующая» объяснялось тем, что в статье 48 право проповеди переставало быть исключительной привилегией Православной церкви и предоставлялось и другим исповеданиям.

В проекте А. Ф. Гейдена глава VII «О вере» содержит семь статей — с 43-й по 49-ю, причем статьи 43 и 44 скопированы со статей 40 и 41 старых Основных законов, статья 45 воспроизводит начало их статьи 42: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник господствующей веры». Однако в статье 45 опущена фраза прежней статьи 42 о том, что император — еще и «хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». В статье 46, заменившей старую статью 43, указывается, что «в управлении церковном власть верховная действует на основании соборных постановлений Православной церкви». Таким образом, Гейден, будучи давним сторонником восстановления патриаршества и поместных соборов, не преминул выразить это воззрение в новых Основных законах. Статьи 47, 48 и 49 проекта Гейдена полностью воспроизводят статьи 44, 45 и 46 прежних Основных законов, обеспечивая свободу вероисповедания [Куликов, 1998,

с. 135—136]. Однако в этом проекте ограничительные нормы содержит целая глава IX — «О составе государства и государственном языке», которая состоит из пяти статей — с 77-й по 81-ю. Исходя из того, что «господствующее коренное население Российского государства есть племя русское православное» и «государственным языком служит язык русский как во всех государственных, административных и судебных учреждениях, так и в школах, содержимых на счет государства» (статья 77), Гейден конституционно закреплял пропорциональные процентные нормы для «российских подданных иностранных исповеданий, евреев и инородцев» в области государственной службы (статья 78), для учащихся из перечисленных категорий в казенных школах, за исключением губерний Царства Польского и Кавказа (статья 79) и для собственников из этих же категорий на всей территории Империи, за исключением губерний Царства Польского (статья 80). Кроме того, запрещалось приобретение крестьянских надельных и благоприобретенных земель «лицами иностранных исповеданий, евреями и инородцами» (статья 81) [Куликов, 1998, с. 139—140]. Характерно, однако, что ограничительные нормы, содержащиеся в главе IX, не были востребованы как императором, так и представителями бюрократической элиты в ходе дальнейшей подготовки новых Основных законов. Более того, в главе X «О правах российских граждан» Гейден поместил две статьи, 84 и 85, которые практически дословно воспроизводят статьи о свободе совести, 65 и 66, из проекта А. П. Саломона [Там же, с. 140], что свидетельствует о причастности последнего к составлению проекта Гейдена.

В декабре 1905 года общее руководство подготовкой новых Основных законов Николай II возложил на председателя Государственного совета графа Д. М. Сольского, а непосредственное — на государственного секретаря барона Ю. А. Икскуля фон Гильденбандта. Согласно воле царя, проект П. А. Харитонова, как главный, вместе с двумя другими проектами, обсуждался 14 января 1906 года под председательством Икскуля в Совещании высших чинов Государственной канцелярии [Куликов, 2013, с. 102—159]. Каких-либо изменений относительно свободы совести Совещание в проект Харитонова не внесло [Куликов, 2004, с. 41], и он, уже как проект Государственной канцелярии, по повелению Николая II поступил на рассмотрение Совета министров.

3.2. Свобода совести в проектах Совета министров и О. О. Эйхельмана

Кабинет С. Ю. Витте рассматривал проект новых Основных законов 10, 12, 14, 18 и 19 марта 1906 года, однако, как это видно из редакции проекта, подготовленной управляющим делами Комитета министров бароном Э. Ю. Нольде к 17 марта, статья о свободе совести в нем отсут-

ствовала [РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 56, л. 61—66, об.]. Следовательно, вопрос о включении этой статьи в Основные законы получил разрешение только в последний момент, на заседаниях 18 и 19 марта. Мемория Совета министров информировала Николая II, что кабинет, помимо прочего, «нашел желательным» «восполнить» главу II «Об основных правах и обязанностях российских подданных» особой статьей, «подтверждающей свободу совести на основании Указа Вашего величества от 17 апреля 1905 года об укреплении веротерпимости» [Совет министров..., с. 364]. Сам Витте, перечисляя «главнейшие изменения», которые Совет министров внес в проект Государственной канцелярии, вспоминал, что в него «была включена статья, подтверждающая свободу совести на основании Указа от 17 апреля 1905 года об укреплении веротерпимости» [Из архива С. Ю. Витте, 2003, с. 465]. В результате статья 34 проекта Совета министров, как стал называться проект Государственной канцелярии, постановляет: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» [Куликов, 2004, с. 58]. На редакцию статьи 34 повлияло первое предложение преамбулы Указа 17 апреля. «В постоянном, по заветам предков, общении со Святою Православною Церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы, — объявлял в преамбуле Николай II, — всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из Наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести» [Ерофеев, 2014, с. 55]. «Разумеется, свобода отправления религиозных обрядов, — отмечали оппозиционные государствоведы, — не может быть безгранична: она должна сочетаться с требованиями общественного порядка и безопасности, не должна вести к взаимным оскорблениям последователей различных вероисповеданий» [Основной государственный закон..., 1905, с. 8]. Установление в статье 34 пределов свободы совести через регулирование ее законом полностью соответствовало либеральному дискурсу начала XX века.

После представления Николаю II проекта Совета министров профессор Киевского университета О. О. Эйхельман, не исключено, что с ведома С. Ю. Витте, адресовал императору 24 марта 1906 года «Соображения о новом изложении Основных государственных законов Российской империи» со своим проектом новых Основных законов [Куликов, 2019, с. 82—99]. Глава седьмая «О вере» проекта Эйхельмана включает в себя 14 статей — с 35-й до 48-й, составляя которые, он исходил из того, что Православная церковь «остается первенствующей в Российской империи» после Указа 17 апреля 1905 года и Манифеста 17 октября 1905 года [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 319, об.] Статью 41 Основных законов 1832 года,

об обязательности православной веры для монарха, профессор переместил в главу первую — «О существе верховной самодержавной власти императора». В статье 35 своего проекта Эйхельман объединил три статьи (40, 42 и 43) прежних Основных законов, и сделанные в них редакционные правки — стилистического свойства. Пояснение под статьей 42 о том, в каком смысле в 1797 году самодержец именовался «главою церкви», профессор опустил. «Значения ни по существу, ни практического оно, — пояснял Эйхельман, — не имеет. Самый вопрос об императоре, как о “главе Церкви”, и не ставится». В статье 36 своего проекта профессор соединил статью 44 и начало статьи 45 старых Основных законов [Там же, л. 319—320, об.].

После статьи 36, полагал Эйхельман, «подходяще вставить коренные положения из новых законов о веротерпимости», то есть из Указа 17 апреля 1905 года и высочайше утвержденного тогда же Положения Комитета министров. В соответствии с пунктом 1 Указа 17 апреля 1905 года статья 37 гласит: «Отпадение русского подданного от одного из христианских вероисповеданий или вероучений, к которому он принадлежит, в другое, христианское же, предоставляется его воле и совести. Такая перемена вероисповедания или вероучения христианина, в пределах христианской веры, не должна влечь за собою никаких невыгодных последствий в отношении личных и гражданских прав» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 320, об.]. В пункте 1 Указа 17 апреля говорится лишь о праве православных свободно переходить в другое христианское вероисповедание, однако Эйхельман находил нужным «выразить этот принцип *общее* (выделено нами. — С. К.), что логически необходимо и справедливо», согласно «теоретическому, тактическому и моральному соображению» [Там же, л. 320, об.]. Статья 38, исходящая из пункта 3 Указа 17 апреля, постановляет: «Лица, числящиеся христианами которого-либо из христианских вероисповеданий или вероучений, но, в действительности, исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к христианскому вероисповеданию или вероучению принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа христиан» [Там же, л. 321]. В этой статье, в отличие от пункта 3, говорится вообще о «христианах» и «христианском вероисповедании» и «вероучении», а не о «православных» и «православии», так как те же самые «теоретические, моральные и тактические соображения» побудили профессора выразить основную мысль пункта 3 «общее» [Там же, л. 321].

Статья 39 декларирует: «Нехристиане могут свободно переменять исповедуемую ими религию» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 321]. «Экспрессивное» признание этих начал для иноверцев в новых Основных законах было, по мнению Эйхельмана, «несомненно, вполне уместно», поскольку,

хотя Указ 14 апреля 1905 года «только не успел досказать» выраженные здесь начала, «на непреложную необходимость закрепить их в ближайшем будущем» напрямую указывают его пункты 15 и 16 [Там же, л. 321]. Статья 40, буквально повторяющая начало пункта 14 Указа 17 апреля, гарантирует преподавание во всех учебных заведениях Закона Божия инославных на родном языке учащихся. Статья 41 основывается на начале пункта 13 того же Указа и обеспечивает постройку, возобновление и ремонт церквей и молитвенных домов не только всем христианским исповеданиям, но и, толкуя распространительно Указ 14 апреля, иноверным исповеданиям [Там же, л. 321, об.—322]. Статьи 42, 43, 44 и 45, соответствующие пунктам Указа и Положения Комитета министров 17 апреля 1905 года, представляют старообрядческим соглашениям и сектантским толкам права, принадлежавшие инославным вероисповеданиям и вероучениям. Формулируя статью 42, профессор полагал, что точный смысл Указа 17 апреля в отношении старообрядцев и сектантов заключается в том, чтобы «по всей справедливости приравнивать правоположение их вероучений в Русском государстве к правоположению инославных вероисповеданий» [Там же, л. 322—323]. Таким образом, Эйхельман, являвшийся, кстати, лютеранином, поставил свободу совести настолько широко, что у него она выходила за рамки Указа 17 апреля, хотя профессор так же, как и Совет министров, установил пределы этой свободе.

Статья 46 проекта Эйхельмана повторяет окончание пункта 6 и литеру *в*) пункта 5 Указа 17 апреля и гласит: «Учинение из религиозных побуждений нарушения закона подвергает виновных в том установленной законом ответственности. Принадлежность к последователям изуверных учений, как раскола, так и других, наказуема в уголовном порядке» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 323]. Статья 47 постановляет: «Право миссионерства принадлежит в пределах Российской империи исключительно Православной церкви». Проектируя эту статью, профессор исходил из того, что миссионерство — «открытая пропаганда своего религиозного верования среди других людей, в активных и, на деле, обычно — агрессивных формах», по причине чего господствующая Православная церковь, «составляющая народную силу государства, может не терпеть подобных действий других вероисповеданий, а потому, не препятствуя свободной перемене религии (ст. 37—39), государство, однако, не дозволяет, чтобы велась организованная борьба с целью оторвать, агитационным образом, членов у той или другой религиозной общины, а в том числе и у господствующей — Православной церкви» [Там же, л. 323, об.]. Включение статьи 47 в новые Основны́е законы Эйхельман находил уместным еще и потому, что Указом 17 апреля 1905 года «признана, в таком широком виде, свобода веры и

свобода вероисповедания» [Там же]. Наконец, статья 48 профессорского проекта повторяет, с несущественными редакционными изменениями и с дополнением относительно метрических записей, статью 46 прежних Основных законов [Там же].

Эйхельман не мог скрыть от себя «некоторого опасения», что он встретит упрек за то, что серия статей 37—48 «несколько выходит из подлежащих для такого предмета обычных рамок размеров объема изложения сего предмета в “Основных государственных законах”» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 24, л. 324]. Однако «этот вопрос у нас, — полагал профессор, — в несколько особом положении, ввиду бывших порядков в недавнем прошлом», чем и предопределялись «некоторые детали, которые впоследствии могут и отпасть», но «ныне они *практически* (здесь и далее выделено автором. — С. К.) неотложны» [Там же, л. 324, об.]. Кроме того, «большую детальность» изложения статей 37—48 предопределяли и «*политико-психологические* соображения для настоящего, так сказать, переходного момента» [Там же, л. 324, об.]. Свободу совести Эйхельман закрепил и в главе восьмой «Основы гражданской свободы» — ее статья 52 провозглашает: «Свобода вероисповедания и богослужения принадлежит русским подданным на указанных выше, в ст. 36—47, основаниях» [Там же, л. 326]. Свои соображения относительно свободы совести профессор получил возможность развить в Особом совещании под председательством Николая II по пересмотру Основных законов, которое заседало 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 года и обсуждало проект Совета министров как главный, а также — проекты Государственной канцелярии и Эйхельмана.

3.3. Полемика о пределах свободы совести по итогам Особого совещания под председательством Николая II

На последнем заседании Особого совещания, 12 апреля, Э. В. Фриш, сам бывший лютеранином, заявил: «В статье 34 необходимо закрепить провозглашенное в Указе 17 апреля 1905 года начало допустимости перехода из одного христианского вероисповедания в другое». Николай II в ответ заметил: «Я не вижу к тому препятствий». «Правильнее сказать, — оживился О. О. Эйхельман, — что переход из одного вероисповедания в другое не возбраняется, условия же такого перехода определяются законом» [Русский конституционализм..., 2001, с. 153]. Окончательное редактирование проекта новых Основных законов император поручил пяти членам Особого совещания: М. Г. Акимову, С. Ю. Витте, графу К. И. Палену, Д. М. Сольскому и Э. В. Фришу, — которым П. А. Харитонов, ведавший делопроизводством Особого совещания, отправил 13 апреля проект, исправленный по его итогам [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 3]. В частности, статью 39 Харитонов, учитывая обмен мнений, состоявшийся 12 апреля

между Фришем, Николаем II и Эйхельманом, изменил так: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется. Условия перехода из одного вероучения в другое определяются законом» [Там же, л. 31, об.].

Относительно новой редакции статьи 39 были выдвинуты три мнения. Д. М. Сольский выступил за то, чтобы статью 39 сохранить в редакции Совета министров, а именно: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» [Там же, л. 216]. М. Г. Акимов, К. И. Пален и Э. В. Фриш находили необходимым, согласно заявлению последнего в заседании Особого совещания 12 апреля, закрепить в будущих Основных законах «одно из главнейших положений Указа 17 апреля 1905 года о том, что переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется», и указанием на это дополнить статью 39, спроектированную Советом министров [Там же, л. 216]. Иными словами, Акимов, Пален и Фриш одобрили редакцию статьи 39, присланную им 13 апреля П. А. Харитоновым. Особое, третье, мнение заявил другой участник Особого совещания — обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Д. Оболенский, которому Харитонов неосторожно также отправил 13 апреля проект Основных законов.

«Я не могу признать эту редакцию удовлетворительной, — обращался обер-прокурор к товарищу государственного секретаря, подразумевая далее “отдел” (то есть главу II) “О правах и обязанностях российских подданных”. — Все статьи этого отдела изложены так, что даруется определенная свобода и указывается, что *пределы* (здесь и далее выделено нами. — С. К.) и *условия* пользования ею определяются законом. В Манифесте 17-го октября прямо говорится о свободе совести. Ограничения, ныне существующие, основываются на законе, на законе же основываются условия пользования этой свободой. Впоследствии эти законы могут быть изменены в ту или другую сторону, и, хотя соответственно смыслу Ман[ифест]а 17-го окт[ября], эти законы должны изменяться в сторону меньших ограничений — нет основания закреплять в Основных законах законы, действующие ныне» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 55—55, об.]. Демарш Оболенского объяснялся тем, что он являлся одним из авторов Манифеста 17 октября 1905 года. Князь, несомненно, считал себя едва ли не самым авторитетным истолкователем того, что понимается в этом Манифесте под «свободой совести». Статья 39 в редакции Совета министров, к составлению которой Оболенский был также непосредственно причастен, удовлетворяла князя «более». Но если ее «непременно надо менять», то Оболенский предлагал после первого

предложения данной статьи вставить такое предложение: «Пределы и условия пользования этою свободою определяются законом». Однако «лучше всего», — колебался князь, — было бы в «отделе» о правах, «может быть, ничего не писать, а сделать маленькую поправку в статье 45-й нынешних Основных законов, сказав после слов этой статьи "...праотцев своих" слова: "и по велениям совести своей"» [Там же, л. 55, об.—56]. При сохранении примечания к статье 46 старых Основных законов («Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в IV части Свода уставов благочиния» [Свод законов..., с. 9]) «всякая прибавка, — считал Оболенский, — излишня» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 56—56, об.].

Новая редакция статьи 39, которая была поддержана Э. В. Фришем и сначала С. Ю. Витте и, судя по всему, составлена другом Фриша, членом Государственного совета Н. С. Таганцевым, постановляет: «Российские подданные пользуются свободою вероисповедания по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 135]. А. Д. Оболенский, возражая против этой редакции, предложил следующие две редакции: 1) «Российские подданные пользуются свободою вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» или 2) «Российские подданные пользуются свободою вероисповедания по велениям своей совести. Условия и пределы пользования сею свободою определяются законом» [Там же]. Однако соглашение Фриша и Оболенского по статье 39 не состоялось.

Исправленный проект новых Основных законов П. А. Харитонов 16 апреля отправил С. Ю. Витте, К. И. Палену, Д. М. Сольскому и Э. В. Фришу, а статью 39 — А. Д. Оболенскому [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 104, 106—113]. Она была сформулирована в редакции Фриша [Там же, л. 140б] и стала выглядеть так: «Российские подданные пользуются свободою вероисповедания по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется. Условия принадлежности к иным вероучениям и перехода из одного вероучения в другое определяются законом» [Там же, л. 108, об.]. В тот же день, 16 апреля, Харитонов доложил лично Сольскому, что Оболенский «решительно не соглашается» с редакцией Фриша [Там же, л. 129]. Действительно, Оболенский вставил после первого предложения этой редакции свое предложение: «Условия и пределы пользования сей свободою определяются в законе», а третье предложение — наметил к удалению [Там же, л. 140а—140б.]. К мнению Оболенского присоединился Витте, который в присланном ему проекте Основных законов напротив статьи 39 написал: «С этой редакцией трудно

согласиться» [Там же, л. 116, об.]. В результате Харитонов 16 апреля составил новую редакцию спорной статьи: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое, с соблюдением установленных законом правил, не возбраняется. Условия перехода из христианского вероисповедания в нехристианское, а равно из одного вероучения в другое определяются законом» [Там же, л. 109]. Эту редакцию Харитонов сообщил Витте, Оболенскому и Фришу, но и это не способствовало достижению консенсуса между ними.

Новая редакция Э. В. Фриша и Н. С. Таганцева, написанная последним, объявляет: «Российские подданные пользуются свободой веры по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 141]. Реагируя на очередную редакцию Фриша, А. Д. Оболенский, поддержанный С. Ю. Витте, предложил оставить ее первое предложение без изменений, но два следующих предложения заменить одним: «Условия пользования этою свободой определяются законом» [Там же, л. 142]. В конце концов, Оболенский остановился на такой редакции статьи 39: «Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия пользования этою свободой определяются законом» [Там же, л. 215, об.]. Тем самым обер-прокурор вернулся к своему первоначальному предложению.

М. Г. Акимов, К. И. Пален и Э. В. Фриш по-прежнему считали редакцию А. Д. Оболенского и С. Ю. Витте «неприемлемой», ибо «невозможно велениям совести, — о свободе коей провозглашено в Указе 17 апреля и подтверждено в Манифесте 17 октября, — ставить условия в законе» [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 216—216, об.]. Акимов, Пален и Фриш полагали необходимым, во-первых, оговорить, что «условия не пользования свободой вероисповедания, а перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом (например, не ранее совершеннолетия)», а во-вторых — закрепить «основное положение Указа 17 апреля, что переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется» [Там же, л. 216, об.]. «Включение в Основные законы этого положения Указа 17 апреля, — мотивировали свою точку зрения три сановника, — ограничивает лишь почин Государственной думы или Государственного совета, которые не в праве будут самостоятельно, без высочайшего соизволения, возбудить вопрос об изменении в ту либо другую сторону упомянутого начала, но засим от верховной власти будет всецело зависеть предложить Думе подвергнуть этот вопрос законодательному рассмотрению» [Там же, л. 216,

об.—217]. Кроме того, по мнению Акимова, Палена и Фриша слово «вероисповедание» надлежало заменить словом «вера», поскольку первое из них может относиться лишь к христианским вероисповеданиям, между тем как в статье 45 старых Основных законов, вошедшей в новые Основные законы, и в Указе 17 апреля 1905 года говорится о свободе веры как христианской, так и нехристианской. Ввиду этого три сановника предлагали изложить статью 39 в следующей редакции: «Российские подданные пользуются свободой веры по велениям своей совести. Переход из одного христианского вероисповедания в другое не возбраняется. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом» [Там же, л. 217]. В таком виде статья 39 и была внесена в проект Основных законов [Там же, л. 224, об.], представленный Николаю II 19 апреля 1906 года.

4. Заключение = Conclusions

В сопровождавшем проект всеподданнейшем докладе П. А. Харитонов информировал императора, что статья 39 изложена в редакции М. Г. Акимова, К. И. Палена и Э. В. Фриша, а также воспроизвел редакции Д. М. Сольского и А. Д. Оболенского и мотивировки всех редакций [РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 215, об.—217]. Читая проект, Николай II собственноручно вычеркнул второе и третье предложения статьи 39 и вставил вместо них утверждение: «Условия пользования этой свободой определяются законом». После высочайшей правки статья 39 стала гласить: «Российские подданные пользуются свободой веры по велениям своей совести. Условия пользования этой свободой определяются законом» [Там же, л. 224, об.]. Итак, ставя точку в споре о пределах свободы совести царь учел как мнение Акимова, Палена и Фриша, оставив первое предложение, так и Оболенского, вставив второе. Однако на этом перипетии со статьей 39 не закончились, поскольку для окончательной доработки, согласно своей правке, Николай II передал проект Основных законов Совещению под председательством нового главы Совета министров И. Л. Горемыкина. Участниками Совещения были М. Г. Акимов, И. Я. Голубев, Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, Д. М. Сольский и П. А. Харитонов. Представляя монарху 22 апреля окончательный проект, Горемыкин сообщил, что в статье 39 Совещение исключило слова «по велениям своей совести», дабы «устранить возможность нежелательного сопоставления велений совести с определениями закона об условиях пользования свободой веры» [Там же, л. 233—233 об.]. Окончательная редакция статьи 39 (ставшая в последующей кодификации 81-й) постановляет: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом» [Свод законов..., 2007, с. 16].

С. Ю. Витте вспоминал, что статья 39 была «существенно сужена» сравнительно с ее редакцией, установленной Советом министров и Особым совещанием под августейшим председательством. Однако граф безосновательно полагал, что это произошло, «вероятно, под влиянием некоторых иерархов через императрицу Александру Феодоровну» [Из архива С. Ю. Витте, 2003, с. 470]. Формально свобода совести из статьи 39 исчезла, однако, учитывая, что слово «вера» относилось как к христианским вероисповеданиям, так и нехристианским вероучениям, — свобода совести, трактуемая как свобода веры, фактически осталась.

Полемика о пределах свободы совести, развернувшаяся в среде бюрократической элиты Российской империи в ходе подготовки Основных законов 1906 года, свидетельствует о существовании у царских сановников разных представлений о том, что такое «свобода совести». Одни полагали, что она достаточно обеспечена уже в Основных законах 1832 года, поэтому нет необходимости закреплять ее в новых Основных законах в особой статье. Другие исходили из того, что свобода совести введена Указом 17 апреля и Манифестом 17 октября 1905 года, по причине чего необходимо внести соответствующую статью в новые Основные законы. Третьи считали, что важно не только внести статью о свободе совести, но и закрепить в ней право перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое. При всей разности мнений представителей бюрократической элиты относительно свободы совести все эти мнения существовали в консервативном сегменте либерального дискурса, вследствие чего подразумевалось, что ее реализация возможна только в пределах закона. Аналогичную точку зрения имел Николай II, позиция которого и обусловила содержание статьи о свободе совести в Основных законах 1906 года.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. — Москва : НЛЮ, 2000. — 808 с. — ISBN 5-86793-109-9.

2. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 2. — 646 с. — ISBN 5-86007-337-2.

3. Ерофеев Н. Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории (20 октября 1894 г. — 3 марта 1917 г.) / Н. Д. Ерофеев // Сборник документов. — Москва : ИРИ РАН, 2014. — 605 с. — ISBN 978-5-8055-0260-7.

4. Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». — Paris : [б. и.], 1905. — 76 с.

5. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 727 (бароны Нольде). Оп. 2. Д. 56. Проекты Основных государственных законов, замечания Нольде Э. Ю. и других лиц на эти проекты, Мемория Совета министров, проекты Манифеста Николая II об издании Основных законов и другие материалы об изменении Основных законов (печатные, машинописные и рукописные копии) ; Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 2. Д. 28. Основные государственные законы, измененные соответственно Манифесту 17 октября 1905 г. Печатные материалы. 1906 г. ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 24. По пересмотру Основных государственных законов ; Ф. 1544 (совещания, образованные при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях). Оп. 1. Д. 25. По пересмотру Основных государственных законов.

6. *Российское законодательство X—XX вв.* В 9 т. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Ответственный редактор О. И. Чистяков. — Москва : Юридическая литература, 1994. — Т. 9. — 351 с.

7. *Русский конституционализм : от самодержавия к конституционно-парламентской монархии*. Сборник документов / Составители А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. — Москва : Гардарики, 2001. — 489 с. — ISBN 5-8297-0094-8.

8. *Свод законов Российской империи*. Сводный текст за 1832—1917 гг. / Составители Н. М. Корнева, Д. И. Раскин. — Санкт-Петербург : Аврора, 2007. — Т. 1. — 1324 с. — ISBN 978-5-7300-0858-8.

9. *Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы* / Под редакцией Р. Ш. Ганелина. — Ленинград : Наука, 1990. — 473 с. — ISBN 5-02-027187-X.

Литература

1. *Водовозов В. В.* Введение к : Царскосельские совещания. II. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов / В. В. Водовозов // *Былое*. — 1917. — № 4 (26). — С. 183—187.

2. *Ганелин Р. Ш.* Царизм в 1905 г. Глава 5. Реформа Государственного совета и принятие Основных законов / Р. Ш. Ганелин // *Кризис самодержавия в России. 1895—1917*. — 1984. — Часть 2. — С. 283—297.

3. *Ганелин Р. Ш.* Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии. Глава 3. От Манифеста 17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. / Р. Ш. Ганелин // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / Ответственный редактор Б. В. Ананьич. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — Часть 6. — С. 523—530.

4. *Гессен В. М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) / В. М. Гессен // *Право*. — 1916. — № 22. — Стлб. 1321—1331.

5. *Глинский Б. Б.* К истории составления Основных законов в 1906 г. (Ответ на запрос читателей) / Б. Б. Глинский // *Исторический вестник*. — 1913. — № 3. — С. 977—987.

6. *Демин В. А.* Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. / В. А. Демин // *Россия в 1905—1907 гг. Энциклопедия*. — Москва : РОССПЭН, 2016. — С. 649—654. — ISBN 5-86004-034-2.

7. *Дорская А. А.* Свобода совести в России : судьба законопроектов начала XX в. / А. А. Дорская. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. — 144 с. — ISBN 5-8064-0501-X.

8. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX—начало XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : ЛИСС, 1998. — 1000 с. — ISBN 5-87050-109-1.
9. Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Государство и его элементы / Н. М. Коркунов. — Санкт-Петербург : Типография М. Меркушева, 1906. — Ч. 1. — 164 с.
10. Коркунов Н. М. Русское государственное право. В 2 т. / Н. М. Коркунов. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. — Т. 1. — 624 с.
11. Королева Н. Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905—1907 гг. / Н. Г. Королева. — Москва : Наука, 1982. — 184 с.
12. Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX в. / И. А. Кравец. — Москва : ИВЦ «Маркетинг», 2000. — 366 с. — ISBN 5-7856-0160-5.
13. Куликов С. В. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. / С. В. Куликов // Русское прошлое. — 1998. — Книга 8. — С. 91—164.
14. Куликов С. В. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы / С. В. Куликов // Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. — С. 29—64.
15. Куликов С. В. Неизвестный этап создания первой русской конституции : вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) / С. В. Куликов // Российская история XIX—XX вв. Государство и общество. События и люди. Сборник статей / Ответственный редактор Р. Ш. Ганелин. — Санкт-Петербург : Лики России, 2013. — С. 102—159.
16. Куликов С. В. Комитет министров / С. В. Куликов // Россия в 1905—1907 гг. Энциклопедия. — Москва : РОССПЭН, 2016. — С. 432—444. — ISBN 978-5-8243-2060-2.
17. Куликов С. В. Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов 1906 г. : по новым документам / С. В. Куликов // Петербургский исторический журнал. — 2019. — № 2. — С. 82—99.
18. Нольде Б. Э. Законы Основные в русском праве / Б. Э. Нольде // Право. — 1913. — № 9. — Стлб. 524—541.
19. Пайпс Р. Русская революция. В 2 ч. / Р. Пайпс. — Москва : РОССПЭН, 1994. — Ч. 1. — 397 с.
20. Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. / А. А. Сафонов. — Тамбов : Издательство Р. В. Першина, 2007. — 366 с. — ISBN 978-5-91253-077-7.
21. Сафонов А. А. Свобода совести / А. А. Сафонов // Россия в 1905—1907 гг. Энциклопедия. — Москва : РОССПЭН, 2016. — С. 910—912. — ISBN 978-5-91253-077-7.
22. Слиозберг Г. Б. Дореволюционный строй России / Г. Б. Слиозберг. — Париж : [б. и.], 1933. — 299 с.
23. Терюкова Е. А. Проблема свободы совести в контексте российского законодательства по вероисповедным вопросам (начало XX в.) / Е. А. Терюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. — 2006. — Выпуск 1. — С. 26—34.
24. Флоринский М. Ф. Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период Третьеиюньской монархии / М. Ф. Флоринский // Вестник Ленинградского университета. Серия : «История, язык, литература». — 1980. — № 20. — Выпуск 4. — С. 21—26.
25. Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии / И. А. Христофоров // Первая революция в России : взгляд через столетие. — Москва : Памятники исторической мысли, 2005. — С. 393—414. — ISBN 5-88451-160-4.

26. Чичерин Б. Н. Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. — Москва : Зерцало, 2006. — 505 с. — ISBN 5-8078-0132-6.

27. Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906 : Political Institutions of the Duma Monarchy / M. Szeftel. — Bruxelles : Les editions de la librairie encyclopedique, 1976. — 517 p.

Статья поступила в редакцию 07.10.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

Code of Laws of the Russian Empire. Summary text for 1832—1917, 1. (2007). St. Petersburg: Aurora. 1324 p. ISBN 978-5-7300-0858-8. (In Russ.).

Council of Ministers of the Russian Empire. 1905—1906 Documents and materials. (1990). Leningrad: Nauka. 473 p. ISBN 5-02-027187-X. (In Russ.).

Erofeev, N. D. (2014). Russian monarchical statehood at the last stage of its history (October 20, 1894 — March 3, 1917). In: *Collection of documents*. Moscow: IRI RAS. 605 p. ISBN 978-5-8055-0260-7. (In Russ.).

From the archive of S. Y. Witte. Memories. Stories in shorthand. Handwritten notes. In 2 vols., 2. (2003). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 646 p. ISBN 5-86007-337-2. (In Russ.).

Gurko, V. I. (2000). *Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary*. Moscow: UFO. 808 p. ISBN 5-86793-109-9. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 727 (Barons of Nolde). Op. 2. D. 56. Drafts of Fundamental State Laws, comments by E. Y. Nolde and others on these projects, Memoria of the Council of Ministers, drafts of the Manifesto of Nicholas II on the publication of Fundamental Laws and other materials on the amendment of Fundamental Laws (printed, typewritten and handwritten copies)*. (In Russ.).

Russian Constitutionalism: from autocracy to constitutional-parliamentary monarchy. Collection of documents. (2001). Moscow: Gardariki. 489 p. ISBN 5-8297-0094-8. (In Russ.).

Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 t., 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions. (1994). Moscow: Legal Literature. 351 p. (In Russ.).

The Fundamental State Law of the Russian Empire. The draft of the Russian constitution, developed by a group of members of the Union of Liberation. (1905). Paris: [b. i.]. 76 p. (In Russ.).

References

Chicherin, B. N. (2006). *General State Law*. Moscow: Zertsalo. 505 p. ISBN 5-8078-0132-6. (In Russ.).

Demin, V. A. (2016). Basic state laws of April 23, 1906. In: *Russia in 1905—1907. Encyclopedia*. Moscow: ROSSPEN. 649—654. ISBN 5-86004-034-2. (In Russ.).

Dorskaya, A. A. (2001). *Freedom of conscience in Russia: the fate of draft laws of the early XX century*. St. Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen State Pedagogical University. 144 p. ISBN 5-8064-0501-X. (In Russ.).

Dyakin, V. S. (1998). *The national question in the internal policy of tsarism (XIX — early XX centuries)*. St. Petersburg: LISS. 1000 p. ISBN 5-87050-109-1. (In Russ.).

- Florinsky, M. F. (1980). Fundamental laws of 1906 and church administration in Russia during the Third June monarchy. *Bulletin of Leningrad University. Series: "History, language, literature"*, 20 (4): 21—26. (In Russ.).
- Ganelin, R. S. (1984). Tsarism in 1905 Chapter 5. Reform of the State Council and the adoption of Fundamental laws. *The crisis of autocracy in Russia. 1895—1917*, 2: 283—297. (In Russ.).
- Ganelin, R. S. (1996). Reforms during the revolution. A step towards a constitutional monarchy. Chapter 3. From the Manifesto of October 17, 1905 to the Third June coup of 1907. In: *Power and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia*, 6. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 523—530. (In Russ.).
- Glinsky, B. B. (1913). On the history of drafting Fundamental Laws in 1906 (Response to reader's request). *Historical Bulletin*, 3: 977—987. (In Russ.).
- Hessen, V. M. (1916). Four editions (On the history of the text of the Fundamental Laws). *Pravo*, 22: 1321—1331. (In Russ.).
- Khristoforov, I. A. (2005). From autocracy to Duma monarchy. In: *The First Revolution in Russia: a look through a century*. Moscow: Monuments of Historical Thought. 393—414. ISBN 5-88451-160-4. (In Russ.).
- Korkunov, N. M. (1906). *Comparative essay of the state law of foreign powers. The state and its elements, 1*. St. Petersburg: Printing house of M. Merkushev. 164 p. (In Russ.).
- Korkunov, N. M. (1908). *Russian state law. In 2 vols., 1*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 624 p. (In Russ.).
- Koroleva, N. G. (1982). *The first Russian Revolution and tsarism. The Council of Ministers of Russia in 1905—1907*. Moscow: Nauka. 184 p. (In Russ.).
- Kravets, I. A. (2000). *Constitutionalism and Russian statehood at the beginning of the XX century*. Moscow: IVC "Marketing". 366 p. ISBN 5-7856-0160-5. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (1998). New materials for the history of the creation of the Fundamental State Laws of 1906. *Russian Past*, 8: 91—164. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2004). Institute of expertise in the creation of the Fundamental Laws of 1906 Unpublished documents. In: *Quarterly Journal of History and Culture of Russia and Eastern Europe. Science and power. Sources, research, reviews*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 29—64. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2013). The unknown stage of the creation of the first Russian Constitution: around and inside the Meeting of the highest ranks of the State Chancellery (December 1905 — March 1906). In: *Russian History of the XIX—XX centuries. The state and society. Events and people. Collection of articles*. St. Petersburg: Faces of Russia. 102—159. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2016). Committee of Ministers. In: *Russia in 1905—1907. Encyclopedia*. Moscow: ROSSPEN. 432—444. ISBN 978-5-8243-2060-2. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2019). Otton Eichelman and his draft of the Fundamental State Laws of 1906: according to new documents. *St. Petersburg Historical Journal*, 2: 82—99. (In Russ.).
- Nolde, B. E. (1913). The Fundamental laws in Russian law. *Law*, 9: 524—541. (In Russ.).
- Pipes, R. (1994). *The Russian Revolution. In 2 hours, 1*. Moscow: ROSSPEN. 397 p. (In Russ.).
- Safonov, A. A. (2007). *Freedom of conscience and modernization of religious legislation of the Russian Empire at the beginning of the XX century*. Tambov: R. V. Pershin Publishing House. 366 p. ISBN 978-5-91253-077-7. (In Russ.).
- Safonov, A. A. (2016). Freedom of conscience. In: *Russia in 1905—1907. Encyclopedia*. Moscow: ROSSPEN. 910—912. ISBN 978-5-91253-077-7. (In Russ.).

- Slizberg, G. B. (1933). *The pre-revolutionary system of Russia*. Paris: [b. i.]. 299 p. (In Russ.).
- Szeftel, M. (1976). *The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institutions of the Duma Monarchy*. Bruxelles: Les editions de la librairie encyclopedique. 517 p.
- Teryukova, E. A. (2006). The problem of freedom of conscience in the context of Russian legislation on religious issues (early XX century). *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6, 1*: 26—34. (In Russ.).
- Vodovozov, V. V. (1917). Introduction to: Tsarskoye Selo meetings. II. Minutes of a secret meeting in April 1906 chaired by the former Emperor on the revision of the Fundamental Laws. *Byloye, 4* (26): 183—187. (In Russ.).

*The article was submitted 07.10.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 27.11.2023.*

Информация для цитирования:

Недзельюк Т. Г. Пенсионное обеспечение мусульманского духовенства в азиатской части Российской империи (XIX — начало XX веков) / Т. Г. Недзельюк // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 449—463. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-449-463.

Nedzelyuk, T. G. (2023). Pension Provision for Muslim Clergy in Asian Part of Russian Empire (19th — Early 20th Century). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 449-463. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-449-463. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-449-463

Пенсионное обеспечение мусульманского духовенства в азиатской части Российской империи (XIX — начало XX веков)

Недзельюк Татьяна Геннадьевна^{1,2,3}

orcid.org/0000-0001-8374-9348

доктор исторических наук,

¹ведущий научный сотрудник

кафедры регионоведения России,
национальных и государственно-
конфессиональных отношений;

²профессор кафедры теории

и истории государства и права
Сибирского института управления;

³ведущий научный сотрудник

Тобольской комплексной научной станции
tatned@mail.ru

¹Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)

²Сибирский институт управления — филиал
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»
(Новосибирск, Россия)

³Уральское отделение Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке гранта
РНФ «Влияние имперской политики
аккультурации и советской модели
государственно-конфессиональных
отношений на положение религиозных общин
в приграничных районах и национальных
автономиях азиатской части России»
(проект №23-18-00117)

Pension Provision for Muslim Clergy in Asian Part of Russian Empire (19th — Early 20th Century)

Tatiana G. Nedzelyuk^{1,2,3}

orcid.org/0000-0001-8374-9348

Doctor of History,

¹Senior Researcher,

Department of Russian Regional Studies,
National and State-Confessional Relations;

²Professor, Department of Theory
and History of State and Law

Siberian Institute of Management;

³Senior Researcher,

Tobolsk Complex Scientific Station
tatned@mail.ru

¹Altai State University
(Barnaul, Russia)

²Siberian Institute of Management — a Branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Novosibirsk, Russia)

³Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared with the support
of the Russian Science Foundation grant
“The Influence of Imperial Policy
of Acculturation and Soviet Model of State-
Confessional Relations on the Situation
of Religious Communities in Border
Regions and National Autonomies of Asian
Russia” (project number 23-18-00117).

© Недзельюк Т. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема назначения пенсионных пособий священнослужителям мусульманского исповедания в Российской империи, а также членам их семей. Актуальность исследования обусловлена характером государственно-конфессиональной политики в России как в историческом прошлом, так и на современном этапе. Выявление сходств и различий в пенсионном обеспечении православного и мусульманского духовенства явилось целью настоящего исследования. Уделяется внимание социокультурному статусу и материальному положению клириков в приграничных районах и национальных автономиях азиатской части России. Введены в оборот ранее не изученные материалы архивного хранения Российского государственного исторического архива, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Новизна исследования заключается как в самой тематике, так и в новой источниковой базе. Реализации исследовательского замысла способствовали историко-сравнительный, компаративистский, аналитический методы исследования. Результаты, достигнутые в процессе анализа документов архивного хранения, свидетельствуют о взвешенном подходе и толерантном отношении к клирикам — представителям «признаваемых» вероисповеданий в Российской империи. Сформулирован вывод о зависимости размера пенсии от срока выслуги лет, но не от вероисповедания священнослужителя.

Ключевые слова:

Российская империя; мусульманское духовенство; государственно-конфессиональные отношения; пенсионное обеспечение духовных лиц.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of granting pension benefits to Muslim clergy and their families in the Russian Empire is considered, as well as the characteristics of state-confessional policy in Russia both in the historical past and at the present stage. The aim of this study was to identify similarities and differences in the pension provision of Orthodox and Muslim clergy. Attention is paid to the socio-cultural status and material situation of clerics in border regions and national autonomies of the Asian part of Russia. Previously unstudied materials from the archives of the Russian State Historical Archive, the Russian State Historical Archive of the Far East, and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan are introduced into circulation. The novelty of the study lies in both the topic itself and the previously unexplored source base. Comparative, comparative-historical, and analytical research methods contributed to the realization of the research plan. The results obtained in the process of analyzing documents testify to a balanced approach and tolerant attitude towards clerics — representatives of “recognized” religions in the Russian Empire. The conclusion is formulated that the size of the pension depends on the length of service, but not on the religious affiliation of the clergy.

Key words:

Russian Empire; Muslim clergy; state-confessional relations; pension provision for clergy.

Пенсионное обеспечение мусульманского духовенства в азиатской части Российской империи (XIX — начало XX веков)

© Недзельюк Т. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Обращение к проблемам социальной истории православного духовенства в европейской части России является традиционным для отечественной исторической науки. Российская империя представляла собой многонациональное государство, где православная церковь обладала государственным статусом, а целый ряд вероисповеданий — статусом «признаваемых» и «терпимых» [Верт, 2012]. Дела архивного хранения в фондах Департамента духовных дел инославных исповеданий министерства внутренних дел Российской империи имеют «говорящие» названия: «О выплате жалованья, пенсий и пособий духовным лицам магометанского исповедания и их семьям» за разные годы [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1062, 1081, 1086] и др.

Объектом настоящего исследования выступил сюжет, посвященный проблемам пенсионного обеспечения мусульманского духовенства в азиатской части страны. Цель работы заключается в выявлении черт сходства и различия в пенсионном обеспечении православного и неправославного духовенства. К задачам исследования относим определение особенностей социального обеспечения вышедших в отставку священнослужителей, а также порядка назначения пенсионного пособия по потере кормильца членам семьи безвременно скончавшихся духовных лиц в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на рубеже XIX—XX столетий. Гипотеза исследования состоит в верификации тезиса о равнозначности либо неравнозначности пенсионного обеспечения как для клириков православной церкви, имевшей статус «официальной» и «государственной», так и для клириков иных исповеданий, в первую очередь — мусульманского. Ранее подобного рода исследования не предпринимались ни нами, ни нашими предшественниками, проблема является совершенно не исследованной. Более того, в служебных «листах использования» дел архивного хранения не указан ни один факт истребования дела.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве корпуса репрезентативных источников были востребованы материалы деловой переписки, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (фонд Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел) [РГИА, ф. 821], Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (фонд Владивостокского епархиального попечительства о бедных духовного звания Владивостокского епархиального управления, фонд Благовещенского епархиального попечительства о бедных духовного звания Благовещенской духовной консистории, фонд Камчатского епархиального попечительства о бедных духовного ведомства) [РГИА ДВ, ф. 243, 771, 1054] и Центральном государственном архиве Республики Казахстан (фонд Омского областного управления Министерства иностранных дел) [ЦГА РК, ф. 338].

Общепринятым считается представление о том, что сотрудники ведомства православного исповедания, клирики православной церкви вели безбедный образ жизни, поскольку именно эта религиозная конфессия имела статус государственной в Российской империи. Между тем материалы Владивостокского, Благовещенского и Камчатского попечительств о бедных духовного звания, переданные на хранение в Российский государственный исторический архив Дальнего Востока [РГИА ДВ, ф. 243, 771, 1054], свидетельствуют об обратном. Первичная ознакомительная работа с фондами РГИА ДВ во Владивостоке выявила наличие сразу трех крупных сгенерированных по принципу идентичности коллекций документов, посвященных оказанию помощи бедствующим священнослужителям и членам их семей. Состав всех трех коллекций идентичен: положение об учреждении попечительства над «бедными духовного звания», акты обследования «недостаточных семейств», приходно-расходная документация о пожертвованных коллегами суммах и их расходовании. Из содержания материалов архивного хранения становится понятно, что получателями помощи становились вдовы священников с малолетними детьми, а также сами клирики, перенесшие тяжелое заболевание, повлекшее инвалидизацию.

Другая тематическая группа документальных источников представлена ходатайствами о назначении пенсии для вдов и малолетних детей ушедших из жизни муфтиев. Как в Центральном государственном архиве республики Казахстан (г. Алматы), так и в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) отложились тематически схожие нарративы.

Генеральным методом, позволившим проанализировать значительный массив делопроизводственной документации, стал контент-анализ. Историко-сравнительный метод позволил нам выявить основания для сравне-

ния схожих процессов назначения пенсий священнослужителям разных вероисповеданий в исторической ретроспективе. При помощи аналитического метода были проведены межконфессиональные, территориальные, темпоральные параллели и сделаны выводы. Исследование проведено в рамках подхода новой социальной истории.

Материальное положение служителей православной церкви, вышедших в отставку по возрасту либо по состоянию здоровья во второй половине XIX — начале XX веков, оставляло желать лучшего. О наличии проблемы писали как современники [Знаменский, 1873], так и аналитики постсоветского периода [Фот, 2015]. Пенсионное обеспечение духовенства Русской православной церкви в конце синодального периода на материалах Самарской епархии подвергнуто изучению М. Кокаревым [Кокарев, 2014], на материалах Тобольской — А. С. Кругликовым [Кругликов, 2022].

Мы предприняли широкий историографический анализ с целью выяснения общего фона социокультурных ожиданий и оснований для назначения пенсионного пособия в Российской империи. Установлено, что пенсионное обеспечение в дореволюционной России пребывало в зачаточном состоянии и переживало фазу своего становления [Вечко, 2014; Глотова, 2022], что пенсионное обеспечение рабочих Алтайского горного округа [Фаронов, 2007] строилось на тех же принципах, что и клириков, будучи трактуемым как объект естественного права [Воронин и др., 2019]. Подводя итог архивно-аналитическим штудиям, А. Г. Подмарицын изучил характеристики финансового состояния приходского духовенства Поволжского региона в первые годы XX столетия, отметил зависимость размера назначаемой по потере кормильца пенсии от стажа службы на должности православного клирика. Исследователь пришел к заключению: «В 1915 году самарское приходское духовенство в основной массе по денежному содержанию мало чем отличалось от большинства городских обывателей-мещан» [Подмарицын, 2017, с. 126].

На основании анализа материального обеспечения и социального положения духовенства Центрально-Черноземных губерний России исследователь С. А. Иконников пришел к выводу о том, что трудности финансово-бытового характера в повседневной жизни служителей церкви сыграли не последнюю роль в радикализации духовного сословия, а потому в событиях Первой русской революции 1905—1907 годов клирики не только не осудили массовые акции противоправительственного характера, но и приняли в них непосредственное участие [Иконников, 2020].

Причины бытовой неустроенности православных клириков церковный историк А. С. Кругликов связывает с недостаточной урегулированностью на законодательном уровне положения о пенсионном обеспечении православ-

ных священнослужителей и церковнослужителей [Кругликов, 2021; Кругликов, 2022]. Начиная анализ пенсионного обеспечения лиц духовного звания в Российской империи со времен правления императрицы Екатерины II, он отмечает малозначительность в размерах пенсионного обеспечения, долгий срок выслуги лет, лишенность «заштатных» клириков какого бы то ни было материального поощрения. Определенный прогресс в деле становления пенсионного обеспечения лиц духовного звания в синодальный период Кругликов связывает с «Временными правилами о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их» от 9 мая 1866 года и «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства» от 1902 года, фактически уравнивавшим в пенсионных правах лиц духовного звания и служащих гражданских ведомств [Кругликов, 2021, с. 35—38]. Основной причиной финансового неблагополучия современникам виделся долгий срок выслуги для назначения пособия — 35 лет.

В. Л. Колесникова, анализируя правовую регламентацию жизни вдов служителей церкви во второй половине XIX — начале XX веков (на примере Курской губернии), пришла к выводу, что «благополучие вдов с детьми священнослужителей зависело от состояния здоровья отца, что давало возможность исправно нести службу, в противном же случае — святое семейство оставалось без средств к существованию» [Колесникова, 2006, с. 26], так как пенсия по потере кормильца в полном объеме назначалась лишь в том случае, если стаж службы составлял 30 и более лет; от 10 до 20 лет — вдове полагалась третья часть оклада, от 20 до 30 лет — две трети оклада. Единовременное пособие выплачивалось, если срок службы составлял менее десяти лет.

Как правило, исследователи обращают свое внимание на православные приходы европейской части страны, в то время как огромное число зауральских, кавказских и среднеазиатских религиозных организаций остается вне поля зрения. Нами были востребованы работы М. А. Балина, С. П. Батурина, Н. В. Диковой [Балин, 2022; Батурин, 2018; Дикова, 2020] о кадровой ситуации в сибирских епархиях.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

7 октября 1894 года на имя Министра Внутренних Дел Российской империи из канцелярии Градоначальствующего гражданской частью Тифлиса поступило письмо относительно назначения пенсии вдове председателя шиитского духовного правления С. Х. Таировой. Из содержания документа явствует, что «вдова бывшего Закавказского Шейх-Уль-Ислама и Председателя Шиитского Духовного Правления Ахунда-Мирзы Гасан-

бек-Мирза-Насир бека-оглы Таирова, Сакина Ханума Таирова обратилась с просьбой о назначении ей за службу мужа пенсии» [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1081, л. 8—9]. Тифлисский чиновник сообщает: «Вдова Ахунда Таирова имеет право на получение половины той пенсии, которая производилась ему на службе, а именно в размере 150 руб в год, <...> но такой оклад крайне недостаточен для безбедного ее существования <...> принимая во внимание отлично-усердную и продолжительную службу покойного Таирова, имею честь просить Г-на Императора на сохранение вдове его получаемой покойным Таиловым пенсии по 300 руб в год» [Там же, л. 8—9]. Именно это ходатайство стало началом для формирования тематического архивного дела «О выплате жалованья, пенсий и пособий духовным лицам магометанского исповедания и их семьям. 1893—1903 гг.» в фонде Департамента духовных дел Российского государственного исторического архива.

Спустя полгода, 11 марта 1895 года из Департамента государственно-го казначейства Министерства финансов за подписью товарища министра было отправлено уведомление на имя министра внутренних дел империи, где сообщалось, что «не встречается препятствия к испрошению вдове бывшего члена Елисаветпольского губернского меджлиса суннитского учения Исмаила Эфендиева пенсии вне правил в предположительном размере 120 руб в год» [Там же, л. 27]. Возникает закономерный вопрос относительно размера пенсии: в первом случае 150 рублей оказались недостаточными, а во втором 120 — «вне правил».

При дальнейшем рассмотрении вопроса выяснилось, что «Фазри-Хануме Эфендиевой со стороны Департамента не может последовать распоряжение, так как *подобного рода пенсии* (подчеркнуто в источнике) не подлежат включению в ведомости об усиленных пенсиях, испрашиваемых через Кабинет Министров», о чем сообщил вице-директор Департамента общих дел [Там же, л. 29].

Далее рассмотрим, о каких же «подобного рода» пенсиях идет речь и что означает выражение «усиленные пенсии, испрашиваемые через кабинет министров».

3.1. Общие условия назначения пенсии духовным лицам Российской империи

Переписка по делу о назначении пенсии вдове умершего духовного лица стала прецедентом для рассмотрения аналогичных прошений в правительстве, потому что заслуживает более детального изучения. В целях упорядочения делопроизводства был составлен специальный формуляр: «Ведомость о лицах ведомства Министерства Внутренних Дел, жительствоющих в Елисаветпольской губернии, коим назначены пенсии». Формуляр стандартный, для названия губернии оставлены строчные пробелы, то есть он предназна-

чался для использования и в других регионах страны. Таблица формуляра состояла из восьми граф, а именно: «1) Звания, имена и фамилии пенсионеров; 2) За сколько лет службы назначается пенсия; 3) На основании каких узаконений или по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению; 4) Из какого разряда, а если пенсия назначается по окладу жалования, то сколько производилось жалования; 5) Сколько именно назначается в пенсию; 6) Сколько причитается за вычетом установленных процентов; 7) С которого времени следует начать производство пенсии; 8) Из какого уездного казначейства?» (предполагается производить выплаты) [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1081, л. 43—44].

3.2. Индивидуальный подход к потенциальным получателям пенсионных выплат

Департамент духовных дел инославных исповеданий МВД исследовал обстоятельства каждого дела, в частности Фазри-Ханумы Эфендиевой. Так, он установил, что «муж просительницы, Исмаил Эфендиев, прослуживший по ведомству Закавказского Мусульманского Духовного Правления Суннитского учения более 32-х лет, умер от холеры в 1892 году, в звании Члена Губернского Суннитского Меджлиса, оставив семью свою, состоящую ныне из вдовы Физры Ханумы, 50 лет, и сына Абдуллы, 21 года, 3/8 частей старой бани в городе Нухе и ветхий полуразвалившийся дом, в котором живет названная семья; но дом этот унаследован с долгом до 1500 рублей, для погашения которого Эфендиева вынуждена была передать кредиторам означенную баню и, лишившись таким образом дохода, осталась в бедственном положении» [Там же, л. 31]. Баня или хамам в мусульманских регионах часто располагается в непосредственной близости от культового объекта; ритуальное омовение предвещает вход в мечеть.

3.3. Влияние социального статуса и уровня экономического благосостояния на размер пенсионного пособия

Духовенство не только православного исповедания, как можно было подумать (православие являлось государственной религией, а православные клирики — государственными служащими), претендовало на получение пенсионных выплат от государства. В своем заявлении Фазри-Ханума Эфендиева умалчивает о полном составе своей семьи, сообщая только о сыне Абдулле. При более внимательном рассмотрении ситуации Департамент духовных дел МВД выяснил: «...Эфендиева имеет ещё двоих старших сыновей: Молла Гусейн Эфендиева и Рашида, женившихся и отделившихся от отца при жизни его; первый состоит Казием в Эриванской губернии и второй — Помощником Секретаря Закавказского Мусульманского Духовного Правления Суннитского Учения, однако они, будучи семейными, лишены всякой возможности оказывать какую-либо поддержку своей матери» [Там же, л. 31—31 об.].

Сопоставив дату смерти мужа просительницы, Исмаила Эфендиева, члена губернского суннитского меджлиса, прослужившего по ведомству Закавказского мусульманского Духовного правления более 32-х лет (1892 год), и дату подачи прошения его супругой (1895 год), приходим к пониманию, что в течение трех лет вдова Эфендиева пыталась самостоятельно разрешить финансовые проблемы, связанные с выплатой долга за жилое помещение. Помощи сыновей Фазри-Ханума не дождалась и, отчаявшись, обратилась с ходатайством в Пенсионное отделение Департамента государственного казначейства министерства финансов.

Автоматически, по смерти кормильца, пенсия не была ей назначена. Результатом двухмесячной переписки (март-апрель 1895 года, довольно быстро) стало следующее: «...принимая во внимание необеспеченность семьи, оставшейся после смерти Исмаила Гажджи Эфендиева, пользовавшегося официальным значением и полезным для Правительства влиянием, Главнo-начальствующий гражданскою частью на Кавказе ходатайствовал об испрошении вдове Эфендиевой, в виде особой Монаршей милости, пенсии из Государственного казначейства в размере 120 рублей в год» [Там же, д. 31 об.].

3.4. Личные истории и типичные случаи

Делопроизводство по назначению пенсии в случае потери кормильца приобрело стандартные черты. В материалах переписки, отложившихся в архивном деле, содержится целый ряд личных историй, каждая из которых заслуживает внимательного изучения. Типичны они лишь на первый взгляд. Так, 13 мая того же 1895 года в «Канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых» поступило обращение Хейранисы-Гаджи-Джамиль-Эфенди-кызы, вдовы «бывшего Члена Закавказского Духовного Правления Суннитского учения <...> о назначении ей пенсии из казны» [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1081, л. 37]. О том, что делопроизводство приобрело «серийный характер», мы можем заключить на основании следующего: бланк для подачи заявления — стандартный, с типографским оттиском, на лощеной бумаге; текст обращения «вбит» курсивом, оставлены лишь строки для фамилии, имени и отчества подателя заявления. Заявление сопровождается формулярным послужным списком усопшего на стандартном бланке МВД. Уведомление о принятии положительного решения по заявлению также отпечатано на стандартном типографском бланке. Из «Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых» на имя министра внутренних дел поступило решение за № 48363 от 14 октября 1895 года следующего содержания: «В день 12 октября Государь император Всемило-стейшее соизволил на назначение Хейранисе-Гаджи-Эфенди-кызы — еди-новременного из казны пособия в размере трехсот рублей» [Там же, л. 46].

Вдова бывшего кадия Шавмето-Имерхевского участкового словесного суда Артынского округа Кутаисской губернии Гусейн-Эфенди-Хмиадзе-Гюлли Сулейман кизы обратилась с заявлением на имя Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе о назначении ей единовременного пособия в размере годового оклада жалования, ранее получаемого её покойным супругом. Испрашиваемая сумма составляла 250 рублей. Ходатайство супруги усопшего кадия составлено чрезвычайно обстоятельно, с четырьмя приложениями. О деле Гусейн-Эфенди-Хмиадзе-Гюлли Сулейман кизы ходатайствовал перед Департаментом общих дел МВД непосредственно директор департамента духовных дел инославных исповеданий Мосалов, «имея честь покорнейше просить о нижеследующем уведомить» [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1181, л. 47].

Процедура формального делопроизводства не заняла много времени — уже через месяц, 31 августа 1896 года, из министерства финансов в Дербент было отправлено распоряжение: «...не встречается препятствий к испрошению вдове и малолетнему сыну бывшего Дербентского казиза единовременного пособия в предположенном размере 200 руб» [Там же, л. 54].

Аналогичный казус описан также в материалах казахстанского архива. 20 апреля 1833 года в Кокчетавский внешний окружной приказ по канцелярии Общего Омского областного правления поступило прошение вдовы Султана Аблая Габбасова Кумыши. Тридцатидвухлетняя вдова осталась с шестью детьми на руках, от двух до четырнадцати лет. Она не просила о материальной поддержке, так как «состояние её, после мужа оставшееся, кроме вещей по образу их жизни необходимых, заключается: верблюдов 10, лошадей 500, быков и коров 15 и баранов 100 штук» [ЦГА РК, ф. 338, оп. 1, д. 815, л. 3]. Суть её просьбы заключалась в разрешении старшему сыну, Адилю, носить отцовскую одежду и золотую медаль. Глубина интенции читается между строк: вдова султана хочет видеть преемником мужа на посту духовного лидера и главы местной администрации не кого иного, как собственного сына, хотя пока еще и несовершеннолетнего. Ответ губернского секретаря, переданный Кокчетавскому окружному приказу уже через месяц, 27 мая того же года, гласил: «Султанша Кумыши для поддержания малолетних детей ея, по справедливости заслуживает пенсион, а дабы поощрить более к преданности и службе России старшего сына ея Адиля, не излишне было бы дозволить ему носить Высочайше пожалованные покойному отцу его золотую медаль и одежду ... в то время, когда Адиль достигнет совершеннолетнего возраста и заслуживать будет того же достоинства» [Там же, л. 6]. О размере пенсион и суммах выплат материалы архивного дела умалчивают — здесь речь идет о стремлении сохранить правопреемство в должности.

3.5. Виды пенсионных пособий

О том, каким был стандартный порядок оформления пенсионного пособия «за выслугой лет», «по случаю упразднения должности», узнаем из типового формуляра, имеющего название «Разсчет службы представляемого к увольнению в отставку с пенсионом» [РГИА, ф. 821 оп. 8, д. 1181, л. 67]. Важно, что данный документ имеет отношение к духовным лицам, состоявшим на воинской службе, то есть военным священникам. Для назначения пенсионного пособия имели значение следующие факты биографии духовного лица: 1) название воинской части, чин; 2) срок нахождения на действительной военной службе; 3) «сколько времени находился в походах и сражениях»; 4) какой период времени «был вне службы, в том числе в домовом отпуску, в плену у неприятеля»; 5) «какое именно получал жалованье и по какой табели»; 6) «сколько следует пожизненной пенсии и по какой табели и на основании какого именно постановления» [Там же, л. 67—67 об.].

В качестве примера рассмотрим пенсионный формуляр «бывшего военного ахуна Сейфетдина Хасанова Сюняева». Известно с точностью до дня, что Сюняев находился «в действительной военной службе» 41 год 8 месяцев 16 дней, в походах и сражениях участия не принимал, в плену не был. Жалованье имел 195 рублей в год «на основании Высочайше утвержденного 31 мая 1865 года и объявленного в приказ Военного Министра того же года за № 196 мнения Государственного Совета». Пенсионное пособие Сейфетдину Сюняеву было назначено в точности такое же, каким было и жалованье: «195 рублей в год применительно к 308 и 328 ст. VIII Кн. Св. В. П. 1869 года и согласно отзыва Главного Штаба от 12 января 1897 года за № 1584» [РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1081, л. 67 об.].

4. Заключение = Conclusions

Благодаря отложившимся в фондах Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге и Центрального государственного архива Республики Казахстан в г. Алматы материалам делопроизводственной переписки мы смогли изучить процесс назначения пособий мусульманским духовным лицам, а также членам их семей и сделать вывод о его идентичности в пределах одного государства.

Установлено, что пенсии носили «пожалованный» характер и зависели от социально-семейного статуса, срока выслуги лет и размера заработной платы, но не от вероисповедной принадлежности священнослужителя.

Мы рассмотрели два наиболее распространенных вида пенсионных пособий, предназначенных духовным лицам и их вдовам / наследникам: «за выслугой лет» и «по случаю смерти кормильца». Кроме того, назначались и единовременные выплаты «по требованию», обоснованные не-

достаточным уровнем жизни семьи скончавшегося духовного лица либо необходимостью погасить имевшуюся задолженность перед кредиторами.

Назначение пособия происходило с ведома императора, министра внутренних дел, руководителя министерства финансов, губернатора, директора департамента духовных дел инославных исповеданий.

Примечательно, что в материалах делопроизводственной переписки отложились исключительно ходатайства высокорангового духовенства, с большим сроком выслуги лет, что не дает нам оснований экстраполировать полученные результаты на всех без исключения духовных лиц инославных и иноверных исповеданий.

Вероятнее всего, ушедшие из жизни рядовые клирики также не оставляли своим семьям полноценного пенсионера, как и их православные коллеги. Зная о требованиях к стажу, выслуге лет в должности духовного лица, наследники и вдовы клириков начального звена, прослуживших недостаточное количество лет, не обращались в Департамент духовных дел за назначением пенсионного пособия. В тех же случаях, когда обращения по поводу финансовой помощи имели место, нами не было установлено ни одного случая отказа, испрашиваемое пособие всегда назначалось.

Выявлено, что регион проживания не играл определяющей роли: мы выявили типичные, ставшие стереотипными казусы при назначении пенсионных пособий мусульманским духовным лицам и членам их семей в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Федеральное* казенное учреждение «Российский государственный исторический архив». Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи), 1828—1917 гг.
2. РГИА ДВ — *Федеральное* казенное учреждение «Российский государственный исторический архив Дальнего Востока». Ф. 243 (Владивостокское епархиальное попечительство о бедных духовного звания Владивостокского епархиального управления), 1899—1923 гг. ; Ф. 771 (Благовещенское епархиальное попечительство о бедных духовного звания Благовещенской духовной консистории), 1863—1913 гг. ; Ф. 1054 (Камчатское епархиальное попечительство о бедных духовного ведомства), 1895—1897 гг.
3. ЦГА РК — *Республиканское* государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Казахстан». Ф. 338 (Омское областное управление Министерства иностранных дел), 1821—1838 гг.

Литература

1. Балин М. А. Религиозная политика на восточных окраинах Российской империи : общественно-политический дискурс второй половины XIX — начала XX в. / М. А. Ба-

лин // Известия Иркутского государственного университета. Серия : История. — 2022. — Т. 41. — С. 31—40. — DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.31.

2. Батурин С. П. К вопросу о системе церковного управления и кадровом составе сибирских епархий в конце XIX — начале XX в. / С. П. Батурин // Миссия конфессий. — 2018. — Т. 7. — № 7 (34). — С. 772—782.

3. Верт П. Православие, инославие, иноверие : очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-86793-956-4.

4. Вечко О. Ю. Пенсионное обеспечение в дореволюционной России / О. Ю. Вечко, Н. Л. Большакова // Диалог наук в XXI веке. — Уфа : Исследовательский центр информационно-правовых технологий, 2014. — С. 33—35.

5. Воронин Ю. В. Пенсия как объект естественного права : основы юридико-лингвистического и историко-правового анализа / Ю. В. Воронин, Н. С. Ковалевская, М. А. Ковалевский // Социальное и пенсионное право. — 2019. — № 1. — С. 3—7.

6. Глотова В. Г. Пенсия в России : история и современность / В. Г. Глотова // Актуальные вопросы современной экономики. — 2022. — № 5. — С. 964—972.

7. Дикова Н. В. Кадровый вопрос в Омской епархии в конце XIX — начале XX в. и механизмы его решения епархиальными властями / Н. В. Дикова // Известия Алтайского государственного университета. — 2020. — № 3 (113). — С. 31—36. DOI: 10.14258/izvasu(2020)3-04.

8. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П. В. Знаменский. — Казань : Университетская типография, 1873. — 851 с.

9. Иконников С. А. Взаимосвязь проблем материального обеспечения и роста протестных настроений приходского духовенства в начале XX века / С. А. Иконников // Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания в системе высшего образования : сб. статей. — Воронеж : Воронежский институт МВД РФ, 2020. — С. 139—143.

10. Кокарев М. Пенсионное обеспечение духовенства Русской православной церкви в конце синодального периода / М. Кокарев // Научные труды Самарской духовной семинарии. — Самара : Изд-во Самарской и Сызранской епархии Русской православной церкви, 2014. — С. 78—97. — ISBN 978-5-91899-041-4.

11. Колесникова В. Л. Правовая регламентация жизни вдов служителей церкви во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Курской губернии) / В. Л. Колесникова // Успехи современного естествознания. — 2006. — № 11. — С. 23—27.

12. Кругликов А. С. Государственное законодательство второй половины XIX — начала XX вв. о пенсионном обеспечении священнослужителей, церковнослужителей и членов их семей / А. С. Кругликов // Православие. Наука. Образование : сб. статей / ред. В. В. Цысь. — Нижневартовск : [б. и.], 2021. — С. 32—39. — ISBN 978-5-00047-601-7.

13. Кругликов А. С. К характеристике факторов, влиявших на размеры и формы пенсионного обеспечения духовенства и членов их семей в Тобольской епархии в 1902—1912 гг. / А. С. Кругликов // Актуальные проблемы гуманитарных наук. — Нижневартовск : Нижневартовский гос. университет, 2022. — С. 85—91. — DOI: 10.36906/NVSU-2022/14.

14. Подмарицын А. Г. Денежное содержание Самарского приходского духовенства в середине 10-х гг XX века / А. Г. Подмарицын // Национальное культурное наследие России : региональный аспект. — Самара : Самарский гос. институт культуры, 2017. — С. 122—127. — ISBN 978-5-88293-385-1.

15. Фаронов В. Н. Пенсионное обеспечение по нетрудоспособности рабочих Алтайского округа в начале XX в. / В. Н. Фаронов // Труды молодых ученых Алтайского

государственного университета. — Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета. — 2007. — № 4. — С. 49—53.

16. Фот А. Г. Правовой статус приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX вв. / А. Г. Фот // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 2 (14). — С. 92—103.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023,
одобрена после рецензирования 01.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

CSA RK — *Republican state Institution “Central State Archive of the Republic of Kazakhstan”*. F. 338 (*Omsk Regional Department of the Ministry of Foreign Affairs*), 1821—1838. (In Russ.).

RGIA — *Federal state Institution “Russian State Historical Archive”*. F. 821 (*Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire*), 1828—1917. (In Russ.).

RGIA DV — *Federal state Institution “Russian State Historical Archive of the Far East”*. F. 243 (*Vladivostok Diocesan Guardianship of the Poor of the clergy of the Vladivostok Diocesan Administration*), 1899—1923; F. 771 (*Blagoveshchensk Diocesan Guardianship of the poor of the clergy of the Blagoveshchensk Ecclesiastical Consistory*), 1863—1913; F. 1054 (*Kamchatka Diocesan Guardianship of the poor of the spiritual department*), 1895—1897. (In Russ.).

References

Balin, M. A. (2022). Religious politics on the eastern outskirts of the Russian Empire: socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX century. *Izvestiya Irkutsk State University. Series: History*, 41: 31—40. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.31. (In Russ.).

Baturin, S. P. (2018). On the question of the system of church administration and the personnel composition of Siberian dioceses in the late XIX — early XX century. *Mission of confessions*, 7 / 7 (34): 772—782. (In Russ.).

Dikova, N. V. (2020). The personnel issue in the Omsk diocese in the late XIX — early XX century and the mechanisms of its solution by the diocesan authorities. *News of the Altai State University*, 3 (113): 31—36. DOI: 10.14258/izvasu(2020)3-04. (In Russ.).

Faronov, V. N. (2007). Pension provision for the disability of workers of the Altai district at the beginning of the twentieth century. In: *Proceedings of young scientists of the Altai State University*, 4. Barnaul: Publishing House of the Altai State University. 49—53. (In Russ.).

Fot, A. G. (2015). The legal status of the parish clergy in the second half of the XIX — early XX centuries. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2 (14): 92—103. (In Russ.).

Glotova, V. G. (2022). Pension in Russia: history and modernity. *Topical issues of the modern economy*, 5: 964—972. (In Russ.).

Ikonnikov, S. A. (2020). Interrelation of the problems of material security and the growth of protest moods of the parish clergy at the beginning of the twentieth century. In: *Topical issues of social and humanitarian knowledge in the system of higher educa-*

- tion: collection of articles. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 139—143. (In Russ.).
- Kokarev, M. (2014). Pension provision of the clergy of the Russian Orthodox Church at the end of the synodal period. In: *Scientific works of the Samara Theological Seminary*. Samara: Publishing House of the Samara and Syzran Diocese of the Russian Orthodox Church. 78—97. ISBN 978-5-91899-041-4. (In Russ.).
- Kolesnikova, V. L. (2006). Legal regulation of the life of widows of church servants in the second half of the XIX — early XX centuries. (on the example of the Kursk province). *Successes of modern natural science*, 11: 23—27. (In Russ.).
- Kruglikov, A. S. (2021). State legislation of the second half of the XIX — early XX centuries. on pension provision for the clergy, clergymen and members of their families. In: *Orthodoxy. The science. Education: collection of articles*. Nizhnevartovsk: [b. i.]. 32—39. ISBN 978-5-00047-601-7. (In Russ.).
- Kruglikov, A. S. (2022). On the characteristics of factors that influenced the size and forms of pension provision for clergy and their family members in the Tobolsk diocese in 1902—1912. In: *Actual problems of the humanities*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. 85—91. DOI: 10.36906/NVSU-2022/14. (In Russ.).
- Podmaritsyn, A. G. (2017). Monetary maintenance of the Samara parish clergy in the mid-10s of the twentieth century. In: *National cultural heritage of Russia: a regional aspect*. Samara: Samara State University. Institute of Culture. 122—127. ISBN 978-5-88293-385-1. (In Russ.).
- Vechko, O. Yu., Bolshakova, N. L. (2014). Pension provision in pre-revolutionary Russia. In: *The dialogue of sciences in the XXI century*. Ufa: Research Center of Information and Legal Technologies. 33—35. (In Russ.).
- Vert, P. (2012). *Orthodoxy, Heterodoxy, Heterodoxy: essays on the history of religious diversity of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 280 p. ISBN 978-5-86793-956-4. (In Russ.).
- Voronin, Yu. V., Kovalevskaya, N. S., Kovalevsky, M. A. (2019). Pension as an object of natural law: fundamentals of legal-linguistic and historical-legal analysis. *Social and pension law*, 1: 3—7. (In Russ.).
- Znamensky, P. V. (1873). *Parish clergy in Russia since the reform of Peter*. Kazan: University Printing House. 851 p. (In Russ.).

*The article was submitted 18.09.2023;
approved after reviewing 01.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(9), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Санникова Я. М. Домашнее оленеводство в арктических районах Якутии во второй половине 1990-х годов : опыт принятия решений социально-экономических проблем отрасли / Я. М. Санникова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 464—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-464-481.

Sannikova, Ya. M. (2023). Domestic Reindeer Herding in Arctic Regions of Yakutia in Second Half of 1990s: Experience of Decision-Making on Socio-Economic Issues in Industry. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 464-481. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-464-481. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-464-481

**Домашнее оленеводство
в арктических районах
Якутии во второй половине
1990-х годов:
опыт принятия решений
социально-экономических
проблем отрасли**

Санникова Яна Михайловна
orcid.org/0000-0002-7430-8783
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
sannikowa@mail.ru

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

**Domestic Reindeer Herding
in Arctic Regions of Yakutia
in Second Half of 1990s:
Experience of Decision-
Making on Socio-Economic
Issues in Industry**

Yana M. Sannikova
orcid.org/0000-0002-7430-8783
PhD in History,
Senior Researcher
sannikowa@mail.ru

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Санникова Я. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается опыт решения социальных и экономических проблем домашнего оленеводства в арктических районах Якутии в первый постсоветский период. Уделяется внимание принятию в республике первого программного документа — Постановления № 521, посвященного комплексной поддержке традиционных отраслей и социальной защите тружеников арктических районов. Представлены архивные документы о деятельности профильного министерства по разработке рекомендаций по оплате труда в оленеводстве, принятию новых решений по единовременным выплатам оленеводам и чумработникам, статистические данные по некоторым обобщающим экономическим показателям в оленеводстве. Подробно представлены подход в расчете норм труда оленеводов и попытка их социальной защиты через профессиональную тарификацию оплаты труда. Выделены социальные направления, включенные официально в программу развития домашнего оленеводства. На локальном уровне показано, что представители профильного министерства, ответственные за управление традиционными отраслями, не всегда могли рассчитывать на положительный опыт принятия решений по социально-экономическому развитию домашнего оленеводства как ведущего традиционного занятия коренного населения, но они вполне осознавали реальное социальное положение работников отрасли.

Ключевые слова:

традиционное хозяйство; домашнее оленеводство; Арктика; Якутия; социальная сфера жизни оленеводов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The experience of solving social and economic problems related to domestic reindeer herding in the Arctic regions of Yakutia during the early post-Soviet period is being studied. Attention is given to the adoption of the first program document in the republic— Resolution No. 521, dedicated to comprehensive support for traditional industries and social protection of workers in the Arctic regions. Archive documents on the activities of the relevant ministry in developing recommendations on wage payment in reindeer herding, adopting new decisions on one-time payments to reindeer herders and tent workers, and statistical data on some general economic indicators in reindeer herding are presented. The approach to calculating labor standards for reindeer herders and attempts at their social protection through professional tariffification of wage payment are presented in detail. Social directions included officially in the program for the development of domestic reindeer herding are highlighted. At the local level, it is shown that representatives of the relevant ministry responsible for managing traditional industries could not always rely on a positive experience in making decisions on socio-economic development of domestic reindeer herding as a leading traditional occupation of indigenous people, but they were fully aware of the real social situation of workers in the industry.

Key words:

traditional economy; domestic reindeer herding; Arctic; Yakutia; social sphere of reindeer herders' lives.

Домашнее оленеводство в арктических районах Якутии во второй половине 1990-х годов: опыт принятия решений социально-экономических проблем отрасли

© Санникова Я. М., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема развития традиционного хозяйства Арктики вызывает исследовательский интерес как в контексте изучения в целом арктических территорий в связи с их освоением, так и в плане поиска способов сохранения традиционного хозяйственного уклада жизни коренного населения в условиях трансформаций. Опыт ведения исконных традиционных занятий коренными народами Арктики востребован как уникальный путь сохранения материальной хозяйственной культуры и процесс адаптации арктических хозяйств к вызовам времени на протяжении определенного исторического этапа развития. В связи с этим актуальной остается тема комплексного изучения традиционного хозяйства коренного населения якутской Арктики в первый постсоветский период, в самые сложные 1990-е годы. В изучаемый ареал входят все категории хозяйств, осуществлявшие деятельность в сфере сельскохозяйственной жизни и промыслов: оленеводства, табунного коневодства, скотоводства, охотничьего и рыболовного промыслов — на территории 15 арктических и северных районов Якутии. Данная территория включает в себя пять прибрежных арктических улусов: Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский, а также два прилегающих северо-западных, заполярных: Жиганский и Оленекский улусы. Для этих семи улусов характерно исторически сложившееся комплексное направление традиционного хозяйства — оленеводческо-промысловое. Кроме того, в изучаемый регион входят пять северо-восточных улусов: Верхоянский, Момский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Бытантайский, — где специализируются на животноводческо-оленинговодческо-промысловом направлении; три индигиро-колымских улуса: Абыйский, Верхнеколымский, Среднеколымский, — в них развивается животноводческо-промысловое направление с локальным оленеводством. Во всех 15 улусах были представлены в относительно разных размерах все виды животноводства и промыслов, локально — весь комплекс арктического (северного) хозяйства. Среди отраслей традиционного животноводства

водства сельского хозяйства арктических районов Якутии домашнее оленеводство является ведущим занятием и имеет в комплексном изучении традиционного хозяйства большое значение как производственное направление в этнообразующей экономической деятельности коренных народов Севера. В развитии самой отрасли в изучаемый период социально-экономические проблемы пытались решить на основе официально принятых мер, которые, как надеялись органы исполнительной власти, должны были привести к восстановлению поголовья и развитию социальной сферы жизни оленеводов с учетом специфики ведения оленеводческих хозяйств.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В связи с вышесказанным целью данной статьи является локальное представление домашнего оленеводства — ведущего занятия традиционного хозяйства коренного населения Арктики Якутии через призму опыта решений его отраслевых социальных и экономических проблем в 1996—1997 годах. Эти годы выбраны вследствие того, что речь идет о результатах реализации первого комплексного постановляющего документа по традиционной хозяйственной деятельности и социальной защите коренного населения арктических районов Якутии в первый постсоветский период с позиций специфики именно оленеводческой отрасли. В ходе исследования привлечены архивные документы из фондов Объединенного ведомственного архива Министерства сельского хозяйства Республики Саха (Якутия), раскрывающие логику решений исполнительных органов власти в тех исторических условиях. Автор обратил внимание на конкретные данные, которые объясняли состояние реализации решений по домашнему оленеводству, представленному преимущественно в изучаемых районах.

При этом необходимо обратить внимание на то, что изучение социально-экономического развития коренного населения Якутии имеет свои особенности, что связано с традиционным укладом жизни коренных народов, с их исконно заложенными хозяйственными занятиями. Поэтому в исследовании социально-экономических изменений в ракурсе сельскохозяйственной деятельности населения в изучаемый период интерес представляют отечественные труды по аграрной истории и этносоциальным процессам [Аграрные преобразования..., 2008; Вербицкая, 2002; Никольский, 2003; Рефлексивное крестьяноведение..., 2002; Этносоциальное развитие..., 2000 и др.]. Что касается исследований по развитию арктического хозяйства, основной акцент в ряде исследований сделан на проблеме традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в России [Мурашко, 2011; Клоков, 1996; Сирина, 1999 и др.]. В регионе есть сложившиеся научные традиции исторических и общественных ис-

следований социальной сферы образа жизни коренного населения Якутии [Аргунов, 1988; Тихонов, 1996], специфики аграрного развития республики [Ковлеков, 1999; Винокурова, 2000], социальных трансформаций в традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера [Проблемы Крайнего Севера..., 2001; Этносоциальная адаптация..., 2012; Донской, 2002]. В настоящее время уделяется внимание социальной сфере жизни в аграрном развитии изучаемого периода в контексте повседневных трудовых практик [Винокурова и др., 2023].

Важно обозначить, что в целом изучение изменений в социально-экономическом развитии коренных народов Якутии закономерно опирается на понимание трансформации традиционного образа жизни, когда сложность и своеобразие социально-экономического и национально-культурного развития, особенности расселения и традиционного характера труда в суровой естественно-природной среде обусловили изменения в образе жизни коренных народов на протяжении всего XX века [Народ саха..., 2005; История Якутии..., 2021].

Источниковая база исследования социально-экономического развития коренного сельского населения региона в контексте особенностей традиционного хозяйствования в постсоветский период представлена документами из фондов Объединенного ведомственного архива Министерства сельского хозяйства РС (Я), Национального архива РС (Я), муниципальных архивов изучаемых районов. В отдельных фондах доступны источники, освещающие опыт деятельности управленческих структур в агропромышленном комплексе, производственные особенности традиционного животноводства, в частности домашнего оленеводства, социальные проблемы села и др. Также важным источником являются статистические данные по показателям социально-экономического развития районов республики, доступные в опубликованных официальных сборниках [Некоторые показатели..., 1996; Республика Саха..., 2000; Экономика улусов..., 2000].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие проблемы развития домашнего оленеводства и значение Постановления № 521

Последнее десятилетие прошедшего века для развития оленеводства, с одной стороны, как исконного этнообразующего занятия коренных народов Севера, а с другой стороны, как отрасли аграрного сектора республики, испытывало на себе все проблемы кризисного постсоветского периода развития аграрного сектора экономики республики и страны. В домашнем оленеводстве, как и в целом в аграрной политике арктических хозяйств, развитие условно можно разделить на два периода — на первую и вто-

рую половину 1990-х годов. Здесь временные рамки совпадают с направлениями задач в домашнем оленеводстве, которые обозначило и пытались реализовать посредством официальных правительственных решений профильное министерство. В динамике показателей развития оленеводства ситуация являлась кризисной и сохранялась такой до конца изучаемого периода. По численности поголовья как главного количественного показателя развития отраслей традиционного животноводства, в данном случае оленеводства, видно, что в рассматриваемый постсоветский период по итогам 1991 и 1999 годов соответственно 83,97 % и 77,12 % домашних оленей республики были сосредоточены в 15 изучаемых районах / улусах, в том числе в северо-западно-прибрежной группе — 46,2 % и 42,1 %, северо-восточной — 31,8 % и 31,6 %, индигино-колымской — 5,9 % и 3,4 % соответственно. В период с конца 1991 года по конец 1999 года всего по республике в поголовье домашних оленей произошло сокращение на 185 117 голов, что составило 52,86 % всего поголовья. В первой половине 1990-х годов численность оленей по республике сократилась на 103 337 голов (29,5 %), во второй половине десятилетия — на 81 780 голов (33,12 %). Распределение поголовья домашних оленей по 15 изучаемым районам / улусам по группам выглядело в 1991 году и в 1999 году следующим образом: в северо-западно-прибрежной группе — 55,1 % и 54,5 %, северо-восточной — 37,9 % и 41 %, индигино-колымской — 7,1 % и 4,5 % соответственно. В изучаемых улусах за эти девять лет численность оленей сократилась на 166 753 головы (56,70 %). То есть 90,07 % сокращения поголовья домашних оленей республики произошло именно в этих 15 улусах. Поголовье оленей в 15 улусах в первой половине десятилетия сократилось на 91 410 голов (31,08 %); во второй половине 1990-х годов — на 75 343 головы (37,17 %) [подсчитано по: Некоторые показатели..., 1996, с. 46, 115; Экономика улусов..., 2000; Республика Саха..., 2000, с. 27; ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 298, л. 32]. В период подобного катастрофического спада численности поголовья оленей в условиях трансформаций экономической системы и ее реформирования в рамках аграрного сектора ведущее традиционное хозяйственное занятие коренных малочисленных народов Севера Якутии, коим являлось разведение домашних оленей, безусловно, содержательно пытались развивать, прежде всего сохранять как отрасль экономики традиционных сфер хозяйства Севера. При этом домашнее оленеводство, как и в любое время своего исторического развития, в первый постсоветский период зависело в первую очередь от природно-климатических, погодных условий каждого года, от опасностей окружающей среды, конкретного оленьего стада отдельного хозяйства и особенностей (характера) традиционного природопользования.

Так, в 1996—1997 годах реалии зимовки для оленеводства республики были трудными. Управлением координации развития Севера профильного министерства были названы основные, помимо общеэкономического кризиса в стране, более непосредственные производственные причины упадка оленеводства: непроизводительный отход домашних оленей вследствие ухода с дикими оленями, травеж волками, массовые заболевания некробактериозом, бронхопневмонией, природные стихийные бедствия, такие как гололед, обледевание ягеля, ранний массовый налет оводов и гнуса и т. д. Из-за нехватки сил и средств была запущена ветеринарная работа, в частности, борьба с бруцеллезом оленей, вследствие чего отмечался большой процент яловости и отхода получаемого приплода. Кроме того, среди основных причин кризиса оленеводства называлось ухудшение материально-технического и транспортного обеспечения, особенно резко возросли тарифы на авиатранспорт и практически привели к невозможности его использования в оленеводстве, — в результате перестали хозяйственно использоваться отдаленные олени пастбища со свежим кормом, организовываться полноценная охрана оленьих пастбищ. Все эти факторы привели к непроизводительному отходу оленей в 1997 году в количестве 52 644 голов, в том числе падеж от разных болезней (в основном от некробактериоза, истощения, летовки и от других незаразных заболеваний, часть поголовья были травмированы, утонула, в основном молодняк) составил 28,6 % (15 062 головы), утери — 38,8 % (20 457 голов) и травеж — 32,5 % (17 125 голов) [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 8. л. 88—91].

Тем не менее организационные решения по оленеводству как отрасли экономики, определенные действия по управлению ею на уровне профильного министерства республики и на уровне управления сельского хозяйства улуса вносили свой вклад, конкретные результаты которого зависели от сельскохозяйственной специализации как улуса, так и отдельного хозяйства. В организационных мероприятиях также большое значение уделялось социальной сфере жизни оленеводов. И здесь необходимо подчеркнуть, что в завершение сложного и противоречивого в управленческом, организационном плане периода первой половины 1990-х годов было разработано и вышло Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 521 от 2 декабря 1995 года «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов» [Санникова, 2022, с. 72—75]. Принятие данного документа стало попыткой на республиканском уровне комплексно подойти к проблемам социального и хозяйственного развития населения арктических территорий, учитывая крайне сложные, экстремальные условия жизни людей и ведения tradi-

ционных видов производства в арктических улусах, в целях сохранения традиционных отраслей. Относительно проблем развития домашнего оленеводства было заявлено, что в целях обеспечения жизнедеятельности коренного населения необходимо считать важнейшей задачей восстановление в ближайшие 4—5 лет утраченного поголовья домашних оленей за счет сокращения непроизводительного отхода и ограничения забоя домашних оленей, увеличения изъятий из популяций диких северных оленей, повсеместной усиленной борьбы с волками. В связи с этим профильное министерство и другие ответственные ведомства должны были разработать мероприятия на основе нормативно-правовых решений и реализовать конкретные экономические меры в отрасли домашнего оленеводства [Там же].

В целом, как было сказано в сведениях о состоянии финансирования по направлениям реализации Постановления Правительства РС(Я) № 521 за 1996—1997 годы, доля по реализации данного постановления за год, по сведениям группы Программы развития Севера МСХиП РС (Я), составляла 66 % (в 1996 году — 125 849 млн руб., в 1997 году — 104 342,3 млн руб.) от утвержденного бюджета Республики Саха (Якутия) по статье «Сельское хозяйство». В том числе на область домашнего оленеводства выделено (в млн руб.): для охраны оленьих пастбищ, в частности отстрела волков, корализации за 1996 год — 6800, за 1997 год — 6120 (75,0 % от бюджета); для обеспечения оленеводов спецодеждой и табельным снаряжением за 1996 год — 3600, за 1997 год — 3634,4 (46,6 % от бюджета); для кочевых ежемесячных выплат за 1996 год данные не были указаны, за 1997 год — 17 395 (81,4 % от бюджета). Для приобретения техники по лизингу и бесплатного ветеринарного обслуживания оленеводства финансирование не выделялось. Отсутствие бесплатного ветеринарного обслуживания в связи с отказом со стороны министерства финансов непосредственно влияло на качество социального положения тружеников в оленеводстве. В 1997 году на противоэпизоотические мероприятия по арктическим и северным районам отдельного финансирования не было предусмотрено. Департаментом ветеринарии через «Зоовтеснаб» были отпущены только медикаменты на сумму 221,1 млн руб. [Там же, с. 85—87].

Из всех 22 пунктов Постановления № 521 непосредственно к социальным вопросам относились восемь пунктов. Среди них пункт 14 «О системе гарантированной оплаты труда оленеводов, об установлении единовременных, материальных кочевых компенсаций оленеводам и чумработникам» касался непосредственно социальной сферы в оленеводстве, оплаты труда оленеводов. Исполнителями являлись республиканские министерства сельского хозяйства и социальной защиты. В результате были приняты Постановления Правительства РС (Я) от 11 октября 1996 года № 402 «О единовременном

пособии лицам, впервые выезжающим на работу в оленеводство» и № 403 «Об арктических кочевых ежемесячных выплатах оленеводам и чумработникам». В 1997 году кочевые ежемесячные выплаты были произведены с января по сентябрь, всего было перечислено 17 395 млн руб. [Там же, с. 84].

Таким образом, впервые за постсоветские годы претворение в жизнь программных решений Постановления № 521 в 1996—1997 годах стало опытом комплексного подхода к проблемам экономического и социального развития домашнего оленеводства. При всех не до конца реализованных намерениях как во всех традиционных отраслях, так и в оленеводстве и социальной сфере оленеводов это был первый опыт по социальной поддержке работников данной отрасли. Из восьми социальных пунктов Постановления за два года исполнения можно было считать положительно решенными только четыре, в том числе по пункту 14 новые принятые постановления по единовременным выплатам оленеводам и чумработникам. Решения об обеспечении спецодеждой, табельным снаряжением касались реализации финансирования уже существующих нормативов [Там же, с. 89].

3.2. Вопросы социальной сферы жизни оленеводов в решениях коллегии профильного министерства

В рамках реализации решений программного Постановления № 521 по социальной сфере оленеводства профильным министерством и его коллегией проводилась определенная работа. К подобным реальным решениям исполнительных органов власти относилось и постановление коллегии министерства сельского хозяйства и продовольствия от 28 марта 1996 года № 3 относительно самой злободневной проблемы тех лет — оплаты труда работников оленеводства. Данное постановление коллегии утвердило рекомендации, которые были подготовлены во исполнение того самого пункта 14 вышеуказанного Постановления № 521 и упорядочения условий оплаты труда, материального стимулирования рабочих за конечные результаты работы, получение высококачественной продукции оленеводства. Оленеводческие хозяйства республики должны были при расчетах оплаты труда руководствоваться настоящими рекомендациями. Нужно отметить, что официально зафиксированным дефицитом средств являлась сумма в 26,0 млрд руб., в связи с чем было направлено обращение в республиканское правительство с просьбой об оказании финансовой поддержки [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 14, л. 25—34].

Для данного исследования важным является понимание подходов к оплате труда работников в оленеводстве, подготовленных и утвержденных профильным министерством совместно с министерством социальной защиты, труда и занятости республики. Суть расчета оплаты труда исходила из норм нагрузки на одного оленевода с учетом территориального

расположения пастбищ в различных зонах по местонахождению оленьих пастбищ. Изучаемые улусы распределились по отнесению оленьих пастбищ, находящихся на их территории, к той или иной зоне: 1-я зона тундровая — Нижнеколымский, Аллаиховский, Усть-Янский, Булунский, Анабарский улусы; 2-я зона лесотундровая — Оленекский, Абыйский; 3-я зона горнотаежная — Момский, Среднеколымский, Верхнеколымский, Оймьяконский, Томпонский, Верхоянский, Эвено-Бытантайский; 4-я зона таежная — Жиганский, также в данную зону были отнесены пастбища 8 районов центральной и южной Якутии, где было таежное оленеводство. Остается под вопросом, почему практически заполярный Жиганский район не был включен хотя бы в горнотаежную зону. Здесь также интересна норма обслуживания количества оленей на одного оленевода по зонам, которая, независимо от формы собственности, должна была определяться общим собранием трудового коллектива и записываться в трудовом / коллективном договорах. Нормы и для маточного, и для смешанного стада предлагались одинаковые. Для всех зон оптимальной считалась бригада из 6 оленеводов, при этом в зависимости от зоны размер стада и норма прикрепленного поголовья на одного оленевода были разными: в 1-й зоне — стадо 1500 голов оленей и 250 голов оленей на одного оленевода, во 2-й — 1350 и 225, в 3-й — 1080 — 180, в 4-й — 660 и 110. При оплате труда оленеводов с учетом условий производства, интенсивности труда для стимулирования и «повышения престижности профессий оленевода и чумработницы» было рекомендовано применить 18-разрядную единую тарифную сетку (ЕТС), утвержденную Постановлением Правительства РФ от 14 октября 1992 года № 785 и приказом МСХ РФ от 13 ноября 1992 года № 490, для расчета определения тарифных ставок и окладов [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 14, л. 25—34]. Представим обобщенные расчеты годового тарифного фонда оплаты труда бригады (табл. 1):

Таблица 1

Пример расчета годового тарифного фонда оплаты труда бригады

Показатели Работники	Состав брига- ды, чел.	Раз- ряд по ЕТС	Дневн. тариф. ставка, руб.	Кол- во раб. дней	ГТФ на 1 работ- ника, тыс. руб.	ГТФ всего, тыс. руб.	ГТФ увелич. на 50 %
Оленеводы	6	8	15730	365	5741,4	34448,7	51673,1
Чумработ- ники	3	6	12300	365	4489,5	13468,5	20202,7
Итого	9	х	х	х	5324,1	47917,2	71875,8

Источник: [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 14, л. 29].

Специфику труда оленеводов и связанных с ней особенностей оценки труда можно усмотреть также в следующих показателях производства, которые рекомендовано было учесть: сохранность январского поголовья и полученного приплода; выращенное мясо в живом весе, или деловой выход тугутов, или только выращенное мясо; товарная продукция в специальных нагульных стадах; выращенное мясо и реализованное племенное поголовье. До получения и оприходования продукции было предусмотрено авансирование за обслуживание оленей и выполнение всех работ по усмотрению хозяйства.

Таким образом, в коллегиальной практике профильного министерства были выработаны рекомендации по оплате труда оленеводов и чумработников в различных зональных условиях оленьих пастбищ и в то же время в рамках ЕТФ. Судя по состоянию реальной оплаты труда всех работников аграрного сектора в изучаемый период, здесь интересны подход в расчете норм труда оленеводов и попытка их социальной защиты через профессиональную тарификацию оплаты труда, что явилось составной частью начала социальных изменений в оценке их труда со стороны государственных органов.

Практически сразу после выработки данных рекомендаций по оплате труда оленеводов в рамках выполнения Постановления № 521 министерством сельского хозяйства и продовольствия республики совместно с НАОК «Таба» был подготовлен проект «Программы стабилизации и развития домашнего оленеводства Республики Саха (Якутия) на 1996—2000 годы». Проект включал раздел «Улучшение социальной сферы жизни оленеводов» [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 14, л. 77—78]. На коллегии профильного министерства 22 мая 1996 года проект был рассмотрен, одобрен и предложен после доработки с учетом замечаний, предложенный к представлению в правительство республики [Там же, л. 68—94].

Понятно, что те суммы финансовых средств, которые были заложены в планы по улучшению социальной сферы жизни оленеводов, во многом оставались теоретически желаемыми в силу всё еще сохранявшегося системного кризиса. Но здесь важно рассмотреть, какие социальные направления были включены официально в программу развития оленеводства и каким было видение государством в лице органов исполнительной власти региона картины социального обустройства ведущей отрасли арктических хозяйств.

Первым было обозначено плановое обустройство мобильными производственно-бытовыми комплексами оленеводов на местах хозяйственной деятельности. Исходили из того, что круглогодичная кочевая жизнь оленеводов в экстремальных условиях создает крайне тяжелую бытовую обстановку, в последние годы кое-где построенные, да и то не во всех хозяйствах, сборно-разборные или передвижные объекты износились или

были заброшены вследствие истощения оленьих пастбищ. В связи с этим необходимо было восстановить жилищно-бытовые комплексы оленеводов на местах их производственной деятельности, предусматривающие жилой дом для каждой семьи с полным бытовым и техническим оснащением.

Второе направление — оплата труда и социальная поддержка оленеводов и их семей. Было сказано, что до настоящего времени единственным источником оплаты труда оленеводов и чумработников являлся доход от реализации продукции и сырья. Однако с сокращением объемов производства и реализации оленеводческой продукции сократились и доходы, проблема оплаты труда стала самой сложной и острой. В связи с неплатежеспособностью оленеводческих хозяйств заработная плата работников стала задерживаться до 6 месяцев на фоне отсутствия надлежащих условий труда и быта. Было прямо сказано, что уровень заработной платы, которая была ниже прожиточного минимума (и то не выплачивалась в срок. — Я. С.), поставил оленеводов в положение, когда они оказались за чертой бедности, стали самой незащищенной частью населения Севера. В связи с этим были предложены следующие меры решения проблемы: разработка вышеуказанных рекомендаций по оплате труда рабочих, занятых в оленеводстве; установление, согласно Указу № 869 от 30 сентября 1994 года и Распоряжению № 224-РП от 6 мая 1995 года Президента РС (Я), с учетом объективных условий производства, работникам оленеводства арктических кочевых доплат: оленеводам 150 тыс. руб. и чумработникам 100 тыс. руб.; заявление об открытии лицевых счетов в КБ «Якутагропромбанк» по 3,0 млн руб. оленеводам и чумработникам согласно Распоряжению Президента РС (Я) № 154 от 2 апреля 1996 года. Также Министерствами сельского хозяйства и социальной защиты были подготовлены проекты постановлений правительства республики, решения по финансированию данных проектов, что, по мнению исполнителей, должно было помочь поддержать на необходимом уровне жизнь и деятельность работников оленеводства. О реализации их определенной части уже было сказано выше в контексте освещения социального пункта по оленеводству в Постановлении № 521.

Третьим направлением стало обеспечение оленеводов бесплатной спецодеждой и табельным снаряжением с учетом особенностей деятельности, суровых климатических условий жизни [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 14, л. 77—78]. Для реализации мер, указанных в Постановлениях Правительства РС (Я) № 228, № 229 от 26 мая 1995 года, за первый год было выделено только 45 % финансирования, которого было недостаточно для решения проблемы. С целью понимания требуемых объемов финансирования социальной сферы жизни оленеводов приведем расчетные суммы в ценах 1996 года. Так, через НАОК «Таба» для планового обустройства мо-

бильными производственно-бытовыми комплексами оленеводческих бригад республики на 1996—2000 годы было запланировано 108 200 млн руб. (включая строительно-монтажные работы — 87 522 млн руб.), в том числе на остаток 1996 года — 4800 млн руб., 1997 года — 25 960 млн руб. [Там же, л. 92]. Расчет для обеспечения 2140 оленеводов спецодеждой согласно расширенным нормативам составил на каждого по одной единице или паре наименований: совик меховой — 890 тыс. руб., брюки меховые — 420 тыс. руб., сукуй меховой — 920 тыс. руб., торбаза из камуса — 1100 тыс. руб., сапоги резиновые — 280 тыс. руб., шапка-ушанка — 325 тыс. руб., рукавицы из камуса — 254 тыс. руб., мешки спальные — 1400 тыс. руб., сукуй суконный — 360 тыс. руб., плащ из водонепроницаемой ткани — 250 тыс. руб. и кэнчи меховые, по две пары, по 155 тыс. руб. При этом в 1996 году требовалась на дообеспечение с предыдущего года сумма в 6836 млн руб. [Там же, л. 94]. На обеспечение табельным снаряжением оленеводов была запланирована сумма в 21 871 млн руб., в том числе на 1996 год — 10 271 млн руб., 1997 год — 800 млн руб.

Всего из 12 пунктов наименований мероприятий в проекте Программы стабилизации и развития оленеводства республики на 5 последующих лет 3 наименования касались непосредственно социальной сферы жизни оленеводов, и, как видно, в среднем 1/3 и чуть более планируемого финансирования были заложены на это. В данном случае речь могла идти только о потребности и желании органов исполнительной власти поддерживать оленеводов с точки зрения обеспечения их снаряжением, спецодеждой, а также улучшения бытовых условий [Там же]. Если рассчитать итог выделения финансовых средств для обеспечения социальной сферы жизни оленеводов, то очевидно недофинансирование, поскольку было выделено 139 036 млн руб., или 32,5 % от всего плана финансирования программы, в том числе на 1996 год — 21 907 млн руб., или 29,7 %, 1997 год — 32 760 млн руб., или 35,8 % [Там же, л. 91].

Проект Программы стабилизации и развития домашнего оленеводства на 1996—2000 годы, хоть и был по рекомендации коллегии профильного министерства внесен на рассмотрение правительства республики, однако так и не был принят, как заявлено официально, в связи с нерешенностью финансовых вопросов. Но 25 июня 1997 года был принят Закон РС (Я) «Об оленеводстве» [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 308, л. 31—33, 36, 38—40, 43]. Надо полагать, исполнительные органы власти, в частности республиканское правительство, выбрали такой подход в условиях повсеместной финансовой необеспеченности официальных решений, в том числе чтобы иметь возможность в бюджетном плане лавировать: принятый закон оставался в силе в долгосрочной перспективе, а программа, принятая

на определенный период, могла быть не выполнена совсем или выполнена только частично.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, Постановление Правительства № 521 от 2 декабря 1995 года «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов» стало самым большим программным событием и организационным решением в сфере традиционных отраслей, в том числе для домашнего оленеводства, реализация направлений которого началась с 1996 года. Самым важным для жизни тружеников оленеводческой отрасли стало то, что официально был поставлен вопрос о целом комплексе проблем социального обеспечения жизни оленеводов и чумработников. Все представленные проекты социальной поддержки и состояние их реализации показывали предсказуемое для того времени недостаточное финансирование. Тем не менее шла реальная работа органов исполнительной власти, в основном профильного министерства, по подготовке проектов, разработке расчетов и предлагаемых конкретных мер. Как видно, в целом социально-экономическое положение отрасли было катастрофически кризисным, что проявлялось как в колоссальном спаде поголовья в течение всего изучаемого периода, так и причинах и уровне непроизводительного отхода оленей в изучаемые 1996—1997 годы, на которые как раз приходился реальный опыт принятия решений в рамках попытки реализации программного постановления. Именно тогда, хотя и в недостаточном объеме, началось принятие новых решений по единовременным выплатам оленеводам и чумработникам, были разработаны конкретные рекомендации по оплате их труда, реализации финансирования уже существующих нормативов по обеспечению спецодеждой, табельным снаряжением, предложены новые требования технического оснащения оленеводческих баз. На наш взгляд, как показывают архивные документы, представители профильного министерства, ответственные за управление традиционными отраслями, не всегда могли рассчитывать на положительный опыт принятия решений по социально-экономическому развитию домашнего оленеводства как ведущего традиционного занятия коренного населения, но они вполне осознавали реальное положение работников. Данное понимание было отражено в очередном аналитическом документе за 1997 год: «Оленевод сегодня работник специального назначения, который не только проживает, но выполняет свою трудную работу в тундре и в тайге, в условиях почти полной автономии. Сильные морозы, ветра, метели, продолжительная

полярная ночь, летняя жара и гнус, закустаренность и заболоченность местности, наличие хищных зверей, удаленность не только от населенных пунктов, но и от соседних бригад и участков промысла определяют суровость условий работы оленеводов. В период перехода на рыночные отношения перестала действовать государственная система медицинского, культурного и торгового обслуживания кочевого населения. По сути дела люди, в течение года пребывающие в естественной природной среде, оказались предоставлены природе и самим себе» [ОВА МСХ РС (Я), ф. 55, оп. 35, д. 8. л. 91]. Достаточно объективное представление работников руководящего ведомства о ситуации в оленеводстве демонстрировало их стремление по возможности исправить ситуацию, однако общее экономическое положение в стране и в регионе существенно затрудняло реализацию выработанных мер.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Некоторые* показатели экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов Севера и Арктических районов в 1980, 1985, 1990—1995 гг. Статистический сборник № 171/ 4071. Госкомитет РС(Я) по статистике. — Якутск : [б. и.], 1996. — 87 с.
2. ОВА МСХ РС (Я) — *Объединенный* ведомственный архив Министерства сельского хозяйства Республики Саха (Якутия). Ф. 55. Оп. 35. Д. 8. Л. 88—91. Д. 14. Л. 25—34, 29, 68—94, 77—78. Д. 298. Л. 32. Д. 308. Л. 31—33, 36, 38—40, 43.
3. *Республика Саха (Якутия)* за годы суверенитета (1990—2000гг.). Госкомстат РС(Я). Официальное издание. — Якутск : [б. и.], 2000. — 82 с.
4. *Экономика* улусов и городов РС(Я) 1985—1999 гг. Госкомстат РС(Я). Официальное издание. — Якутск : [б. и.], 2000. — 144 с.

Литература

1. *Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX в. Очерки истории.* — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. — 308 с. — ISBN 978-5-94301-073-6.
2. *Аргунов И. А.* Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы) / И. А. Аргунов. — Якутск : Кни-изд-во, 1988. — 232 с.
3. *Вербицкая О. М.* Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985—2002 гг. / О. М. Вербицкая. — Москва : Институт российской истории РАН, 2002. — 408 с. — ISBN 978-5-8055-0325-3.
4. *Винокурова Л. И.* Антропология традиционного образа жизни : к стратегиям исследований коренного населения сельской Якутии / Л. И. Винокурова, Я. М. Санникова, В. В. Филиппова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2023. — № 2 (43). — С. 10—23. — DOI: 10.25693/SVG.2023.43.2.001.
5. *Винокурова Л. И.* Аборигенные этносы РС(Я) в модернизирующемся обществе / Л. И. Винокурова // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). — Новосибирск : Наука, 2000. — С. 163—187. — ISBN 5-02-032318-7.

6. Донской Ф. С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века / Ф. С. Донской. — Якутск : ЯФ Изд-ва СО РАН, 2002. — Т. 1. — 338 с.
7. История Якутии : в 3-х томах / С. И. Боякова, Е. П. Антонов, Н. И. Бурнашева [и др.]. — Новосибирск : Наука, 2021. — Т. 3. — 592 с. — ISBN 978-5-02-038818-5.
8. Клоков К. Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Республика Саха (Якутия). — 87 с. — ISBN 5-9651-0012-4.
9. Ковлеков С. И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991—1995 гг. Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991—1996 гг.) : проблемы коренных преобразований. — Якутск : [б. и.], 1999. — С. 76—110.
10. Мурашко О. А. Коренные народы Арктики и «народы Севера» : история, традиции, современные проблемы / О. А. Мурашко // Арктика : экология и экономика. — 2011. — № 3. — С. 90—105.
11. Народ саха от века к веку : очерки истории. — Новосибирск : Наука, 2003. — 327 с. — ISBN 5020318779.
12. Никольский С. А. Аграрный курс России : мировоззрение реформаторов и практика аграрной реформы в социально-историческом, экономическом и философском контекстах / С. А. Никольский. — Москва : КолосС, 2003. — 376 с. — ISBN 5-9532-0116-8.
13. Проблемы Крайнего Севера Якутии : состояние и пути решения : сборник научных трудов / Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т проблем малочисл. народов Севера ; [редкол. : И. И. Понсеев, д.э.н. (отв. ред.) и др. — Якутск : Северовед, 2001. — 176 с. — ISBN 5-7513-0223-0.
14. Рефлексивное крестьяноведение : Десятилетие исследований крестьянской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. — Москва : МВШСЭН, РОС-СПЭН, 2002. — 592 с. — ISBN 5-93725-012-5.
15. Санникова Я. М. Управление традиционным хозяйством Арктики (на примере Якутии в конце XX века) / Я. М. Санникова. — Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2022. — 178 с. — ISBN 978-5-902198-61-1.
16. Сирина А. А. Родовые общины малочисленных народов Севера в РС(Я) : шаг к самоопределению? / А. А. Сирина. — Москва : Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. — 27 с. — ISBN 5-201-14658-9(6).
17. Тихонов Н. Н. Северное село / Н. Н. Тихонов. — Новосибирск : Наука, 1996. — 384 с.
18. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С. М. Баишева, Р. И. Донской, Т. Н. Константинова [и др.] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманит. исслед. и пробл. малочисл. народов Севера. — Новосибирск : Наука, 2012. — 360 с. — ISBN 978-5-02-019044-3.
19. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия) : Потенциал, тенденции, перспективы / В. Б. Игнатьева, С. В. Абрамова, А. А. Павлов и др. ; Отв. ред. В. Н. Иванов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Ин-т гуманит. исслед. — Новосибирск : Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2000. — 273 с. — ISBN 5-02-032318-7.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023,
одобрена после рецензирования 07.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

- Economy of uluses and cities of RS(Ya) 1985—1999. Goskomstat RS(Ya). Official publication.* (2000). Yakutsk: [b. i.]. 144 p. (In Russ.).
- OVA of the Ministry of Agriculture of the RS (Ya) — *The Joint Departmental Archive of the Ministry of Agriculture of the Republic of Sakha (Yakutia).* (In Russ.).
- Some indicators of economic and social development of areas inhabited by small peoples of the North and Arctic regions in 1980, 1985, 1990—1995. Statistical Collection № 171/ 4071. RS(Ya) State Committee on Statistics.* (1996). Yakutsk: [b. i.]. 87 p. (In Russ.).
- The Republic of Sakha (Yakutia) during the years of sovereignty (1990—2000). The State Statistics Committee of the RS (Ya). Official publication.* (2000). Yakutsk: [b. i.]. 82 p. (In Russ.).

References

- Agrarian transformations and agriculture of Siberia in the twentieth century. Essays on history.* (2008). Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 308 p. ISBN 978-5-94301-073-6. (In Russ.).
- Argunov, I. A. (1988). *Social sphere of lifestyle in the Yakut ASSR (History of formation and modern problems).* Yakutsk: Kni-publishing house. 232 p. (In Russ.).
- Donskoy, F. S. (2002). *Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the twentieth century, 1.* Yakutsk: YAF Publishing House SB RAS. 338 p. (In Russ.).
- Ethnosocial adaptation of indigenous small-numbered peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia).* (2012). Novosibirsk: Nauka. 360 p. ISBN 978-5-02-019044-3. (In Russ.).
- Ethnosocial development of the Republic of Sakha (Yakutia): Potential, trends, prospects.* (2000). Novosibirsk: Nauka. Sib. publishing house of the Russian Academy of Sciences. 273 p. ISBN 5-02-032318-7. (In Russ.).
- Klovov, K. B. *Reindeer husbandry and reindeer herding peoples of the North of Russia. The Republic of Sakha (Yakutia).* 87 p. ISBN 5-9651-0012-4. (In Russ.).
- Kovlekov, S. I. (1999). *Agrarian reform in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991—1995. The Sovereign Republic of Sakha (Yakutia) (1991—1996): problems of fundamental transformations.* Yakutsk: [b. i.]. 76—110. (In Russ.).
- Murashko, O. A. (2011). Indigenous peoples of the Arctic and “peoples of the North”: history, traditions, modern problems. *Arctic: ecology and economics*, 3: 90—105. (In Russ.).
- Nikolsky, S. A. (2003). *The agrarian course of Russia: the worldview of reformers and the practice of agrarian reform in socio-historical, economic and philosophical contexts.* Moscow: KolosS. 376 p. ISBN 5-9532-0116-8. (In Russ.).
- Problems of the Far North of Yakutia: state and solutions: collection of scientific papers.* (2001). Yakutsk: Severoved. 176 p. ISBN 5-7513-0223-0. (In Russ.).
- Reflexive peasant studies: A Decade of research in Peasant Russia.* (2002). Moscow: MVSH-SEN, ROSSPEN. 592 p. ISBN 5-93725-012-5. (In Russ.).
- Sannikova, Ya. M. (2022). *Management of the traditional economy of the Arctic (on the example of Yakutia at the end of the twentieth century).* Yakutsk: IGLiPMNS SB RAS. 178 p. ISBN 978-5-902198-61-1. (In Russ.).
- Sirina, A. A. (1999). *Tribal communities of the small peoples of the North in the RS (Ya): a step towards self-determination?* Moscow: N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnol-

- ogy and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 27 p. ISBN 5-201-14658-9(6). (In Russ.).
- The History of Yakutia: in 3 volumes*, 3. (2021). Novosibirsk: Nauka. 592 p. ISBN 978-5-02-038818-5. (In Russ.).
- The Sakha people from century to century: essays on history*. (2003). Novosibirsk: Nauka. 327 p. ISBN 5020318779. (In Russ.).
- Tikhonov, N. N. (1996). *Severnoye Selo*. Novosibirsk: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Verbitskaya, O. M. (2002). *Rural family at the stage of socio-economic transformations 1985—2002*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 408 p. ISBN 978-5-8055-0325-3. (In Russ.).
- Vinokurova, L. I. (2000). Aboriginal ethnic groups of the RS (Ya) in a modernizing society. In: *Ethnosocial development of the Republic of Sakha (Yakutia)*. Novosibirsk: Nauka. 163—187. ISBN 5-02-032318-7. (In Russ.).
- Vinokurova, L. I., Sannikova, Ya. M., Filippova, V. V. (2023). Anthropology of the traditional way of life: towards research strategies of the indigenous population of rural Yakutia. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 2 (43): 10—23. DOI: 10.25693/SVG.2023.43.2.001. (In Russ.).

*The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 07.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

Информация для цитирования:

Сюй Жуйлинь. Турецко-российские отношения в XXI веке : проблемы развития / Сюй Жуйлинь, С. С. Колегов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 482—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-482-496.

Xu Ruilin, Kolegov, S. S. (2023). Turkish-Russian Relations in 21st Century : Problems of Development. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 482-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-482-496. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-482-496

Турецко-российские отношения в XXI веке: проблемы развития

Сюй Жуйлинь (Xu Ruilin)^{1*}

orcid.org/0009-0006-9147-8684

магистрант,

***корреспондирующий автор**

914646645@qq.com

Колегов Святослав Сергеевич²

orcid.org/0000-0001-5253-0722

кандидат исторических наук,

доцент кафедры

зарубежного регионоведения

sv.kolev@mail.ru

¹ Хэйлунцзянский университет
(Харбин, Китай)

² Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Turkish-Russian Relations in 21st Century : Problems of Development

Xu Ruilin^{1*}

orcid.org/0009-0006-9147-8684

master's student,

***Corresponding author**

914646645@qq.com

Svyatoslav S. Kolegov²

orcid.org/ 0000-0001-5253-0722

PhD in History, Associate Professor,

Department of Foreign Regional Studies

sv.kolev@mail.ru

¹ Heilongjiang University
(Harbin, China)

² Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье дается обзор развития российско-турецких отношений в XXI веке на фоне особенностей изменения внутривнутриполитической ситуации в Турции на рубеже XX—XXI веков. Особое внимание уделяется тому, как менялась стратегия внешнеполитической деятельности Турции. Отмечается, что Российская Федерация является особо важным партнером Турецкой Республики. Актуальность темы заключается в том, что в настоящее время отношения двух государств продолжают активно развиваться, несмотря на все внешнеполитические вызовы. В то же время история развития контактов России и Турции нуждается в дальнейшем изучении, поскольку по объективным причинам данный период достаточно слабо отражен в научной литературе. Новизна исследования состоит в привлечении новых источников для изучения отношений государств. Авторы статьи приходят к обоснованному выводу, что турецкое правительство стремится развивать свои отношения с Российской Федерацией и одновременно не желает прерывать связи со странами Запада и Востока. Тем самым оно стремится использовать возможности, которые дает стране ее географическое положение, превращающее Турцию в своеобразный «коридор» между различными частями Евразии.

Ключевые слова:

внешняя политика России; внешняя политика Турции; российско-турецкие отношения; организация Черноморского экономического сотрудничества; Турецкий поток.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article provides a brief overview of the development of Russian-Turkish relations in the 21st century against the backdrop of changes in Turkey's domestic political situation at the turn of the 20th and 21st centuries. Special attention is paid to the evolution of Turkey's foreign policy strategy. It is noted that the Russian Federation is a particularly important partner for the Republic of Turkey. The relevance of the topic lies in the fact that currently, the relationship between the two countries continues to develop actively, despite external political challenges. At the same time, the history of Russia-Turkey contacts requires further study, as this period is not well represented in the existing literature. The novelty of this research lies in the use of new sources to study state relations. The authors of the article come to a justified conclusion that the Turkish government seeks to develop its relationship with the Russian Federation while maintaining ties with both Western and Eastern countries. This demonstrates their efforts to utilize the opportunities provided by Turkey's geographical location, which serves as a "corridor" between various parts of Eurasia.

Key words:

Russian foreign policy; Turkish foreign policy; Russian-Turkish relations; Black Sea Economic Cooperation Organization; Turkish Stream.

УДК 94(564.3).04+327(560)“2000/2023”

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Турецко-российские отношения в XXI веке: проблемы развития

© Сую Жуйлинь, Колегов С. С., 2023

1. Введение = Introduction

На рубеже XX и XXI веков Турция столкнулась со сложной внутренней и международной ситуацией: ожесточенной межпартийной борьбой, частыми военными переворотами, тяжелым экономическим кризисом, вызванным международным финансовым кризисом. Приход в 2002 году к власти Партии справедливости и развития (ПСР) происходил на фоне столь необходимых перемен во внутренней и внешней политике. Турция позиционирует себя в качестве лидера на исламском, постосманском и тюркском постсоветском пространстве [Аватков и др., 2020] как во внутренней, так и во внешней политике, стремясь укрепить свои позиции в качестве лидера в этих регионах.

В 2001 году профессор университета Бейкент (впоследствии, в 2014—2016 годах премьер-министр Турции) Ахмет Давутоглу опубликовал книгу «Стратегическая глубина: международное положение Турции», в которой предложил стране использовать преимущества своего географического положения и стремиться к «стратегической глубине». Уникальное географическое положение Турции на перекрестке Востока и Запада позволяет ей стать влиятельным игроком на международной арене в постбиполярном мире и стать одним из основных игроков в мировой политике, снизив свою зависимость от Запада. По словам А. Давутоглу, Турция находится в центре перекрещивания интересов Азии, Европы и Африки. Хотя это центральное положение сопряжено с риском крайней нестабильности, оно также имеет большое преимущество — неразрывное географическое пространство, пути из которого могут проходить во многие регионы [Speech Delivered ... 2009]. В течение последующих двадцати лет «стратегическая глубина» стала официальной философией внешней политики Турции. Даже после ухода Давутоглу с поста премьер-министра и председателя правящей партии в мае 2016 года доктрина продолжает оказывать влияние на турецкую внешнюю политику.

Ключевым элементом концепции «стратегической глубины» является принцип дипломатии «нулевых проблем», суть которого заключается

в том, что Турецкая Республика должна установить дружественные отношения со всеми своими соседями независимо от различий политического, исторического, культурного или религиозного характера, сформировав тем самым так называемую «Ось дружбы» [Парланова, 2017]. Особое место в этой концепции занимают дружественные отношения с Российской Федерацией, поскольку Россия является одним из основных игроков в мировой геополитике и ключевой страной, влияющей на ситуацию в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и в регионе Черного моря.

В соответствии с национальными интересами и внешнеполитическими приоритетами турецкого правительства, а также для достижения стратегических целей Турции как крупной евразийской державы при формировании внешней политики учитывается ряд стратегических соображений, которые находят отражение в вопросах ее отношений с Россией.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование базируется на информационных источниках, размещенных на официальных правительственных сайтах России и Турции. При подготовке исследования привлекались также информационные материалы, размещенные на сайтах российских и турецких медиа, а также аналитические работы российских и турецких авторов. При этом необходимо заметить, что, несмотря на возрастание значения российско-турецких отношений во внешней политике как России, так и Турции, исследования данной проблематики относительно немногочисленны. Среди исследований последнего времени следует упомянуть работы Ю. С. Кудряшовой [Кудряшова, 2012], Р. Н. Шангараева [Шангараев и др., 2016], А. Т. Парлановой [Парланова, 2017], Э. Г. Вартаньян [Вартаньян и др., 2018], С. А. Имановой [Иманова, 2022], Г. Далай [Dalay, 2022], в которых рассматриваются отдельные аспекты российско-турецких отношений последнего десятилетия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Устойчивое экономическое развитие — основа национального развития

В современном мире сила в виде экономического развития и технологического прогресса легко трансформируется в политическую и военную мощь, составляя, таким образом, основную часть системы национальной безопасности. Несмотря на относительно быстрое экономическое развитие в XXI веке, Турция остается страной среднего размера с ограниченными экономическими ресурсами, требующей постоянных прямых иностранных инвестиций и международных заимствований для поддержания собственной экономики и опирающейся на хорошие политические отношения

для расширения зарубежных рынков. В этом отношении Россия сыграла ключевую роль в разрешении внутреннего экономического кризиса Турции: она является крупным импортером сельскохозяйственной продукции, такой как фрукты, орехи, овощи и прочие продукты растительного происхождения. Следует отметить, что еще в 2020 году Турция заняла первое место среди стран, экспортирующих в Российскую Федерацию продукцию растительного происхождения. Овощей в Россию из Турции было ввезено на 159 миллионов долларов, а фруктов и орехов более чем на миллиард [Импорт в Россию...]. На уровне субъектов Российской Федерации активной всех торговые связи с Турцией еще в начале XXI века стали развивать Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Москва и Московская область, Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, республики Северного Кавказа [Шангараев и др., 2016, с. 44].

Большое количество российских туристов, приезжающих в Турцию, способствовало быстрому развитию турецкой туристической индустрии. Начиная с 2000-х годов Турция стала одним из самых привлекательных направлений для отдыха граждан России. Так, например, в 2012 году Турцию посетили 2,5 миллиона россиян, в 2013 году — 3,078 миллионов, а в 2014 году — 3,278 миллионов [Динамика российского турпотока].

Анкара также получает значительные доходы как транзитная страна, через территорию которой проложен экспортный газопровод «Турецкий поток» [Газопровод «Турецкий поток»]. Так, турецкий Центр экономических и внешнеполитических исследований (EDAM) подсчитал, что реализация проекта может увеличить национальный доход страны на 546 миллионов долларов. Кроме того, появятся тысячи новых рабочих мест [«Турецкий поток» увеличит...].

Энергетическое партнерство между Россией и Турцией может одновременно избежать эскалации возможных споров и способствовать развитию политического сотрудничества в краткосрочной перспективе. Еще в 2008 году премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган заявил: «Россия — наш торговый партнер номер один, сотрудничество в сфере туризма вышло на первое место, а две трети внутренних потребностей в энергии импортируется из нее ... Мы не можем позволить себе игнорировать это» [Turkey..., 2008].

Российская Федерация была заинтересована в скорейшем строительстве «Турецкого потока», поскольку это укрепляло конкурентоспособность «Газпрома» и способствовало бы сохранению и увеличению его доли не только на европейском, но и на турецком рынке. Анкара, в свою очередь, видела в новом газопроводе возможность решить проблемы газоснабжения своей страны, увеличить доходы от продажи и транспортировки газа в Европу. Кроме того, «Турецкий поток» увеличивал геостратегическое и

геоэкономическое значение Турции, которая превращалась в центр торговли газом [Иманова, 2022, с. 125].

Несмотря на значительные доходы Турции как страны-транзитера, импорт энергоносителей ложится тяжелым бременем на турецкую экономику: две трети бюджетного дефицита страны формируется за счет импорта энергоносителей. Поэтому Турции необходимо было сократить бюджетные расходы за счет диверсификации импорта энергоносителей, где диверсификация поставщиков и маршрутов импорта является ключевым фактором получения надежного и дешевого природного газа [Müftüler-Baç, 2011].

Хотя торговля энергоносителями между двумя странами дает краткосрочные взаимодополняющие выгоды, долгосрочные энергетические стратегии России и Турции расходятся: стремление России контролировать поставки энергоносителей из Каспийского моря, Ближнего Востока, а в последнее время и из Восточного Средиземноморья противоречит желанию Турции играть ключевую роль в качестве регионального энергетического узла в направлении Восток — Запад. Москва предпочитает, чтобы Турция была лишь контролируемым транзитным коридором, а не региональным энергетическим хабом, обладающим монополией на транзитные маршруты энергоносителей и способным соперничать с Россией [Klieman, 2015, p. 79]. По этой причине Россия выступает против строительства других маршрутов транзита энергоносителей в Европу через Турцию, таких как трубопроводы Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Тбилиси — Эрзурум. Хотя энергетическое партнерство является важной составляющей российско-турецкой экономической взаимозависимости, несоответствие долгосрочных энергетических стратегических целей этих двух стран позволяет предположить, что энергетика также является источником конкуренции и конфликтов в российско-турецких отношениях.

3.2. Политические отношения с ведущими мировыми и региональными державами и перемены во внешнеполитическом курсе Турции

«Революция роз» в Грузии в 2003 году и «оранжевая революция» на Украине в 2004 году, поддержанные США, заставили Анкару опасаться за свои интересы в регионе. Турция также рассматривает заявку Грузии и Украины на вступление в НАТО как предвестник их возможного членства в ЕС [Hill et al., 2006]. Данный факт в сочетании с медленным продвижением процесса вступления Турции в Европейский Союз вызывает в Анкаре ощущение дальнейшего отчуждения от «коллективного Запада» и окружения Турции «враждебными силами».

Неоднократное отклонение ЕС заявок Турции на вступление, слабая реакция Запада на попытку военного переворота в Турции в 2016 году, поддержка Вашингтоном сирийских курдов — все это негативно повлияло на

отношения Анкары и ее западных партнеров [Dalay, 2022]. В сложившейся ситуации Турецкая Республика начала укреплять свои связи с Россией.

Историческим событием, изменившим отношения двух государств, стал визит президента Российской Федерации В. В. Путина в Турцию в 2004 году, его переговоры с президентом страны А. Н. Сезером. В результате переговоров была принята Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. Уже в первой статье данного документа отмечается ряд факторов, объединяющих два государства, в частности, подчеркивалось уникальное геополитическое положение государств. Отмечалось, что обе страны придерживаются таких основополагающих принципов и ценностей, как демократия и верховенство права, намерены хранить мир и безопасность, заботиться о процветании как своего региона, так и мира в целом. В завершающей части документа подчеркивалась решимость развития отношений между государствами, выведения их на новый уровень [Совместная декларация..., 2004].

В 2010 году во время визита президента России Д. А. Медведева в Анкару был учрежден Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ). Он представлял собой совместный комитет, в котором российский и турецкий премьеры являлись сопредседателями. Помимо обсуждения экономических вопросов здесь подписывались соглашения о дальнейшем сотрудничестве в сферах коммуникаций, инвестиций, социальной и семейной политики и др. [Кудряшова, 2012, с. 38—39].

Анкара также продемонстрировала свое позитивное отношение к России в период грузино-осетинского конфликта в 2008 году. Так, например, министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров во время своего визита в Стамбул получил заверения, что Турция не допустит нарушений Конвенции Монтре [Там же].

В том же году премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган выдвинул инициативу создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Она предусматривала участие пяти стран региона, в том числе России, в обеспечении принципов сотрудничества, безопасности и развития кооперации.

Не стал проблемой в отношениях двух стран и вопрос о геноциде армян в Османской империи. В 1995 году Государственная Дума России приняла заявление, осуждающее геноцид армянского народа в 1915—1920 годах. Однако данное решение не повлияло на развитие отношений двух государств. Обе страны также едины во мнении о недопустимости участия внерегиональных государств в урегулировании конфликтов в регионе Южного Кавказа [Там же, с. 40]. При этом следует отметить, что США и Франция достаточно продолжительное время манипулируют армянским во-

просом. Вполне возможно, что проведение странами НАТО проармянской внешней политики заставило турецкую сторону перейти к более активному сотрудничеству с Россией в военно-технических вопросах [Кудряшова, 2012, с. 40]. Сама проблема признания армянского геноцида получила развитие уже в 2021 году, когда президент США заявил, что «сегодня мы берем паузу, чтобы вспомнить о жизнях погибших во время Мец Егерна — геноцида армян — и подтверждаем наше обещание никогда не забывать об этом» [Statement from President Joe Biden]. В ответ в Турции 26 и 27 апреля 2021 года были закрыты посольство и консульства США [Геноцид армян...].

Россия и Турция разделяют стратегические интересы в области безопасности Черного моря и Кавказа и согласны с тем, что НАТО нет необходимости увеличивать свое присутствие здесь, поскольку существующих структур безопасности достаточно для поддержания порядка.

В 2001 году по инициативе Турции при участии Болгарии, Румынии, Украины, России и Грузии были созданы Черноморские военно-морские силы (ЧВМС) [Черноморская Военно-Морская Группа ...]. Ранее в 1992 году была создана организация Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС), ставшая в 1999 году международной организацией. На сегодняшний день в ее состав входят тринадцать государств, среди которых, кроме России и Турции, присутствуют Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Румыния, Северная Македония, Сербия и Украина. Сама ЧЭС обладает статусом наблюдателя в ООН. На сессиях Генеральной ассамблеи ООН принимаются резолюции о сотрудничестве между двумя организациями на двухлетний период [Организация Черноморского экономического сотрудничества...].

Среди важных договоров, подписанных двумя странами в начале XXI столетия, можно выделить соглашение о военном сотрудничестве (2002), программу межмидовских консультаций на 2004—2005 и последующие годы, протокол о сотрудничестве государственными архивными ведомствами (2004), соглашения о сотрудничестве и в морском поиске и спасении на Черном море (2004) и др. [Любимов, 2016, с. 41].

Во время визита премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в 2011 году в Москве был открыт первый Турецко-русский культурный центр. В его библиотеке представлена коллекция произведений турецких и русских авторов. Данное учреждение посещают студенты и преподаватели российских вузов, здесь проходят круглые столы, где, в частности, обсуждаются отношения между Россией и Турцией. В 2012—2014 и 2016 годах в Стамбуле проходили международные конференции, в которых принимали участие и представители профессорско-преподавательского состава российских вузов [Любимов, 2016, с. 42—43].

Однако между Турцией и Россией существуют и определенные разногласия. Одна из проблем, осложняющих отношения, была связана с развертыванием систем ПРО НАТО. В России обоснованно считают такие действия дестабилизирующими ситуацию в Европе. Кроме того, Москва резко протестовала против размещения одного из радаров на территории Турции в провинции Малатья. При этом Анкара утверждала, что элементы ПРО устанавливаются только для защиты.

Сближением Турции и России недовольны в ЕС. Представители европейских стран выражают обеспокоенность тем фактором, что Москва и Анкара активно развивают отношения друг с другом. Со своей стороны, ЕС идет на шантаж, заявляя, что такая политика станет препятствием для вступления Турции в организацию. «Европа не приемлет рассмотрение постсоветского региона как сферы влияния России» [Кудряшова, 2012, с. 40].

Пожалуй, самый серьезный удар по отношениям двух стран нанесли сами турки. В ноябре 2015 года турецкий истребитель сбил над Сирией российский самолет Су-24. Это ничем не мотивированное нападение со стороны страны, которую долгое время рассматривали как стратегически важного партнера, имело далеко идущие последствия. В России начали относиться к Турции как к «государству-террористу», а само нападение назвали «ударом в спину». Ближайшим результатом данной трагедии стало сокращение объемов торговли между государствами, а также уменьшилось количество российских туристов в Турции, поскольку Ростуризм рекомендовал туроператорам приостановить продажу туров в эту страну [Шангаев и др., 2016, с. 43, 44]. Отношения между двумя государствами начали восстанавливаться только с июня 2016 года. Инициатором этого процесса выступил президент Турции Р. Т. Эрдоган. Вероятно, стимулирующим фактором для него стала неудачная попытка государственного переворота в Турции в июле 2016 года [Вартаньян, 2018, с. 173].

Хотя Турция хочет получить рычаги давления на Запад, поддерживая дружеские отношения с Россией, полный разрыв связей с НАТО не отвечает ее интересам и даже может представлять угрозу для ее безопасности. Кроме того, НАТО во главе с США не позволит Турции вырваться из своей орбиты влияния. По этой причине Анкаре приходится вести очень осторожную политику, направленную на сохранение отношений со всеми партнерами.

3.3. Расширение сферы турецкого влияния за счет использования культурной и этнической близости Турции с соседними странами

Бывший министр иностранных дел Турции Исмаил Джем подчеркивает: «Среди стран с населением около 1,5 млрд человек Турция единственная, которая придерживается исламской традиции и при этом старается

исповедовать принципы демократии, прав человека, секуляризма и духа времени». В международных отношениях такие факторы, как культура, географическое положение, традиции, политическая воля, торговля и национальные интересы, иногда определяют, кто чьим союзником становится [Ismail Cem..., 1997].

Прочные связи Турции со странами Южного Кавказа и Центральной Азии обусловлены культурным, религиозным и географическим сходством с этими государствами. Кроме того, наличие в регионе значительных энергетических и других ресурсов привлекает пристальное внимание Анкары.

С одной стороны, Турция активно развивает экономические отношения со странами постсоветского пространства, но единственным официальным способом осуществления торгового взаимодействия является посредничество России, главным образом потому, что Москва сохранила отношения с этими странами даже после распада СССР по экономическим, политическим и другим соображениям. Так, например, Грузия рассматривала Россию в качестве своего основного экономического партнера вплоть до 2006 года, когда разногласия между двумя странами по некоторым вопросам привели к российскому эмбарго на весь грузинский импорт. Такое развитие событий предоставило Турции возможность выйти на грузинский рынок. Для достижения плавного экономического перехода Турция в 2007 году подписала соглашение, которое отменило все тарифы и позволило свободно перемещать товары и услуги вдоль своих границ.

С другой стороны, Турция активно участвует в региональных конфликтах, рассматривая такие действия как способ усиления своего силового проникновения. Эту страну уже нельзя назвать просто региональной державой, и ее влияние на Балканах, Южном Кавказе, в Восточном Средиземноморье, Черноморском регионе, на Ближнем Востоке и в Африке растет с каждым днем. Несмотря на то, что Турция с самого начала конфликта в Нагорном Карабахе оказывала Азербайджану всю необходимую помощь, в том числе и военную, гарантом окончательного соглашения о прекращении огня выступила Россия. Данный факт, несомненно, стал тяжелым ударом по амбициям Анкары [Аватков и др., 2020].

Таким образом, очевидно, что Турция не может избежать влияния России на международную ситуацию в регионе. Интересы Москвы пересекаются с турецкими как в торгово-экономической, так и в политической сфере. В сложившихся обстоятельствах вопрос о том, как правильно строить отношения со странами постсоветского пространства и развивать связи со своими ближайшими соседями на евразийском пространстве, не провоцируя Россию, является одним из основных при разработке дипломатической стратегии Турции.

4. Заключение = Conclusions

В целом, вступая в XXI век, Турция при выработке своей политики в отношении России руководствуется следующими стратегическими соображениями:

— избегать открытой конфронтации и конфликта интересов путем поддержания прямого политического диалога;

— использовать возможности экономического, торгового и энергетического партнерства с Россией для содействия развитию Турции и усиления ее политической и экономической мощи;

— осуществлять защиту национальных интересов Турции в случае конфликта политических и экономических интересов двух стран, а также проводить курс на усиление политического и экономического влияния в странах или регионах, где существует значительная конкуренция между двумя странами;

— использовать стратегическое партнерство с Россией в качестве инструмента давления на своих западных и ближневосточных партнеров.

На фоне нынешнего серьезного изменения геостратегических целей США готовность и способность Турции добиваться стратегической автономии сильны как никогда. Более того, с точки зрения Турции, кризисные ситуации на постсоветском пространстве подтверждают, что мировой порядок после «холодной войны» переживает длительный период деконструкции и реконструкции, а западноцентричный мировой порядок уступает место многополярному. Это дает Анкаре больше возможностей для развития своих внешних связей, хотя ситуация, сложившаяся к лету 2023 года, показывает, что внешнеполитические возможности Турции ограничены, и, как оказалось, ее внешнеполитическими приоритетами остаются отношения с НАТО и Европейским Союзом, что серьезно сказывается на перспективах развития турецко-российских отношений.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Импорт* в Россию из Турции. «Продукты растительного происхождения» «2020—2020» [Электронный ресурс] // Экспорт и импорт России по товарам и странам. — Режим доступа : <https://ru-stat.com/date-Y2022-2022/RU/import/TR/02> (дата обращения 08.08.2023).

2. *Совместная декларация* об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 5 декабря 2004 г. [Электрон-

ный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/supplement/3933> (дата обращения 08.08.2023).

3. *Speech* Delivered by the Minister of Foreign Affairs H. E. Ahmet Davutoglu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK. Washington DC. 2 June 2009 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.mfa.gov.tr/minster_s-speech-at-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (accessed 10.08.2023).

4. *Statement* from President Joe Biden on Armenian Remembrance Day [Electronic resource] // The White House. — Access mode : <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/24/statement-from-president-joe-biden-on-armenian-remembrance-day/> (accessed 11.08.2023).

Литература

1. Аватков В. А. Рефлексивное управление при осуществлении Турецкой Республикой кроссрегиональной политики «мягкой силы» / В. А. Аватков, Д. С. Крылов // Вопросы истории. — 2020. — № 8. — С. 131—152.

2. Вартамян Э. Г. Россия и Турция : взаимодействие в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества / Э. Г. Вартамян, Т. С. Мамонтова // Научный диалог. — 2018. — № 5. — С. 165—178. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-165-178>.

3. Газопровод «Турецкий поток» [Электронный ресурс] // Газпром. — Режим доступа : <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> (дата обращения 11.08.2023).

4. Геноцид армян : громкое признание в 2021 и угроза забвения в 2022 году [Электронный ресурс] // Rusaarmino. — Режим доступа : <https://rusarmino.ru/2022/01/05/genocid-armyan-gromkoe-priznanie-v-2021-i-ugroza-zabveniya-v-2022-godu/> (дата обращения 12.08.2023).

5. Динамика российского турпотока в Турцию. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. — Режим доступа : <https://tass.ru/info/3420941> (дата обращения 11.08.2023).

6. Иманова С. А. Российско-турецкое сотрудничество в рамках проекта «Турецкий поток» / С. А. Иманова // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». — 2022. — № 3. — С. 122—131.

7. Кудряшова Ю. С. Активизация российско-турецких отношений : сущность и перспективы / Ю. С. Кудряшова // Вестник МГИМО Университета. — 2012. — № 5. — С. 38—39.

8. Любимов А. П. Сотрудничество России и Турции : правовые основания, проблемы и перспективы / А. П. Любимов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2016. — № 1 (7). — С. 35—51.

9. Организация Черноморского экономического сотрудничества (Справка) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа : <https://www.mid.ru/> (дата обращения 13.08.2023).

10. Парланова А. Т. Отличительные особенности внешнеполитической стратегии Турции на современном этапе / А. Т. Парланова // Актуальные проблемы современных международных отношений. — 2017. — № 9. — С. 46—52.

11. «Турецкий поток» увеличит доход Турции на 546 млн долларов [Электронный ресурс] // МК Турция. 22 ноября, 2017. — Режим доступа : <https://mk-turkey.ru/economics/2017/11/22/tureckij-potok-uvlichit-dohod.html> (дата обращения 13.08.2023).

12. Черноморская Военно-Морская Группа Оперативного Взаимодействия [Электронный ресурс] // Черное море — история заходов. — Режим доступа : http://blackseavisits.ru/BLACKSEAFOR/rus/BZF_2001_rus.html (дата обращения 13.08.2023).

13. Шангараев Р. Н. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции / Р. Н. Шангараев, А. Ш. Ногмова // Обозреватель. — 2016. — № 3. — С. 42—51.

14. Klieman A. Global Power Shift : Comparative Analysis and Perspectives [Electronic resource] / A. Klieman // Springer International Publishing Switzerland, 2015. — Access mode : <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2017/11/klieman-great-powers-and-geopolitics.pdf> (accessed 15.08.2023).

15. Bilgin M. Turkey's energy strategy : What difference does it make to become an energy transit corridor, hub or center? [Electronic resource] / M. Bilgin // UNISCI discussion papers. 2010. — Pp. 113—128. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/228468703_Turkey_s_energy_strategy_What_difference_does_it_make_to_become_an_energy_transit_corrdior_hub_or_center (accessed 15.08.2023).

16. Dalay G. Deciphering Turkey's Geopolitical Balancing and Anti-Westernism in Its Relations with Russia [Electronic resource] / G. Dalay // SWP Comment. — 2022. — № 35. — Access mode : <https://www.swp-berlin.org/publikation/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia> (accessed 16.08.2023).

17. Hill F. Turkey and Russia : Axis of the excluded? [Electronic resource] / F. Hill, Ö. Taspinar // Survival. — 2006. — № 48. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/238401946_Turkey_and_Russia_Axis_of_the_excluded (accessed 16.08.2023).

18. Ismail Cem Stresses Wide-angle Foreign Policy Approach. Ankara [Electronic resource] // Turkish Daily News. — 1997, 19 July. — Access mode : <http://www.access.ch/tuerkei/GRUPF/IC/Dbasing.htm> (accessed 16.08.2023).

19. Müftüler-Baç M. The future of energy security for Europe : Turkey's role as an energy corridor [Electronic resource] / M. Müftüler-Baç, D. Başkan // Middle Eastern Studies. — 2011. — № 47. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/232846533_The_Future_of_Energy_Security_for_Europe_Turkey's_Role_as_an_Energy_Corridor (accessed 16.08.2023).

20. Turkey cannot afford disruption in ties with Russia, says Erdogan [Electronic resource] // Turkish Daily News. 2008. — Access mode : <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=turkey-cannot-afford-disruption-in-ties-with-russia-says-erdogan-2008-09-01> (accessed 17.08.2023).

Статья поступила в редакцию 02.07.2023,
одобрена после рецензирования 21.10.2023,
подготовлена к публикации 03.11.2023.

Material resources

Import to Russia from Turkey. "Products of plant origin" "2020—2020". *Export and import of Russia by goods and countries*. Available at: <https://ru-stat.com/date-Y2022-2022/RU/import/TR/02> (accessed 08.08.2023). (In Russ.).

Joint Declaration on Deepening Friendship and Multifaceted Partnership between the Russian Federation and the Republic of Turkey. December 5, 2004. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3933> (accessed 08.08.2023). (In Russ.).

Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H. E. Ahmet Davutoglu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK. Washington DC. 2 June 2009. Available at: https://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa (accessed 10.08.2023).

Statement from President Joe Biden on Armenian Remembrance Day. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releas>

es/2023/04/24/statement-from-president-joe-biden-on-armenian-remembrance-day/ (accessed 11.08.2023).

References

- Avatkov, V. A., Krylov, D. S. (2020). Reflexive management in the implementation of the Turkish Republic's cross-regional policy of "soft power". *Questions of History*, 8: 131—152. (In Russ.).
- Bilgin, M. (2010). Turkey's energy strategy: What difference does it make to become an energy transit corridor, hub or center? *UNISCI discussion papers*. 113—128. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228468703_Turkey_s_energy_strategy_What_difference_does_it_make_to_become_an_energy_transit_corrdior_hub_or_center (accessed 15.08.2023).
- Dalay, G. (2022). Deciphering Turkey's Geopolitical Balancing and Anti-Westernism in Its Relations with Russia. *SWP Comment*, 35. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia> (accessed 16.08.2023).
- Dynamics of the Russian tourist flow to Turkey. Dossier. *TASS*. Available at: <https://tass.ru/info/3420941> (accessed 11.08.2023). (In Russ.).
- Hill, F., Taşpınar, Ö. (2006). Turkey and Russia: Axis of the excluded? *Survival*, 48. Available at: https://www.researchgate.net/publication/238401946_Turkey_and_Russia_Axis_of_the_excluded (accessed 16.08.2023).
- Imanova, S. A. (2022). Russian-Turkish cooperation within the framework of the Turkish Stream project. *Bulletin of the Russian State University. The series "Eurasian Studies. History. Political science. International relations"*, 3: 122—131. (In Russ.).
- Ismail Cem Stresses Wide-angle Foreign Policy Approach. Ankara. (1997). *Turkish Daily News*. 19 July. Available at: <http://www.access.ch/tuerkei/GRUPF/IC/Dbbasing.htm> (accessed 16.08.2023).
- Klieman, A. (2015). Global Power Shift: Comparative Analysis and Perspectives. *Springer International Publishing Switzerland*. Available at: <https://ir101.co.uk/wp-content/uploads/2017/11/klieman-great-powers-and-geopolitics.pdf> (accessed 15.08.2023).
- Kudryashova, Yu. S. (2012). Activation of Russian-Turkish relations: essence and prospects. *Bulletin of MGIMO University*, 5: 38—39. (In Russ.).
- Lyubimov, A. P. (2016). Cooperation between Russia and Turkey: legal grounds, problems and prospects. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International law*, 1 (7): 35—51. (In Russ.).
- Müftüler-Baç, M., Başkan, D. (2011). The future of energy security for Europe: Turkey's role as an energy corridor. *Middle Eastern Studies*, 47. Available at: https://www.researchgate.net/publication/232846533_The_Future_of_Energy_Security_for_Europe_Turkey's_Role_as_an_Energy_Corridor (accessed 16.08.2023).
- Organization of the Black Sea Economic Cooperation (Reference). *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available at: <https://www.mid.ru/> (accessed 13.08.2023). (In Russ.).
- Parlanova, A. T. (2017). Distinctive features of Turkey's foreign policy strategy at the present stage. *Actual problems of modern international relations*, 9: 46—52. (In Russ.).
- Shangaraev, R. N., Nogmova, A. Sh. (2016). Politicization of trade and economic cooperation between Russia and Turkey. *Obozrevatel*, 3: 42—51. (In Russ.).

- The Armenian Genocide: loud recognition in 2021 and the threat of oblivion in 2022. *Rusarminfo*. Available at: <https://rusarminfo.ru/2022/01/05/genocid-armyan-grom-koe-priznanie-v-2021-i-ugroza-zabveniya-v-2022-godu/> (accessed 12.08.2023). (In Russ.).
- The Black Sea Naval Operational Interaction Group. *The Black Sea — the history of calls*. Available at: http://blackseavisits.ru/BLACKSEAFOR/rus/BZF_2001_rus.html (accessed 13.08.2023). (In Russ.).
- The Turkish Stream gas pipeline. *Gazprom*. Available at: <https://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> (accessed 11.08.2023). (In Russ.).
- Turkey cannot afford disruption in ties with Russia, says Erdogan. (2008). *Turkish Daily News*. Available at: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438&n=turkey-cannot-afford-disruption-in-ties-with-russia-says-erdogan-2008-09-01> (accessed 17.08.2023).
- “Turkish Stream” will increase Turkey’s income by 546 million dollars. (2017). *MK Turkey*. November 22. Available at: <https://mk-turkey.ru/economics/2017/11/22/tureckij-potok-uvelichit-dohod.html> (accessed 13.08.2023). (In Russ.).
- Vartanyan, E. G. (2018). Russia and Turkey: Partnership within Black Sea Economic Cooperation Organization. *Nauchnyi dialog*, 5: 165—178. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-165-178> (In Russ.).

*The article was submitted 02.07.2023;
approved after reviewing 21.10.2023;
accepted for publication 03.11.2023.*

Информация для цитирования:

Фидарова К. К. Трудовая мобилизация в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны / К. К. Фидарова, Л. Ч. Хаблиева, С. В. Калабекова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 497—516. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-497-516.

Fidarova, K. K., Khablieva, L. Ch., Kalabekova, S. V. (2023). Labor Mobilization in North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic during Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 497-516. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-497-516. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-497-516

Трудовая мобилизация в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны

Фидарова Карина Казбековна¹

orcid.org/ 0000-0002-1143-2226

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных, социальных
и экономических наук
karina-fidarova@mail.ru

Хаблиева Лариса Черменовна²

orcid.org/0000-0001-9845-7137

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры российской истории
* корреспондирующий автор
lara6715@yandex.ru

Калабекова Светлана Владимировна³

orcid.org/0000-0001-8274-0536

кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
svmel702@mail.ru

¹Северо-Осетинская государственная
медицинская академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Владикавказ, Россия)

²Северо-Осетинский государственный
университет имени Коста Леванович Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

³Северо-Кавказская гуманитарная академия
(Черкесск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
поддержанного Российским научным
фондом проекта № 23-28-00326

Labor Mobilization in North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic during Great Patriotic War

Karina K. Fidarova¹

orcid.org/ 0000-0002-1143-2226

PhD in History, Associate Professor
Department of Humanities, Social,
and Economic Sciences
karina-fidarova@mail.ru

Larisa Ch. Khablieva²

orcid.org/0000-0001-9845-7137

PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Russian History
* Corresponding author
lara6715@yandex.ru

Svetlana V. Kalabekova³

orcid.org/0000-0001-8274-0536

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Humanities Disciplines
svmel702@mail.ru

¹North Ossetia State Medical Academy
of the Ministry of Healthcare
of the Russian Federation
(Vladikavkaz, Russia)

²North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

³North Caucasus Humanities Academy
(Cherkessk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the Russian Scientific
Foundation project № 23-28-00326

© Фидарова К. К., Хаблиева Л. Ч., Калабекова С. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается комплекс вопросов, связанных с трудовой мобилизацией в чрезвычайных условиях военного времени в Северо-Осетинской АССР. Одной из основных задач статьи является публикация источников. Впервые вводятся в научный оборот материалы Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания и Государственного архива новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания по представленной теме. Анализируются материалы, содержащие решения по осуществлению оборонно-укрепительных мероприятий, созданию системы оборонительных укреплений, мобилизации граждан в порядке трудовой повинности. Уделяется внимание деятельности Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и местных органов власти по организации работы в этих направлениях. Актуальность исследования заключается в освещении исторического опыта по принятию оборонно-укрепительных мер при активной поддержке населения тыла. Подчеркивается, что тыловая работа помогала армии решать поставленные задачи. Авторы приходят к выводу, что в годы Великой Отечественной войны нормой жизни становился тяжелый физический труд женщин, детей и подростков, которые заменили ушедших на фронт мужчин работоспособного возраста. Трудовая мобилизация позволила в короткие сроки организовать работу большого количества людей и приблизить победу.

Ключевые слова:

трудовая мобилизация; оборонительные сооружения; Великая Отечественная война; трудовая повинность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses a range of issues related to labor mobilization during the emergency conditions of wartime in the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic. One of the main objectives of this article is the publication of sources in a scholarly manner. The materials from the Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania and the State Archive of Recent History of the Republic of North Ossetia-Alania on the topic are introduced into scientific circulation for the first time. The materials containing decisions on implementing defense measures, creating a system of defensive fortifications, and mobilizing citizens through labor duty are analyzed. Attention is paid to the activities of the Ordzhonikidzevsk (Vladikavkaz) Defense Committee and local authorities in organizing work in these areas. The relevance of the study lies in shedding light on historical experience in taking defense measures with active support from the population in the rear. The authors emphasize that rear work helped the army to accomplish its tasks. The authors conclude that during the Great Patriotic War, heavy physical labor became a norm of life for women, children, and adolescents who replaced able-bodied men who had gone to the front. Labor mobilization allowed for the quick organization of work by a large number of people and brought victory closer.

Key words:

labor mobilization; defensive structures; Great Patriotic War; labor obligation.

Трудовая мобилизация в Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны

© Фидарова К. К., Хаблиева Л. Ч., Калабекова С. В., 2023

1. Введение = Introduction

История Великой Отечественной войны — это не только история битв и сражений, побед и поражений. В настоящее время, когда для современных исследователей открылись ранее недоступные архивы, актуальным и значимым становится изучение событий Великой Отечественной войны через ее восприятие глазами обывателя, стратегий его выживания, трудовой деятельности, досуга в суровых условиях военного времени. Научный интерес представляет объективное и детальное изучение огромного поля проблем, среди которых организация помощи фронту, трудовая мобилизация, строительство оборонительных сооружений, всего того, что стало источником победы в Великой Отечественной войне.

Работа основывается на опубликованных и неопубликованных документах, извлеченных из фондов Центрального государственного архива РСО-Алания (ЦГА РСО-А. ФР. 56 — Орджоникидзевский городской исполком), а также Государственного архива новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А. Ф. 3 — Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны). Значительная часть документов вводится в научный оборот впервые, исключение составили те документы, которые ранее были опубликованы, что вызвано важностью для раскрытия темы. В документальных материалах фондов содержатся протоколы заседаний комитета обороны, бюро горкома ВКП (б), горисполкома об укреплении и строительстве оборонительных рубежей, докладные записки, переписка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблеме трудовой мобилизации, роли и месту мобилизационного принципа в организации труда в годы Великой Отечественной войны посвящен довольно обширный перечень исследований. Тем не менее степень исследованности научной проблемы нельзя признать достаточной. Предметом изучения стали обеспечение народного хозяйства рабочими кадрами и изменения в их составе, произошедшие в годы Великой отечественной войны [Тельпуховский, 1960], основные формы и методы

привлечения к труду, источники и распределение людских ресурсов, факторы, влияющие на возможности трудовой мобилизации [Соколов, 1961], перемещение производительных сил в тыловые районы страны, трудовой героизм населения [Колесник, 1982]. Для работ современных исследователей характерен междисциплинарный подход, когда события Великой Отечественной войны, трудовая политика, мотивация людей рассматриваются на стыке исторической социологии, психологии, истории повседневности [Сомов, 2001]. Источниковую базу нашей работы составили опубликованные источники, а также неопубликованные источники — материалы фондов архивов Северной Осетии [ЦГА РСО-А, ГАНИ РСО-А]. Изучение опубликованных и неопубликованных архивных документов позволяет представить объемы и масштабы трудовой мобилизации, проследить, какие изменения произошли в повседневной жизни населения Северо-Осетинской АССР, которое было привлечено к выполнению трудовой повинности: строительству оборонных объектов, укреплений, проведению сельскохозяйственных и т. д.

Цель настоящей работы — изучение трудовой мобилизации в повседневной жизни населения Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны.

Авторы применили в своей работе хронологический и проблемно-хронологический методы, которые позволили установить объемы и масштабы трудовой мобилизации, принципы организации работы по привлечению трудовых ресурсов для эффективной деятельности военной экономики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Трудовая мобилизация в повседневной жизни населения Северо-Осетинской АССР в годы Великой Отечественной войны

Город Владикавказ явился тем населенным пунктом, где немецко-фашистские захватчики потерпели сокрушительное поражение, встретили героическое сопротивление частей Красной армии, мирного населения. От исхода битвы во многом зависел исход сражений за Сталинград, Крым; были развеяны надежды германского командования на переход в Закавказье и Турцию. В чрезвычайных условиях военного времени мобилизованное население работало на строительстве объектов оборонного значения: оборонительных сооружений, аэродромов, железных дорог и пр. Подростков шестнадцатилетнего возраста могли мобилизовать в школы фабрично-заводского обучения (ФЗУ) системы трудовых резервов. На основе опубликованных и неопубликованных архивных документов можно проследить, как были организованы трудовая мобилизация, трудовые будни мобилизованных, их повседневная жизнь на грани выживания.

С первых дней войны в Северной Осетии, как и по всей стране, в укладе повседневной жизни разных групп населения изменились пропорции и расположение событийного ряда (учебы, трудовой деятельности и т. д.). Существенно изменились не только временные, но и пространственные параметры обыденной жизни населения — бремя поддержки армии в тылу легло на плечи женщин, стариков, подростков. Именно эти социальные группы активно участвовали в оборонно-укрепительных мероприятиях, заменив призванных в ряды Красной Армии мужчин работоспособного возраста. Женщины, дети, подростки приняли на себя тяжесть трудовой повинности и трудовой мобилизации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» и совместной директивой СНК и ЦК ВКП (б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей», принятой 29 июня 1941 года Президиумом Верховного Совета СССР в местностях, объявленных на военном положении, военным властям было предоставлено право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружения средств связи и других важнейших объектов, регулировать время работы учреждений и предприятий, объявлять автогужевую повинность [Сборник законов СССР..., 1956, с. 78].

Для строительства оборонительного рубежа в Северной Осетии по берегам рек Малки и Терек было сформировано 10 строительных батальонов, каждый из которых возглавлял командир и комиссар, и 250 ударных молодежных бригад. Молодежные бригады выполняли по 200 % дневной нормы [ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 5]. Возглавляемые учителями бригады школьников из учащихся 7—10 классов — мальчиков и девочек отдельно — направляли на работу в колхозы и совхозы. Каждый учащийся должен был отработать в день от 6 до 8 часов в зависимости от возраста и характера работы. За короткое время благодаря ударному труду была построена 50-ти километровая первая оборонительная линия по берегам рек Малки и Терека [Хаблиева, 2020, с. 127].

Трудовая мобилизация проходила в несколько этапов. На первом этапе, к концу 1941 года, мобилизация коснулась всех рабочих и служащих предприятий военной промышленности. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» трудовой мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет [Решения..., 1968, с. 112]. В апреле 1942 года трудовая мобилизация охватила все трудоспособное население городов и сельских местностей, которое не работало на предприятиях промышленности и транспорта: мужчин — от 14 до 55 лет,

женщин — от 14 до 50 лет. 10 августа 1942 года было принято Постановление СНК СССР № 1353 «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» [Сборник..., 1944, с. 83]. По мере приближения линии фронта к Северной Осетии граждане привлекались к строительству оборонительных сооружений.

3.2. Архивные материалы по организации трудовой мобилизации в СО АССР

Выявленные документы позволяют заполнить научные лакуны в изучении повседневной жизни населения в годы Великой Отечественной войны, характеризуют основные направления работы по организации трудовой мобилизации в Северо-Осетинской АССР [Городские партийно-государственные..., 2022, с. 136].

Приведенные ниже документы можно разделить на несколько групп. К первой относятся протоколы заседаний Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны, в которых были отражены решения по установлению объема работ и оплаты труда тружеников тыла, работающих на оборонно-укрепительных мероприятиях, а также о выделении технических средств для выполнения необходимых работ.

Протокол № 1 заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны

26 октября 1941 г.

§ 1. Слушали: Об оборонно-укрепительных мероприятиях

2. Установить объем работ, выход населения и транспорта в следующих размерах по районам:

№	Наименование районов	Объем работы (в м³)	Рабочая сила (чел.)	Бричек (шт.)
1.	Гор. Орджоникидзе	1000000	10000	-
2.	Орджоникидзевский	87000	870	100
3.	Гизельский	22500	225	25
4.	Ардонский	71500	715	70
5.	Дигорский	88500	885	90
6.	Ирафский	63900	639	70
7.	Махчешский	16500	165	17
8.	Дарг-Кохский	42000	420	42
9.	Кировский	70500	705	70
10.	Правобережный	78500	785	56
	Итого:	1540000	15400	540

4. Предложить секретарям райкомов ВКП (б) и председателям райисполкомов выделить сверх установленного плана не менее 4600 человек из числа трудоспо-

собных эвакуированных и направить их на оборонные работы, обеспечив каждого необходимым инструментом.

5. Установить объем работ на одного работающего 100 куб. метров выработки грунта или равноценных прочих работ.

6. Оплата инженерно-технического персонала производится по занимаемой должности, а оплата транспорта по расценкам оборонно-строительных работ НКО.

7. Поручить начальнику гарнизона тов. Запороженко обеспечить к 1 ноября 1941 года рекогносцировку нашего участка строительства с разбивкой противотанковых препятствий и огневых точек переднего края обороны в пределах от устья реки Малки до Раздольной, а также от границ нашего участка до границы Чечено-Ингушской АССР для работ, предназначенных Моздокскому району. Всю эту работу провести по указанию руководителя рекогносцировки, полковника Кондратьева.

8. Обязать начальника Госавтоинспекции УРКМ НКВД Северо-Осетинской АССР и председателя Орджоникидзевого горисполкома, совместно с военкомом республики тов. Сиденко, мобилизовать по республике 43 грузовых и 8 легковых автомашин на оборонно-строительные работы.

9. Предложить горкому ВКП (б), горисполкому гор. Орджоникидзе, Наркомхозу и Наркомфину мобилизовать на оборонные работы 110 человек инженерно-технических работников.

10. Обязать Наркомздрав республики мобилизовать на оборонные работы двух врачей и 12 фельдшеров и медсестер, организовав 5 пунктов первой помощи.

*Председатель Орджоникидзевого (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 2, л. 10].

Из протокола № 2 заседания Орджоникидзевого (Владикавказского) комитета обороны

27 октября 1941 г.

§ 2. Слушали: О посылке рабочей силы из города Орджоникидзе на оборонно-укрепительные работы

1. Мобилизовать из города Орджоникидзе 10000 трудоспособных, для чего:

б) мобилизовать кроме этого из училищ Управления Трудовых резервов — 700 человек, учащихся средних школ 8-х, 9-х и 10-х классов — 650 человек и 10 преподавателей, из Оспедучилища — 323 человека, пединститута — 200 человек, сельхозинститута — 31 человек, Института цветных металлов — 100 человек, техникума НКПС — 540 человек, фельдшерско-акушерской школы — весь состав, из Коопинсоюза — 250 человек, завода «Андизит» — 15 человек, нефтебазы — 4 человека, железнодорожной клиники — 6 человек, мебельно-корпусной фабрики — 15, психбольницы — 40, завода «Метлит» — 14, Управления гостиничного хозяйства — 20, «Заготкожживсырье» — 7, КОГИЗа — 15, Цветмедснаба — 10, конторы «Главконсерв» — 3, Швейной фабрики — 140, комбината нациздательства — 156, Коопинторга — 10, республиканской библиотеки — 14, из аппаратов обкомов профессиональных союзов — 35, водочного завода — 30, госпивзавода — 70, транс-

портного отдела «Севосторга» — 90, Севослеспросоюза — 8, Консервтреста — 50, Треста «Росглаввино» — 20.

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [Там же, л. 13].

**Из протокола № 14
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

3 декабря 1941 г.

§ 90. Слушали: О выделении рабочей силы на оборонно-укрепительные работы по СОАССР

1. Выделить в порядке платной трудовой повинности сроком на 15 дней 2020 человек. Из них:

по гор. Орджоникидзе — 900 чел.

Орджоникидзевскому району — 200 чел.

Ардонскому — 200 чел.

Алагирскому — 150 чел.

Дигорскому — 200 чел.

Ирафскому — 100 чел.

Правобережному — 100 чел.

Садонскому — 80 чел.

Гизельдонскому — 90 чел.

2. Выделить в порядке платной трудоповинности колхозников за счет колхоза, рабочих и служащих, за счет предприятий и учреждений указанное количество рабсилы с отправкой их на работу 5 декабря 1941 г. Обеспечить выделенных рабочих лопатами (каждого), кирками и ломами из расчета 20 кирок и 20 ломов на каждые 100 человек, постельной принадлежностью, теплой одеждой, обувью, кружками, мисками и ложками.

3. Предложить директорам предприятий, руководителям учреждений, организаций колхозов сохранить среднемесячную зарплату за лицами, выделенными на указанные работы, а колхозникам начислять трудодни соответственно с выполнением ими норм выработки на строительство

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [Там же, л. 109].

**Из протокола № 42
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 3 августа 1942 г.

§ 281. Слушали: об оборонно-укрепительных мероприятиях в СОАССР (докл. т.г. Дзагоев, Ефименко)

В соответствии с письмом военного совета ЗакВО от 31 июля 1942 г. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать необходимым немедленно приступить к определению трассы оборонного рубежа в натуре, закончив эту работу к 8.08.42 г. К сооружению рубежа обвода гор. Орджоникидзе и укреплению самого гор. Орджоникидзе приступить с 8.08.42.

4. Обязать Наркома земледелия республики тов. Тотоева выделить для оборонно-укрепительных работ 10 тракторов с прицепами из 1-й Осетинской и Архонской МТС. Председателю горисполкома Бзыкову изыскать в городе и выделить 100 подвод.

5. Оплата трудармейцев и транспорта, занятых на оборонных сооружениях, а также всех материалов производится за счет ЗакВО по существующим расценкам. ИТР и обслуживающий персонал, не имевших до привлечения их на оборонительные сооружения основной работы, оплачиваются также за счет строительства ЗакВО. Командно-политический состав оплачивается за счет предприятий и учреждений по их занимаемой должности.

6. Обязать директоров предприятий к 20.08.42 г. изготовить по чертежам ЗакВО противотанковые ежи: заводу «Электроцинк» — 300 ежей, ВРЗ — 300, Стеклотара — 200, БМК — 200. Обязать уполномоченного Промкооперации при СНК СОАССР тов. Токаева изготовить строительные скобы в количестве 6 тыс. шт. и 1000 лопат. Срок изготовления 8 августа 1942 г. Директору завода «Электроцинк» изготовить 100 кувалд, 300 кирок, 1500 лопат, 7000 строительных скоб. Начальнику ВРЗ тов. Морозову изготовить к этому числу 7000 строительных скоб.

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [Там же, д. 17, л. 2].

**Из протокола № 49
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 14 августа 1942 г.

§ 310. Слушали: О ходе строительства оборонительных рубежей (докл. т. Киселев, выст. т.т. Дзагоев, Ефименко, Кулов, Мазин)

Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Представленный начальником гарнизона генерал-майором Киселевым план строительства рубежей и баррикад в г. Орджоникидзе — утвердить.

2. Мобилизовать рабочих и служащих всех предприятий, организаций, промартелей вместе с инструментом на оборонительные рубежи: аппарат Обкома ВКП (б) и СНК СОАССР мобилизовать на 50 %, аппарат Горкома — на 75 %, аппараты РК ВКП (б), райисполкомов и РК ВЛКСМ — на 100 %, аппарат Президиума Верховного Совета — на 50 %, прокуратуры, Верховного суда — на 75 %, профсо-

юза — 100 %. Все наркоматы, управления, тресты мобилизовать на 75—90 %. Во всех остальных наркоматах оставить по 2—3 человека, оперативные группы.

3. Обязать начальника Управления трудовых резервов тов. Габриэляна задержать учащихся ремесленного и железнодорожного училищ, а также ФЗО на 5—7 дней и перебросить их на строительство оборонительного рубежа.

4. Поручить секретарю Обкома ВКП (б) по пищевой промышленности тов. Балашову, зав. отделом пищевой промышленности тов. Лавриновичу и Наркому пищевой промышленности республики тов. Боциеву немедленно навести порядок по обеспечению планового снабжения строителей хлебом, предприняв выдачу им хлеба не менее 800 г за счет уменьшения нормы выдачи хлеба городского населения, не выходящего на работу, — до 300 г. Для более широкого охвата мобилизацией неработающих граждан города провести сплошную ночную проверку граждан и высылать их на 5 дней на строительство оборонительных рубежей.

7. Поручить Наркомторгу, Наркомпищепрому и Севосторгу открыть на строительстве продуктовые ларьки, хлебные палатки, бесперебойно пополняя их хлебом и продуктами питания.

8. Поручить командованию и политсоставу строительства усилить политработу среди строителей, всесторонне показывать результаты лучших ударников и стахановцев строительства в газетах и политбеседах, жестко бичуя разгильдяев и дезорганизаторов.

Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны

Мазин

Источник: [Там же, л. 51].

Из протокола № 94
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны

от 12 декабря 1942 г.

§ 525. Слушали: О строительстве линии обороны 2-й очереди (докл. тов. Ефименко)

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Принять предложение начальника гарнизона Орджоникидзе генерал-майора т. Киселева о строительстве противотанкового рва со стороны Военно-Грузинской дороги.

2. Обязать начальника строительства тов. Ефименко к 14 декабря 1942 г. довести число трудармейцев, работающих на трассе, до 2500 человек, из них: 1300 человек из числа организованного населения согласно представленной разнарядке по наркоматам и 1200 человек из числа неорганизованного населения.

6. Обязать Наркома пищевой промышленности тов. Боциева передать Севосторгу для организации питания трудармейцев три тонны мяса в убойном весе

Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны

Мазин

Источник: [Там же, л. 294].

Вторая группа документов содержит информацию о трудовой мобилизации населения для работы на иных объектах, не относящихся напрямую к оборонительным: на заводах, строительстве дороги, в колхозе и др.

**Из протокола № 10
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 18 ноября 1941 г.

§ 53. Слушали: О второй параллельной трассе Военно-Осетинской дороги на участке от сел. Тиб до Северного приюта (докл. т.т. Баскаев, Мамукаев)

Военно-Осетинская дорога от ПК 830 до ПК 920 проходит по крутым оползневым участкам. На этом участке, кроме оползней зимой и ранней весной, наблюдаются частые завалы и заносы снега, что затрудняет эксплуатацию дороги. В целях обеспечения бесперебойного движения на участке Военно-Осетинской дороги от ПК 830 до ПК 920 Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить представленный Управлением строительства Военно-Осетинской дороги проект второй параллельной трассы Военно-Осетинской дороги от ПК 830 до ПК 920 за счет общей сметы строительства и схематический проект дороги со сметной стоимостью в 296,4 тыс. руб.

6. Предложить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся Ардонского и Дигорского районов мобилизовать на работы по строительству Военно-Осетинской дороги от Ардонского района 200 рабочих и от Дигорского района 100 рабочих не позже 21 ноября 1941 г.

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [Там же, л. 81].

**Из протокола № 14 заседания
Орджоникидзевского городского исполкома**

22 мая 1942 г.

§ 173. Слушали: О проведении мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы трудоспособного населения города

РЕШИЛИ:

в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и на основании Постановления СНК СОАССР от 22.05 с.г. исполком горсовета решает:

1. Привлечь в порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы:

а) с 25 мая 1942 года все трудоспособное население, проживающее на территории своего района и не работающего на предприятиях промышленности, транспорта, учреждениях и т. д.;

б) учащихся 6—10 классов полных и неполных средних школ после окончания проверочных испытаний.

2. Направить в колхозы республики по указанию Наркомзема:

а) с 26 мая 1942 года из числа городского населения, в первую очередь, неработающих на предприятиях и на транспорте:

по Ленинскому району — 2000 чел.,

Промышленному району — 1500 чел.,

Затеречному — 1500 чел.

Мобилизации на сельскохозяйственные работы из числа трудоспособного населения подлежат лица мужского пола от 14 до 55 лет и лица женского пола от 14 до 50 лет;

б) учащихся 6—10 классов городских школ, студентов Вузов и техникумов после окончания проверочных испытаний

Председатель горисполкома

Бзыков

Источник: [Там же, л. 139].

Из протокола № 16 заседания Орджоникидзевского городского исполкома

6 июня 1942 г.

§ 193. Слушали: О мобилизации неработающего населения для работ на заводе «Электроцинк»

РЕШИЛИ:

В соответствии с Постановлением Совнаркома Сев[еро]-Осет[инской] АССР от 5.05.42 г. «О мобилизации неработающего трудоспособного городского населения для работ на заводе «Электроцинк», исполком горсовета решает:

1. Обязать председателей исполкомов районных советов тов. Салбиева, Кертанова и Алдатова:

а) Мобилизовать для работ на з-д «Электроцинк» из числа неработающего трудоспособного населения районов в возрасте: мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет в следующем количестве:

по Ленинскому району — 150 чел.

Промышленному — 90,

Затеречному — 110 чел.

б) обязать райисполкомы закончить мобилизацию трудоспособного неработающего населения к 15.06.42 г.

Председатель горисполкома

Бзыков

Источник: [Там же, л. 172]

№ 17 Из протокола № 19 заседания Орджоникидзевского городского исполкома

6 июля 1942 г.

§ 231. Слушали: Об обеспечении рабочей силой строительства Алагиро-Мамисонской шоссейной дороги в Северо-Осетинской АССР

РЕШИЛИ:

в соответствии с Постановлением Совнаркома Северо-Осетинской АССР от 5.07 с.г. об обеспечении рабочей силой строительства Алагиро-Мамисонской шоссе-сейной дороги в СОАССР, исполком горсовета решает:

1. Обязать председателей райисполкомов привлечь в порядке платной трудовой повинности в июле месяце 1942 г. сроком на три месяца для работ на строительстве Алагиро-Мамисонской шоссе-сейной дороги из числа трудоспособного населения районов в возрасте: мужчин 16—55 лет и женщин 15—45 лет в количестве:

Ленинский район — 60 чел.

Затеречный — 45,

Промышленный — 45.

Председатель горисполкома

Бзыков

Источник: [Там же, л. 174].

**Из протокола № 27
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 28 февраля 1942 г.

§ 177. Слушали: О мобилизации рабочих с предприятий республики для работ на Садонском полиметаллическом комбинате (докл. т. Габеев)

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Учитывая острый недостаток рабочей силы в Садонском полиметаллическом комбинате, мобилизовать для первой очереди 65 рабочих с предприятий республики по прилагаемому списку для работы в шахтах Садонского комбината.

2. Обязать директоров предприятий обеспечить отправку мобилизованных рабочих к 5.03.42.

3. Предложить директору Садонского комбината тов. Гришину обеспечить всех мобилизованных рабочих жилплощадью и создать им нормальные условия для работы.

4. Обязать директоров предприятий и главного инженера Садонского комбината тов. Шандура провести отправку мобилизованных рабочих организованно до самого места работы.

5. Просить СНК Союза ССР разрешить мобилизовать для Садонского комбината всего 150 человек рабочих, за минусом 65 человек уже отмобилизованных.

Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)

комитета обороны

Мазин

Источник: [ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 15, л. 61].

**Из протокола № 44
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 6 августа 1942 г.

§ 288. Слушали: О выделении рабсилы и материалов на строительство спецсооружений на аэродромах (докл. т. Мазин)

Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Привлечь в порядке платной трудовой повинности в августе месяце 1942 г. сроком на 8 дней для работы по строительству спецсооружений на аэродромах в селениях Эльхотово, Дигора и Брут из числа трудоспособного населения — колхозников, рабочих и служащих Кировского, Дарг-Кохского и Дигорского районов в возрасте: мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 18 до 50 лет в количестве 800 человек с инструментом (лопатами, кирками), в том числе:

по Кировскому р-ну — 300 чел.,

Дарг-Кохскому — 200,

Дигорскому — 300.

2. Возложить персональную ответственность за своевременный выход на работу и обеспечение рабочих питанием и инструментом на секретарей райкомов ВКП (б) т.т. Басиева, Дауева и Кесаева и председателей исполкомов райсоветов депутатов трудящихся тт. Гокоева, Кучиева и Туаева.

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

[Там же, л. 7]

**Из протокола № 98
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 27 декабря 1942 г.

§ 542. Слушали: О проведении ремонтно-восстановительных работ дорог и мостов по СО АССР (докл. т. Тихоновский)

Учитывая, что в освобожденных районах СО АССР разрушены мосты и дороги, что создает огромные затруднения в продвижении наступающих войсковых частей Красной армии и затрудняет связь освобожденных от немецких оккупантов районов с республиканским центром, и в соответствии с постановлением Военного Совета Северной группы войск Закавказья от 19 декабря 1942 года, Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Утвердить объем по восстановлению дорог и строительству мостов в республике, согласно представленному приложению, с окончанием строительства и восстановления в 10-дневный срок.

2. В целях обеспечения намеченных работ по строительству дорог и мостов привлечь в порядке гужтрудповинности, сроком на 10 дней, 800 человек трудоспособного населения, мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 18 до 45 лет, и 150 подвод со следующим распределением по районам:

Алагирский 65 чел., 10 подвод;

Ардонский 65 чел., 10 подвод;

Орджоникидзевский 75 чел., 20 подвод;

Дигорский 70 чел., 10 подвод;

Дарг-Кохский 70 чел., 25 подвод;

Правобережный 75 чел., 25 подвод;

Гизельдонский 40 чел., 25 подвод;
Садонский 40 чел., 25 подвод;
г. Орджоникидзе 300 чел., 25 подвод.
Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны

Мазин

Источник: [ГАНИ РСО-А, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 314].

Из протокола № 12 заседания Орджоникидзевского городского исполкома

5 мая 1942 г.

§ 160. Слушали: О мобилизации на период военного времени трудоспособного гражданского населения для работы на производстве и строительстве РЕШИЛИ:

Согласно Постановлению Совнаркома СО АССР во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.42 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного гражданского населения для работы на производстве и в строительстве», исполком горсовета решает:

1. Обязать председателей райисполкомов Салбиева, Алдатова и Кертанова мобилизовать на работы на железнодорожном транспорте следующее количество человек: Ленинский райисполком — 46 чел., Промышленный — 25, Затеречный — 35 чел.

2. Об исполнении настоящего решения проинформировать горисполком 6 мая 1942 г.

Обязать председателей райисполкомов тов. Алдатова, Салбиева, Кертанова мобилизовать на работы в МТС, согласно постановлению СНК СОАССР<...>.

Председатель горисполкома

Бзыков

[ЦГА РСО-А, ф. 56, оп. 2, д. 45, л. 137].

Третья группа протоколов включает в себя отдельные решения по организации материально-бытовой стороны жизни мобилизованных на строительство оборонных рубежей и по основной и дополнительной оплате их труда.

Из протокола № 13 Заседания Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны

2 декабря 1941 г.

§ 79. Слушали: О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий рабочих, служащих и колхозников, призванных на строительство оборонительного рубежа

В целях улучшения материально-бытовых условий рабочих, служащих и колхозников, призванных на строительство оборонительного рубежа, Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Сохранить в учреждениях, предприятиях и организациях за рабочими и служащими, призванными на строительство, их средний заработок по месту основной работы до мобилизации, лицам командно-политического состава строительства, получающим зарплату ниже их прежнего заработка, выплачивать разницу. Поручить Наркомфину республики дать соответствующее указание по этому вопросу руководителям учреждений и предприятий республики.

2. Рекомендовать колхозам начислять колхозникам, призванным на оборонительные работы, выполняющим и перевыполняющим нормы выработки по 0,5 трудодня за каждый день.

3. Просить Государственный комитет обороны утвердить настоящее решение.

4. Одобрить предложение начальника 10-го управления оборонительных работ НКО тов. Мальцева о выплате им дотации на питание студентам и домохозяйкам, занятым на строительстве в размере трех рублей в сутки

Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)

комитета обороны

Мазин

Источник: [Там же, л. 101].

**Из протокола № 52
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 20 августа 1942 г.

§ 321. Слушали: О нормах выработки и расценках по строительству оборонительного рубежа города Орджоникидзе (докл. т. Дзагоев)

5. Лицам, до мобилизации на оборонительные работы не имеющим основной работы на предприятиях и учреждениях, доплачивать за перевыполнение норм выработки по 6 рублей в день.

Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)

комитета обороны

Мазин

Источник: [Там же, л. 62]

Четвертая группа содержит отчеты о проделанной силами мобилизованных граждан работе.

**Из протокола № 15
заседания Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны**

от 9 декабря 1941 г.

§ 94. Слушали: Об итогах строительства аэродромов в республике (докл. т.т. Лосев, Бураев)

Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны отмечает, что в зимних условиях, в снегопад и в промерзшем грунте силами мобилизованного населения СО АССР построены и приведены в пригодное для использования авиацией

4 аэродрома (Беслан, Эльхотово, Дигора, Брут) и произведены работы на аэродроме ст. Архонской. Объемы земляных работ с перемещением грунта подводами на расстоянии до 500 м достигают:

На объекте Беслан — 20 тыс. кубометров

Эльхотово — 18

Брут — 4

Дигора — 15

Архонская — 17.

Общий объем земляных работ — 64 тыс. кубометров.

На работах в среднем было ежедневно занято 1500 человек и 400 подвод. Наиболее организованно и успешно проведено строительство объекта Эльхотово (начальник Фидаров, техрук Еремин). Работы на объекте не прекращались ни на один день. Выработка на подводу составляла 9 кубометров в день. Лучшие показатели имеют колхозы им. Ленина (Став-Дорт), им. Микояна, Красный Октябрь ст. Николаевской.

*Председатель Орджоникидзевского (Владикавказского)
комитета обороны*

Мазин

Источник: [Там же, л. 128].

Таким образом, анализ документов позволяет выявить несколько характеристик мобилизации гражданского населения в первые годы войны в СО АССР. Во-первых, привлечение рабочей силы требовалось постоянно, как для строительства оборонно-укрепительных сооружений, так и для работы на заводах, на строительстве дорог, аэродромов, в сельском хозяйстве и др. В связи с этим привлекались как неработающие граждане, так и сотрудники предприятий, которых временно перебрасывали на разные объекты. Из-за нехватки рабочих рук привлекалось население в широком возрастном диапазоне, от 14 до 55 лет. В то же время официально не были задействованы люди более старшего возраста и дети младше 14 лет. Во-вторых, городской исполком и комитет обороны заботились об оплате труда мобилизованных на работы граждан, о стимулировании рабочих посредством оплаты за переработку, об обеспечении их орудиями труда (хотя, судя по цифрам, их постоянно не хватало) и о создании, по возможности, сносных условий бытовой жизни.

4. Заключение = Conclusions

В заключение следует отметить, что от эффективной работы трудмобилизованных зависела действенность вооруженного сопротивления немецко-фашистским войскам. Вместе с тем трудовая мобилизация внесла существенные изменения в повседневность жителей региона, когда тяжелый труд стал нормой жизни. Созданная в основном женщинами и подрост-

ками хорошо оснащенная система оборонительных укреплений на территории СО АССР позволила остановить противника на подступах к г. Орджоникидзе. Ударный труд мобилизованных позволил в условиях военного времени решить поставленную задачу. Трудовые мобилизации, введение всеобщей трудовой повинности дали возможность в чрезвычайных и экстремальных условиях военного времени решить проблему обеспечения народного хозяйства трудовыми ресурсами. Результативность советской военной экономики была обеспечена, с одной стороны, привлечением трудовых ресурсов мобилизационными принципами (мобилизация, мобилизационный набор, трудовая повинность), с другой стороны, — работой чрезвычайных и ординарных органов власти страны. Все трудоспособное население в возрасте от 14 до 55 лет было охвачено всеобщей трудовой повинностью. Помощь взрослым оказывали школьники. Одной из форм всеобщей трудовой мобилизации являлась самомобилизация — ударный труд граждан, которые брали на себя и выполняли повышенные обязательства. Тяжелейший, в суровых условиях ударный труд стал нормой жизни. Мобилизационный принцип привлечения к труду в чрезвычайных и экстремальных условиях военного времени, аккумулировав для нужд обороны бесплатный труд огромного количества людей, оказался действенным, эффективным и безальтернативным, потребовал напряжения всех сил, коренным образом поменял повседневную жизнь населения, подчинил работу граждан страны достижению общей цели — победы в войне.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАНИ РСО-А — *Государственный архив новейшей истории республики Северная Осетия-Алания*, Ф. 3. Оп. 1, Д. 2, Л. 5 ; Оп. 1, Д. 2, Л. 10 ; Оп. 1, Д. 2, Л. 13 ; Оп. 1, Д. 2, Л. 81; Оп. 1, Д. 2, Л. 101 ; Оп. 1, Д. 2, Л. 109 ; Оп. 1, Д. 2, Л. 128 ; Оп. 1, Д. 17, Л. 2 ; Оп. 1, Д. 17, Л. 7 ; Оп. 1, Д. 17, Л. 51; Оп. 1, Д. 17, Л. 294 ; Оп. 1, Д. 18, Л. 314.
2. ЦГА РСО-А — *Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания*, Фр. 56, Оп. 2, Д. 45, Л. 137 ; Оп. 2, Д. 45, Л. 139 ; Оп. 2, Д. 45, Л. 172 ; Фр. 56, Оп. 2, Д. 45, Л. 174.

Литература

1. *Городские* партийно-государственные органы управления в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Орджоникидзе/Владикавказ). Документы и материалы. В 3 т. Июнь 1941 г. — июль 1942 г. / сост.: Е. В. Туфанов, С. А. Хубулова,

Л. Ч. Хаблиева и др. — Ставрополь : АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2022. — Т. 1. — 272 с.

2. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны : Проблемы тыла и всенародной помощи фронту / А. Д. Колесник. — Москва : Наука, 1982. — 328 с.

3. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Манделштам. — Москва : Госюриздат, 1956. — 500 с.

4. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : Ист. опыт России / Е. С. Сенявская. — Москва : РОССПЭН, 1999. — 382 с. — ISBN 5-8243-0084-4.

5. Соколов П. В. Война и людские ресурсы / П. В. Соколов. — Москва : Воениздат, 1961. — 189 с.

6. Сомов В. А. По закону военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / В. А. Сомов. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2001. — 154 с. — ISBN 5-85746-491-9.

7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. : Сб. док. за 50 лет. 1941—1952 гг. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. 3.

8. Тельпуховский В. Б. Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны / В. Б. Тельпуховский // Вопросы истории. — 1960. — № 6. — С. 27—42.

9. Хаблиева Л. Ч. Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны : сборник документов и материалов / Л. Ч. Хаблиева. — Владикавказ : ИПЦ СОГУ, 2020. — 356 с. — ISBN 978-5-8336-1038-1.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023,
одобрена после рецензирования 01.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

CGA RSO-A — *Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania*. (In Russ.).

GANI RSO-A — *State Archive of the Modern History of the Republic of North Ossetia-Alania*. (In Russ.).

References

City party-state governing bodies during the Great Patriotic War (based on the materials of G. Ordzhonikidze/Vladikavkaz). Documents and materials. In 3 vol., 1. June 1941 — July 1942. (2022). Stavropol: AGRUS of Stavropol State Agrarian University. 272 p. (In Russ.).

Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 — July 1956. (1956). Moscow: Gosyurizdat. 500 p. (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues. In 5 vols., 3: Collection of documents for 50 years. 1941—1952. (1968). Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Khableieva, L. Ch. (2020). *Activity of Ordzhonikidze (Vladikavkaz) Defense Committee and state authorities and management of the North Ossetian ASSR in the emergency conditions of the Great Patriotic War: collection of documents and materials*. Vladikavkaz: CPI SOGU. 356 p. ISBN 978-5-8336-1038-1. (In Russ.).

Kolesnik, A. D. (1982). *RSFSR during the Great Patriotic War: Problems of the rear and national assistance to the front*. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russ.).

- Senyavskaya, E. S. (1999). *Psychology of war in the XX century: Ist. The experience of Russia*. Moscow: ROSSPEN. 382 p. ISBN 5-8243-0084-4. (In Russ.).
- Sokolov, P. V. (1961). *War and human resources*. Moscow: Voenizdat. 189 p. (In Russ.).
- Somov, V. A. (2001). *According to the law of wartime. Essays on the history of the labor policy of the USSR during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Nizhny Novgorod: Nizhegorod Publishing House. State University. 154 p. ISBN 5-85746-491-9. (In Russ.).
- Telpukhovsky, V. B. (1960). Changes in the composition of industrial workers of the USSR during the Great Patriotic War. *Questions of history*, 6: 27—42. (In Russ.).

*The article was submitted 12.09.2023;
approved after reviewing 01.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

Информация для цитирования:

Шевченко И. А. Борьба за трезвость в России начала XX века : дискуссия вокруг слабоалкогольных напитков / И. А. Шевченко, Л. И. Земцов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 517—532. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532.

Shevchenko, I. A., Zemtsov, L. I. (2023). Fight for Sobriety in Russia at Beginning of 20th Century: Discussion on Low-Alcohol Beverages. *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 517-532. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-517-532

Борьба за трезвость в России начала XX века: дискуссия вокруг слабоалкогольных напитков

Шевченко Иван Александрович*

orcid.org/0000-0003-2651-4846

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
кафедры отечественной
и всеобщей истории

*** корреспондирующий автор**

liash@rambler.ru

Земцов Леонид Иосифович

orcid.org/0000-0002-9383-0016

доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной
и всеобщей истории
leozem@yandex.ru

Липецкий государственный
педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Липецк, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта
«Практики потребления алкоголя
в период российских модернизаций
1860—1930-х годов»
(грант Президента Российской
Федерации, проект № МК-3786.2022.2)

Fight for Sobriety in Russia at Beginning of 20th Century: Discussion on Low-Alcohol Beverages

Shevchenko Ivan Aleksandrovich*

orcid.org/0000-0003-2651-4846

PhD in History,
Senior Researcher
Department of Russian
and General History

***Corresponding author**

liash@rambler.ru

Zemtsov Leonid Iosifovich

orcid.org/0000-0002-9383-0016

Doctor of Historical Sciences, Professor
Department of Russian
and General History
leozem@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
(Lipetsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared within the project
“Alcohol consumption practices during
the Russian modernization period
of the 1860s to the 1930s” (Presidential grant
of the Russian Federation.
Project № МК-3786.2022.2)

© Шевченко И. А., Земцов Л. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется проблема потребления алкоголя и борьбы за трезвость в России начала XX века. Рассматриваются материалы, описывающие обсуждение во властных и общественных кругах идеи о возможности эффективной борьбы с пьянством путем распространения в народной среде культуры питья слабоалкогольных напитков, в первую очередь пива. Цель статьи — проанализировать, насколько в реалиях тех лет могла быть жизнеспособной данная идея. Актуальность обращения к рассматриваемой теме обусловлена продолжающимся в современной России поиском путей к распространению среди населения ценностей здорового образа жизни в условиях заинтересованности производителей и продавцов различного алкоголя в сохранении и приумножении своей прибыли. Методология исследования базируется на принципах историзма, сравнительного анализа. Среди используемых источников — архивные материалы (из фондов РГИА), пресса, стенографические отчеты заседаний Государственной Думы, публицистика. Привлекаемые источники в совокупности позволяют достичь поставленной цели. Основным результатом исследования является выяснение обстоятельств и причин победы отечественных трезвенных сил над «пивным лобби» в 1900—1910-х годах, главная из которых — неготовность власти, общества и народных масс к замене крепкой водки на пиво в масштабах страны.

Ключевые слова:

пьянство; трезвость; потребление алкоголя; винная монополия; сухой закон; пиво; Государственная Дума.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of alcohol consumption and the struggle for sobriety in Russia in the early 20th century is being investigated. The discussion in government and public circles about the possibility of effectively combating drunkenness by spreading the culture of consuming low-alcohol beverages (primarily beer) among the people is analyzed. The aim of the article is to analyze how viable this idea could have been in the realities of that time. The relevance of addressing this topic is due to the ongoing search in modern Russia for ways to spread the values of a healthy lifestyle among the population in the face of the interests of producers and sellers of various types of alcohol in preserving and increasing their profits. The research methodology is based on the principles of historicism and comparative analysis. Among the sources used are archival materials (from the RGIA funds), press, stenographic reports of State Duma meetings, and journalism. The sources used together allow achieving the set goal. The main result of the research is to clarify the circumstances and reasons for the victory of domestic temperance forces over the “beer lobby” in the 1900s—1910s, the main reason being the unwillingness of the government, society, and the masses to replace strong vodka with beer on a national scale.

Key words:

alcohol consumption; sobriety; alcohol consumption; wine monopoly; dry law; beer; State Duma.

Борьба за трезвость в России начала XX века: дискуссия вокруг слабоалкогольных напитков

© Шевченко И. А., Земцов Л. И., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема потребления алкоголя всегда привлекала к себе в России немало исследовательского внимания (и не только на научном уровне, но и на уровне публицистики, популярной литературы). Алкоголь в России (в различной степени и в других странах) — сюжет, тесно связанный с экономической, финансовой, социокультурной, бытовой, политической сферами жизни страны, переплетающийся с ними порой довольно причудливо и непредсказуемо. Выяснение того, какие социальные группы, что именно, в каких количествах и каким образом потребляют, дает порой основания для обобщающих выводов относительно развития общества, народных масс и государства.

В начале XX века вопрос производства, распространения, потребления спиртного оказался тесно связанным с общественно-политическим кризисом, охватившим страну на фоне глубочайших модернизационных процессов. Во властных и общественных кругах вырабатывалась уверенность в том, что только трезвая нация сможет сквозь революционные бури выйти путем реформ на дорогу прогресса и в условиях надвигающегося глобального военного конфликта отстоять государственные интересы на международной арене.

Начало XX столетия было отмечено беспрецедентным ростом в Российской империи количества ориентированных на крестьянское население и фабрично-заводских рабочих обществ трезвости, среди которых доминировали церковно-приходские. В целом в рассматриваемый период флагманом антиалкогольной борьбы являлось православное приходское духовенство. Так, в 1911 году в России существовало 1873 общества трезвости, из которых 1782 (95 %) носили церковно-приходской характер [Афанасьев, 2007, с. 40]. На всю Россию был известен священник Сергей Пермский, организовавший в селе Нахабино неподалеку от Москвы Сергиево-Нахабинско-Баньковское общество трезвости, включавшее в себя почти 31 тысячу человек. Всероссийскую известность также получило Александроневское общество трезвости, функционировавшее не только в пределах Санкт-Петербурга: оно имело 12 отделений по всей стране. Немало сил

в деле антиалкогольной борьбы положил санкт-петербургский священник Иоанн Кронштадтский — почетный член Казанского общества трезвости, впоследствии канонизированный Церковью.

В разработке трезвенной политики и в практической деятельности принимали участие отечественные врачи, ученые, земские деятели, учителя. Со второй половины 1900-х годов к этой проблеме обратились высшие представительные учреждения России — Государственный совет и Государственная Дума.

Борьба за трезвость, снижение уровня потребления алкоголя в стране в краткосрочной и долгосрочной перспективах могли серьезным образом повлиять на социальное развитие страны, здоровье населения, его материальное благополучие, но одновременно нанести удар по хозяйственным отраслям, занимающимся производством и распространением спиртных напитков. В результате в 1900—1910-х годах в России столкнулись интересы борцов за трезвость и производителей и продавцов пива, которые в обстановке разворачивающейся антиалкогольной кампании попытались не только не потерять экономические позиции и сохранить репутацию, но и по возможности получить более выигрышное положение на российском рынке. Таким образом, целью исследования является анализ того, насколько в реалиях тех лет могла быть жизнеспособной идея замены в предпочтениях широких народных массах водки на пиво.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Родоначалником изучения питейной проблемы в России можно назвать И. Г. Прыжова, еще в 1860-х годах занимавшегося историей кабаков в России [Прыжов, 1868]. На рубеже XIX—XX веков весомый вклад в научную разработку тематики внесли специалисты, работавшие на стыке истории, экономики, социологии [Первушин, 1909; Дмитриев, 1911; Фридман, 1914—1916].

Советские исследования по вопросам потребления алкоголя и борьбы за трезвость в основном датируются либо 1920-ми годами [Дейчман, 1929; Ларин, 1929], либо второй половиной 1980-х годов [Протько, 1988; Народная борьба..., 1989], когда государство проводило масштабные преобразования в данной сфере и одновременно был высок уровень академической свободы (сравнительно с другими периодами советской истории). И тем не менее для этих трудов характерна видная невооруженным взглядом первоочередная направленность на решение идеологических задач.

Современная российская историография касается самых разных тем, связанных с историей питейного дела. В сфере интересов историков — трезвенная работа (проводимая самыми разными институтами — Цер-

ковью, правительством, светскими обществами трезвости), организация производства различных горячительных напитков, социальные девиации, связанные с неумеренным потреблением алкоголя и многое другое [Быкова, 2006; Афанасьев, 2007; Веселие..., 2007; Островский, 2013; Чагадаева, 2016; Шевченко, 2021].

Таким образом, историография рассматриваемой темы достаточно обширна, однако весь комплекс проблем, связанных с историей производства, распространения, потребления алкоголя и борьбы со злоупотреблениями в этих сферах, настоль объемен, что включает в себя немало лагун, к числу которых относится и исследуемый в данной работе сюжет.

Для достижения поставленной цели были использованы разнообразные источники. Среди них — архивные документы (из фондов Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов и Государственной Думы Российского государственного исторического архива), стенографические отчеты думских заседаний, материалы периодической печати, актуальная публицистика и статистические данные.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика потребления алкоголя в России на рубеже XIX—XX веков

В 1890-х годах российское правительство приняло решение монополизировать сферу торговли крепким алкоголем (водкой крепостью в 40°), обосновывая введение казенной продажи питей необходимостью изменить культуру потребления спиртных напитков населением (перейти от «кабацкого пьянства» к умеренному домашнему потреблению) и обеспечить попадание на рынок только качественной и проверенной продукции. Разумеется, в министерских кабинетах рассчитывали и на другое следствие монополизации питейной торговли — повышение доходов казны, что было важно для обеспечения промышленного подъема тех лет. В результате питейная реформа коснулась, главным образом, деревни, где на смену распивочному частному кабаку с простейшим набором закуски пришла казенная винная лавка, торговавшая водкой исключительно на вынос.

В целом по размерам потребления алкоголя Россия занимала 11-е место среди стран Европы и США [Дмитриев, 2001, с. 43—44, 332]. В этой связи проблема неумеренного потребления алкоголя в России на рубеже XIX—XX веков лежала не столько в плоскости размеров выпиваемого спиртного, сколько в том, как это происходило. Для большей части населения — крестьянства — было характерно так называемое спорадическое потребление, то есть нерегулярное, приуроченное к значимым событиям сельской жизни (свадьбы, некоторые церковные праздники, проводы на военную службу).

В результате возникала ситуация «порывистого обрядового пьянства», когда село могло на несколько дней уйти в коллективный запой (например, во время покровских свадеб после окончания страдной поры), при этом большую часть года сельские обыватели не предавались алкогольным излишествам [Островский, 2013], и в целом, по единодушным отзывам различных современников, среди крестьян не был распространен хронический алкоголизм [Вениамин (Федченков), 1994, с. 70; Первушин, 1912, с. 51].

Традиционным и самым популярным алкогольным напитком среди народных масс в указанное время являлась сорокоградусная водка, начавшая производиться во второй половине XIX века в промышленных объемах и быстро завоевавшая популярность у среднего потребителя. «Водка вошла в плоть и кровь русского человека. Без водки ему “никак не возможно”, и много по этому делу у русского человека есть смягчающих, оправдывающих обстоятельств: суровый климат, печальная природа, мистицизм русского народа, серость и однообразие его жизни. Водка дает ему редкие радости», — отмечали современники [Хитрово, 1907, с. 3]. Сказанное красноречиво демонстрируют данные таблицы (табл. 1). В ней отсутствуют сведения о потреблении виноградного вина, но однозначно, что в России этот напиток был доступен лишь очень ограниченной категории населения (привилегированные классы и жители южных губерний).

Также необходимо принять во внимание тот факт, что в рассматриваемый период деревня потребляла спиртное значительно (по некоторым оценкам — в несколько раз) меньше города, где тогда было распространено регулярное потребление (как среди фабрично-заводских рабочих, так и среди лиц других занятий), о чем единодушно свидетельствовали исследователи тех лет [Золотарев, 1909, с. LXXIX; Норов, 1904, с. 41].

Резюмируя, можно сказать, что, как правило, когда в России начала XX века в правительственной, общественной, научной сферах поднимался вопрос о пьянстве населения, то имелась в виду проблема увлечения народных масс практически только крепким алкоголем и порывистость его потребления.

3.2. Столкновение интересов в условиях трезвенной борьбы

Несмотря на то, что чисто статистически в вопросе неумеренности потребления спиртного Россия на фоне прочих стран не выделялась в худшую сторону, эта проблема занимала умы современников на фоне общего повышения общественно-политической активности населения страны в начале столетия. В годы Первой российской революции был зафиксирован довольно резкий скачок потребления по сравнению с предыдущими годами, что в целом находит объяснение с точки зрения социальной психо-

Таблица 1

Потребление алкоголя в странах Европы и США в 1900—1905 гг.
по сведениям берлинского профессора Е. Струве

№	Страны	Среднегодовое потребление алкоголя в виде пива, вина и водки вместе	% алкоголя, потребляемого:		
		Литры	В пиве	В виноградном вине	В водке
1	Франция	22,42	6,0	78,2	15,8
2	Италия	14,13	0,2	95,1	4,7
3	Бельгия	12,97	67,2	4,3	28,5
4	Дания	11,99	35,2	—	64,8
5	Великобритания (с Ирландией)	10,84	76,8	2,0	21,2
6	Швейцария	10,73	21,3	57,4	21,3
7	Германия	9,54	50,1	6,9	43,0
8	Австро-Венгрия	9,00	19,1	23,7	57,2
9	США	6,40	53,4	4,4	42,2
10	Швеция	6,15	36,7	?	63,3
11	Россия	2,65	6,8	—	93,2
12	Норвегия	2,25	29,8	—	70,2

Источник: [Совет съездов..., 1909, с. 2—3] (с этими цифрами был вполне солидарен В. К. Дмитриев [Дмитриев, 2001, с. 43—44].

логии. Однако этот факт позволил обсуждавшуюся тогда на разных уровнях проблему трезвости и пьянства поднять в высших представительных учреждениях Российской империи. В конце 1907 года на одном из первых заседаний Государственной Думы III созыва саратовский депутат-октябрист М. Д. Челышов задал тревогу, заявив о том, что деревня охвачена недугом пьянства, спивающийся народ не может выбраться из нищеты и охотно готов следовать революционным призывам различных политических сил [Государственная Дума, 1908, стб. 789—790]. В Думе была образована специальная Комиссия о мерах борьбы с народным пьянством во главе с епископом Гомельским Митрофаном (Краснопольским). Комиссия занялась разработкой трезвеннического законопроекта, по своему содержанию ориентированного, в первую очередь, на реализацию мер по ограничению доступности алкоголя. На думских заседаниях говорилось о необходимости предоставить сельским обществам право закрывать на своей территории питейные заведения, о понижении крепости водки на несколько градусов,

о полном прекращении питейной торговли в праздничные дни и т. п. Одновременно утверждалось, что отрезвление нации станет возможным только при полном прекращении производства и потребления алкоголя.

Широкая антиалкогольная кампания вызывала озабоченность в кругах, чьи интересы могли быть затронуты при реализации трезвенных мер. В Министерстве финансов прогнозировали существенный удар по государственному бюджету, состоявшему в те годы почти на одну треть из доходов от продажи питей. В то же время обеспокоились производители и продавцы пива, которые в дискуссии о путях борьбы за народную трезвость попытались обозначить свою точку зрения на этот злободневный вопрос.

В 1906 году, по сведениям Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов, в России было выварено 71 513 000 ведер пива, еще 51 000 была импортирована из других стран. В итоге с учетом того, что 108 000 ведер были проданы за рубеж, на местное потребление осталось 71 456 000 ведер. Душевое потребление пива в 1906 году, таким образом, составило 0,5 ведра. Принимая во внимание, что в среднем крепость пива равнялась 4°, чиновники делали вывод, что на душу населения приходилось 0,02 ведра чистого алкоголя или 0,05 ведра водки в 40° [РГИА, ф. 575, оп. 3, д. 4286, л. 16].

В 1909 году Совет Съездов представителей промышленности и торговли во главе с видным предпринимателем Н. С. Авдаковым опубликовал специальный доклад, посвященный законодательным предположениям думской Комиссии о мерах борьбы с пьянством. В записке говорилось о том, что Совет Съездов приветствует инициативу Государственной Думы и согласен с тем, что пьянство является «одним из величайших зол русской действительности», но считает необходимым предложить собственную точку зрения, которая была изложена в двух позициях. Во-первых, указывалось на то, что успех в борьбе с пьянством не может быть достигнут одними «запретительно-карательными» мерами, а наряду с ними должны реализовываться меры «созидательные». Однако главная идея Записки раскрывалась в другом: «Не все виды спиртных напитков создают пьянство и имеют одинаково пагубные для народа последствия. Есть виды спиртных напитков, и в числе их пиво, кои отнюдь не должны быть предметом гонения. Наоборот, распространение в народе таких напитков явится лучшим средством борьбы с теми крепкими спиртными напитками, значительным потреблением коих обусловливается пьянство» [Совет съездов..., 1909, с. 2].

Предприниматели отмечали, что пиво является основным напитком «культурных» стран, ссылаясь на показатели приведенной выше таблицы (рис. 1), и что нет причин выступать за ограничение потребления пива, крепость которого в большинстве случаев не превышает 4 % спирта, если подобные пред-

ложения не поступают в отношении кваса (2 %) или кумыса (2 %). В целом аргументы представителей Совета Съездов представителей промышленности и торговли сводились к следующему: «Во-первых, пиво является тем спиртным напитком, который в умеренных дозах не приносит вред человеческому организму»; во-вторых, отмечалось в документе, «пиво является напитком, неспособным так легко приводить человека в состояние опьянения, как это делает водка»; и, наконец, указывалось, что «пиво является спиртным напитком, заключающим значительное количество питательных для человеческого организма составных частей» [Совет съездов..., 1909, с. 7—13].

В итоге Совет Съездов призывал власти отказаться от повышения акциза на пиво, законодательно регулировать продажу этого напитка в городах и селах отдельно от прочих видов спиртного, разрешить продажу пива в закусочных, харчевнях, бакалейных и фруктовых лавках [Там же, с. 18—19].

Борьба представителей пивной отрасли за свои интересы продолжалась и в последующие годы. В 1913 году Союз пивоторговцев Санкт-Петербурга с пригородами выступил против 13-й статьи законопроекта о мерах борьбы с пьянством. Она гласила следующее: «В казенных и частных местах продажи алкоголя запрещается в воскресные и праздничные дни и после 14:00 субботних и предпраздничных дней торговать спиртным» [Союз пивоторговцев..., 1913, с. 7]. Члены Союза призывали законодателей различать крепкие и слабые спиртные напитки, отмечая при этом, что пиво является одним из способов отучить народ от водки.

У этой идеи находилось немало сторонников из самых разных сфер. Так, известный экономист И. И. Янжул среди мер, которые могут дать положительный результат в борьбе с народным пьянством, указывал на необходимость популяризации кваса, вина, чая, кофе и других напитков, которые могли бы постепенно заменить в рационе крестьян и рабочих водку [Янжул, 1908, с. 96].

В 1905 году в центре скандала оказался Народный дом императора Николая II — общедоступное культурно-просветительское учреждение в Санкт-Петербурге, своего рода многофункциональный досуговый центр того времени, вмещавший в себя библиотеку и читальный зал, чайную, лекционные залы, театр и др. В столичном попечительстве о народной трезвости родилась идея увеличить посещаемость Народного дома путем продажи пива. В октябре 1904 года эта мера была согласована с министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским «в виде опыта» и при условии, что напиток будет содержать не более 2,5—3 % спирта, а продажа пива будет осуществляться «при непосредственном наблюдении администрации попечительства за приемом, розливом из бочек и продажей пива» — «исключительно кружками» [РГИА, ф. 575, оп. 3, д. 4258, л. 7]. «Эксперимент» начался с 1 января

1905 года, но, видимо, из-за разгоравшихся революционных событий публика не сразу обратила на это внимание. Однако уже весной пресса обрушила на власть обвинения в откровенном пренебрежении трезвенной работой. В газетах, в частности, отмечали, что «Народный дом превратился в питейную лавочку» и что большинство «выпивающих» приходят туда уже «предварительно выпивши водки» [Шебуев, 1905, с. 1; Эхо, 1905, с. 2]. Небезосновательно корреспонденты писали, что вся эта рискованная с точки зрения репутации затея была устроена для повышения доходности Народного дома на 15—20 тысяч рублей в год [В лабиринте..., 1905, с. 2]. Такая реакция прессы многое говорила об общественных настроениях того времени.

М. Д. Чельшов, комментируя просьбы о том, чтобы виноградное вино и пиво не попадали, согласно будущему закону, под действие запретительных приговоров сельских обществ, заявил, что эти напитки, безусловно, являются алкогольными, следовательно, наносят вред здоровью человека. Также, по словам депутата, через вино и пиво женщины и молодое поколение постепенно приучаются к употреблению более крепкого алкоголя [РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 3610, л. 10об-11].

Стоит отметить, что судьба думского законопроекта оказалась сложной, он так и остался на бумаге. Его разработка и обсуждение шли на протяжении практически всего срока работы Государственной Думы III созыва, после чего он был все же одобрен и направлен на рассмотрение в Государственный совет, где к документу обратились лишь незадолго до начала Первой мировой войны. Члены Госсовета приняли решение о необходимости внесения в проект закона некоторых поправок, и он был возвращен обратно в Думу.

Такой непростой путь очень умеренного по своему содержанию документа в высших представительных учреждениях России современники склонны были объяснять деятельностью определенных лоббистских кругов, не заинтересованных в ограничении потребления алкоголя. Епископ Митрофан (Краснопольский) упоминал о том, что заинтересованные в «расширении водочного производства» силы способствовали тому, что принятие антиалкогольных мер всячески оттягивалось [Государственная Дума..., 1909, стб. 3058].

3.3. «Сухой закон» 1914 года — победа трезвенных сил

Однако начавшийся мировой конфликт внес свои коррективы в вопрос борьбы за трезвость в России. У императора Николая II вызывала симпатию идея облагодетельствовать народ, избавив его от губительного соблазна «зеленого змия», на укрепление этой идеи значительное влияние оказывала часть общественного мнения, формируемая депутатами, священнослужителями, учеными — борцами за трезвость. Необходимость предельной концентрации всех сил страны в условиях борьбы с Тройственным

союзом подтолкнула монарха принять решение о приостановке продажи алкоголя сначала на время мобилизации, а затем и до конца войны, что на местах уже регулировалось региональными властями.

В этой связи начался новый серьезный виток борьбы пивозаводчиков и пивоторговцев за особый статус своей продукции в условиях «сухого закона». В правительственных и законодательных кругах стала активно распространяться указанная выше записка Совета Съездов промышленников и торговцев, в которой особый акцент был сделан на тезисе о безвредности «слабого» алкоголя, что подтверждалось мнением академика, ученого биохимика А. Я. Данилевского, высказанным еще в 1904 году на заседании Медицинского совета при Министерстве внутренних дел. Мысль предпринимателей была ясна: русский человек быстрее и легче отвыкнет от потребления сорокоградусной водки, перейдя на «безвредное» пиво [Цит. по: Бородин, 1915, с. 3—4].

Опасность такой постановки вопроса была очевидной для отечественных борцов за трезвость, которые предприняли небезуспешную попытку дать свой ответ подобной риторике. Постоянная Комиссия по вопросу об алкоголизме, действовавшая при Русском Обществе охранения народного здоровья и включавшая в свой состав ученых медиков, сформулировала и распространила особое мнение по поводу утверждения о безвредности некоторых алкогольных напитков. В частности, эксперты, опровергая данный тезис, говорили о том, что любой алкоголь является ядом для организма как в чистом виде, так и в разведенном (водка, вино, пиво и т. п.). Также отмечалось, что, будучи ядом, спиртные напитки ни в каком виде не могут быть отнесены к питательным, укрепляющим и в какой-либо другой форме полезным для человеческого организма продуктом. Ученые также отмечали, что тезис о безвредности некоторых видов алкоголя или алкоголя в «малых» дозах, пропагандируется в обществе и народных массах исключительно в частных интересах капитала и не имеет никакого отношения к трезвенному делу [Введенский, 1915, с. 39—41].

С мнением российских ученых были солидарны их зарубежные коллеги. Так, швейцарский невропатолог А. Форель писал, что «желать заменить водку пивом (или вином) — это значило бы заменить беса Вельзевулом» и что «пивной алкоголизм, действуя медленно и исподтишка, хотя и производит менее отталкивающее впечатление, зато тем коварнее подстерегает человека» [цит. по: Введенский, 1915, с. 42]. Форель даже приводил слова Бисмарка, утверждавшего, что от пива делаются «ленивыми, глупыми, бессильными» [Там же].

В итоге усилия пивных коммерсантов не принесли ожидаемых ими результатов. Пиво так и не приобрело особого статуса, а правительство и народное представительство в 1914—1916 годах регулярно получали про-

нения сельских обществ, городских и земских учреждений о прекращении питейной торговли и в послевоенное время.

4. Заключение = Conclusions

Примечательно, что применительно к последним десятилетиям о современной России можно говорить как о стране, в которой пиво устойчиво занимает первое место среди прочих алкогольных напитков по степени распространенности среди населения, о чем свидетельствуют различные статистические данные [Юшквичюте, 2023; Россияне..., 2023].

В чем же причины поражения «пивного лобби» в начале XX века? Их можно видеть в неготовности власти, общества и народных масс к замене привычной сорокаградусной водки на пиво. Хозяйственная система Российской империи в значительной степени была ориентирована на производство хлебного вина, которое обслуживали целые отрасли экономики (заметим, что к началу XXI столетия производство пива в России будет находиться на качественно ином уровне, чем в начале XX века, а также существенно возрастет его импорт). Для масштабного разворота (болезненного и для казны) нужна была особая политическая воля, а она в 1914 году склонилась к идее «сухого закона». В этом свою роль сыграло общественное мнение, убежденное, благодаря усилиям борцов за трезвость, среди которых были широко известные личности, в отсутствии существования «безвредной дозы» алкоголя.

При этом в 1990-е годы ситуация снова была уже иной: например, в то время существовала «Партия любителей пива», не добившаяся на выборах в Государственную Думу 1995 года парламентского успеха, но само ее существование и определенный резонанс в публичном пространстве свидетельствовали о большей терпимости общества к данной проблематике. Наконец, народные массы, главным образом крестьянские, в начале XX века не были готовы к переориентации на слабоалкогольные напитки, предполагающие их более или менее регулярное потребление, из-за установки на потребление спорадическое, обусловленное особенностями сельской традиционной культуры. Опять-таки на рубеже XX—XXI веков это оказалось возможным из-за масштабных социальных сдвигов: в результате советской урбанизации городское население в России стало доминирующим, а значит, поменялись и питейные предпочтения. Ценности и образ жизни формирующегося городского среднего класса постепенно вывели пиво на первое место среди доступных спиртных напитков.

Все это говорит о том, что любые инициативы по трансформации питейной культуры и популяризации трезвого образа жизни должны быть полноценной стратегией, не основанной на отвлеченных и умозрительных

схемах и не ориентированной на удовлетворение узких интересов капитала. Такая стратегия для достижения успеха должна быть органичной частью государственной политики и учитывать структурные, потребительские, культурные и иные глубинные параметры общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бородин Д. Н.* В защиту трезвости / Д. Н. Бородин. — Петроград : Петроградская коммерческая типо-литография М. Виленчик, 1915. — 25 с.
2. *В лабиринте* противоречий // Биржевые ведомости : [газета]. — 1905. — № 8868. — С. 2.
3. *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох / митрополит Вениамин Федченков. — Москва : Отчий дом, 1994. — 446 с. — ISBN 5-86809-105-1.
4. *Государственная Дума.* Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — Ч. 1. — 3151 стб.
5. *Государственная Дума.* Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. — Ч. 2. — 3244 стб.
6. *Золотарев А. М.* Потребление вина в России в 1904—1909 годах / А. М. Золотарев // Ежегодник России. 1909 год. — Санкт-Петербург : Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1910. — LXXVIII—CXVII.
7. *Совет съездов представителей промышленности и торговли (Петербург).* Пиво и борьба в России с пьянством : Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли по поводу законодательных предположений состоящей при Государственной Думе Комиссии о мерах борьбы с пьянством / Совет съездов представителей промышленности и торговли. — Санкт-Петербург : Электро-типография Н. Я. Стойковой, 1909. — 20 с.
8. РГИА. — *Российский государственный исторический архив.* Ф. 575 (Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей). Оп. 3. Д. 4258, 4286 ; Ф. 1278 (Государственная Дума I, II, III и IV созывов). Оп. 2. Д. 3610.
9. *Россияне не изменяют пиву, показало исследование* [Электронный ресурс] // РИА, 06.03.2023. — Режим доступа : <https://ria.ru/20230306/pivo-1856046757.html> (дата обращения 10.09.2023).
10. *Союз пивоторговцев г. С.-Петербурга с пригородами.* Записка по поводу статьи 13 законопроекта о мерах борьбы с пьянством / Союз пивоторговцев г. С.-Петербурга с пригородами. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1913. — 7 с.
11. *Хитрово Г.* Винокластам / Г. Хитрово // Санкт-Петербургские ведомости : [газета]. — 1907. — № 278. — С. 3.
12. *Шебуев Н.* Негативы / Н. Шебуев // Русь : [газета]. — 1905. — № 120. — С. 1.
13. *Эхо* // Петербургский листок : [газета]. — 1905. — № 117. — С. 2.
14. *Юшквявичюте А.* *Директор* ЦИФРРА : Россия давно перестала быть страной водки, пива потребляют гораздо больше [Электронный ресурс] // Газета.ру, 05.02.2023. —

Режим доступа : <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/05/19664419.shtml> (дата обращения 10.09.2023).

15. Янжул И. И. Пьянство, как социальный недуг и борьба против него / И. И. Янжул. — Санкт-Петербург : Просвещение, 1908. — 96 с.

Литература

1. Афанасьев А. Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907—1914 годы : опыт оздоровления общества / А. Л. Афанасьев. — Томск : ТУСУР. 2007. — 195 с. — ISBN 978-5-86889-444-2.
2. Быкова А. Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX — начале XX века : из истории проблемы / А. Г. Быкова. — Омск : Омский юридический институт, 2006. — 135 с. — ISBN 5-98065-039-3.
3. Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости / И. Н. Введенский. — Москва : Типография штаба Московского военного округа, 1915. — 44 с.
4. Веселие Руси. XX век : градус новейшей российской истории : от «пьяного бюджета» до «сухого закона» / В. Б. Аксенов и др. — Москва : Пробел-2000, 2007. — 476 с. — ISBN 5-98604-067-8.
5. Дейчман Э. И. Алкоголизм и борьба с ним / Э. И. Дейчман. — Москва : Типография Мосполиграфа, 1929. — 224 с.
6. Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России / В. К. Дмитриев. — Москва : Издание В. П. Рябушинского, 1911. — 283 с.
7. Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России / В. К. Дмитриев. — Москва : SPSL, «Русская панорама», 2001. — 368 с. — ISBN 5-93165-029-6.
8. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм / Ю. Ларин. — Москва : Мосполиграф, 1929. — 143 с.
9. Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. / Р. Г. Скрынников, Н. А. Копанев. — Ленинград : БАН СССР, 1989. — 47 с.
10. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики / В. Норов. — Санкт-Петербург : Типография Н. Н. Клубукова, 1904. — Ч. 1. — 114 с.
11. Островский А. В. «Пьяная деревня» : домыслы и факты / А. В. Островский // Новейшая история России. — 2013. — № 2. — С. 140—158.
12. Первушин С. А. Влияние урожая в связи с другими экономическими факторами на потребление спиртных напитков в России / С. А. Первушин. — Москва : типография Московского Императорского университета, 1909. — 200 с.
13. Первушин С. А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей / С. А. Первушин. — Санкт-Петербург : издательство Постоянной комиссии по вопросу об алкоголизме, 1912. — 102 с.
14. Протько Т. С. В борьбе за трезвость : страницы истории / Т. С. Протько. — Минск : Наука и техника, 1988. — 162 с. — ISBN 5-343-00208-0.
15. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа / И. Г. Прыжов. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольф, 1868. — 321 с.
16. Фридман М. И. Винная монополия : в 2-х т. / М. И. Фридман. — Санкт-Петербург — Петроград : Типография «Правда», 1914—1916. — Т. 1. — 548 с. ; Т. 2. — 627 с.
17. Чагадаева О. А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / О. А. Чагадаева. — Москва : АИРО-XXI, 2016. — 256 с. — ISBN 978-5-91022-332-9.

18. Шевченко И. А. Проблема хулиганства и пьянства молодежи в российской деревне 1920-х годов / И. А. Шевченко // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2021. — № 4 (21). — С. 33—42. — DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-33-42.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023,
одобрена после рецензирования 27.10.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

- Borodin, D. N. (1915). *In defense of sobriety*. Petrograd: Petrograd commercial printing and lithography M. Vilenchik. 25 p. (In Russ.).
- Council of Congresses of Representatives of industry and trade (St. Petersburg). *Beer and the fight against drunkenness in Russia: A note by the Council of Congresses of Representatives of Industry and Trade on the legislative assumptions of the State Duma Commission on measures to combat drunkenness*. (1909). St. Petersburg: Electro-printing house of N. Ya. Stoykova. 20 p. (In Russ.).
- Echo. (1905). *Petersburg leaflet: [newspaper]*, 117: P. 2. (In Russ.).
- In the labyrinth of contradictions. (1905). *Birzhevye vedomosti: [newspaper]*, 8868: P. 2. (In Russ.).
- Khitrovo, G. (1907). *Vinoklastam. St. Petersburg vedomosti: [newspaper]*, 278: P. 3. (In Russ.).
- RGIA — *The Russian State Historical Archive. F. 575 (Main Directorate of non-payment fees and state sale of drinks)*. (In Russ.).
- Russians do not change beer, a study has shown* (2023). In: RIA. Available at: <https://ria.ru/20230306/pivo-1856046757.html> (accessed 10.09.2023). (In Russ.).
- Shebuyev, N. (1905). *Negatives*. In: *Rus: [newspaper]*, 120: P. 1. (In Russ.).
- State Duma. The third convocation. Verbatim reports. Session two, 1*. (1908). St. Petersburg: State Printing House. 3151 stb. (In Russ.).
- The State Duma. The third convocation. Verbatim reports. Session two, 2*. (1909). St. Petersburg: State Printing House. 3244 stb. (In Russ.).
- Union of beer merchants of St. Petersburg with suburbs. Note on article 13 of the draft law on measures to combat drunkenness*. (1913). St. Petersburg: [b. i.]. 7 p. (In Russ.).
- Veniamin (Fedchenkov), Metropolitan. (1994). *At the turn of two Epochs*. Moscow: Father's House. 446 p. ISBN 5-86809-105-1. (In Russ.).
- Yanzhul, I. I. (1908). *Drunkenness as a social disease and the fight against it*. St. Petersburg: Enlightenment. 96 p. (In Russ.).
- Yushkevichyute, A. (2023). Director of Digital: Russia has long ceased to be a country of vodka, beer is consumed much more. *Gazeta*.<url>, 05.02.2023. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/02/05/19664419.shtml> (accessed 10.09.2023). (In Russ.).
- Zolotarev, A. M. (1910). *Wine consumption in Russia in 1904—1909*. In: *Yearbook of Russia. 1909*. St. Petersburg: N. L. Nyrkin's Steam Typo-lithography. LXXVIII—CXVII. (In Russ.).

References

- Afanasiev, A. L. (2007). *The sober movement in Russia during the period of peaceful development. 1907—1914: the experience of improving society*. Tomsk: TUSUR. 195 p. ISBN 978-5-86889-444-2. (In Russ.).

- Bykova, A. G. (2006). *Alcoholism and drunkenness in Russia in the XIX — early XX century: from the history of the problem*. Omsk: Omsk Law Institute. 135 p. ISBN 5-98065-039-3. (In Russ.).
- Chagadaeva, O. A. (2016). “Dry law” in the Russian Empire during the First World War (based on the materials of Petrograd and Moscow). Moscow: AIRO-XXI. 256 p. ISBN 978-5-91022-332-9. (In Russ.).
- Deichman, E. I. (1929). *Alcoholism and the fight against it*. Moscow: Mospoligraf Printing House. 224 p. (In Russ.).
- Dmitriev, V. K. (1911). *Critical studies on alcohol consumption in Russia*. Moscow: V. P. Ryabushinsky edition. 283 p. (In Russ.).
- Dmitriev, V. K. (2001). *Critical studies on alcohol consumption in Russia*. Moscow: SPSL, “Russian Panorama”. 368 p. ISBN 5-93165-029-6. (In Russ.).
- Friedman, M. I. (1914—1916). *Wine monopoly: in 2 volumes*. St. Petersburg — Petrograd: Pravda Printing House. (In Russ.).
- Larin, Yu. (1929). *Alcoholism and socialism*. Moscow: Mospoligraf. 143 p. (In Russ.).
- Norov, V. (1904). *State-owned wine monopoly in the light of statistics, 1*. St. Petersburg: N. N. Klobukov Printing House. 114 p. (In Russ.).
- Ostrovsky, A. V. (2013). “Drunken village”: conjectures and facts. *Modern history of Russia*, 2: 140—158. (In Russ.).
- Pervushin, S. A. (1912). *Experience of the theory of mass alcoholism in connection with the theory of needs*. St. Petersburg: Publishing house of the Permanent Commission on Alcoholism. 102 p. (In Russ.).
- Pervushin, S. A. (1909). *The influence of harvests in connection with other economic factors on the consumption of alcoholic beverages in Russia*. Moscow: Printing house of the Moscow Imperial University. 200 p. (In Russ.).
- Protko, T. S. (1988). *In the struggle for sobriety: pages of history*. Minsk: Science and Technology. 162 p. ISBN 5-343-00208-0. (In Russ.).
- Pryg, I. G. (1868). *History of kabakov in Russia in connection with the history of the Russian people*. St. Petersburg: Edition of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 321 p. (In Russ.).
- Shevchenko, I. A. (2021). The problem of hooliganism and drunkenness of youth in the Russian village of the 1920s. *Humanitarian studies of Central Russia*, 4 (21): 33—42. DOI: 10.24412/2541-9056-2021-4-33-42. (In Russ.).
- The joy of Russia. The twentieth century: the degree of modern Russian history: from the “drunken budget” to the “prohibition”*. (2007). Moscow: Blank-2000. 476 p. ISBN 5-98604-067-8. (In Russ.).
- The people’s struggle for sobriety in Russian history. Materials of the seminar held by the societies of the struggle for sobriety of the USSR BAN, LSU, LOII of the USSR Academy of Sciences on December 18, 1987*. (1989). Leningrad: BAN of the USSR. 47 p. (In Russ.).
- Vvedensky, I. N. (1915). *The experience of forced sobriety*. Moscow: Printing house of the headquarters of the Moscow Military District. 44 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2023;
approved after reviewing 27.10.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, л. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

Zholobov, O. F. Contrasts of Quantification in Lexical Series ‘Post, Poschenie, Postitsiya — Alkanie, Alchba, Alkati’ in Old Russian Manuscripts (Historical Corpus ‘Manuscript’).	9
Zakharova, L. O. Current Linguistic Situation in Village of Sebyan-Kyuyol in Kobyai District of Republic of Sakha (Yakutia).	27
Ivanova, R. P., Verkhoturova, T. L., Afanasyeva, E. N. Lexical Representation of Olfactory Semiotics in Worldview of Yakut Language	44
Kurilova, S. N. Unadapted Foreign Language Insertions in Spoken Language of Tundra Yukaghir	60
Morgoeva, L. B. Phenomenon of Functional Homonymy in Ossetian Language	77
Khrunenкова, A. V. Thematic Dictionary of Russian Collocations for Educational Purposes: Definition and Challenges in Dictionary Compilation	97
Shaklein, V. M., Guan Qi, Sun Daman. Concept of DEMOCRACY in Russian Political Discourse from Perspective of Chinese Linguistic-Cultural Tradition	117

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Gukosyants, O. Yu. Reimagining Healthcare Workers and COVID-19 in Demotivational Posters During Pandemic	142
Zakharov, R. I. Linguosemiotic Mechanisms of Manipulative Potential Formation in Polycoded Nomination in Advertising Discourse	162
Terentyeva, E. V., Pavlova, E. B. Semiotic Organization of Russian Environmental Internet Memes	184

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Vasiliev, V. E., Satanar, M. T. Historical Origins of Circular Dance Ohuokhai: Structure, Semantics, Symbolism	208
Koryakina, A. F. Olonkho of Olekminsk District in 19th and 20th Centuries: Traditions and Transformations	228
Kuryaev I. R., Trushkina, A. P. Actualization of Bodily Aspect as Means of Reconstructing Socialist Realist Discourse in Novel “Librarian” by M. Elizarov	245
Melnikova, L. A. Image of “Fallen Woman” in Novels of G. Fallada’s “Wolf Among Wolves” and F. M. Dostoevsky’s “Crime and Punishment”: Comparative Analysis	265
Menyaev, B. V. Plot of ATU 160 in Oirat Monument “Tale of Nectar Teaching”.	281
Khromov, S. S., Gerasimova, S. V., Pishulina, I. A. Mozart by A. S. Pushkin and Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky: Problem of Double Encoding	300

HISTORY

Abazov, Kh. A. Institutions of Local Judicial-Administrative Control in North Caucasus in Late 18 th — Early 19 th Century: Regulatory and Documentary Support for Activities	321
Borodina, E. V., Tsemenkova, S. I. Population Structure and Size of Early Yekaterinburg (1723—1744).	339
Vorobyov, S. V. Ekaterinburg (Sverdlovsk) During NEP Years: Organization of City Government System.....	372
Emtyl, Z. Ya. Resettlement of Foreign Subjects to North-Western Caucasus in Second Half of 19 th Century	390
Karpinets, A. Yu., Pyanov, A. E. Mining Town of Kuzbass Prokopyevsk in First Half of 1930s: Problems of Miner's Everyday Life and Improvement of New City (Local Periodicals).	409
Kulikov, S. V. Freedom of Conscience in Russian Empire at Beginning of XX Century and Constitutional Reform of 1906.....	426
Nedzelyuk, T. G. Pension Provision for Muslim Clergy in Asian Part of Russian Empire (19 th — Early 20 th Century).....	449
Sannikova, Ya. M. Domestic Reindeer Herding in Arctic Regions of Yakutia in Second Half of 1990s: Experience of Decision-Making on Socio-Economic Issues in Industry .	464
Xu Ruilin, Kolegov, S. S. Turkish-Russian Relations in 21st Century : Problems of Development.....	482
Fidarova, K. K., Khablieva, L. Ch., Kalabekova, S. V. Labor Mobilization in Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic during Great Patriotic War.....	497
Shevchenko, I. A., Zemtsov, L. I. Fight for Sobriety in Russia at Beginning of 20th Century: Discussion on Low-Alcohol Beverages.....	517
TO AUTHORS.....	533

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru**.

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 12, выпуск 8, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 8, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 20.11.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 32,19. Тираж 500 экз. Заказ 20/11-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

